КЭТРИН АЗАРО

ИНВЕРСИЯ ПРАЙМЕРИ
УКРОТИТЬ МОЛНИЮ

ИНВЕРСИЯ ПРАЙМЕРИ
УКРОТИТЬ МОЛНИЮ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

КЭТРИН АЗАРО

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

CATHERINE

ASARO

PRIMARY INVERSION

CATCH THE LIGHTNING

КЭТРИН

АЗАРО

ИНВЕРСИЯ ПРАЙМЕРИ

УКРОТИТЬ МОЛНИЮ

АСТ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРМАК
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
А35

Серия основана в 1999 году

Catherine Asaro
PRIMARY INVERSION
1995

CATCH THE LIGHTNING
1996

Перевод с английского Н. Кудряшова («Инверсия праймери»), А. Бушуева и Т. Бушуевой («Укротить молнию»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Spectrum и Nova Littera Ltd.

Подписано в печать 30.05.03. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 8000 экз. Заказ № 1202.

Издание подготовлено при участии А/О «Титул»

Азаро К.

А35 Инверсия праймери. Укротить молнию: Фантаст. романы: Пер. с англ. / К. Азаро. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 717, [3] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-018795-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0038-X (ЗАО НПП «Ермак»)

Космические приключения в далеком будущем.

Сколианская Империя сражается за власть в галактике, используя все средства: интриги, подкуп, предательство...

Но самое главное ее оружие Джагернауты — непобедимые элитные отряды эмпатов, для которых нет ничего невозможного.

Как же используют Джагернауты тайну, от которой зависит судьба человечества?

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Catherine Asaro, 1995, 1996
© Перевод. Н. Кудряшов, 1996
© Перевод. А. Бушуев, Т. Бушуева, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

ИНВЕРСИЯ ПРАЙМЕРИ

Моему мужу, Джону Кендаллу Каниццо, с любовью

Часть 1
ДЕЛОС

1. ЗАПОВЕДНЫЙ ОСТРОВ

Хотя о существовании Делоса я знала с детства, сама я оказалась на планете впервые. Делос входит в Союз Миров Земли, неуклонно сохраняющий нейтралитет в войне купцов с нами, сколийцами. При том, что все мы — земляне, купцы и сколийцы — люди, между нами не так много общего. Возможно, поэтому Земля провозгласила Делос нейтральной зоной, заповедным местом, где солдаты купцов и сколийцев могли бы тихо и мирно встречаться. В трогательной гармонии.

«Гармония» — их слово, не наше. На деле ни одного из нас никогда не увидишь беседующим с солдатом купцов — в гармонии или без.

Однако Делос оказался ближайшей обитаемой планетой к тому сектору космоса, где мы проводили учебные полеты, натаскивая нового члена нашего отряда, Тааса. Вот мы и отправились туда отдохнуть и расслабиться немного.

Теплым вечером мы вчетвером шагали по Аркаде. Вдоль тротуаров выстроилась бесконечная череда кафе и магазинчиков с карнизами, увешанными стрекотавшими на ветру деревянными трещотками и разноцветными лентами. Каждую остроконечную крышу венчал устремленный в небо шпиль с нанизанными на него металлическими пластинами; их лязганье смешивалось с шумом толпы. Город смеха и праздников, рай для загорелых женщин в ярких платьях и преследующих их крепких юношей.

Нервоплексовое покрытие шевелилось у нас под ногами, от чего я то и дело стискивала зубы. Никогда не понимала

страсть большинства людей к этой штуке. Нет, неправда. Понимала, хотя и не разделяла ее. Считалось, что нервоплекс повышает комфорт. Вплетенная в него паутина молекулярных волокон и микроскопических компьютерных схем реагировала на прилагаемые к нему усилия, регулируя пружинящую реакцию тротуара в зависимости от интенсивности пешеходного потока.

Справа от нас в небольшом скверике люди толпились вокруг пары борцов в красном и зеленом трико. Люди подпрыгивали и пританцовывали от возбуждения, а нервоплекс подкидывал их, усиливая восторг.

Наша четверка — Рекс, Хильда, Таас и я — шествовала сама по себе. Жаль, что мы были не в штатском. В конце концов мы же не на дежурстве. Все же на нас были мундиры Демонов: черные брюки, заправленные в высокие черные бутсы, черные рубахи под черными куртками. В яркой толпе мы выделялись словно торчащие из воды камни, и подобно обтекающему их потоку толпа пешеходов раздваивалась, пропуская нас. В толпе преобладали земляне — люди, которым редко удается увидеть хоть одного живого Демона, не говоря уж о четырех сразу.

— Тебе полагалось бы покричать немного с пеной у рта, Соз, — покосился на меня Рекс с ехидной улыбкой. — Здесь бы в минуту никого не осталось!

Я недовольно посмотрела на него. Образ Демонов-берсеркеров давно уже сделался почти обязательной деталью приключенческих голофильмов, на чем разбогатело не одно поколение продюсеров. Нас — Демонов, элитных пилотов космического флота Сколии.

— Я твой собственный рот пеной запечатаю, — буркнула я в ответ.

Рекс улыбнулся:

— Звучит соблазнительно.

— Помните Гарта Байлера? — чуть хрипло спросила Хильда.

— Он поступил в Джеханскую военную академию в год, когда я ее оканчивал, — покопался в памяти Рекс.

Хильда кивнула. Ростом она не уступала Рексу, заметно возвышаясь над нами с Таасом. Ее шевелюра обрамляла лицо копной сена.

— Так вот, он прошел через душеспасителей.

Невроплекс застыл у меня под ногами. Я замедлила шаг, пытаясь прийти в себя. Собственно, причины так напрячься у меня не было: душеспасителями на нашем жаргоне именовались врачи-психиатры, лечившие тех из Демонов, кто не выдержал нечеловеческих нагрузок этой войны. Правда, когда кто-то из нас и лишается рассудка — что имеет место гораздо чаще, чем признает штаб Космофлота, — это происходит обычно тихо: все насилие, как правило, обращается внутрь, а не на остальных людей.

— И что с ним случилось? — поинтересовался Таас.

— Отправили в госпиталь, — ответила Хильда. — Потом он вышел в отставку.

Я терла лоб рукой, не в состоянии дальше следить за разговором. Мой пульс и дыхание участились, на висках выступил пот. Что со мной?

И тут я увидела. С той стороны Аркады за нами наблюдали двое: молодой человек и женщина, оба — в джинсах и блестящих рубахах. Они походили на студентов или влюбленную пару на прогулке. Ни тот, ни другая не улыбались. Они просто стояли и смотрели на нас, забыв про пакеты хрустящей соломки в руках.

Что-то словно стянуло мне грудь стальным обручем. Я остановилась и сделала глубокий вдох. *Блок*, подумала я.

Я не получила ожидаемого ответа. Все, что я увидела, отдав команду «Блок», — это псимвол, маленькую картинку, похожую на компьютерный символ, только мысленную. Ей полагалось мигнуть и исчезнуть. Вместо этого в моем сознании проявилась страница компьютерного меню. Я зажмурилась, и меню заколыхалось словно пятна от яркого света на сетчатке. Когда я открыла глаза, мое восприятие сместилось, так что меню теперь висело в воздухе у меня перед лицом наподобие топографического изображения. В меню выделились три команды:

Перенос
Блок
Выход

Шрифт был мой, персональный; слова казались вырезанными из янтаря. Перед словом Блок я увидела изображение нейрона со стенкой между стволом и разветвленными оконча-

ниями — псимвол «Блок», которого я ожидала с самого начала. Вместо этого он парил в воздухе передо мной как часть обширного меню. Рекс и Хильда остановились, продолжая разговаривать как ни в чем не бывало и не обращая внимания на накладывающийся прямо на них список слов и символов.

У землян есть хорошее название для таких ситуаций: дикий бред. Еще лучше — бред сивой кобылы (интересно, что это за кобыла такая?). Что делает это меню в воздухе перед моим носом? Нет, неверно. Я знала, что оно здесь делает. Его выдал компьютерный центр, вживленный мне в позвоночник, когда я послала ему команду «Блок». Меню — результат его прямого воздействия на мой зрительный нерв.

Все правильно. За одним исключением: этого не могло быть. Очень уж неэффективно — не говоря о том, что не вовремя, — проходить всю цепочку проверок каждый раз, когда я отдаю команду своему центру. Мне полагалось увидеть только мигающий псимвол «нерв-стена», извещающий о том, что центр принял мою команду.

Я до сих пор думала о компьютере в моем позвоночнике как о центре. Обычно я давала прозвища всем компьютерам, с которыми мне приходилось работать. Но не этому. Согласитесь, давать имя самой себе — это уж слишком. Так и до раздвоения личности недолго.

Я подумала и послала центру еще одну команду:

Переключиться на ускоренный режим.

Ответ прочитался в моем мозгу так, будто это была моя собственная мысль, только выраженная казенным компьютерным языком: Рекомендуется режим проверки. С момента прохождения последней подтвержденной команды на постановку блока прошло слишком много времени.

Ясно. Проверяться хочет. Я знала, что это означает: центр скрупулезно покажет мне каждый свой шаг выполнения команды. Обычно этот процесс протекает почти со скоростью света, с которой сигнал передается по оптическим волокнам в моем теле. Теперь мне предлагалось созерцать весь процесс в действии, дабы убедиться в отсутствии ошибок.

Ладно, подумала я. *Производи проверку.*

Меню исчезло. Перед глазами у меня возникло другое изображение. Оно тоже висело в воздухе подобно голограмме: голубые силуэты двух студентов, не отводивших от нас взглядов.

Центр наложил силуэты на реальное изображение, так что их фигуры казались мне светящимися.

Эмоциональное воздействие этих источников приближается к опасному уровню, сообщил центр.

Сама знаю. Для эмпата вроде меня их «воздействие» означало только одно: страх. Страх такой интенсивности, что пот, выступивший на висках, стекал мне на шею.

Заблокировать воздействие!

Выделяю вещество, подавляющее воздействие псиамина на мозговые клетки, включая рецепторы Р1. Выделение будет продолжаться до тех пор, пока воздействие не понизится до безопасного уровня.

Я поморщилась. *Ты что, не можешь просто сказать, что блокируешь его?*

Я его блокирую, нехотя согласился центр.

Воспринимаемый мною страх ослабевал. Я повела плечами, снимая напряжение; сердцебиение тоже успокаивалось. *Команду подтверждаю. Переключиться на ускоренный режим.*

Появился символ ускоренного режима работы.

Наконец-то. Я посмотрела на остальных. Ближе всех ко мне стоял Таас, не сводивший глаз с башенки дома напротив. Страх студентов окутывал его раскаленной аурой.

Я положила руку ему на плечо:

— Выключи их к черту.

Он не пошевелился. Его лицо под обычной оливковой окраской заметно побледнело.

— Это приказ, — настаивала я. — Задействуй блокировку.

Таас вздрогнул, потом зажмурился. Секунду спустя он открыл глаза и посмотрел на меня; цвет его лица постепенно восстанавливался.

— Ты как, ничего? — спросила я.

— Да. — Он неуютно передернул плечами. — Очень сильные эмоции. Они застали меня врасплох.

— Меня тоже.

Рекс переводил взгляд с меня на Тааса и обратно. Потом повернулся к студентам, и я ощутила, как он блокирует их излучение. Хильда стояла дальше всех от меня, но, судя по ее отсутствующему взгляду, она тоже отдавала команду своему центру. Проблем с блокированием у них не возникало: их центры явно не отвлекались на проверку.

Что ж, я сама и виновата. Кто, как не я, потребовал от своего центра, чтобы он проверял все редкие команды.

— Не пойму, почему я поздно обратил на это внимание, — негромко произнес Таас.

— Это все чертов нервоплекс. — Я махнула рукой в сторону тротуара. — Он взаимодействует с толпой, усиливая эмоции. — Мы с Таасом оказались наиболее чувствительны к эффекту; он — как наименее опытный член группы, я — как самый сильный эмпат.

— Почему эти двое так расстроены? — Хильда ткнула пальцем в студентов. — Что, они думают, мы им сделаем?

— Мне осточертело провоцировать эту эмоцию, — необычно тихим голосом произнес Рекс, запустив пятерню в темные волосы. Нет, уже не совсем темные. С каждым днем седых волос в его шевелюре становилось все больше и больше.

И все же что случилось? Почему Таас так дурацки улыбается?

— Что смешного? — подозрительно спросила я.

— Мэм? — покраснел он.

— С чего это ты так разулыбался?

Улыбка мгновенно испарилась.

— Ничего, мэм.

Я рассмеялась:

— Таас, я же просила не обращаться ко мне «мэм». — В маленьких, тесно связанных группах вроде нашей нет нужды соблюдать формальности. — Так что смешного?

Он поколебался, потом махнул рукой в сторону студентов.

— Этот паренек реагирует на вас не так, как на остальных.

— Не так? — удивилась я. — Как же?

— Ему кажется, что вы... э-э...

— Что?

Таас покраснел сильнее:

— Ему кажется, что вы очень сексуальны.

Я почувствовала, как мое лицо тоже заливает краска.

— Но я же ему в матери гожусь!

— Ха! — хихикнула Хильда. — На вид ты куда моложе, Соз.

— Вот и неправда, — улыбнулась я. По правде говоря, Хильда первая сказала мне это.

Рекс ухмыльнулся, и я почувствовала, как Таас немного расслабился. Вся наша компания вроде бы успокоилась. Рекс открыл рот, чтобы сказать что-то, и его улыбка исчезла, слов-

но дверь захлопнулась, а взгляд уставился куда-то за моей спиной. Я резко повернулась.

Купцы.

Разумеется, сами они себя купцами не называли. На самом деле они были эйюбиане, члены так называемого Содружества Эйюбы. Их было пятеро, все в серой форме с синими лампасами на брюках и алым кантом на рукаве. С такого расстояния я не могла разглядеть цвет их глаз, хотя вряд ли кто из них принадлежал к красноглазым аристо — членам высшей касты в строгой эйюбианской иерархии. Один из них отличался характерными для аристо четкими чертами, черными волосами, даже грацией. И все же в нем не хватало неуловимой отточенности аристо.

Возможно, это телохранители какого-то аристо. Для представителя низших каст купцов это, возможно, наивысшая социальная позиция. Я решила, что это исполнители, дети, рожденные от связи аристо с представителем низшей касты.

Они стояли на другой стороне улицы и смотрели в нашу сторону. Между нами бурлила обычная для Аркады толпа.

Меня охватил непривычный, иррациональный страх; пульс снова участился. Я огляделась по сторонам и увидела женщину, торопливо уводящую нескольких детей подальше от двух наших групп. Она тоже оглянулась, перевела взгляд с купцов на нас и приказала своим отпрыскам поторапливаться. Младший захныкал, пытаясь задержать ее у витрины со сладостями. Женщина подхватила его на руки и, не обращая внимания на его громкий рев, скрылась в толпе.

— Как смеют они разгуливать здесь? — возмутился Таас.

— Ты что, хочешь, чтобы они получали специальное разрешение? — спросила Хильда. — Мы же пребываем в гармонии, ты что, забыл?

— Но они могут здесь шпионить! — не унимался Таас.

Рекс не сводил с меня глаз.

— Что не так?

Я судорожно глотнула:

— Тот, высокий. Он похож на Тарка.

Рекс напрягся:

— Но Тарк мертв.

Давно уже мертв. Десять лет как мертв. Я сама его убила.

— Кто такой Тарк? — удивилась Хильда. — Похоже на имя аристо.

Каким-то образом мне удалось совладать со своим голосом.

— Это и есть имя аристо.

Рекс коснулся моего сознания. За годы совместной работы мы с ним сблизились настолько, что я могла улавливать его мысли, если он направлял их в мою сторону с достаточным усилием.

С тобой все в порядке?

Я перевела дыхание, успокаивая пульс. *Да.*

— Откуда ты знаешь этого Тарка? — поинтересовалась Хильда.

— Я проникла подпольно на Тамс. Десять лет назад.

— Тамс? — переспросил Таас. — Вы хотите сказать, на планету купцов?

Я кивнула:

— Меня... меня схватили.

— Вас что, раскрыли?

— Нет. Меня поймали не так. — Мне пришлось сделать паузу, прежде чем продолжить: — Десять лет назад новым губернатором Тамса аристо назначили человека по имени Крикс Тарк. Его солдаты устраивали в городах облавы с целью набрать слуг ему в поместья. — «Слуги» у аристо означали практически всех во Вселенной, не принадлежавших к их касте. — Меня взяли именно во время такой облавы.

Таас пораженно уставился на меня:

— Вы были *слугой* у купца?

— Не слугой, — ответила я со спокойствием, какого сама от себя не ожидала. — Источником.

Таас побледнел и отвернулся. Хильда стиснула кулаки, от чего даже под курткой рельефно проявились мускулы. «Источник» — обычный термин аристо, о котором мне не хотелось бы даже вспоминать.

— Как тебе удалось бежать? — Хильда повела плечами словно борец, пытающийся снять напряжение.

Я только покачала головой. Я не могла говорить об этом. Купцы продолжали переговариваться, глядя на нас.

— Простите меня, праймери Валдория. Насчет Тамса.

Я старалась, чтобы мой голос звучал беззаботно.

— Таас, зови меня просто Соз, ладно? — Я просила его об этом столько раз, что уже сбилась со счета.

Он покраснел.

— Слушаюсь, мэм.

Моего сознания коснулась мысль Хильды — гораздо слабее, чем это получалось у Рекса: *Я тоже прошу прощения.* Потом уже спокойнее: *Дай мальчику время. Ты пугаешь его до мурашек.*

Мурашек? удивился Таас.

Рекс послал им мысленную улыбку. *Мурашки — живые или неодушевленные?*

Я попыталась улыбнуться в ответ. Я понимала, что Рекс хочет снять напряжение. И мне стоило бы радоваться: в первый раз Таасу удалось связаться с нами мысленно без помощи корабельной аппаратуры. И все же я не могла оторвать глаз от купцов. Они пошли дальше, то и дело оглядываясь на нас.

— Похоже, мы их раздражаем, — заметила Хильда.

— Но мы же не можем отпустить их просто так? — Таас нетерпеливо переминался с ноги на ногу, словно игрок в мяч, ожидающий движения соперника.

— На каком основании? — поинтересовалась я.

— Они же купцы, — переживал Таас. — Разве этого недостаточно?

Я качнула головой в сторону полицейских-землян, на всякий случай подтянувшихся поближе к нам.

— Не уверена, что они с тобой согласятся...

— Если бы не мы, купцы давным-давно разделались бы уже с Союзными Мирами, — упорствовал Таас.

— Если бы нам не приходилось отвлекаться на купцов, — возразила я, — мы и сами давным-давно могли бы овладеть Союзными Мирами.

Таас наморщил лоб.

— Разве вы не ненавидите купцов? Особенно после... — Он запнулся.

— Уличные драки ничего не решают. Тем более что они здесь запрещены.

— У нас есть занятия и приятнее, хойя. — Хильда хлопнула Тааса по плечу. — Лично я не прочь выпить.

Я так и не знаю точно, что на языке Хильды означает «хойя»; судя по всему, что-то вроде «милый мальчик». Таасу еще предстоит понять, что это слово не простая тарабарщина. Вот интересно будет посмотреть на Хильду, когда она будет объяснять Таасу, почему называет его милым мальчиком.

— Эй, Хильда, хойя, ты хочешь напиться? — ухмыльнулся Рекс.

— Сам хойя, — буркнула Хильда, но тут же улыбнулась. — Ну, по крайней мере несколько стаканчиков.

— Я тоже не против выпить чего-нибудь, — согласилась я. Чего-нибудь покрепче, отшибающего память...

Ночь уже час как теснила закат, сужая полоску розово-красного неба на горизонте. Сутки на Делосе длятся шестьдесят два часа, и закат соответственно тоже кажется бесконечно долгим. Народу на Аркаде прибавилось: люди пользовались возможностью отдохнуть от дневной жары. Не так просто переносить тридцать часов непрерывного солнечного света, так что единственными по-настоящему комфортными оставались вечерние и ночные часы, а также раннее утро.

Небо над нашими головами окрасилось в темно-лиловый цвет. В спектре излучения делосского солнца больше ультрафиолета, чем у большинства звезд с обитаемыми планетными системами, да и атмосфера Делоса почти не рассеивает его. Даже находясь на уровне моря, здесь ощущаешь себя как на высокой горной вершине. У горизонта толпились легкие облака, подкрашенные снизу в розовый цвет, темневший по мере того, как на крыши Аркады надвигалась ночь.

Мы шли вдоль бесконечной череды баров. В сумерках ярко светились головывески: ослепительно розовый цветок, зависший над дверью, кружащиеся в хороводе золотые жуки, гроздь зелено-голубых планет, обращающихся вокруг огромной голубой звезды... Головывески, голореклама — вся улица была заполнена круговертью световых и цветовых пятен. По стенам зданий вверх и вниз носились, разбрызгивая искры и меняя очертания, самые фантастические животные.

На нас обрушивались потоки музыки — то буйно-веселой, то протяжной. По мере приближения к очередной двери звуки усиливались, но стоило нам пройти мимо, как они слабели и пропадали в уличном шуме. К этому добавлялись крики зазывал, вещавших на самых разных языках Союзных Миров. Те, чьи возгласы я могла разобрать, пытались соблазнить проходящих напитками, курительными палочками и зернами масляничных растений, уводящими в мир мечты или заставляющи-

ми тебя заниматься любовью без устали много часов подряд. В воздухе висел аромат жареного мяса и пряностей.

Большинство головывесок было мне непонятно. Потребовав у центра меню-переводчик, я решила опробовать его на красивой вывеске, гласившей: «КОНСТАНТИНИДЫ».

Перевод, скомандовала я.

Греческий язык, ответил центр. Перевод: Константиниды.

— Очень ценная информация, — пробормотала я себе под нос.

— Так куда зайдем? — спросила Хильда.

Я ткнула пальцем в сторону облезлого здания. Крыша его украшалась единственным шестом с проржавевшими почти насквозь пластинами, жалобно дребезжавшими на ветру. Головывеска над входом была на английском языке — единственная, которую я могла прочесть без переводчика.

— «У ДЖЕКА», — объявила я.

— Напоминает древнюю Землю, — заметил Рекс.

— Скорее уж древнюю развалину, — фыркнула Хильда.

— Пошли, Хильда, — рассмеялся Рекс. — Не бойся.

— Но почему именно сюда? — допытывалась она.

— Потому, — ответил Рекс, — что здесь замечательно воссоздана атмосфера древней Земли.

— А это так уж хорошо?

— Зайдем и увидим, — улыбнулась я.

Итак, мы зашли внутрь. Вдоль одной из стен тянулась потемневшая от времени деревянная стойка. Стулья рядом с ней были обшиты лоснившейся от долгой эксплуатации красной тканью. Остальную часть помещения занимали столики, покрытые красными и белыми скатертями. За стойкой стоял человек, протиравший стакан; на рубахе и белом фартуке виднелись жирные пятна.

На эстраде в углу играл маленький оркестр. Инструменты были мне незнакомы: тыквообразные коробки с натянутыми струнами, золотые трубы с выдвигающимися и задвигающимися секциями, толстые барабаны. Тем не менее звук получался приятный, а ритм располагал к танцу с молодым человеком, певшим что-то лирическое. На экранах над эстрадой мелькали яркие голомультики.

У столиков нас поджидала женщина в короткой юбке. При виде ее Таас расплылся в улыбке.

— Мне здесь нравится, — заявил он.

— Давайте-ка займем столик, — предложил Рекс.

Хильда улыбнулась Таасу и мотнула головой в сторону официантки.

— Хорошенькая, да? Давай не будем драться. Прибережем это для купцов. Я все равно сильнее и больше тебя.

— Что? — выпучился на нее Таас.

— Она не хочет драться с тобой из-за официантки, — объяснила я.

— Но почему я должен драться с Хильдой из-за официантки?

Я пожала плечами. Я плохо разбираюсь в женской красоте. Другое дело — в мужчинах. Мне официантка представлялась просто слишком юной девицей в слишком тесной юбке. Должно быть, эта штука здорово затрудняет кровообращение.

Рекс рассмеялся:

— Может, нам троим стоит предложить себя ей — пусть выбирает.

— С чего это ты взял, что она вообще выберет кого-то из вас? — улыбнулась я.

— А почему троим? — так и не понял Таас.

— Я, ты, Рекс. Ясно? — терпеливо объяснила Хильда.

Таас сделался совсем пунцовым.

— Так тебе нравятся женщины? Не мужчины?

— Ну разумеется, — ответила Хильда.

— Ох. — Таас почесал подбородок. — Ладно. Возможно, ты и сильнее меня, зато я стильный.

Официантка подошла к нам и, запинаясь и краснея, обратилась по-английски к Рексу:

— Вам нужен столик?

— Не понимаю ни слова из того, что ты говоришь, — ответил Рекс по-сколийски с самой вредной своей улыбкой, — но голос у тебя красивый.

— Она говорит, что нам нужен столик, — перевела я.

Хотя, видит Бог, нам нужен был не столик, а выпивка. Я включила программу перевода. Меню висело в воздухе на фоне официантки, переводившей испуганный взгляд с меня на Тааса, а с Тааса на Хильду. Вполне возможно, у меня на лице было такое же отсутствующее выражение, как у них.

Не спеши, посоветовал мне мой центр.

Рекс снова улыбнулся официантке.

— Они просто медитируют, — объяснил он по-сколийски.

Она, моргая, смотрела на него, потом огляделась в поисках кого-нибудь, кто мог бы прийти ей на помощь.

Переведи: «Мы хотим выпить и закусить», подумала я.

— Чем могу служить вам? — спросила официантка у Рекса. Перевод ее слов на сколийский прозвучал у меня в уме, помешав сформулировать ту фразу, что я собиралась произнести по-английски. Официантка тем временем краснела все сильнее.

— Черт, — пробормотала я.

Мой центр создавался для боя, не для перевода. Как знать, может, мне и стоило бы добавить к нему модуль с дипломатическими познаниями. Я держалась бы в обществе гораздо свободнее, да и непосредственно в общении это не помешало бы. Однако мой центр был под завязку нагружен модулями с военной информацией, и я не имела ни малейшего желания заменять хоть один из них. В конце концов от этого может зависеть моя жизнь. И расширять его объем мне тоже не хотелось. Моя биомеханическая система и так достигла предела возможностей современной технологии.

И вдобавок мне вовсе не мешает попрактиковаться в английском без подсказок на ухо.

Конец программы, подумала я. Меню исчезло, а я обратилась к официантке на лучшем английском, который смогла выжать из себя без посторонней помощи.

— О'кей мы сесть здесь? — махнула я рукой в сторону столика у дальней стены.

— Разумеется. — Ее лицо понемногу приобретало нормальный цвет, а на моих щеках, напротив, заиграл румянец. Она покосилась на Хильду с Таасом, взгляды которых снова сделались более или менее осмысленными, и слегка расслабилась. Я — тоже.

Она взяла со стойки несколько меню и направилась к выбранному нами столику. Мы двинулись следом; она оглянулась на Рекса и снова зарделась.

Проследив ее взгляд, я вдруг заметила, как тесно облегают брюки ноги Рекса. Штанины казались его собственной черной кожей, пугающей и возбуждающей одновременно. И еще руки. Что ощущают они, когда...

— Чего ты на меня уставилась? — спросил Рекс.

— Что? — Теперь вспыхнула я. — Я ничего. — *Блок.* Перед глазами вспыхнул псимвол «Блок», и реакция девочки-официантки на Рекса ослабла в моем мозгу. Его штаны снова показались мне обычными. Ну, почти обычными. Девочка права: они сидят на нем очень возбуждающе. До сих пор я не замечала этого; по крайней мере не отдавала себе в этом отчета.

— Вот так всегда, — пробормотала Хильда. — Вечно они сходят от него с ума.

— Ты имеешь в виду — от Рекса? — спросил Таас.

— Ага. Всегда. — Она кивнула на меня. — А парни сходят с ума по ней.

Я рассмеялась:

— Помню несколько случаев, когда парни хотели и его тоже...

От моего смеха официантка подпрыгнула, как пугливая коза, уронив на исцарапанный столик стопку меню. Потом замерла, глядя на нас. Мы тоже замерли в ожидании, что она будет делать дальше. Щеки ее снова пылали.

— Она хочет, чтобы мы сели, — предположил Таас.

— Тогда сядем. — Рекс проскользнул мимо нее, невзначай коснувшись рукой ее тонкой талии. Ее щеки сменили цвет с красного на темно-бордовый. Мы расселись.

— Вы хотели выпить? — спросила она у Рекса.

— При звуках твоего голоса мне хочется обнимать тебя ночь напролет, — ответил он. По-сколийски, разумеется.

— Если он тебе надоел, — добавила Хильда, — можешь заняться нами. — Она похлопала по плечу сидевшего рядом Тааса. — У него есть стиль, у меня — мускулы.

— Простите? — переспросила официантка по-английски.

— Оставьте ее в покое, — сказала я и взяла меню. Заголовок «У ДЖЕКА» был набран из маленьких трубочек, наполненных желтым светящимся газом. Над строчками висели в воздухе трехмерные изображения блюд.

Я выбрала строчку «Гамбургер» и справилась у своей программы перевода. «Сандвич с синтетическим мясом». Я попробовала «хот-дог» и получила в ответ также «Сандвич с синтетическим мясом». Когда программа точно так же перевела еще и «биг-мак», я сдалась. Может, у Джека ничего больше не подают? Я посмотрела на остальных.

— Что хотите?

— Сойдет эль, — предложил Рекс. Хильда и Таас согласно кивнули.

— Вы есть эль? — спросила я официантку по-английски.

— Простите? — не поняла она. — Что вы сказали?

— Эль, — повторила я. — Есть у вас?

— Вы имеете в виду пиво?

— Я подумать, — покосилась я на нее.

— Темного или светлого?

Что бы это значило?

— На ваш укус. — Нет, неверно. Она снова покраснела. Я попыталась еще раз: — На ваш вкус. — Я махнула рукой в сторону остальных. — Четыре пива.

— Олл райт. — Она ушла, одарив Рекса еще одной застенчивой улыбкой.

Входная дверь отворилась, и в бар вошла новая группа посетителей. На этот раз мои плечи напряглись от моей собственной реакции.

Купцы. Теперь их стало шестеро: пятеро тех, кого мы видели на улице, и тот, кого они охраняли. Человек с блестящими черными волосами и красными глазами.

Аристо.

Увидев нас, купцы замерли. Мы молча смотрели друг на друга. Бармен прекратил протирать стакан и убрал его под стойку.

«Ты их ненавидишь?» — спрашивал Таас. Ненависть — слишком мягкое выражение. При виде аристо в моем мозгу вспыхнули воспоминания о Тарке, губернаторе Тамса. Три недели пыток. Этот аристо смотрел на меня своими безупречно красными глазами, расслабив свое безупречное тело. Его безупречно черные волосы сияли. Мне хотелось переломать все безупречные кости его безупречного лица.

Спокойно, напомнила я себе. *Спокойно.*

Один из телохранителей наклонился к нему и сказал что-то. Мне не понадобился телепатический дар, чтобы понять: он предлагает поискать бар с более приемлемой клиентурой. Однако аристо отрицательно мотнул головой. Потом сел на стул у стойки.

— Я не могу сидеть здесь и смотреть, как они будут пить. — Таас комкал в руках меню. — Не могу, и все.

— Пошли отсюда, — кивнул Рекс.

Хильда встала.

— Сядь, — сказала я.

Все трое уставились на меня. Потом Хильда села. Я почувствовала, как Рекс пытается прощупать, что у меня на уме, но держала дверь на замке. Сказать, что я хотела остаться в этом баре, было бы по меньшей мере ошибочно, но и позволить себе уйти я не могла.

— Аристо не прилетают на Делос просто так, отдохнуть, — сказала я. — Он здесь по делу. Наша работа — узнать, по какому.

На шее Рекса пульсировала жилка. Это у него с тех пор, как он увидел, что сделал со мной Тарк. Тогда, на Тамсе, я от боли, шока и ужаса не могла даже говорить.

Хильда пошарила руками у пояса, где обычно висела кобура. Однако сейчас у нас не было с собой ничего, если не считать маленьких ножей. Даже без модуля дипломатических познаний в центре я понимала, насколько безрассудным было бы разгуливать по Делосу с дезинтегратором на бедре.

При первой встрече купцы тоже показались нам безоружными. Однако теперь им было кого охранять — кого-то, занимающего в их сложной социальной иерархии достаточно высокое положение, чтобы на поясах у них красовались боевые лазеры с блоками питания.

— Просто наблюдайте, — продолжала я. — Вдруг узнаем что-нибудь важное.

У нашего столика вновь возникла официантка и поставила передо мной стакан с янтарной жидкостью. Я не очень-то разбираюсь в технологии перегонки спиртного. Но не настолько, чтобы не отличить пиво от рома.

Должно быть, мой английский оказался даже хуже, чем я опасалась. Я замотала головой.

— Мы пиво хотеть, — повторила я. — Пиво. Для всех.

Она замялась.

— Это, — ее голос сорвался, — это тот человек. Он заказал это для вас.

— Какой человек?

— Вот он. — Она кивнула в сторону аристо.

Я непонимающе уставилась на нее. Потом вернула ей стакан. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы ром при этом не расплескался.

Рекс поднялся с места и взял у нее стакан. Обвив рукой ее талию, он проводил ее к стойке, где оставил стакан, потом вывел в дверь, открывавшуюся, как я поняла, на кухню. Я догадалась, зачем он сделал это: если она и на аристо оказывала такое же действие, как на нас, ей могут грозить неприятности.

Но аристо даже не покосился в ее сторону. Он не отрываясь смотрел на меня. От его взгляда мне показалось, будто у меня по коже ползают жуки.

Таас все комкал свое меню, отчего голографические изображения слились в бесформенную пеструю массу.

— Что мы должны делать?

— Запоминайте все, что касается их манер и внешности, — приказала я. — Как они одеваются, как сидят, как разговаривают. Отложите все это в своих блоках памяти. Позже мы перекачаем данные в Сеть и посмотрим, что это нам даст.

Хильда покосилась на голографические картины в углу.

— Оттуда у меня будет лучший обзор.

— Давай, — кивнула я.

Музыканты в углу как раз кончили петь. Они встали и посмотрели сначала на купцов, потом на нас, потом друг на друга. Ударник шепнул что-то трубачу, и неожиданный импульс «пора делать ноги!» подхлестнул меня так, будто я сама приготовилась бежать. Мне пришлось напрячь волю, чтобы остаться на месте.

С другой стороны, оставаться на месте, возможно, не лучшее решение. С эстрады вид на группу купцов куда лучше.

— Я могу контролировать эту часть помещения, — сказал Таас.

— Отлично. — Я чуть улыбнулась. — Я пойду закажу еще музыку.

Шагая через бар, я ощущала на себе взгляд аристо. Подойдя к эстраде, я обратилась к певцу, парню с темными волосами:

— Можете петь вы песня?

— Какую вы бы хотели?

— На ваш вкус.

Он кивнул, но мне показалось, что больше всего ему хотелось одного: чтобы все мы — и купцы, и мой отряд — ушли прочь. Я не обижалась на него.

Музыканты пошептались и заиграли снова, на этот раз медленную, лирическую мелодию. Темноволосый парень запел хо-

рошо поставленным баритоном. Будь ситуация другой, мне она понравилась бы.

Боковым зрением я следила за группой купцов. Аристо встал и направился ко мне. Когда он оказался совсем близко, я повернулась и встретила его лицом к лицу.

Он остановился передо мной и заговорил на чистом, почти лишенном акцента сколийском.

— Красиво, не правда ли? — Акцент выдавал аристо, чистокровного аристо из наивысшей касты хайтонов, верховных правителей в иерархии аристо.

Мне пришлось заговорить — иначе я, возможно, не удержалась бы от того, чтобы вытащить спрятанный в подошве нож.

— Что вам нужно?

— Посмотреть на вас.

— Зачем?

Он поколебался, прежде чем ответить:

— Я не хотел ничего дурного.

Что-то тут не так. Мне приходилось иметь дело со многими аристо; как правило, по радио, но я встречалась с ними и лично во время отчаянных и безуспешных попыток заключить перемирие. Они всегда говорили свысока, со снисходительностью, граничащей с презрением. Этого же, казалось, не научили держать себя повелителем.

Впрочем, к его телохранителям это никак не относилось. Они стояли, готовые в любую секунду открыть огонь. Должно быть, аристо приказал им держаться поодаль, иначе они никогда бы не допустили, чтобы Демон беседовал с ним один на один. *Блок*, подумала я, отсекая излучаемые ими враждебные эмоции. Псимвол «Блок» продолжал мигать, предупреждая о том, что охраняющие меня системы работают на пределе возможностей. Еще немного — и количество выделяемого центром подавителя чувствительности нейронов начнет мешать мне думать ясно.

Все остальные посетители бара либо поспешно ушли, либо попрятались по углам. Рекс вернулся, держа в руках здоровый нож с кухни. Таас и Хильда тоже выхватили из подошв свои ножи. На четверых нас с ножами приходилось пять купцов с лазерами. Правда, у нас имелось одно преимущество: аристо находился в пределах моей досягаемости. Заложник из него получился бы хоть куда.

— Зачем вы хотели видеть меня?

— Ваши волосы... — Его лицо просветлело. — Я в жизни не видел ничего подобного.

Я оцепенела. Тарк тоже говорил мне это. Мои волосы: что в них такого? Черные, вьющиеся, чуть ниже плеч. Только примерно в двух третях длины они меняют цвет на темно-каштановый, а концы почти золотые. Тарка это восхищало. Может, этот аристо тоже ищет Источников? Он был молод, ненамного старше двадцати, но и этого уже более чем достаточно. Аристо обыкновенно берут себе первых Источников, достигнув половой зрелости.

Что-то в нем было не так. Я никак не могла понять, что именно. Точеные черты лица не оставляли сомнений в его принадлежности к хайтонам. Его акцент, его осанка, его голос — все было настоящим. И все же что-то было не так.

— Что вам до моих волос? — спросила я.

— Они прекрасны. — Он тряхнул головой. — Вы прекрасны. Зачем вам быть солдатом?

У меня в памяти снова возникла картина: Тарк тычет в меня своим длинным пальцем. «Вот эту. Я хочу вот эту!»

Мне пришлось собраться, чтобы голос не выдал меня:

— И полагаю, вы были бы рады предложить мне что-то другое, верно?

Он улыбнулся:

— На один этот вечер почему бы и нет? В конце концов мы же на Делосе. Неужели мы не могли бы хоть одну ночь побыть друзьями?

Все верно, подумала я. Аристо общаются только в пределах собственной касты. Мы нужны им только в качестве объекта для бартера. Неужели он и впрямь верит, что я пойду с ним? Я никогда больше не увижу свободы.

— Нет, спасибо, — ответила я. — Сегодня я занята.

Это, казалось, огорчило, но не удивило его.

— Ладно. Быть может, как-нибудь еще... — Он поклонился и вернулся к своим. На моих глазах телохранители окружили его, и они вышли.

Только когда дверь за ними закрылась, до меня дошло, что он в самом деле поклонился мне. Аристо кланяются друг другу в знак уважения. Но ни один из них, насколько мне известно, не поклонится сколийцу даже под страхом смерти.

Ко мне подошел Рекс, все еще сжимающий в руке тесак.

— Ты в порядке?

— Абсолютно, — ответила я.

— Что ему было нужно?

— Хотел снять меня на ночь. — Я развела руками.

Рекс напрягся:

— Он тебе угрожал?

— Нет. Ни капельки. Я еще не встречала такого аристо. Он разговаривал нормально. Даже вежливо.

С другой стороны ко мне подошли Хильда и Таас.

— Как по-твоему, это не ловушка? — спросила Хильда.

— Не знаю, — выдохнула я. — Но если бы у меня не было опыта общения с купцами, он мог бы уговорить меня.

— Нам надо предупредить местную полицию, — предложил Таас. — Прежде чем он уговорит кого-нибудь еще.

Я кивнула. Таас прав. Но в глубине души я сомневалась, что этот аристо заговорит с кем-то еще. Что-то в нем не так, совсем не так.

2. СТАНЦИЯ ТАМС

Город Афины простирается на север и юг от Аркады. Не знаю, почему земляне назвали его Афинами: он был настолько же уродлив, насколько его древний тезка на Земле считался прекрасным. Он был разбит на квадратные кварталы улицами, мощенными нервоплексом и освещенными невысокими фонарями. Мимо нас с Рексом проплывали с жужжанием аэромобили, воздушные подушки которых вздымали с мостовой клочья нервоплекса. Возможно, кому-то и нравится эта картина; меня же от нее мутило.

Полицейский участок располагался в одноэтажном здании, выкрашенном в синий и серебряный цвета афинской полиции. Мы вошли в вестибюль со стойкой у дальней стены. Все наши движения фиксировались голокамерой, висевшей в углу под потолком.

Из-за стойки нас приветствовала дама с седеющими волосами.

— Боро на сас воетесо? — спросила она.

Перевод, подумала я.

Греческий, сообщил центр. Дословный перевод: могу ли я вам чем-либо помочь?

Дама переводила взгляд с Рекса на меня и обратно. Наши черные формы, несомненно, нервировали ее. Она повторила свой вопрос еще раз, более высоким тоном. Что нам нужно здесь в этих пугающих мундирах...

Блок, подумала я. Псимвол вспыхнул, и я перестала ощущать себя преступником.

Переведи: «Нам нужно сделать заявление». Центр перевел фразу, и я произнесла ее вслух, стараясь не ошибиться в произношении. Однако у меня получилось не совсем то, что диктовал центр.

— Ти? — переспросила женщина. Центр услужливо перевел: «Что?»

Я провела рукой по волосам:

— Сколийский?

Она покачала головой:

— Охи сколиан.

Не знаю сколийского, перевел центр.

— Английский?

— Охи инглиш.

Как сказать по-гречески «переводчик»? подумала я.

Диэрменеас, ответил центр.

— Диэрменеас? — обратилась я к женщине. — Сколиан. Диэрменеас.

— Эфаналабете? — спросила она. Центр перевел это как «Повторите еще раз?». Я сделала еще попытку:

— Диэрменеас.

— А... — Морщины на ее лбу разгладились, и она махнула рукой, приглашая нас следовать за ней.

Она отвела нас в маленькую комнату с единственным столом, окруженным нервоплексовыми креслами. Три стены были гладкими, на четвертой виднелась большая панель из матового стекла. Я решила, что панель прозрачна, если смотреть на нее с другой стороны. Одним словом, комната для допросов.

Женщина вышла. Рекс поморщился, глядя на кресла.

— Тебе не нравится обстановка? — улыбнулась я.

Тут дай Бог справиться с эмоциями людей, не говоря уже об усиливающей их этой штуке...

Я потрогала пальцем нервоплексовую спинку ближайшего сиденья, и она мягко толкнула меня в ответ. На самом деле нервоплекс всего только реагирует на напряжение наших мышц. Однако эмпаты взаимодействуют с нервоплексом: напрягаются, когда он пытается расслабить их мускулы. Так что в конце концов он усиливает наши собственные эмоции. Беда в том, что Демоны впитывают эмоции как губки; ощущения других людей все равно что наши собственные. Даже самым дисциплинированным и закаленным из нас доводится испытывать кратковременные сокращения мышц при воздействии чужих эмоций.

Отворилась дверь, и в комнату вошел юноша. Он направился прямо к Рексу и с улыбкой протянул ему руку.

— Привет, — произнес он на безупречном сколийском. — Меня зовут Тиллер Смит.

Рекс выпучился на него, потом покосился на меня.

Возьми его руку и покачай вверх-вниз, подумала я.

Рекс схватил его руку и энергично потряс.

— Грациас, — произнес он одно из немногих известных ему земных слов.

Тиллер зажмурился и с усилием освободил руку из стальной клешни Рекса.

— Миссис Карпозилос сказала, что вы хотели заявить о преступлении.

Кой черт он обращается ко мне? подумал Рекс. *Скажи ты ему, пусть знает, что ты старше меня по званию!*

Может, он не разбирается в наших знаках различия. Вслух же я сказала:

— Не о преступлении. Мы надеемся предотвратить его.

Тиллер посмотрел на меня, покраснел и отвернулся. Он покосился на рукав куртки Рекса, потом на мой рукав, потом снова на Рекса.

— Простите... — произнес он наконец. — Я... я никогда еще не работал переводчиком. Я здесь просто посыльный. Я... у меня нет опыта. — Он беспомощно развел руками. — Я даже не посмотрел на ваши нашивки...

Я взглянула на свой рукав. На черной ткани выделялись серебряные полоски и золотая лента на манжете. Куртка Рекса

почти ничем не отличалась от моей, только золотых лент у него было две и потоньше.

— Я Соскони Валдория, праймери. — Я кивнула на Рекса: — Рекс Блекстоун, секондери.

Тиллер ошалело посмотрел на меня:

— Так вы Имперский адмирал?

— Я праймери. Это не совсем одно и то же.

— Но разве звание праймери не равно званию адмирала?

— Звание равное, — ответила я. — Но это не одно и то же. Ранг праймери присваивают Демонам, и только Демонам.

— Кибервоины! — восхищенно выдохнул Тиллер. — Телепатические компьютеры, да? Я читал об этом... О! — Он хлопнул себя по лбу. — Ну и дурак я! Вы пришли сюда вовсе не отвечать на мои дурацкие вопросы. Простите меня.

— Ничего страшного, — сказала я. И правда, даже приятно было встретить кого-то, кто не жаждал, чтобы мы убрались как можно быстрее.

Мы с Рексом переглянулись. Ни он, ни я не испытывали желания сесть. Подумав, Тиллер предложил:

— Есть идея. Почему бы нам не пройти ко мне в кабинет? У меня там классные кресла. — Он покосился на нервоплекс. — С нормальной, матерчатой обивкой.

— Идет, — кивнула я.

«Кабинет» Тиллера представлял собой что-то среднее между комнатой для отдыха и кладовкой. Стены были уставлены полками с голокнигами и старомодными печатными фолиантами. Повсюду валялось оборудование: оптические приборы, разобранные голоэкраны, детали компьютерных блоков, провода с разъемами и датчиками для интерфейсов «человек/компьютер», даже детали боевых лазеров. Картину довершали мотки проводов, свисавшие со всего, что хоть отдаленно напоминало крючок. Обещанные кресла были погребены под коробками голофильмов.

— Вот. — Тиллер скинул хлам с трех кресел, подвинув их к такому же заваленному столу.

Я выбрала кресло с кожаной обивкой, приятно заскрипевшей под моим весом. Рекс угнездился в зеленом кресле. Тиллер уселся в третье, достал из кармана тонкий стержень и похлопал им по колену. Стержень зажужжал и развернулся в гибкий экран, над ним зависли в воздухе темные буквы. В углу

экрана светился символ, по которому я предположила, что наш разговор записывается.

— О'кей. — По мере того как Тиллер говорил, слова его выстраивались на экране. — Расскажите мне, что случилось.

— По Аркаде разгуливает купец. Аристо, — сказала я.

Тиллер застыл:

— Ну и что?

С минуту я оценивающе глядела на него.

— Вам известно, почему мы зовем эйюбиан купцами?

Он кивнул:

— Да, знаю... Я дружу... дружил с человеком, находившимся на борту корабля, захваченного эйюбианским крейсером. Его семья скоро уже шесть лет как ищет его. По официальной версии его продали аристо.

— Извините. — Я-то знала, что шансы освободить его друга равнялись нулю. — Мы боимся, что аристо прибыл сюда именно за этим. Ищет Источников.

Руки Тиллера судорожно вцепились в подлокотники, и мои пальцы сразу же заныли.

— Вы считаете, он намерен похитить кого-то?

Рекс помассировал пальцы.

— Это вполне возможно.

— Я все-таки не понимаю, — признался Тиллер. — Зачем аристо лететь за этим на Делос?

— Поставщики — это эмпаты, — объяснил Рекс. — А эмпаты — большая редкость, особенно среди купцов. Возможно, он надеется, что найти их здесь легче.

— Эмпаты? — переспросил Тиллер. — Согласно официальной позиции Союза Миров их просто не существует.

— Это уже ваши проблемы, — пожал плечами Рекс.

Тиллер поднял руки:

— Я же не говорю, что мы все так считаем. Скажем так: эксперты пока не нашли подтверждений их существования.

Интересно, насколько официальное заключение отличается от неофициального.

— На самом деле существуют самые разные категории эмпатов: начиная с тех, кто просто воспринимает основные эмоции, и кончая теми, кто способен читать мысли.

Меня захлестнула исходящая от Тиллера волна восторга. И тут же он осекся.

— Вы имеете в виду телепатию, да? А вы сами... Я ничего такого не хочу сказать, просто никогда еще не встречался с настоящими телепатами. То есть вы же должны... Раз вы Демоны?

Я не могла сдержать улыбку. Тиллер нравился мне все больше. Большинство людей стараются держаться от нас подальше: вдруг мы залезем к ним в мысли? Мне приходилось слышать о Демонах что угодно, от передвигания гор до изменения будущего. На самом деле все, что мы можем, — это улавливать особо интенсивные мысли, да и то с трудом, если только их Источник сам не является сильным эмпатом.

— Демон должен иметь не меньше пяти баллов по шкале, — сказал Рекс.

— Шкале? Какой шкале? — не понял Тиллер.

— Эмпатической шкале Кайла, характеризующей способность к восприятию и излучению эмоций, — объяснила я. — Обычно ее называют пси-шкалой. По ней измеряются эмпатические способности. Высшие баллы по этой шкале редки. Девяносто девять процентов людей находятся между нулем и двумя баллами. Только один на сто тысяч имеет больше пяти баллов. Те, кого большинство людей считают телепатами, имеют больше шести.

Тиллер переводил взгляд с Рекса на меня и обратно.

— А у вас по шесть?

Ни Рекс, ни я не ответили.

— Что-то не так? — смутился Тиллер.

— А вы бы как себя чувствовали, — спросила я, — если бы я поинтересовалась у вас, сколько раз вы занимались любовью прошлой ночью?

Он покраснел, и меня захлестнула волна стыда, будто я подглядывала за ним в спальне.

— Простите, — промямлил он. — Я не знал, что это так интимно.

— У меня десять баллов, — произнес Рекс.

Я удивленно покосилась на него. Что дернуло его открыть это? Я знала данные всех членов моего отряда: Таас — семь, Хильда — шесть баллов. Рекс со своими десятью баллами являлся одним телепатом на десять миллиардов человек. Впрочем, знать их данные входило в мои обязанности как командира отряда. Я сомневалась, что Рекс открыл свой уровень даже Хильде, не говоря уж о Таасе.

Тиллер посмотрел на меня — и я все поняла. Ретрансляция. Он отослал мне мое собственное удивление.

Ты тоже заметила? подумал Рекс. *Я пытаюсь его расшевелить.*

Ты мог бы прямо спросить его, подумала я.

Слишком личное.

Я думаю, он рад будет узнать. И ему будет спокойнее, если он узнает все от тебя.

Рекс обдумал это. Потом обратился к Тиллеру:

— Вы давно знаете, что вы эмпат?

— Что? — вспыхнул Тиллер. — Я никогда не...

— Вы сейчас как большое зеркало. Принимаете наши эмоции и возвращаете их нам.

Тиллер смотрел на нас, почти лишившись дара речи.

— Вы шутите.

— Ни капельки, — возразила я. — Так вы не знали этого?

— Конечно, нет. — Он помолчал. — Ну... я подозревал, я думал об этом. Но ты же не будешь признаваться в этом всем подряд. Над тобой просто будут смеяться.

Теперь я ощущала странную смесь страха и надежды. Ощущение было даже слегка приятным, хотя совершенно чужим. В это время Тиллер говорил:

— Так вы правда думаете, что я эмпат?

Рекс улыбнулся, к уголкам его глаз сбежались морщинки.

— Вам стоило бы пройти тесты.

— Я уже думал об этом. Собственно, из-за этого я и тратил столько времени, изучая сколийский. Но я не могу получить визу в миры Сколии. — Он жалобно посмотрел на нас. — Нет, я скорее всего зря надеюсь. Я хочу сказать, я не вижу никаких доказательств того, что я не как все.

— Этого и не увидишь, — ответил Рекс. — Это скрыто в мозгу.

— С моим мозгом что-то не в порядке?

— Все в порядке, — утешила я его, хотя на самом деле это еще как посмотреть. — Просто ваш мозг имеет на два органа больше.

— Это в моем-то черепе? — усмехнулся Тиллер. — Да там нет места.

Я улыбнулась:

— Они микроскопические. Многие имеют их, даже не догадываясь об этом. Излучающее Тело Кайла и Принимающее Тело Кайла. ИТК излучает импульс, а ПТК принимает его.

— Какой импульс?

— Когда вы думаете, нейроны в вашем мозгу подают сигналы, — объяснил Рекс. — Мое ПТК улавливает их.

— Как? Откуда оно знает, что это за сигналы?

— Молекулы вашего мозга характеризуются величиной квантовой вероятности...

— Постойте. — Тиллер поднял руку, останавливая его. — Я все равно не знаю ничего о квантах.

— Представьте себе в центре вашего мозга невидимый холм. Это вероятностное распределение. Подножия этого холма распространяются во все стороны, сходя на нет по мере удаления от вас. Чем меньше расстояние между нами, тем сильнее воспринимает их мой мозг. Ваши мысли изменяют очертания этих холмов, и мое ПТК улавливает это.

— Тогда почему этот квантовый холм не улавливается всеми?

— Он и улавливается, — ответил Рекс. — Только лишенный ПТК человек этого не осознает. Чем интенсивнее ваши эмоции, тем больше молекул стимулируют они в моем ПТК. А ПТК, в свою очередь, посылает сигнал нервным структурам в моем мозгу, называемым парацентрами. Они тоже имеются только у эмпатов. Мои парацентры опознают эти сигналы как ваши эмоции.

— А что делает ИТК? — спросил Тиллер.

— Усилитель, — объяснила я. — Он увеличивает интенсивность и радиус действия сигнала, посылаемого вами другим эмпатам, так что они даже могут распознавать по нему ваши мысли. ИТК — передатчик, ПТК — приемник.

— Тогда ясно, чего я такой нерасторопный, — улыбнулся Тиллер. — Вся эта дребедень просто не оставляет времени на мысли.

Рекс рассмеялся:

— На самом деле дополнительное количество клеток мозга может помочь вам стать умнее большинства людей.

— Только не мне. Во всяком случае, не по сравнению с моими родными. Моя сестра — шахматный гений, а брат — философ.

— Не недооценивайте себя, — произнес Рекс. — Эти свойства передаются по наследству.

— Это-то и странно. — Тиллер развел руками. — Мои родители ничем таким не отличались. Они не меньше других поражались успехам своих детей.

— Эти гены рецессивны, — объяснила я. — Возможно, у каждого из них они не находили необходимой пары. Бывает же голубоглазый ребенок у кареглазых родителей. Нам ведь известно теперь, что свойства псионов определяются сотнями генов.

— Но если вы знаете природу этого, почему бы тогда не вывести расу супертелепатов?

— Это уже пытались осуществить — моя бабушка «родилась» именно таким образом. Но эти гены связаны с другими, летальными. Даже если эмбрион выживает, мозг часто оказывается совершенно ненормальным. Сколийская Конвенция подписывалась с целью предостеречь правительства от выведения псионов.

Тиллер тряхнул головой:

— А мне казалось, ее подписывали в знак протеста против образования правительства аристо.

По моей шее пробежала струйка пота.

— В общем-то да.

— Аристо возникли как результат проекта рона, — пояснил Рекс. — Рон пытался создать людей с высокой устойчивостью к боли. Другой целью этого проекта был отбор эмпатов.

— Рон? — Тиллер уселся поудобнее. — Это звучит словно сколийское правительство.

— Вовсе нет, — возразил Рекс.

— Но разве рон — это не название вашего правительства?

Соз? уловила я мысль Рекса. *Хочешь, чтобы я остановился?*

Я попробовала расслабиться.

Нет. Валяй дальше.

— Наше правительство называется Ассамблеей, — продолжал Рекс. — Это Совет глав основных миров Сколии.

— Тогда что такое Рон?

— Жил такой генетик. Но слово используется теперь также применительно к немногим сохранившимся потомкам династии, правившей на планете Рейликон пять тысяч лет назад.

— И эта династия предшествовала вашему нынешнему правительству?

— Вы правы, — ответила я. — Шесть тысяч лет назад неизвестная нам раса переселила людей из земной Мезоамерики на Рейликон, а затем исчезла.

— Но зачем?

Я пожала плечами.

— Этого мы пока не знаем, не думаю, чтобы земляне уже оправились от шока. Когда в двадцать первом веке они послали первые экспедиции к звездам, их ждал там приятный сюрприз. Там уже были мы. Наша и земная культуры быстро ассимилировались; то же случилось и с нашими ДНК, и теперь, всего два века спустя, трудно поверить в то, что мы черт знает сколько времени жили раздельно. Однако различия все же сохранились, хотя и не на поверхности. Так или иначе, мы не скоро перестанем относиться друг к другу с подозрением.

Рекс подался вперед.

— Люди, жившие на Рейликоне, создали межзвездные корабли и отправились искать Землю. Но так и не нашли. Их хрупкая цивилизация достигла расцвета — и сразу же рухнула, — пока вы жили в каменном веке. — Он помолчал. — И только четыре столетия назад мы снова начали летать к звездам. Как раз тогда развернул свои эксперименты Рон. Он работал с потомками династии рейликан, пытаясь воссоздать их давно утраченные легендарные свойства. Вот почему немногих живущих в наши дни рейликонцев зовут ронами. Все определяется их пси-баллами. Под конец экспериментов Рона их уровень был слишком высок, чтобы его можно было сосчитать.

— Мне всегда казалось, что «Роны» — это фамилия, — признался Тиллер.

Рекс покачал головой:

— По-настоящему их фамилия — Сколия. Вот почему Империя носит название сколийской. — Он покосился на меня. — Хотя не все Сколия пользуются своей фамилией в повседневной жизни.

Тиллер подумал немного:

— Выходит, Рон искал эмпатию и получил сколийцев, а в поисках устойчивости к боли получил аристо? Я все еще не до конца понимаю: зачем аристо ищут эмпатов?

— У аристо есть ПТК, но отсутствуют ИТК и парацентры, — ответила я, — и их ПТК ненормальны. Они улавливают только эмоции, вызванные болью. Но они не могут перевести эти им-

пульсы. Их гипоталамус пытается повысить чувствительность, подавая сигнал в центры наслаждения головного мозга. Это, в свою очередь, вызывает оргазм. — Я скрипнула зубами. — Аристо — банда садистов. Они получают наслаждение, пытая людей.

— Но почему именно эмпатов? — не понимал Тиллер.

Где-то у потолка включился вентилятор, и я вздрогнула. Я дышала с трудом.

— Мы посылаем более сильные сигналы. — Я уже не могла говорить спокойно. — Мы... мы для них только Источники. Источники их проклятых наслаждений. Чем сильнее эмпат — тем сильнее сигнал, тем больше наслаждения получает аристо... — Мои руки сжались в кулаки, а голос оборвался.

Тиллер ждал. Но ни Рекс, ни я не могли продолжать. Тиллер беспокойно поерзал в кресле. В конце концов он посмотрел на свой экран и ткнул пальцем в крылатый символ в углу.

— Я пошлю копию вашего заявления своему начальству. — Он неуверенно посмотрел на меня. — Но пока этот аристо не нарушил закон, мы мало что можем.

Я кивнула. Их дело, как реагировать на предупреждение. Мы свое дело сделали.

Выйдя из кабинета Тиллера, мы направились к выходу из участка, но, не пройдя и нескольких метров, я остановилась:

— Рекс, я догоню тебя. Встретимся в гостинице.

— Что случилось?

— Ничего. Просто я забыла сказать Тиллеру одну вещь.

Он дотронулся до моей щеки:

— Соз...

— Со мной все в порядке. Честное слово.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Он откинул прядь волос с моих глаз.

— Увидимся позже, ладно? — негромко сказал он.

Почему он смотрит на меня с такой странной нежностью?

— Конечно, увидимся, можно подумать, я отправляюсь невесть куда.

Дверь в кабинет Тиллера все еще была открыта. Он сидел на краю стола и читал одну из своих древних книг.

— Тиллер? — окликнула я.

Он поднял глаза, и его радостное удивление коснулось моего сознания как дуновение свежего ветра в знойный день.

— Вы что-то забыли?

— Нет. — Я подошла вплотную к нему. — Просто мне казалось, что вы хотите, чтобы я вернулась.

— Неужели мои мысли так легко читать?

— Только другому эмпату, — улыбнулась я.

— Я вот думал, — его голос звучал совсем тихо, — вам ведь вовсе не просто было прийти сюда вот так?

— Мы ведь ничего не делали, только говорили.

— Что-то больно задело вас, когда наша беседа оборвалась.

Я замерла.

— Все в порядке.

— Я хотел только поблагодарить вас. — Тиллер ткнул пальцем в компьютер на кресле. — И за это тоже. С записью двух высокопоставленных Имперских офицеров, утверждающих, что я эмпат, мне, быть может, удастся убедить университетскую комиссию по грантам отнестись ко мне серьезно. Возможно, даже спонсировать мои тесты.

— Ну что ж, хорошо. — Я не знала, что еще сказать. Я привыкла к тому, что обычно люди стараются держаться от меня подальше. Поэтому не очень привыкла к словам благодарности.

— Вот. — Тиллер протянул мне свою книгу. Я взяла ее с опаской, не зная, что мне с ней делать. Книга была древняя, с переплетом, обтянутым мягкой материей цвета слоновой кости, под которым вместо обычного голоэкрана находились бумажные страницы. Мой компьютер перевел название книги как «СТИХИ НА СТЕКЛЕ». Английский язык.

— Очень красиво, — сказала я.

— Возьмите, — улыбнулся он. — Подарок в знак благодарности.

Подарок? Землянин, который и не знает меня толком, делает мне подарок только за то, что я поговорила с ним? Ни с того ни с сего мне на глаза навернулись слезы. *Блок!* подумала я. Но псимвол почему-то не загорелся.

Ночь уже окутывала город своей прохладной темнотой, когда я наконец возвращалась в гостиницу. Избегая нервоплекса, я старалась по возможности пользоваться движущимися тротуарами. Я не хотела знать, что этот чертов нервоплекс расскажет мне обо мне самой. Я соврала и Рексу, и Тиллеру. Со мной не все в порядке. Моя память снова вернулась к сцене, которую я

столько лет пыталась забыть, которая столько лет возвращается ко мне в кошмарных видениях.

Тогда, десять лет назад, я шагала по грязному тротуару Тамса, ничем не выделяясь из прочих горожан, спешивших по своим делам. Аэромобиль с жужжанием обогнал меня, замедлил ход и попятился. Снова и снова я видела это словно в замедленном фильме. Крикс Тарк, аристо, губернатор Тамса, смотрит на меня в открытую дверь и протягивает свой длинный палец, а губы его беззвучно складываются в слова: «Вот эту. Хочу вот эту!»

Вот эту. То есть меня. Соскони Валдорию. Он хотел именно эту.

Я пыталась убежать. Но даже Демон не убежит от шестерых солдат и вооруженного аристо в аэромобиле. Когда они схватили меня, я встала перед выбором, который до сих пор терзает меня: стоит ли мне драться? Мне стоило бы драться не на жизнь, а на смерть, ибо я знала, что мне грозит. Но это выдало бы мою военную подготовку; тогда они знали бы, что к ним в руки попало кое-что поинтереснее, чем обычный житель Тамса. Копни они поглубже, они узнали бы не только мое звание, но и имя, и положение в Империи. Так что у меня не было шанса бежать, только ждать, пока обстоятельства не сложатся удачнее.

Так что я дралась, но не как Демон, а как испуганная жительница Тамса. Тарк нашел это забавным. Он отвез меня в свое поместье в горах за городом и удерживал там на протяжении трех недель. Поздней ночью, на полпути от заката до рассвета, я освободилась наконец от пут, которыми он привязывал меня к кровати...

Тогда я задушила его.

Рекс оказался тем, кто нашел меня той ночью после того, как я сбежала. Он искал меня все это время, отчаянно пытаясь проникнуть в поместье. Он обнаружил меня в поле, все еще кричащую от боли и шока. Он держал меня крепко-крепко, словно боялся, что я вот-вот исчезну из его объятий, ослабь он их хоть ненамного. Его голос дрожал, когда он повторял мне снова и снова: все будет хорошо, все будет хорошо, все будет хорошо...

Но все так и не стало хорошо. Тарк оказался полной противоположностью эмпату — человеческое существо с бездонной пропастью в рассудке там, где полагалось быть органам мысленного контакта. Садист и эмпат, паразит и хозяин: его

разум был негативом моего. Когда он концентрировался на мне, я проваливалась в его пустоту, заполняя эту пустоту для него, устанавливая между нами связь, возбуждавшую его сильнее, чем оргазм. Он говорил со мной мягким, мурлычущим голосом, а я кричала, кричала, кричала...

Мы улетели с Тамса той же ночью. Я провела в госпитале всего несколько дней: Тарк не хотел портить внешность своего нового Источника, так что физический ущерб оказался минимальным. Однако врачи потребовали, чтобы я обратилась к душеспасителю. Когда я отказалась, это приказал мне мой командир. Так что я пошла и сказала душеспасителю все, что он хотел услышать от меня; в конце концов я эмпат. В своем заключении психиатр написал, что со мной ничего страшного не случилось, что мне требуется только немного времени до полного исцеления.

Что же до моих подлинных переживаний — это мое дело. Ни командира, ни психиатра, ни кого-то другого.

3. ПСИБЕРНАВТ

Коридор у дверей номера Рекса был устлан таким толстым ковром, что ноги утопали в нем, как в облаке цвета красного вина. Панели на стенах были из натурального дерева. Рядом с дверью красовалась клавиша переговорного устройства, выполненная в форме человека с рыбьим хвостом. Человек ростом с ладонь вздымался вверх на морской волне; капли воды блестели на его кудлатой голове и на трезубце у него в руках. Я прикоснулась к нему, и дверь негромко зазвучала, словно сквозь шелест прибоя слышатся далекие колокола.

— Заходи, — послышался из невидимого динамика голос Рекса.

Я толкнула дверь, и она отворилась, открыв моему взгляду номер, обшитый такими же роскошными деревянными панелями, как коридор. На ковер цвета бургундского падал свет от единственного абажура розового стекла. Рекс перебирал свой дезинтегратор. Блоки последнего валялись по всей кровати, отсвечивая матовым металлом.

— Собираешься пристрелить кого-то? — поинтересовалась я.

Он поднял на меня глаза:

— Ты сама приказывала как можно чаще проверять наши стрелялки.

Я присела на краешек кровати.

— Я заказала в гостинице сеанс связи. Как только Таас с Хильдой вернутся с ужина, мы можем перекачать в Сеть все наши данные о купцах.

Рекс кивнул, не отрываясь от своего оружия. Он чистил отражатель — основную деталь ускорителя, спрятанного в корпусе дезинтегратора.

— Я думала, ты еще с этой девочкой из бара, — сказала я.

Он покончил с отражателем и взялся за рукоять.

— Она слишком юна.

— Мне казалось, тебе нравятся такие.

Он продолжал возиться с железками.

— Наверное, я просто устал сегодня.

Его настроение удивило меня. Он казался чем-то подавленным. Может, виной тому наше приключение в баре? Вряд ли: насколько я знала Рекса, встреча с аристо только добавит ему боевого задора. Его терзало что-то совсем другое. Я попыталась прощупать его сознание, но он поставил на моем пути блок, наглухо закрыв воображаемую дверь.

— Рекс. — Я положила руку на металл, остановив его. — Что случилось?

Он поднял глаза. С минуту он молча смотрел мне в лицо. Потом произнес:

— Я собираюсь уйти в отставку.

— Что?

Он вздохнул.

— Я давно помышлял об этом. Мне ведь скоро сорок семь. Все остальные офицеры, с которыми мы когда-то учились в Академии, давно уже на пенсии. — Ни он, ни я не произнесли вслух недоговоренного: или погибли.

— Но ты же не можешь уйти просто так. — Я старалась не думать о том, что он окончил Академию на год позже меня. — Ты мне нужен.

Он взъерошил рукой свои седеющие волосы.

— Я не такой, как ты, Соз. У меня не получается не стареть. — Он снова вздохнул. — С меня хватит. Я хочу завести дом, семью. Хочу копаться в саду.

— Ты можешь завести семью и так. — Наверное, я говорила слишком быстро. — Для этого вовсе не обязательно выходить в отставку. И ты можешь копаться в земле где угодно. В конце концов я дам тебе какое-нибудь задание, где тебе понадобится зарыться по уши. — Он ведь не стар. Он не старше меня. Конечно, мои гены давали мне жизнь вдвое длиннее, чем у обычных людей. Но в наше время большинство живет куда дольше ста лет. У Рекса впереди еще полно времени.

Рекс улыбнулся, но улыбка вышла такой же странной, как и все в этот вечер: нежной, а не веселой. И тогда он решился. Он обвил мою шею рукой, притянул меня к себе... и поцеловал.

— Эй! — Мой протест прозвучал приглушенно: его губы все еще прижимались к моим. — Что ты делаешь?

Он оторвался от меня и улыбнулся.

— Целую тебя.

— Кой черт?

— Ну, дай подумать. Может, это такой новый способ узнавать погоду.

— Очень смешно. Что ты себе позволяешь?

— Соз, — произнес он совсем тихо. — Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Бред сивой кобылы.

— Ты перебрал в баре.

— Я ничего не пил. Нам ведь так и не принесли пива.

Он просто рехнулся. Я не знала, как себя вести.

— Я не могу выйти за тебя. Это против правил. — Положения устава, запрещающие семейственность, принимались не случайно: это снижает способность людей выполнять свои обязанности. Конечно, как ее ни запрещай, семейственность время от времени имела место, но ничем хорошим это не кончалось. Выйди я за Рекса — и я никогда не смогу послать его в бой. Я все время буду переживать, не ранят ли его. Не говоря уж о худшем.

Если не считать того, что он хочет уйти в отставку.

— Я не собираюсь увольняться, — заявила я. Не знаю, насколько искренне; просто в ту минуту это казалось мне вполне естественным аргументом.

— Я и не прошу тебя выходить в отставку, — возразил Рекс.

Вот так, значит. Он не собирается вытаскивать меня со службы. А сама-то я хочу уволиться? Я попыталась разобраться со

своими мыслями. Могу я представить Рекса своим мужем? Пятнадцать лет он был моим лучшим другом, от которого у меня не было секретов, на которого я всегда могла положиться. Он был все равно что брат. Собственно, он был ближе мне, чем большинство моих братьев.

— Я все-таки чего-то не понимаю, — произнесла я. — Что случилось с женщинами, которых ты коллекционировал по всей Галактике?

— Не уходи от ответа.

— Нет, ты скажи: зачем тебе жениться на мне?

Он раздраженно фыркнул:

— Затем, что я не могу устоять перед женщинами, романтичными как пробка.

Я не смогла удержать улыбку:

— Тогда мы с тобой два сапога пара.

— Соскони, я не шучу.

Ну уж если он назвал меня Соскони, он и впрямь не шутит. До сих пор меня не называл так никто, кроме родителей.

— Я не прощу, если ты бросишь меня.

— Кой черт мне бросать тебя?

Сказать ему? Шестнадцать лет — достаточный срок для того, чтобы боль притупилась...

— Мой первый муж смог.

Он заговорил еще тише:

— Я не знал, что ты была замужем не один раз.

— Дважды — мой второй муж умер несколько лет назад, вскоре после нашей свадьбы. — Об этом мне пока не хотелось думать. Не сейчас.

— Почему он ушел? — спросил Рекс.

— Долгая история. Тебе будет неинтересно.

Рекс снова отвел волосы с моего лица:

— Расскажи.

Прошла минута, прежде чем я ответила.

— Он ненавидел то, чем я занималась. Он боялся, что меня убьют. Он упрашивал меня уйти в отставку.

— Я не думаю, чтобы ты смогла уйти в отставку.

Я выпрямилась:

— Я еще не решила. Если ты захочешь, я брошу армию.

— Но если ты поступишь так, ты лишишься права наследовать престол Империи, правда ведь?

Мне хотелось сказать «ну и что?». Я не напрашивалась на то, чтобы родиться наследницей династии, фактически три тысячи лет как вымершей. В настоящий момент титул Императора принадлежал моему сводному брату Керджу.

— Формально у Керджа нет прямых наследников. Он единственный ребенок от первого брака моей матери, и своих детей у него нет, во всяком случае — законных.

— Мне казалось, он намерен выбрать наследницей тебя.

Я пожала плечами:

— У меня семь родных братьев и две сестры. Он может выбрать любого из нас. Черт, да при желании он может назначить наследницей мою мать.

К Рексу снова вернулась его ехидная улыбка.

— Тогда войне конец. Они все повлюбляются в нее и забудут обо всем, только бы посмотреть на нее.

Я хмуро покосилась на него:

— Типично мужское замечание.

— Ну, не знаю, — рассмеялся он. — Хильда тоже могла бы.

Я улыбнулась — против воли. Если честно, я тоже не представляла себе маму в качестве военачальника. Она была блестящим дипломатом и славной балериной, но военное дело для нее — иностранный язык.

Кажется, еще до первого замужества мне пришлось задуматься о том, что же я наследую. Тогда все это представлялось мне игрой, при которой на доске стоят три главные фигуры: Император, Ассамблея и Сеть. Проще говоря, Кулак, Ум и Сердце Сколии. Триада. В качестве Императора мой брат Кердж командовал Вооруженными Силами Сколии. Моя тетка председательствовала в Ассамблее. Наследницей своей она выбрала мою мать. Третью часть Триады представлял мой отец, Хранитель Сети — преимущественно церемониальная должность.

Я знала, что мать вышла за отца потому, что он был псионом, одним из ронов, а это значило, что и наследники его будут ронами. Кердж ненавидел отца, человека, сделавшегося его отчимом будучи вдвое моложе. Если я выйду за Рекса, как он примет это? Тот факт, что Рекс не относится к ронам, мог сделать его положение в моей семье еще менее уютным, чем у отца.

Впрочем, сравнение было не совсем удачным. Когда мои родители встретились, отец жил в примитивном мире. Его народ представлял собой остатки колонии, основанной древни-

ми звездолетчиками с Рейликона и пребывавшей в тысячелетней изоляции. На протяжении столетий цивилизация деградировала до такой степени, что у них не осталось ни электричества, ни даже паровой тяги или письменности. Брак с матерью бросил его из этой дремучей культуры прямо в дебри византийских интриг сколийской политики.

Рекс куда лучше разбирался в хитросплетениях имперской политики. Возможно, даже лучше меня. Мои родители растили нас на отцовской планете в надежде уберечь от придворных интриг. Они не рассчитали возможных последствий этого шага. Только мне и двум-трем моим братьям удалось адаптироваться к жизни, далекой от домашней простоты, да и нам это далось очень тяжело.

С точки зрения Керджа все дети моего отца являлись ущербными. И все же мы оставались лучшими кандидатами на наследство.

— Керджу нужен наследник-военный, — сказала я наконец. — Кто-то, хорошо знакомый с Космофлотом.

— Ты.

— Нет.

— Но мне казалось...

— Он выбрал трех наследников. Меня и двух моих братьев, тоже ставших Демонами.

— Но почему трех? Только один из вас может стать Императором.

Я стиснула зубы.

— Ты прав.

Рекс внимательно посмотрел на меня и тихо добавил:

— Тот, кто выживет.

— Да. Нас и так уже осталось только двое. — Плечи мои напряглись под курткой. — Кердж понимает, что я не могу оставаться на службе вечно. И я неплохо зарекомендовала себя за четверть века. Но шестнадцать лет назад все было совсем по-другому.

— Так твой муж хотел, чтобы ты уволилась, из-за этого?

Я кивнула:

— Если бы я тогда уступила Йато и подала в отставку, это означало бы конец всем моим претензиям на престол.

Рекс возмущенно фыркнул:

— А что еще ожидал этот твой Йато, женясь на наследнице Императора?

Я опустила глаза:

— Не знаю... Я была беременна. Потом меня ранили в бою, и я потеряла ребенка. — Я заставила себя посмотреть на Рекса. — Это было последней каплей. Йато оставался со мной, пока я не поправилась. Потом ушел.

— Соз, — пробормотал Рекс. Он попытался обнять меня, но я отстранилась. Я так и не поняла, знает ли мой брат, как мы с Йато хотели ребенка. Но это была еще одна тема, которую я предпочитала схоронить в памяти поглубже.

— Ты-то должна бы знать, что я не брошу тебя, — сказал Рекс. — И я не жду, что ты уйдешь с военной службы.

Я обыгрывала в голове эту идею, словно ребенок, забавляющийся с новенькой монеткой. Кердж не может держать меня на боевой службе до бесконечности. С моими званием и опытом меня целесообразнее держать на штабной работе. Если же он убьет всех своих наследников, новых ему скоро не дождаться, по крайней мере достаточно взрослых. А все остальные мои братья и сестры не обладают для этого даже минимальной квалификацией.

Рекс — хороший человек. Я знала это с самой первой нашей встречи. К тому же он был сильным телепатом, возможно, самым сильным из всех, кого я знаю. Он не принадлежал к ронам, но не могу же я провести остаток своей жизни в поисках одного на триллион уникума с разумом, подобным моему.

Единственный раз за всю жизнь я объединила свой разум с разумом другого псиона-рона. Это произошло совершенно случайно; обычно такая тесная связь возможна только между любовниками. Однажды, когда моему младшему брату Келрику было семь лет, а мне шестнадцать, мы отправились в поход и попали в жуткую грозу. Прячась в темной пещере в горах, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться, мы с Келриком позволили нашим сознаниям слиться.

Это продолжалось только несколько часов; такой связи я не испытывала больше ни с одним другим человеческим существом. И это никогда больше не повторялось: такая связь слишком интимна, чтобы делить ее даже с братом. Но ни он, ни я не забыли этого. И с того дня я знала, что буду искать себе пару — рона.

Вот только их больше не было. Единственным успешным результатом всех экспериментов по созданию здорового псиона стала моя прабабушка. За все поколения, сменившие друг друга после ее рождения, нам известны были только два человека, рожденные естественным путем и выжившие с полным набором генов рона: мои дед и отец. Все остальные — всего четырнадцать человек — являлись их потомками.

— Соз? — Рекс дотронулся до моей щеки. — Ты где, Соз?

Я посмотрела на него, посмотрела так, как не смотрела еще никогда. Вот человек, бывший со мною рядом пятнадцать лет, ходивший со мной в пекло, смеявшийся со мной, грустивший со мной. Вместе мы кочевали по всей Сколии — по службе и просто, — привыкнув к той интимности, которая не имеет ничего общего с сексом. Смогу я теперь спать с ним как его жена? Теперь, когда я задумалась над этим, ответ казался таким простым. Что удивительно — так только то, что мне понадобилось столько времени, чтобы осознать это.

Я усмехнулась:

— Кто еще согласится добровольно отдать себя мне на пожизненное растерзание?

— Что ты имеешь в виду под растерзанием?

— Мое чувство юмора.

Рекс скорчил гримасу.

— Попробую вынести.

— Да.

— Да? — Он наклонил голову. — Что — да?

— Давай попробуем.

— Что попробуем?

— Ну... это.

— Что — это?.

— Ты что, не понимаешь?

Он положил руки мне на голову и взъерошил мне волосы.

— Скажи по-человечески.

— Ты же знаешь, что я хочу сказать.

— Давай. — Теперь он смеялся.

Я нахмурилась:

— Посмейся еще, и я передумаю.

— Ну же, Соз! Если ты не произнесешь этого, как я поверю, что ты серьезно?

— Ну ладно. Я выйду за тебя. Доволен?

Он перестал улыбаться и снова заговорил этим своим тихим голосом:

— Да.

Вот так. Теперь, после всего сказанного, это уже не казалось таким странным. Я дотронулась до его груди, скользнув рукой по черному свитеру, который он носил под курткой. Он откинулся на спину и увлек меня за собой, обхватив руками.

— Я могу послать сегодня свое прошение об отставке по Сети, — сказал он. — Тогда его смогут подписать сразу по нашем возвращении на базу.

Прошение об отставке. Так странно слышать это от Рекса. Но его рассуждения о возрасте не лишены смысла. Отдохнув здесь, мы вернемся на базу за новым заданием. Рекс ждал до тех пор, пока не удостоверился в том, что мы больше не пойдем в бой вместе. Я могу любить его сейчас. Я никогда больше не смогу посылать его на смерть.

На пульте у изголовья загудел зуммер.

— Черт, — пробормотал Рекс. Он протянул руку и нажал клавишу связи. — Чего нужно?

Из динамика послышался голос Хильды:

— Эй, Рекс. Не знаешь, где Соз?

— Я здесь, — ответила я. — Встречаемся у меня в номере.

Когда мы подошли к моей двери, Хильда с Таасом уже ждали там. Хильда посмотрела на меня как-то странно. Не знаю что, но что-то она заметила. Все изменилось. Я никогда не смогу относиться к Рексу по-прежнему.

Панель у двери изображала темноволосую женщину, стоящую на скалистом берегу острова. Она стояла, глядя на меня; за спиной ее висел колчан со стрелами, а на плече — изящный лук.

Я прижала палец к волнам, набегавшим на берег. В глубине панели вспыхнул свет: луч лазера обследовал мой палец. Потребовалась секунда, чтобы он сравнил отпечаток с тем, что заложен в гостиничном компьютере. Потом дверь отворилась.

После роскошного номера Рекса мой показался слишком холодным. Стены были покрыты зелено-голубой плиткой. В крышку столика у кровати был вмонтирован компьютер с голографическим экраном и клавиатурой на шести языках, включая сколийский.

Я села за пульт и дотронулась до клавиши с изображением открытой двери.

— Заказ был сделан ранее. Подключить к Сколи-Сети.

— Привет, Демон Первого ранга Валдория. — Компьютер говорил по-сколийски. — Добро пожаловать в «Эгей-Инн». Рад выполнить ваш заказ. Я подключаюсь к Сколи-Сети. Прошу простить за небольшую задержку.

— Хойя, что за вежливый компьютер, — заметила Хильда.

Я улыбнулась. Похоже, земные компьютеры и впрямь вежливее, чем рабочие модули Сколи-Сети. Мы выбрали именно эту гостиницу, поскольку ее компьютеры были оборудованы псифонами: редкие учреждения землян осмеливаются делать это. Я подняла крышку на пульте и достала псифон. Простейшая модель — прозрачный штекер, от которого к пульту тянулся провод.

Я вставила штекер в гнездо на руке и ощутила легкое покалывание. Я прекрасно знала, что это мне только кажется, и все же ощущала его каждый раз, пользуясь псифоном.

На маленьком экране высветилась надпись «ЕСТЬ ПОДКЛЮЧЕНИЕ».

— Похоже, эта штука все-таки работает, — сказала Хильда.

— Пока работает, — откликнулась я. Тот факт, что гостиничный компьютер отреагировал на псифон в письменной форме, а не устно, заставил меня подозревать, что земляне пожалели время на его настройку.

Я провела ладонью по руке с псифоном — эту привычку я приобрела уже давно. Многие Демоны делают так. Мысли о биомеханической начинке моего тела метались в мозгу словно зверь в клетке. Собственно, она состояла из четырех основных частей: сети оптических волокон, гнезд для подключения аппаратуры на кистях, спине, шее и коленях, вживленного в позвоночник компьютерного центра и биоэлектродов.

Сигналы, посланные гостиничным компьютером на один из электродов псифона, передавались от разъема на кисти по оптическим волокнам либо непосредственно в мой мозг, либо в центр. Крошечные электроды, вживленные в мозговые клетки, переводили двоичный код в мысли, задействуя те или иные нейроны. Точно так же переводились в двоичный код мои мысли. Электроды были покрыты биооболочкой, а нейротропные химикалии предохраняли нервные клетки от повреждения. Ответные сигналы снимались другим электродом псифона.

Если учесть, насколько сложен процесс вживления в тело биомеханической сети и сколько долгих лет уходит на то, чтобы научиться пользоваться ею — если тело не отвергнет ее, — неудивительно, что людей, снабженных ею, не так много.

На экране появилась новая надпись: «ПСИФОН ЗАДЕЙСТВОВАН».

— Как медленно, — пробормотала Хильда.

— Земные технологии, — буркнул Таас, словно это объясняло все.

Тест, подумала я.

Под последним сообщением компьютера появилось слово «ТЕСТ».

«ПАРАМЕТРЫ?» — напечатал компьютер. Его реплики на экране светились красным, мои — синим. В моем мозгу пока не звучало ничего.

Проверить каналы связи спинного центра, подумала я.

«ПРОВЕРИТЬ КАНАЛЫ СВЯЗИ СВИНОГО ЦЕНТРА», появилось на экране.

— Какую это свинью ты проверяешь? — хохотнул Рекс.

— Он неправильно переводит, — сказала я. *Проверить псифон.* На экране загорелась строка «ПРОВЕРЬ ИПСИЛОН».

«ПОЖАЛУЙСТА, ПОВТОРИТЕ КОМАНДУ».

Я попробовала произнести команду вслух:

— Проверить псифон!

— Проверяю, — произнес компьютер вслух. — Неполадки отсутствуют.

У меня перехватило дыхание. Если неполадки не в псифоне, значит, неисправна моя биомеханика, а ее починить не так просто. Тут без хирурга не обойтись.

Я выдернула штекер из руки и внимательно осмотрела его. Электроды покрывал толстый слой пыли. Я осторожно сняла ее пальцами и вставила штекер обратно в гнездо.

Проверить каналы связи спинного центра!

«ПРОВЕРЕНО. НОРМА», сообщил компьютер.

Я облегченно вздохнула. Отлично.

«Я УСТАНОВИЛ СВЯЗЬ СО СКОЛИ-СЕТЬЮ, сообщил компьютер. ЕСЛИ ВЫ СООБЩИТЕ МНЕ ПАРОЛЬ, Я БУДУ РАД ВКЛЮЧИТЬ ВАС В СИСТЕМУ».

В этом нет необходимости. Я нажала на клавишу с изображением греческой буквы «Y».

На экране вспыхнула надпись «ОТКАЗ».

— Отказ? — переспросил Таас. — Что это значит?

Почему я не могу войти в псибер-вход?

«Я НЕ МОГУ ПЕРЕВЕСТИ СЛОВО «ВХОД» В ЭТОМ КОНТЕКСТЕ».

Я хочу использовать псибер-функцию псифона.

«ОНА НЕ ВКЛЮЧЕНА».

— Кой черт они держат псифоны, если не могут наладить их как надо? — фыркнула Хильда.

— Может, они просто не знают этого, — ответила я. *Можно ли включить псибер-функцию?*

«НЕ ЗНАЮ. ЧТО ОНА ДЕЛАЕТ?»

Псифон сможет вывести мое сознание в псиберпространство.

«ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ МНЕ ПЕРЕВОД ТЕРМИНА «ПСИБЕРПРОСТРАНСТВО» — ЭТО «ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ СЕТЬ».

— Черт! — пробормотала Хильда.

Она не гипотетическая, подумала я. *Она существует.*

«ГДЕ?»

Вне пространства-времени. Информация в нем в отличие от материальной Вселенной передается мыслеволнами.

«ЕСЛИ У НЕГО ОТСУТСТВУЕТ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ, КАК Я НАЙДУ ЕГО?»

Оно существует везде, подумала я. *Центры, аналогичные моему, примут переданную нами информацию мгновенно вне зависимости от расстояния.*

Компьютер помолчал.

«СОГЛАСНО МОЕМУ БЛОКУ БАЗОВЫХ ПОЗНАНИЙ ПО ФИЗИКЕ, ЭТО ОЗНАЧАЕТ МГНОВЕННУЮ ПЕРЕДАЧУ ИНФОРМАЦИИ НА МЕЖЗВЕЗДНЫЕ РАССТОЯНИЯ».

Совершенно верно.

«ЭТО НАРУШАЕТ ЗАКОНЫ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ».

Псиберпространство не подчиняется законам пространства-времени, поскольку существует вне его.

«Я НЕ МОГУ ПЕРЕДАВАТЬ ИНФОРМАЦИЮ ВНЕ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ».

Я попыталась придумать объяснение, способное убедить этот чертов компьютер. В нормальном пространстве, имея две частицы чего-либо и квантовые характеристики одной из них, я смогу мгновенно узнать характеристики второй, как бы удале-

на она от меня ни была. В псиберпространстве такой частицей является мысль; стоит телепату продумать ее, как каждый клиент межзвездной Сколи-Сети может мгновенно принять ее.

Несмотря на весь скептицизм землян в отношении псибернетики, которую они презрительно именуют лженаукой, они все же вынуждены признать, что иначе как Сколи-Сетью не объяснишь то, что мой народ до сих пор не покорен эйюбианами. Купцы превосходят нас и численно, и по вооружению, зато мы превосходим их в маневре, связи и способности предугадать их шаги. Они идут напролом; мы лавируем.

Аристо лишены псиберспособностей. Источники имеют их, но аристо не способны понять, что Источники годны для чего-то еще, кроме наслаждения. Все же я не особенно удивилась бы, если бы узнала, что они или земляне пытались создать подобие Сколи-Сети, но потерпели неудачу. Для того чтобы она функционировала, необходим телепат-рон, а ни один из членов моей семьи не допустит даже мысли о работе на них.

В этом и заключается причина того, что моя семья до сих пор, даже в нашу политическую эпоху, сохраняет такую власть. Ни одна машина не может включаться непосредственно в Сеть. Для этого необходимы сознания ее клиентов. Как компьютер не будет работать без центрального процессора, так и Сколи-Сеть с ее миллиардами центров ничего не значит без рона, связывающего ее в функционирующую систему.

Только мы обладаем фантастическими ментальными ресурсами для этой работы. Без моей системы не было бы Сколи-Сети, а без Сети не было бы и Сколийской Империи.

Вызови центр Пи-Эс сорок два в Сколи-Сети, подумала я. *Получив отзыв «Доступ закрыт», свяжи его напрямую со мной.* Возможно, мне удастся найти лазейку, проделанную в компьютерных сетях землян нашей разведкой.

«ВЫЗЫВАЮ», напечатал компьютер. И потом: «СОЕДИНЯЮ».

В моем сознании возник другой компьютер, бесстрастный и острый искусственный разум. «ИДЕНТИФИЦИРУЙТЕ СЕБЯ!»

Связь с моим центром, подумала я. *Мод 16, номер 0001Эйч-Эй9Ар-Эс.*

Принято. Допуск разрешен.

Гостиничный номер исчез. Я плыла в океане жемчужных волн. Мое сознание находилось в центре сияющей паутины,

протянувшейся во все стороны. Вспышки света на нитях обозначали места, где ее касались чьи-то другие сознания.

Я была теперь Источником мыслеволн, круглым «холмом», окруженным концентрическими валами словно волнами, разбегающимися от брошенного в пруд камня. Волны, разбегавшиеся по безграничному «озеру» псиберпространства, уменьшались по мере удаления от вершины — центра моей личности.

Сверкнула вспышка, превратившись в другой Источник мыслеволн, проходивших через меня без намека на интерференцию.

Проверка защиты систем связи, подумала я.

Все линии связи защищены, подумал Пи-Эс сорок два. Вы не воспринимаетесь пользователями с допуском ниже сорока семи единиц, уровня «б».

Переведи меня в Имраз.

Холм погрузился в Сеть. Теперь я стала новой секцией решетки, а центр моего сознания превратился в легкую зыбь на ее поверхности. Зыбь усилилась; из нее вырос новый холм, от которого разбежались новые концентрические волны.

Здесь сеть блестела холодным металлом. Вокруг меня с резкими щелчками вспыхивали и гасли искры.

Напротив меня вырос еще один холм, точнее, скала из полированного металла цвета кобальта. Она излучала холод. Имперская разведка, военный отдел 5. Несанкционированный доступ карается смертной казнью.

Допуск М-16, Д-ЗОА5а, Ф-037, ответила я.

Допуск подтверждаю. Государственная тайна.

Прошу допуск к Комтрейсу.

На этот раз я оказалась в белоснежной паутине на волнах до боли яркого света. Комтрейс, прямой допуск к моему зрительному нерву, вошел в сознание ледяным прикосновением. Выполнено.

Мое восприятие псиберпространства изменилось: теперь оно стало прозрачным образом на фоне стен гостиничного номера. Я снова видела Рекса, склонившегося над моим плечом, чтобы взглянуть на экран. Рядом с ним стояла, скрестив в ожидании свои огромные ручищи, Хильда. Таас сидел на кровати, изучая книгу, которую подарил мне Тиллер в полицейском участке. Ничего из моих переговоров с Сетью не нашло отображения

на экране; текст заканчивался моим последним запросом к гостиничному компьютеру.

Включить звук, подумала я.

Звук включен.

Хотя Комтрейс говорил через гостиничный компьютер, ледяные интонации его речи составляли разительный контраст добродушному тону последнего.

Таас оторвался от книги:

— Настроили?

Я кивнула:

— Я передаю им свою информацию по аристо. — *Комтрейс, ввести данные в М-86, Д-4427, Ф-1.*

Данные переведены.

Переключаю псифон. Не прерывайте связи.

Понято.

Я отключила штекер и протянула его Рексу.

— Теперь ты.

Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы перекачать свою информацию. За ним это проделала Хильда, потом Таас. Когда они закончили, я снова подключилась к компьютеру. *Комтрейс, выдать визуальный образ объекта, основанный на наших воспоминаниях.*

Выполняю. Вспыхнул голоэкран, над ним в воздухе соткалось изображение аристо, которого мы видели в баре, ростом примерно двадцать пять сантиметров. Он стоял на столике как живой, глядя на нас.

— На деле он был не такой резкий, — заметил Рекс.

Компьютер молчал; голоизображение не изменилось.

Комтрейс, подумала я. *Удостоверьтесь в подлинности голосов трех лиц, внесенных в досье моего отряда, и внесите в изображение исправления с учетом их устных поправок.*

Блекстоун Рекс — удостоверяю. Бьорстад Хильдагаард — удостоверяю. Мороto Тааско-Мар — удостоверяю. Вношу исправления Блекстоуна.

Слышать их имена было все равно что смотреть на звездную карту Сколии. Фамилия Рекса — осовремененный вариант древнего имени планеты Рейликон, такого же темного и мощного, как сам Рейликон. Фамилия Хильды — сколийская транскрипция земной; ее родители эмигрировали с Земли на одну из сколийских колоний. Имя Тааса — сложная смесь: часть

его предков происходила с Рейликона, часть — со старых колоний, обнаруженных нами после того, как мы заново открыли межзвездное сообщение, часть — с островов на древней Земле, носивших название «Япония». Мое имя — Валдория Сколия — тоже смесь. Хотя моя прабабка по материнской линии родилась в генетической лаборатории, ее истоки восходят к династии, правившей когда-то на Рейликоне. Мои отец и дед с материнской стороны родом из вновь открытых колоний, но, судя по наличию генов ронов, они тоже скорее всего потомки этой династии.

— Вношу изменения в соответствии с замечаниями Блекстоуна.

Черты лица аристо смягчились, сделав его на вид не старше шестнадцати лет.

— Слишком молод, — сказал Таас. Комтрейс состарил портрет на три года.

— Все равно молод, — сказала Хильда. Комтрейс добавил еще три года.

— Волосы длиннее, — заметила Хильда. Комтрейс удлинил их на несколько дюймов.

Некоторое время они изучали результат.

— Похоже на правду, — произнес наконец Рекс. Таас и Хильда согласно кивнули.

— Комтрейс, произвести идентификацию изображения, — скомандовала я. — Проверить все досье касты хайтонов.

Выполняю. Помолчав немного, Комтрейс ответил: На лицо с такими внешними данными информация отсутствует.

Я нахмурилась:

— Вы проверили всех живущих ныне хайтонов?

Да.

— Может, не на всех имеются досье? — предположил Таас.

— Мы были уверены, что на всех, — ответила я. — Их всего несколько сотен.

— Возможно, мы неправильно определили класс, — сказала Хильда.

Возможно ли это? Хотя хайтоны являются высшими из эйюбиан, кроме них, в рамках касты аристо существовали и другие классы, доводившие численность аристо до нескольких тысяч.

— Комтрейс, насколько точно определение данного аристо как хайтона?

Выполняю.

Я покосилась на Рекса, потом махнула в сторону голографического изображения аристо.

— Что-то в нем кажется мне знакомым. Никак не могу понять, что именно.

— Мне тоже так показалось, — кивнул Рекс.

Однако Хильда и Таас покачали головами.

— Он похож на аристо, и все тут, — заявила Хильда. — Ничего больше не заметила.

Проверку закончил, сообщил Комтрейс. Основываясь на ваших воспоминаниях о его внешности, поведении и речи, устанавливаю вероятность девяносто восемь процентов того, что он принадлежит к классу кантонов. На основании вашего разговора с ним, Демон первого ранга Валдория, допускаю вероятность ошибки восемь процентов.

Рекс присвистнул:

— Да это просто смешно.

— Но эти восемь процентов зависят исключительно от моих воспоминаний, — возразила я. — Мое восприятие могло быть и искажено.

— Зная тебя, — сказал Рекс, — я ни за что не поверю, чтобы твое восприятие исказилось в сторону *уменьшения* опасности.

Мой анализ основан на ваших докладах с учетом ваших предыдущих докладов о других аристо, сравнения этих докладов с другими донесениями о тех же аристо, всех докладов об аристо, сделанных другими офицерами, и их сопоставлении друг с другом. На основании этого я оцениваю достоверность ваших наблюдений как девяносто пять процентов.

Я улыбнулась:

— Этот компьютер времени даром не терял.

— А он может просчитать, что этот аристо здесь делает? — спросил Таас.

Вероятность один к двум, что он ищет необычного Источника, ответил Комтрейс. Вероятность один к трем, что он интересуется Делосом; один к одиннадцати, что он шпионит за землянами; один к шестнадцати, что он чинит здесь свой корабль.

— А что, если он пытался уговорить меня пойти с ним? — спросила я.

Вероятность один к четыремстам пятидесяти. Ваш военный статус совершенно очевиден. Поверить, что вы поймаетесь на такой трюк, было бы для аристо невероятной наивностью.

— Может ли быть такое, чтобы он говорил мне правду, чтобы он просто хотел встретиться со мной?

Вероятность один к семистам. Комтрейс сделал паузу. Если он ищет Источников, вероятность девяносто три процента, что он пытал счастья с вами.

— Почему столь низка вероятность того, что он просто шпион? — спросил Рекс, склоняясь над пультом.

Заниматься тайными операциями лично считается зазорным для хайтона, если только такие операции не связаны напрямую с достижением политической власти. С учетом близости Делоса к региону Тамса, а также нынешней политической ситуации на Тамсе, аристо из хайтонов может прибыть сюда для выяснения причастности Союза Миров Земли к кризису.

Вот так. Ирония судьбы: Тамс, крошечная колония шахтеров, играет столь важную роль в межзвездных интригах. Там проживало всего шестьсот миллионов человек: потомки рейликонских колонистов, они упорно цеплялись за независимость от кого угодно: от нас, от купцов или от землян. Пятнадцать лет назад планету захватили эйюбиане. Им удалось сманипулировать политической ситуацией так, что любое прямое противодействие с нашей стороны нарушило бы столь необходимое нам тогда хрупкое перемирие.

— Какова последняя информация о Тамсе? — спросила я.

Имраз сообщает о захвате повстанцами наземных баз колонизаторов.

Я ожидала этого. У нас имелись каналы оказания помощи повстанцам, так что захват «неподготовленными» лидерами тамсских повстанцев изощренной системы наземной обороны эйюбианцев нельзя было списывать на простое везенье.

— Какова реакция купцов? — спросила я.

Эйюбианские саботажники уничтожили заводы Ред-Хилла и склады в горняцком, докерском и металлургическом районах. Они вывели из строя двигатели и биомехпилотов всех космических кораблей в обоих космопортах Тамса.

— Эффективно, — сплюнул Рекс.

— Почему? — спросил Таас. — Что это за заводы Ред-Хилла?

— Это единственные заводы на Тамсе, которые могли выпускать запасные детали к инверсионным двигателям звездолетов. Должно быть, на складах хранились уже изготовленные детали.

— Если повстанцы контролируют наземные системы обороны, — сказала Хильда, — они могут вызвать на подмогу корабли с новыми пилотами и запчастями.

— Только если купцы не контролируют орбитальные системы обороны, — возразил Рекс. — У них сейчас равновесие сил.

— Какова официальная позиция купцов по этому вопросу? — спросила я.

— Согласно официальной позиции, сопротивления на Тамсе не существует.

— Интересно, и почему это совсем меня не удивляет? — заметила Хильда.

— У нас имеется запись последней речи Ур Куокса. Включить?

Я поморщилась. У меня не было желания слушать очередную речь Куокса. Хотя мы произносили его имя как Ур Куокс — иногда Ур Кокс, — по-настоящему оно звучало как У'Джжр Куокс; апостроф обозначал его принадлежность к хайтонам. Высший хайтон. Император. Впрочем, как бы я ни относилась к Императору купцов, нам стоило знать, что он говорит.

— Да, — согласилась я. — Включите запись.

Изображение загадочного аристо исчезло, и на его месте появился высокий человек, вещавший со стеклянной трибуны. Ему было около пятидесяти лет; как и положено аристо, он имел блестящие черные волосы и красные глаза. Его хайтонское произношение было до омерзения безупречным. Тарк тоже принадлежал к хайтонам — с такими же идеальными внешностью и речью.

Большую часть речи Куокс посвятил восхвалению армии купцов. Он охарактеризовал повстанцев как выродков, а своих солдат как героев. Как и следовало ожидать, во всей речи не оказалось ни капли полезной информации. Он вещал и вещал, прославляя могущество Империи Эйюбы, аристо, себя самого и своего великого отца.

— По крайней мере его отец мертв, — пробормотал Рекс.

По крайней мере. Предыдущий Император был куда хуже нынешнего. Император Дж'бриол Куокс, которого мы звали

просто Джейбриол, за время своего правления покорил почти тысячу миров. И он ненавидел мою семью. Боги, как он нас ненавидел! Судя по всему, особенно его бесило то, что мы, идеальные Источники, не только не покорились ему, но и имели наглость построить цивилизацию, соперничавшую с его собственной.

В английском языке Дж'бриол Куокс трансформировалось в Гэбриел Кокс, однако союзники Земли чаще пользовались нашей транскрипцией. Я спросила как-то секретаршу посольства Земли, почему они избегают произносить это имя по-своему. Она ответила, что имя Гэбриел происходит от более древнего имени «Гавриил» из их священных книг, что так звали архангела, приносившего добрые вести, и что имя это означало «В Боге моя сила». Она считала, что Дж'бриолу Куоксу более пристало имя «Люцифер» в честь падшего ангела, попавшего из рая прямиком в ад. Меня это объяснение вполне удовлетворило.

— Все-таки этот Куокс компенсирует качества своего отца, — заметил Таас.

— Он окончательно скомпенсирует их, только оказавшись в гробу, — фыркнула Хильда.

— У него нет наследника, — напомнил Таас. — Двадцать пять лет брака — и ни одного ребенка.

Рекс кивнул:

— Ты считаешь, что ему следует развестись с Императрицей и жениться на ком-то более плодородном?

— Зачем? — пожал плечами Таас. — Все, что для этого требуется хайтонам, — это ее яйцеклетки и его сперма. Она может оставаться при этом бесплодной.

— Им все равно запрещено разводиться, — заявила Хильда.

— На самом деле он имеет право развестись с ней, если она отказывается подарить ему наследника, — возразила я. — Полное бесплодие может служить поводом для расторжения королевского брака. Единственным поводом.

— Ты считаешь, что он действительно любит ее? — любопытствовал Таас.

— Я что, одета в балетную пачку? — удивилась Хильда.

— Я не прочь посмотреть на такое зрелище, — ухмыльнулся Рекс. — В розовую пачку.

Хильда скрестила руки, от чего ее бицепсы еще рельефнее обрисовались под свитером.

— Фу!

Я улыбнулась:

— Ну, это его проблемы, хайтоны — настоящие фанатики в том, что касается чистоты расы. Ни один ребенок не может быть признан хайтоном, пока происхождение его от родителей не будет подтверждено генетическими тестами, проведенными тремя независимыми экспертами. И в случае Куокса контроль должен быть еще строже. Если Ур Куокс в ближайшие годы не произведет на свет наследника, он рискует утратить имперский престол.

— Слава Богу, нам не надо думать обо всем этом, — заявил Таас.

— Не надо? — переспросила я.

— Ассамблея и Сколи-Сеть не зависят от наследственности.

— Ассамблея — нет. Сколи-Сеть — да.

Таас выпучил глаза:

— Правда?

— Имперские наследники обязаны быть псионами, более того — ронами, — объяснила я.

Почему Рекс так побледнел? Он знал, конечно, что наши дети никогда не смогут претендовать на престол. Ведь знал же? Я и сама чувствовала себя дурно, словно меня двинули в живот.

— Я никогда не думал, что кровь ронов так важна для Имперской семьи, — осторожно произнес Рекс.

Мне захотелось ударить себя. Я не подумала, что он знает меня лучше, чем ему полагалось. Почему он так беспокоится об этом? Моя семья никогда не выставляла свою слабость напоказ. Мы почти не обращали внимания на личную жизнь, к тому же у нас было достаточно власти, чтобы то, что мы бог знает как калечим свои жизни, не разносилось по всей Галактике.

Блок — Мороmo и Бьорстад! подумала я. Отделавшись от эмоций Хильды и Тааса, я попыталась прощупать Рекса, но он заблокировался от меня. Поэтому мне пришлось говорить вслух:

— Мы не печемся о чистоте крови. Нам необходимо расширять наш генофонд. — Слова «инцест уничтожит нас» вертелись у меня на языке. Вместо этого я произнесла: — Если мы будем продолжать инбридинг, последствия могут быть катаст-

рофическими. С генами ронов связано слишком много летальных рецессивов.

— Но если это так, — сказал Таас, — почему мы...

— Я совсем забыла, Таас, — перебила его Хильда. — Мы не проверили наши счета.

— Вроде проверяли... — недоверчиво покосился на нее Таас.

— Нет, кажется, забыли. Надо сходить проверить.

— Ладно, — пожал он плечами.

Когда они вышли, я с усилием улыбнулась Рексу:

— Она никогда не отличалась излишней деликатностью.

— Мы годами развивали друг в друге псиберсвойства, — ответил он. — Ничего удивительного, что она уловила напряженность.

— Прости, Рекс. — Я подошла к нему поближе.

— Я так и думал. — Его голос звучал ровно, словно он блокировал свои слова так же, как блокировал мысли. — Я метил слишком высоко.

— Я не знаю человека более достойного стать моим консортом.

В его голосе просачивалась злость, словно вода, прорывающая запруду:

— Но наши дети недостойны имени Сколия?

Это привело меня в замешательство.

— Разумеется, достойны. Будь на то моя воля, они бы остались наследниками. Но члены семьи Императора должны быть ронами. У нас нет выбора.

Его эмоции прорвали выставленные им барьеры и волнами накатывали на меня: смесь злости и стыда.

— Я не знал, что для тебя генетика значит больше, чем кровные узы.

В номере с шумоизолирующими стенами и толстым ковром на полу царила мертвая тишина.

— Сколийская Империя охватывает больше тысячи миров. Если Ассамблея и роны не защитят их от купцов, кто еще сделает это? Земляне? Ур Куокс съест их на завтрак. Если мы утратим способность задействовать Сколи-Сеть, купцы прихлопнут нас как мух.

— Нет, наши дети не смогут задействовать Сеть, — сказал Рекс. — Какое, черт возьми, отношение это имеет к их способности вести за собой?

— Они могут сделаться членами Ассамблеи.

Его голос напрягся.

— Это не одно и то же.

— Без полного, свойственного ронам доступа в псиберсеть они не смогут исполнять свой долг как члены Триады, — произнесла я немного спокойнее. — Наши дети не будут ронами, но они будут эмпатами, сильными эмпатами. Это ведь тоже укрепит власть ронов. — Я судорожно сглотнула. — Если Сколия покорится Ур Куоксу, ты, я и все дети, что у нас будут, — все станут Источниками. Навеки.

Жилка у него под глазом дернулась.

— Этого не случится. Мы не позволим этому случиться.

— Нет. Не случится.

Он продолжал блокировать меня, хотя не так жестко, как раньше. Я не возражала. Я хотела, чтобы он разобрался в чувствах, чтобы не сорваться на том, на чем разрушились две мои предыдущие попытки создать семью.

— Прости меня, Рекс.

— Мне надо подумать. — Он дотронулся до моей щеки. — Увидимся утром.

И вышел.

4. НАСЛЕДИЕ ЛЮЦИФЕРА

Живописный закат наконец-то сменился нормальной ночью, оставив единственным освещением Афин и Аркады фонари и головывески, а я так и не могла уснуть. Делосские сутки никак не согласовывались с моими внутренними часами.

Интересно, лег ли Рекс? Что он скажет мне утром, в рассветные часы, когда местное население уже выходит на работу? Я лежала голышом в огромной кровати, утопая в невесомых синих одеялах и шелковых простынях. Потом повернулась. И еще. И еще. В конце концов я так запуталась ногами в одеяле, что почти не могла пошевелиться. Я скинула одеяла и повернулась лицом к пульту компьютера. На нем светилась синим светом кнопка размером с пуговицу. Я надавила на нее.

— Да?

— Соз? — послышался из динамика голос Рекса. Напрягшиеся было мышцы плеч расслабились.

— Хейя.

— Ты спала?

— Нет. Просто лежу.

— Помнишь Джо Сантис? Ну, офицера, с которой ты жила во время переподготовки пару лет назад?

— Смутно. — С чего это он задает такие дурацкие вопросы? — А что?

— Она рассказывала о тебе кое-что. Я тут все думаю об этом.

Это мне не нравилось. Что, клянусь космическим шлемом, я такого делала, что почти незнакомая мне женщина могла рассказать Рексу, что бы он помнил это даже через несколько лет?

— Ну и что она говорила?

— Если верить ей, ты спишь в голом виде. — Я почти видела его ехидную улыбку. — Это правда?

Ах вот оно что. Я потянулась.

— Возможно. — Я чуть не добавила: почему бы тебе самому не зайти проверить? Все же слова эти почему-то не сорвались с моего языка. Вслух я произнесла совсем другое: — Спала в детстве, когда было жарко. — И правда, у нас дома не было даже вентиляторов.

— Соз...

— Что?

— Я как-нибудь справлюсь с проблемами наследования. Просто это застало меня врасплох.

Я вздохнула:

— Мне надо было поговорить с тобой об этом раньше. Я просто дура.

— Дура? Никогда! — Он усмехнулся. — Упрямая как черте кто — это да. Но не дура.

— Эй, — улыбнулась я. — Я пока еще твой командир, не забывай.

— По мне, так лучше жена.

— По мне, тоже. — Выйдя в отставку, ему придется получить согласие моей семьи на наш брак. Но он его получит. Даже мне было видно, как мы подходим друг другу.

— Ты тоже хочешь жену? — ехидно переспросил Рекс.

— Нет, — рассмеялась я. — Тебя. Мужа.

Его голос смягчился.

— До завтра, Соз.

— Спокойной ночи.

Я отключила связь, но сон так и не шел ко мне. Теперь мне в голову почему-то лезли его тесные штанины. Черт, этак я никогда не усну. В конце концов я села и включила свет. Синий плафон залил кровать неярким светом.

Книга, которую подарил мне Тиллер, лежала на столике у компьютера. Я раскрыла ее на первой странице. «СТИХИ НА СТЕКЛЕ». Рисунок пером изображал покрытое зимними узорами окно. За ним угадывался неясный силуэт. Стоявший на улице — кто бы это ни был — писал что-то пальцем на замерзшем стекле.

Я перелистала книгу. Одна из страниц была заложена клочком бумаги — билетом какого-то заведения с Аркады. На странице имелись стихотворение и еще один рисунок замерзшего окна. Тот, кто стоял за окном, теперь ушел. Окно было разбито; на острых кусках битого стекла лежал снег. Стихотворение было на английском, но мой центр перевел его.

Зеркальное стекло
В каменной раме
Застыло ледяной слезой.

Я бью кулаком
По зеркальной глади стекла;
Лед обжигает мне плоть.
Пальцы ранят осколки
Твоих замерзших слез.
Я вижу тебя за спиной:
В ожиданьи всегда.
В наблюденьи всегда.
Всегда в недовольстве глухом...

От взглядов, что ранят меня.
Спрятано сердце мое
В панцирь из синего льда.

— Бред какой-то. — Я захлопнула книгу. — Странные какие-то стихи. — Я уронила книгу на столик и снова легла. Что делает сейчас Рекс? Спит? Интересно, а он спит одетый? Неясные образы, навеянные стихотворением, смешивались у меня в голове с Рексом, почему-то без формы.

В конце концов я встала, оделась и вышла прогуляться. Выбор был невелик: прогулка или холодный душ.

От толп народа, разгуливавшего по Аркаде вечером, не осталось и следа. Я прошла южную часть Афин, потом трусцой пробежалась по шоссе, ведущему через вырубки к космопорту Делоса. Добравшись до первого терминала, я поднялась на верхний уровень, где располагались секторы прилета-отлета. Место отличал уникальный, присущий только космопортам дух: здесь никогда не гаснет свет, а стены залов отделаны хромом и зеркалами. Я шла по ярко освещенным пустым коридорам словно убийца в черных башмаках.

Коридор вывел меня к одному из постов безопасности — арке метра два высотой. В отличие от древних систем, реагировавших только на металл, эта арка регистрировала множество параметров, начиная с магнитных полей и кончая химическим составом костей. Компьютер обрабатывал эти данные и анализировал поведение пассажиров.

На посту дежурили двое, мужчина и женщина. Через арку тянулась цепочка усталых ночных пассажиров. Я встала в очередь — просто так, это место было не хуже и не лучше любого другого. Все лучше, чем возвращаться в гостиницу, где у меня не будет другого занятия, кроме как читать заумные стихи про спрятанные сердца, что бы там ни имел в виду их автор.

Пока очередь двигалась к арке, все больше полусонных людей пристраивались за мной. Когда настал мой черед, я шагнула сквозь арку и повергла дежурных в шок. Сразу же замигали тревожные огни и взвыли сирены. В общем, шума было вполне достаточно, чтобы разбудить всех находившихся в радиусе километра.

Охранники заступили мне дорогу. Женщина бросила взгляд на мои нашивки, потом обратилась ко мне по-английски:

— Простите меня, праймери. Мы не можем пропустить вас, пока не разберемся, в чем дело.

Я кивнула. Хотя сколийские законы и разрешали Демонам проносить оружие в зоны посадки космопортов, земные законы были строже. Поэтому мы довольствовались компромиссом: все время, пока мы находились в зоне, наше оружие оставалось у охранников.

Я вытащила из подошвы выкидной нож, и охранники тут же взяли лазеры на изготовку. Я протянула нож женщине. Она

оцепенело уставилась на него, потом спрятала свой лазер в кобуру и взяла у меня нож. Потом я сдала ей духовую трубку, спрятанную у меня в рукаве, и маленький игломет из-под пояса. Она держала весь этот арсенал, будто не зная, что с ним делать.

— Это все? — спросила она.

— Да, — кивнула я.

Мужчина посмотрел на экран детектора и указал на металл в моей куртке.

— Это обязательно включит сигнализацию.

Я сняла куртку и протянула ему. Под курткой у меня была Нижняя Форменная Одежда тип 3, класс отделки 6 — другими словами, простой черный пуловер. Однако когда мужчина обнаружил защитную металлическую чешую еще и на моем нижнем белье, его я снимать отказалась наотрез.

Он покраснел:

— Я не имел в виду... конечно, нет.

Я провела рукой по своему торсу, потом по голове, потом по бедрам.

— У меня там еще биомеханическая система.

Он присвистнул:

— Ладно. Попробуйте еще раз. Посмотрим, что получится.

Я обошла арку и сделала еще один заход. Сирены взвыли так же громко, как в первый раз. Охранники вежливо, но решительно обыскали меня на предмет спрятанного оружия. Так же вежливо они заставили меня пройти через детектор еще три раза и только после этого поверили, что сигнализация срабатывает на металл в моей одежде и на биомеханическую сеть в организме. Тем временем очередь за мной все росла и росла...

— Чисто, — сказала наконец женщина.

Мужчина кивнул:

— Олл райт. Можете проходить, праймери.

Кто-то в очереди зааплодировал. Я рассмеялась — и половина людей подпрыгнула. Должно быть, они насмотрелись фильмов про обезумевших Демонов.

Миновав пост безопасности, я и понятия не имела, куда мне идти дальше. Я просто шла и шла куда глаза глядят. В конце концов я оказалась у запертого выхода на посадочный перрон. Я стояла у стеклянной двери, глядя на собственное отражение в стекле.

— Собираешься в отставку? — спросила я у женщины, глядевшей на меня. Возможно, и правда мне пора уйти, отдохнуть, стряхнуть груз лишних воспоминаний.

У меня за спиной послышались чьи-то шажки. Детский голос спросил что-то по-английски. Я прислушалась.

— У тебя есть мотоцикл?

Я обернулась. Девочка лет пяти вытаращила на меня огромные глаза. Я улыбнулась и еще раз испытала свои познания в английском:

— Что такое «муттер-пси-кал»?

— Это вроде большого велосипеда, — улыбнулась она в ответ.

— О! — Что такое «ло-пси-бед», я тоже не знала. — А у тебя самой есть этот пси-кал?

Она тряхнула головой:

— Трехколесный, красный. У него в колесе дырка.

Колесо? Ах вот что. Она имеете виду «циклы». Разумеется.

— Мне очень жаль, что там дырка.

— Ничего, — сказала она. — Мне папа все починил. Из шины вышел весь воздух, а он ее снова накачал.

Что-то в белиберде, которую она говорила, было для меня отчаянно важно, но я не могла понять, что именно. Потом я увидела мужчину, спешившего к нам по коридору.

— Кимберли, не приставай к тете-солдату!

— Ничего, — улыбнулась я. — Мне нравится.

Он уставился на меня, и я поймала всплеск его мыслей: удивление по поводу того, что я реагирую как нормальный человек.

— Пока, — помахала мне Кимберли.

— Пока, — откликнулась я.

И тут до меня дошло, что в ее словах было такого важного. Ничего. Из нее вышел весь воздух, а он ее снова накачал. Так вот что не так в этом аристо. Он не был пуст. Ему не требовалось никого, чтобы заполнить пустоту.

Из опыта общения с Тарком я хорошо знала, что ощущает аристо. Он как пустая оболочка. Но аристо из бара нельзя было назвать пустой оболочкой. Я не права: с ним не «что-то не так»; с ним как раз все в порядке.

— Он не аристо, — произнесла я, обращаясь к запертой двери. — Мне плевать, как он выглядит, как говорит, как двигается. Он не аристо.

Но в свете всего этого инцидент в баре выглядел еще более странным. Его охрана, люди в баре, даже весь мой отряд приняли его за хайтона. Только хорошо подготовленный псибернавт, которому к тому же довелось побывать Источником, смог бы распознать подделку.

Как он смог сделать это? Насколько мне известно, жесткая кастовая система купцов не допускает исключений. Все дети аристо проходят генетические тесты, подтверждающие, что их родители — аристо. Его права на наследство должны иметь надежнейшие подтверждения — иначе хайтоны не признали бы его своим. Тесты ДНК проводятся эйюбианскими больницами, персонал которых теоретически невозможно подкупить, хотя я имела на этот счет некоторые сомнения. Все же предположить, что даже хайтон может подкупить сразу трех независимых экспертов, не могла даже я.

И с чего им это делать? Сама процедура генетических экспертиз существует благодаря стремлению аристо сохранить чистоту генофонда своей касты.

Нет, в этом решительно не видно было никакого смысла. Происходило что-то странное, а во всем, во что вовлечены купцы, я не любила ничего странного. Самое время узнать, зачем они на Делосе.

Я вернулась к посту безопасности за оружием и отправилась обратно в гостиницу — только захватить дезинтегратор. Я носила его в кобуре у пояса, дополнительно пристегнутой ремнем к ноге. Дезинтеграторы — не самое компактное оружие, поскольку основной их деталью является ускоритель частиц. При всем этом они неожиданно легки, ибо в отличие от другого ручного оружия сделаны не из более дешевых, но тяжелых сплавов, а из композитных материалов.

Топливом моему дезинтегратору служили абитоны — частицы, противоположные битонам, крошечным кирпичикам, из которых строится материя, открытым в двадцать первом веке. Битоны — еще их называют вимпонами — являются наименьшими из всех известных, почти не взаимодействующими друг с другом элементарными частицами, связанными тем не менее с электромагнитными полями. Процент образования устойчивых пар у них минимальный, и подобно кваркам их почти невозможно найти в свободном виде. Собственно, электроны состоят из битонов — сотен тысяч битонов.

Когда я нажимаю на спуск дезинтегратора, абитоны попадают в ускоритель и разгоняются по сужающейся спирали, пока не вырываются из ствола узким лучом. Соединяясь с битонами, абитоны аннигилируют, высвобождая фотоны, то есть луч дезинтегратора превращает электроны в свет. И если даже малая часть составляющих электрон битонов аннигилирует, электрон становится столь нестабильным, что распадается.

При прохождении через воздух количество взаимодействующих абитонов и битонов сравнительно невелико, то есть луч дезинтегратора проходит ограниченное расстояние в воздушной среде почти без потерь. Другое дело — твердые тела. Как только луч начинает пожирать электроны твердого вещества, нестабильность задетых электронов и энергия аннигиляции приводят к тому, что материал фактически взрывается.

Я не имела намерения убивать аристо; что бы там ни думали про нас люди, Демоны вовсе не убийцы по натуре. Кроме того, убийство аристо, даже поддельного, не даст ничего, кроме затруднения и без того безнадежных переговоров, которые мы время от времени пытаемся вести с купцами. Мне нужна была только информация, и дезинтегратор мог послужить отличным средством, чтобы убедить его выдать информацию мне.

Разумеется, после моего ухода он может обратиться в полицию. Но земляне не питают к аристо особой любви. Я рассчитывала на то, что, если я всего только задам ему несколько вопросов, они просто не дадут делу ход.

Я снова вышла в город, на этот раз в холмы Афин, примерно в десяти километрах к северу от Аркады. Этот район застраивался преимущественно дорогими особняками, отделенными друг от друга парками. Это занимало даже больше места, чем космопорт. Вряд ли аристо будет проживать в гостинице, если у него есть возможность снять особняк. Вопрос только, какой именно?

Большая часть участков ярко освещалась фонарями. Дома здесь напоминали формой корабли, изваянные из зеленого камня; даже газоны, на которых они стояли, казались морской поверхностью. Роль мачт исполняли позолоченные металлические шпили с нанизанными на них разноцветными дисками.

Даже нервоплексовые улицы в эти часы, когда движение почти отсутствовало, казались красивыми: серебристыми и гладкими. От моих шагов по нервоплексу пробегала легкая

рябь. Все равно не люблю эту штуку. На ней я ощущаю себя уязвимее.

Я свернула в один из парков и пошла по тропинке, вьющейся между холмами. Я начинала уставать. Из-за разреженной атмосферы казалось, будто я лезу на высокую гору. Я задержалась у поля, поросшего клевером; грудь моя вздымалась, словно мне не хватало воздуха. Тут и там виднелись цветы, и с каждым дуновением ветерка цветы пели.

Я опустилась на колени и пригляделась к цветам. Каждый представлял собой гроздь бледно-розовых трубочек; судя по всему, именно эти трубочки и посвистывали на ветру, меняя тон в зависимости от длины и формы. Все вместе сливалось в нежную мелодию, плывущую в ночи. Она напомнила мне песенки. Мой брат Келрик играл такие на дудочках и блок-флейтах, которые мастерил в детстве. С тех пор прошло много лет; Келрик вырос в гиганта, и самая большая блок-флейта умещается у него в ладони. И все же чаще всего я вспоминаю его семилетним, каким он был в день, когда мы с ним укрылись от грозы в пещере.

Я спохватилась. Так я никогда не найду аристо: предаваясь воспоминаниям о детстве, бродя по поющим полям или шатаясь по улицам, как последний бродяга. Я вернулась на тропу и пошла дальше, пытаясь настроиться на медитативный лад. Окружение располагало к этому. Вряд ли я смогу достичь многого, не имея в распоряжении псифона, но если где-нибудь поблизости случится достаточно сильный псион, я смогу уловить отблески...

Боль!

Его лицо нависало надо мной, красные глаза горели как ржавые языки пламени из горелки. И железный прут с раскаленным докрасна концом... я отвернулся...

Мое тело дернулось, когда раскаленное железо коснулось его; запах горелой кожи смешался с вонью жженого нервоплекса. Я услышал вопли, детский голос, молящий о чем-то... мой голос? Я забился, стараясь заглушить боль. Я вообразил себя дома, на Тамсе, сидящим в Саду Слоновой Кости, расслабленным, счастливым... НЕТ! Мои руки дернулись, пытаясь опуститься и оттолкнуть железо. Но чем сильнее я бился, тем туже стягивались нервоплексовые петли на моих запястьях. Он снова надвигался на меня, и я провалился в бездонную пропасть его разума, и падал, падал...

Что-то больно впилось мне в бок. Я лежала на животе, прижавшись щекой к шершавой поверхности скалы;

Тропа. Я лежала на тропе в парке. Я села, пытаясь унять дрожь во всем теле. Да, я в парке. Одна. И меня зовут Соз. Соз. Я вовсе не тот кто-то, кто лежал там связанный и кричал. Где «там»? И кто этот аристо, чье лицо нависало надо мной? Моя память шептала мне, что это Тарк, но это никак не мог быть он.

Я сделала глубокий вдох. Я нашла аристо — или по крайней мере одного из его Источников.

Повтор! подумала я.

Некачественная запись, ответил мой центр.

Ничего удивительного. Человеческий мозг не способен делать идеальные записи воспоминаний даже с помощью таких совершенных процессоров, как мой центр. Но событие такой интенсивности, как то, которое я пережила только что, должно было записаться более или менее пристойно.

Проиграй то, что записалось, подумала я. *Только через фильтр.*

Включаю повтор.

Я снова увидела нависающее надо мной лицо аристо, ощутила на коже раскаленный металл. Но фильтр придавал воспоминанию какую-то отстраненность, понижал интенсивность так, что я могла уже терпеть это.

Стоп-кадр! подумала я.

Воспоминание замерло. Лицо аристо придвинулось ко мне вплотную. Это не Тарк, но и не поддельный хайтон из бара. Это один из его охранников — высокий, с кровью аристо, проявлявшейся в его глазах и волосах. Сын аристо и серва? Я решила, что он по меньшей мере наполовину аристо, возможно, и больше. Во всяком случае, достаточно, чтобы он нуждался в Источнике.

Довольно, подумала я. Воспоминание исчезло.

Я закрыла глаза, пытаясь снова уловить эмоции Источника. Он один мог вывести меня на особняк аристо. Но у меня ничего не вышло. Я не могла заставить себя снова проникнуть в его сознание.

В конце концов я поднялась и пошла дальше. Постепенно мой пульс замедлялся, а дыхание успокаивалось. Я послала запрос компьютеру, и тот сообщил, что процент адреналина в крови почти вернулся к норме.

Выждав немного, я повторила попытку. На этот раз я искала с опаской, наготове... вот! Я отпрянула от сознания Источника, но не настолько, чтобы тонкая ниточка, связывавшая нас, оборвалась. Я удерживалась на краю, не давая себе погружаться в его мысли.

Потом, стиснув зубы, я осторожно попробовала красноглазого охранника. В нормальных обстоятельствах я не уловила бы его на таком расстоянии. Однако его ментальная связь с Источником служила мостом между нами. Я удерживалась на краешке его сознания словно пловец, цепляющийся за корень, чтобы не попасть в водоворот. Вопль Источника прорезал мое сознание, и охранник замычал от оргазма.

Я почти не замечала ни парка, ни дерева, к стволу которого я привалилась. Как могу я заставить этого садиста остановиться? Я не могу поменять химические процессы в его мозгу. Но надо же сделать что-нибудь!

Надоело! Я внедряла эту мысль в его сознание со всей силой, на которую только была способна. Надоело! Этот Источник ужасно, кошмарно, возмутительно НАДОЕЛ!

Охранником овладела сонливость, притупившая его интерес к Источнику и одновременно ослабившая мою связь с ним. Образ уходил от меня. Эхо боли, исходившей от Источника, смолкло, зато его облегчение вспыхнуло с такой интенсивностью, что я снова увидела не только охранника, но и комнату. Рядом оказался еще один Источник — девочка, привязанная к соседнему дивану.

По мере того как интенсивность эмоций первого Источника падала, сменяясь усталостью, моя связь с ним также слабела. *Где?* думала я по-эйюбиански. *Где ты?*

Но его сознание уходило — скоро я вообще не ощущала его. Охранник ушел из комнаты... погоди-ка, второй Источник, девочка, — должно быть, охранник развязал ее, прежде чем уйти. Она подбежала к мальчику; интенсивность ее сострадания снова позволила мне включиться.

Я буквально прыгнула в ее сознание. *Где ты? ГДЕ?*

Она, плача, освобождала его руки от пут. Он рухнул на нее, и связь снова ослабла. Прежде чем она оборвалась окончательно, я успела уловить образ особняка в форме большого галеона. Не думаю, чтобы кто-то из Источников послал этот образ в ответ на мой вопрос; скорее он просто промелькнул в воз-

бужденных мыслях девочки. Как бы то ни было, теперь у меня имелся хоть один ориентир.

Я искала час, но так и не нашла его. В конце концов я решила вернуться в гостиницу. Я могу продолжить поиски и утром. Если я ориентировалась правильно, я находилась где-то недалеко от улицы, ведущей из холмов в центр. Я миновала небольшой фонтан, из которого вместо воды били благовония, и вышла к клумбе колокольчиков. За клумбой блестела нервоплексом мостовая.

По ту сторону улицы стоял особняк, который я искала.

Дом, казалось, плыл по газону. Кусты были подстрижены в форме волн; даже белые цветы на их верхушках изображали пену. Мачты светились в ночи, а свернутые паруса казались золотыми.

Вокруг дома и сада в воздухе дрожало легкое свечение, окрашенное в цвета радуги. Я знала, что это за цвета. Я часто видела такие же вокруг членов Триады — моей тетки, отца и двоюродного брата. По распоряжению Ассамблеи такие радуги сопровождали членов Триады во время любого их появления на публике. Свечение являлось единственным заметным извне признаком работы киберзамка — имплантированного в мозг защитного блока, включаемого и выключаемого извне. Во включенном состоянии киберзамок образует поле, настроенное на волну пси-излучения владельца. У меня тоже был такой, хотя я редко пользовалась им. Все, что попадает в такое поле, включает киберзамок: слабые поля запускают сигнализацию, средние — отталкивают вторгшихся, мощные — убивают их.

Был ли этот замок настроен на хайтона? Это означало бы, что он подвергался хирургической операции по вживлению замка в мозг: мучительный процесс. Мало кто из людей осмеливается пройти подобную операцию. То, что такого юного аристо охраняли столь изощренными способами, казалось таким же необычным, как и все остальное, что с ним связано.

Сквозь радуги свободно пролетали птицы, что означало: поле включено на минимальное напряжение. Простая сигнализация, извещающая о каждом, приближающемся к дому. Ни лазейки.

Ускоренный боевой режим, подумала я.

Ускоренный режим включен, ответил центр.

Я изучала особняк, пытаясь рассчитать наилучший подход. При включенном боевом режиме мое тело целиком полагалось на вживленную в него биоинженерную структуру. Единственным фактором, ограничивающим скорость моих движений, являлось время, необходимое биомеханизмам для того, чтобы двигать моими членами. И это было быстро, куда быстрее, чем реагируют нормальные мышцы. Правда, я не злоупотребляла этим режимом: даже при укрепленных костях и суставах подобная скорость могла повредить мой скелет.

Я сражалась рефлекторно, повинуясь командам боевых модулей моего центра — это тоже позволяло значительно ускорить реакцию. Конечно, заранее запрограммированных реакций не всегда хватало в непредсказуемых боевых ситуациях. Да и от ускоренных реакций мало проку в защитном поле. Как все же мне попасть в дом?

Придумала. Я улыбнулась. Нет, это невозможно. Абсолютно нереально.

— Почему бы и нет? — спросила я себя.

Серебристые колокольчики на клумбе мелодично звенели, пока я проходила мимо. Я пересекла улицу; нервоплекс тревожно напрягся у меня под ногами. Я ступила прямо в радугу защитного поля и зашагала к парадной двери.

И постучала.

Дверь распахнулась мгновенно, открыв взору двух охранников с лазерными карабинами на изготовку. Их изумление ударило в меня резким порывом ветра: неужели их господин действительно настолько рехнулся, что пригласил меня сюда? Неужели я настолько рехнулась, что приняла приглашение?

— Мое почтение, — произнесла я — и тут же ударом ноги выбила карабин из рук его владельца, одновременно взмахом руки послав второго на пол.

Ни тот, ни другой не имели ни малейшего шанса позвать на помощь, прежде чем я оглушила их. Но стоило мне ворваться в дом, как в прихожей показались еще восемь охранников, спускавшихся по лестнице со второго этажа, выбегавших из дверей справа и слева от меня. Что за черт? Хотя хайтоны всегда перемещаются с охранниками, число их редко превышает четырех. Я ожидала только тех пятерых, что видела в баре.

Пока я оценивала угрозу, мой мозг тоже перешел на ускоренный режим: теперь все вокруг меня напоминало замедлен-

ное кино. Охранники двигались словно под водой; они почти не успели тронуться с места, а я уже навела на них свой дезинтегратор.

Оружие готово к бою, доложил центр. Перед моими глазами возникла сетка прицела, а в углу поля зрения высветились белые буквы:

Горючее: абитон
Энергия покоя: 1,9 eV
Запас: 5.95x10-25C
Магнит: 0.0001T
Радиус действия: 0,05 м

Я направила луч дезинтегратора в пол прямо перед охранниками. Путь луча сквозь воздух отмечался только оранжевыми искрами, но стоило ему коснуться пола, как полированный паркет взорвался. Воздух наполнился летящими обломками, падавшими в прожженное мной отверстие. Не думаю, чтобы владельцы особняка согласились еще раз сдать его аристо. Очень уж плохо воспитаны некоторые его гости.

Охранники замерли у края дыры, прикрыв головы руками от щепок. Но это вряд ли остановит их надолго, к тому же их было слишком много, чтобы я могла справиться со всеми даже с помощью своей биомеханической начинки. Передо мной стоял выбор: либо пойти на крайний шаг и застрелить их, либо искать другой путь пробиться к хайтону.

Я выбежала в сад. Лазерный импульс из карабина ударил так близко от моего уха, что я услышала потрескивание сгоревших волос. Кто-то выругался и прокричал приказ взять меня если и не невредимой, то пригодной для допроса, но уж никак не в виде груды головешек.

Я бросилась к башне в южной части дома. Центр управления системами охраны дома должен был располагаться именно там: купцы редко меняют привычки. Они вообще не склонны к новшествам, полагаясь чаще на грубую силу. К нашему сожалению, грубая сила остается достаточно эффективной вне зависимости от того, насколько ее обладатели лишены воображения.

Я добежала туда за пару секунд и выстрелила в замок. За дверью находился еще один охранник; его лазерный карабин

уже целился мне в грудь. Прежде чем я осознала его присутствие, моя нога уже выбивала карабин у него из рук, так что выстрел пришелся в стену справа от меня.

Он не остался в долгу. Я успела увидеть только вспышку света на металле, когда он выбил у меня дезинтегратор. Я выхватила из рукава духовую трубку и успела плюнуть в него крошечной металлической пулькой. Он перехватил мою руку и отбил выстрел стальной перчаткой, но это дало мне необходимую долю секунды, и я достала-таки его дротиком. Дротик угодил ему в шею, и он обмяк. Его кулак еще двигался в мою сторону; жилы на шее натянулись, как провода. Потом он рухнул без сознания.

Взгляд на экраны дал мне понять, что он проверял охранные системы. Первым делом я отключила киберзамок. Потом использовала его компьютер для доступа в аварийную систему Сколи-Сети, что неправдоподобно просто, если только знать, где и как искать. Получив ответ, я набрала на пульте хайтонского компьютера код, запустивший во все его системы вирус. Со времени, когда я постучала у входной двери, не прошло и минуты.

С улицы донесся звон и завывание сирен. Я подобрала дезинтегратор и выбежала из башни. На улице меня ждал полнейший хаос. Повсюду мигали огни, со всех сторон призывали на помощь сирены, по саду беспорядочно метались лучи прожекторов. Вирус задействовал все защитные системы поместья. В этом бедламе никто не заметит того единственного сигнала тревоги, который действительно мог бы им пригодиться, — того, который сработал на меня.

Я подняла ствол дезинтегратора и выстрелила. На противоположной стороне улицы расцвела оранжевая вспышка. Ветви дерева, росшего у фонтана с благовониями, с грохотом обрушились на землю.

Кинув дезинтегратор в кобуру, я бросилась к окну второго этажа. Если этот якобы хайтон следует обычаям аристо, он живет в самой недоступной комнате второго этажа.

Я забралась на второй этаж по декоративной решетке из нервоплекса. Решетка прогибалась под моим весом, пытаясь сбросить меня. Будь моя реакция чуть помедленнее, ей бы это удалось. Но я добралась до балкона и перевалилась через перила, потом тихо шагнула к двери. Хайтон не задвигал занавески — я

видела его, стоявшего посреди спальни и смотревшего на безумно мигающий экран на стене.

Я выстрелила в замок балконной двери, распахнула ее и вошла.

— Мое почтение, — произнесла я на хайтоне.

Он резко обернулся:

— Как вы сюда попали?

Я мотнула головой в сторону шкафа у стены.

— Я спрячусь за ним. Сюда вот-вот придут ваши охранники и доложат, что в поместье вторгся нарушитель. Вы ответите, что видели, как я убежала в парк, и что хотите, чтобы они меня поймали.

— Я ничего такого не скажу.

— Еще как скажете. — Я задернула занавески у балконной двери и вжалась в угол между шкафом и стеной, нацелив дезинтегратор ему в голову. — Иначе я разнесу вас на атомы.

Он не спорил. Это было весьма кстати, поскольку у моего дезинтегратора кончился заряд. Я не смогла бы аннигилировать даже горстку праха.

В дверь постучали.

— Войдите, — откликнулся хайтон.

Из своего убежища я видела только аристо. Послышался скрип открываемой двери.

— Прошу прощения за беспокойство, господин, — произнес кто-то. Должно быть, охранник.

Аристо нахмурился в безупречно хайтонской манере и махнул рукой в сторону все так же бестолково мерцавшего экрана.

— Это беспокоит меня значительно больше. Что случилось? Что за женщину я видел в окно? Она похожа на сколийского Демона.

— Это она, — сказал охранник. — Та самая праймери из бара. Она разнесла прихожую и выбежала вон.

— Но зачем? — В голосе аристо сквозило неподдельное любопытство.

— Мы не знаем, господин, — послышался второй голос. — Мы допросим ее тотчас же, как изловим. — От звуков его голоса у меня похолодело в желудке. Я узнала его, хотя до сих пор ни разу еще не сталкивалась с ним вплотную. Это был тот охранник с двумя Источниками.

— Я видел, как она побежала в парк через улицу, — сказал аристо.

— Мы поищем как следует, — заверил первый охранник.

— Отлично. А теперь оставьте меня в покое. И почините сигнализацию.

— Мы еще не смогли выявить вирус, вызвавший сбой систем, господин. Возможно, нам придется отключить все системы и запускать их заново.

Аристо капризно заломил бровь:

— Ну конечно. А она тем временем заберется ко мне через окно.

— Решетки сбросят ее, господин. — Первый охранник постарался придать своему голосу максимум убедительности. — И потом, она находилась на участке меньше минуты. У нее не было времени подобраться к вам ближе.

— Рад, что вы так в этом уверены, — сухо произнес аристо. — А теперь ступайте и поймайте ее.

— Да, господин. — Я услышала, как охранники кланяются: мундиры у купцов всегда так раздражающе похрустывают, когда они сгибаются в поклоне. Дверь закрылась, и по коридору загрохотали шаги.

Аристо снова обернулся ко мне:

— Что вам нужно?

Я подошла к пульту и, не сводя дезинтегратора со своего заложника, выключила громкоговорители. По всему дому продолжали завывать сирены, но по крайней мере в комнате стало чуть тише.

— Присаживайтесь, — предложила я. — Поговорим.

Он не тронулся с места.

— Нам не о чем разговаривать.

— Тогда, в баре, вы были настроены по-другому.

Он неожиданно улыбнулся:

— Верно.

Черт, аристо с такой обаятельной улыбкой стоило бы запретить. Нет, он не может быть аристо. Только не с такой улыбкой.

— Я не верю, что вы хайтон.

— Почему?

Его удивление казалось совершенно искренним. Если он и подделка, он либо не знал этого сам, либо был поразительно хорошим актером. Но я не верила в его подлинность. На таком

близком расстоянии я безошибочно опознаю эмоции аристо — но от этого не улавливала ничего. Гладкая стена.

Я подошла к балконной двери и выглянула из-за занавески. В саду под окном дежурил охранник.

— У вас хорошая охрана.

— Похоже, недостаточно хорошая.

— Не понимаю только зачем. — Я опустила занавеску. — Вас охраняют одиннадцать человек, из которых по меньшей мере у одного в теле биомеханическая система. — Я подумала об охраннике с Источниками. — Это вроде бы говорит о том, что вы — могущественный хайтон, занимающий положение, какого вы не можете иметь по возрасту. И мало кто, тем более в ваши годы, имеет желание или необходимость подвергаться сложной и болезненной операции по вживлению в мозг киберзамка. И поскольку киберзамок контролируется не вами, а вашими охранниками, логично предположить, что они подчиняются кому-то другому.

Он уставился на меня:

— Откуда вы все это знаете?

Я не знала. О большей части этого я только догадывалась, но он сам все и подтвердил.

— Я знаю свое дело.

— Да. Похоже.

Тут уже я изумленно воззрилась на него. Ни один аристо не признает открыто, что кто-то вроде меня, являющийся для них не более чем товаром, силен в чем-либо, кроме прислуживания им, аристо. Нет, разумеется, они прекрасно знают наши способности, но никогда не признают их. Этот человек обладал манерами, выправкой, произношением хайтона. Но не презрением. Подлинный аристо не делал бы секрета из намерений наказать меня за мои поступки. Я бы ощущала эти намерения. Но я не ощущала ничего. Он казался расстроенным и заинтригованным одновременно, но и этого я не ощущала. Это было едва ли не хуже их обычной внутренней пустоты.

И тут меня осенило. Он блокировал свое сознание. Это были не-инстинктивные психологические стены, которые может воздвигать вокруг своего сознания любой — не важно, эмпат он или нет. Этого человека защищали грамотно поставленные ментальные барьеры. Он умел запрещать своему ИТК передавать сигналы другим эмпатам. Мне хорошо известно, сколь-

ко сил и времени требуется на то, чтобы обучиться этому искусству. Это входило в мою подготовку как Демона. Это отличалось от тех виртуальных дверей, которые я закрывала, показывая другим эмпатам, что мои чувства касаются только меня. Это были укрепленные защитные блоки, преодолеть которые мог только более сильный разум.

Но ведь такие барьеры ставят только псионы. Только псионы! У нормальных людей нет ни нужды, ни возможности делать это. По правде говоря, даже с помощью биомеханических систем большинство псибернавтов не способны ставить барьеры такой мощности, как я ощущала у этого человека. Он блокировал даже меня. Это означало, что он телепат, и сильный. Но ни один аристо не может быть псионом. Таких свойств просто не было в их драгоценном генофонде.

— Почему вы так на меня смотрите?

— Как?

— Словно я редкий лабораторный экземпляр.

— Я просто хочу понять, зачем Источнику путешествовать под видом хайтона.

Он вспыхнул от гнева:

— Вы... вы вламываетесь сюда, угрожаете мне, размахиваете оружием, подвергаете сомнению чистоту моей крови... Так я не очень-то впечатлен. Давайте стреляйте. Вы же Демон, вот и стреляйте. Как это вам положено? Убивать без жалости.

Мне не нужна была телепатия, чтобы видеть: его гнев настоящий. Он верил, что он хайтон.

— Мы никогда не убиваем без жалости. Как мы могли бы? Мы же эмпаты. Мы чувствуем, что ощущают наши жертвы.

— Эта вещь, которую вы называете эмпатией, — разум слабеет от нее. — Его голос сделался тише. — Это болезнь. Люди с этой болезнью должны укреплять свой разум, чтобы преодолеть недуг.

Этого-то он откуда набрался?

— Это что, говорили вам ваши родители, когда учили вас скрывать свои телепатические способности?

Он побледнел, и я не сомневалась: я попала в точку. Он был псионом, а это значило, что ни один из его родителей не мог быть аристо. Однако кто-то приложил массу усилий для того, чтобы скрыть этот факт. Почему? Да, многие хайтоны имеют детей от своих сервов и некоторые растят этих детей,

попадающих в касту посыльных. Но вырастить такого ребенка как хайтона — дело неслыханное. Это означало бы феноменальное «загрязнение» их бесценного генофонда, чистотой которого они так гордятся.

— Как долго, по-вашему, вы сможете еще скрывать это?

Он не сводил с меня глаз.

— Что вы собираетесь делать?

Я сама себе не верила: он меня боялся! Общаясь с хайтонами, я улавливала множество эмоций: презрение, злость, брезгливость, раздражение, похоть. Только не страх. Стоило им убедиться, что я Источник, как они отказывались признать, что этот Источник способен пробудить в них страх. И все же я ощущала его ясно и отчетливо.

Я его ОЩУЩАЛА!

У меня на лбу выступила испарина. Секунду назад барьеры казались неодолимыми. Теперь они рассасывались, по крайней мере для меня. Его сознание было ментальной крепостью, овладеть которой можно только путем ожесточенной борьбы умов, и все же я ощущала его. Должно быть, он добровольно убрал стены; я ничего для этого не делала. При этом я не ощущала с его стороны ни желания убрать эти барьеры, ни сознания того, что это произошло.

Он смотрел на меня с таким желанием, что застал меня врасплох. Кровь прилила мне к лицу — и к более интимным местам. *Блок!* Псимвол «Блок» вспыхнул, но не исчез, а продолжал мигать, информируя меня о том, что блок не действует. Либо его желание было слишком сильным, чтобы его заглушить, либо я ощущала то же самое. Да что со мной? Все неправильно. Нет, все правильно, и это уже неправильно.

Я глубоко вздохнула. Спокойно. Тебе надо узнать, кто он. Но как? Ну, по крайней мере я имела неплохую отправную точку: если кто-то хотел выдать его за хайтона, он должен был дать ему хайтонское имя.

— Чего я не понимаю, — заявила я, — так это того, зачем ваши родители дали вам имя, на которое у вас нет прав.

Это замечание не вывело его из себя, как я надеялась. Он только пожал плечами.

— У меня больше прав на это имя, чем у сотен других людей, носящих его.

Сотен. Так. Учитывая, что всех аристо не больше нескольких тысяч, имя должно быть из популярных. Какие распространенные среди аристо имена я знаю? Это несложно. Крикс. Тарка звали Крикс, я никогда не забуду этого. Что еще? Витар, и Джейбриол, и...

Джейбриол. Джейбриол. Теперь я знала, почему этот человек показался знакомым мне и Рексу, а ни Хильда, ни Таас его не узнали. Этот лжеаристо, этот голубок в теле хищного волка казался ожившей копией хайтона, человека, умершего, когда Хильда была еще маленькой, а Таас и не родился еще. Этот человек напоминал покойного Императора Джейбриола Куокса, отца нынешнего Императора.

Но между сидевшим передо мной купцом и голографическими портретами Джейбриола Куокса была огромная разница. Хотя покойный Император в юности мог быть и симпатичнее, с возрастом лицо его сделалось жестче, выявив его истинную натуру. Его сын, нынешний Император, был изящнее, спокойнее — и не уступал ему в пороке. Годы проявили жестокость на его лице. Человек передо мной не имел и намека на эту жесткость.

Мысль, вертевшаяся в моей голове, была абсурдной. Она не могла быть правдой. Но я хотела проверить ее.

— Как вы собираетесь править, Джейбриол? Ваш народ никогда не согласится, чтобы их Императором стал телепат.

Он покраснел:

— С разумом у меня все в порядке. Мой народ примет меня.

Нет. Нет! Это неправда. Этого не может быть. Но теперь, когда его разум открылся мне, возможность ошибки отпадала сама собой. Мы все ошибались.

Ур Куокс имел наследника.

Я заставила себя говорить спокойно:

— Вы — Источник. Это единственная возможность родиться псионом. У вас должны быть гены обоих родителей... обоих... Обоих. — Я пригляделась к нему. Теперь я явственно видела в его лице черты Куокса. Он не только напоминал покойного Джейбриола Куокса, но и имел явное сходство с нынешним Императором. — Но это значит, что ваш отец — Император — тоже хайтон только наполовину. Вы не больше чем на четверть аристо.

— Довольно! — Джейбриол стиснул кулаки. — Прекратите свои грязные нападки.

Его барьеры таяли как соль в воде. Я чувствовала его. Это было неописуемо. Восхитительно. И возбуждающе. Я хотела его — как земной лосось готов плыть против течения, через все препятствия, к месту, где нерестились поколения его предков. И потому мне хотелось броситься на него от ярости за то, что он — наследник престола хайтонов — смог так тронуть меня.

— Они все возжелают вашей боли. — Я проигрывала свою битву, я уже не могла сохранять спокойствие. — Все они: ваши министры, ваши пэры, ваши женщины, ваши охранники, ваши генералы. Ваша жизнь превратится в ад.

— Вы с ума сошли, — произнес он.

— Вы не понимаете. Вас хранят ваши барьеры. Но вы не сможете делать это до бесконечности. Если вы поскользнетесь хоть раз — один только раз, — они будут знать. Вот тогда вы узнаете всю правду о ваших драгоценных хайтонах. О вашем отце. Этот человек — монстр.

Он указал на дезинтегратор в моей руке:

— Это все, что вы понимаете. Для вас нет ничего, кроме войны и ненависти. Мой отец — великий человек, вам никогда не стать такими.

— Где вы находились последние двадцать лет? В коконе? — Мне хотелось сделать ему больно. — Хайтоны пытают людей. Ваш отец, возможно, мучил вашу мать, зачиная вас.

Его лицо побелело как мел.

— Вы с ума сошли.

— Вы думаете, я лгу? — Я махнула стволом дезинтегратора. — Отлично. Войдите в мое сознание, мистер хайтон. Вы хотите знать, что такое быть Источником? Заходите и смотрите. Если у вас хватит на это смелости.

Он смотрел на меня как человек, балансирующий на краю утеса. Потом он сорвался.

Я хотела только показать ему, что случилось со мной на Тамсе, чтобы моя память ранила его так, как ранит меня. Но не смогла остановиться. Слишком силен оказался его разум, сильнее, чем я могла ожидать по барьерам. Мы слились воедино — такое слияние я знала до сих пор лишь однажды, с семилетним мальчиком. Только теперь на его месте был взрослый мужчина, интенсивность чувств которого усиливалась яростью

и сексуальным желанием, обрушившимися на меня подобно волне.

Джейбриол Куокс был роном.

Теперь я могла ощущать его запах — мускусный, мужественный, — заполнивший воздух и туманивший мне мысли. Феромоны. Феромоны рона, не похожие ни на что другое, что может излучать нормальный человек. Все мое тело откликнулось на это. Наша ментальная связь впитывала мое возбуждение и возвращала его мне, усиливая. Точно так же она усиливала чувства Джейбриола, закручиваясь в петлю, почти невыносимую по интенсивности. Будь наши индивидуальности несовместимыми, это было бы мучительно. Но он ПОДХОДИЛ мне. Он был как возбуждающее средство: твердый и мужественный, горячий, чувственный, зазывающий...

Я погрузилась в воспоминания, как пловец, ныряющий в море. Его мысли вращались вокруг меня, словно я была единственной твердью в океане одиночества, где он жил так долго. В одиночестве он прожил двадцать один год, и только несколько недель назад... его одиночество нарушали лишь посещения наставников... отец редко навещал его...

Его обязанности не оставляли ему времени, думал Джейбриол. *У него были дела поважнее меня. Он Император Эйюбы.*

Я поняла то, что он не мог заметить: для его отца он был бы идеальным Источником. Каким-то образом Куоксу хватило ума оставить мальчика одного, избегая его, только бы не поддаться соблазну пытать родного сына.

Слишком поздно я сообразила, что стоило мне сформулировать эту мысль, как она стала известна Джейбриолу. Его рот раскрылся, потом закрылся. *Как ты могла поверить в такое?* подумал он.

Джейбриол... прости меня. Мне надо вырваться из этой петли. Отстраниться. Я не могу позволить себе этого. Я не имею права относиться с симпатией к наследнику хайтонов.

Потом я увидела его мать, Императрицу... *высокую, суровую, в черном с золотом платье на точеном теле. Золото блестело на ее запястьях и горле, бриллианты сияли в ушах. Волосы черным шелком ниспадали до талии. Глаза напоминали рубины — алые и прозрачные, как самые дорогие самоцветы. И ее лицо — такое прекрасное, такое властное, такое холодное и ледяное, твердое, как ее бриллианты. За что она ненавидит меня так?*

Что такого ужасного я сделал, что моя мать ненавидит каждое мое слово, каждое движение, каждый вдох?

Я вглядывалась в его лицо, сгорая от желания прикоснуться к его щеке, к его губам. *Джейбриол, неужели ты не видишь? Между тобой и Императрицей Куокс нет ни малейшего сходства. Она не может быть твоей матерью, ведь ты — рон, а она — хайтон.*

Замолчи! Он схватил меня за руки, словно это я была его матерью, так ненавидящей его. *Я не Источник!*

Несмотря на его сопротивление, я не сомневалась, что он начинает догадываться. Сколько времени потребовалось его деду на то, чтобы найти или создать Источника — носителя генов рона? Годы? Десятилетия? Мог он создать себе наследника-рона уже тогда? Возможно. Но я была уверена, что он использовал Источника для того, чтобы зачать сына — наполовину Куокса, наполовину рона. Это сохраняло его гены, но — что еще более важно — это требовало минимальных отклонений от поведения хайтонов. То, что он осмелился нарушить неписаные законы касты, уже поражало меня.

Созданный им сын — отец Джейбриола — завершил задуманное. Как? Используя собственные гены? Или он тоже нашел себе Источника, подарившего ему наслаждение и наследника-рона?

Я представляла себе, как Император добился экспертных заключений: угрозами и подкупом. В конце концов возможностями Куокс превосходил любого другого хайтона. Точно так же я не сомневалась в том, что позже он убил всех, кто принимал участие в фальсификации, лично приведя смертный приговор в исполнение, тайно, не оставив ни одного свидетеля подлинного происхождения своего сына.

Нет! Мысли Джейбриола мерцали словно слезы на зеркале. *Ты ошибаешься. Ошибаешься!*

Джейбриол... прости меня. Ради Бога, прости! Я задыхалась, пытаясь оторваться от его сознания. Но не могла: он всю жизнь был так одинок. Единственным неизменным в его жизни был его отец.

Великий человек, подумал Джейбриол. *Я никогда не буду достоин его имени.*

Не преклоняйся перед ним. Это не даст тебе ничего, кроме боли.

Я не преклоняюсь перед ним. Я люблю его.

Он оставил тебя одного.

Он приводил учителей. Джейбриол нарисовал в уме портрет пожилого человека с седыми волосами и большими глазами. *Марлина я любил больше всех. Он учил меня петь. У него был такой замечательный голос. Когда мне исполнилось шесть лет, он подарил мне на день рождения щенка охотничьей собаки. И он поощрял мои увлечения.*

Увлечения?

Джейбриол показал мне свою библиотеку — комплекс зданий на территории автоматизированного поместья, где он жил. Он показал мне образы себя самого, делающего уроки, поющего, читающего, пишущего, занимающегося спортом, строительством, научными экспериментами. «Увлечения». Чем было ему занять свое время? Он говорил на четырнадцати языках, играл на семи инструментах, его голос свободно брал три октавы, он преуспел в семи видах спорта. Он знал историю и географию сотни с лишним миров, разбирался на уровне доктора в математике и физике, мог легко дискутировать на тему работ земных и внеземных философов.

Ты хоть понимаешь, чего ты добился?

Я ничего еще не сделал. Он не выказывал ни малейших признаков гордости. Ему просто не с кем было сравнить свои достижения. *Как сын и наследник я не удался. Иначе с чего моему отцу избегать меня?* Он сглотнул. *Марлин перестал приходить ко мне. Так всегда: они приходят некоторое время, а потом исчезают. Только отец всегда возвращается.* Следующая его мысль была более отрывистой. *Моя няня, Камиллия. Она была со мной с ранних лет. Она водила меня гулять, пела мне колыбельные и успокаивала меня, когда я просыпался от страшных снов. Мне казалось, что каждой минуте, что мы провели с ней, нет цены...* Он помолчал, прерывисто дыша. *Потом она перестала приходить. Отец сказал, что она заболела... что она... что она умерла.*

Я видела Камиллию в его воспоминаниях: молодую женщину, ослепительно красивую, кареглазую, темноволосую копию Джейбриола. Будь у нее другой цвет волос и глаз, соответствующий стандартам хайтонов, она могла бы показаться его сестрой. Но я не сомневалась в том, что Камиллия не приходилась ему сестрой. Она приходилась ему матерью.

Стоило этой моей мысли оформиться, как я торопливо вообразила одеяло, упавшее на мое сознание, скрывая ее от Джей-

бриола. Его отец убил всех, кто знал тайну происхождения сына. Удивительно только то, что он сохранял матери жизнь так долго, что Джейбриол запомнил ее.

Но Джейбриол видел и сквозь покрывало, которым я укрыла свои мысли.

Нет. Ты не права. По его лицу сбежала слеза, потом другая. *Ты не права...*

Твой отец любил тебя. Я заставила себя поверить в это, чтобы Джейбриол тоже смог поверить. *Он изолировал тебя потому, что это был единственный способ защитить тебя. Если хоть малейший слух о том, кто ты, просочится, это убьет тебя.* Не говоря уж о его отце. *Он хотел, чтобы ты вырос сильным, способным защитить себя.*

Он еще крепче стиснул мою руку. *Как ты можешь знать что-нибудь о любви моих родителей? Ты же Демон, убийца. Да ты вообще знаешь, что такое любовь?*

Стоило ему мысленно задать вопрос, как мой разум ответил. Я пыталась удержать его, но он вошел в мою память. Он видел мое детство: девочку, окруженную шумной и дружной семьей. Он ощутил, *что* это — жить с другими эмпатами, и ощутил пустоту от отсутствия этого в своей жизни. Он видел Рекса, Хильду, Тааса, он понял, как мы близки. Он видел, как мы работаем вместе, чаще всего вдвоем с Рексом, даже на Тамсе...

И тут он наткнулся на воспоминание о Тамсе.

Его лицо исказилось, он опустился на колени, увлекая меня за собой. Мы так и застыли лицом к лицу, на коленях. Он низко опустил голову и стиснул мои руки так сильно, что его пальцы побелели. Даже стукнувшись о меня лбом, он не поднял глаз, уставившись в пол. Я уронила дезинтегратор, пытаясь натянуть на память спасительное одеяло. Но одеяло опять унесло прочь словно пушинку.

Пока Джейбриол боролся с моим воспоминанием о Тарке, я содрогнулась от новой кошмарной мысли. Я поняла, зачем существует Джейбриол. Этому имелось только одно объяснение. Ему предназначалась судьба, которую его отец и дед сочли важнее даже чистоты крови Куоксов. Они создали его с одной-единственной целью: проникнуть в Сколи-Сеть. Посредством этого купцы смогли бы окончательно покорить Сколию.

Постепенно, так постепенно, что я не сразу заметила, наши сознания разъединялись. Никто, даже роны не могут выдер-

живать такие нагрузки подолгу. Я снова видела комнату. Мы с Джейбриолом все еще стояли на коленях, держась друг за друга. Он держал меня за руки так, будто он мой любовник. Я вцепилась в его рукава с такой силой, что порвала ткань. Его лицо было мокро от слез, и я чувствовала их и на моем лице. Мой дезинтегратор лежал на полу.

Я не могла унять дрожь в руках. Джейбриол сел и выпрямился, не отпуская меня.

— Мой отец не чудовище. — Его голос дрожал. — Хайтоны — не монстры. Вот увидишь. Ты ошибаешься.

— Ты же был там со мной. Ты ЧУВСТВОВАЛ это.

У двери зажужжал сигнал, и голос в интеркоме произнес:

— Лорд Куокс?

Джейбриол уронил мои руки, будто они жгли его. Секунду я боялась, что он не ответит, заставив охранников войти и выяснить причину. Потом он совладал с собой и откликнулся:

— Ну что еще?

— Мы готовы включить киберзамок.

Мы оба вскочили. Потом он нагнулся и подобрал мой дезинтегратор.

Нет. Боже мой, нет. Как я могла отдать ему свое оружие? Конечно, он не смог бы использовать его, даже будь оно заряжено: дезинтегратор был настроен на мой мозг, и только я могла включить его. Но теперь, когда он у него в руках, мой блеф лопнет как мыльный пузырь. И он знал, кто я. Все, что ему требовалось, — это сказать: «Праймери здесь».

Джейбриол протянул мне дезинтегратор.

— Беги!

Я спряталась на прежнее место, за шкаф.

— Охранники. В саду.

Он вытер щеки рукавом. Потом подошел к двери и дотронулся до панели, выключив свет. Когда дверь открылась, лицо его было в тени.

Я услышала скрип мундира.

— Я спал, — произнес Джейбриол. — Вам придется подождать со включением до утра.

— Извините, господин, — замялся охранник. — Но я боюсь, нам надо сделать это сейчас.

Злость, смешанная со страхом, ударила мне в голову. Ни та, ни другая эмоции мне не принадлежали. Хотя я могла те-

перь читать Джейбриола настолько хорошо, чтобы знать, что он закрыт для всех остальных, мы с ним оставались в связке, порвать которую не могли. Хорошо хоть, ее интенсивность снизилась до терпимого уровня.

Почти терпимого. Воспоминание о его феромонах и их действии на меня, о его мускулистом теле под тонкой шелковой одеждой... мое тело откликнулось на него такой волной желания, что я чуть снова не выронила дезинтегратор. *Блок!* Псимвол отчаянно замигал, потом испустил хлопок и зашипел, как отсыревший фейерверк...

Теперь эта тема сменилась другой: эмоциями Джейбриола по поводу киберзамка. *Тошнотворный, невыносимый, кошмарный...*

Я перевела дух, пытаясь отстраниться от его реакций. По собственному опыту я знала, что включение киберзамка означает головокружение, не успокаивающееся до тех пор, пока его не выключат. Зачем отец Джейбриола послал его сюда, где риск настолько велик, что требуется защита киберзамка? Насколько я поняла из мыслей Джейбриола, этого не знал и он сам.

— Подождите до завтра, — повторил Джейбриол.

— Я... боюсь, я не могу сделать этого, господин.

— Я вам приказываю. — Джейбриол произнес это с леденящим хайтонским акцентом.

— Простите, господин, и еще раз простите. Но у меня приказ вашего отца.

Пауза.

— Дайте мне шесть часов.

— Я не могу. Я... мне правда очень жаль, господин. Но приказ есть приказ. За шесть часов многое может произойти.

— Два часа, — произнес Джейбриол. — Или я... я буду очень огорчен.

— Господин, я правда не могу. Если с вами случится что, Император казнит меня.

— Ничего не случится.

— Я... я не могу.

Лицо Джейбриола расплылось в улыбке.

— Я слышал, ваша дочь талантливая белошвейка?

— Господин, моя дочь никогда не...

— Нет, нет. — Джейбриол говорил теперь почти ласково. — Я слышал о ней только хорошее. Кажется, она поступала в Гильдию Портных?

— Да, господин. — Охранник колебался. — Ей отказали в приеме. Видите ли, моя дочь не порученец.

— Ну, возможно, я смогу упомянуть ее имя в разговоре с Мастером.

Минуту в комнате стояла мертвая тишина. Потом послышался скрип мундира, повторившийся несколько раз.

— Спасибо, господин... ваше высочество. — От волнения охранник глотал слова. — Спасибо.

— Так что? — Мягкость в голосе Джейбриола куда-то исчезла.

Охранник вздохнул:

— Лорд Джейбриол, прежде чем мы включим киберзамок, мне нужно проследить за ремонтом охранных систем. На это уйдет по меньшей мере два часа. — Он помолчал. — Возможно, даже четыре. Я буду нужен вам до этого?

Я чуть не фыркнула. При всей эффективности запущенного мной вируса я сомневалась, что на обнаружение его потребуется больше часа.

Голос Джейбриола снова смягчился:

— Нет. Вы мне не понадобитесь. Позаботьтесь о компьютерах.

— Слушаюсь, господин.

— Вы поймали праймери?

— Нет, господин. Она убежала в парк и повредила там несколько деревьев и силовых линий. Потом она исчезла.

— Кто дежурит в саду под балконом?

— Рэк.

Джейбриол вздрогнул как от удара. Я уловила яркий образ охранника с Источниками. Мне сделалось неуютно. *Страх перед Рэком, причины которого он пока не знает сам...*

Блок! подумала я. Страх пропал, но псимвол продолжал мигать.

— Пошлите Рэка в центр управления, — приказал Джейбриол. — Я хочу, чтобы его рапорт о праймери был записан сейчас же.

— Слушаюсь, господин. — Мундир скрипнул еще раз.

Закрыв дверь, Джейбриол вернулся ко мне.

— Соскони...

Одно то, что мое имя произносил хайтон, да еще с такой нежностью, уже сводило с ума.

— Да?

— Останься со мной.

— Ты знаешь, что я не могу.

Секунду он стоял, глядя на меня. Потом дотронулся до моей щеки.

— До свидания.

— До свидания.

Я подошла к балконной двери и выглянула. Рэк шел через газон, направляясь в дом. Сад был погружен в темноту; то ли мой бешеный вирус перегрузил систему, то ли кто-то просто вырубил электричество, чтобы обезумевшие прожекторы не мельтешили перед глазами. Под деревьями у границы с соседним участком я увидела еще двух охранников. Но при выключенном свете в спальне и в саду балкон и решетки находились в тени.

Мне потребовалось всего несколько секунд, чтобы соскользнуть на землю. Стараясь держаться в тени, я прокралась вдоль стены дома, выждала момент и перебежала через улицу в темный парк.

5. ОТРЕЧЕНИЕ

Было уже за полночь, когда я вернулась в гостиницу. В вестибюле у стойки ждала женщина — полицейский офицер. Стоило мне войти, как она подошла ко мне.

— Навархос Валдория?

Я бестолково уставилась на нее, слишком усталая, чтобы сражаться с программой перевода. Увидев мою реакцию, она спросила:

— Эспаньол?

— Ун поко, — ответила я.

— Ист дойч бессер?

Я продолжала молча смотреть на нее.

— Как насчет английского?

— Да, — кивнула я. Не потому, что мой английский намного лучше моего испанского; просто мне не хотелось торчать в вестибюле всю ночь.

— Вы и есть праймери Валдория? — спросила она.

— Да, — согласилась я.

— Боюсь, что должна арестовать вас, мэм.

— Не можете. — На самом деле это было не так, хотя я надеялась, что это может и отпугнуть ее. Ей полагалось знать, что по сколийским законам Демон не может быть подвергнут аресту; в свое время при подписании совместных соглашений земляне изрядно шумели по этому поводу. «Закон превыше всего». Очень они любят эту фразу. Но это их фраза — не наша. Если Демон нарушит сколийский закон, все, что могут сделать гражданские чиновники, — это заявить протест Командованию Имперских Космических Сил. Это не означает, что нам все сходит с рук; КИКС заставляет нас придерживаться кодекса чести, который допускает нарушение законов только тогда, когда это совершенно необходимо для защиты Империи. Но это уже заботы военных, не гражданской полиции.

Конечно, все это относилось к сколийским законам. В данный момент я находилась на территории Союза Миров Земли.

— Прошу прощения, мэм, — возразила офицер. — Но согласно параграфу 16 статьи 436-Г Договора об Основах Отношений Союза Миров и Империи, дозволяются арест и депортация любого Демона Имперских Военно-Космических Сил в случае нарушения им законов Союза...

— Ладно, — взмолилась я. — Вы надевать мне наручники?

— Нет, не думаю, что в этом есть необходимость. — Она зачитала мне мои права: все, что я скажу, может и будет использовано против меня, и так далее. Ночной портье за стойкой с любопытством наблюдал всю эту сцену. Возможно, утром об этом раструбят по всему городу: как же, Имперский Демон разгромил особняк хайтона. Я надеялась только, что по мотивам этой истории не снимут очередное кино про Демона-берсеркера.

Она отвезла меня в участок на своем аэромобиле. Силовой экран, отделявший меня от передних сидений, потрескивал электрическими разрядами. Задние двери не открывались изнутри, от чего салон напоминал черную пещеру с единственным креслом, в котором я и сидела. Женщина накинула на меня предохранительную сеть, извиняясь за «требования инструкции».

Я чувствовала себя полнейшей идиоткой. Интересно, как бы она поступила, сообщи я ей о том, что я наследница ронов.

Возможно, это избавило бы меня от хлопот здесь. Но в таком случае мне пришлось бы позже оправдываться перед сводным братом в использовании своего титула во вред Имперско-Союзным отношениям.

Полицейские в участке весьма вежливо известили меня о том, что я обвиняюсь в нарушении чужих домовладений, вооруженном нападении, порче имущества и повреждении компьютера. Фантастика. Даже при том, что я праймери, я нарушила все мыслимые их законы, и все же они, казалось, почти одобряют мои действия.

Они сделали мои голопортреты, сняли отпечатки пальцев и ладоней, а также взяли образцы тканей для хромосомного анализа. Потом провели в комнату, где меня ждали пять человек — женщины с темными волосами, одетые в черные кожаные одежды, напоминающие мою форму. Женщина-офицер выстроила нас перед стеклянной стеной, отражавшей все наши движения. Когда я сунула руки в карманы и нахмурилась, остальные пятеро сделали это вслед за мной. Сцена была совершенно сюрреалистической.

Я не видела в стекле ничего, кроме наших отражений, но не сомневалась, что тот, кто стоит по ту сторону — кто бы это ни был, — видит нас. Я попробовала расслабиться и прощупать сознанием людей за стеклом. Я ощутила присутствие нескольких человек, но псионов среди них не было.

И тут я ощутила пустоту.

Это был охранник Джейбриола — тот, с Источниками. Пустота в его сознании не так пугала, как у настоящего аристо, но все равно от его присутствия у меня словно жуки по коже ползали. И он был зол.

Я отпрянула, как олень от охотника. Защищаясь, я послала ему ментальную картину: ближайшую ко мне женщину. Однако я не сомневалась в том, что опоздала. Он успел опознать меня.

Затем они отвели меня к начальнику участка, коротышке с коротко стриженными соломенными волосами, делавшими его похожим на экзотический куст. Он обратился ко мне на незнакомом языке, похожем на тот, на котором говорила офицер, арестовавшая меня. Я непонимающе покачала головой; офицер, стоявший у него за спиной, наклонился к нему и что-то тихо сказал.

Начальник кивнул.

— Вы говорите по-английски? — спросил он меня.

— Немного, — ответила я.

— Откуда вы узнали, где остановился лорд Кир?

Лорд Кир?

— Хайтон?

— Человек, чей дом вы изрешетили.

Центр выдал мне несколько вариантов перевода слова «изрешетить», включая «Английское жаргонное выражение, обозначающее единовременное попадание в объект значительного количества боеприпасов». Начальник, должно быть, имел в виду то, что я сделала с домом. Домом «лорда Кира». Значит, Джейбриол путешествует под чужим именем. Все верно, открыто объявлять себя наследником Императора было бы с его стороны безумием.

— Источник мне указать место, — ответила я. — Его разум я принимать. — Нет, это звучало ужасно. Мой английский был в эту ночь еще хуже, чем обычно. Мне пришлось включить модуль перевода и повторить за ним: «Я определила направление по мысленному импульсу Источника одного из его охранников».

— Ясно. — Похоже, именно этого ответа он от меня и ожидал. Очевидно, в глубине души земляне признавали существование телепатии в большей степени, чем делали это публично. Но откуда он знал этот ответ? Он не мог знать о существовании Источников, если только охранник сам ему этого не сказал, а я плохо представляла себе купца, обсуждающего своих сервов с полицейским-землянином.

— Что она вам сказала? — спросил начальник.

— Источник?

— Да.

Она? Я сверилась с переводчиком, и он подтвердил мне, что «она» относится к лицу женского пола. Но первый Источник, с которым я установила контакт, был мальчиком. И я не говорила ни с ним, ни с девочкой. Может, он сознательно задает мне неверные вопросы? Где он берет свою информацию? Охранник не мог знать, что я вступала в контакт с его Источником. Даже если Джейбриол сам говорил с полицейскими, в чем я сомневалась, он тоже не знал, что я контактировала с Источниками. Я не была уверена даже в том, что это знали сами Источники.

Впрочем, я не ощущала никакого подвоха. Он просто хотел уточнить факты. Поэтому я решила ответить правду:

— Я не говорила с Источником. Я касалась сознания мальчика. Девочки — потом.

Он кивнул:

— Именно так они нам и сказали.

Они? Так он разговаривал с ними? Как?

— Они о'кей?

— Девочка лучше, чем мальчик, — ответил он. — При желании она может выписаться из больницы. Но она не хочет бросать брата. — Он сделал паузу. — Они хотели повидаться с вами. Я думаю, они хотели поблагодарить вас.

Тогда ясно, отчего охранник был так зол. Если его Источники находятся в больнице Делоса, они на нейтральной территории и не могут быть возвращены к нему силой. Но за что они хотят благодарить меня? Я ведь не отвозила их в больницу.

Потом до меня дошло, что в суматохе, возникшей в доме благодаря моему вторжению — когда все охранники искали меня, а сигнализация сошла с ума, — Источникам удалось бежать.

— Да, — кивнула я. — Я их видеть.

Больница находилась в десяти минутах ходьбы от полицейского участка. Нервоплексовые улицы отдыхали от дневной толчеи. Даже свет фонарей казался слегка приглушенным. Огромная луна уже миновала верхнюю точку своего пути по небосклону и опускалась к горизонту, заливая спящий город неярким оранжевым светом.

По дороге я спросила у начальника:

— Эти Источники — они с Тамса?

— Не совсем. Их родители были сервами, переселенными на Тамс несколько лет назад вместе с имуществом какого-то аристо.

— Значит, они родились уже сервами?

— Это все, что мы до сих пор знаем о них. — Начальник скривился. — Боже, да они и говорят-то с трудом. Даже получив шанс бежать, они едва отважились на это.

Переведи «Отважились на это», подумала я.

В данном контексте это означает «предприняли попытку бегства», ответил мой центр.

Да, они действительно храбрые ребята. И это еще мягко сказано. Даже одна мысль о побеге требовала от них преодоления многолетней психологической муштры.

— Вы помочь им? — спросила я.

Он кивнул.

— Когда мальчика выпишут из больницы, мы пошлем их на Землю. Там для них найдутся приемные родители, которые помогут им ассимилироваться.

Хоть одно доброе дело будет результатом моих сегодняшних похождений, подумала я. Теперь Источники найдут себе убежище, слово, которое так любят земляне. Земля хранила нейтралитет в войне между моим народом и купцами, обещая убежище каждому, кто будет в нем нуждаться. До сих пор я относилась к ним с подозрением именно из-за этого. Убежище представлялось мне возможностью для наших смутьянов избежать заслуженного наказания.

Этой ночью я увидела все в другом свете.

Источники лежали в отдельной палате. Я узнала их сразу, как только врачи пропустили нас внутрь. Они были близнецами лет по восемнадцати. Мальчик лежал на кушетке, а девочка сидела в кресле у изголовья, перелистывая для него голокнигу. При нашем появлении они вздрогнули и побледнели.

Я нерешительно потопталась в дверях, потом вошла.

— Мое почтение, — произнесла я по-эйюбиански, на языке касты сервов. Язык назывался так в честь Эйю'бба Куокса, прадеда Джейбриола и первого Императора. «Эйюб» было также словом, которым купцы называли свою Империю. Содружество Эйюбы. Все-таки купцы большие мастера по части названий. Не уверена, что жители покоренных ими планет испытывают к своим непрошеным господам особо дружеские чувства.

Девочка не сводила с меня огромных перламутровых глаз. Ее брат с трудом сел. На нем была пижама, но я видела ожоги на его запястьях и знала, что под одеждой их еще больше. Я не хотела думать о том, что делал с ним его владелец — слово «владелец» подходило более всего, как бы ни пытались аристо убедить всех в том, что их Источники — не рабы, а «привилегированные объекты».

— Вы та, кто приходил в дом? — неуверенно спросил юноша.

Я кивнула:

— Рада, что вы на свободе.

— Простите, что мы причинили вам беспокойство, — сказала девочка.

— Простите нас, — повторил за ней мальчик. — Мы не хотели причинять вам неприятностей.

Я не верила своим ушам: они еще извиняются передо мной.

— Мне жаль, что я не появилась раньше, скажем, восемнадцать лет назад.

— Мы больше не побеспокоим вас, — сказала девочка.

Я судорожно сглотнула.

— Вы... ничего.

Чем дольше я говорила с ними, тем хуже себя чувствовала. Они продолжали извиняться. Их сознания были открыты и беззащитны; я ощущала их стыд за то, что они были Источниками, за то, что все их так жалеют. Сказать, что они презирали сами себя, было все равно что ничего не сказать. Шрамы, оставленные охранником, проникали куда глубже, чем ожоги.

Тот душеспаситель, с которым я общалась десять лет назад после приключения с Тарком, говорил ли он мне что-то подобное? Я не помнила и не хотела вспоминать.

Полиция освободила меня сразу по выходе из больницы. Они могли депортировать меня за нарушение их законов, но не хотели делать этого. Мне показалось, что они с гораздо большим удовольствием депортировали бы охранника, выдвигавшего обвинения против меня.

Я возвращалась в гостиницу в расстроенных чувствах. Как мне жить дальше, зная, что единственный живой человек, способный стать моим супругом-роном, олицетворяет все, что я так ненавижу? Интересно, оценит ли отец Джейбриола иронию того, что, пытаясь создать абсолютное оружие против моего народа, он получил в результате исключительно порядочное человеческое существо?

Жизнь Джейбриола, объяви он открыто о своих правах на наследство, превратится в ад. Ему придется жить как хайтону в окружении людей, которые истерзают его. Для того чтобы выжить, ему придется сделаться во всех отношениях таким, как они. И если они когда-нибудь узнают правду, жизнь двух Источников, которых я видела только что, покажется раем по сравнению с его жизнью. Что станет с Джейбриолом, когда до него дойдет правда о его будущем?

Я почти знала ответ. Я видела его в моем сводном брате Кердже, возможно, даже в себе самой. Нет предела способности человеческой души ожесточаться.

Но мне не хотелось думать о том, каким станет Джейбриол. Мне хотелось помнить его таким, каким я видела его этой ночью. Возможно, он сумеет сохранить в себе достаточно человеческого, чтобы когда-нибудь встретиться с Императором Сколии за столом переговоров. Во всяком случае, он мог бы стать единственным Императором-хайтоном, способным хотя бы на переговоры с нами. И это — еще одна причина, по которой я не смогу рассказать никому о том, что узнала о нем этой ночью.

Я «знала» Джейбриола, потому что наши сознания сливались вместе. Моему сводному брату Керджу никогда не испытать такого. Даже если допустить, что ему представится такая возможность, Кердж никогда на это не пойдет. А без этого он никогда не разделит моего убеждения, что Джейбриол — наш единственный шанс закончить войну, не проиграв ее. Отец и дед Джейбриола создавали его для того, чтобы положить этой войне конец — это не подлежало сомнению, — но не мирный конец. И если Кердж только узнает, что у Ур Куокса имеется наследник, способный овладеть Сколи-Сетью, он не успокоится до тех пор, пока не будет стоять над мертвым телом этого наследника; смерть последнего предпочтительна по возможности наиболее мучительная.

Конечно, я могу заблокировать то, что узнала, воздвигнув вокруг этих воспоминаний барьер. Но это означало бы также стену между мной и всеми, кого я люблю. Рекс поймет, что что-то не так. Он никогда не докопается до истины, но поймет, что во мне что-то изменилось.

Было еще темно, далеко за полночь, когда я вновь вошла в бархатный с позолотой вестибюль гостиницы. Когда я проходила мимо стойки, дежурная оторвалась от голокнижки, над которой дремала.

— Прошу прощения, мэм, — сказала она по-английски. Она полезла куда-то под стойку и протянула мне конверт. — Это просили передать вам около часа назад.

Кто на Делосе может посылать мне письмо посреди ночи? Я взяла у нее конверт.

— Спасибо.

Поднимаясь по лестнице к себе в номер, я вскрыла послание. На листке бумаги было написано от руки: «Нам надо поговорить. Приходи в порт, к причалу номер четыре». Подписи не было.

Черт. Я так устала. Меньше всего мне хотелось сейчас тащиться в порт. Я вернулась к стойке и разбудила портье.

— Мисс?

— Да? — Она с усилием открыла глаза.

Я показала ей конверт:

— Кто приходить это?

Она непонимающе уставилась на меня:

— Простите?

Никогда не могла понять, почему земляне просят у тебя прощения за то, что ты изъясняешься так непонятно.

— Это письмо, — попробовала я еще раз. — Кто с ним приходил?

— Мужчина. Я его не знаю...

— Как он выглядеть?

— Темные волосы. Темные глаза. Похож на турка.

— Какой турка?

Она улыбнулась:

— Турция — это страна на Земле.

Зачем мужчине с Земли ждать меня на Богом проклятом причале в порту? Бред какой-то. Мне надо подняться в номер и лечь спать. Впрочем, я все равно не смогу заснуть, пока не узнаю, что ему нужно. В общем, я снова вышла на улицу.

Мне понадобилось десять минут, чтобы дойти до порта, расположенного на юго-востоке от Аркады. Волны разбивались об устои причалов и о кораллы, где торчавшие из воды на несколько сантиметров, а где взмывавшие в воздух на десять с лишним метров. Светящиеся насекомые искрами носились вокруг кораллов — собственно, надводная часть их состояла из окаменевших останков этих самых насекомых. Море светилось фосфоресцирующими полосами — голубыми и зелеными, желтыми и розовыми. В окружавших порт коралловых стенах были прорезаны стрельчатые и полукруглые арки, свободно пропускавшие самые большие корабли.

Луна наполовину погрузилась в море и казалась теперь еще одной аркой, достаточно большой, чтобы проглотить целый флот. Запах соли был так силен, что вкус ее ощущался на губах. Не уступал ему по интенсивности и запах разлагающихся водорослей. Повсюду валялись темные груды мокрых волокон со светящимися точками насекомых.

Большая часть причалов была погружена в темноту — одни пустые, другие с темными призраками кораблей. Только на двадцать седьмом причале горели яркие огни: там бригады докеров суетились вокруг грузового судна с парусами из светящегося розового нервоплекса. Краны проносили контейнеры над водой и опускали их в трюмы, а мускулистые стропальщики в синих кепках и красных рубахах кричали что-то в миниатюрные рации.

Четвертый причал располагался в дальнем конце порта, казавшемся особенно темным. Тишина здесь нарушалась только негромким плеском волн об устои. Я шла по пирсу, стараясь держаться в тени. Становилось холодно; я застегнула куртку и подняла воротник. Волны захлестывали на пирс, разбиваясь у самых моих ног, оставляя на настиле синие и золотые в лунном свете полоски песка.

— Соскони?

Я замерла. У столба стояла высокая темная фигура. Он тоже поднял воротник и натянул на глаза шапку, но я узнала его сразу. Не думаю, чтобы он слышал мои шаги, но смотрел он прямо на меня.

— Джейбриол?

Он шагнул ко мне, снимая на ходу шапку. В темноте, скрывавшей цвет его глаз и блеск волос, он казался еще красивее.

— Я уже начал бояться, что ты не придешь, — сказал он.

Я подняла конверт:

— Я только что получила твою записку. Ты давно ждешь?

— Час.

Так долго? Зачем?

— Портье сказала, что письмо принес землянин.

— Я пришел сюда в темноте, так что никто не узнал меня. Потом я заплатил местному, чтобы он отнес письмо.

— Но как тебе удалось выбраться из дому, не переполошив при этом охрану? Кстати, они еще не включили твой киберзамок?

— Я задурил им голову на ближайшие несколько часов. Я неплохо научился это делать, — добавил он сухо. — Если только с ними нет Рэка. — Он скривился. — Рэк всегда настаивает на включенном поле. Мне почти кажется, ему нравится видеть, как поле причиняет мне боль.

— Рэк — это тот, у которого были два Источника?

— Были, — кивнул Джейбриол. — Они убежали.

Я вздохнула:

— Возможно, это ему и правда нравится, даже если он сам этого и не осознает. Тебе нужно надежнее блокировать от него свое сознание.

С минуту он молча смотрел на меня. Потом заговорил:

— Ты говоришь, что аристо — садисты. Ты показывала мне ужасы. И Источники Рэка отказались возвращаться к нему. Мне не хотелось верить... — Он сделал паузу. — Но что бы ты ни говорила, мой охранник — не аристо.

— В его жилах течет кровь аристо, — сказала я. — И возможно, этой крови у него больше, чем у тебя.

Он снова вспыхнул от гнева.

— Ты сомневаешься в чистоте моей крови, даже не задумываясь о том, что это для меня значит!

Я положила ладонь ему на руку:

— Извини. Но это ведь правда.

При моем прикосновении он застыл. Потом вздохнул, будто капитулируя, и обнял меня. Теперь застыла я. Но тепло его тела, крепость его мускулов — я не в силах была сопротивляться. Я положила голову ему на грудь и охватила руками его талию. Он склонил голову, заглядывая мне в лицо с неожиданной нежностью. Его удивительный интеллект и манеры хайтона делали его старше, так что я даже забыла о том, что он почти тинэйджер, проведший всю свою жизнь в одиночестве.

И стоило ему поцеловать меня, как я забыла про его возраст. Наши сознания снова начали сливаться, что распалило мою страсть подобно тому, как огонь воспламеняет нефть.

И тут в моем мозгу мелькнул образ Рекса. Как бы ни тянуло меня к Джейбриолу, я ничего не могла поделать. Я дала Рексу свое согласие.

Я оттолкнула его:

— Извини.

Сначала он не отпускал меня. Наконец, когда он понял, что я не отвечаю, он опустил руки.

— Надеюсь, этот твой Рекс понимает, как ему повезло.

— Мне не стоило приходить.

— Подожди. Прошу тебя. — Он полез в карман и достал оттуда карточку. Это был В-скрипт, распечатка виртуальной

телеграммы, посланной его компьютеру. — Я получил это два часа назад. Я хочу услышать твою версию того, что это значит.

Я взяла карточку — и застыла. Печать на ней невозможно было спутать ни с чем. Личная печать его отца. Императора Куокса. Индекс наверху означал, что В-скрипт расшифрован компьютером Джейбриола, то есть высшую степень секретности. Император явно не рассчитывал на то, что это увидит Имперский Демон.

Послание было коротким: «Дж'бриол — я послал эскадры навести порядок на Тамсе. Лети туда, чтобы лично проследить за исполнением».

Я зажмурилась, потом открыла глаза и перечитала еще раз, чтобы удостовериться в том, что поняла все верно. «Эскадра» означала тяжелый космический крейсер с кораблями сопровождения.

— Как тебе все это объяснили?

— Никак. Но я догадываюсь. Под наведением порядка он понимает устрашение бунтовщиков, возможно, даже обстрел планеты. — Он говорил совершенно свободно, охотно делясь информацией с вражеским офицером, даже без осторожного тона, каким он говорил со всеми остальными. — Мой отец хочет, чтобы я успел туда до окончания операции, чтобы я увидел собственными глазами, как справляться с неприятностями вроде Тамса. — В его голосе прозвучало отвращение к себе. — Я не бог весть какой наследник. Мне кажется, он хочет исправить это.

— Ты смотришь на Тамс как на досадную неприятность?

— Да.

Я стиснула кулак, скомкав при этом В-скрипт.

— Эта «неприятность» исходит от массы отчаявшихся людей, затерроризированных завоевателями-хайтонами.

— Соскони. — Он взял меня за плечи. — Ты видишь ситуацию под другим углом. Я знаю, ты веришь в то, что говоришь. Но я вижу это по-другому.

Я отстранилась от него; может, хоть так я смогу возненавидеть его.

— Тогда посмотри, хайтон. — Я сунула карту обратно ему в руку. — Мы и раньше перехватывали такие шифровки. Хочешь знать, что значит это «наведение порядка»? Ваши корабли собираются уничтожить всю атмосферу Тамса.

— Ты хочешь, чтобы я поверил в такую ложь?

— Ложь? — Мне захотелось встряхнуть его. — Я сама видела такое. Твой отец уже проделал это на Си-Джей четыре, а потом на Бульсае, когда их население свергло власть лордов-аристо.

Он разозлился.

— Население Си-Джей четыре само уничтожило себя неосторожным обращением с химическим оружием. А про Бульсай мне ничего не известно. Возможно, это просто выдумка вашего министерства пропаганды.

— Я не собираюсь убеждать тебя. — Мой голос звучал уже спокойнее. — Возможно, тебя растили в изоляции, но ты не дурак. Как только ты начнешь жить среди хайтонов, ты все поймешь сам. И ты уже начинаешь догадываться, что бы ты ни говорил, иначе не позвал бы меня сюда.

В его лице не было надменности, только боль.

— Если мой отец говорит мне правду, я должен поверить в то, что ты — исчадие ада. Значит, мне надо убить тебя сейчас, пока ты не стала Императрицей Сколии. Если правду говоришь ты, значит, монстр — мой отец, и убить надо его. — Он развел руками. — Убить человека, которого я люблю? Я никогда не смогу сделать это. Ни отца. Ни тебя.

Я уставилась на него:

— Откуда ты знаешь, что любишь меня? Мы знакомы только несколько часов.

— Мы знакомы всю жизнь. — Он дотронулся до моего виска. — Мы прожили ее сегодня ночью.

Я отвела его руку. Он ошибается. Я никогда не полюблю сына Императора купцов. Это ложь.

Джейбриол снова заговорил:

— Это не поможет, Соскони. Как бы ты ни отрицала это, мы будем жить с тем, что произошло сегодня. Если ты сделаешься Императрицей, а я — Императором, это все равно останется с нами, как бы мы ни клялись уничтожить все остальное.

— Ты ведь не знаешь, что наследуешь. Ты ненавидишь все, что означает положение Императора. И ты будешь жить в страхе, понимая, что находишься на волосок от того, чтобы самому сделаться жертвой.

— Если и так, я изменю это.

— Изменишь? Боже, Джейбриол. Вся твоя Империя построена на аристо и их потребности в Источниках. Это ведь не

социальная проблема, которую можно исправить, и не несколько плохих людей, которых достаточно уволить. Тебе не уничтожить императорским указом их нужды в Источниках, как не уничтожить потребности есть или спать. Попробуй — и они распнут тебя.

Он стиснул кулак.

— Ты ошибаешься.

— Мне жаль тебя. Ты сам не знаешь, во что превратится твоя жизнь, — произнесла я мягко. — Хотелось бы мне изменить это.

— Мне не нужно жалости. Мне нужна ты.

Его страсть была так сильна, что я почти осязала ее: боль человека, всю жизнь лишенного нормальных человеческих отношений, ребенка, с самого рождения лишенного любви. И я сама жаждала его так сильно, что это ранило меня. Но если я признаюсь в этом даже здесь, где об этом не узнает никто, кроме нас двоих, я никогда не смогу смотреть в глаза всем, кого люблю.

— Я не могу остаться с тобой, — сказала я.

Он глубоко вздохнул и заговорил своим холодным хайтонским голосом:

— Тогда уходи.

Каким-то образом я заставила себя повернуться и уйти.

6. ЭСКАДРИЛЬЯ ЖАБО

Я бежала к гостинице, на бегу созывая Рекса, Хильду и Тааса. *Просыпайтесь же! БЫСТРО!* Когда я ворвалась в вестибюль, Рекс уже сбегал мне навстречу по лестнице. Я пронеслась мимо спящего портье и столкнулась с ним посреди марша.

— Я узнала, что делает здесь этот аристо. — Я осеклась, задыхаясь от бега. — Он сын Куокса.

Рекс оцепенело уставился на меня:

— *Что?*

— Наследник. — Теперь, произнеся это вслух, я сама услышала, насколько фантастично это звучит. — Человек, которого мы встретили, — наследник престола хайтонов.

На верхней площадке появились Хильда с Таасом — как раз вовремя, чтобы услышать мое заявление. Еще две секунды — и они спустились к нам с Рексом.

— Его зовут Джейбриол, — продолжала я. — Джейбриол Куокс. — Я оглянулась на них; они слушали, раскрыв рты. — Вот почему он показался нам с Рексом знакомым. Он похож на своего деда.

— Как ты узнала? — спросила Хильда.

— Я вычислила, где он остановился. Я проникла в их компьютерную сеть. Его отец послал ему шифровку насчет Тамса.

— Ты даром времени не теряла, — заметил Рекс.

Я скорчила гримасу:

— Еще меня арестовали, сняли данные, выставили на опознание, допросили и проводили в больницу навестить двух Источников, сбежавших, когда я вламывалась в особняк Куокса. Они попросили убежища у землян.

— И все это ты успела за одну ночь?

Хильда улыбнулась:

— Зачем тебе мы, Соз?

Я перевела дух:

— Ур Куокс собирается затопить Тамс.

— Как это? — не понял Таас.

— На Бульсае он сделал это, превратив часть их луны в водород. На Си-Джей четыре он использовал астероид. Они погружают водород в атмосферу и с помощью огромных разрядников заставляют его взаимодействовать с кислородом. — Я поморщилась. — На Тамсе наступит сезон дождей. И когда он кончится, в атмосфере не останется кислорода, а поверхность окажется под водой. — У меня в памяти всплыли земные религиозные книги, которые мне доводилось читать. Никакому ковчегу не спасти Тамс. Там, где в роли Бога выступает Люцифер, не спасается никто.

Рекс стиснул зубы. Мы с ним входили в состав отряда, обнаружившего остатки Си-Джей четыре. КИКС хранил наш доклад в строжайшей тайне. Мы не хотели паники, неизбежной в случае, если население Сколии узнает, что, найди Куокс брешь в наших оборонительных системах, он может запросто уничтожить наши миры так же, как уничтожил свои.

— Когда это может случиться?

— Он выслал несколько эскадр, — ответила я. — Но не думаю, что они уже на месте.

— Нам надо предупредить Тамс, — предложил Таас.

— Пусть эвакуируют население.

— Эвакуировать? — тихо переспросил Рекс. — На чем?

«Эффективно» — так Рекс охарактеризовал саботаж купцов, о котором нам сообщил Комтрейс. Я только теперь поняла, насколько точной оказалась эта характеристика. Как Тамс эвакуирует население без исправных кораблей?

Таас переводил взгляд с меня на Рекса и с Рекса на меня.

— Но даже без заводов они могут попытаться исправить двигатели.

— Ремонт — не самая серьезная их проблема, — сказал Рекс. — Главное — у них не осталось ни одного Пилота с Искусственным Интеллектом.

Я кивнула.

— Тамс — всего лишь небольшая шахтерская колония. У них просто нет опыта сборки ПИИ из обломков.

— Мы можем послать им несколько штук, — предложила Хильда. — Ведь у нас в кораблях есть резервные.

— Конечно. — Таас напрягся, словно готовясь к старту. — Мы могли бы погрузить их на беспилотные модули и координировать запуск с орбитальной батареи в Е-секторе.

Рекс прикинул шансы:

— Если роботы не прорвутся, у нас не будет возможности повторить попытку до прибытия купцов.

— Повстанцы сохраняют контроль над наземными системами обороны, — сказал Таас.

— Даже так. Орбитальные системы — это вам не игрушки. И у нас есть только одна попытка. Стоит появиться их эскадрам, и все кончено.

Все смотрели на меня. Я знала, какой приказ они ожидают услышать. Фантастический уровень развития военной техники почти не оставил человеку места на поле боя. Хотя автоматические боевые аппараты с ПИИ не могут сравниться с человеческой способностью к импровизации на поле боя, ни один человек не способен выжить при чудовищных перегрузках при маневрировании на околосветовых скоростях.

Ни один человек. Только Демон.

Волоконно-оптическая связь между нашими мозгами и корабельными ПИИ объединяет нас с кораблем в единый организм. Добавьте к этому прогресс в технологии стазиса, и вы получите оружие со скоростными и маневренными характеристиками робота и мыслительными способностями человека.

— Кроме нас, в этом секторе нет ни одного нашего отряда, — сказала я.

— Когда вылетаем? — спросил Таас.

Вот так. Никто ни словом не обмолвился о нулевых шансах на успех. Они просто ждали моего ответа, готовые идти за мной на бой, который мы не сможем выиграть. Даже если мы успеем к Тамсу, времени на эвакуацию все равно не останется.

Я уловила мысль Рекса.

Даже если мы спасем одного-единственного человека, игра стоит свеч.

Рекс... Каким-то образом мне удалось спрятать свои мысли. Я панически боялась, что все случившееся этой ночью уничтожит мои чувства к нему. И все же, когда его мысль коснулась моего сознания, я знала, что наш союз прочен, как всегда. Это ведь был Рекс, все годы находившийся рядом, больше чем мой друг, мой будущий муж. И мне приходилось делать то, что я клялась не делать никогда: посылать любимого человека на смерть. Да, я столько лет делала это, но весь ужас осознала только сегодня.

Все трое смотрели на меня, ожидая приказа.

Я вздохнула.

— Сначала нужно отправить рапорт в штаб. — Я сомневалась, что подмога подоспеет вовремя, но попытаться все равно стоило. — Потом вылетаем.

Когда мы выбежали на стоянку космопорта, до рассвета оставалось еще несколько часов. Наши корабли ждали недалеко от терминала. ДМН-корабли — одноместные машины, давшие имя эскадрильям Демонов. Формально корабли назывались «Космический истребитель ДМН-17», но пилоты предпочитали называть их как и себя — Демонами.

Корабли выстроились на площадке, как алебастровые статуэтки. На земле они были продолговатыми, с выдвинутыми крыльями; в полете же могли менять форму в зависимости от необходимости: расправлять крылья для дозвуковых скорос-

тей, прижимать их к фюзеляжу для сверхзвуковых, сворачиваться в шар, уменьшая поверхность при межзвездных перелетах, сплющиваться в эллипсоид для уменьшения воспринимаемого системами слежения сечения или для боя... Сейчас корпус был абсолютно гладкий; оружие спрятано в хорошо защищенных нишах.

Я подбежала к своей машине, скользнув рукой по гладкой поверхности. Корпус был обшит теллереном, композитным материалом, пронизанным микроскопическими волокнами из молекул трубчатого фуллерена. Теллерен отличался малым удельным весом, долговечностью и устойчивостью к воздействию высоких температур даже при гиперзвуковом входе в атмосферу. Кроме того, он самовосстанавливался, что было особенно важно при длительных перемещениях в космосе с воздействием микрометеоритов и космической пыли — гладкая поверхность заметно улучшала боевые качества машины. Как и их пилоты, ДМН-корабли являлись редкой сверхсовременной техникой, стремительной и смертоносной.

Я остановилась на полпути от носа до хвоста машины. Если бы я не знала о крошечном серебряном разъеме на гладкой поверхности, я вряд ли заметила бы его. Стоило мне приложить к разъему ладонь, как он тут же вошел в гнездо.

Контакт, доложил мой центр.

Контакт подтверждаю. Ответ пришел от Жабо, корабельного Искусственного Интеллекта.

С чмоканьем отворился шлюз, превратившийся из крошечного круглого отверстия в овал, способный пропустить человека. Внешний и внутренний люки открылись одновременно: Жабо проанализировал состав атмосферы и счел ее пригодной для дыхания.

Когда я забралась в каюту, автоматика активировала внутреннюю поверхность, осветившуюся рассеянным светом. Каюта была тесной. Все свободное место занимало оборудование: кресла-коконы, лежанка, приборы, ручное оружие, пульт питания, блок переработки отходов, вода и все прочее, что необходимо для жизни в космосе.

Я пробралась к пульту управления. Когда я прикоснулась к мембране, отделявшей его от каюты, материал разошелся так же, как входной люк: ни дать ни взять диафрагма скоростной голокамеры. Я скользнула в пилотское кресло. Оно охватило

меня как перчатка, заключив в кокон: слой волокнистого материала, достаточно толстый, чтобы защитить от перегрузок, но не слишком толстый, чтобы не сковывать движения. Поверх него скользнул на место экзоскелет, заключив меня в раму с приборами. На голову надвинулся шлем визора со светящимся табло телеметрии.

Как только кресло зарегистрировало мой вес, включились голоэкраны переднего обзора. Корабль Рекса находился у меня по правому борту; машины Хильды и Тааса — по левому. Я видела раскиданные по равнине космопорта взлетные площадки и рулежные дорожки.

У меня на шее застегнулся воротник пилотского кресла, подключив свой псифон к розетке у основания моего мозжечка. Знакомый голос Жабо, бездушный и спокойный, звучал теперь в моем мозгу: Жабо подключен.

Подтверждаю, подумала я. Мне не требовалось больше никаких проверок или паролей. Жабо был настроен на мой мозг; случись кому попытаться задействовать его — и он просто заблокирует все корабельные системы.

Запуск в псиберпространство, сообщил Жабо.

На этот раз я вошла в Сколи-Сеть черным источником мыслеволн, возвышающимся над сетью холмом темноты. Рядом блеснула вспышка, превратившаяся в еще один источник — красного цвета. Чуть поодаль возник золотой, а за ним — зеленый.

Реджабо — здесь, доложил Рекс.

Голджабо — здесь, это уже Хильда.

Гринжабо — здесь. Таас.

Доклады приняты, отозвалась я. Наш четырехсторонний обмен продолжался какую-то долю секунды.

В углу моего ментального дисплея вспыхнул псимвол, изображающий маленький замок. Защитные барьеры включены. Присутствие отряда Жабо не воспринимается другими абонентами сети.

Связь, подумала я.

Реджабо подключен, отозвался Жабо. Голджабо подключен. Гринжабо подключен.

Теперь все четыре машины связаны в единую систему. Я отрегулировала связь так, чтобы мысли Рекса, Хильды и Тааса служили фоном для моих собственных. Для пробы я сконцентрировалась на голосе Тааса, переговаривавшегося со своим

Жабо, и он тут же усилился. Я ослабила концентрацию, и его голос снова превратился в шепот. Все в порядке. Все три ментальных дисплея находились в пределах моей досягаемости, при необходимости я смогу вызвать их в любой момент.

Понадобились годы подготовки, чтобы научить мое сознание отделять все образы, звуки, запахи, вкусы и ощущения этого ментального дисплея — то, что Демоны называют психосредой, — от моих реальных ощущений. Я научилась мыслить самостоятельно на постоянном фоне этой среды. Большинству псибернавтов это так никогда и не удается — вот почему нас, пилотов-Демонов, так мало.

Я потерла виски. За все приходится платить: уровень энергии, как психической, так и энергии корабельных систем, необходимый для поддержания такой связи, ограничивает количество абонентов четырьмя Демонами. К тому же ни один человек не в состоянии вынести такого напряжения долго. Эта связь лишает нас малейшей интимности, соединяя напрямую с эмоциями не только друг друга, но и с эмоциями врагов. Но все же работающая связь — настоящее чудо. Мы можем общаться везде и всегда, при любых обстоятельствах, мгновенно.

Готовы? спросила я.

Реджабо готов, доложил Рекс.

Голджабо готов.

Выждав пару секунд и не получив третьего доклада, я подумала: *Таас?*

Еще секунда, потом: *Гринжабо готов.*

У тебя проблемы?

Нет. Просто замешкался с подключением.

Нормальная задержка для нового члена отряда. Однако в той ситуации, к которой мы готовились, она может оказаться фатальной. При обычных обстоятельствах я ни за что не допустила бы неопытного пилота к выполнению такого задания. Но у нас не было выбора. Я надеялась только, что его первый боевой вылет не окажется последним.

Проверка систем. Заставляя каждый корабль проверять не только свои системы, но и системы остальных трех машин, мы уменьшали вероятность ошибки. Проверка велась по пяти основным параметрам: навигационные системы, кибернетика, оружие, связь, гидравлика.

Проверка инверсионных двигателей, подумал Жабо.

Инверсия. Даже после многолетнего знакомства с этим принципом он все еще завораживал меня. Жабо сыпал цифрами телеметрии, а мои мысли покорно следовали за ним, словно ребенок за волшебной дудочкой. Мы не покорили световой барьер — мы просто обошли его стороной. Достижение сверхсветовых скоростей, при которых масса корабля становится бесконечной относительно более медленных объектов, протяженность равна нулю, а время останавливается, столетиями представлялось абсолютно невозможным.

Все эти столетия человечество ошибалось.

Решение оказалось до обидного простым. При сверхсветовых скоростях масса и энергия становятся мнимыми величинами, квадратными корнями из отрицательных чисел. Для попадания в сверхсветовую вселенную оказалось достаточно добавить к скорости мнимую часть. И только. Корабль огибает световой барьер словно аэромобиль, сворачивающий с дороги, чтобы обогнуть дерево. За одним исключением: для звездолета «дорога» означает реальную Вселенную.

Разумеется, математические выкладки оказались куда проще, нежели создание работающего двигателя или борьба с причудливыми эффектами сверхсветового полета. Но когда наши предки справились с этим, дорога к звездам была открыта.

Мы используем земное слово «инверсия» — «выворотка», «обращение», — поскольку оно идеально описывает суть процесса. «Инверсия» характеризует математическое соотношение между сверхсветовым и досветовым пространствами, выведенное земными учеными во второй половине двадцатого века.

По сути, двигатель выкидывает корабль из реальной Вселенной в мнимую. В момент перехода возникает болезненное состояние бытия, когда мы отчасти реальны, а отчасти мнимы. Подобное состояние, мягко говоря, сильно дезориентирует; мне не хотелось бы проверять, что случится, если этот переход не будет тактически мгновенным. Поэтому, прежде чем нырнуть в сверхсветовое пространство или вынырнуть из него, мы приближаемся как можно ближе к «дереву», то есть разгоняемся до скоростей настолько близких к скорости света, насколько позволяет топливо.

К несчастью, это означает, что выход из инверсии на релятивистских скоростях сопровождается выбросом значительного количества энергии и элементарных частиц. Поэтому выхо-

дить из инверсии вблизи твердых объектов равнозначно катастрофе. Собственно, то же относится не только к твердым телам, но и вообще ко всему за исключением почти полного вакуума.

Инверсия радикально изменила характер боевой техники. Технология усовершенствовалась до такой степени, что нормальные люди уже не справлялись с боевыми нагрузками. С появлением боевых кораблей и ракет, способных инверсировать из сверхсветового пространства на околосветовой скорости, такие понятия, как «линия фронта», потеряли всякий смысл. Средства обороны, развивавшиеся параллельно со средствами нападения, позволили сохранять наши обитаемые миры в относительной безопасности. Но стеречь весь космос мы не могли. Огромные космические секторы были лишены границ, обозначавших, что принадлежит Эйюбе, что — Сколии, а что — Земному Союзу.

Инверсионный двигатель в норме, доложил Жабо.

Проверка фотонной тяги. Хотя вблизи планет корабль использовал водородные двигатели, в открытом космосе он приводился в движение фотонными.

Фотонные двигатели в норме и готовы к инициированию.

Топливо?

Состояние полей позитронных баков в норме.

Отлично. Внутренность магнитных баков сама по себе представляла вселенную, место, бывшее одновременно реальным и мнимым и существовавшее, только пока работал инверсионный двигатель. Ситуация была куда проще, чем с людьми, поскольку элементарные частицы не испытывают психологической травмы от сознания наличия у них одновременно реальных и мнимых частей.

Селектор улавливал в космическом пространстве релятивистские электроны, а магнитные баки выделяли в зону сгорания позитроны. Материя/антиматерия. Они взаимодействовали, выделяя фантастическое количество энергии, создававшее тягу. Барьеры из гамма-лучей и сверхпроводящие решетки защищали корабль от собственных тепловых выделений, в то время как двигатель сообщал ему фантастическое ускорение.

Последним важнейшим элементом корабля являлась стазисная катушка, сохранявшая неизменной квантово-волновую функцию корабля в момент ускорения. Перегрузки при уско-

рениях не могли повредить нам, поскольку наша молекулярная конфигурация на время стазиса фиксировалась. Мы не застывали: наши атомы продолжали вибрировать, вращаться и делать то, что они делали в момент активации катушки. Атомные часы, измерявшие ход времени в стазисе, продолжали работать. Но ни один из атомов не менял своего квантового состояния, что означало: наш корабль и все, что в нем находится, становятся жесткими даже при мощных нагрузках, которые мы испытывали. Без такой защиты перегрузки просто стерли бы нас в порошок.

Прерываю стартовый режим, доложил Жабо.

Что происходит? спросила я. В моем сознании проявилось изображение земного спутника, показанного так реалистично, что я видела заклепки на его корпусе. Под спутником появилось кодированное послание. Пока эта белиберда плыла по моей психосреде, Жабо давал одновременно письменный и устный перевод депеши.

Бред сивой кобылы. Послание касалось меня. Земляне посылали в КИКС рапорт о моем аресте. С греческого на сколийский его переводил лично Тиллер Смит.

Жабо, кой черт эта картинка появилась именно сейчас?

Когда я перехватывал передачу, твой центр среагировал на имя «Тиллер Смит».

Я обратилась к своему центру: *Почему ты среагировал на Тиллера Смита?*

По твоей шкале интересов он имеет восемьдесят два процента.

Чушь. Почему он вычислил, что Тиллер Смит так интересует меня? Сейчас, когда я готовилась к бою, мне меньше всего нужна была дурацкая картинка со спутником.

Проверка модуля отбора информации, подумала я. *И вовсе не обязательно давать Тиллеру Смиту такой высокий индекс.*

Проверка. Потом: Модуль отбора информации в норме. Причина появления информации — твоя реакция на содержание подаренной им книги.

С чего это книга нечитабельных стихотворений так возбуждает мой центр? *Убрать все команды, связанные со «Стихами на Стекле».*

Принято. Изображение спутника исчезло.

Праймери Валдория, подумал Таас. *Я не могу избавиться от вашего спутника. Он мешается у меня на дисплее.*

Какие команды ты пробовал?

Стоп, Отмена, Прервать, Выход, Пока, Система, Вырезать, Вытолкать, Черт подрал.

Черт подрал? Что еще за команда?

Это я так ругаюсь.

Я улыбнулась. *Попробуй «Стереть».*

Получилось. Его псимвол «Стереть» появился на моем дисплее: пышная дама в легком одеянии и с ведром краски. Она провела кистью по юбке, и та исчезла. Вслед за юбкой исчезла и дама.

Я рассмеялась. *Все готовы к взлету?*

Готов, подумал Рекс.

Готов, подумала Хильда.

Готов, подумал Таас.

Тогда пошли.

Включаю водородные двигатели, доложил Жабо. Для маневров вблизи планет корабль использовал водородный двигатель, тяга которого создавалась потоком раскаленной плазмы.

Диспетчерская разрешила нам взлет с двенадцатой площадки. Но пока мы рулили туда, в моем аудиокоме затрещал голос диспетчера:

— Простите, праймери Валдория. Вашей четверке придется немного подождать. Двенадцатая занята.

— Вас понял. — Мы притормозили. *Что, черт возьми, происходит?*

Жабо дал мне изображение нескольких кораблей, изготовившихся к взлету на площадке, мимо которой нам предстояло выруливать на двенадцатую.

На борту виднелась эмблема купцов — выгнувшая спину пантера. Корабли ждали старта в предрассветном воздухе; свет прожекторов отражался от их корпусов, как от ледяных глыб. Самым изящным был веретенообразный корабль, излюбленное средство передвижения аристо. Его окружали три тяжелых сторожевика. Учитывая, что большинство хайтонов летали в сопровождении только одного сторожевика, максимум двух, я не сомневалась в том, кого же несет «Веретено».

Куокс, произнес в моем сознании Рекс.

Да.

Мы ведь можем расстрелять его прямо здесь, мелькнула мысль Тааса.

Я нахмурилась. *То, что ты предлагаешь, — простое убийство.*

Да, согласилась Хильда.

Ну и что? не сдавался Таас.

Я не верила своим ушам. Они не шутили. Они предлагали взорвать гражданский корабль — просто так, неспровоцированно. Убить видного межзвездного лидера.

Прекратить! рыкнула я на них.

Все мои приборы показывали, что двенадцатая площадка свободна. Ничто не мешало нам стартовать с нее. Я не сомневалась, что диспетчерская просто не хотела, чтобы мы оказались вблизи кораблей купцов. Возможно, они боялись, что мы поступим именно так, как предлагали Таас и Хильда.

Вокруг площадки вспыхнули сигнальные огни. Корабли окутались клубами пара. Потом один из сторожевиков ушел вверх, опалив площадку огнем из дюз. Остальные корабли последовали за ним. Вибрация от взлета сотрясала мое тело и сознание.

Мы неслись сквозь космос наперегонки с эскадрами Куокса. Инверсировав, мы могли развивать любую нужную скорость, только бы она не была меньше скорости света.

Если бы кто-нибудь на Делосе смотрел на нас, им показалось бы, что по мере приближения к скорости света наши корабли делаются все короче и короче, все тяжелее и тяжелее. Зато после того, как мы превысили скорость света, длина наших кораблей для стороннего наблюдателя снова увеличилась до нескольких тысяч километров, а масса уменьшилась до нескольких граммов. Для нас же ничего не менялось, лети мы хоть в миллион раз быстрее света. В конце концов друг относительно друга корабли почти не перемещались.

На скорости в 141 процент световой время тоже менялось. Мы могли лететь сквозь космос хоть целый век, в то время как на Делосе прошел бы всего один час. Доведись нам достигнуть бесконечно большой скорости — и наши лишенные массы истребители протянулись бы на всю Вселенную.

Но тут нас ждала проблема. Вблизи светового барьера время текло для нас медленнее, чем для Тамса. Мы инверсировали на слишком большой скорости, так что растяжение времени швырнуло нас на несколько часов в будущее, отняв бесценные минуты, которых нам и так не хватало.

Жабо, рассчитай обратный курс, подумала я. *Компенсируй растяжение времени.*

Курс проложен.

Отлично. На сверхсветовых скоростях мы могли попасть относительно Тамса и в прошлое. Если бы сторонний наблюдатель продолжал следить за нами, он увидел бы любопытное зрелище: пока мы продолжали свой полет к Тамсу, где-то в системе Тамса появилось сразу восемь кораблей: четыре обыкновенных и четыре из антиматерии. Материальные корабли и их пилоты были совершенно идентичны отряду Жабо. Собственно, это и были мы.

Пока материальные корабли продолжали свой путь к Тамсу, антиматериальная эскадрилья возвращалась на Делос, летя хвостами вперед и накапливая горючее (вместо того чтобы расходовать его), словно в прокручиваемом в обратную сторону кино. В той точке, где я отдала команду проложить обратный курс, наблюдатель с Тамса увидел бы вспышку от аннигиляции встретившихся анти- и просто кораблей. Энергия протонов, полученных в результате взаимного уничтожения, компенсировала их потерю при создании новых кораблей и их антидвойников.

Поскольку относительно кораблей мы не двигались, мы не видели ни этих причудливых появлений, ни исчезновений. Мы просто летели с Делоса на Тамс. В любом случае результат был бы примерно одинаков: наша четверка прибывала на Тамс спустя какое-то время после старта с Делоса.

Хотелось бы мне прибыть на Тамс *до* того, как мы вылетели с Делоса, — тогда, возможно, нам и хватило бы времени на эвакуацию планеты. Но нарушить причинно-следственную связь, выйдя из инверсии до входа в нее, не удалось еще ни одному аппарату. Все, что мы могли, — это выйти как можно ближе к месту назначения сразу же за тем, как инверсировали у точки отправления. На деле это требовало некоторого времени, от нескольких часов до нескольких дней. Хотя кораблям Куокса предстояло преодолеть большее расстояние, их оснащение позволяло оптимизировать маршрут по времени.

Но мы имели одно преимущество, о котором они не могли и мечтать.

Корабль, находящийся в сверхсветовом пространстве, недосягаем для электромагнитных сигналов. Теоретически с ним

можно было бы связаться, послав в его направлении сверхсветовую элементарную частицу — тахион. Однако до сих пор никто еще не нашел надежного способа тахионной связи, не говоря уж о том, что при инверсии сигнал может достичь адресата раньше, чем был отправлен. Поэтому, инверсировав, кораблям приходится лететь независимо друг от друга. Эскадра, летевшая до инверсии в тесном строю, выходит из сверхсветового пространства рассеянной как по пространству, так и по времени. Чем больше этот разброс по времени, тем дольше им придется искать друг друга; чем больше разброс по пространству, тем дольше им собираться.

Только не нашим истребителям.

Рекс, Хильда, Таас и я были теперь единым сознанием. Больше, чем единым сознанием. Мы были частью Сколи-Сети, а это означало, что мы могли мгновенно связаться не только друг с другом, но и со всеми, чьи сознания включены в эту раскинувшуюся между звездами компьютерную сеть. Мы координировали свои действия с точностью, соперничавшей с самой скоростью света.

Конечно, псиберпространство имеет свои ограничения. Допустим, мы попытаемся узнать собственное будущее, войдя в Сколи-Сеть после того, как искажение времени зашвырнет нас вперед, и останемся в ней, вернувшись в настоящее. Время, необходимое на то, чтобы связь перестроилась и восстановилась, может запросто убить нас. Все, что наш экскурс в будущее скажет нам, — это то, что мы погибли в бою. Погибли, поскольку и понятия не имели, что делали в этот промежуток времени корабли противника.

Если же мы заглянем в будущее, выйдем из Сколи-Сети и вернемся в нее только по возвращении в настоящее, это будет означать путешествие в инверсии без пси-связи. Мы будем перемещаться в пространстве и времени, лишенные нашего основного преимущества — а это увеличит наши шансы узнать, что мы погибли в бою.

Жабо, подумала я. *Проверь Сеть. Нет ли информации об эскадрах Куокса?*

Имперские службы наблюдения засекли эйюбианские военные корабли. Их траектория нацелена на орбиту Тамса. В поле моего зрения появились цифры — время их предположительного прибытия.

Сколько кораблей?

Перед моим взглядом возникли корабли купцов. Два боевых крейсера, орбитальная платформа, три постановщика помех. И корабль-лаборатория.

Я поморщилась. Вот она — эскадра купцов. И наличие в ней лаборатории подтверждает худшие мои опасения. Лаборатория могла предназначаться для превращения астероида или луны в водород с целью заставить его реагировать с атмосферой Тамса. Одно хорошо — они пока не знали, что мы тоже направляемся туда. Хорошо бы успеть приземлиться на Тамсе и убраться оттуда до прибытия эскадры, подумала я.

Что слышно про «Веретено», стартовавшее с Делоса? спросила я.

Изображение эскадры сменилось видом кораблей Джейбриола. Их нынешний курс приведет их на Тамс почти одновременно с эскадрой.

Имеются какие-нибудь новости о ситуации на Тамсе?

Согласно последним разведданным, повстанцы продолжают удерживать наземные оборонительные системы. В то же время все имеющиеся на Тамсе входы в Сколи-Сеть выведены из строя.

Ничего удивительного. Купцы уничтожили их в первую очередь, чтобы лишить нас информации.

Что с их орбитальными системами? послал мысль Таас.

Мысль прозвучала спокойно, но я уловила его волнение. Жабо откликнулся на мою мысль, показав мне Тааса в пилотском кресле. На фоне изображения вспыхнули цифры: пульс, кровяное давление, температура, частота дыхания, мозговая активность...

Эй, подумал Таас. *Я в порядке!*

У них на орбите черт-те сколько спутников — ложных мишеней, ответила я. Эти жестянки, вооруженные в лучшем случае одной ракетой или старомодным лазером, испускали сигнал, схожий с сигналом сложного боевого аппарата. *И довольно много истребителей-автоматов. Возможно, платформа с системами дальнего обнаружения и перехвата.*

Зачем? удивилась Хильда. *Они же чертовски уязвимы.*

Жабо переключился на Рекса, полагаясь на его опыт.

Они не ожидают нашей атаки, подумал он. *У планеты нет естественного спутника, пригодного для размещения базы, а*

платформа отчасти компенсирует им переход наземных оборонительных систем в руки повстанцев.

А как насчет пилотируемых перехватчиков? поинтересовался Таас.

Вряд ли их много, подумал Рекс. *В нормальной ситуации они находятся на поверхности. Но теперь их можно ждать и на орбите.*

Особенно с учетом того, что они оснащены ПИИ, добавила я. Повстанцам достаточно было бы захватить один перехватчик и адаптировать его ПИИ к своим кораблям...

Меня сильно беспокоило присутствие орбитальной платформы. В чистой теории четверка ДМН могла бы, вынырнув из инверсии, сбить платформу и остаться в живых; не выведи мы ее из строя сразу же — мы обречены.

Разумнее всего было бы выйти из инверсии как можно ближе к Тамсу и выпустить тучу самонаводящихся снарядов — УРСов. Сумасшедшая кинетическая энергия, сообщенная УРСам нашей околосветовой скоростью, превратит их в пули с мегатонной мощностью. Обжитые планеты, как правило, хорошо защищены от нападения из релятивистского пространства, но Тамс был всего-навсего маленькой колонией в заброшенном уголке космоса. К тому же купцы хорошо понимали: не в наших интересах выступать против них открыто. Скорее всего их силы сконцентрированы против повстанцев.

Это означало, что у нас имеется шанс на успех. Велик этот шанс или ничтожно мал — уже другой вопрос. Мне доводилось видеть разведданные по ООС Тамса — орбитальным оборонительным системам купцов. Те постарались как могли. И поскольку Тамс лишился доступа в Сколи-Сети, наши данные могли устареть.

Что слышно об их Тау-снарядах? спросила Хильда.

Они у них точно имеются, подумала я в ответ. *Будем надеяться, что немного.* Тау-снаряды обладают способностью к инверсии. Правда, поскольку противник купцов до сих пор находился исключительно на поверхности планеты, я надеялась, что дорогие и сложные в обслуживании Тау-снаряды занимают в системе обороны Тамса последнее место.

Конечно, они могли бы мгновенно подавить восстание, направив на Тамс один Тау-снаряд на релятивистской скорости. Повстанцы делали ту же ошибку, что и все нормальные

люди, — они считали, что Ур Куокс не станет уничтожать планету, которая ему самому нужна.

Тут мы все его недооценили. Восстание на Тамсе сделалось символом непокорности, куда более страшным для Куокса, чем мы могли себе представить. Во всяком случае, достаточно страшным, чтобы Куокс хотел разделаться с ним как можно более наглядно и жестоко — во устрашение любому, кто осмелится поднять голос против его власти.

Нашими преимуществами, подумала я, *будут внезапность, скорость и связь. Наши уязвимые места: нас всего четверо против целой орбитальной обороны, и мы не можем связаться с Тамсом до тех пор, пока не выйдем из инверсии. Отсюда стратегия: мы реинверсируем вблизи планеты, всего в двадцати миллионах километров, сохраняя интервал между кораблями в сто тысяч километров. Подаем сигналы повстанцам, используя нейтронную связь и модулируя излучение из дюз.* Вряд ли купцам удастся противопоставить этому что-либо — гамма-излучение наших двигателей трудно не заметить, а нейтрино не остановить практически ничем.

Сразу по выходе из инверсии даем залп УРС 0,89с — самонаводящимися снарядами со скоростью 0,89 световой. *Выводим из строя их ООС и сбрасываем повстанцам ПИИ.*

Задача ясна, эхом откликнулись все мои корабли.

К реинверсии готов, доложил Жабо.

Я дала импульс фотонными двигателями — и провалилась в стазис. Собственно, единственное, что говорило о том, что я теряла сознание в момент торможения, — это скачкообразное изменение скорости на приборах. Я снова включила двигатели, и истребитель сбросил ход еще сильнее.

Звезды начали смещаться вперед, к точке, расположенной прямо по курсу моего корабля. Их свет все больше смещался к синему, пока не ушел в ультрафиолетовую зону спектра, невидимую на моих экранах...

...и мы вырвались из инверсии в безупречном строю, передавая сигналы на поверхность Тамса. Перед нами летел рой наших снарядов.

Жабо выдал на мой ментальный дисплей новую информацию: орбитальные системы встречали нас тем, что казалось целым флотом платформ. Знаем мы эти штуки: подавляющее большинство — имитация.

Вижу Тау... исчезли, доложил Жабо.

Маневр!

...и я вышла из стазиса. Жабо бросил перехватчик в такой крутой вираж, что стазисная катушка включилась, защищая меня от смертельных перегрузок.

Взрыв Тау по правому борту, доложил Жабо. Высветилась телеметрия, выдавая результаты анализа быстрее, чем успевал усваивать мозг. Тау-антиракеты с инверсионными двигателями засекли наш залп и инверсировали. Потом засекли корабли и реинверсировали, уничтожив часть наших УРСов.

При такой скорости Тау должны были реинверсировать, чтобы перехватить нас. Однако переход в сверхсветовой режим и обратно отбросил их во времени — всего на несколько секунд. Они взорвались там, где мы были только что.

Мы уже миновали планету и неслись к солнцу Тамса, набирая скорость, входя в стазис и выходя из него по мере приближения к световой скорости.

Инверсируй! подумала я.

Живот стиснуло знакомое ощущение. Мы вошли в сверхсветовое пространство и продолжали ускоряться, несясь со скоростью в миллионы раз больше световой. Время шло для нас быстрее, чем для Тамса, так что мы могли развернуться и вновь войти в планетную систему через несколько секунд после того, как покинули ее.

Реинверсия выбросила нас в нескольких миллионах километров от Тамса. Теперь мы приближались к планете со стороны солнца, выпустив остаток УРСов.

ООС нейтрализованы, доложил Жабо.

Подтверждение? Эта мысль пришла от всех четверых одновременно.

Подтверждаю. Жабо выдал статистику. Мы уничтожили всю систему: Тау, ложные мишени, автоматы и орбитальную платформу.

Я услышала, как облегченно вздохнул Таас. Хильда тоже перевела дух, а Рекс послал мне изображение собственной физиономии со ртом до ушей. Я и сама улыбалась. Получилось!

Таас смеялся: *Все их ООС были против нас, и мы их сделали!*

Я улыбнулась. *Продолжать торможение по мере приближения к Тамсу.*

Мы тормозили импульсами фотонных двигателей, при каждом импульсе впадая в стазис; мы приближались к Тамсу, замедлившись почти до скорости входа в атмосферу, мы...

Я вынырнула из стазиса, окунувшись в вой тревожных сигналов. На фоне псиберпейзажа повисли столбцы телеметрии: навстречу нам с планеты взмывали пилотируемые и беспилотные перехватчики...

Черт! *Помехи!*

Помехи поставлены, мгновенно откликнулись три голоса.

Мы исчезли. Алебастровая поверхность наших машин стала бездонно черной, не отражавшей света. Но купцы уже знали, где мы, и любое изменение скорости или курса выдавало нас излучением двигателей.

Хильда, спускайся как можно ниже, подумала я. *Мы тебя прикроем. Сбрось робот с ПИИ.* Смогут повстанцы использовать его или нет — другой вопрос. У нас просто не оставалось выбора. Мы утратили превосходство во внезапности и скорости, расстреляв к тому же все свои УРСы. Использовать фокусы с инверсией мы тоже не могли: инверсировать можно только разогнавшись до околосветовой скорости, а это означало бы бросить Хильду на произвол судьбы.

Перехватчики шли к нам с подземной базы. Компьютерный анализ говорил, что нас атакуют остатки наземных систем обороны; большая часть их была уничтожена. Жабо подсчитал 84-процентную вероятность того, что повстанцы отступили и взорвали технику, чтобы не допустить ее попадания в руки купцов.

Сначала аннигиляторы, подумала я. Подобно дезинтеграторам и фотонным двигателям это оружие действовало на основе аннигиляции взаимно отрицательных частиц. Инверсионные технологии открыли путь к созданию эффективного антиматериального оружия. Аннигиляторы использовали антипротоны с энергией в двести раз большей, чем у позитронов, или в миллионы раз большей, чем у битонов в наших дезинтеграторах. Луч ускоренных антипротонов фокусировался системой зеркал.

У лучевого оружия имеются и свои недостатки. Например, от него легче уворачиваться, чем от УРСов. Все же аннигиляторы — наиболее эффективное оружие против кораблей, использующих стазисные щиты. Объект в состоянии стазиса способен выдерживать чудовищные нагрузки — вплоть до попадания вражеского снаряда. Конечно, боеголовка опаснее для него, чем простое инверсионное ускорение, но все же его очень трудно уничтожить. Аннигилировать материю в состоянии стазиса про-

ще, чем деформировать ее, вот почему лучевое оружие сохраняет свое значение на поле боя.

Жабо, подумала я. *Обладают ли роботы или перехватчики способностью к инверсии?*

Да. Жабо указал мне на четыре беспилотных и пять пилотируемых перехватчиков с фотонными двигателями. Три перехватчика могли при этом нести УРСы.

Рекс выругался, и я стиснула зубы. Эти три гада могут сыграть с нами ту же шутку, что мы проделали с их ООС. Правда, мы получили предупреждение и попробуем поставить помехи, чтобы сбить с толку их УРСы, но мне не требовалось компьютерного анализа, чтобы видеть, как ничтожны наши шансы на успех. У нас оставалось одно преимущество: перехватчики купцов не могли связываться друг с другом в момент инверсии. Они не могли инверсировать или реинверсировать одновременно, особенно учитывая наше беспокоящее присутствие. Это означало, что залп их УРСов сразу по выходе из инверсии может с равной вероятностью поразить как нас, так и их.

Вопрос в том, готовы ли они жертвовать собственными машинами ради того, чтобы убить нас?

Я не горела желанием проверить это. Мы должны уничтожить их прежде, чем у них появится шанс дать залп.

Красный и Золотой нацелились каждый на своего перехватчика. Мне Жабо показал робота, идущего наперехват. Открываю огонь.

Луч моего аннигилятора ударил в защитное поле робота, принявшее на себя часть энергии. И все же большая часть ее достигла цели. Там, где ускоренные антипротоны соединялись с материей, они аннигилировали, выделяя потоки пионов и энергии; элементарные частицы и радиация пронизывали ядерные двигатели, вооружение, генераторы полей, удерживающих антиматерию...

...и робот аннигилировал в бесшумной вспышке. Часть его просто исчезла, поглощенная искривленным пространством магнитных баков.

Внимание, предупредил Жабо. Гринжабо обнаружен противником.

Таас открыл огонь по одному из перехватчиков с УРСами с дистанции в несколько тысяч километров. Жабо показал его выстрел на дисплее. Красная точка — значит, Таас выпустил

Тау-снаряд, миниатюрный и смертоносный звездолет. Тау-снаряды слишком громоздки, чтобы истребитель ДМН мог нести большой запас, Таас использовал четверть своего боезапаса.

И использовал его впустую. Перехватчик расстрелял его Тау аннигилятором. Снаряд взорвался достаточно близко от неприятеля, чтобы уничтожить его, и все же тот остался невредим: ПИИ бросил его в стазис. Он несся от Тааса ко мне камнем, пущенным из рогатки.

И тут он вышел из стазиса, и я захлебнулась волной страха — чужого страха, необычного и одновременно странно знакомого.

Блок, подумал Жабо. В голове у меня вспыхнул и продолжал мигать псимвол «Блок»: сфокусировав все свое внимание на перехватчике, я просто не могла отключиться от эмоций его пилота.

Это налетело на меня скорым аэропоездом. Он был так напуган, так *юн*, совсем еще мальчишка, не ожидавший попасть в бой здесь, на Тамсе... *никогда не хотел стать перехватчиком, никогда! Как только я мог пойти на это — перейти в касту посыльных такой ценой?.. Я так хотел стать посыльным... Теперь платить за это...*

Жабо, блок! По щекам моим текли слезы, слезы моего врага. Псимвол «Блок» продолжал мигать.

Огонь! подумал Жабо.

Луч моего аннигилятора ударил в него в упор. Вспышка — и от него не осталось и следа, только у меня в мозгу звенел предсмертный вопль мальчика.

Жабо, взмолилась я, всхлипывая. *Отключи центры эмоций!*

Отключены.

Та часть моего мозга, которая кричала, протестуя против убийства, оказалась заключенной в стеклянную оболочку, видимая, но неслышная. Теперь она не сможет помешать мне делать то, что нужно сделать.

Красный и Золотой обнаружены противником. Жабо высветил изображения Хильды и Рекса, уворачивающихся от двух роботов, и перехватчика с крышками люков УРСов. Кроме того, наперерез нам шли еще три робота.

Уходим по второму варианту, подумала я. По отработанному до автоматизма сценарию Жабо поочередно включал маневровые двигатели, меняя курс раз в секунду или даже чаще. Кокон защищал меня от перегрузок, а когда перегрузки стано-

вились опасными для жизни, Жабо швырял нас в стазис. Вспыхнул луч моего аннигилятора — и один из роботов исчез во вспышке света.

Луч аннигилятора с другого робота ударил точно туда, где мы находились секунду назад. Автоматическим перехватчикам не требуется стазис для поддержания жизни пилота, потому они маневреннее наших ДМН. Но их стратегия ограничена возможностями их ПИИ. Лучшие ПИИ приближаются к человеческому разуму, но только приближаются. Мы с Жабо работали вместе больше двадцати лет, совершенствуясь с каждым годом, — симбиоз, уровня которого не достичь по отдельности ни ПИИ, ни человеку.

Мой истребитель пронесся мимо третьего робота, зацепив его аннигиляционным лучом. Не успела погаснуть вспышка, как Жабо обратил мое внимание на еще один перехватчик с УРСами. Он шел в нескольких тысячах километров от нас, прикрываясь помехами, нацеливаясь на меня. Я знала бы о его присутствии даже без предупреждения Жабо. Я ощущала его пилота. Посыльный, наполовину аристо — как охранники Джейбриола.

Переключиться на импактор, подумала я. Заряд моего аннигилятора истощился. Даже при сегодняшней, доведенной до совершенства инверсионной технике запас антиматерии у истребителя ограничен, да и то значительная часть ее идет на питание двигателей.

Перехватчик несся на меня как рыцарь в броне из защитных полей и помех. Проносясь ему навстречу на расстоянии в тысячу километров, я выстрелила из импактора, выпустив очередь ракет, поражающих кинетической энергией, которая достигает на таких скоростях мощности небольшой водородной бомбы. Перехватчик заложил вираж, уходя от очереди, и выпустил облако частиц-помех. Мои ракеты ушли мимо.

Перехватчик ударил в меня из аннигилятора. Луч зацепил мои защитные поля, испустив в пространство поток элементарных частиц, однако корабль остался неповрежденным. Цифры говорили, что за последние две-три секунды я несколько раз впадала в стазис.

Очереди из моего импактора били теперь вслед удаляющемуся перехватчику. Отвернув от него, Жабо выпустил облако помех, тянувшихся за нами расширяющимся конусом.

Попадание в Голджабо, сообщил Жабо.

Золотой, доложи, скомандовала я.

Выведены из строя генераторы магнитных полей и аннигиляторы, доложила Хильда.

Одного взгляда на ее телеметрию было достаточно. Аварийные огни освещали табло, как праздничная иллюминация. *Хильда, уматывай отсюда. Лети на базу и доложи. Рекс, прикрой ее.*

Есть, подумал Рекс.

Попадание в Гринжабо. На этот раз повреждения были куда меньше, чем получила Хильда.

Таас? подумала я.

Я в порядке, отозвался он и подтвердил это точным попаданием в робота. Эффектная вспышка — и робот сделался достоянием истории.

Пилотируемый перехватчик справа, предупредил Жабо.

Я переключила внимание на новый перехватчик. *Импактор, режим Кей. Постановка помех.*

Этот новый перехватчик легко уклонился от моих снарядов. Его пилот, в свою очередь, выстрелил из импактора, но не в меня, а в космос по моему правому борту — и чуть не угодил в мой корабль, когда тот прыгнул почти точно в эту точку.

Я чертыхнулась. Хороший пилот. Слишком хороший. *Жабо, уходим по варианту «кью».*

Умри, милый Демон!

Эта мысль из перехватчика поразила меня подобно снаряду. Ее послал не телепат. Ничего общего с телепатом. Но послал с такой интенсивностью, что я не могла не уловить ее. Мысль ослепила меня своей удушающей, шокирующей ненавистью и такой же шокирующей похотью: *Умри, милый Демон! Умри. Сейчас же. Медленно. В муках. Умри, милый эмпат!*

Время слуг кончилось. В бой пошли хозяева. Этот перехватчик пилотировал аристо.

Импактор! Меня трясло, я пыталась стряхнуть с себя мысли аристо. И не могла. Единственный способ отделаться от него — отключить мозг от Жабо, а это равнозначно самоубийству.

Перехватчик бросался из стороны в сторону, и моя очередь почти не задела его. Несколько снарядов разорвались на его поверхности, но стазис защитил корабль.

На моих ментальных табло показался еще один перехватчик, и еще один «голос» зазвучал в моей голове: *Умри, Демон!*

...и я падала, падала, падала в бездонную пропасть, в черную дыру, связанная...

Блокирую, подумал Жабо. Вспыхнул псимвол, и ощущение падения исчезло.

Жабо, импак...

Истребитель дернулся вбок с такой силой, что я ударилась плечом о стальной каркас экзоскелета. Я открыла глаза; цифры сообщили, что я находилась в стазисе около секунды. Кабина звенела от тревожных сигналов.

Попадание в левый борт. Левый импактор выведен из строя.

Милый Демон. Мысль скользнула по моему сознанию сальной ухмылкой. *Ты мой.* Вторая мысль отозвалась эхом: *Нет, мой!*

И тут сквозь них прорвалась третья мысль: *Умри, милый Демон!* — и из-за помех, таких мощных, что его приближения не заметил даже Жабо, вынырнул, стреляя в меня, третий перехватчик.

Мой истребитель отчаянно содрогнулся. Попадание в левый борт. Аннигиляторы выведены из строя.

Пуск Тау, подумала я. *Стреляй по всем троим!*

Три из четырех моих пусковых установок выпустили по Тау-снаряду. Ракеты входили в стазис и выскакивали из него, разлетаясь каждая к своей цели. Один перехватчик бросился прочь от Тамса, набирая скорость; моя Тау висела у него на хвосте. Второму удалось уничтожить Тау на безопасном расстоянии. Третья ракета нашла свою цель и взорвала корабль.

Перехватчик, уничтоживший направленный на него снаряд, отвернул от меня, послав на прощание заряд ярости своего пилота: *Умри, Демон! Умри в муках!*

...и на меня свалился первый перехватчик, вывернувшись из инверсии в нескольких тысячах километров от меня, выделив такое количество энергии, что оно уничтожило бы мою машину, сумей перехватчик реинверсировать ближе...

...и тут же он исчез в ослепительной вспышке.

Есть! услышала я мысль Рекса. *Я его...*

Попадание в Реджабо, доложил Жабо.

РЕКС! Его телеметрия мелькала у меня перед главами: защитные поля — 8%, системы жизнеобеспечения — 4%, герметич-

ность корпуса — 14%. Защитные поля силовых баков на грани коллапса.

Тау! скомандовала я. Одновременно с пуском моей последней ракеты перехватчик, поразивший корабль Рекса, выпустил свою. Два снаряда набрали скорость, засекли друг друга — и инверсировали. Они вышли из инверсии у меня по левому борту и взорвались одновременно; самого взрыва я не видела, поскольку Жабо бросил меня в стазис.

Роботы справа, доложил Жабо — и я едва увернулась от двух беспилотных перехватчиков, вынырнувших из инверсии и ударивших из импакторов с двух сторон по тому месту, где я только что находилась. Их очереди пересеклись, зацепили друг друга, и оба робота взорвались.

Меня начинало мутить от непрерывного входа и выхода из стазиса. Мой центр пытался компенсировать это впрыском лекарств, но не слишком успешно.

Осторожно! предупредил меня Жабо, указывая на очередной перехватчик с УРСами, разгонявшийся от Тамса в сторону солнца.

Перехвати его, приказала я. Мы понеслись вдогонку, набирая скорость в отчаянной попытке перехвата. У меня не осталось ни Тау, ни аннигилятора — ничего. Если придется таранить этого...

Голджабо появился так неожиданно, что, если бы не Жабо, бесстрастно фиксировавший все события, я могла бы так и не понять, что случилось. Все, что я знала, — это то, что перехватчик взорвался так, словно в него выстрелили в упор с носа.

Остальное сообщил мне Жабо. Хильда вынырнула из инверсии прямо перед перехватчиком с точностью, невозможной для любого корабля, не имеющего пси-связи. Она узнала его координаты прямо из моего сознания. Ее истребитель реинверсировал со скоростью 80 процентов от световой, взорвав перехватчик струями фотонных двигателей. Прежде чем корабль купцов распался, она уже исчезла.

Это было чертовски близко к самоубийству. Ошибись Хильда в расчетах на какие-то несколько метров, и она реинверсировала бы точно в точку, где находился перехватчик, погибнув вместе с ним. Ошибка в другую сторону — и она уничтожила бы меня или то, что осталось от корабля Рекса.

Но мне некогда было ни ругать ее за неподчинение приказу, ни благодарить. Истребитель болезненно дернулся, снова

ударив меня от экзоскелет. Попадание в левый борт. Телеметрия гласила: еще одно попадание, и от меня с кораблем останутся только радиация и облачко газа.

Соз... Мысль Рекса донеслась до меня слабо, но внятно.

Он жив! Жив. Я подавила желание рассмеяться, потом заплакать.

Неожиданно Жабо включил двигатели — и мы отпрянули от луча аннигилятора ПРЕЖДЕ, чем перехватчик успел выстрелить в нас.

Счастливчик, Демон. Мысль пронзила мой мозг — жадная, голодная, скользкая как масло.

По моим вискам стекал пот. Уже не первый раз Жабо предугадывал выстрел неприятельского корабля. Купцы знали нашу слабость — то, что боевой режим делает наши ускоренные сознания уязвимее. Они играли на этом, угрожая, издеваясь, пытаясь вывести нас из равновесия. Но любой пилот, сконцентрировавший свои помыслы на Демоне в боевом режиме — особенно если этот Демон обладает моим опытом и пси-способностями, — рискует выдать ему одновременно и самые сокровенные свои намерения, включая готовность открыть огонь.

Золотой, немедленно лети на базу, приказала я. *Ты слышала, Хильда, НЕМЕДЛЕННО! Никаких больше подвигов! Возможно, ты одна сможешь доложить об этом.*

Лечу, ответила Хильда.

И робот, попавший в меня, и промахнувшийся перехватчик находились теперь вне пределов нашей досягаемости. Это мало что меняло. Мне все равно нечем стрелять. Если верить приборам, это последние корабли купцов. Таас преследовал робота. С планеты взлетал еще один перехватчик, на этот раз без УРСов. Я не сомневалась, что он намеревается повторить Хильдин фокус с инверсией. Простейший расчет показывал, что идеальной мишенью для этого будет истребитель Рекса, беспомощно висевший в космосе.

Перехват, подумала я. *Взять его. Жабо!*

Мы ринулись за кораблем купцов. Жабо швырнул меня в стазис. И еще. И еще. Меня тошнило от беспрерывных перерывов в сознании. Горло пересохло. Из шлема с щелчком высунулся шланг, и в рот брызнула струйка воды.

Я облизнула губы. *Перекачай позитронное топливо в аннигилятор.*

Аннигиляторы выведены из строя, напомнил Жабо.

Тогда перекачай в оболочку из какого угодно поля и заряди в пусковую установку Тау.

Жабо прикинул цифры. Поле не сможет удерживать топливо долго.

Этого и не потребуется.

Перехватчик наберет необходимую для инверсии скорость через 3,1 секунды.

Следуй за ним.

Потом я отключила блоки.

Я распахнула сознание, всасывая мысли вражеского пилота; он устремился туда водоворотом едкой кислоты: *Мучься, Демон. Мучься, бойся. Умри...*

Мы инверсировали. Жабо подключился через мое сознание к пилоту перехватчика. Мы молча неслись по сверхсветовому пространству следом за перехватчиком, возвращавшимся к Тамсу.

Входим в планетную систему Тамса, сообщил Жабо.

Реинверсия, подумала я.

Нам удалось вынырнуть из инверсии на долю секунды раньше перехватчика, но я не имела возможности уничтожить его струёй своих дюз. Едва перехватчик реинверсировал, как я скомандовала: *Стреляй точно в его пусковую установку Тау и уноси нас отсюда.*

В то мгновение, когда мой импровизованный снаряд ударил в люк Тау-установки купца, тот вышел из стазиса и выстрелил. Позитронный снаряд и Тау столкнулись, и перехватчик исчез в ослепительной вспышке.

Я судорожно всхлипнула.

С дневной стороны планеты к нам приближаются десять планетарных роботов, сообщил Жабо.

ДЕСЯТЬ? Боже! *Как скоро они подойдут к нам на выстрел?*

Через четыре минуты, ответил Жабо. И воздуха в баллонах аварийного жизнеобеспечения секондери Блекстоуна осталось на три минуты.

Зеленый, доложи свое состояние!

Моему роботу хана, довольно ответил Таас.

Таас, ты должен доставить повстанцам ПИИ. У тебя четыре минуты на то, чтобы спуститься как можно ниже, сбросить груз и убраться.

Понял, откликнулся Таас.

Не валяй дурака, Соз, донесся до моего сознания слабый голос Рекса. *Спускайся ты, а Зеленый пусть прикрывает тебя.*

Я приблизилась к кораблю Рекса, маневрируя так осторожно, как только позволял мой поврежденный истребитель. Мне надо было подойти ближе, еще ближе, практически коснуться его бортом. *Выдвинуть переходник*, скомандовала я. *Соединиться с Красным.*

Выполняю, отозвался Жабо.

Соз, снова услышала я Рекса. *Тамс важнее одного-единственного стареющего Демона. Лети с Таасом. Ему одному не справиться.*

Тебе надо бы больше ему доверять.

Из моего шлюза выдвинулась гармошка переходника и с шипением присосалась к обшивке истребителя Рекса. Давление воздуха внутри корабля Красного нулевое. Я задраиваю твой скафандр. В баллонах Блекстоуна осталось воздуха на одну целую две десятых минуты.

Рекс, лезь в переходник, подумала я.

Я не могу пошевелиться, откликнулся Рекс.

Жабо, открой люк Красного. Потом освободи меня с пилотского кресла.

Открыл и освободил. Экзоскелет расстегнулся и отодвинулся от меня, псифоны выдернулись из моего тела. Я выбралась из кресла и нырнула в мембрану, отделявшую кокпит от каюты. Потом ринулась к выходу.

Жабо распахнул оба шлюзовых люка — внутренний и внешний. Я проскользнула в них, проплыла по прозрачному туннелю переходника и влетела в Красный корабль — прямо в хаос.

Повсюду плавало в невесомости разбитое оборудование, через которое мне пришлось буквально протискиваться. Одна из секций внутренней оболочки прогнулась внутрь. Ворвавшись в пилотский отсек, я застала Рекса пытающимся выбраться из кресла. Оно было мертво; экзоскелет бессильно висел, сковывая его движения. Он уцепился за мою руку, и тогда мне удалось высвободить его. Но даже когда он выбрался из кресла, его ноги беспомощно волочились. Я попыталась связаться с ним по рации скафандра, но ответа не получила.

— У Блекстоуна кончился воздух в баллонах аварийного жизнеобеспечения, — объяснил вслух Жабо.

Я увидела сквозь стекло шлема задыхающегося Рекса. Он оттолкнулся, швырнул себя через всю каюту к шлюзу и влетел в мой корабль; я — за ним. Жабо задраил внешний люк, и Рекс сполз по стенке шлюза.

Жабо, воздух! Я схватила Рекса и потащила его в каюту.

Наконец мне удалось стащить с него шлем. Инерция швырнула нас о стену каюты; я сняла свой шлем и зацепилась ногами за медицинский модуль, выдвинувшийся из стены. Схватив Рекса за голову, я зажала ему ноздри и изо всех сил выдохнула ему в рот. Мы снова ударились о стену. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. *Черт, Рекс, да дыши же!* Вдох. Выдох...

Приближающиеся аппараты через сорок пять секунд окажутся в радиусе выстрела, доложил Жабо.

Вдох. Выдох...

Рекс сделал судорожный вдох. Я отпустила его нос, он открыл глаза и посмотрел на меня. Лицо его в холодном освещении кабины казалось белее мела.

Позаботься о Рексе. Я могла и не говорить этого: медицинский модуль уже охватил его своими щупальцами.

Тридцать две секунды до открытия огня, доложил Жабо. Они нас засекли.

Я рванулась в пилотский отсек и скользнула в кресло. Стоило мне подключиться к системам, я послала по пси-связи приказ Таасу: *Уноси ноги! Быстро!*

Ответа не последовало.

Роботы открывают огонь, объявил Жабо, но наш корабль уже набирал ход...

Задыхаясь, я отходила от шока, вызванного слишком долгим пребыванием в стазисе. Останавливать движение молекул человеческого организма надолго опасно, поскольку, освободившись, ему приходится адаптироваться к условиям нового окружения. И если это окружение изменилось слишком радикально, катастрофические флюктуации перенастраивающейся системы могут разорвать человека на кусочки — атом за атомом.

Моим молекулам удалось удержаться вместе, но чувствовала я себя кошмарно. Зрение помутилось настолько, что я не могла разобрать цифры телеметрии, хотя псиберпейзаж сказал мне все, что я хотела знать: Жабо инверсировал нас в один прием, погрузив на все это время в стазис.

Гринжабо, отзовись, подумала я. Подождав немного, я послала еще одну мысль: *Таас?*

Тишина.

Я не могу связаться с Зеленым, доложил Жабо.

Золотой?

Нет связи, ответил Жабо.

Я всхлипнула. Ни Хильда, ни Таас не уйдут со связи по своей воле. Хильда могла посадить корабль, но с учетом повреждений могла с таким же успехом разбить его.

Как Рекс? спросила я.

Его жизненные процессы затухают.

Так помоги же ему!

Он нуждается в помощи, оказать которую я не в состоянии.

НЕТ! Неужели я устроила всю эту безумную гонку только для того, чтобы погубить весь мой отряд? Нет. Только не сейчас, после всего, что мы пережили.

Я глубоко вздохнула. *Жабо, введи нас в стазис.* Рексу уже не страшны ни растяжение времени, ни другие релятивистские эффекты. Все, что имеет значение, — это сколько он будет еще лишен помощи на борту моего истребителя. *И не выводи нас из него, пока мы не окажемся на месте.*

И ты, и коммандер Блекстоун можете не пережить еще одного...

Есть у Блекстоуна шанс выжить, если ты не введешь его в стазис?

Нет. Но у тебя есть.

Вводи нас в стазис, Жабо. А потом побей все рекорды перемещения во времени, чтобы доставить нас в госпиталь.

Это была моя последняя мысль перед тем, как включилась стазисная катушка.

7. ПОСЛЕ БОЯ

Когда мы вышли из стазиса, меня вырвало. Стерилизаторы в моем скафандре поспешно убирали следы.

Мы летели через дьешанскую планетную систему, минуя кольцо за кольцом оборонительные системы, передавая им по Сети мой пароль. Стояла глубокая ночь, когда я опускала Жабо

на залитую светом прожекторов крышу госпиталя. Рекс неподвижно лежал в объятиях медицинского модуля, опутанный паутиной трубок для внутривенного вливания.

Открыв шлюз, я увидела бегущих к нам по крыше людей. Не прошло и несколько секунд, как Рекс уже лежал на аэроносилках. Я бежала следом, стараясь держаться поближе к носилкам, а врачи пытались снять показания относительно моего собственного самочувствия.

Все произошло слишком быстро. Только что мы бежали по ярко освещенному коридору к дверям хирургического отделения, и вот я уже сижу в круглом помещении с белыми стенами, белым потолком, белым полом, окруженная толпой врачей в белых комбинезонах. Врач пытается удержать меня, я сопротивляюсь. Когда он не отпустил меня, я нагнулась и швырнула его через спину. Он шмякнулся оземь с гулким шлепком; его комбинезон чуть было не треснул по швам.

Трое других — две женщины и мужчина — схватили меня за руки. Тот, которого я повалила, уже встал на ноги, а медсестра пыталась прижать к моей руке пневмошприц.

— Нет! — Я отдернула руку от шприца с успокоительным. Я хотела оставаться в сознании, чтобы знать, как там Рекс.

— Праймери Валдория, пожалуйста! — Женщина со шприцем откинула с глаз спутанную седую прядь. — Вам нужна помощь...

— Уберите этот чертов шприц, — сказала я. — Или я закатаю вас в тюрьму за насилие над наследницей Имперского престола.

Женщина побледнела и опустила шприц. Впрочем, этим она и ограничилась. Остальные четверо пытались усадить меня в кресло, несмотря на все мои ругательства.

— Сядьте, — упрашивала меня женщина со шприцем. — Попробуйте расслабиться.

Она что, с ума сошла? Рекс умирает, а эти придурки хотят, чтобы я расслабилась? Я сделала еще одну попытку вырваться, но они держали меня крепко.

— Соз. — Чья-то тяжелая рука опустилась мне на плечо.

Я обернулась, чуть не уронив при этом врачей.

Хильда.

Я зажмурилась, потом снова открыла глаза, чтобы убедиться, что это в самом деле она. Значит, я не всех их убила.

— Ты все рассказала? — спросила я.

— Йа. — Она замялась. — Таас?

— Он не отозвался, когда я приказала ему улетать оттуда.

— Жаль, — вздохнула она.

— Мне тоже, — тихо произнесла я. «Жаль» — не то слово.

Хильда махнула рукой в сторону полукруглого белого диванчика у стены.

— Подождешь со мной?

Я кивнула и вырвала руки у медиков, наконец отпустивших меня. Мы с Хильдой сели на диван. Нервоплексовая поверхность дрожала под моим весом, безнадежно пытаясь расслабить мои напряженные мышцы.

А потом мы просто ждали.

Ждали и ждали.

Мы сидели там восемь часов. Кто-то входил и задавал мне вопросы, потом выходил. Все эти долгие часы я заново переживала бой, мгновения, когда я отдавала приказы Таасу или Рексу. Я проигрывала в уме другие действия, другие приказы, которые могли привести совсем к другому исходу, дав им и Тамсу шанс выжить.

Я пыталась выключить свою память. И все равно продолжала слышать крик того мальчика-пилота, заглушаемый зловещим шепотом аристо, едва не уничтоживших Жабо. Они так жаждали моей смерти! И эта жажда держалась у меня во рту омерзительным привкусом, от которого я никогда не смогу избавиться, как бы я ни полоскала рот. Этот привкус наслаивался на те, что остались от всех боев, которые я вела с ними последние двадцать пять с лишним лет.

Было уже раннее утро, когда я задремала. Голова моя склонилась на спинку дивана, но стоило только коснуться нервоплексовой обшивки, как я проснулась и села. Потом снова откинулась на спинку и закрыла глаза.

— Кофе хотите? — раздался чей-то голос.

Я открыла глаза. Голос был мне знаком.

— Праймери Валдория? Я думал, чашечка кофе не...

— Таас! — Я вскочила на ноги.

Он ухмыльнулся и протянул мне пластмассовую чашку с тем кошмарным напитком, которым земляне заполонили наши магазины. На нем до сих пор был скафандр. Я стиснула его в

объятиях, а за мной — Хильда, чуть не сбившая его с ног. Кофе выплеснулся прямо на нас.

— Эй! — Голос его звучал глухо из-под обширного Хильдиного бюста. — Так и задушить недолго.

Хильда отпустила его.

— Жаль будет, если теперь, вернувшись с того света, ты погибнешь от удушья, а?

— С того света? — не понял он.

Я неуверенно улыбнулась:

— Когда ты не вышел на связь, я решила, что ты погиб.

— В меня попал робот. Уже на взлете, — сказал Таас. — Поэтому я и не мог выйти на связь.

Я уставилась на него. Единственное, что могло нарушить пси-связь, — это серьезное повреждение Искусственного Интеллекта.

— Ты выбрался оттуда без помощи компьютера?

Таас улыбнулся:

— Это оказалось не так уж страшно. Мне просто пришлось посчитать немного в уме.

В уме?

— Должно быть, у тебя фантастический ум. — Впрочем, я знала это и раньше — ведь не случайно я отобрала к себе в отряд именно его. — Ты доставил ПИИ на Тамс?

Он кивнул:

— Только не знаю, помогло ли это. Я еще не слушал последних сообщений.

— Соз. — Хильда дотронулась до моей руки.

Я оглянулась на нее, и она кивнула в сторону двери. В комнату вошел врач и остановился передо мной.

— Праймери Валдория?

Я сжалась:

— Да?

— Мы закончили операцию.

— И что? — Скажите мне, что он будет жить, подумала я. Скажите, что все будет хорошо.

Врач взъерошил волосы рукой.

— У него ушибы, переломы, внутреннее кровотечение. Это все, в общем, пустяки.

Но? Это «но» висело в воздухе.

— Что у него с ногами?

— Не в ногах дело, — вздохнул врач. — Вся проблема в гнезде псифона, имплантированном в позвоночник у поясницы. Он вырвался из тела, частично порвав нервные волокна.

Я потерла лоб, словно это могло помочь.

— Объясните.

— В общем, псифон перерезал ему спинной мозг.

— Но вы же можете исправить это, разве не так?

Врач снова вздохнул:

— В нормальных условиях мы можем регенерировать даже нейроны, заставляя их поверить, будто они находятся в эмбриональном состоянии. Мы пытались регенерировать его нервы и спинной мозг. Но у нас ничего не получилось. Потом мы попытались сделать три независимые операции с целью связать разъединенные участки спинного мозга биооптикой. Его организм отторгает биооптику.

— Но вы ведь сможете исправить это потом, да? Как только он окажется в состоянии поддержать вас своим сознанием?

Он замялся.

— Будь это нормальный случай, я сказал бы «да». К несчастью, биомеханические системы, особенно такие сложные, как те, что вживлены к вам в тело, дают неожиданные побочные эффекты. Мы пока плохо разбираемся в этом. В общем, нервная система и биомеханическая сеть секондери Блекстоуна получили столько повреждений, что он выработал токсическую реакцию на вещества, с помощью которых мы пытались стимулировать регенерацию. И если мы продолжим попытки вторгаться в его биомеханическую систему и дальше, его организм может отторгнуть ее полностью.

Я смотрела на него, так ничего и не понимая.

— Что вы такое мне говорите?

— Секондери Блекстоун парализован ниже пояса, — тихо ответил врач. — Возможно, он никогда не сможет владеть своими ногами.

— Нет... — Это невозможно. Они хотят убедить меня в том, что Рекс превратился в калеку в тот самый день, когда собирался подать в отставку! И что все это сделала с ним биомеханическая система — символ того единственного, что стояло между нами и купцами! Нет, этого не может быть!

— Когда вы разрешите нам повидаться с ним? — тихо спросила Хильда.

— Сейчас он спит. Мы дадим вам знать, когда ему можно будет принимать посетителей. — Врач покосился на меня. — Праймери...

Я знала, что за этим последует. Меня будут жалеть. Этого я не вынесу. Не сейчас. Я смерила его холодным взглядом.

— Что?

— Мне сказали, что, судя по показаниям корабельной аппаратуры, вы не спали больше пятидесяти часов. — Он помолчал. — По предварительным данным, у вас сломаны два ребра, множественные ушибы, а также повреждения внутренних тканей от слишком долгого пребывания в стазисе. Вам необходимы медицинская помощь и сон.

Сон? Я была слишком возбуждена, чтобы даже сидеть на месте.

— Я в порядке.

— Мэм, вы не в порядке. Вы на грани обморока. — Я попробовала возразить, но он поднял руку. — Мы можем уложить вас спать где-нибудь здесь.

Я нахмурилась:

— Я не хочу спать.

Яркий образ из его сознания прорезал мои мысли, образ того, какой я ему представляюсь: раненым оленем, прекрасным диким животным, пугливо шарахающимся в сторону, а он, врач, успокаивает оленя, пытаясь подойти, чтобы исцелить раны. Образ был таким неожиданным, что я просто стояла, глупо моргая. Как бы сказали земляне, мои воображаемые паруса лишились воображаемого ветра. Впрочем, если подумать, метафора довольно глупая, тем более что я представлялась ему оленем, а не кораблем.

Я вздохнула. Пожалуй, я устала сильнее, чем мне кажется, слишком устала даже для того, чтобы мыслить здраво.

— Ладно, — сказала я. — Я отдохну. Немного.

Шторы задерживали большую часть жара яростного дьешанского солнца, пропуская в комнату ровно столько света, чтобы в комнате было светло. Я лежала в этом приятном тепле, медленно отходя от сна, удивляясь, почему у меня болит все тело.

Потом я вспомнила.

Костоломка.

Когда я сплю, мое сознание ослабляет барьеры; иногда я даже могу принять сигнал, который наверняка заблокировала бы днем. Иногда мои сны показывают возможные варианты будущего — почти ясновидение. В этих снах со мной происходят события, которые имели или могли бы иметь место в действительности. Чем сильнее эмоции вовлеченных в них людей, тем яснее сон.

Но слишком часто сильные эмоции связаны с несчастьем. Ненавижу эти сны. Вместо того чтобы проснуться отдохнувшей, я открываю глаза в отчаянии от того, что меня или кого-то из дорогих мне людей ждет беда. Я называю эти сны костоломками — после них я чувствую себя так, словно на меня обрушилась каменная стена.

Сегодня я проснулась в костоломку.

Стряхнув сон, я ощутила присутствие в комнате кого-то еще. Я повернула голову.

Гость стоял у кровати — огромный мужчина, более двух метров ростом, с мощной мускулатурой, какую вряд ли можно развить на планете с нормальной гравитацией. Он казался не живым человеком, а металлическим изваянием. Кожа его блестела, словно ее изготовили из сплава эпидермиса с золотом. Хотя его глаза были открыты, внутренние веки прикрывали их сияющей золотой скорлупой, непрозрачной снаружи. Я знала, что он прекрасно видит сквозь эту скорлупу, но остальным его глаза представлялись непроницаемыми. Его лицо могло бы быть красивым, не будь оно таким жестким, похожим на золотую маску. Он был одет просто: бежевые брюки и свитер без украшений или вензелей — только золотые ленты на рукавах, шире моих нашивок праймери.

Проведать меня пришел Император Сколии.

Я села, зажмурившись от боли в спине. Потом отсалютовала, согнув руки в локтях и перекрестив на уровне лица, правую поверх левой.

Кердж кивнул. Даже после стольких лет знакомства мне плохо верилось в то, что мы с ним родственники, и близкие. Хотя мать у нас одна, мы с ним совсем не похожи. Кердж пошел в деда, а я — в бабку.

Цветом кожи он обязан предкам нашего деда, адаптировавшимся к колонизованному ими миру со слишком ярким солнцем. Металлический блеск кожи и волос отражал солнеч-

ный жар, а внутренние веки защищали глаза. Его внешность только подчеркивала истину: он был настолько же машиной, насколько человеком, с биомеханической системой, превосходившей возможностями даже мою. Его внешность сделалась символом. Стальной Кулак Сколии, бронированный император, лишенный человеческих слабостей, которыми могли бы воспользоваться купцы.

Кердж смотрел на меня своими непроницаемыми глазами.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. — Я потерла бандаж, удерживающий мои сломанные ребра. Я совершенно не помнила, как мне его накладывали. Ну да, конечно же, меня напичкали какой-то дрянью, чтобы лечить без помех.

Я огляделась. На стенах, на полу, на потолке переливались отсветы радуги киберзамка, заключившего нас в оболочку защитного поля. Радуги были ярче тех, что я видела вокруг Джейбриола на Делосе: киберзамок Керджа настроен на смертельную интенсивность.

— Врачи сообщили мне про Рекса Блекстоуна, — сказал Кердж.

— Вы его видели?

— Он еще не пришел в сознание.

Мне хотелось спросить, что ему еще известно. Но почему-то я не могла задать вопрос вслух. Вместо этого я спросила:

— ПИИ, сброшенные Таасом, помогли?

— Немного. Когда подоспела наша флотилия, эскадра Куокса уже затопила планету. Мы не обнаружили на поверхности живых. Но нам удалось защитить корабли, успевшие взлететь.

Я страшилась слов, которых он не произнес.

— Сколько погибло?

— Две трети населения.

Две трети. Слова падали как камни. Две трети. На Тамсе проживало шестьсот миллионов человек. Интересно, что теперь думает Джейбриол о своем отце?

— Я ознакомился с твоим рапортом насчет аристо, — сказал Кердж.

И все. «Я ознакомился с твоим рапортом». Это означало, что он знает правду. У Ура Куокса есть наследник.

Ничего удивительного, что Куокс не развелся с женой. Она-то знала, что ее «сын» рожден другой женщиной. Возможно,

она считала, что у Куокса любовница из хайтонов. Может быть, он несколько месяцев держал жену взаперти, прежде чем объявить ей о ребенке? Если бы она открыто отказалась от Джейбриола, это могло бы привести к тщательному обследованию наследника, чего Куокс боялся больше всего. Странно еще, что он вообще не убил ее. Может, прав Таас и Ур Куокс действительно любит свою жену? Или просто не уверен, что ему удастся расправиться с ней безнаказанно? У нее ведь свое окружение, своя политическая машина, ненамного уступающая по влиятельности Куоксу. Должно быть, она дорого запросила, чтобы молчать, сохраняя титул.

Было время, когда я пыталась убедить себя, что женщины-аристо нежнее, чем их мужчины. Они не занимались военными делами, поэтому мы почти не встречались с ними. Они казались нам даже загадочными. Однако три недели на вилле Тарка избавили меня от иллюзий. У аристо нет слабого пола. Женщины не уступают в жестокости мужчинам. Ни рост, ни облик, ни пол в этом смысле ничего не значат.

Кердж не сводил с меня глаз.

— Администрация Делоса прислала нам рапорт о твоих похождениях в особняке хайтона. Не могу сказать, чтобы ты вела себя слишком деликатно.

— Вы накажете меня, сир?

— Нет.

Ничего удивительного. В системе ценностей Керджа деликатность не относится к главным достоинствам.

— Я поручил подготовить приказ о награждении эскадрильи Жабо, — продолжал он. — Мы будем транслировать церемонию в программе новостей головидения.

Так. Значит, из нас сделают героев. В логике Керджу не откажешь. Это позволит выставить КИКС в выгодном свете. Вот только я сама что-то не слишком ощущаю себя героиней.

Моего сознания коснулась мысль Керджа: *Каждый раз, уходя на задание, вы рискуете жизнью. Ты знала это. Твоя эскадрилья знала это.* Он сделал паузу. *Блекстоун тоже знал это.*

Да, сир. Большую часть своих мыслей я заблокировала, оставив при себе. Что я могла еще ответить? От того, что Рекс осознавал грозившую ему опасность, легче не становилось.

— Соз, — его голос чуть смягчился, — ты заслужила награду.

Один из трех браслетов на левом запястье Керджа засветился. Он носил браслеты на обеих руках — металлические полосы, имплантированные прямо в кожу. Он дотронулся до браслета пальцем, и в комнате раздался мужской голос.

— Медсестра ждет разрешения войти, сир. Ее личный код проверен. Безопасна.

— Пусть войдет.

Поле киберзамка померкло, открывая доступ извне. В стене образовалось отверстие, быстро превратившееся в овал от пола до потолка. В комнату вошли два Демона. Я знала обоих — двое из четверых личных охранников Керджа.

Следом за ними вошла женщина, точнее, совсем еще девочка. Лицо пылает, глаза опущены. Настоящая красавица. Вьющиеся золотые волосы шелковым покрывалом опускались до пояса. Кудряшки окружали лицо, нежное золотое лицо, от красоты которого захватывало дух. Она удивительно напоминала мне мать, какой та, возможно, была в молодости. Правда, ей недоставало неуловимых, но существенных черт матери: той ослепительной уверенности в себе и своей красоте, которая влекла к ней людей словно горящая лампа — мотыльков. Девочка казалась куда более хрупкой.

— Свободны, — кивнул Кердж охране.

Стена за ними сомкнулась, и на ней снова вспыхнула радуга киберзамка, оставив девочку наедине с нами. Вокруг меня сгустился ужас. Я ощущала себя бабочкой, накрытой стеклянным стаканом. Я не могла пошевелиться, не могла дышать...

Блок! подумала я. Страх отпустил, и мои мышцы расслабились. Но девочка так и стояла, уставившись в пол. Она не осмеливалась даже поздороваться с Керджем, что вообще-то каралось тюрьмой, хотя Кердж мог изменить наказание по своему разумению, вплоть до смертной казни. Спорить с ним никто бы не посмел. Впрочем, мне показалось, что сейчас он не обращал на это никакого внимания.

— Подойди сюда, — обратился он к девушке.

Сначала она не шелохнулась. Потом решилась и шагнула вперед, так и не поднимая глаз. Она остановилась перед ним и опустилась на колени, сначала на одно, потом — не услышав от него разрешения встать — на оба. Ее плечи вздрагивали, а кружевная отделка белого больничного платья сползла вперед, открывая грудь на обозрение каждому, кто смотрел на нее стоя.

Некоторое время Кердж смотрел на нее. Потом сказал:

— Ты и есть та девушка, которую я видел в детском отделении?

— Д-да, сир.

— Как тебя зовут?

— Шарисса Дейдр.

— Ты должна была передать мне что-то?

— Д-да, сир. — Голос у нее тоже был нежный-нежный.

— Так что?

— В-ваш охранник... Демон... тот, что повыше. Он мне сказал... он сказал... что вы приказали. Чтобы... чтобы я известила вас, когда... — она перевела дух, — когда начнется передача, которую вы хотели посмотреть.

— Ну и что, начинается?

— Да, сир.

Передача? Что это с Керджем? Если он хочет посмотреть любую передачу, ему достаточно включить монитор в моей палате. Какой смысл звать для этого сестру из детского отделения? Хотя нет, смысл есть. Некоторые приглашают интересующую их женщину на обед. У Керджа просто другие методы.

— Встань, — разрешил Кердж.

Так и не поднимая глаз, девочка встала. Она годилась ему во внучки, даже в правнучки: при том, что он отличался отменным здоровьем и выглядел на сорок, в действительности ему исполнилось девяносто. Он возвышался над ней больше чем на полметра, так что ростом она приходилась ему по грудь.

— Посмотри на меня, — приказал он.

Она подняла на него огромные глаза — прекрасные, карие с золотыми прожилками глаза. Она зарделась еще сильнее. Кердж взял ее левой рукой за подбородок, проведя большим пальцем по щеке. Его рука была так огромна, что ее лицо утонуло в ней. Другой рукой он дотронулся до одного из имплантированных браслетов.

— Да, сир? — послышался голос охранника.

— Девушка готова идти, — сказал Кердж.

Киберзамок отворился еще раз, и в комнату снова вошли два Демона. Не обращая на них внимания, Кердж продолжал смотреть на Шариссу. Она глядела на него как застенчивая газель, загипнотизированная светом фонаря в руках охотника.

Кердж наклонился и не спеша поцеловал ее. Потом выпрямился и покосился на охранников.

— Пусть ее отвезут во дворец.

— Да, сир, — ответил охранник.

Шарисса молча, не глядя на них, позволила увести себя. Когда они вышли, я села, сцепив руки под одеялом.

Кердж повернулся ко мне. Помолчав немного, он спросил:

— Не одобряешь?

— Вы же эмпат. Не может быть, чтобы вы не чувствовали, как она напугана.

Он пожал плечами:

— Возможно.

«Возможно»? Как может он стоять, погруженный в ее ужас, и не обращать на него внимания?

А кто, черт возьми, я такая, чтобы судить его? Я сама только что убила перепуганного до смерти мальчишку-пилота, сознательно заблокировав свое эмоциональное восприятие, чтобы оно не мешало мне уничтожить его корабль.

— Если бы ты его не убила, — заметил Кердж, — он убил бы тебя.

На ум мне пришли аристо.

— Так мы превращаемся в тех, с кем воюем.

— Так мы выживаем.

Я не сдержалась:

— Значит, насиловать тех, кто обратил на себя внимание, теперь называется выживанием?

Кердж выдвинул челюсть.

— Ты забываешься.

«Вот эту». У меня в мозгу всплыл образ Тарка. Он заставлял меня опускаться на колени и награждать его всеми цветистыми титулами, какие он только мог придумать. Он обещал, что не будет больше истязать меня, если я соглашусь.

Кердж вздохнул. Он подошел к окну и отдернул штору, впустив в комнату до боли яркий свет. Он стоял в солнечных лучах, сцепив руки за спиной и глядя на бетон и хром окружающих госпиталь построек.

— Ты сравниваешь меня с хайтоном?

Я только покачала головой. Я не могла говорить с ним о Тарке.

Он повернулся ко мне — темный силуэт в потоке ослепительного света.

— До тебя никогда не доходило, что мне нужно общение?

Я уставилась на него. Не знаю, что удивило меня больше: его признание в одиночестве или метод борьбы с этим. Как он собирается общаться с Шариссой, если одно его присутствие повергает девушку в такой ужас, что она боится даже дышать?

— Ты хочешь, чтобы я ухаживал за ней, — сказал Кердж. — Чтобы я сюсюкал с ней, чтобы она сама хотела прийти ко мне. — Он заговорил резче. — Я не склоняюсь ни перед кем. Ни перед Уром Куоксом, ни перед президентом землян, ни тем более перед Шариссой Дейдр.

Такой ты представляешь себе любовь? Потерей контроля над собой? Или ты наказываешь ее за то, что она так похожа на ту женщину, которую ты так желал и которой у тебя никогда не будет? Все эти мысли мелькали у меня в голове — за барьером, там, где он не обнаружит их. Возможно, и правда то, что я говорила с Керджем куда откровеннее, чем большинство остальных. Но даже так в его присутствии я могла высказывать — и даже думать — далеко не всю правду.

После всех лет, что я знала его, Кердж так и оставался для меня загадкой. Он был блестящим военачальником, заслужившим преданность своего офицерского корпуса. В моем сознании это сосуществовало с оборотной стороной медали.

На противоположной стене проснулся головидеомонитор. Вначале над панелью от пола до потолка мелькали хаотичные разводы, потом их сменило изображение — трехмерный образ хищной пантеры с красными глазами. Ее пасть искривилась в оскале, обнажив сверкающие стальные клыки. Комнату заполнила музыка, навязчивые аккорды гимна купцов.

Ага. Кердж включил монитор. Теперь он смотрел на экран, скрестив руки, не сводя глаз с эмблемы врага. Он положил Шариссу на полочку в своем мозгу и мог теперь без помех заниматься другими делами.

Я не могла забыть ее с такой легкостью. У меня перед глазами все стояло ее перепуганное лицо, а в памяти держалось ужасное ощущение тонущего человека при словах «пусть ее отвезут во дворец».

Блок, подумала я. Псимвол вспыхнул, подержался немного перед глазами и исчез, но и только. Память осталась. Блок

лишь убрал эмоции. Убирать воспоминания слишком опасно: можно запросто стереть и нужную информацию.

Пантера на экране вытянула вперед лапу, продемонстрировав веер хищных когтей; гимн достиг крещендо.

Так безразлично, как только могла, я спросила:

— Кто это передает?

Кердж не сводил глаз с пантеры:

— Мы перехватили голоновости купцов.

— Куокс держит речь?

— Да.

Вполне возможно, мы смотрели передачу раньше, чем многие из планет купцов. Для того чтобы передать свое выступление на отдаленные планеты, Куоксу надо записать его и переслать запись звездолетом. Нам же, раз перехватив сигнал, достаточно мгновенно передать его по Сколи-Сети, в любой точке которой телопы — телепатические операторы — принимают его, передавая дальше с помощью обычных средств связи.

Передача, конечно, посвящена Тамсу. На этот раз Куокс не имел возможности скрыть свое преступление. Двести миллионов свидетелей геноцида выжили, готовые уличить его во лжи.

Изображение пантеры отодвинулось — и мы оказались в огромном, гулком круглом зале. Где-то высоко над нашими головами стены переходили в белый купол. Весь зал занимали концентрические ряды скамей с высокими спинками из белого камня; сиденья и спинки прикрывались подушками из кроваво-красного плюша.

На скамьях сидели аристо. Бесконечные ряды аристо. Сотни. Тысячи. Они сидели бок о бок словно одинаковые детали огромной машины, все в черном, с блестящими черными волосами и алыми глазами, на кроваво-красных подушках в белокаменном зале.

В центре зала из пола почти до потолка вырастала колонна из хрусталя такой чистоты, что заметить ее можно было только по искажению линий за ней. Пантера присела за колонной, словно готовясь к прыжку. Ее пропорции менялись: задние лапы выпрямились, плечи раздались, черная шерсть превратилась в одежду — и на месте пантеры возник человек ростом в два метра, в три, в четыре... Когда он прекратил расти, он достиг пяти метров роста, почти касаясь головой свода.

Он стоял за колонной, опираясь на нее как на трибуну. Он был высок и сухопар. Его черты безошибочно выдавали хайтона, но без каких-то примечательных особенностей. Его выделяло только поведение, неколебимая уверенность в себе. Ур Куокс, Император Эйюбы.

Музыка смолкла. Куокс, выдержав паузу, заговорил:

— Мой народ! Я обращаюсь к вам сегодня с великой гордостью. Нам есть чем гордиться. Ибо мы, дети Эйюбы, — избранный народ. Нам оказана неведомая доселе честь, честь жить в самой великой цивилизации нашей необъятной галактики. — Он помолчал. — Мы много трудились, завоевывая эту честь. Честь, сияющую там, где раньше тьма скрывала звезды. Мы выжили, несмотря на все угрозы нашему благополучию и самому нашему существованию.

Он продолжал вещать в том же духе, восхваляя и восхваляя свою империю. Он ни разу и словом не обмолвился о Тамсе. Неужели он верит, что ему удастся все скрыть? Скорее бы закончилась эта его проклятая речь. От одного его вида у меня по коже бегали мурашки. Он, его хайтоны, все аристо — одного их вида достаточно, чтобы запугать нас, словно мы на подсознательном уровне понимаем, что они могут сделать с нами, пусть даже сознание и пытается это отрицать.

— Я обращаюсь к вам сегодня с большими новостями, — продолжал Куокс. — Мы живем под непрекращающейся угрозой порабощения со стороны наших коварных врагов. Эти враждебные силы нанесли удар. — Его лицо застыло, словно он с трудом удерживал справедливый гнев. — Последним объектом притязаний нашего безжалостного врага стала колония Тамс, один из самых уязвимых членов Содружества. Вчера Сколийская Империя произвела неспровоцированное нападение на беззащитный Тамс.

Я не верила собственным ушам. Он обвинил во всем НАС? Сидевший рядом со мной Кердж напряженно застыл. Вокруг нас аристо щелкали перстнями на пальцах: щелк, щелк, щелк — словно возбужденно стрекочущее огромное насекомое.

Теперь голос Куокса исполнился печали.

— С глубоким прискорбием сообщаю я вам эту горестную весть. Тамс потерял большую часть населения. Да, мой народ, ЧЕТЫРЕСТА МИЛЛИОНОВ невинных граждан погибли от рук Сколийского Императора.

Кердж слушал речь с непроницаемым видом: зеркальные оболочки на глазах, лицо — как металлическая маска. Но я-то была эмпатом, одной с ним крови. Не важно, как глубоко прятал он свою ярость, я все равно ощущала ее.

Лицо Куокса осветилось триумфом.

— Однако наши отважные воины отогнали вероломных агрессоров. Мы спасли двести миллионов наших граждан.

Я стиснула зубы. Это было еще хуже, чем я предполагала.

В голосе Куокса зазвучала гордость.

— Мой народ! Не мне принадлежит заслуга спасения Тамса. Нет, она принадлежит герою, подобного которому вы еще не знали, человеку, величие которого только начинает сиять на нашем небосклоне. Звезде, восходящей в час, казавшийся самым черным для Тамса. — Он сделал жест в сторону кого-то, стоявшего за кадром. Долгое мгновение он стоял в ожидании один, протянув руку.

И тогда рядом с ним появился Джейбриол.

Куокс обвел взглядом сидевших в зале аристо.

— Этот человек командовал операцией по спасению колонии Тамс. — Он положил руку Джейбриолу на плечо. — Я представляю вам лорда Дж'бриола У'Джжр Куокса. Моего сына. Наследника престола хайтонов.

— Нет, — произнес Кердж.

По залу пронесся вздох удивления, словно в воздух с гнезд сорвалась птичья стая. Аристо вокруг нас с еще большим воодушевлением затрещали своими перстнями.

Джейбриол не обратил на это внимания. Он мало чем напоминал того человека, которого я встречала на Делосе. Под глазами его красовались темные круги. Он стоял рядом с отцом как статуя, безмолвно и мрачно.

Куокс пустился в объяснения того, зачем он скрывал рождение сына. Сколийские убийцы покушались на жизнь наследника, но теперь они наконец убиты отважными эйюбианскими воинами, не щадившими живота в бою за Джейбриола Куокса. Он закончил речь еще одним восхвалением себя, своих предков, хайтонов и Эйюбы.

Все это время Джейбриол стоял без улыбки — высокий и широкоплечий, воплощение образа своих предков, идеальный герой, идеально красивый наследник престола. Купцы будут от него в восторге.

К счастью, передача на этом закончилась, и то, что казалось залом собраний, снова превратилось в больничную палату. Я сидела на кровати, слишком деморализованная, чтобы говорить.

Наконец Кердж нарушил молчание:

— Он обвиняет нас в расправе над Тамсом.

— Но это же ему не удастся, — возразила я. — Тому есть двести миллио́нов свидетелей!

— Даже так.

Даже так.

Чтоб его проклятому сыну погибнуть в бою жалкой смертью, думал Кердж.

Я сглотнула. Такая утрата ударит по Куоксу куда сильнее, чем думал Кердж. Она разрушит тщательно вынашиваемые планы двух поколений императоров, пожертвовавших чистотой своей проклятой крови, чтобы получить наследника-рона. Я не сомневалась, что на такой риск Куокс не пойдет никогда. Джейбриол никогда не пойдет в бой сам.

Интересно, подумала я, как бы вел себя Ур Куокс, случись ему узнать: свидетели его преступления на Тамсе остались в живых только потому, что его сын, «звезда, восходящая в самый черный час Тамса», выдал планы отца наследнице Сколийского престола?

Рекс лежал на спине с закрытыми глазами; его грудь мерно поднималась и опускалась под одеялами. Его лицо осунулось и побледнело. Почти все его тело было накрыто золотым покрывалом, так что я видела только голову и плечи. Воротник голубой больничной пижамы расстегнулся, открывая неожиданно беззащитную шею.

Кровать представляла собой «паритель» — слой ткани на воздушной подушке с вмонтированным микропроцессором. Сетка сверхпроводящих контуров, вшитых в ткань, помогала кровати реагировать на каждое движение больного, делаясь мягче в ногах и жестче под спиной или наоборот. К тому же «паритель» слегка покачивал лежащего, как покачивается лодка на легких волнах. Эмпаты, как правило, предпочитают «паритель» нервоплексу, поскольку он ощущается ими как неодушевленная машина, а не как кусок живой ткани.

Я никак не могла решить, что мне делать: остаться или прийти еще раз, когда он проснется. Поколебавшись, я повер-

нулась к дверям. Я успела сделать только один шаг, когда услышала за спиной голос.

— Соз...

Я обернулась, стараясь улыбаться как можно беззаботнее:

— Ты проснулся?

Он смотрел на меня с непроницаемым лицом.

— Как видишь.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

Я закусила губу.

Прости меня, Рекс...

— За что? За то, что спасла мне жизнь?

— За то, что сделала тебя... — я посмотрела на неподвижные под одеялом ноги, — вот таким.

— Паралитиком, — подсказал Рекс. — Это называется «паралитик».

Я вспыхнула:

— Прости.

— Брось. — Он откинул со лба прядь волос, и кровать зашевелилась, подстраиваясь к его движению. — Не бери на себя вину за мои ноги. Я это как-нибудь переживу.

Я начала говорить, потом сообразила, что делаю, и вместо этого улыбнулась.

— Тебе это кажется смешным?

— Нет, просто я собиралась извиняться за то, что извинялась.

Он почти улыбнулся:

— Уж пожалуйста, не надо.

Я присела на край кровати, коснувшись его бедра своим. Кровать дернулась, подстраиваясь под изменившуюся нагрузку.

— Рекс, у нас все будет хорошо. Нам только надо привыкнуть.

Он сплел мои пальцы с моими.

— Соз...

От его голоса мне стало не по себе. Что-то предупреждало: мне не понравится то, что он сейчас скажет.

— Да?

— Мне кажется, нам стоит отказаться от брака.

— Но ты же не хочешь сказать...

— Не говори мне, что я сказал то, чего не хотел сказать.

— То, что твои ноги не действуют, не меняет моего отношения к тебе.

Он вздохнул:

— Каждый раз при виде тебя я буду вспоминать о том, что я потерял.

— Мы найдем новые воспоминания. — *Рекс!* подумала я.

Но дверь в его сознание оказалась закрыта.

— Ты сидишь здесь... такая прекрасная... ЗДОРОВАЯ... и мне невыносимо даже просто видеть тебя.

Я поднесла его руку к губам и поцеловала его пальцы.

— Я знаю, что это будет нелегко. Но мы справимся.

Он сглотнул:

— Не тот случай.

Рекс, мы же оба сильные люди. Мы справимся. Мы нужны друг другу..

Его рука стиснула мою сильнее. *Ты что, не понимаешь?*

Нет. Нет, не понимаю. Ты клялся, что не бросишь меня.

Бросить? Для этого мне надо по меньшей мере ходить, чего я лишен.

— От этого я не буду любить тебя меньше.

Он стиснул зубы:

— Соз, я не могу исполнять супружеские обязанности.

— Это может измениться.

— А если нет?

— Я хочу замуж за тебя. Не за твои детородные органы.

Он скептически посмотрел на меня:

— У тебя тело и походка молодой женщины, а я старая развалина. Ты что, собираешься провести остаток жизни в обете воздержания? Впрочем, у тебя это не получится. Ты даже не представляешь себе, как ты эффектна. — У него на лице дернулась жилка. — Я не хочу смотреть, как ты принимаешь любовников.

Я уставилась на него:

— Ты мог бы знать меня и лучше.

— Ты ведь человек, Соз, а не святая.

На это я не нашлась что возразить. Ну и пусть, все равно насчет любовников он не прав.

— Что тебе на это сказать? У тебя репутация самого удачливого ловеласа в галактике.

— Ну и что с того?

Я улыбнулась:

— Кому как не тебе знать, что доставить женщине удовольствие можно не одним способом.

— Это не одно и то же.

— Мне все равно. — *Рекс!* Я пыталась пробиться к нему, но натыкалась на глухую стену.

— Я и так не мог подарить тебе наследника, — сказал Рекс. — А теперь и детей вообще.

— Ты не знаешь наверняка. — Я говорила слишком торопливо. — Возможно, нам потребуется помощь врачей, но мы вполне можем сделать это.

— К черту, Соз. Ты хоть слышишь, что я говорю? — Он рывком приподнялся на локте. — Я не хочу быть калекой — мужем Императрицы.

— Я не Императрица.

— Вас даже сравнивать нельзя — тебя и твоего брата Альтора. Ты, и никто другой, будешь Императрицей. Тебе нужен подобающий консорт.

— Не говори чушь. — Я изо всех сил старалась говорить спокойно. — Даже если я и стану когда-нибудь Императрицей, это ничего не изменит. И мне безразлично, действуют твои ноги или нет.

— Это небезразлично мне.

Рекс, мы можем справиться с этим. Я точно знаю.

Он откинулся на спину и уставился в потолок. Потом снял барьеры с сознания — все до единого. Я почувствовала, каково это — лежать здесь беспомощным, вспоминая, как все было раньше, воображая, как все будет дальше. Я ощутила его досаду, его стыд, его боль от одного моего вида. Я была как лазер, разрезающий его на части. Я не пожелала бы этого никому, тем более человеку, которого я любила.

— До свидания, Соскони, — произнес он.

— До свидания, — выдавила я.

Я вышла из его палаты на ощупь: перед глазами все почему-то расплывалось.

Кабинет Императора был огромен и пуст. Никаких ковров, никакого декора, почти никакой мебели. Стены не стеклянные и не металлические. Нечто среднее между стеклом и металлом. На стенах золотыми и оранжевыми пятнами выделя-

ются пустынные пейзажи планеты — родины моего деда. Пятьдесят пять лет назад здесь размещался кабинет деда. Это было до того, как Кердж — случайно или нет — убил его, чтобы самому занять трон.

Иногда я не понимаю, как мать живет с этим — зная, что ее родной сын убил ее отца. Ассамблея пришла к заключению, что это несчастный случай. Но, изучив записи слушания, я так и не решила, постановили они это из страха перед влиянием Керджа на военных или потому, что действительно верили в это.

Одно не подлежало сомнению: события, рвавшие мою семью на части — смерть деда, поспешное бегство матери от Керджа, ее тайный брак с моим отцом, — представляли собой реальную угрозу самому существованию Сколийской Империи. Если роны уничтожат друг друга, Сколи-Сеть рухнет, а без нее Сколия падет под натиском превосходящей военной силы купцов, расколется, как яичная скорлупа под кованым сапогом. Я не сомневалась, что Ассамблея пойдет на любые меры, только бы обеспечить выживание буйной семейки, поддерживающей существование Сколи-Сети.

Мать никогда не говорила со мной о смерти деда. Продолжает ли это мучить ее столько лет спустя? Убил ли Кердж деда намеренно, не желая ждать, пока трон Императора достанется ему законным путем, или это и впрямь был несчастный случай? Правду знала только моя мать.

Как бы то ни было, что бы она об этом ни думала, она все еще любила Керджа. Боги знают, за что, но любила.

Кердж сидел в кресле за своим рабочим столом — протянувшейся от стены до стены стеклянной пластиной тридцатисантиметровой ширины, в которую были утоплены пульты и мониторы. Стена за его спиной представляла собой окно из поляризованного — чтобы уменьшить жар дьешанского солнца — бронестекла. Кабинет размещался на верхнем этаже самой высокой башни столицы — здания Генерального Штаба. Пейзаж за окном состоял исключительно из прямых углов: коробок небоскребов из стекла, хромированного металла и бетона тверже скальной породы. Там, где город кончался, до самого горизонта тянулась пустыня, плоская и ржаво-красная.

Из-за ближайшей башни выскочил флайер и, описав плавную дугу, пролетел совсем близко от окна. На глянцево-черной поверхности виднелась серебряная эмблема КИКС: че-

тыре буквы в треугольнике, заключенном во взрывающееся солнце.

Штор не было, но Кердж обходился и без них. Он отрегулировал поляризацию стекол так, чтобы приглушить свет до терпимых пределов, но и только. Я стояла перед столом навытяжку, стараясь не жмуриться. Даже мои усовершенствованные зрительные нервы не могли воспринимать одновременно ослепительный пейзаж за окном и остающееся в тени лицо Керджа. Я видела только темный силуэт. Лицо и разум его оставались для меня закрытыми.

— Форширский Приют, — сказал Кердж. — Я хочу, чтобы ты готовила кадетов ДВИ.

Не могу сказать, чтобы новое назначение мне нравилось. Я не имела ни малейшего желания муштровать кадетов в военной академии.

— Разрешите обратиться?

— Говори.

— Мне хотелось бы командовать боевым отрядом.

Кердж смотрел на меня. Его сознание давило на меня почти осязаемым весом.

Мне было все равно. Все, что я хотела, — это драться, драться, драться, пока все до единого купцы не будут корчиться от боли так, как Источники. Так, как Рекс. Я хотела изрешетить этих ублюдков.

— Значит, ты хочешь получить новое боевое назначение? — произнес Кердж.

— Да, сир.

— И ты хочешь драться с купцами.

— Да, сир.

— Убивать их.

— Да, сир.

— Уничтожить их.

— Да, сир.

— В свое время я имел очень похожий разговор с Рексом Блекстоуном.

Это вывело меня из равновесия.

— Сир?

Кердж встал и подошел к окну. Он стоял спиной ко мне и смотрел на город. Его город. Его планету. Его Империю.

— Это было, когда вы вдвоем вернулись с колонии Тамс, — сказал он. — После того, как ты побывала Источником Крикса Тарка.

Я застыла. Мы с Керджем никогда не говорили о том, что произошло на Тамсе. Он наверняка знал все подробности из моего рапорта. Но сама я не рассказывала ему ничего. И не собиралась делать это сейчас.

— Вы считаете, я жажду мести? — спросила я.

— А разве не так?

— Ну, почему бы и нет?

— Месть помрачает рассудок.

— Мой рассудок в порядке.

— Блекстоун тоже так говорил.

— Это не одно и то же.

— Нет, не одно. — Кердж повернулся ко мне лицом. — Ты нужна мне в рабочем виде. В добром здравии. В здравом уме.

— Вы ищете проблемы там, где их нет.

Кердж не ответил. Он даже не пошевелился. Он только стоял и смотрел на меня, а лицо его было как маска. Осторожно, просигнализировал мой центр. Внешний Источник ищет пути проникновения в твое сознание.

Пусть смотрит, подумала я. Правда, что Кердж превосходит своей энергией любого другого телепата. Но его энергия сродни его физической силе, грубой и неуклюжей. Ему не хватит тонкости найти то, что я держу закрытым от него.

Он долго стоял, не двигаясь. Потом наконец заговорил:

— Ладно. Я не буду отстранять тебя от боевых операций. Но сейчас ты нужна мне в ДВИ. Им не хватает хорошего наставника.

— Слушаюсь, сир.

Я хорошо знала, когда дальнейшие просьбы бессмысленны. Но за всеми моими стенами и барьерами, в панцире из льда, ограждавшего мои эмоции, я думала: *Я вернусь. Слишком много всего не завершено.*

Часть 2
ФОРШИРСКИЙ ПРИЮТ

8. ВРЕМЯ ИСКАТЬ

Я возвращалась на планету Форширский Приют как домой. Почти как домой. В первый раз я попала сюда всего через несколько лет после выпуска из Академии. Тогда я жила в тесной казарме неподалеку от Джейкобсовского Военного Института, километрах в двадцати от города Эос. На этот раз мне отвели квартиру в величественном старом доме, в престижном квартале.

Лично я предпочла бы казарму.

Мне было поручено разработать учебную программу, способную улучшить физическую подготовку кадетов ДВИ. Два дня из каждых восьми я занималась с ними, а в остальные дни это делали их инструкторы по моим указаниям. Программа была хороша. При правильном выполнении ее требований она приводила любого кадета в идеальную физическую форму. Вот только стоило мне закончить работу над программой, как делать стало нечего.

Поэтому шесть из каждых восьми дней я сидела дома и скучала. Я понимала, чего хотел от меня Кердж. Он хотел, чтобы я оправилась от стрессов, которые — как он боялся — ограничивают мою способность действовать. Я представляла собой важную деталь его военной машины, которой, по его мнению, требовался ремонт. Поэтому он дал мне бессмысленное поручение, сунул меня в красивый город на красивой планете и решил, что об остальном позаботится моя природа.

Он ошибся. Моя природа не делала ничего. Я сидела взаперти, уставившись в стену до тех пор, пока не готова была

взорваться. Я была дурой, воображая, что могу уйти с военной службы. Я не могла уйти в отставку. Это оставляет слишком много времени для размышлений.

Правда, в одном Кердж оказался прав. Программа физической подготовки ДВИ действительно требовала пересмотра. Я переработала в ней все, начиная с того, что кадеты ели на завтрак, и кончая тем, сколько километров они должны пробегать по дороге к полосе препятствий. Когда я начала занятия, только четырнадцать процентов кадетов отвечало требованиям программы.

Кончилось все тем, что Чар Йаки, ректор ДВИ, пригласил меня как-то в свой кабинет и подвел к окну. На улице, в вечерних лучах форширского солнца, сновали туда-сюда через плац кадеты, направляясь в учебные аудитории, в библиотеку, в классы симуляции.

— Им не хватает времени на теорию, — сказал Йаки. — Они слишком выматываются к вечеру, чтобы думать об учебе.

— В ДВА нам приходится предъявлять к ним более строгие требования, — возразила я. И это правда: в Дьешанской Военной Академии, где готовят Демонов, от первоначального набора до выпуска дотягивают чуть больше половины курсантов; остальные отсеиваются. Зато остаются лучшие. — Если мы не сможем подготовить их так, как того требует обстановка, лучше узнать это сейчас, чем в момент, когда их жизни будут зависеть от способности действовать с предельными нагрузками.

— Готовить и ломать — не одно и то же, — тихо произнес Йаки.

Сидя в своей шикарной квартире, я думала, не перегибаю ли я в самом деле палку? Зачем вообще готовить кадетов? Купцов нам все равно не одолеть. Они разобьют нас, как бы отчаянно мы с ними ни бились. Тогда какой смысл во всем этом? Так или иначе мы все погибнем, перемолотые военной машиной аристо.

Прекрати, одернула я себя. Я подобрала голокнижку, которую вчера вечером небрежно кинула на диван. Над обложкой розовыми буквами светилось название: «Поговорки далеких миров». Я любила заучивать обороты чужой речи. В детстве мы все время играли в это моим братом Келриком, подставляя друг друга в изысканно закрученные фразы. Sauscony esta construendo castillos en el aire. Соскони строит воздушные замки. Я раскрыла

книгу и наткнулась на неплохую земную фразу про журавля в небе.

Я вздохнула и отложила книгу. Потом встала и подошла к южному окну гостиной, из которого открывался вид на поля. Дом, где я жила, стоял на краю Джейкобсшира, края пологих холмов, поросших туман-травой. Когда она колыхалась от ветра, казалось, будто по земле распластались золотые облака. Был ранний вечер. Вечера здесь мягче, чем на Дьеше, короче, чем на Делосе. Янтарное солнце висело над горизонтом на юго-западе.

Из всех миров, где мне приходилось жить — планета моего детства не в счет, — Форшир нравился мне больше всего. Это была вторая планета в системе оранжевой звезды, получившей от своего первооткрывателя имя Рут. По заведенному в КИКС порядку города здесь обозначались номером согласно очередности их постройки. Однако какой-то поэтически настроенный чиновник в Командовании Имперских Космических Сил переименовал этот город в Эос в честь богини утренней зари из какой-то древней земной мифологии.

Мой брат Кердж не отличался любовью к поэзии и обыкновенно предпочитал простые и ясные индексы именам каких-то богов. Но мифология Земли почему-то увлекала его, особенно труды драматурга по имени Сенека. Сама я Сенеку не читала и сомневалась, что Кердж понимает, что же так очаровало его. Как бы то ни было, он сохранил за городом, который иначе назывался бы Рут-2, № 17, имя Эос.

Я понимала, почему это место навевало романтические чувства. Сам местный небосвод подвиг местных жителей — потомков независимой колонии, обосновавшейся здесь сотню лет назад, — на несчетное количество поэтических опусов. В этих краях, тридцати градусов северной широты, планетные кольца казались мостом в небе с наивысшей точкой на юге. Находись я на экваторе, они тянулись бы прямо у меня над головой тонкой, почти невидимой полоской. Большая часть небесной арки окрашивалась в бело-золотые тона, хотя ближе к иззубренному горизонту цвет ее переходил в оранжевый, розовый и, наконец, красный.

Интересно, подумала я, как все это выглядело несколько столетий назад, когда на поверхность Форширского Приюта упал астероид? Вряд ли это было так уж страшно: планета ус-

пешно оправилась от катастрофы, единственными следами которой оставались кольца.

Впрочем, местные растения и животные до сих пор не до конца освоились с присутствием колец и пыли в воздухе. Трение с верхними слоями атмосферы и столкновения составлявших кольца глыб приводили к выпадению на планету значительного количества твердых частиц. Самые крупные прочерчивали ночное небо метеорами. В атмосфере постоянно висела пыль — естественный смог, который никогда не рассеивался до конца. В спектре солнечного света здесь в отличие от большинства других обитаемых планет преобладали красные цвета. Все вместе это окрашивало небосклон Форшира в ярко-золотой цвет, а не в голубой, обычный для планет с кислородно-азотной атмосферой.

При всей своей красоте небо так и осталось для меня чужим, непривычным. Мне не хотелось любоваться небом. Я хотела видеть людей. Живых людей. Не машин, не роботов, не Демонов. Нормальных людей.

Я наклонилась растереть затекшую ногу. Гравитация здесь была чуть выше обычной, примерно как на планете, где я провела детство. Но все равно мне обычно требовалось время, чтобы привыкнуть к ней после пребывания на Дьеше или в космосе.

Я перешла к западному окну, смотревшему на город. Далеко внизу тянулся залитый закатными лучами бульвар. Впрочем, я плохо видела то, что там творится, поскольку листва скрывала бульвар почти целиком. Зеленый ковер начинался от стен моего дома и километрами тянулся на запад и север. Казалось, дом вырастает из облаков, только зеленых.

Чуть в стороне из листвы вырастала жилая башня, за ней — другие. Хотя я знала, что они не отличаются от той, в которой я жила — металл и бетон, — они казались хрупкими артефактами из красного дерева и слоновой кости, испещренными причудливыми зелеными мазками. Фасады закруглялись, повторяя изгиб колец в небе. Вогнутая сторона ближайшей башни была обращена на запад, хотя остальные башни ориентировались по-разному.

Я вглядывалась в бульвар. Есть там хоть кто-нибудь живой? Кое-где ветер раздвигал листву, но в просветах виднелись только голубые плитки мостовой.

Нет, на бульваре появилась пара. Мужчина и женщина в легких одеждах, напоминавших трепещущие на ветру розовые и серые лепестки. Глядя с такого расстояния, трудно было сказать наверняка, но мне показалось, что женщина смеется. Мужчина тоже рассмеялся — крупный брюнет, и смех у него, должно быть, такой же громкий. Как у Рекса.

Я отвернулась от окна. Как это Кердж сподобился послать меня сюда, где мне нечего делать, кроме как думать?

Ну кто сказал, что я должна сидеть здесь сиднем? Я могу и выйти прогуляться. Сделать что-то. Только что? Все, кого я знаю на Форшире, — военные. Еще меня продолжали приглашать на официальные обеды в Имперском посольстве, где мне приходилось слоняться в золотом мундире с бесполезно болтающейся на бедре сверкающей саблей... Ужасно.

Я мрачно покосилась на компьютер. Это был Пако 20, готовый выполнить любое мое желание. Ну, почти любое. Не думаю, чтобы в его возможности входило исполнение супружеских обязанностей. А может, он и это умеет? Кто его знает — какая-нибудь там виртуальная реальность в спальне...

— Пако, — сказала я. — Мне нужна одежда.

На пульте засветилась лампочка.

— Форма или штатское? — спросил Пако.

— Не форма. Одежда. Понимаешь, что-то, что носят нормальные люди.

— В каком стиле?

Стиль? О чем это он?

— Ну, не знаю. Выбери сам. Что женщины здесь надевают на прогулку?

Пако включил экран, и появилось голоизображение — я сама, стоящая нагишом. Я даже удивилась, что так молодо выгляжу.

На мне появилась одежда — полоска ткани без застежек, едва прикрывавшая грудь и ягодицы.

— Это приемлемо? — спросил Пако.

Я покраснела:

— Я просила одежду. Не лохмотья.

Полоска расширилась, превратившись в прозрачное голубое платьице, доходившее почти до колен.

— Это приемлемо?

Платье, конечно же, было значительно смелее того, что я носила обычно, но по сравнению с тем, что я видела — или не видела — на парочке внизу, оно казалось почти консервативным.

— Пожалуй. Пришли его.

Платье принесли через несколько минут. Мальчишка в синей форме передал его мне и застенчиво улыбнулся. К платью прилагалась обувь — синие босоножки с маленькими серебряными колокольчиками, прикрепленными к застежкам на лодыжках. Когда дверь за мальчишкой захлопнулась, я примерила платье. Вся эта чертова штука оказалась кружевной. Какой смысл в платье, если оно ничего не закрывает? И декольте слишком глубокое. Рукавов и вовсе не было, только узкие лямки, перекрещивающиеся на спине. Я ощущала себя раздетой.

— Ну и что? — спросила я себя. И вышла прогуляться.

Оказавшись на улице, я понятия не имела, куда идти. В нашем районе было не так много зданий — больше зелени и маленьких площадей, мощенных голубой плиткой. Кое-где на голубом фоне виднелись розовые и золотые узоры. Колокольчики на босоножках негромко звенели при ходьбе. По счастью, поблизости не было видно и намека на нервоплекс.

Я пересекла бульвар и направилась в парк. Некоторое время я шла по дорожке под деревьями. Воздух был довольно чист, почти без пыли, так что дышалось свободно. Мимо проходили люди, кивавшие мне, желавшие мне приятно провести вечер. Мужчины улыбались. Все здесь носили обувь с колокольцами, так что в парке стоял негромкий, но мелодичный звон. Должно быть, колокольчики — это новая мода; раньше я их на Форшире не видела. Правда, раньше я и не выходила погулять в парк. Я ощущала себя здесь чужой. Этот славный вечер принадлежал нормальным людям.

В конце концов я вышла к кафе с позолоченной вывеской, гласившей: «ВЕРЕСКОВЫЙ СОН». Интересно, что может сниться вереску? С этой мыслью я толкнула дверь и вошла.

Передо мной стояла, широко улыбаясь, дородная женщина в переднике. Она схватила меня за руку.

— Замечательно. Вы как раз вовремя.

Она оттащила меня к полукруглому столу из некрашеного дерева и усадила на скамью с вогнутой стороны.

— Вот и мы!

Ко мне подсел юнец лет двадцати.

— Привет, — сказал он. — Меня зовут Пулли.

— Принести вам чего-нибудь выпить? — предложила хозяйка.

— Мне морковного сока, — заявил Пулли.

Морковного сока? Люди, пьющие морковный сок, принимают витамины и едят эти несъедобные овощи, похожие на крошечные капустные кочаны. Почему эта женщина усадила меня сюда с этим Пулли?

Прежде чем я успела удрать, в кафе появились новые люди, потом еще и еще. Все усаживались за стол, заказывали напитки и знакомились. Через несколько минут меня окружило стадо любителей морковного сока. Все говорили одновременно, сообщая, где живут, кем работают, где учились. Тут были студенты университета и молодые рабочие, все как один излучавшие здоровье.

Долговязый мужчина уселся слева от меня и ухмыльнулся.

— Ну, Сероглазка, как нас зовут?

— Уж во всяком случае, не Сероглазкой, — сказала я.

Он рассмеялся:

— Я Хилтен. Рейк Хилтен. Все зовут меня просто Хилт.

Я молча кивнула, прикидывая, как мне лучше отделаться от Хилта и его здоровых приятелей.

В дальнем конце стола поднялась женщина.

— Ладно. Перейдем к делу. Меня зовут Делия, и я ваш экскурсовод. Сегодня мы пройдем только несколько километров. В следующий раз мы устроим поход на целый день, но для этого нам всем надо познакомиться. — Она улыбнулась. — Ну что, туристы, в путь!

Бред сивой кобылы. Я попала в плен туристов — любителей морковного сока. Пока все выбирались из-за стола, я собралась улизнуть.

Хилт встал вместе со мной и взял меня за руку.

— Послушай, Сероглазка. Тебе повезло: сегодня ты можешь оказаться моим партнером.

— Спасибо, но я ухожу. — Назови меня еще раз Сероглазкой — и я расшибу о твою голову бутылку морковного сока.

Моего сознания коснулась чья-то эмоция: беззвучный смех при виде Хилта с головой, залитой морковным соком. Я оглянулась в поисках Источника и увидела молодого мужчину с бронзовыми кудрями и карими глазами.

Он улыбнулся мне. Его короткое прикосновение к моему сознанию не отличалось особой силой, но и это дало мне понять, что он эмпат. Он был высок, застенчив, восхитительно сложен и ни капельки не походил ни на Рекса, ни на Джейбриола. Я улыбнулась в ответ. Возможно, я все-таки прогуляюсь с этими туристами.

Так и вышло, что я отправилась в пеший поход с толпой омерзительно здоровых людей, которых я видела первый раз в жизни. Сама по себе прогулка по пыльным тропинкам, извивающимся среди джейкобсширских лугов туман-травы, оказалась легкой и служила скорее поводом для знакомства членов только что образованного туристского клуба. Юношу, который коснулся моего сознания, звали Джарит, и он учился в консерватории.

Прогулка должна была бы нравиться мне. Хотя я не так освоилась со здешней гравитацией, как все остальные, такой поход никак не мог меня утомить. Прогулка в красивый вечер, в красивой стране, с красивыми людьми. Но напряжение не отпускало. Кой черт я делаю, прикидываясь нормальным человеком? Кто я, как не самозванка, претендующая на право вести себя, как любой другой?

Прекрати, сказала я себе. Я заслужила право наслаждаться таким же отдыхом, как все.

Вот и скажи это Рексу, ответила я сама себе. Скажи это всем Источникам в минуту их мучений.

Я провела рукой по волосам и заметила, что рука дрожит. Что же такое творится со мной? Хилт уже несколько минут говорил мне что-то, а я не имела ни малейшего представления, что именно. Как получается, что я запросто смотрю в глаза смерти в бою, но не могу справиться с обычной беседой?

Мы поднялись на холм, с которого открывался особенно красивый вид на Джейкобсшир. Солнце клонилось к горизонту на западе — туда, где кольца сходились с горами. Хотя нет, в самом начале лета оно еще не может садиться прямо за арку. Далеко на юго-западе блестели жидким стеклом в лучах заката крыши Джейкобсовского Военного Института.

Хилт махнул рукой в сторону ДВИ:

— Погляди, Соз. Вон где муштруют роботов.

Я посмотрела на него:

— Роботов?

Он больше не улыбался.

— Вот именно. Роботов, только и умеющих, что отдавать честь и убивать.

Мне потребовалось значительное усилие над собой, чтобы остаться спокойной.

— Эти мальчики, которых вы называете роботами, — единственное, что стоит между вами и купцами.

Хилт нахмурился:

— Только не говорите мне, что вы из тех...

— Из кого?

— Из этих попугаев Империи. Нашей глубоко обожаемой военной диктатуры.

— Ты неверно все понимаешь, Хилт, — вмешалась женщина по имени Мика. — Для диктатуры необходим диктатор. У нас нет диктатора. У нас есть Триада. Это, друг мой, целых три диктатора.

— Но это же абсурд, — заявил Пулли. — Сколией правит Ассамблея. При чем здесь Триада?

— Какая прелестная наивность, — восхитилась Мика. — Если ты и правда веришь в это, мне тебя жаль.

— Какая, к черту, Триада? — возмутился Хилт. — Всем хорошо известно, что лорд Валдория — декоративная фигура, которую они посадили на самый верх только потому, что он нравится народу.

Я застыла. Они говорили о моем отце. Лорде Элдринсоне Эльторе Валдории. Это правда, что он стал деятелем межзвездного масштаба по случайности. Простой фермер с отсталой планеты, он не имел ни желания править Империей, ни соответствующих знаний. До того как он получил титул Ключа от Сети, он покидал родные места только из-за приступов эпилепсии, требовавших медицинского вмешательства.

Почти мгновенно всплыло воспоминание: двадцать семь лет назад купцы организовали покушение на Керджа. В те годы власть осуществлялась только Двумя: Керджем — Императором — и моей теткой — Ключом Ассамблеи. Сразу после покушения, пока Кердж лежал при смерти, купцы напали на планету, где заседала в тот момент Ассамблея. В наступившей сумятице телохранители поспешно эвакуировали тетку на секретную базу Сейфлендинг.

Затем купцы взломали нашу компьютерную защиту — и Сколи-Сеть рухнула.

Рухнула вся система — электронные сети и связывающая их воедино псиберсеть. Кое-где сохранились еще небольшие локальные участки, но только Кердж и моя тетка обладали энергией ронов и допуском, необходимыми для повторного запуска системы. Тетка оказалась недосягаема на Сейфлендинге, а Кердж умирал. Сколия лишилась слуха и зрения, как раненный в голову зверь, а купцы разворачивались для последнего, решающего удара.

Но они просчитались. Мой отец — «никто», хоть и рон — проходил тогда обследование в госпитале КИКС. В момент, когда Сколи-Сеть рухнула, он находился всего в нескольких сотнях метров от командного центра. И тогда бригада отчаявшихся техников подключила его к пси-линии, питавшей систему.

Никто не знал, что может случиться, когда мой отец присоединится к энергетической системе, запрограммированной только на двух конкретных ронов. Она могла разрушиться, будучи не в состоянии разделиться между тремя столь несовместимыми разумами. Или захлебнуться, убив всех троих в огромном, с Галактику размером, замыкании. Или, возможно — но только возможно, — отец мог продержаться некоторое время, необходимое для запуска системы. О том, что он и понятия не имел, как функционирует Сеть, о том, что он родился в обществе столь примитивном, что у него не было даже электричества, никто не вспоминал. Вопрос стоял так: подключить его к Сети или сдать Сколию купцам.

Никто не ожидал того, что случилось в действительности. Отец рассказывал мне потом, что Сеть показалась ему игрушкой на манер тех головоломок, которыми мы забавлялись в детстве. Только эта сверкающая головоломка оказалась сломанной — вот он и исправил ее; в результате весь простирающийся между звездами мозг Сколии был восстановлен.

Он не понимал технологии — он даже не пытался этого сделать. Он и после не мог войти в Сеть без посторонней помощи. Но это ничего не меняло. Раз войдя в псиберпространство, он слился с ним, поддерживая Сколи-Сеть, как океан поддерживает плавающую в нем паутину водорослей. Он связывал ее, используя способности, с которыми не мог сравниться никто в нашей семье.

Я заговорила тоном, про который даже сама могла бы сказать, что он достаточно холоден, чтобы заморозить кого угодно:

— Без человека, которого вы так запросто обозвали декоративной фигурой, вы вряд ли могли бы стоять здесь, беспрепятственно нападая на ронов. Вы, сударь, были бы рабом купцов.

— Меня всегда интересовало: обладают ли те, кто цитирует штампы Имперской пропаганды, чувством реальности, — фыркнул Хилт.

— Может, нам лучше сменить тему? — неуверенно предложил Пулли.

— В этом-то все и дело, — вскипел Хилт. — Роны так задавили нас, что мы боимся даже говорить о них. Все, что нам дозволено, — это преклоняться перед ними. Так вот, я не преклоняюсь перед тиранами.

— Почему вы считаете, что роны притесняют вас? — спросила я.

— Я знаю, что вы скажете дальше, — сказал Хилт. Интересное заявление, особенно учитывая, что сама я этого пока не знала.

— Ну и что?

— Что военная машина ронов оккупирует планеты для их же блага.

— Мы живем не в мирной Вселенной. — Я старалась говорить спокойно. — Если мы хотим выжить, нам нужна сила, а это зависит от людей и территорий. И если мы не получим их первыми, это сделают купцы или земляне.

— Один черт, — отмахнулся Хилт. — И вообще, почему это у ронов больше прав на завоевания, нежели у купцов или землян?

— Земляне никого не завоевывают, — возразила еще одна женщина, Ребекка. — Они предлагают добровольное объединение.

— И вы считаете, что нам надо поступать так же? — покосилась я на нее.

— А вы считаете справедливым, что нас заставляют жить по чужим законам, не оставляя права выбора?

— А вас не устраивают законы Империи? — спросила я.

— Вы меня не понимаете, — сказала Ребекка. — Нас лишили всего, даже названия нашей планеты. И нас при этом не спросили.

— О чем не спросили? — И что меня так разозлило? — Если бы Форшир не сделался частью Сколийской Империи,

вы бы до сих пор боролись за выживание, вместо того чтобы вступать в туристические клубы.

— Да, мы были бедны, — тихо произнесла Ребекка. — Но мы имели право быть самими собой.

— Почему вам так трудно признать за людьми право жить так, как им хочется? — не отставал от меня Хилт.

— Земляне живут так, как мы не можем себе позволить. — Даже я сама слышала, как горько звучит мой голос. — Пока мы с купцами перегрызаем друг другу глотку, Земля вольна поступать так, как ей заблагорассудится. Очень мило. Очень удобно для Земли. Только если мы поступим так же, это нас убьет.

— Очень уж вы циничны, — сказала Мика.

— Не уверен, что купцы так уж опасны, — фыркнул Хилт. — Кто, как не аристо, идеально подходит на роль пугала, способного отвлечь внимание от делишек ронов?

Я почувствовала, что щеки у меня горят от ярости.

— Если вы считаете, что аристо безобидны, вы просто дурак!

— Ну да, — сказал Хилт. — А теперь вы зачитаете нам перечень грехов аристо. Валяйте, Соз. Я хочу сказать, вам хоть раз доводилось видеть Источника?

Я застыла от захлестнувших меня воспоминаний: Тарк, навалившийся на меня, а я все кричу, кричу, кричу...

— Оставьте ее в покое!

Все как один обернулись на голос. Это был Джарит, мальчик-музыкант. Он покраснел, но не отступился.

— Прекратите!

— Почему это? — недовольно спросил Хилт.

— Он эмпат, — вполголоса объяснила Хилту Ребекка.

Хилт уставился на Джарита. Потом повернулся ко мне:

— Что я такого сказал?

Я сглотнула:

— Вы спросили меня, видела ли я когда-нибудь Источника. Так вот, видела.

Все замолчали. Я не собиралась вдаваться в подробности, и никто меня об этом не просил. Одного взгляда на лицо Джарита вполне хватало, чтобы отбить такое желание, если оно у них было.

Ребекка махнула рукой в сторону нашей группы, тронувшейся вниз по склону.

— Они уходят.

Мы двинулись следом. Разговор возобновился, сначала нерешительный, потом свободнее и свободнее по мере того, как они переходили на менее щекотливые темы. Я держалась в стороне. Я и раньше не очень любила дискутировать, а сейчас и вовсе мечтала убраться от них как можно скорее. Хуже всего было сознание того, что они правы. Людям необходима свобода. Но они ошибались в своей оценке ронов. Мы были не свободнее их самих. Мы были связаны войной, не оставлявшей нам шансов: мы не могли позволить себе проиграть ее, но и выиграть не могли тоже.

Неужели я была настолько глупа, что верила, будто Джейбриол способен что-то изменить? Выхода все равно нет. Он изменится сам. Ему придется измениться, чтобы выжить. Он станет хайтоном. А я буду смотреть на это, ненавидя себя за то, что надеялась на другое, ненавидя себя за то, что люблю его.

Я больше не могу, подумала я. Мой разум просто взорвется.

Джарит отстал, чтобы идти рядом со мной.

— Простите меня. За то, что подглядывал.

— Подглядывали?

— Ваши мысли... ну, этот аристо. — Он побледнел. — Образ был такой яркий...

— Вам не за что извиняться, — сказала я. — Я сама только что не кричала вам.

Он не стал заглядывать в мою память, но я почувствовала, что он хочет спросить меня: «Так это вы были в той кровати?» Я только тряхнула головой, не желая больше говорить на эту тему.

— Надеюсь, вы не очень обиделись на остальных, — сказал он. — Просто они не привыкли сталкиваться с такой консервативной точкой зрения.

— Вы считаете меня консервативной?

Он рассмеялся.

— Ультра! — По лицу его пробежала тень. — Не берите в голову Хилта. Мне он тоже задал жару.

Переведи последнюю фразу Джарита, подумала я.

Сленг, ответил мой центр. «Задать жару» означает вести себя в конфронтационной манере.

Я с трудом представляла себе кого-то, кто осмелится конфликтовать с Джаритом.

— За что? — спросила я.

— Он говорит, что я слишком апатичен. Он считает, что я должен сражаться за свои убеждения. — Джарит пожал плечами. — Это правда, я далек от политики. Я предпочитаю петь.

Я вздохнула. Вот передо мной славный мальчик с лицом ангела и без политических убеждений. Пако не смог бы найти мне лучшего приятеля, заставь я его даже обыскать всю планету.

Так за чем дело стало, Соз, подумала я. Ты что, не можешь справиться с тем, кто бросает тебе вызов?

Я стиснула зубы. Я только и делаю, что справляюсь с теми, кто бросает мне вызов. Весь день напролет, изо дня в день, из года в год, десятилетие за десятилетием. Я заслужила отдых.

Ты не отдыхаешь, ответил мой внутренний голос. Ты прячешься.

Заткнись, сказала я ему.

— Мы тут собрались с друзьями сходить в голокино, — снова заговорил Джарит. Он явно колебался. — Вы не хотите с нами?

Боги! Да он за мной ухаживает. По крайней мере мне кажется, что именно это он и делает. Столько лет прошло с тех пор, как я занималась подобными вещами; я даже забыла, как это делается. Возможно, когда люди собираются куда-то компанией, это называется как-то по-другому. Групповуха? Нет, это уж слишком грубо.

Впрочем, какая разница, как это называется? Да что это со мной в самом деле? Я уже начала сама с собой спорить в уме.

— Да, — сказала я. — С удовольствием схожу. — Я имела мало общего с этими людьми, но сходить с кем-то в кино все равно лучше, чем возвращаться в пустую квартиру.

Мы вернулись в кафе и ополоснулись, а потом отправились через парк в кино. Пошел Джарит, пошли Хилт и Ребекка и еще с полдюжины туристов, сменивших кроссовки на туфли с колокольчиками. Солнце спряталось за холмы, окрасив горизонт в живописный красный, а небо над нашими головами — в благородный бронзовый цвет. Сияющие кольца изогнулись над нами аркой. На западе кольца были ярко-алыми, а на востоке — там, где на них падала тень планеты, — они выглядели так, будто какой-то сказочный дракон откусил от них кусок.

По мере того как надвигалась ночь, становилось все холоднее, и Хилт одолжил мне свой свитер. К счастью, разговор

носил безобидный характер — ленивый спор, какой фильм смотреть. У меня не было своей точки зрения. Я не имела ни малейшего понятия, что вообще сейчас идет. В конце концов было решено пойти в ближайший голотеатр, где крутили что-то под названием «Искривленный разум». Головывеска у входа изображала Демона, который, широко расставив ноги, палил из своего дезинтегратора. Впрочем, сейчас в половине голофильмов героями являются солдаты.

Мы уселись на мягком полу круглого зала, где, кроме нас, находилось еще сотни две человек. Мы с Джаритом беседовали о его учебе. Ребекка с Хилтом что-то ели, а Пулли купил еще бутылку этого их ужасного морковного сока.

Через несколько минут свет в зале померк. Загремела музыка: настойчивая барабанная дробь, сквозь которую прорывались звуки труб и скрипок. Потом мы вдруг оказались в чистом поле около ДВИ. Перед нами стоял Демон — симпатичный брюнет со стальными бицепсами и с дезинтегратором на поясе. Он пустился бегом, и мы «побежали» следом, на расстоянии, с точки зрения режиссера, оптимальном для восприятия действия.

Не прошло и пяти минут, как я поняла, что совершила ошибку, пойдя сюда. Было совершенно ясно, чем закончится фильм. Демон отправился на задание, спасать красивую, можно сказать даже пышную, женщину, якобы похищенную купцами, а на самом деле — хайтонскую шпионку. Купцы изловили Демона, вставили ему в мозг приемник и отпустили на все четыре стороны. Нам предлагалось гадать, какая ужасная судьба ждет ничего не подозревающего героя, когда эти злодеи нажмут на кнопку.

Фильм не претендовал на точность. Когда Демон отправился к душеспасителю, тот принимал его в больнице. Душеспасителя никогда не найти в больнице. Нас и так достаточно тяжело уговорить обратиться за помощью. Столкнувшись же с перспективой идти в больницу, что означало бы открыто объявить: «Да, я съехал с катушек», — большинство из нас устремится в противоположную сторону. Настоящий душеспаситель будет принимать в безобидном месте, никак не ассоциирующемся с психушкой, чаще всего в правительственных учреждениях.

Но это все было еще ничего. «Герой» почти весь фильм только и делал, что нарушал кодекс чести, по которому мы

живем. Он мошенничал, лгал, обращался со своими подружками как с ничтожеством и шел в бой, не выказывая ни малейшего намека на жалость. Это был абсурд. В конце концов, подразумевается же, что он эмпат?

Однако окончательно доконало меня то, что актер был чертовски похож на Рекса, ни за что на свете не позволившего бы себе такого. Да, женщины так и вешались на Рекса. И их влекли его красота, обаяние и блеск. Но влюблялись они в Рекса потому, что он был достойный человек, относившийся к людям с уважением. Этот идиотский фильм просто оскорблял его.

В кульминации фильма — кто бы мог подумать! — Демон сходил с ума. Купцы нажали на свою кнопку, и он взбесился прямо посреди людной площади, начав крушить все вокруг из своего дезинтегратора. Я так рассвирепела, что вскочила и вышла из зала, не дожидаясь конца фильма, пройдя при этом прямо сквозь палившего Демона, вызвав громкие протесты зрителей.

Я выходила из голотеатра, когда из зала показался Джарит и окликнул меня:

— Соз. Подожди.

Я задержалась в дверях, поджидая его. Следом за ним показались Хилт и Ребекка. Они оглядывались по сторонам, потом увидели нас и пошли к нам.

— Что случилось? — спросил Джарит. — Что тебя так вывело из себя?

— Ничего не вывело. — Я была так зла, что даже говорила с трудом. — Просто не люблю смотреть дерьмо, вот и все.

Хилт и Ребекка подошли как раз вовремя, чтобы услышать мою последнюю фразу. Хилт посмотрел на меня с раздражением.

— Знаешь, это твое поведение начинает надоедать.

Мне хотелось врезать ему по физиономии. Не помню, когда я так злилась. Но почему? Неужели из-за этого дурацкого фильма?

— Идите к черту, — сказала я.

Ребекка взяла меня за руку:

— Это всего лишь фильм.

Я отстранилась от нее.

— Это оскорбление для тех, кто каждый день рискует жизнью ради того, чтобы дети вроде вас могли жить спокойной и здоровой жизнью и смотреть пустяковые фильмы.

Я ждала, что Хилт обзовет меня идиоткой. Но он только пожал плечами:

— Не понимаю, зачем столько шума из-за ерунды. Никто не расценивает «Искривленный разум» как политическое заявление или произведение искусства.

— Послушайте, — предложила Ребекка. — Возможно, мы не слишком удачно начали. Давайте попробуем по новой? Почему бы нам не забыть про этот фильм и не пойти куда-нибудь выпить?

Я понимала, что меньше всего мне сейчас нужно выпивать с ними. Все же я постаралась говорить извиняющимся тоном:

— Я очень устала. Боюсь, я просто срываюсь. Мне лучше пойти домой и выспаться. — Я врала. Не буду я спать. Но надо же мне было сказать что-нибудь.

Ни Ребекка, ни Хилт не казались особенно расстроенными моим отказом. Джарит продолжал смотреть на меня. Он молча ждал, пока я прощалась с остальными, но, когда те направились к театру, сказал:

— Можно я провожу вас?

— Спасибо. Мне будет приятно.

Пока мы шли через парк, я пыталась придумать, что бы такого сказать. Ничего умного в голову не шло. Если честно, ничего глупого тоже.

Когда мы остановились у моего парадного, вид у Джарита был довольно удивленный.

— Вы живете здесь?

— Когда прилетаю на Форшир, — ответила я.

— Вы много путешествуете?

— Бывает. — Мне хотелось, чтобы он поднялся ко мне и помог — как мужчина может помочь женщине справиться с одинокой ночью. Мне хотелось, чтобы он любил меня снова и снова, пока не изгонит демонов, терзавших мой рассудок.

Джарит присвистнул:

— В первый раз вижу человека, который может позволить себе жить в таком доме.

Отлично, сказала я себе. Теперь твой ход. Пригласи его подняться.

А если он скажет «нет»?

— Вы вернетесь в кино? — спросила я.

— Только забрать плащ, — поморщился он. — Я обещал ребятам порепетировать сегодня вечером. У нас зачет завтра.

— О... — Я, наверное, совсем рехнулась, переживая из-за музыканта, художника. Он ведь живет искусством, в котором ты полный ноль. У нас ничего не получится.

Джарит колебался.

— Вы не будете против, если мы встретимся еще?

Я не возражала.

— Мы собирались на пляж в Тиллсморн. Не хотите с нами? Мы могли бы встретиться здесь завтра в полдень.

— Идет, — улыбнулась я.

— Ну что ж, отлично. — Он улыбнулся и помахал мне рукой. — До завтра. — И ушел.

Я поднялась к себе. Даже со всеми включенными лампами моя квартира казалась темной. Чего-чего, а ламп в ней хватало, красивых плафонов матового стекла, освещавших комнаты неярким, уютным светом. Стены были отделаны деревянными панелями, будто излучавшими тепло. И везде были окна, даже ночью пропускавшие внутрь свет, отраженный от колец в небе. Белые ковры, белая обивка мебели, белая лепнина. Просторная, светлая квартира. И все равно она казалась мне сейчас темной и пустой.

Я наливала себе стакан виски в баре, когда заговорил Пако:

— К вам гость.

Я подняла голову. Неужели Джарит передумал и вернулся помочь мне справиться с одиночеством?

— Кто?

На экране Пако показалось крыльцо у входной двери. На крыльце стоял, ежась от вечерней прохлады, Хилт.

— Черт, — пробормотала я, подошла к пульту и нажала на клавишу интеркома. — Да?

Его голос донесся до меня из динамика:

— Ты забыла вернуть мне свитер.

Я зажмурилась. Я даже забыла, что он до сих пор на мне.

— Пако, пусти его.

Минуту спустя он уже стучал в мою дверь. Когда я открыла, он улыбался.

— Эй, Сероглазка, ну и жилье у тебя!

— Откуда вы узнали мой адрес?

— Джарит сказал.

Я стянула свитер и вернула ему.

— Спасибо. С вашей стороны очень мило было дать мне его поносить.

Я начала закрывать дверь.

Хилт толкнул дверь и прошел мимо меня в прихожую.

— Знаешь, теперь мне многое становится ясно.

Я наблюдала за ним от двери:

— Не помню, чтобы я приглашала вас зайти.

— Неудивительно, что ты придерживаешься таких консервативных взглядов. Ты ведь Деньги. — Он повернулся ко мне. — Готов поспорить, что еще и Старые Деньги.

— Спокойной ночи, Хилт.

Он подошел ко мне.

— Ледяная Принцесса. Разумеется, ты поддерживаешь политику ронов. — Его палец скользнул по лямке моего платья, ниже, ниже и наконец остановился между моими грудями. — Кто, как не ты, заинтересована в сохранении статус-кво.

Я оттолкнула его руку:

— Убирайтесь.

Он прижал меня к стене, приблизив лицо к моему так, что почти целовал меня.

— Надо же кому-то разбить эту твою ледяную скорлупу!

Я среагировала мгновенно. Мне нельзя было допускать этого, но я среагировала. Мои боевые рефлексы не включались без моего ведома, если только моей жизни не угрожала непосредственная опасность. А Хилт никак не угрожал моей жизни. Он был бесцеремонен и груб, он не нравился мне, но он не был насильником. Простого «прекратите!», возможно, хватило бы.

Но я не просила его прекратить. Я попыталась убить его.

Когда разум начал сознавать, что же я делаю, я успела разбить стакан о стену и направляла острый осколок в грудь Хилта. Из порезанной руки струилась кровь. Я вовремя остановила руку: острие было уже меньше чем в сантиметре от его кожи.

Все произошло так быстро, что Хилт даже не успел пошевелиться, оцепенело глядя на осколок у своей груди. Потом он сделал глубокий вдох и осторожно вынул осколок из моей руки. Я посмотрела на кровь, залившую мне руку и платье.

— Мне кажется, вам нужен врач, — сказал Хилт.

— Ерунда. Я разберусь сама.

Я ожидала, что он вызовет полицию. Вместо этого он тихо произнес:

— Простите меня. Я забылся.

Это он забылся? Я чуть не убила его. Черт, *да что же со мной?*

— Я позвоню в больницу, — предложил Хилт.

Я заставила себя ответить спокойно:

— Не надо. Просто уходите.

Он покосился на мою окровавленную руку:

— Мне кажется, вам...

— Уходите.

— Ладно. — Хилт открыл дверь. — Я позвоню завтра, узнаю, как вы.

— Хорошо. — Я закрыла за ним дверь и заперла ее.

— Я могу вызвать врача, — предложил Пако, — он будет через минуту.

Я подошла к бару, пустила воду и сунула руку под струю. Вода в раковине окрасилась розовым.

— Не надо, все в порядке.

Промыв и перевязав руку, я налила себе еще виски. Если я напьюсь как следует, я перестану думать. А именно сейчас мне особенно не хотелось думать.

— У меня к вам дело, — сообщил Пако. — Почта ждет вас уже шесть часов.

— Утром просмотрю.

— Одно из сообщений требует срочного ответа.

Я нахмурилась:

— Ладно. Включай запись.

В комнате раздался голос Чара Йаки, ректора ДВИ.

— Простите, что беспокою вас, праймери Валдория. Нам пришлось отменить завтрашние полеты из-за поломки двигателя одного из флайеров. Можете вы прочитать им вместо этого лекцию?

Должно быть, он имел в виду лекцию о киберчеловеческих интерфейсах, которую я собиралась прочесть им позже.

— Пако, передай ему, что я прочитаю лекцию завтра после обеда.

А потом я напилась. Напилась вусмерть.

9. ВРЕМЯ ПЛАКАТЬ

— Но разве это не опасно? — допытывалась девушка-кадет. Она даже подалась вперед от волнения. — Фиброоптика и механизмы — это же чужеродные тела, так ведь? Разве ваше тело не отторгает их?

Обилие вопросов застало меня врасплох. Я присела на краешек стола у экрана. Йаки предлагал мне кафедру, но так я чувствовала себя увереннее. Гораздо увереннее. Мне нравилось общаться с кадетами.

— Большая часть биомеханической системы выращена на основе моего собственного генетического материала или покрыта защитным слоем моих же клеток, — ответила я. — Это мало отличается, скажем, от вашего собственного регенерированного органа. Конечно, биомеханическая система гораздо сложнее. Не каждый организм примет ее.

Кадет в задних рядах переполненной аудитории поднял руку. Я кивнула ему, и он спросил:

— А что будет, если фиброоптика выйдет из строя?

— Она передает сигналы, — ответила я. — Как нервы. Если что-то с ней случится, она просто перестанет передавать сигналы.

— А мозг может неправильно интерпретировать эти сигналы?

— Возможно. Но он может неправильно интерпретировать сигналы любой части моей нервной системы — будь то естественная часть или искусственная.

— Что, если что-то случится с человеком, оснащенным всеми этими штуками? — задала вопрос девушка, сидевшая рядом с ним. — Обычно если человека напугать, он просто подпрыгнет. Но если мы настраиваем человека на убийство, не рискуем ли мы, что он утратит контроль над собой и над этими механизмами? Обезумевший Демон может натворить кучу бед.

Кой черт их волнуют эти идиотские вопросы?

— Наши рефлексы срабатывают *только* при непосредственной угрозе нашей жизни. Мы запрограммированы *не реагировать* на другие ситуации. — Я покосилась на часы над дверями, в которых давно уже стоял и слушал меня Чар Йаки. Лекция длилась уже вдвое дольше положенного, но Йаки не пытался остановить ее.

Ну и ладно. Я повернулась к кадетам:

— Мы беседуем с вами уже больше двух часов. Пора расходиться.

По залу пробежал разочарованный ропот. Потом они начали аплодировать. Я стояла, не зная, как себя вести. Я не привыкла к тому, что мне аплодируют. Обычно люди хотят, чтобы я ушла, а если это купцы, они просто хотят убить меня. В общем, до сих пор мое присутствие, как правило, раздражало людей.

Но эти ребята продолжали аплодировать. Я улыбалась, счастливая тем, что хоть кто-то не считает меня невыносимой.

В конце концов кадеты потянулись к выходу. Чар подошел ко мне:

— Вы их очаровали.

— Я не ожидала, что у них будет столько вопросов.

Он улыбнулся:

— Не каждый день им удается пообщаться с чудом биосинтетической технологии.

— Спасибо. Вы правы. — Его реплика оставила во мне то же странное ощущение, что и последний вопрос кадетов. Словно я могу испортиться, как двигатель флайера. Я потерла шею, задержавшись пальцем на гнезде для псифона.

— Вас подбросить до города? — предложил Чар. — Я заметил, вы сегодня не на флайере.

— Спасибо, не надо. Сойдет и подземка. — Сказать по чести, я терпеть не могу метро. Но лететь на флайере мне тоже не хотелось. Этим утром, когда я вышла из дома, направляясь в ДВИ, я почти пять минут стояла у своего флайера, пытаясь заставить себя сесть в него. Не знаю почему, но мне это так и не удалось.

Поэтому я поехала на метро. Попутчики косились на меня так, словно у меня было две головы. Конечно, далеко не все пассажиры метро — Демоны в полном обмундировании. Я вся с головы до ног была затянута в черное. Я даже надела свои форменные черные перчатки — скрыть повязку на руке. Дезинтегратор на поясе только усиливал эффект. Я взяла его с собой, потому что хотела продемонстрировать кадетам, как он настроен на мой мозг. Однако стоило мне сесть в поезд, и я пожалела, что не оставила его дома. Люди рядом со мной имели испуганный вид. Оно и понятно: не каждый пассажир мет-

ро носит на бедре ускоритель античастиц. Впрочем, он стоял на предохранителе, так что его можно было не опасаться.

Когда я вышла из ДВИ, на землю спустились сумерки. Воздух был чист, и закатное солнце еще грело. От горизонта до горизонта протянулась янтарная арка. Прекрасный вечер. Зачем спускаться под землю? До моего дома отсюда не больше двадцати километров по живописному Джейкобсширу. Трусцой я одолею это расстояние меньше чем за два часа. Или можно пойти по шоссе — это будет лишних пять километров. Если устану, сяду на флайбус, проходящий каждые два часа.

Я выбрала шоссе, идущее через поля мягкой туман-травы. Вечером все предметы отбрасывали по две тени: одну длинную — от заходящего солнца, другую короче — от колец. В траве порхали птички с коричнево-серо-золотым оперением; за ними скакали пушистые розовые зверьки с огромными ушами. Они выпрыгивали из травы, на мгновение мелькали в воздухе темными силуэтами на фоне бронзового неба и снова исчезали в травяной дымке. Пейзаж казался нереальным, словно смотришь голофильм, снятый через бронзовый светофильтр.

Примерно через час я вышла к небольшому строению у дороги — ресторану с маленьким магазинчиком. Услышав изнутри пение, я остановилась. Мне страсть как хотелось зайти, но точно так же не хотелось, чтобы на меня глазели. В конце концов чувство одиночества перевесило. Я подошла к дверям и распахнула их.

Столики в небольшом зале размещались у стен, посередине стояло еще несколько, по всей видимости, дополнительные. Зал освещался только свечами, поэтому в нем царил полумрак. В глубине зала на деревянном помосте сидел мужчина с вьющимися каштановыми волосами и пел чуть хрипловатым баритоном. Кроме него, в зале находились всего несколько человек, разговаривавших друг с другом или слушавших пение. Я уселась за свободный столик у стены, ухитрившись остаться никем не замеченной.

Когда ко мне подошла официантка, она даже не обратила внимания на нашивки праймери у меня на рукаве. В заведении, расположенном неподалеку от ДВИ, она, должно быть, привыкла часто видеть офицеров.

Я заказала стакан светлого рома. И выпила. И заказала еще. И выпила. И заказала еще. Забавно. За два последних дня я вы-

пила больше, чем за предыдущие полгода. Но здесь, в этом пыльном зале, мне было уютно. Мне ничего не надо было делать, только сидеть и слушать пение этого парня. Он напоминал мне Джарита. Не то чтобы он был слишком похож на него — шевелюра не в счет, — но он тоже пел. И тоже вышел собой.

Я подозвала официантку:

— Принесите еще выпить.

— Рому? — спросила она.

— Да. — Я ткнула пальцем в певца. — Вы не... когда он кончит петь, не спросите ли вы его — не согласится ли он выпить со мной? — Я смутилась. Что, если он откажется? — Если только ему не надо готовиться к следующему выступлению, — поспешно добавила я.

Официантка улыбнулась:

— Я передам ему.

Когда паренек кончил петь, я успела прикончить еще два стакана. Официантка склонилась к нему, и он обернулся посмотреть на меня. Потом он кивнул, встал и исчез в двери за сценой.

Я поморщилась. Но прежде чем я успела обругать себя за дурацкое приглашение, он появился снова, направляясь ко мне. Он остановился у моего столика и поклонился.

— Добрый вечер, мэм.

Я улыбнулась.

— Соз. — Я махнула в сторону пустого кресла. — Составите мне компанию?

— С удовольствием. — Он сел напротив меня. — Меня зовут Ник.

— Ник. — Славно звучит. — Что будете пить?

— Пиво сойдет.

Я снова подозвала официантку:

— Принесите нам пива и рому.

— Да, мэм. — Вид у нее был такой, какой обычно бывает у официантов, когда они считают, что ты пьешь слишком много.

Ник покосился на батарею пустых стаканов передо мной, потом на меня.

— Вообще-то я предпочел бы кофе. — Он улыбнулся. — А вы не хотите?

— Нет, спасибо, — ответила я. — Ром сойдет.

Официантка ушла, а я попыталась придумать, что бы такого умного сказать. Но мой ум отказывался помогать мне. Он где-то блуждал. Все, на что меня хватило, — это на «Вы хорошс поете».

— Спасибо, — отозвался Ник.

— У меня есть брат, он тоже поет. Баллады и все такое. — Я поморщилась. — Я сама стараюсь не пробовать свой голос при людях. Он их пугает.

Ник засмеялся, будто я сказала что-то смешное.

— Уверен, что у вас красивый голос.

— Красивый, только слуха нет. — Он пугал даже меня. — Единственный, кому я пела, — это младший братишка, Келрик, к-когда он был совсем маленьким. — Келрик стоял у меня перед глазами, улыбаясь той самой улыбкой, которую я так любила. — Ему, поди, было все равно. Когда ему было два года, а мне — одиннадцать, он всегда вешался мне на шею.

Лицо Ника смягчилось.

— Это хорошо.

Я улыбнулась воспоминанию:

— Конечно, хорошо.

Хотя мы продолжали беседу, я начала испытывать некоторые затруднения со словами. Они решительно отказывались произноситься. Впрочем, не знаю почему, но Нику мое общество вроде бы нравилось, несмотря на мою неспособность общаться как подобает разумному человеческому существу.

Когда официантка вернулась с нашими напитками, Ник как-то странно посмотрел на нее. Это напомнило мне выражение лица моего «маленького» брата, когда его что-то огорчало. Тоже мне «маленький». Келрик вырос в великана, почти такого же роста, как Кердж. Только если Кердж был весь металл и холод, Келрик — солнечный свет и смех.

Странно было видеть выражение Келрика на лице этого Ника. Что бы он ни хотел этим сказать, официантка, похоже, поняла его. Она чуть заметно кивнула и отошла.

Я сделала глоток:

— Келрик тоже любил это озеро.

— Озеро? — не понял Ник.

— Это было... это б-большое озеро. — Мои мысли снова улетели куда-то далеко. Я заметила, что официантка говорит о

чем-то с лысеющим полным человеком — типичным владельцем ресторана. Он кивнул, потом направился в нашу сторону.

— Вы ходили на это озеро с братом? — спросил Ник.

— Мы... да. — Хозяин решительно направлялся именно к нам. — Он сюда ид-дет.

— Ваш брат?

— Не-ет.

Хозяин остановился у нашего столика и отвесил мне низкий поклон.

— Добрый вечер, мэм. Добро пожаловать к нам в заведение.

— Пр... при-вет, — ответила я. Комната медленно вращалась.

Он широко улыбнулся:

— Я рад, что вам нравится пение Ника.

— Да. — Мне хотелось только, чтобы он ушел и не мешал мне любоваться самим Ником.

— Возможно, вам хотелось бы сменить ром на что-нибудь? — предложил он. — У нас есть замечательная минеральная вода.

— Ром сойдет, шипучая вода — почти такая же гадость, как морковный сок.

Хозяин предпринял еще одну попытку:

— Возможно, немно...

— Спасибо, — перебила я его. — Я в порядке. Все... все хорошо.

Он вздохнул.

— Ну ладно. — Он еще раз поклонился и отошел. Кой черт они действуют мне на нервы? Я расстегнула кобуру и положила дезинтегратор на стол. Разумеется, я не собиралась использовать его. Но он мог отпугнуть нежелательных зрителей.

Ник уставился на оружие, потом на меня.

— Чт-то, не видели таких красавцев? — спросила я.

Он мотнул головой.

— Так близко — никогда. — Вид у него при этом был такой, будто он предпочел бы и вовсе его не видеть.

— Н-не бойтесь, он н-не стрш... страшный. — Я подняла дезинтегратор и приставила дуло к виску. — Мы... мы купались в этом озере.

Лицо Ника сделалось белее мела.

— Соз... предохранитель...

— Что? — Моя рука устала держать дезинтегратор на весу. Ствол покачнулся, царапнув мне висок.

Откуда-то возник хозяин, торопливо говорящий:

— Почему бы вам не отдать мне вот это?

Я уставилась на него — с какой это стати он просит мое оружие? Он потянулся за дезинтегратором, я отшатнулась, и ему удалось только отвести ствол от моей головы.

И щелкнуть предохранителем.

Долгое мгновение я сидела, тупо глядя на оружие в собственной руке. Рычажок предохранителя только что стоял на боевом взводе. *На боевом.* Я тыкала полностью заряженный дезинтегратор себе в висок, сняв его с предохранителя.

Я судорожно глотнула и убрала дезинтегратор в кобуру. Потом встала, глядя на хозяина.

— У вас не найдется места прилечь?

Он вздохнул:

— Разумеется. Идите за мной.

Он отвел меня в маленькую гостиную в задней части здания. Похоже, это была часть его собственного жилища, отделенного от зала узким проходом. Опускаясь на диван, я услышала приглушенное пение Ника. Хозяин принес мне кружку какого-то горячего питья, но я не могла заставить себя выпить хоть глоток.

Я не стала ложиться, но просидела там, должно быть, больше часа, пока голова слегка не прояснилась. В конце концов я подняла голову и огляделась по сторонам. Хозяин сидел в кресле напротив меня.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Пьяной. — До меня постепенно доходило, что я могла сделать. Одно движение пальца — и от моей биосинтетической головы не осталось бы даже пара. Я уперла локти в колени и опустила голову на руки. Черные кожаные перчатки, прятавшие повязку на руке, приятно холодили лоб.

Хозяин подошел и сел рядом со мной на диван.

— Я могу позвонить и попросить кого-нибудь заехать за вами.

— Нет. — Я встала и несколько секунд постояла, борясь с некоторым возмущением в желудке. Когда оно улеглось, я направилась к двери — не той, что вела в ресторан, но выходившей на улицу.

Хозяин шел за мной.

— До утра в город не пойдет ни одного флайбуса. Почему бы вам не переночевать здесь?

Я покачала головой:

— Спасибо за помощь. Вы очень добры. Но теперь мне лучше... — Что лучше? — Лучше прогуляться.

— Вы уверены?

— Да. — Я мотнула головой в сторону ресторана. — Попрощайтесь за меня с Ником.

— Обязательно. — Он отворил дверь и выпустил меня в поле.

Здесь, в сельской местности, звезд на небе видно было больше, чем в Эосе, хотя даже мой тренированный глаз с трудом различал их рядом с ярко освещенными кольцами. Судя по тени Форшира на кольцах, было где-то около полуночи. Тень планеты скользила вверх по светящейся арке, пока не разрезала ее пополам в верхней точке. Две половинки арки сходились над головой двумя торчащими в небо косами. В воздухе пахло туман-травой, со всех сторон доносились стрекотание и шорохи сельской ночи.

Я шла домой по обочине шоссе, все еще слишком пьяная, чтобы ощущать усталость. Я не хотела думать. Я не хотела знать, что заставило меня приставить заряженный дезинтегратор себе к виску. Поэтому я позволила себе идти, не думая ни о чем.

Должно быть, я шла так несколько часов. Постепенно шоссе выпрямилось и превратилось в автостраду, а это означало, что я нахожусь всего в пяти километрах от Эоса. Слева в ночи неярко светились огни Солдатской Рощи — большого парка с просторными полянами, тенистыми аллеями и живописными прудами. Очень красивый парк. Однако он создавался не ради красоты. Он служил мемориалом солдатам КИКС, погибшим в боях.

Я остановилась на обочине и посмотрела в ту сторону. Несмотря на то, что в прошлом я не раз попадала на Форширский Приют, я ни разу не побывала здесь. Не хотела я этого делать и сейчас. Но ноги сами несли меня туда, шагая по гравийным дорожкам от поляны к поляне. Я стороной обходила статуи и обелиски, стелы и надгробные плиты. Я позволяла себе видеть только лужайки и цветы.

Но дойдя до Купола, я остановилась.

На самом деле это был не настоящий купол, а круглое сооружение метров десяти в диаметре и высотой с двухэтажный дом. Вместо стен возвышались вертикальные плиты, доходив-

шие почти до основания легкого свода. Плит было двадцать девять; они отделялись друг от друга просветами в вытянутую руку. Тридцатая плита отсутствовала, оставив входной проем, к которому вели три ступени. Материалом всему сооружению служил белый камень. Вот и все.

Если не считать имен.

Они были высечены внутри. Пока они заполнили только половину плит, но с каждым годом свободного места оставалось все меньше. Что будем мы делать, когда заполнится последняя плита? Сколько еще Куполов придется построить, чтобы увековечить имена всех Имперских Демонов, павших в бою? Ибо Купол служил единственной цели — славить погибшие биосинтетические создания Сколийской Империи.

Я поднялась по ступеням и вошла в Купол. Я не хотела смотреть на плиты. Но я шла против воли. Я подошла вплотную к плите напротив входа и посмотрела на врезанные в мрамор имена. Даты смерти, вырезанные рядом с каждым именем, были старыми, очень старыми. С тех пор прошло несколько десятилетий. И даже так я помнила слишком многих из них.

Меня пробрала дрожь. Ночь стояла теплая, но меня словно засыпали льдом. Я медленно шла по кругу, а даты становились все более и более свежими, имена — все более знакомыми. Так много знакомых имен... *Так много!* Откуда я могла знать их всех? Я помнила их лица, их голоса, походку, смех. Каждое имя словно укоряло меня в том, что я все еще жива, а они погибли.

Мне хотелось бежать прочь от этого места, спрятаться, затуманить голову чем угодно — алкоголем или смертью. Но я не могла остановиться: я читала, переходила дальше, читала... И вспоминала. Я неотвратимо приближалась к последней плите. Я не хотела подходить к ней, но и остановиться тоже не могла.

И вот я стояла перед ней. Даты, стоявшие рядом с именами, относились к прошлому году. Его имя было выгравировано на уровне глаз, только имя, такое же, как сотни других.

Келриксон Джарлин Валдория Сколия, терциери.

Келрик. Мой младший брат.

Он был третьим наследником Керджа. Единственный человек, кроме Джейбриола Куокса, разделивший со мной это чудо слияния умов, доступное ронам.

Я сняла перчатки и прикоснулась к холодному мрамору, ощупывая врезанные в него буквы. Потом, очень медленно, я

опустилась на колени, скользя руками по камню, цепляясь пальцами за надписи. В конце концов я съежилась у стены, низко опустив голову. И заплакала. Мои плечи содрогались, а я рыдала, пока у меня хватало слез.

Прошло много времени, пока мои рыдания утихли. В конце концов я повернулась и села спиной к стене. А потом прижала колени к груди и опустила голову.

10. ВРЕМЯ ВРАЧЕВАТЬ

Меня разбудила звонкая птичья трель. Я растерянно подняла голову. Почему все мое тело так затекло? Почему подо мной каменный пол, а напротив — каменная плита? Потом я вспомнила.

Солнце еще не взошло, но было уже достаточно светло; до рассвета оставалось всего несколько минут. Я натянула перчатки, поднялась и на затекших ногах вышла из Купола, просыпаясь вместе с утром. Воздух по-утреннему холодил щеки, а на одежде осела роса. Я чувствовала себя так, словно бежала всю ночь.

Я спустилась через лужайку к шоссе, ведущему в Эос. В этот ранний час на шоссе почти не было аэромобилей, скользящих на воздушной подушке над голубыми плитками. Их пассажиры провожали меня удивленными взглядами, но сегодня мне было все равно. У меня просто не осталось сил реагировать. Все, что меня волновало, — это как бы поскорее добраться домой. Я старалась не думать, боясь, что, если я позволю рассудку снова увести меня куда-нибудь, я никогда не доведу до конца то, что собиралась сделать.

Когда я добралась до Эоса, солнце стояло уже довольно высоко. Шоссе перешло в широкий проспект, рассекавший административную часть города. Хотя вдоль проезжей части здесь росли деревья, их было меньше, чем в районе, где я жила. Тут и там зеленели газоны стриженой туман-травы. В этой части города разрешалось движение транспорта, и мимо меня по улице с жужжанием летели аэромобили. По тротуарам спешили пешеходы — одни с опаской косились на меня, другие не замечали, поглощенные собственными мыслями.

Я продолжала идти.

В конце концов я добралась до Имперского посольства. Я поднялась по высоким ступеням парадного входа и, миновав портик, вошла в высокий сводчатый зал. На скамьях у стен сидели люди, занятые своими делами: чтением, беседой, ожиданием. В дальнем конце зала стояла очередь. Грохоча коваными ботинками по мраморному полу, я пересекла вестибюль и пристроилась последней.

Конечно, я могла пройти и без очереди. Я могла войти с другого входа или вообще отправиться домой, позвонив, чтобы за мной заехали после того, как я высплюсь. Вместо этого я ждала. Если я переведу дух после своего ночного забега, я никогда не разделаюсь с этим.

Очередь поднималась на один лестничный марш, где стояла за стойкой женщина, дававшая посетителям советы, к кому обратиться, и пропускавшая их потом через детектор систем безопасности у входа во внутренние помещения.

Мне потребовалось всего несколько минут, чтобы оказаться перед дежурной. Женщина улыбнулась и обратилась ко мне так, словно посещения Демонов в чине праймери для нее самое привычное дело:

— Чем мы можем вам помочь сегодня?

Я не могла решиться. Я заставила себя прийти сюда, но боялась сделать последний шаг.

Она сделала еще одну попытку:

— Может, вам нужно в канцелярию?

— Мне нужно к душеспасителю, — сказала я.

Люди в очереди замолчали. Все в радиусе слышимости повернулись посмотреть. Неожиданно воцарилась мертвая тишина.

Кто бы ни отбирал посольский персонал, он делал это хорошо. Женщина даже не моргнула. Скорее всего это был первый и последний случай в ее карьере, когда к ней обратились с такой просьбой, но она не колебалась ни секунды. Она дотронулась до маленькой клавиши на пульте, потом обратилась ко мне:

— Сейчас вас проводят к Тагеру.

За ее спиной в дверном проеме виднелся большой зал со стенами из полированного мрамора. В дальнем конце его показались четверо мужчин. Крупных мужчин. Я не сомневалась в том, что они вооружены... Она кивнула в сторону арки-детектора.

— Проходите, праймери...

Стоило мне шагнуть под арку, как воцарился обычный хаос: замигали огни, взвыли сирены, зазвенели звонки и так далее. Я даже не подумала снять с пояса дезинтегратор. Два охранника у арки потянулись за оружием, а четверо спешащих ко мне провожатых заметно ускорили шаг. Я не трогалась с места, стараясь казаться невозмутимой.

Никто не произнес ни слова. Никто не требовал, чтобы я сдала оружие. Народ в очереди смотрел на меня, женщина за стойкой спокойно улыбалась, охранники напряженно ждали. Их эмоции касались меня как грубая шкурка свежей раны. Они, похоже, боялись, что стоит им сделать что-то не так, и я взорвусь. Никто из них не понимал одного: риск был, но для меня, не для них. Одно неверное слово, один неверный взгляд, одно неверное движение — и я вышибу себе мозги.

Четверо провожатых подошли к нам, и самый высокий поклонился.

— Добро пожаловать. — Он сделал приглашающий жест в сторону зала, откуда появился, поднимая руку так, словно я приглашена на званый обед, а он хозяин. Я прекрасно понимала, что он из элитных охранников посольской службы безопасности. Но ни на его безукоризненном костюме, ни на его таких же безукоризненных манерах это не отражалось.

И я пошла с ними. Они вели меня по коридорам, через арки и переходы, пока мы не оказались перед дверью. Дверью в стеклянной стене, казавшейся темной и непрозрачной, хотя я не сомневалась в том, что, кто бы ни сидел внутри, он все видит.

Дверь в стеклянной стене отворилась. Посреди кабинета стоял мужчина и смотрел на нас. Мой эскорт остановился у дверей. Я вопросительно посмотрела на них — сначала налево, потом направо. Но они не двигались. Поэтому я вошла одна.

Кабинет оказался просторным, с толстенным — ботинки утопали в нем почти по щиколотки — белым ковром на полу. Прозрачные полки вдоль стен были уставлены хрупкими вазами, стеклянными статуэтками и прочими безделушками. Картины на стенах радовали глаз спокойным сочетанием цветов.

Я подошла к мужчине — самому обыкновенному человеку крепкого телосложения с каштановыми волосами.

— Так вы и есть душеспаситель? — спросила я. Разумеется, официальное название его должности звучало совсем по-другому: Психиатр класса А6 медицинского отдела КИКС.

— Да. Меня зовут Як Тагер, — кивнул он.

Он бросил взгляд на моих сопровождающих и поднял руку. Дверь мгновенно закрылась, оставив меня наедине с Яком Тагером, душеспасителем класса А6.

Я подошла к полке и дотронулась пальцем до стеклянной вазы.

— У вас тут полно хрупких предметов.

Он подошел и стал рядом.

— Да, хватает.

Я посмотрела на него. Он не слишком походил на эксперта мирового класса по проблемам психического здоровья. Женщина на контроле называла его просто Тагером.

— Вы врач?

Он кивнул:

— У меня медицинский диплом и докторская степень по психологии.

— Сколько у вас пациентов?

Он слегка улыбнулся:

— Один.

— В это количество вхожу я?

— Да.

— Тогда чем вы здесь занимаетесь? — фыркнула я.

— Исследованиями. — Мой интерес, казалось, был ему приятен. — Я изучаю психологические эффекты систем биомеханика-человек.

Боже праведный! Так это *тот самый* Тагер? Я сама читала его работы. Мужик являлся признанным экспертом по части эффектов, оказываемых биомеханическими системами на людей, носивших их в своих телах. Я никогда не знала, что его основная специальность — душеспаситель. Это означало, что, помимо научной работы, он выполняет здесь задание КИКСа, скорее всего связанное с ДВИ или с Дьешанской Академией.

Я не знала, как себя с ним вести. Он казался слишком обычным. Десять лет назад, когда после инцидента на Тамсе меня посылали на обследование к душеспасителю, я спросила женщину-психолога, сколько пациентов было у нее за всю ее карьеру. Она ответила: восемь. Восемь пациентов за двадцать пять лет — и это включая меня, встречавшуюся с ней только дважды.

Я не хотела идти к ней. Я пошла только потому, что меня заставили. Да, мой командир выбрал хорошего врача. Если бы

мне хотелось принять помощь, она смогла бы ее оказать. Но теперь все было по-другому. Тагер был моим единственным вариантом, и в силу каких-то глупых соображений мне не хотелось доверяться врачу-мужчине. Почему — сама не знаю. Не хотелось, и все тут.

Я вздохнула:

— Возможно, я совершила ошибку, придя сюда. Я зря отнимаю у вас время.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Что заставило вас прийти?

Я пожала плечами.

— Собственно, это не назовешь проблемой. — Я помолчала. — В последние дни я совершила несколько поступков... немножко странных поступков.

— В каком смысле странных?

— Сегодня ночью я целилась себе в висок из дезинтегратора на боевом взводе.

— Расскажите мне об этом, — негромко попросил Тагер.

— Я разговаривала с этим певцом из кабака. Я была пьяна. Я приставила дезинтегратор к виску, а предохранитель оказался спущенным. Рука плохо слушалась. — Я замолчала. Не хотелось мне говорить с этим мужиком — ни о сегодняшней ночи, ни о чем другом.

Если не считать того, что на этот раз я пришла по собственной воле, ожидая какой-то помощи. Не знаю какой, но я и не узнаю, пока сама не приложу усилие. Я вздохнула глубоко и попыталась еще:

— Две ночи назад я едва не убила человека, самого обыкновенного штатского, только за то, что он прижал меня к стене. Не знаю почему. Ну да, он кажется мне навязчивым. Он мне не нравится, а я — ему. Но это все.

Тагер продолжал внимательно смотреть на меня — возможно, он и в самом деле хочет разобраться. В конце концов это же его работа. Ему положено так выглядеть.

— Как это случилось? — спросил он.

— Мне не понравилось, как он прикоснулся ко мне. — Мне сделалось не по себе. Все оказалось куда хуже, чем я себе это представляла. — Я среагировала как на нападение. Не знаю почему.

— Что вы сделали?

— Разбила стакан и чуть не зарезала его.

— Чем вам не понравилось то, как он прикоснулся к вам? — Тагер говорил осторожно, но не так, как люди на контроле, ожидавшие, что я взорвусь при любом неверном движении. Тагер обращался ко мне так, словно питал ко мне глубочайшее уважение, что уже было абсурдно, учитывая, что мы с ним познакомились не больше пяти минут назад. Уважение надо завоевывать, а я не сделала еще ничего, чтобы завоевать его.

— Он дотронулся до лямки моего платья. — Описание инцидента заставило меня ощутить себя дурой. Назвать мои действия неадекватной реакцией было бы, мягко говоря, преуменьшением. — Потом он сунул руку между грудями и прижал к стене.

Тагер не сводил с меня взгляда:

— Он знал, что вы — праймери?

— Нет. Мы только познакомились в туристическом клубе.

— Он угрожал вам?

— Нет.

— Вы уверены?

— Конечно.

— Почему?

Я нахмурилась:

— Что вы хотите этим сказать: почему? Потому что знаю.

— Как?

Кой черт он спрашивает меня об этом?

— Я эмпат, вот почему. Он сказал что-то насчет необходимости разбить мою «ледяную скорлупу». Но не предпринимал никакого насилия.

— Вы уверены?

— Да, уверена. Вы видите здесь проблему?

— Ваши рефлексы не включились бы без причины.

Вот, значит, как он отрабатывает свою зарплату: изрекая истины, и без того очевидные для его единственного пациента?

— Вы — душеспаситель. Вот вы и скажите мне, в чем здесь проблема.

Тагер вздохнул:

— Вы должны мне немного помочь.

— Это и есть то, что вы вынесли со всех своих степеней? Пусть пациент сам ставит себе диагноз, да?

Он не выказал никакого раздражения, продолжая говорить все тем же спокойным, полным уважения тоном:

— Мне необходимо услышать от вас больше.

Было что-то странное в том, как он смотрел на меня. Где-то я уже встречала такой взгляд. Непонятно почему, я разозлилась:

— Чего услышать?

— Происходило ли с вами в последнее время что-нибудь еще необычное?

Я вспомнила наконец это выражение. Такое появлялось на лице у моей матери, когда тому, о ком она заботилась, было больно. И его сопереживание, похоже, не подделка. Это не напоминало натренированное выражение-маску для пациентов. Я всерьез тревожила его. Но почему? С чего ему питать ко мне сочувствие — ко мне, которую он никогда не встречал раньше, к биосинтетическому чуду с фальшивым человеческим обликом?

— Нет, — ответила я. — Я не делала больше ничего странного. Я — это всего лишь я, и это уже не лишено странности. Наверное, мне лучше идти домой. Я устала, вот и все. Вчера мне пришлось пройти долгий путь.

— С туристами? — улыбнулся он.

С туристами? Он, должно быть, имеет в виду тех любителей морковного сока...

— Нет, я возвращалась пешком из ДВИ. Дошла до Солдатской Рощи. Я там спала.

— Зачем?

Хоть бы он перестал задавать мне эти вопросы.

— Я устала.

Он молча ждал.

— В ДВИ я приехала на метро, — объяснила я. — Но я не люблю, когда на меня глазеют. Поэтому я пошла домой пешком.

— У вас что, нет флайера?

— Почему же. Есть. Но вчера утром я не могла сесть в него.

— Вы часто летаете на флайерах?

— Постоянно.

— С вами случалось что-нибудь во флайерах?

— Конечно, нет.

— Но вчера вы не могли сесть во флайер.

Мне вдруг захотелось схватить его и потрясти хорошенько.

— Ну и что, черт возьми, в этом такого?

— Праймери. — Он помолчал, явно ожидая, что я подскажу, как меня зовут. Я тоже молчала. Так и не дождавшись подсказки, он продолжал: — Беседа со мной, возможно, неприятна вам. Но если я хочу помочь вам, мне придется задавать вопросы.

Неожиданно я почувствовала, что с меня хватит. Я вздохнула, повернулась и пошла от него. Когда стол преградил мне дорогу, я остановилась и оперлась руками о край.

Подумав немного, я отвернулась. Я говорила медленно, словно ныряльщик, проверяющий температуру замерзающей воды:

— Человек по имени Крикс Тарк однажды возил меня в своем флайере.

Тагер оставался на месте.

— Похоже на хайтонское имя.

— Он и был хайтоном. — Мои руки начали зябнуть. — Он подобрал меня на улице на колонии Тамс. Я работала там в подполье. Я... я... — Я заставила себя сказать. — Я три недели была его Источником. Каждую ночь, с вечера до утра. Иногда и днем.

Тагер умел скрывать свои эмоции. Очень хорошо умел. Черт, да он мог стоять перед несущимся на него поездом и не моргнуть при этом. Он обращался ко мне все тем же тихим голосом, хотя я ощущала, насколько он шокирован:

— Как вам удалось бежать?

— Я задушила его, когда он трахал меня.

— Простите. — Тагер подошел ко мне.

— За что?

— За то, что вам пришлось пройти через это.

— Это моя работа.

— Это черт-те что, а не работа.

— Послушайте, — сказала я. — Это случилось десять лет назад. Я была в порядке все это время. Нет причин, по которым это должно стать проблемой именно сейчас.

— Этот человек, которого вы чуть не порезали, — не напоминает ли он вам чем-нибудь Тарка?

— Нет. — На самом деле это было не совсем так. У Хилта тоже темные волосы, да и сложением он напоминал Тарка. И ростом. И когда он вошел ко мне ночью, это напомнило мне

бесцеремонность, которую я так ненавидела в Тарке: он верил, что имеет право делать все, что ему заблагорассудится, с теми, кого почитает ниже себя. Но это сходство было чисто поверхностным. Хилт мог раздражать, но даже зная его всего несколько часов, я не сомневалась, что он нормальный, вполне порядочный человек. — Ничего общего.

— А тот певец в кафе? — спросил Тагер. — Он ничем не напоминал Тарка?

Я фыркнула:

— Вот уж вы сказали. Этот человек — полная противоположность аристо. У него карие с золотом глаза и золотой голос. И мне кажется, он и мухи не обидит.

— Вы сердились на него.

— Сердилась? — Я посмотрела на него. — С чего? Я не хотела ему вреда. Я хотела заниматься с ним любовью.

— Расскажите мне о нем.

— О нем? Я ничего о нем не знаю.

Тагер ждал. Я нахмурилась и скрестила руки. Подождав немного, он попробовал зайти с другой стороны:

— Значит, вы не замужем?

Неужели то, что я никому не нужна, так очевидно?

— При чем здесь это?

— Вы не похожи на женщину, которая ищет себе любовника, будучи привязана к кому-то другому.

— О! — Это-то он откуда знает? — Ну и что? Вы ожидали, что у меня есть семья?

— Почему это вас так задевает?

— Бросьте свои душеспасительные штучки и ответьте на этот чертов вопрос. Вы хотите, чтобы я была откровенной с вами, так будьте откровенны со мной.

— Да, — мягко произнес он. — Я удивлен, что вы не замужем.

Я не в первый раз слышала такую ерунду: «Как вы только выдерживаете одиночество?»

— Бросьте, Тагер.

— Почему это вас так злит?

— Я не зла. Прекратите задавать мне этот дурацкий вопрос.

— Вид у вас прямо-таки взбешенный.

— Ну да, — взорвалась я. — Конечно. Тащи эту красотку праймери в постель. Славный улов. Или они хотят то, чего

хотел Хилт, — наказать меня. — Я сжала кулаки. — Может, мне стоит изуродовать лицо и носить лохмотья, чтобы проверить, захочет ли меня кто-нибудь тогда?

— Кто такой Хилт? — спросил он все тем же ровным тоном; это начинало выводить меня из себя.

— Хилт — это тот сукин сын, что толкал меня к стене и обзывал Старыми Деньгами и Ледяной Принцессой.

— Вы ни то, ни другое.

Я почувствовала то, что, должно быть, чувствует поезд на магнитной подушке, налетая на полном ходу на кирпичную стену.

— Причина, по которой я удивлен, что вы не замужем, в том, что редкие эмпаты с вашей чувствительностью могут переносить одиночество.

— У меня чувствительность бетонного блока.

— Очень необычного блока, — улыбнулся он.

— Я не шучу.

— Я тоже.

Я не могла поверить.

— А почему вы считаете, будто знаете обо мне что-нибудь?

Тагер развел руками:

— Я исхожу из опыта, из подготовки, из интуиции, наконец. В конце концов я тоже эмпат.

— О! — Ну да, конечно. С его родом занятий он должен быть эмпатом. — Не думаю, чтобы хотела говорить дальше. — Разговор с ним выматывал больше, чем прогулка пешком из ДВИ. Мне хотелось вернуться домой и лечь спать. — Не обещаю, что еще вернусь.

— Мне кажется, вы вернетесь, — сказал Тагер.

Это заставило меня замереть. Этого я не ожидала. Я ждала, что он будет кормить меня чем-то вроде пожеланий Керджа: вы переутомились, вам надо попробовать жить нормальной жизнью. Отдохнуть. Расслабиться. Я ожидала, что Тагер тактично объяснит, что мне незачем переводить его время, жалуясь на свою неспособность нормально общаться с людьми.

А он хочет, чтобы я пришла еще.

Но разговор с ним требовал от меня слишком много сил.

— Не знаю, будет ли у меня время.

— Мне кажется, с вашей стороны было бы неразумно останавливаться.

— Что?

Он снова напомнил мне мать.

— Мне нужно получше узнать вас, чтобы понять, что же выводит вас из себя. Пока я могу сказать только одно: если вы не справитесь с этим, что-нибудь случится.

Я сжалась:

— Вы считаете, я могу причинить кому-то зло?

— Возможно.

Я знала это. Я все время это знала. Я заставила себя задать вопрос:

— Вы боитесь, что я потеряю контроль над собой и убью кого-нибудь, да?

— Не думаю, чтобы вы могли неспровоцированно убить кого-то. — Совершенно неожиданно он поднял мою руку и стащил перчатку, обнажив бинты.

— Как вы ухитрились?

Как он понял, что я повредила руку? Неужели он такой сильный эмпат? Может, он так же хорошо принимает сигналы моего тела? Я отдернула руку.

— Я же говорила. Я разбила стакан.

— Как?

— Не ваше дело как. — Я пыталась вывести его из себя. — Какая разница как?

— Единственный человек, кому, я боюсь, вы можете причинить зло, — это вы сами.

Я так обалдела, что у меня даже голос сорвался.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Я не могу заставить вас прийти еще, — сказал Тагер. — Даже если бы я и мог, это бы не помогло. Я не сомневаюсь, вы способны заставить поверить в любое состояние вашей психики. Но вы не пришли бы сюда, если бы не искали помощи.

— Я — разладившийся механизм, — горько сказала я. — Мне нужен капитальный ремонт.

— Вы не машина. — Голос его потеплел.

Я стащила вторую перчатку и протянула ему руку так, чтобы он видел гнездо на ладони.

— Машина...

— Ваша биомеханическая система не лишает вас человеческой сущности. Все, что она делает, — это расширяет способности, данные вам с рождения.

— Способности? — Я уронила руку. — Каждый раз, когда кому-то, кого я знаю, больно, больно и мне. Каждый раз, когда кто-то хочет причинить боль мне, я чувствую это. Вы можете представить себе, каково это — жить так? — Слова срывались у меня с языка прежде, чем я могла удержать их. — Вы можете представить себе, каково это — летать в эскадрилье истребителей? Каково мне, идя в бой, ощущать мысли аристо? Им нравится убивать нас. Это для них приятнее секса. Или их пилот — раб, для которого убивать нас — единственный шанс чуть улучшить свою жизнь. И мне приходится убивать его. — Мой голос дрожал, и я ничего не могла с собой поделать. — Я чувствую каждого убитого мною купца. Я умирала тысячи раз. Я не могу причинить себе большего зла.

— Я знаю только малую часть этого, — сказал Тагер. — Но я видел, что такая жизнь делает с эмпатами. То, что вы выносите это, — просто чудо.

Я не нашлась, что ему ответить. Я слишком устала. У меня не было сил говорить.

— Мне пора идти.

— Вы вернетесь?

— Я... я подумаю.

— Я здесь каждый день. В любое время. Днем и ночью.

Я кивнула. Я правда не знала, что сказать. Я не знала, хватит ли у меня сил вернуться.

Время близилось к полудню, когда я вышла из посольства. Я пошла домой мимо гавани, глядя на корабли у причалов. По набережной разгуливали моряки в белых штанах и полосатых тельняшках, в синих шапочках, залихватски сдвинутых набок. На пляжах отдыхали — купались или загорали на золотом песке — люди: пары, семьи, одиночки... Повсюду носились дети в ярких одеждах, с воздушными шариками; они смеялись, визжали, дразнили уличных музыкантов. Запах соли смешивался с ароматами жареной еды из кафе на набережной. Все вокруг жило, *жило,* бурлило, шумело.

Довольно долго я стояла, облокотясь на деревянные перила и глядя на суету. И постепенно меня охватывало странное ощущение.

Облегчение.

Странное дело, но сознание того, что Тагер понимает: я в беде, принесло мне чувство неописуемого облегчения. Почему? Почему мне легче от сознания того, что все черт-те как?

Потому что, если я больна, меня можно и излечить.

В этом-то все и дело. Если есть проблема, ее можно решить. Если бы этой проблемы не было, это значило бы только, что все мои ощущения укладываются в норму, а значит, ничего с ними и не поделаешь. Вряд ли я смогла бы жить с этим дальше.

Может, я все-таки схожу еще к Тагеру.

Я потихоньку пошла дальше. Мне страсть как хотелось скинуть с себя форму и отдохнуть в тиши квартиры. Гавань отстояла от моего дома на километр, так что идти оставалось всего ничего.

Приблизившись к дому, я увидела у подъезда небольшую компанию. Только подойдя к ней почти вплотную, я отвлеклась от своих мыслей и узнала их. И тут же поняла, почему они так уставились на меня. Это были Джарит и его друзья и среди них Ребекка и Хилт. Я и забыла, что Джарит приглашал меня на пляж.

— Извините за опоздание. Надеюсь, вы не долго ждете?

Джарит не сводил взгляда с нашивок на моем рукаве.

— Нет, совсем недолго.

Я устало провела рукой по волосам:

— Боюсь, сегодня я неважная спутница. Вам, наверно, лучше идти без меня.

Они кивнули. Никто, похоже, не знал, что сказать. Я почти физически ощущала замешательство Джарита; он чувствовал себя полнейшим идиотом. Это надо же: пригласить на свидание Имперскую праймери!

Так не пойдет, подумала я и улыбнулась ему:

— Не хотите зайти?

— То есть... к вам? — не понял Джарит.

— Да.

— О! — Он покраснел. — С удовольствием.

Остальные только переводили взгляды с него на меня.

— Ладно, — сказала наконец Ребекка. — Мы... гм... увидимся, Джар.

Джарит кивнул, остальные поклонились мне на прощание и пошли. Все, кроме Хилта — его-то я хотела видеть здесь меньше всего.

— Мне хотелось бы поговорить с вами, — сказал Хилт. Он покосился на Джарита. — Наедине.

Учитывая то, что я чуть не сделала с ним, я не могла отказать ему хотя бы в этом.

— Идет.

Мы спустились с крыльца и отошли в тень дерева.

— В чем дело? — спросила я.

— Вы собираетесь стукнуть на нас?

Стукнуть?

— Что вы имеете в виду?

— За то, что мы говорили тогда. На прогулке.

Я наконец поняла. Он хотел знать, собираюсь ли я донести на них. Логичный вопрос. Я знала офицеров, сообщающих о таких вещах в своих рапортах.

— Нет, — ответила я. — Я не собираюсь делать ничего такого.

— И почему?

Я пожала плечами:

— Вы имеете полное право высказывать свою точку зрения.

— Правда? — язвительно переспросил он.

Я хотела ответить «разумеется», но почему-то не смогла. Вместо этого я сказала:

— Вы говорили о вещах, которые мне стоило знать. Все это останется между нами.

— Поклянитесь.

Я нахмурилась:

— Что это значит?

— Вы — Демоны — утверждаете, что живете по кодексу чести. Вот и поклянитесь мне этой честью, что говорите правду.

Да кто он такой, чтобы сомневаться в моем слове?

— Идите к черту.

Он фыркнул:

— Так я и знал.

Спокойно, подумала я.

— Ладно. Клянусь честью Демона.

Он уставился на меня. Но его напряжение спало, это я чувствовала.

— Как дела? — спросил он, помолчав немного.

— Хорошо.

— Вы ведь могли меня убить, правда?

— Могла.

— Тогда почему не убили?

Я недоуменно посмотрела на него:

— Вы считаете меня монстром каким-то.

Он покачал головой:

— Хотите верьте, хотите нет, но я уважаю людей, готовых сражаться за то, во что они верят. Но для меня вы олицетворяете самую жестокую тиранию. Когда Империя захватила Рут-2, мои родители провели в тюрьме десять лет только за то, что они протестовали против вмешательства КИКС в их жизнь.

Чего тогда удивляться, что он невзлюбил меня.

— Мне очень жаль.

— Жалость не вернет им тех десяти лет. — Он сглотнул. — Или мне.

Что-то в его голосе заставило мое сердце сжаться.

— Сколько лет вам было, когда их забрали?

— Четыре года, — с трудом произнес он. Я в ужасе посмотрела на него. Я знала, что КИКС не особенно церемонится с оппозицией, но то, что рассказал Хилт, не укладывалось ни в какие рамки.

— Вы правы. Я не верну вам этих лет. Но и того, что вы мне рассказали, я тоже никогда не забуду.

— Ну и что? Что от этого изменится?

— Возможно, больше, чем вам кажется.

Он пожал плечами:

— Возможно...

Похоже, я не слишком убедила его.

Когда он ушел, мы с Джаритом прошли в дом и пересекли вестибюль. У двери из матового стекла я вынула ключ — пластину с отпечатками моих пальцев — и сунула его в щель замка. Лазерный сканер считал отпечатки, и дверь с тихим шипением отворилась. Мы вошли в комнату со стеклянными стенами.

— Верхний этаж, — произнесла я.

Дверь закрылась, и комната бесшумно поплыла вверх. Жидкокристаллическое покрытие стен реагировало на электрические поля, испускаемые лифтом, и меняло прозрачность стекла, так что мы могли смотреть наружу. Вестибюль уплывал вниз. Потом лифт миновал перекрытие и продолжал движение по наружной стене здания, открыв нам впечатляющую панораму.

Мы с Джаритом молчали. Он нервничал: его волнение туманом висело в воздухе. Помолчав еще немного, я спросила:

— Как ваш зачет?

— Получил плюс. — Он улыбнулся. — По теории.

— Что ж, отлично. — Я не знала, что еще сказать. С тех пор как я сама переживала из-за зачетов, прошло четверть века.

Лифт открылся в коридор. В холл выходила только одна дверь, старомодный деревянный портал с медной ручкой. Я сунула свою карту в щель и выждала, пока ее просканируют. Послышался щелчок, и дверь подалась.

Мы вошли, и Джарит замер, восхищенно оглядываясь.

— Вот это красотища!

Я улыбнулась. Теперь квартира уже не казалась мне темной. Сквозь окна в комнаты лились янтарные солнечные лучи, дополненные отраженным от колец светом.

— Мне нравится. — Я закрыла за нами дверь и подошла к бару. — Хотите выпить?

Он подошел к стойке и стал с другой стороны.

— У вас найдется морковный сок?

— Черт возьми, нет. Как вы можете пить эту гадость?

Он рассмеялся:

— А мне нравится.

Эта ангельская улыбка на ангельском лице обезоружила бы кого угодно. Ради него я готова была заказать у Пако морковного сока.

— А минеральной воды у вас нету?

— Это есть. — Я налила ему стакан, потом взяла бутылку виски. Посмотрела на нее, поставила обратно и налила себе минералки.

Потом мы сидели на диване. Мне удалось держать руки подальше от него до тех пор, пока он не допил стакан; дольше меня не хватило. Когда он наклонился вперед, я запустила пальцы в его волосы. Он вздрогнул и посмотрел на меня. Потом выпрямился и обнял меня за талию. Я обвила руками его шею, и наши головы сблизились. Вот когда я узнала, что такое поцелуй любителя морковного сока.

Ничего удивительного, что они так сходят с ума по этому питью.

Мы не спешили, просто сидели и обнимались. Я положила голову ему на плечо. Так легко мне давно уже не было. Боже, как мне было одиноко!

— Ты не похожа на праймери, — прошептал Джарит мне на ухо.

Я осторожно укусила его в шею:

— А на кого я похожа?

— Не знаю, но здорово.

Я вздохнула:

— Ах, Гипрон, мне давно не было так хорошо...

Джарит напрягся. Выждав минуту, вполне достаточную для того, чтобы прийти в себя или сказать что-нибудь, я чуть отодвинулась от него.

Он смотрел мне в лицо:

— Почему ты сказала это?

Я попыталась вспомнить, что я такого сказала. Вроде: «Мне давно не было так хорошо».

— Я слишком долго жила без мужчины.

Он все смотрел на меня, словно ждал ответа. Потом покраснел.

— Наверное, я просто волнуюсь. Просто не верится, что я здесь с тобой, вот так.

Я дотронулась рукой до его лица:

— Я рада, что ты здесь.

Он взял меня за руку. Наши пальцы сплелись, и мы слились в новом поцелуе. Когда мы оторвались друг от друга, чтобы отдышаться, я улыбнулась:

— Пожалуй, как раз теперь мне положено спросить, не хочешь ли ты взглянуть на мою коллекцию гравюр.

Джарит казался заинтригованным.

— Ну, спрашивай.

Я спросила. Он не возражал.

Моя спальня напоминала атриум: такая же воздушная и полная зелени. Стен почти не было, только арочные окна с деревянными переплетами и медной фурнитурой, а в придачу к ним зенитный фонарь над кроватью. Лежа среди всех этих воздушных одеял и подушек, я ощущала себя в облаках.

Мы с Джаритом свернулись на постели, прижимаясь кожей к коже, мы изучали друг друга в свете полуденного солнца, льющегося в спальню. Мы идеально подходили друг другу; его бедра прижимались к моим, его руки гладили мою кожу. Я двигалась в такт его движению, затем замедлилась, удерживаясь на краю, балансируя там вместе с ним до тех пор, пока мы оба не сдались и не рухнули в водоворот наслаждения.

Потом мы лежали под простынями — Джарит на спине, закрыв глаза, я — свернувшись в изгибе его руки.

* * *

— Соз?

Я сонно пошевелилась.

— Соз, проснись.

— Ммм?..

— Пора обедать, — сказал он.

Я протестующе замычала. Но он подтолкнул меня еще, обняв руками. Сначала он просто будил меня, но его движения быстро перешли в ласки. Я вздохнула.

— Ах, Гипрон...

Его руки отдернулись так резко, что я окончательно проснулась. Я открыла глаза, вздрогнув от прохлады. Джарит сидел рядом, глядя перед собой.

Я потянула его за руку, пытаясь уложить.

— Что случилось?

Он посмотрел на меня:

— Вот уже второй раз ты делаешь это.

— Что делаю?

— Называешь меня Гипроном.

Мое блаженно-сонное состояние как рукой сняло.

— Я назвала тебя Гипроном? — Да, теперь я вспомнила: я действительно называла его Гипроном. Я поежилась. — Прости меня.

Он лег рядом и натянул на нас одеяло.

— Кто такой Гипрон?

Лежа под одеялом, в уютном кольце его рук, я чувствовала себя в безопасности. Возможно, настолько в безопасности, что смогу даже рассказать ему то, что он просит. Я приоткрыла спрятанное глубоко-глубоко в сознании воспоминание так, как приоткрывают створку шкафа. Там висело солнце — темное солнце. Я закрыла створку.

— Соз? — Джарит посмотрел на меня, как человек, считавший, что выиграл в лотерее, и узнавший, что просто ошибся.

— Гипрон был моим мужем.

— Был?

— Я не лежала бы сейчас с тобой, будь в моей жизни кто-то другой, — мягко сказала я.

Напряжение, сковывавшее его руки, отпустило.

— Почему ты ушла от него?

— С чего ты решил, что я ушла от него?

— Кто, находясь в здравом уме, уйдет от тебя?

Я вздохнула:

— Я рада, что хоть кто-то в целой Вселенной считает так.

— Соз. — Его сознание коснулось моего. — Почему тебе так больно?

— Гипрон умер три года назад. — Вот. Вот я и произнесла это. Произнесла, и мир не обрушился. — Меньше чем через год после того, как мы поженились.

— Мне очень жаль.

Я попыталась пожать плечами, как всегда поступала в такой ситуации, но в объятиях Джарита это было почти невозможно. Поэтому я ответила куда более искренно:

— Мне тоже.

Он замялся:

— Могу я спросить, что случилось?

— Мой отряд производил проверку колонии в секторе Т-Хи. Гипрон работал там агрономом.

Гипрон. Он заставил меня улыбаться с первой минуты нашего знакомства. И я уже не могла расстаться с ним. Его нельзя было назвать красавцем, и все же он казался неотразимым, особенно со своей озорной улыбкой. Что-то в нем заставляло меня чувствовать себя хорошо, согревало душу.

— Мы поженились через две недели после первой встречи, — сказала я. — Ни он, ни я не знали, что он болен. У колонистов еще не было налажено медицинское обслуживание, и никто еще не знал, что той настройки иммунной системы, что он получил перед отлетом, будет мало. Мы слишком поздно поняли, что с ним стряслась беда. Так он и умер.

— Мне очень жаль, — повторил Джарит, прижав голову к моей, обнимая меня под одеялами. И медленно, очень медленно я открыла тот шкафчик в памяти, в котором хранилось земное солнце. Шкафчик с воспоминаниями — с радостью, с болью. Но я могла смотреть на них. Сегодня я снова могла смотреть на них.

— Знаешь, — призналась я немного позже, — когда я в первый раз увидела тебя, я сразу подумала, что ты эмпат.

— Я и есть эмпат. — Он помолчал. — По шкале Кайла я называюсь эмпатическим целителем.

Я уютно угнездилась в его руках.

— Я так и решила.

— Я не выношу, когда чьи-то эмоции ранят, — тихо сказал он. — Я пытаюсь прикоснуться к ним, чтобы унять боль. Вот только не знаю, помогает ли это на самом деле.

Я поцеловала его:

— Помогает.

— Тогда ты едина в трех лицах, — улыбнулся он.

— Это как?

— Эмпат, целитель, телепат. — Он погладил мои волосы. — Когда ты опустила барьеры, мне показалось, будто я очутился в центре сверхновой.

— А я опускала барьеры?

— Когда мы занимались любовью.

— О! — Мне не стоило бы забывать об этом. А может, и ничего. Должны же быть в жизни минуты, когда можно забыть про защиту.

— Соз, — вмешался в наш разговор бестелесный голос.

Джарит чуть не выпрыгнул из кровати:

— Кто это?

Я расхохоталась:

— Всего-навсего мой компьютер. Пако, не сейчас!

Голос Пако исходил из небольшого монитора, встроенного в стену напротив:

— Куокс готовится выступить с речью.

Черт возьми. Я же сама просила Пако предупреждать меня обо всех новостях, связанных с Куоксом. И конечно же, этот чертов Император не нашел лучшего времени для своей речи, чем когда я лежу в постели с Джаритом.

— Ладно, — буркнула я. — Включай.

Голоэкран на стене включился, демонстрируя привычную пантеру, изготовившуюся к прыжку. В комнате загремел гимн купцов. И как могли такие чудовищные люди сотворить столь завораживающую музыку?

Джарит передернул плечами:

— Зачем тебе смотреть на это?

— Надо. Мне необходимо знать, что они говорят. — Самое смешное, что — как это ни противно — я говорила чистую правду.

— Каждый раз, как я вижу одного из них или только слышу, я чувствую себя так, словно меня... — Джарит запнулся, подыскивая подходящее слово, — словно меня...

— Насилуют?

Он удивленно посмотрел на меня:

— Да.

Пантера на экране обернулась двумя мужчинами. Но Ура Куокса среди них не было. Человека, стоявшего слева, звали Крикс Куэлен, он занимал пост министра торговли.

Оратором, человеком на трибуне, был Джейбриол.

Джарит слез с кровати и натянул штаны.

— Не могу видеть этого. Не здесь. Извини. Я подожду в гостиной.

Зачем Джейбриол снова вторгается в мою жизнь, сейчас, когда у меня появился шанс забыть его? Я поднялась и полезла в гардероб, схватив первое, что подвернулось под руку: простую сорочку.

— Тебе вовсе не обязательно уходить. — Я надела ее через голову. — Я выйду сама. Оставайся здесь.

— Тогда пошли в гостиную вместе.

Я наконец поняла. Он не хотел присутствия хайтонов у нас в спальне, где мы только что занимались любовью.

— Хорошо.

Я пропустила всего полминуты речи. Я сидела на диване перед голоэкраном, пока Джарит наливал себе выпить. Собственно, ничего особенного Джейбриол не говорил: обычный купеческий треп насчет того, какие они все замечательные. Это не было похоже на него. Но не это беспокоило меня. Для тех, кто не знал его — в данном случае это относилось почти ко всей Галактике, — он представлялся самым обычным хайтоном. Но я-то его знала. Я видела его изнутри — тогда, на Делосе. Человек, читавший речь, был накачан каким-то наркотиком.

Джарит сел рядом со мной, держа в руке стакан. На этот раз он налил себе виски. Он сделал большой глоток, как завороженный глядя на экран. Но Джейбриола он почти не замечал. Он не сводил взгляда с Куэлена.

Что же за сила такая у этих хайтонов, что они устрашают нас даже по головидению? Может, это язык их тела, или то, как они стоят, или тембр их голосов, или движения рук? На каком-то уровне, скорее подсознательном, мы *узнаем* их. Одного имени Куэлена было достаточно, чтобы у меня мороз пробежал по коже. Почему он стоит там, рядом с Джейбриолом? Какое он имеет отношение к наследнику престола?

Потом меня пронзила ужасная мысль. Возможно, Ур Куокс отдал Джейбриола на попечение Куэлена. Император Эйюбы являлся носителем рецессивных генов псиона. Он рон только наполовину, так что признаки ронов в нем практически незаметны. Но вдруг он ощущает какие-то проявления эмпатии? Вдруг это делает его достаточно человечным, чтобы он жалел своего сына? Возможно, он доверил сына Куэлену, поскольку не может заставить себя обречь Джейбриола на ту участь, для которой тот был рожден.

Мне не хотелось даже думать о том, во что превратится жизнь Джейбриола с Криксом Куэленом в качестве наставника. Я даже представляла себе, что случилось. Джейбриол отказался выступать, и Куэлен заставил его с помощью наркотика, а может, еще и угрожая физической расправой. А еще страшнее то, что Куэлен мог обойтись и без наркотика или насилия. Судя по всему, он проводит с Джейбриолом довольно много времени. Значит, ему не составит труда создать удовлетворительный компьютерный образ наследника хайтонов, который выступит для него с любой речью — если он хотел контролировать только слова Джейбриола.

Джарит так и сидел, не в силах оторвать взгляда от Куэлена, бледнея все сильнее и сильнее. В конце концов я не выдержала и приказала Пако выключить передачу.

Экран погас. Джарит с облегчением посмотрел на меня.

— Тебе действительно приходится смотреть каждое их выступление?

Я кивнула:

— Знать врага в лицо и все тому подобное.

— Знаешь, это было плохо и раньше, когда Куокс не имел наследника. По крайней мере мы могли надеяться, что он станет последним хайтонским Императором. Но теперь, когда из ниоткуда возник этот его наследник... — Джарит поежился. — Иногда мне кажется, что это не кончится никогда.

Как это может кончиться? Если бы у Куокса и не обнаружилось наследника, его трон занял бы другой хайтон. Новый Император был бы не лучше Ура Куокса, возможно, даже хуже. Надежда на то, что хайтоны эволюционируют в более нормальных людей, несбыточна. Аристо генетически запрограммированы оставаться аристо. И время не улучшит их генетику. Их помешательство на чистоте генофонда имеет под собой осно-

вания. Они и впрямь представляют собой патологическую ветвь рода человеческого, всеми силами оберегающую эту свою патологию.

И среди всего этого стоял опоенный наркотиками Джейбриол — единственный, кто мог бы остановить эту войну без границ, сев за стол переговоров.

Или поставив Сколийскую Империю на колени.

11. ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ

— Есть люди, которым пришлось вынести куда больше, — сказала я. — Я пережила всего три недели этого.

— Вы считаете, что если это длилось три недели, а не три года, — возразил Тагер, — ваши шрамы будут менее заметны?

Я беседовала с ним, стоя в безопасном месте у книжной полки. За пять раз, что я приходила к нему, я ни разу не села. Сидя, я чувствовала себя уязвимой. Сам Тагер обычно стоял — так, как сейчас, у своего рабочего стола. Наверное, он избегал подходить ко мне вплотную, чтобы это не воспринималось как давление.

— Послушайте, — сказала я. — Большинство Источников живут в неволе всю жизнь. То, что случилось со мной, — пустяк.

— Вы ошибаетесь.

— Меня готовили...

— Дерьмо!

Я заморгала, ошеломленная резкостью его реакции. Очень уж это не вязалось с его характером, во всяком случае, с той его стороной, которую он показывал мне.

— Почему вы так говорите?

— Никакая подготовка не защитит вас от того, что делал с вами Тарк, — сказал Тагер. — Да, у вас крепкая броня. Но под этой броней живет человеческое существо. Вас истязали психически и сексуально, и то, что вы праймери, что это длилось всего три недели, что вас готовили переносить боль, что другим приходилось еще хуже, — все это не сделало ваши раны менее глубокими.

— Но это было десять лет назад, — возразила я. — Мне полагалось давным-давно пережить и забыть все это.

— Почему?

Почему? Опять этот его вопрос, от которого можно сойти с ума.

— Потому что время залечивает раны.

— Только если вы относитесь к ним серьезно. — Голос Тагера смягчился. — Подавление воспоминаний о пережитом — защитная реакция, она позволяет вам выжить. Но как бы вы ни отрицали этого, то, что произошло, продолжает влиять на вас. Это может подорвать вашу уверенность в себе, ограничить вашу дееспособность, помешать устанавливать и поддерживать отношения.

— Вы считаете, что мои проблемы с общением проистекают из этого?

— Не исключено.

Я отступила на шаг от него.

— Я просто слишком чувствительна.

— Почему вы так считаете?

Я фыркнула:

— Месяц назад я ходила в кино. На один из этих фильмов про обезумевших Демонов. Я просто рассвирепела. Я ушла с сеанса и испортила впечатление всем, кто пришел со мной. Потом я чуть не заехала по морде тому, кто сказал, что мое поведение его раздражает. Вы не называете это неадекватной реакцией?

— Нет, — ответил Тагер. — Особенно учитывая ваш боевой опыт.

— Но люди, бывшие со мной, считали меня сумасшедшей.

— То, что они не знали причины, заставлявшей вас реагировать так, еще не говорит о ненормальности вашего поведения.

Ну почему он не понимает?

— Да поймите же вы! Я чуть не убила человека только за то, что он раздражал меня.

— Вы чуть не убили его, поскольку его действия напомнили вам то, как вас неоднократно жестоко истязали.

Неужели он действительно верит в то, что Хилт пробудил во мне воспоминания о Тарке? Неужели этот хайтон до сих пор обладает надо мной такой властью — теперь, спустя годы после своей смерти?

— Нет. Этого не может быть.

— Вы не могли ничего поделать, когда Тарк похитил вас, — негромко продолжал Тагер. — Если бы вас просто ограбили, вы бы рано или поздно нашли похищенное или возместили его. Но у вас отняли самоуважение, достоинство, безопасность. Где вы найдете их, чтобы возместить потерю?

— Я знала, что мне грозит, когда отправлялась на Тамс. Мне стоило быть осторожнее. — Я озвучила мысль, которая столько лет угнетала меня. — Случившееся — моя собственная ошибка.

Тагер покачал головой:

— Дело не в вашей ошибке. Дело в том, как обращался с вами Тарк. — Он спокойно посмотрел на меня. — Это не ваша ошибка. Что бы он ни говорил вам, как бы ни обзывал вас, что бы ни говорил вам об этом кто угодно другой — *это не ваша ошибка.*

Я ступила на зыбкую почву, которой избегала годами:

— Но почему это всплыло именно сейчас, после того, как я столько лет была в порядке?

— А с чего вы взяли, что были в порядке?

— Ну разумеется, я была в порядке.

— Тогда скажите, — спросил Тагер, — почему это прошло целых семь лет, прежде чем вы оказались готовы к серьезным отношениям с мужчиной?

— Вы имеете в виду Гипрона?

Он кивнул:

— Семь лет одиночества — долгий срок для любого. Для эмпата это вообще почти неслыханно.

Я чуть было не возразила. Но промолчала. Я всегда избегала больших компаний или ситуаций, в которых мне приходилось сталкиваться с эмоциями несимпатичных мне людей. Но я понимала, что имеет в виду Тагер. В любви эмпатия бесценный дар, особенно при отношениях с другим эмпатом, способным чувствовать меня так, как я чувствую его. Отсутствие таких интимных отношений ведет к одиночеству столь сильному, что оно ранит почти физически. Мы с Джаритом достигли связи, наполнившей мою жизнь так, как никогда бы не наполнил секс с обычным человеком.

Я подумала о дверке в моем сознании, за которой хранилось все то, что я не хотела выпускать на поверхность. Я знала, кто расшатал ее, выпустив воспоминания. Джейбриол Куокс.

Вслух же я произнесла:

— Да, все могло быть из-за Тамса.

В первый раз за все время Тагер не возразил мне.

— Идти в бой против аристо, ощущая их смерть, — должно быть, это кошмар... — Его состраданию, похоже, не было предела. — И вы пережили этот ад тысячу раз. То, что вы выжили, оставшись психически нормальной, — это просто чудо.

Я уставилась на него. Какое там чудо? Я превратилась в развалину.

— У каждого в жизни свои сложности. Но не все ведь разгуливают, тыча себе в висок дезинтеграторами.

— Праймери, это...

— Соз, — перебила я его.

— Соз?

— Меня так зовут. Соз.

— Очень хорошо, Соз.

Вот и вся его внешняя реакция: легкий поклон. Но я уловила его подлинные чувства, как он ни старался спрятать их. Его пульс участился. Он добился прорыва, причем значительного. И это волновало его. Еще как волновало.

— Почему? — спросила я.

Теперь не понял он:

— Почему вас зовут Соз?

— Нет. Почему вас волнует то, что со мной происходит?

— Потому что вы представляетесь мне замечательным человеком.

— С чего вы считаете меня замечательной? Вы же меня почти не знаете.

Он улыбнулся:

— Меня учили распознавать людей.

— Это больше, чем умение.

Он посмотрел на меня с любопытством:

— Почему вы так говорите?

Я замялась, не находя подходящих слов.

— Мне кажется, вас в самом деле волнуют люди. Я к этому не привыкла. Я привыкла к купцам. Или к политикам из КИКС. — Я поморщилась. — И те, и другие порочны. — Я подумала о Рексе, о Гипроне, о моем первом муже, Йато. — Когда я нахожу любовь, я... я не могу сохранить ее. Единственный человек, с которым мне удается поддерживать отношения, — это мальчик

вдвое моложе меня, абсолютно без политических убеждений и настолько отличающийся от аристо, насколько это возможно для человека.

— И что тут такого?

— Это неестественно.

— Но почему?

— Мне следовало бы иметь более зрелого любовника — вроде Рекса. Только Рекс больше не хочет меня.

— Почему?

Почему он все время задает мне этот вопрос?

— Не знаю почему. Просто не совсем естественно, когда дряхлеющие Демоницы вешаются на хорошеньких малолеток, вот почему.

Тагер рассмеялся, как будто я шутила.

— Я бы не назвал вас дряхлеющей.

— Мне почти сорок восемь.

— Я бы дал вам гораздо меньше. Но и сорок восемь лет — совсем немного при вашем звании.

Я пожала плечами:

— Должно быть, я неплохо справляюсь со своими обязанностями.

— Почему этот вопрос так разозлил вас?

— Разозлил? Вовсе он меня не разозлил. — Я лгала, и мы оба понимали это. И все же до этого момента я не осознавала, что мое звание действительно раздражает меня. Почему?

Я заговорила медленно, будто читая книгу, которая была у меня уже давно, но которую у меня до сих пор не хватало смелости раскрыть:

— Он послал меня на Тамс, хотя знал, что там может случиться. Он годами посылал меня в пекло, гораздо дольше, чем большинство офицеров, и посылал моего брата Эльтора, и посылал моего брата Келрика... — Я заставила себя продолжать: — И Келрик не вернулся.

— Кто «он»? — спросил Тагер с обычным своим состраданием.

— Мой брат.

— Эльтор?

Я мотнула головой:

— Нет. Мой сводный брат. Кердж. Император.

Лицо Тагера побелело. На этот раз я не просто потрясла его. Эффект равнялся землетрясению. Но он был прав. Я была

зла. Еще как зла. И слова, копившиеся во мне годами, прорвали плотину, которую я сама воздвигла вокруг них.

— Я потеряла первого ребенка, — сказала я. — Единственного ребенка, которого я посмела зачать, и все потому, что Кердж сказал мне, что, если я уйду со строевой службы, я утрачу права на наследование престола. Я потеряла первого мужа из-за этого, и я потеряла Рекса, так как он не хотел быть консортом-калекой, и потеряла младшего брата, который погиб, и старшего брата, которого невзлюбила. Я утратила способность к нормальному человеческому общению... — Мой голос дрогнул. — Кердж взял бы мою душу, если бы захотел. *Он не имел права!*

Тагер молча смотрел на меня. Прошла долгая минута, прежде чем он наконец ответил. То, что он вообще заговорил, уже можно было считать чудом. Любой душеспаситель пришел бы в ужас, доведись ему оказаться на его месте. Любое неверное слово могло навлечь на него императорский гнев. Я не собиралась говорить Керджу, что ходила к Тагеру, но все равно, каким бы сильным эмпатом ни был Тагер, он не мог быть до конца в этом уверен. И все же даже теперь, зная об опасности, он не отступился, навеки завоевав мое доверие.

— Почему он требовал от вас столько?

— Потому что если я не смогу сделать этого для него, я никогда не смогу быть достаточно сильной, чтобы справиться с Ур Куоксом. — Я развела руками. — Ведь я не могу просто взять и заявить: «Ах нет, я передумала! Я не хочу больше этого!» Если ни Эльтор, ни я не станем Императором после Керджа, то кто? У кого еще есть военное образование, способности ронов, боевой опыт, вместе взятые? Тысячи миров, Тагер. Сколько людей населяет их? Сотни? Миллионы? Десятки миллиардов? Как иначе смогу я нести ответственность за каждую из их чертовых жизней?

— Вы наследница престола, — тихо сказал Тагер. Он произнес это как утверждение, не как вопрос.

— Одна из. Вообще-то нас двое. — Осталось двое. Из трех. — Как вам это нравится? Будущее Вселенной может оказаться в руках сумасшедшей бабы.

— Вы считаете себя сумасшедшей?

— А разве нет?

Он говорил так, словно мы с ним шли через лес хрупких хрустальных деревьев, ветки которых могут сломаться от ма-

лейшего прикосновения, а острые обломанные концы готовы пронзить его насквозь.

— Больной — да. Вы страдаете столькими формами стрессов, я даже не уверен, что могу сосчитать их. И вы необычно чувствительны даже для псиона, так что, возможно, вы никогда не сможете выносить толпы народа или их самые низменные чувства, не отключаясь эмоционально. Но сумасшедшей я вас не считаю. Чтобы испытать все, что вам довелось, и продолжать выполнять свое дело, требуется фантастическая выносливость рассудка.

Я судорожно глотнула. Он стоял, молча глядя на меня, ощупывая меня своей эмпатией, и я не знала, что ему сказать. Поэтому я только смотрела на него. Он не торопил меня, не давил на меня, не уходил и не отворачивался.

В конце концов я произнесла: «Ладно». Это не самый содержательный ответ, но ничего лучшего я не нашла. Тагер улыбнулся, словно я сказала что-то умное.

Я отошла в дальний конец кабинета, туда, где стеклянные стены встречались под острым углом. Сквозь тонированное стекло виднелась анфилада посольских залов. На книжной полке стояло зеркало — старомодное зеркало из посеребренного стекла в нефритовой рамке. Я смотрела на свое отражение и почти видела за спиной Керджа. Как там? «В ожиданьи всегда, в наблюденьи всегда, всегда в недовольстве глухом».

Смотри внимательнее, братец, подумала я. А то я могу тебя удивить.

Когда Джарит вернулся в спальню, я почти проснулась. Я лежала на теплых простынях, любуясь им, пока он шел через комнату. Выглядел он действительно неплохо. На нем не было ничего, кроме плавок. Волосы на мускулистой груди горели золотом в солнечных лучах.

Лицо... лицо его почему-то пылало. Я давно не видела таких красных лиц. И вообще вид у него был слегка обалделый. Он не сводил глаз с груды наших одеяний на полу у кровати. Подойдя к ней, он принялся торопливо рыться в одежде, расшвыривая ее по спальне.

Я привстала на локте:

— Что случилось?

Он подпрыгнул от неожиданности.

— Ты проснулась?

Я улыбнулась:

— Не совсем. Лезь сюда и усыпи нас обоих, идет?

— Соз. — Он ухитрился покраснеть еще сильнее. — У нас гости.

— Гости? — И чего это он так всполошился? — Что ты хочешь этим сказать?

— Там. — Он махнул рукой в сторону гостиной. — Я проснулся, вышел попить — а она там. Сидит и читает книгу.

Я уставилась на него.

— Кто-то сидит в моей квартире? — Какого черта? Я выбралась из кровати и подобрала белье и спортивный костюм, брошенные на пол Джаритом, когда он срывал их с меня. — И кто это?

Он наконец нашел то, что искал. Свитер.

— Она говорит, что ее зовут Циа Лисса.

Я остановилась и перевела дух.

— Ясно.

Он натягивал свитер.

— Ясно?

— Это объясняет твою реакцию.

— Как это объясняет?

Я рассмеялась.

— Джарит, она оказывает такое воздействие на всех. — Я оделась и направилась в гостиную.

Я увидела ее сразу, от арки, соединявшей спальню с гостиной. Она стояла у окна, глядя на джейкобсширский пейзаж. Золотые волосы, сияя на солнце, падали ей на плечи, руки, спину, бедра... Собственно, эта великолепная грива сама казалась золотым солнечным светом. На ней было розовое платье местного фасона — те же кружева и лямки, в которых я чувствовала себя так неловко. Применительно к ней слова «неловко» не существовало. У нее было лицо ангела, тело эротической богини из голофильма и грация балерины, что, собственно, и являлось ее профессией. Она выступала под псевдонимом Циа Лисса.

— Привет, мама, — сказала я.

За моей спиной послышался странный звук.

— *Мама?*

Она повернулась к нам.

— Соскони?

Ее взгляд скользнул на Джарита, стоявшего за моей спиной и чуть правее, словно прячась от невесть как оказавшегося в моих апартаментах привидения. На ее губах появилась легкая улыбка.

— Твоего друга я уже видела.

Даже в моем возрасте я смутилась, что мать застала меня с любовником.

— Как ты вошла?

— Пако впустил меня.

Пако? Перед тем как отправиться в спальню с Джаритом, я приказала ему, чтобы нас не беспокоили. Как он пустил ее? Право же, этот Искусственный Интеллект решил исполнять мои просьбы в самые нежелательные моменты. Впрочем, в данном случае это не так страшно.

— Что он тебе сказал?

— Что к тебе нельзя, но я могу подождать. — Она покосилась на Джарита. — Я могу зайти позже...

— Нет. Не уходи. — Я махнула рукой в сторону бара в противоположном конце комнаты. — Выпить хочешь?

Соскони.

Ее мысль вошла в мое сознание чистой как солнечный свет, принеся с собой запахи, шумы и пейзажи Лишриоля, родной планеты моего отца, на которой я выросла. Моего дома. Я увидела серебристые растения, сплошным ковром протянувшиеся от города Дальвадора до горизонта на юге и востоке, до лесов и горных хребтов на западе и до Перевала Заблудившегося Всадника на севере. В полях деловито жужжали шмели. Дом с его любовью и болью, радостью и горем, место, куда я до сих пор убегаю в своих снах. В такое безопасное детство, в ласковые руки золотой женщины, подарившей мне жизнь.

У меня за спиной Джарит протяжно вздохнул, словно ему показали прекрасную картину. Он тронул меня за плечо.

— Соз, у меня сегодня после обеда репетиция. Я пойду позанимаюсь.

Я повернулась к нему. Он уже улыбался, и лицо его приобрело нормальный цвет. И чуть расстроенное выражение. Почему он расстроился? И кой черт ему заниматься? Он и так все утро играл на своем литаре.

— Я позвоню тебе вечером?

— Конечно. — Я поцеловала его, потом вспомнила, кто смотрит на нас, и решила отложить самые нежные поцелуи на потом. — Тогда и поговорим.

Джарит собрал свои вещи, раскиданные по всей спальне. Однако, выходя из квартиры, он угодил прямо в ласковые руки телохранителей матери, двух Демонов, томившихся за дверью. Пока они деловито обыскивали его, он бросил на меня удивленный взгляд.

Извини, подумала я. Она танцовщица, звезда балета. Они просто стараются. Боюсь, объяснение вышло не слишком убедительным. При том, что танцовщица из матери действительно неплохая, к звездам она не относится. Да и звезд, боюсь, охраняют не так тщательно.

Подлинную причину обыска я от Джарита скрыла. Дело в том, что не один «друг семьи» пытался вынести голофильм или аудиопленку с записями нашей семейной жизни, за что на черном рынке масс-медиа предлагались фантастические суммы. Однако, объяснив это, пришлось бы объяснять также почему, а мне не хотелось открывать Джариту, что я рон.

Когда Кердж выберет наконец наследника, этому человеку придется провести остаток жизни так, как живут сейчас сам Кердж, моя тетка и мои родители, — день и ночь под охраной. Я не хотела торопить с этим ни Керджа, ни Ассамблею. Возможно, настанет день, когда у меня не будет другого выхода, однако пока я только старалась вести себя так, чтобы никто не подумал, что я предпочту быть убитой, только бы не терпеть при себе охрану.

— Все в порядке. — Старший телохранитель поклонился Джариту. — Вы можете идти.

Джарит уставился на него, пораженный не столько обыском, сколько поклоном. Потом улыбнулся мне.

— Увидимся вечером?

Я кивнула:

— До вечера.

Когда он ушел, я вернулась к бару и налила себе пива.

— Хочешь? — предложила я матери.

— Нет, спасибо. — Она тряхнула головой, от чего масса ее волос всколыхнулась золотой волной. Отсвет от колец играл на ее золотой коже. Как у Керджа. И глаза у нее были такие же, как у него под внутренними веками: золотые белки и черные

зрачки. Она не унаследовала от деда внутренних век, но за этим исключением они с Керджем походили больше на близнецов, чем на сына и мать.

Но там, где Кердж был тверд, мама была нежна. Мне отчаянно хотелось броситься к ней, прижаться головой к ее коленям, как я часто делала в детстве, ища у нее утешения. Только я давно уже выросла, так что отвыкла бегать к ней каждый раз, как разобью коленку.

— Что ты делаешь в этих краях? — спросила я.

Она улыбнулась:

— Ну, мне случилось заглянуть на Форшир, вот я и подумала...

— Мама. — Я стукнула стаканом по стойке. — У тебя ведь нет никакого повода находиться сейчас на Форшире. Так зачем ты здесь?

Она подошла к бару и села в одно из высоких кресел у стойки. При росте в сто восемьдесят сантиметров она была выше меня, выше всех моих сестер, одного роста с отцом. Она говорила тем мягким тоном, который в детстве всегда отгонял мои ночные страхи.

— Кердж сказал мне про Рекса. Мне жаль.

Я провела пальцем по краю стакана:

— Он сам выбрал профессию Демона. Он знал, на что идет.

— Соскони. Я не Кердж.

Я посмотрела на нее:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты переживаешь. Я это чувствую.

— Это сугубо личное. Давай не будем об этом.

— Ладно. — Она бросила на меня хорошо знакомый осторожный взгляд. Он означал, что она ищет тему разговора, которая не заденет меня больно. Чем старше я становилась, тем чаще замечала у нее этот взгляд.

— Твой друг Джарит очень мил, — сказала она наконец.

Я пожала плечами:

— Мне тоже так кажется.

Правда, немного юн, добавила она про себя.

Оставь его в покое, мама.

Соскони, я ведь не враг тебе.

Блок! подумала я. Псимвол замигал, унося прочь ее беспокойство.

Мать прикусила губу. Она ничего больше не говорила, только смотрела на меня. Я нахмурилась и налила себе еще пива. Потом вышла из-за стойки и уселась на диване. Мать подошла и села в кресло напротив. Она казалась сошедшей с картины мастера — воплощение красоты, золотая женщина с золотыми волосами, рассыпавшимися по креслу. Интересно, подумала я, она хоть отдаленно представляет себе, как тяжело быть ее дочерью?

— На что это похоже? — спросила я.

— Что «это»? — улыбнулась она.

— Быть любимой всеми, кто попадается на твоем пути.

Недоверие. Оно накатывало на меня волнами.

— С чего ты решила, что я любима всеми, кого встречаю?

— А разве нет?

— Нет.

Я вздохнула:

— Могу я задать тебе вопрос личного характера?

— А тебе не кажется, что это отдает двойным стандартом?

Я застыла:

— Хорошо. Не бери в голову.

— Соскони. — Она развела руки. — Давай спрашивай.

— На что похоже быть любимой роном?

Перемена в ее лице впечатляла, хоть была и невелика. Я и не представляла, как напряженно она себя ощущала на протяжении нашего разговора, пока не увидела, как эта напряженность покидает ее.

— Твой отец дополняет меня до законченного целого, — мягко сказала она. — Заполняет меня всю.

— А в смысле секса?

Она чуть покраснела:

— Мне кажется, на сегодня личных вопросов хватит.

— Извини.

Уголки ее рта чуть заметно приподнялись.

— Давай скажем так: иметь десять детей было легко.

Можно спросить у тебя еще одну вещь? подумала я.

Она улыбнулась. *Смотря какую.*

Это касается Керджа.

Она снова напряглась. *Что тебя интересует?*

Это правда был несчастный случай?

Какой несчастный случай? Ее возбуждение билось о мое сознание. *Как я могу говорить с тобой, Соскони, если ты недоговариваешь?*

Смерть деда, подумала я. *Это правда был несчастный случай?*

Мать почти выпрыгнула из кресла точно пружина, которую согнули так сильно, что та вырвалась из гнезда. Она подошла к окну и выглянула на улицу.

— Разумеется, это был несчастный случай.

— Кердж должен был знать, что может перегрузить канал связи, — это случилось пятьдесят пять лет назад. Теперь он был одним из трех умов, питавших энергией Сколи-Сеть: Кердж, моя тетка и мой отец. Кулак, Ум и Сердце Сети. То, что эти три ума так отличались друг от друга, не было простой случайностью. Если три этих ума будут слишком похожи, это может вызвать резонанс, приводящий, в свою очередь, к разрушению Сети.

Пятьдесят пять лет назад мои дед и бабушка одни питали Сеть. Кердж попытался стать третьим.

— Он должен был знать, — повторила я. — Шансы на то, что выживут оба — он и дед, — были слишком малы. Кердж знал это. Точно знал. И он был моложе. Моложе и сильнее. У него было больше шансов выжить, чем у деда.

Мать резко повернулась:

— Замолчи!

Я не могла остановиться. Как знать, может, моя жизнь окажется в зависимости от того, знаю ли я правду.

— Почему он так старается вбить клин между мною и Эльтором? Потому что надеется: мы будем слишком заняты, разбираясь друг с другом, чтобы разделаться с ним? Потому что боится: вдруг один из нас попытается присвоить себе трон, убив брата? Так, как он убил родного отца?

Мать подошла ко мне — и ударила меня по лицу. Она дрожала, ее всю трясло, когда она опускалась в кресло. Я приложила ладонь к горящей щеке. Черт бы побрал вещи, которые мне нужно знать!

Ее глаза наполнились слезами.

— Никогда, *никогда* больше не говори этого. Я не желаю слышать твои гнусные инсинуации. Отец Керджа был разведчиком КИКС, достойным человеком, погибшим при выполнении боевого задания.

Я вздохнула:

— Мама, я видела документы.

Она замерла:

— Что?

— Документы. Записи. Те, что Кердж обнаружил в день, когда убил человека, породившего его.

— О чем ты?

Боги, у меня нет сил заниматься этим! Прав Кердж: мы учимся выживать — сражаясь не только с купцами, но и друг с другом. Мои таланты, которые Кердж так часто использовал, заставляя меня шпионить за купцами, ничуть не хуже работали и против него самого.

— Законный отец Керджа не мог зачать его. Он не был роном.

Мать отвернулась от меня.

— Мой первый муж обладал по крайней мере одной копией генов рона. Врачи отобрали необходимые гены. Кердж родился именно так.

Сколько раз мне приходилось слышать это «официальное» объяснение того, почему Кердж родился роном, в то время как его отец роном не был. Империя нуждалась в ронах, и мы являлись их племенным фондом. Но рецессивные гены делали инбридинг слишком опасным, а искусственный отсев этих рецессивов снижал и свойства ронов.

После долгих поисков нашелся все же человек с вариацией генов рона — его гены достаточно отличались, чтобы снизить вероятность того, что рецессивные гены убьют или искалечат ребенка, рожденного от него женщиной из имперской династии. Его гены были непарными, но по крайней мере одной копией он обладал. Поэтому с помощью генной инженерии он мог зачать ребенка-рона. Мои дед с бабушкой устроили его брак с моей матерью.

При том, что возможность найти такого человека равнялась нулю, Кердж служил живым доказательством его существования.

— Эти документы включали анализ ДНК твоего первого мужа. У него практически не было наследственности ронов. Ты знаешь это. Ты знаешь, что Кердж — не его сын.

— Какая теперь разница? — По лицу ее струились слезы. — Сделанного не воротишь.

Мне хотелось спрятаться от стыда, притвориться, что все это ошибка, что я не права. Последний раз я видела ее плачущей на людях на траурной церемонии по моему брату Келрику. Но отрицание неприятного тебе факта еще не отменяет его. Кердж не

доверял ни Эльтору, ни мне, и мне надо было понять — почему? Я не питала никаких иллюзий относительно Керджа: один неверный шаг может стоить мне жизни.

— Прошу тебя... Мне необходимо знать.

Мать вытерла лицо тыльной стороной ладони, потом вытерла руку о колено. Потом села прямо, глядя сквозь слезы в пол перед собой.

— Когда Императором был мой отец, он выбрал наследником Керджа. — Она вздохнула. — Кердж мечтал о власти. Единственное, что удерживало его от того, чтобы сместить отца, была семейная верность. Семейная любовь. Он перенял эти качества от человека, которого считал своим отцом, которого глубоко любил.

— Твоего первого мужа.

Мать кивнула:

— Он был хорошим отцом. Хорошим мужем. Мои родители сделали лучший выбор для меня, чем я сама. Я в молодости была не такая, как ты, Соскони, — сильная, уверенная в себе. Я наделала много глупостей. Через несколько лет после смерти моего первого мужа я снова вышла замуж. Но я... до свадьбы я не знала, какой он на самом деле. А когда узнала... он был жесток со мной.

— И ты его бросила?

— Наследники престола Империи не разводятся.

Я подумала о своем первом замужестве, таком несчастливом для меня.

— Скажи это Йато.

— Теперь-то я знаю, что ошибалась. Но тогда мне казалось, что у меня нет выбора. — Она вздохнула. — Кердж тогда был совсем мал. Он видел все и терзался, не в силах прекратить это.

Кердж, беспомощный?

— Трудно представить.

— Он был тогда еще совсем ребенком. — Она помолчала. — Поначалу мой муж не обращал на него внимания. Но когда Кердж возмужал, все изменилось. Он рос быстро. И когда он догнал ростом меня, мой муж решил... не знаю... нет знаю. Он увидел в Кердже... увидел...

— Соперника?

Она сжалась, глядя на меня широко раскрытыми глазами, словно согнанная с гнезда горлица.

— Да. — Ее голос окреп. — Этот человек бил моего ребенка. Поэтому я ушла от него.

— Что с ним случилось потом?

— Он попал в тюрьму.

— А с Керджем?

— После этого он ненавидел всех, кто, как ему казалось, мог хоть как-то повредить мне. Одного я не понимала: почему он так же сильно ненавидит себя? Я не понимала тогда, как мое... мое присутствие... воздействует на него. — Она потерла руки, словно они мерзли. — Или просто не замечала этого. Иногда мне кажется, что он черпал силы только в воспоминаниях о моем первом муже. Почти четверть века, пока он накапливал силы как наследник престола, все эти годы он держался за память об отце, как за спасательный круг.

Я, кажется, начала понимать.

— И тогда он нашел документы, открывшие ему, кто же на самом деле его отец?

Она кивнула.

— Боги, как он разъярился. Он так и не поверил, что яйцеклетку моей матери спутали с моей в результате лабораторной ошибки. Он чувствовал себя преданным всеми, кого любил. — Ее голос дрогнул. — Человек, обладавший тем, к чему он так стремился — титулом Императора, — силой овладел и тем единственным, чего он желал почти так же сильно, как власть. Тем, что было запретно для них обоих.

Дрожащей рукой она откинула прядь с глаз.

— Решил ли он про себя: «Я убью этого человека»? Я не... я не верю в это. Но он знал, как велик риск... и все же вошел в Сеть. — По ее щеке скатилась слеза. — Я застала его стоявшим на коленях у тела нашего отца. Он плакал. — Ее голос сорвался. — И несмотря на все, что было... когда Кердж был маленьким, я обнимала его, нянчила его, любила его. Ах, Соскони, я так гордилась им — моим первенцем, моим солнышком. Но он изменился. Шаг за шагом, день за днем, год за годом... — Она зажмурилась, потом снова открыла глаза. — Пока в конце концов я не потеряла его.

— Прости, — мягко сказала я. — Мне очень жаль.

Слезы медленно катились по ее золотым щекам.

— Мне тоже.

12. ВРЕМЯ НАСАЖДАТЬ

— Вы хотите стать Императрицей? — спросил Тагер. Опасная тема. Я продолжала изучать фигурки на полке, снимая их по одной, вертя в руках и ставя на место. Он собрал неплохую коллекцию сельских типажей, выполненных с потрясающей точностью вплоть до ресниц и ногтей. Пахарь склонялся к земле, держа в мозолистой руке мотыгу. Крестьянка в забавном платье задирала подол, насыпав в него, как в корзину, семена. Жница шла вдоль полосы незнакомых мне злаков с нее ростом, склонивших тяжелые колосья. В руке она держала сноп, а за спиной висела сумка.

— Откуда это у вас? — спросила я.

— Есть тут община фермеров из секты кэмишей, проживающих на юге Джейкобсшира, — ответил Тагер. — Помимо фермерства, они промышляют изготовлением таких вот статуэток.

Я повернулась к нему лицом. Он присел на край своего стола.

— Очень красивые, — сказала я.

— Да, красивые. — Он снова смотрел на меня так, словно пытался расшифровать все невысказанное.

Я медленно шла вдоль стены, разглядывая остальные фигурки.

— Мы можем пахать, сеять и собирать урожай. Жить на земле, подчиняясь смене времен года, став частью жизненного цикла. — Я помолчала, наблюдая за его реакцией. — Или можем отбросить все это, построив комплекс по переработке пищевых продуктов, — так, как поступает Кердж. Люди, города, планеты — все это для него лишь сырье, подлежащее переработке сообразно его потребностям. Растить продукты на земле — неэффективно.

— Зато гораздо вкуснее, — улыбнулся Тагер.

— Возможно, вкус — роскошь, которую мы не можем себе позволить.

— Почему?

— Нам это не нужно. Пища — необходимость, не искусство.

— Мы изменили свои вкусы в силу обстоятельств. Так же, как научились жить в отрыве от земли — по необходимости. То, что у нас теперь другие возможности, не означает неестествен-

ность желания некоторых людей жить по-старому. Возможно, это не просто пахота, сев и жатва. Возможно, это удовлетворение сокровенной части нашей природы, делающей нас людьми.

— И тем не менее, — сказала я. — Возможно, это просто пустая трата времени.

— А вы как считаете?

Я продолжала расхаживать по кабинету.

— Мне кажется, Сколии нужно и то, и другое. Пахари и операторы пищекомплексов.

— А вы кто?

— Оба сразу.

— Это дает ответ на вопрос «как», — спокойно сказал он. — Но не на «Хотите ли вы?».

Хочу ли я стать Императрицей? Я знала ответ, но не готова еще была дать его. Мой разум кружил вокруг него, приближаясь и отступая, не желая отрезать пути к отступлению.

Подождав немного — я молчала, — Тагер зашел с другой стороны.

— А что ваш брат Эльтор?

Я скрестила руки.

— Что с ним?

Тагер говорил так, словно шел по слою яичной скорлупы.

— Что, если Император так и не сделает выбор? Вдруг он умрет, так и не решив вопроса с наследником? — Он помолчал. — Или что, если он ждет, пока вопрос решится сам собой?

— Эльтор мой брат. — Мой *брат*, которого я любила в детстве, которого я люблю даже теперь, несмотря на все, что делал Кердж с целью разъединить нас.

— Император — тоже, — заметил Тагер.

— Только по имени.

Тагер сидел молча, терпеливо, не подстегивая меня.

— Эльтор — второй ребенок у моих родителей. Второй из десяти. Он покинул семью, когда ему исполнилось восемнадцать, отправившись поступать в Академию.

— Значит, он тоже Демон?

Я кивнула.

— Когда он уехал, мне было одиннадцать. Я не видела его с тех пор, пока он не приехал к нам в отпуск. — Воспоминание заставило меня улыбнуться. — Он был так счастлив снова побывать на Лишриоле.

— Лишриоле?

— На родной планете отца.

— Вряд ли я слышал про такую.

Он и не мог слышать. Мы хранили ее в тайне.

— Это одна из древних колоний. Она жила в изоляции четыре тысячи лет, пока Империя не открыла ее снова. Наверное, начиналось все с сельскохозяйственных поселений. Но когда их обнаружили, они откатились назад настолько, что не помнили своих корней.

— Настолько примитивно?

— Очень. Единственные компьютеры на планете — это те, что мать установила у нас дома.

— Дома?

— Где мы жили.

Тагер улыбнулся:

— Вы хотите сказать, во дворце?

— Нет. В доме. Там и электричества-то до матери не было.

Он удивленно посмотрел на меня:

— И вы там росли?

— Совершенно верно. Мать построила недалеко от деревни школу и больницу, но ничего больше менять не стала.

Его любопытство накатывало на меня волнами.

— Почему не стала?

— Зачем ей портить все это? Это же идиллия. Туда даже нельзя попасть без разрешения моих родителей.

— Вы скучаете по дому?

Я вздохнула:

— Иногда. Но мне не место там. Я всегда знала, что хочу стать Демоном. Когда мне исполнилось десять лет, я могла разобрать дезинтегратор и объяснить, как он действует. К двенадцати годам я выводила уравнения инверсии. Это в мире, где армии сражались мечами и луками со стрелами, — мой брат к тому времени покончил с войнами на Лишриоле, отправившись в возрасте шестнадцати лет на битву, вооруженный, помимо меча, еще и лазерным карабином. — Мне кажется, у Эльтора все было так же.

— Расскажите мне про него, — попросил Тагер.

Мои воспоминания раскладывались как сложенный в несколько раз, написанный от руки листок, найденный в древней книге с кожаным переплетом. Я видела Эльтора в форме

Демона, с дезинтегратором на бедре, преклонившего колено и уважительно склонившего голову в традиционном приветствии, какое дает сын Лишриоля своему родителю, вернувшись с войны. Я видела отца, стоявшего перед ним, — казалось, он готов кричать на всю деревню от гордости и одновременно конфузится, силясь понять сына, вернувшегося домой с небес.

— Мне тогда было семнадцать. Мне казалось, я никогда не видела человека великолепнее Эльтора. Я хотела быть похожей на него. — Я развела руками. — А потом как-то случилось, я обошла его. Я оказалась праймери, он — всего секондери, и Кердж молча ждал, что мы — Эльтор и я — будем делать, осторожно кружа, словно борцы в начале схватки, в то время как между нами осталось столько недосказанного.

— Вы продолжаете видеться с ним?

— Редко. Нам мало что есть сказать друг другу — слишком много недоверия возникло между нами, чтобы сохранять ту близость, какая была между нами в детстве. Но и воспоминаний об этой близости тоже было слишком много, чтобы мы отдалились друг от друга еще сильнее. Кердж напрасно ждет: мы с Эльтором никогда не начнем строить друг другу козни. Если Кердж надеется, что мы сделаем выбор за него, ему придется ждать вечность.

И в конце концов больше всех страдает от этого наша мать, вынужденная наблюдать эту омерзительную игру во власть и в смерть, которую ведут любимые ею дети.

— Моя мать прилетела повидаться со мной.

Тагер без усилия повернул разговор:

— Ну и как вы это восприняли?

Я разглядывала вазу на полке. Редкой красоты ваза из розового с золотыми прожилками стекла. Поверхность мерцала, меняя оттенок в зависимости от угла зрения. Прекрасная, хрупкая вещь.

— Почему вы держите ее здесь? Стоит вам задеть за полку, и она может упасть, обидно, если ее разобьет тот, кто ценит ее больше всех.

Он снова смотрел на меня словно шифровальщик, подбирающий ключ к шифру.

— Я осторожен с ней.

— Почему вы уверены, что ее не разобьет кто-то другой? — Я тряхнула головой. — Некоторые вещи имеют слишком боль-

шую ценность, чтобы хранить их в открытом для доступа месте.

— Потому, что их могут повредить?

— Да.

— Эта ваза крепче, чем кажется. Она уже падала. Она не бьется.

Я скрестила руки, потирая предплечья, словно мерзла.

— Это еще не значит, что она не повреждена. Как знать, может быть, она упадет еще много раз, прежде чем треснет. Ее надо беречь. Представьте себе: кто-то, очарованный ею сверх всякой меры, вломится сюда и будет драться с вами за нее. И в драке вы собьете ее с полки. Что вы будете делать, когда увидите на полу осколки? Как будете собирать их воедино?

— Я просто не буду драться.

Я попыталась улыбнуться, но не уверена, что слишком успешно.

— Но вы ведь не рон.

— Нет, — спокойно согласился он. — Не рон.

Я снова заходила по кабинету. Тагер наблюдал за мной, не делая попытки торопить.

— Кердж считает моего отца простофилей, — сказала я наконец.

— Ваш отец приходится Императору отчимом, верно?

Это остановило меня. Я встала посреди кабинета и засмеялась, хотя это было вовсе не смешно.

— Отцу было восемнадцать, когда они с матерью поженились. Восемнадцать. Керджу было тогда тридцать пять. Свадьба состоялась всего через несколько дней после смерти моего деда — через несколько дней после того, как Кердж стал Императором. Кердж ненавидит его.

— Вашего отца?

— Да. — Впрочем, как бы Кердж к нему ни относился, он не совершит второго отцеубийства. И к тому же отец необходим ему теперь: он единственный может легко, без усилий питать Сколи-Сеть энергией, не угрожая при этом остальным частям Триады.

Кулак, Разум и Сердце Сколии. Подобно тому, как в одной области реального пространства не существует двух частиц с одинаковым квантовым числом, два разных сознания не могут занимать один и тот же регион псиберпространства. Разум Кер-

джа слишком напоминал разум моего деда — мощный, но прямолинейный. Разум моей тетки отличали изящество, блеск интеллекта, интригующая, кружевная замысловатость. Они с Керджем почти не пересекались в псиберпространстве. Они могли пользоваться одними и теми же функциями, посещать одни и те же «места», но то, как они «существовали» там, настолько отличалось друг от друга, что их присутствие не приводило к резонансу.

Однако Империи нужны были все трое. До того, как отец сделался членом Триады, Сколия была куда меньше нынешней, но даже тогда Кердж и моя тетка с трудом справлялись со своими обязанностями. Кердж командовал вооруженными силами, под защитой которых находилось теперь около тысячи миров. Тетка осуществляла связь между Ассамблеей и компьютерной сетью, охватывавшей не только Сколию, но и миры землян и купцов. И все это в дополнение к их обязанностям, связанным непосредственно со Сколи-Сетью, не отключавшейся, не делавшей передышки, но расширявшейся с каждым годом, заполняя бездонный океан псибервселенной.

Ни тот, ни другая ни за что не отдали бы эти обязанности добровольно. Но никто, каковы бы ни были его амбиции, не обладал безграничным запасом сил. Рано или поздно нагрузки убили бы их, и этот процесс уже шел, медленно, но неотвратимо — пока к ним не присоединился отец.

При всех внутрисемейных проблемах нам удавалось поддерживать функционирование Сколи-Сети. Альтернатива этому отсутствовала. Вернее, она имелась, но была бы невыносима. Я бы скорее умерла, чем согласилась жить во Вселенной, где все, кроме кучки аристо, — либо сервы, либо Источники.

Я вдруг почувствовала смертельную усталость. Я подошла к креслу и села, утонув в мягкой подушке. Подавшись вперед, я облокотилась на колени и уставилась в пол.

Тагер подошел и сел в соседнее кресло — на самый край, чтобы его глаза находились на одном уровне с моими.

— О чем вы думаете?

— О моих родственниках. — Я подняла глаза на него. — Ну и семейка!

— Вы как люди без кожи, живущие во Вселенной, не приспособленной для этого. Почти у всех имеется какая-то защита, поэтому им не понять, насколько их нормальный образ

жизни причиняет вам боль. Чтобы выжить, вам надо либо изолировать себя от остальных, либо развить механизм приспособления.

Я подумала о Джейбриоле и его уединенной жизни. Возможно, он единственный из живущих ронов остался нормальным. Но цена, которую он заплатил — невыносимое одиночество, — для меня слишком высока.

— Эти механизмы приспособления заживо рвут нас на части.

— Ответственность за судьбу Империи лежит на вас не потому, что вы лучше приспособлены к ней, но потому, что свойства, делающие вашу жизнь такой тяжелой, одновременно являются источником нашей единственной защиты от аристо. Боги, да это любую семью доведет до точки.

Я обдумала это.

— Когда мы жили все вместе — мои родители и мы, их дети, — нас объединяло что-то. Не знаю, как это обозвать. Общность ронов? Мы были счастливы. Потом мы выросли и вылетели из гнезда. В жизнь вмешалась реальность. — Я посмотрела на Тагера. — Мои родители остались вместе. Но общность исчезла. Они живут; большинство нас выживает. Я хочу чего-то большего, чем выживание.

— Если вы имеете в виду партнера-рона, общество ронов...

— Да, я знаю. Мне не суждено найти это. — В моем сознании нарисовался образ Джейбриола. Знал бы ты, доктор-душеспаситель... — Мои родители — люди, а не производители ронов. Они не смогут вечно плодить аккумуляторы для Сколи-Сети. Вы думаете, они хотят видеть, как их дети умрут? Что, если мы с Эльтором оба погибнем? Что тогда?

— Не знаю.

Я встала и подошла к полке с фигурками кэмишей.

— Я тоже не знаю. — Я повернулась лицом к нему. — Я не хочу умирать. Я хочу отыскать решение. Решение всего. Боли, ярости, страха. Этой войны, которая никогда не кончится. Я хочу знать, что делать с аристо. — Я перевела дух. — Я хочу знать, как расплатиться за Тамс.

— Вы уверены, что найдете все это?

— Я думаю, что у меня больше шансов, чем у Эльтора или Керджа. И к тому же я хочу власть ради власти, — добавила я горько. — Это куда приятнее, чем быть жертвой. — Я спокойно посмотрела на него. — Да, я хочу стать Императрицей.

* * *

Войдя в вестибюль дома, где я жила, я застала там поджидавшего меня посетителя. Она сидела в кресле и читала голожурнал, закинув ноги на антикварный столик. Мы увидели друг друга одновременно.

— Хильда! — Я бросилась к ней. — Что ты здесь делаешь?

Она встала, и лицо ее расплылось в широкой улыбке.

— Хейя, Соз.

— Я запросто могла пройти мимо тебя. — Я не привыкла видеть ее без формы. Из всех причудливых одеяний она выбрала синие джинсы. Должно быть, купила их в одном из этих магазинов импорта, торговавших джинсами и кофе — основными статьями земного экспорта. Джинсы, кофе и еще эти их гамбургеры. Не думаю, чтобы нашлась хоть одна столица более или менее населенной планеты, в которой не было бы «Макдоналдса». Иногда, в особо циничном настроении, мне кажется, что, пока мы с купцами перемалываем ресурсы друг друга, земляне без лишнего шума приберут нас к рукам, заполонив нас своей «фаст фуд» и убедив в том, что мы не проживем без нее и дня.

Хильда хихикнула.

— Некоторые проходят мимо меня нарочно. Я тут чуть не спугнула золотого мальчика. — Она дернула головой вверх. — Сказал, что подождет тебя там.

Неужели Джарит забежал ко мне? Но куда он тогда делся? Хотя вестибюль не запирался круглые сутки, у него не было возможности пройти без пропуска даже в лифт. А пропуска я ему не давала.

— Пошли наверх, — улыбнулась я. — Может, найдем еще эту загадочную личность.

Войдя в лифт, я осторожно спросила:

— Как там Рекс?

— Неплохо. Ему приделали какие-то штуки к ногам. Они позволят ему ходить, как только он научится ими пользоваться.

— Он счастлив? — На самом деле я хотела знать, появилась ли в его жизни женщина. Но спросить не решалась.

— Йа, с ним все в порядке. — Хильда хихикнула. — Все как положено. Все его сиделки по уши в него влюблены. Ну и есть одна, которую он зовет чаще других.

Я убеждала себя, что меня это не ранит. В конце концов у меня есть Джарит. Я повторила это себе несколько раз, а потом решила: не майся дурью. Ты знаешь, что тебя это ранит. Ну и пусть ранит. Не умрешь. И ты права, у тебя есть Джарит.

Джарит сидел у меня под дверью с папкой на коленях и что-то читал. Мы подошли к нему, мягко ступая по ковру.

— Как тебе удалось уговорить лифт подняться сюда? — спросила я, улыбаясь.

Он встал, глядя на Хильду:

— Не знаю. Пако разрешил мне подняться.

Интересное дело. Я никогда не говорила своему компьютеру, чтобы он пускал Джарита в лифт. Не то чтобы я возражала. Пако мог бы и запустить его в квартиру.

Хильда ухмыльнулась ему:

— Хейя, хойя. Вот мы и встретились.

— Мое почтение. — Джарит покраснел.

— Это Хильда, — пояснила я. — Она летает в моей эскадрилье.

— Летала. — Хильда огорченно посмотрела на меня, пока я отпирала дверь. — Мы уже месяцами никуда не летаем.

Я удивленно посмотрела на нее:

— Кердж не приписал вас с Таасом к другой эскадрилье?

Джарит уронил папку; его голокнижки и голотетради разлетелись по полу. Он вспыхнул и опустился на колени подобрать их.

Мы с Хильдой опустились на четвереньки помочь ему. Но когда я бросила на него вопросительный взгляд, он не ответил. Чем я его так расстроила? Иногда бывает очень трудно понять его настроение.

Хильда сунула ему в руки последнюю книгу.

— Он посылал Тааса с восьмой эскадрильей. — Она поднялась с коленей и встала между мной и Джаритом. — А меня сунул на штабную работу. Разработка стратегии. Но мне не хватает полетов.

Я закрыла за нами дверь.

— Мне тоже.

Джарит прошел к бару, оставив нас с Хильдой вдвоем. Хильда смотрела, как он раскладывает книги на столе. Потом тихо сказала:

— Император Сколии велел передать тебе послание.

Послание? Зачем Керджу посылать курьера? Использовать Сеть было бы куда проще. И если он беспокоился о секретности, он мог передать это мне в мозг шифром, ключ к которому знаю только я.

Я покосилась на Джарита:

— Возможно, нам придется подождать.

— В нем всего четырнадцать слов.

— Что?

— Он просил передать: «Немедленно возвращайся в Штаб-квартиру. Без шумихи. Не говори никому, что это мой приказ».

— Это все?

Она кивнула:

— Это все.

Так. Кердж протянул свою длинную руку и выдергивает меня обратно. Он стоял у меня перед глазами — металлическая фигура в военной форме, рассчитывающая что-то в своем защищенном броней мозгу, посылающая нас по траекториям, завершающимся в одному ему известных точках.

Но, возможно, самое время встретиться с ним. Возможно, мне пора уже просчитать собственные траектории.

— Почему он отправил с этим тебя?

— Не знаю. — Взгляд Хильды скользнул мне за плечо, и ее голос изменился. — Прогуляешься с нами?

Я оглянулась. Джарит подходил к нам. Я улыбнулась.

— В самом деле, не хочешь прогуляться с нами?

Он с легкой опаской посмотрел на Хильду:

— Идет.

И мы пошли гулять. Мы прошлись вдоль причалов, купили воздушные шарики, выпустили их в небо, мы много смеялись, а потом завалились на пляж.

Но все это время меня не покидало странное ощущение, необъяснимое чувство, что я вижу конец, только не знаю чего.

Джарит сидел у меня на кровати.

— Мне понравилась твоя подруга.

Я сунула свой свитер в клешню робота-гардероба, повесившего его на место в шкафу.

— Мне показалось, что при первой вашей встрече ты готов был удрать без оглядки.

— Готов был. — Он улыбнулся. — Но она оказалась ничего.

— Ты поэтому уронил все свои книжки днем?

— Ах это? — Он отвел взгляд. — Да нет, я просто неуклюжий.

Я подошла и уселась перед ним по-турецки.

— Это не объяснение.

— Почему ты так говоришь?

— Что-то не так. Я ведь чувствую.

— Я... так, ерунда. — Он внимательно изучал узор на одеяле.

— Джарит. — Я взяла его рукой за подбородок и повернула лицом к себе. — Что случилось?

— Меня удивило то, что ты сказала. Вот и все.

— То, что я сказала? — Я опустила руку. — Что ты имеешь в виду?

— Это имя.

— Какое имя?

— Кердж.

Я застыла. Это имя мне не хотелось обсуждать ни с Джаритом, ни с кем другим. Тагер вытянул из меня все, чем я могла поделиться по этому поводу.

— Что такого в этом имени?

— В контексте вашего разговора это могло означать только одного человека.

— Я солдат. Он мой начальник.

Он бросил на меня подозрительный взгляд.

— Даже праймери не называют сколийского Императора просто по имени.

Я задумалась. Разумеется, я никогда не называла Керджа по имени, когда мы общались как начальник и подчиненная. Но в частной беседе с Хильдой мне и в голову не приходило называть его полным титулом, как не пришло бы в голову называть остальных своих братьев Принцами Как-Их-Там.

— Ты живешь в квартире, шикарной даже для Имперской праймери, — сказал Джарит. — У тебя звание, равное адмиральскому, а ведь тебе ненамного больше тридцати. И ты называешь Императора по имени.

Я встала с кровати и подошла к окну. За окном простирался золотой в закатных лучах сельский Джейкобсшир.

— Соз? — окликнул Джарит.

— Я не знаю, что ты ожидаешь услышать от меня.

Джарит вздохнул.

— Император Сколии... вы с ним... я правильно понял?..

Бред сивой кобылы. Он вообразил, что Кердж — мой любовник! Я чуть не рассмеялась. Вместо этого я вернулась к постели и села рядом с ним.

— Нет. Ты понял все неправильно. Мы с Императором Сколии знакомы много лет, больше ничего.

— Ты ведь старше, чем кажешься, правда?

— Через несколько дней мне исполнится сорок восемь.

Он непроизвольно раскрыл рот:

— Ты шутишь.

— Нет. — Я нахмурилась. — Это что-то для тебя меняет?

Джарит поерзал на кровати.

— Не знаю. Ты старше моей матери.

Боги. Насколько я могу судить, меня разыскивает отдел этики КИКС. Вы под арестом, мэм. За совращение малолетних.

Впрочем, его слова задели меня совсем по-другому. Я еще не рожала, а у женщины моложе меня сын уже вырос настолько, что сам может стать отцом. Конечно, хоть мое долголетие и позволяет тянуть с обзаведением с детьми дольше, чем большинству женщин, все же я не могу откладывать это до бесконечности. Но мне не хотелось заводить семью, пока я летаю с эскадрильей, особенно после того, что случилось с моим первым браком — зная, что мои дети могут остаться без матери каждый раз, как я лечу на боевое задание.

Джарит следил за моим лицом.

— Соз?

Я вздохнула:

— Не знаю, как тебе сказать.

Он сжался:

— Просто скажи.

— Хильда привезла мне послание от моей семьи. Мне надо лететь на Дьешу. Сегодня.

— Ты улетаешь? *Сегодня?*

— Как только соберу вещи.

Он положил руки мне на плечи:

— Это из-за моих слов? Я смогу привыкнуть к разнице в годах. Правда.

— Ты здесь ни при чем.

Он хотел сказать что-то еще, но осекся. Я почувствовала то, что он хотел. Он хотел лететь со мной. И часть меня хотела.

чтобы он летел. Но это значило бы предложить ему начать все заново в новом, чужом ему мире, где он не знает никого. Я не могла заставлять его идти на такие перемены, если бы только не имела возможности предложить ему больше, чем мы имели сейчас. И этой возможности у меня не было. Слишком она неустроенная пока, моя жизнь.

— Ты очень много для меня значишь, — сказала я.

— Не надо, пожалуйста.

— Чего не надо?

— Говорить слова, которые служат введением к «ты еще найдешь себе кого-то».

— Надеюсь, что найдешь.

Джарит шепотом выругался:

— Соз, прекрати.

— Ты хоть представляешь себе, чем я зарабатываю на жизнь? Каждый раз, когда я улетаю, я могу погибнуть. Ты хочешь жить с этим?

— Нет. Но я бы попробовал.

— А я не знаю, хотела бы или нет.

Он вздохнул. Потом притянул меня к себе:

— Ты еще вернешься на Форшир?

Я опустила голову ему на плечо:

— Хотелось бы надеяться.

Мы долго сидели так, обнимая друг друга. Потом Джарит откинулся на кровать, увлекая меня за собой. Мы занимались любовью в облаках, паря среди них в последний раз.

Часть 3
ДЬЕША

13. КУЛАК ИМПЕРИИ

Мы с Хильдой летели на Дьешу пассажирским рейсом, в гражданском платье — ничего, что могло бы привлечь внимание. Хотя Кердж не отдавал на этот счет никаких распоряжений, я понимала, что нам стоит прибыть в Штаб-квартиру без излишней шумихи. Почему? Что он такое задумал?

Наш корабль приземлился на площадке далеко от терминалов космопорта. Я выбралась из гамака и прошла в конуру, которую кто-то особо самоуверенный назвал салоном. В ней имелось три кресла и стол, привинченный к той поверхности, которая при нахождении корабля в гравитационном поле становилась полом. Выглянув в иллюминатор, я увидела приближающийся к нам флайбус, скользивший на воздушной подушке подобно серебряно-черной пуле.

— Приготовьтесь к выходу, — передал по внутренней связи стюард, живой голос которого выгодно отличался от неодушевленных компьютерных голосов на военных транспортах, на которых я обычно прилетаю на Дьешу.

Пока мы толпились в шлюзе, появился стюард, молодой человек в безукоризненно отглаженной синей форме. Когда он откинул наружный люк, в шлюз ворвался свежий воздух, показавшийся нам блаженно сладким после нескольких дней в искусственной атмосфере.

Флайбус притормозил у корабля. В открытой двери стоял офицер, женщина в темной форме службы безопасности КИКС с лазерным карабином.

Из флайбуса выдвинулась гармошка перехода и присосалась к борту корабля. Щелкнув рычагами, стюард улыбнулся:

— Добро пожаловать в Дьешанский космопорт. Надеемся, вам здесь понравится.

При посадке во флайбус офицер безопасности проверила каждого из нас сканером. На наши лица она не смотрела. Когда все оказались на борту, флайбус убрал переход и развернулся к терминалу. Мы сидели в нервоплексовых креслах, глядя в окно или на пол, только не друг на друга.

Не полпути к терминалу нас встретил другой флайбус. Две машины присели на бетон, словно две переговаривающиеся друг с другом пули. Мы перешли во второй флайбус, еще раз пройдя процедуру проверки.

Пока мы ждали своей очереди, я слышала, как Хильда бормочет себе под нос: «Еще раз? Ни за что!»

Второй флайбус остановился, не доезжая десяти метров до дверей терминала. Оставшуюся часть пути мы шли между столбиками, мигавшими и пищавшими на каждого проходившего пассажира. Дорожка уперлась в обычную арку-индикатор, обрамлявшую вход в здание.

У стойки контроля стояли плотный мужчина и крепко сложенная женщина, оба в формах КИКС. Женщина смотрела на монитор, мужчина — на проходивших. Когда под арку ступила я, он сделал мне знак остановиться.

— Проверка багажа.

Я поставила свой рюкзак на стойку. Женщина прикоснулась к клавише на пульте, и над монитором, медленно вращаясь, появилась голограмма, открывающая содержимое моего багажа — все, вплоть до нижнего белья и прочих сугубо личных вещей.

— Откройте, — сказал мужчина.

Неужели через это проходит каждый штатский, прилетающий на Дьешу? Я отстегнула замки, и рюкзак распахнулся. Мужчина копался в моих вещах, а женщина вслух читала данные с монитора.

— Валдория Соскони. Джейкобсшир, Эос, Форширский Приют... — Она посмотрела на меня. — Далековато, правда?

— Да, — ответила я.

Кто-то тронул меня за плечо, чтобы я посторонилась. Я оглянулась и увидела еще одну пассажирку, спешившую попасть в терминал. Хотя на ней было гражданское платье, маленькие нашивки на плече выдавали военнослужащего. Я уз-

нала ее: она летела с нами и стояла в конце очереди, когда мы заходили в здание. Остальные пассажиры терпеливо ждали на улице, щурясь от яркого солнца.

Я обернулась к стойке как раз вовремя, чтобы увидеть, как мужчина вынимает мой бумажник. Он раскрыл его, и маленький проектор включился, проецируя голографические снимки. Первым был портрет Джарита, потом несколько снимков нас с ним, потом его с Хильдой и, наконец, моя мать. Мужчина остановил проектор. Он держал бумажник на ладони, от чего казалось, будто мать стоит на ней.

— Кто это? — спросил он.

— Моя мать.

— Вы шутите. — Он передал бумажник женщине за стойкой, от чего вокруг его руки, проходившей сквозь защитное поле, засветилась радуга. — Считай-ка индивидуальные данные.

Она положила бумажник на горизонтальную панель. Голографическое изображение матери плавало над ней — золотое, улыбающееся. Потом оно потемнело: это лазер считывал невидимую информацию.

— Провожу опознание, — сообщил компьютер. — Имя: Циа Лисса. Профессия: танцовщица, Партонийский Имперский балет. Адрес не сообщается.

— Балерина? — хмыкнул мужчина. — Хорошенькая.

Хорошенькая? И это все, что он сказал после того, как они влезли в личную жизнь матери, словно прочитали страницу из дешевого голожурнала?

Женщина сунула бумажник в мой рюкзак и застегнула его.

— Все в порядке. Можете идти.

Я стиснула руку на лямке и закинула рюкзак за спину. Потом прошла в ворота для прилетающих. Зал был заполнен людьми — стоящими, сидящими, разговаривающими, смотрящими головидео, спешащими куда-то на движущихся дорожках.

— Тьфу! — Меня догнала Хильда.

— Что, тоже замучили?

Она нахмурилась:

— Им повезло, что нам приказано вести себя тихо как мыши.

Я улыбнулась, представив себе Хильду в виде мыши.

— Сколько у тебя времени до вылета?

Хильда тряхнула головой, и на лице ее появилось хорошо знакомое мне отсутствующее выражение — она справлялась у своего центра.

— Около двадцати минут.

Двадцать минут. И она улетит куда-то далеко.

— Жаль, что не можешь задержаться.

Хильда рассмеялась.

— Хейя, Соз. Ты становишься сентиментальной. — Она махнула рукой в сторону движущейся дорожки. — Проводи меня до выхода.

Мне не хотелось провожать ее. Не знаю почему, скорее всего из-за дурацкого ощущения, что, если она сейчас уйдет, мы никогда больше не увидимся. Мы шагнули на дорожку.

— Знаешь, ты и Рекс, а под конец и Таас — я ведь была с вами день и ночь, все время. Половину времени мы были одним сознанием. А теперь это прошло. — Я пыталась озвучить мысли, туманом клубившиеся где-то по краям моего сознания. — Что-то кончается, Хильда. Только я не знаю, что именно.

— Кончается? — Мы скользили мимо стены в сторону сектора отправлений. — Странная ты сегодня, Соз.

Я заставила себя улыбнуться:

— Да уж...

Больше мы к этому не возвращались. Так, просто трепались. Она рассказала мне то, что знала про Тааса: он летал теперь с другой эскадрильей и пользовался репутацией опытного пилота.

— При встрече пожелай ему удачи от меня, — попросила я.

— Пожалуйста. — Она пожала плечами. — Хотя у тебя здесь больше шансов увидеть его.

— Я знаю. Все равно сделай это для меня. На всякий случай.

— Какой случай?

Ответа на этот вопрос я не знала сама. Поэтому я заставила себя засмеяться.

— Ну, никогда не знаешь, куда тебя забросит судьба.

Когда мы добрались до сектора вылета, пассажиры Хильдиного рейса уже садились во флайбус. Пройдя под аркой-детектором, Хильда обернулась и помахала мне. Я стояла у ворот за пулелазеро- и черт-знает-чем-еще-непробиваемым стеклом в кулак толщиной и махала ей в ответ. Потом она села во флайбус, а еще через несколько секунд флайбус превратился в серебряную пулю, несущуюся от терминала к далекому лайнеру.

Я вернулась на дорожку. На этот раз я шагала по ней, добавив к ее скольжению свою скорость, так что перемещалась со

скоростью больше десяти километров в час. Я не знала, почему так спешу, скорее всего просто хотела поскорее убраться из космопорта, места прощаний и отлетов.

Мне потребовалось всего несколько минут, чтобы добраться до остановки поезда на магнитной подушке. Платформа покоилась на бетонной башне на уровне крыши космопорта. Направляющий желоб спускался с небес, тянулся вдоль нее и снова сворачивал в сторону и вверх, взмывая над космопортом фантастической абстрактной скульптурой.

К платформе подошел состав — хромированное веретено, с шипением распахнувшее передо мной и дюжиной других пассажиров свои двери. Через несколько секунд мы уже неслись к городу.

Большинство гражданских сошли в пригородах. При въезде в Штаб-квартиру КИКС мы остановились у платформы, охраняемой гвардейцами в бронекостюмах с лазерными карабинами в руках. Броня закрывала их целиком, превращая в великанов из зеркально-черного металла с матовыми экранами там, где полагалось быть глазам.

К этому времени в вагоне, кроме меня, не осталось ни одного человека в штатском. Когда гвардейцы вошли в вагон, все встали. Один из гигантов направился ко мне, лязгая подошвами по металлическому полу. Он — или она, понять это было невозможно — обратился ко мне механическим, отфильтрованным голосом:

— Документы?

Я повернула руку кистью вверх, и моя карточка скользнула из кармашка на рукаве мне на ладонь. Гнездо на запястье говорило о том, что я или телоп, или Демон. Прочесть реакцию офицера было невозможно: броня скрывала выражение его лица, а фильтр лишал голос эмоций. Он сунул карточку в коробочку на своем запястье. Я часто проходила такие проверки, но почему-то сегодня все это казалось мне странным, словно карточка подменяла меня саму.

Доступ в Штаб-квартиру получили все, находившиеся в вагоне. В этом не было ничего удивительного. Только кто-то слишком наивный мог бы попытаться проникнуть в город без надежных документов.

Я сошла у городского центра. Как только поезд отошел от платформы, ко мне подлетели несколько автоматических так-

си, наперебой предлагая свои услуги. Но я подошла к аэротрубе у края платформы. Она опустила меня на уровень земли, затормозив падение струями сжатого воздуха. Далеко не все любят этот способ спуска. Но мне это нравилось, точно так же как нравилось крутить фигуры высшего пилотажа — в этом был риск и вызов судьбе, а может, мне просто нравилось, когда адреналин ударяет в кровь.

Теперь порция адреналина была мне очень кстати. Странный вызов моего брата, унизительные обыски при въезде в Дьешу, прощание с Хильдой, безликие гвардейцы в броне — все это оставило меня с неприятным чувством, словно я сама понемногу превращаюсь в машину, а все человеческое во мне перекочевало в карточку-удостоверение...

При выходе из нижнего вестибюля я купила себе зеркальные очки. С моей стороны они были прозрачны, хотя и приглушали жестокое дьешанское солнце, а всякий, смотрящий на меня, увидит только темную, зеркальную полосу поверх моих глаз.

По улицам неслись потоки машин, но я не стала брать такси, предпочтя движущиеся тротуары. Меня окружали пешеходы, в основном военные. Их прикрытые очками глаза превращали лица в непроницаемые маски — как лицо Керджа, когда он прикрывает глаза внутренними веками.

В башне, где я жила, не было нижнего вестибюля — только входная дверь, открывавшаяся прямо в лифт. Я сунула в сканер свою карточку и поднялась на верхний этаж, в коридор со стенами из янтарного стекла. За окном простиралась столица — прямоугольники и квадраты, без единого мазка зелени, только серебряный, черный и белый цвета. Из-за башни вылетел флайер, пройдя так близко, что стекло завибрировало.

На этаже, кроме меня, жил только отставной генерал, служивший теперь главным советником моего брата по разведке. Дверь просканировала карточку, отпечатки моих пальцев и ладони и только тогда отворилась. Гостиная выглядела как обычно: хром, стекло, белая мебель и зеркальные столы.

— Добро пожаловать домой, праймери Валдория, — раздался голос, едва за мной закрылась дверь.

— Хейя, Мак. — Имя было самым удачным, какое я смогла придумать для КИКС-МА4К, обслуживавшего мою квартиру. Я сбросила рюкзак и рухнула на диван. — Есть почта? — Хотя

Мак все пять месяцев, что я провела на Форшире, пересылал мою корреспонденцию туда, что-то могло прийти только что.

— Два сообщения, — ответил Мак.

— От Императора Сколии?

— Нет.

Возможно, он еще не знает о моем прибытии. Хотя вряд ли: если он настаивал на моем прилете, как говорила Хильда, он должен бы проследить мой путь сюда. Учитывая его желание сохранить мое появление в столице в тайне, вряд ли стоит открыто объявлять, что я здесь.

— Мак, отправь сообщение моим родителям во дворец. — Их не могло быть там; они вообще не любили жить на Дьеше. Но Кердж скорее всего там, если только какой-нибудь кризис не требует его присутствия в штабе. Дворец — единственное место, где он может хоть ненадолго отпустить своих телохранителей. Расположенный высоко в горах, окруженный со всех сторон необитаемыми землями и замаскированными оборонительными системами, дворец не нуждается в людской обслуге — ее полностью заменяют автоматы. Единственное место, где Кердж может найти то, чего так не хватает всем нам: покой. Полный, абсолютный покой.

— Текст сообщения? — спросил Мак.

— Мое почтение, папа и мама. Я вернулась на Дьешу навестить Рекса. Надо бы собраться, пока я здесь. Целую, Соскони. Конец сообщения. Отсылай.

— Отослано.

Неожиданно я вспомнила ту девочку из госпиталя, которую Кердж «приглашал» во дворец. Как ее звали? Килисса? Нет... Шарисса. Шарисса Дейдр. Если она первая наткнется на мое послание, она может и в самом деле переслать его дальше моим родителям.

— Мак, кто сейчас живет во дворце?

— Император Сколии.

— Кто-нибудь еще, сейчас или за прошедшие пять месяцев?

— Женщина по имени Шарисса Дейдр жила с ним на протяжении ста шести дней.

Сто шесть. Она, должно быть, понравилась Керджу. Что она сама думала об этом? Надоела ли она ему? Полюбила ли она его? Полюбить его? Что ж. Возможно. Любовь — достаточ-

но диковинное чувство, чтобы возникать даже в самых невозможных местах.

— Где Дейдр сейчас? — спросила я.

— Работает в детском отделении Центрального Госпиталя КИКС и живет с родителями в четырнадцатом пригородном районе.

С родителями?

— Сколько ей лет?

— Семнадцать.

Боги! Еще три года до возраста, когда она будет официально считаться взрослой. Интересно, задумывался ли Кердж над всеми законами, которые он нарушил, взяв ее туда. А ее родители знали, почему она исчезла? Трудно сказать, что было бы страшнее для них — не знать, что случилось, или знать, что она попала в наложницы к девяностолетнему военачальнику Сколии.

Впрочем, теперь Дейдр свободна; к тому же это вообще не мое дело. Она вернулась к своей прежней жизни. Может, она даже благодарна Керджу.

А может, и нет.

— Мак, что еще тебе известно про Дейдр?

— Проверяю. — Пауза. — До проживания у Императора Сколии Шарисса Дейдр занималась в профессиональном училище в двадцать третьем пригородном районе по специальности «детский врач». В начале года она получила почетную грамоту за отличную учебу. Она исполняла обязанности секретаря клуба работников коммунальных служб и являлась членом спортивного клуба. Молодой человек по имени Джеймс Прокал подавал заявление на разрешение сочетаться с ней браком по достижении ими двадцатилетнего возраста.

Все это звучало так, словно она не имела к Керджу никакого отношения.

— Что случилось после ее пребывания во дворце?

— Она была исключена из училища за пропуск занятий без уважительной причины и академическую задолженность. После того как в училище обратились ее родители, исключение заменено на статус «пропавшей личности». После возвращения домой личным указом Императора восстановлена в училище. В настоящий момент учебные оценки значительно ниже, чем раньше. Успеваемость ниже уровня, пригодного для даль-

нейшего обучения. Тем не менее попыток исключить ее не предпринимается.

Конечно, кто, будучи в здравом уме, исключит студента, восстановленного указом Императора?

— Что с ее другими делами?

— Потеряла работу в госпитале, впоследствии восстановлена указом Императора Сколии. Ее членство в клубе коммунальщиков сохраняется, но из спортивного клуба она ушла. У меня нет данных, поступала ли она с тех пор в другие клубы. Юноше, подававшему заявление на брак, в разрешении отказано.

— А ее подпись на заявлении имелась? — Он мог подавать заявление без ее ведома, надеясь, допустим, опередить соперника. Но без обеих подписей заявление не имеет силы.

— Ее подпись появилась на повторном заявлении, — ответил Мак, — и на этот раз ответ был дан положительный. Однако это решение было отменено через день после того, как она оказалась во дворце.

— И каков его статус теперь?

— В разрешении отказано.

— На каком основании?

— В связи с тем, что был дан отказ на предыдущее заявление.

Ясно. Если Кердж так обошелся с первым разрешением, никто не станет рисковать, давая второе.

Интересно, сознает ли Кердж, как он искалечил жизнь девушки. Ее душевные раны я исцелить не могу, но одно все-таки в моих силах.

— Мак, свяжись с Бюро Заключения Браков и пошли разрешение Дейдр и ее молодому человеку. Под мою ответственность. — Конечно, Кердж может отменить и это. Но я знала его. Если она ему надоела, он не станет преследовать ее, особенно если она удовлетворила его настолько, что он даже вмешался в ее учебные и рабочие дела. Влететь может только мне.

— Разрешение отправлено. — Мак помолчал. — Даже поверхностный анализ этой ситуации показывает, что Император Сколии не одобрит ваше вмешательство в его личную жизнь.

Я скорчила гримасу. Похоже, я нашла куда более удачный способ известить его о моем прибытии, чем притворяться, будто мои родители во дворце. Я положила ноги на столик перед диваном и попробовала расслабиться. Но это не получалось. Я была на взводе словно пружина.

— Прочитай мне почту. Адрес читать не обязательно.

— Сообщение первое. — Последовал щелчок, вслед за которым послышался незнакомый голос. — Вниманию всех жильцов. 383.6.30 все лифты будут отключены на срок от часа до трех на проверку. Просьба не пользоваться лифтами в указанное время...

— Мак, дальше не надо, — сообщение запоздало на несколько месяцев.

— Понял. Сообщение второе. — В комнате раздался мужской голос. — Мое почтение, праймери Валдория. Я не знал точно, куда посылать это письмо, так что послал в справочную службу Дьеши. Надеюсь, что Вы получите его. Я подумал, Вам будет приятно узнать, что моя беседа с Вами и секондери Блекстоуном все-таки сделала свое дело. Афинский Университет предоставил мне грант, и я прошел тестирование в Партонии. И знаете что? Я получил 7,2 по этой вашей пси-шкале. Ну конечно, я пока не знаю, что мне с этим делать. Но Партонийский институт пригласил меня на учебу. Так или иначе, спасибо. Всегда к Вашим услугам, Тиллер Смит.

— Ну и как тебе это нравится? — спросила я.

— У меня нет эмоциональной реакции на это письмо, — ответил Мак.

Я улыбнулась:

— А у меня есть. Приятная. Кстати, почему ты не переслал его ко мне на Форшир? Как давно его отправили?

— Оно пришло в Справочную пятьдесят три дня назад. Справочная переслала его в Военный Информаторий, который переслал его в отдел Несекретной Документации, который переслал его в отдел Гражданской Документации, которая переслала его в Справочную, которая...

— Мак, можешь побыстрее?

— Письмо проходило через Справочную трижды, после чего попалось кому-то на глаза, и его послали в отдел расследований. Там проверили личность отправителя...

— Погоди-ка. Ты хочешь сказать, наша служба безопасности проверяла Тиллера только потому, что он прислал мне письмо?

— Да. Хотите узнать результаты проверки?

— Хочу. Только покороче.

— Тиллер Смит, двадцать два года. Гражданство: Союз Объединенных Миров Земли. Место жительства: Делос. В незаконной

деятельности уличен не был. Тем не менее два года назад оштрафован за парковку аэромобиля в запрещенном месте во время парада; кроме того, в возрасте четырех лет его пришлось силой выводить из бара на Аркаде, куда он спрятался от родителей.

— Боги! — Неужели отделу расследований нечем больше заняться? — И когда они все-таки решили сообщить мне, что я получила письмо?

— После завершения проверки они передали его в военный центр связи, переславший его сюда. Оно пришло четыре дня назад, и я сразу же запросил разрешения на пересылку его на Форшир. Я до сих пор не получил ответа. Мне отменить запрос?

— Да, конечно. — Я подумала. — Ты имеешь доступ к банкам информации Партонийского института?

— Да. Что вам найти?

— Я хочу знать, кто спонсирует Тиллера.

— Соединяюсь с телопами систем межзвездной связи, — доложил Мак.

Я плохо разбираюсь в институтских процедурах; сама я проходила псиберподготовку ребенком, у частных наставников. Но я не сомневалась: для учебы в институте Тиллеру необходим покровитель. Увы, как гражданин Союза Миров, занимавший далеко не высокое положение и на своей планете — не говоря уже о наших мирах, — он не мог рассчитывать на сильных спонсоров. Без них же он недолго протянет на Партонии. Псиберсеть — это власть, политическая, военная, научная, социальная и экономическая. Это означает, что все, с ней связанное, живет по своим неписаным законам. Тиллер окажется там чужаком, аутсайдером.

— Информация получена, — сообщил Мак. — У Тиллера Смита имеется один спонсор, женщина по имени Мария Пуливок, проводившая его тестирование.

Один спонсор? К тому же без политических связей. Они съедят Тиллера живьем и выплюнут обратно на Делос.

— Занеси меня в список спонсоров Тиллера.

— Сообщение отправляю. — После паузы Мак добавил: — Сообщение принято. Занесение в список подтверждено.

— Отлично. — С наследницей престола в качестве покровителя Тиллер сможет рассчитывать на то, что тамошние профессора будут драться за честь учить его.

Я подошла к книжной полке в углу. Книга, которую Тиллер подарил мне, стояла между нефритовым дракончиком и трактатом по мистиматическим теориям альтернативных пространств. Я взяла «Стихи на стекле» и открыла на странице, которую Тиллер читал в тот день у себя в кабинете, заложив ее билетиком с Аркады:

Зеркальное стекло
В каменной раме
Застыло слезой ледяной.

Я бью кулаком
По зеркальной глади стекла;
Лед обжигает мне плоть,
Пальцы ранят осколки
Твоих замерзших слез.
Я вижу тебя за спиной:
В ожиданьи — всегда,
В наблюденьи — всегда,
Всегда в недовольстве глухом.

От взглядов, что ранят меня,
Спрятано сердце мое
В панцирь из синего льда.

О чем думал Тиллер, когда отмечал это стихотворение? Не поступаю ли так и я, ограждая свое сердце ледяными укреплениями, которые становятся все холоднее и толще, пока как-нибудь я не сделаюсь такой же, как Кердж?

Я захлопнула книгу. Нет, я не Кердж. Я не превращусь в него.

Не превращусь?

У меня не хватало сил сражаться с этим кошмаром. Хотя на Дьеше стоял полдень, я была вымотана до предела. Перелет сбил мои внутренние часы.

Я вышла из гостиной в помещение, которое называла галереей памяти, коридор с голоэкранами на стенах. Мои шаги поочередно включали лазеры, высвечивающие на экранах голограммы. Пейзажи вокруг деревенского дома моего отца: горы с голубыми шапками на вершинах, выстроившиеся на фоне голубого неба, как спинной хребет великана, поля зелено-серебряных трав, леса с коренастыми от повышенной гравита-

ции деревьями, плотные кроны которых смыкались над головой зеленым куполом...

Дом.

Когда картины по очереди погасли у меня за спиной, я притронулась к панели на стене, и дверь в мою спальню открылась.

Я заснула сразу же, как только голова коснулась подушки.

— Мне очень жаль, — сказала сестра, — но секондери Блекстоуна сейчас нет.

Она «стояла» на экране моей голобудки как живая. Лазеры считали ее внешность до малейших деталей и передали по оптическим волокнам моему компьютеру, который нарисовал ее голопортрет. У меня не было ни малейшего желания смотреть на эти мельчайшие детали. Она была слишком хорошенькая. Черт, что делает Рекс в обществе такой хорошенькой сестры?

— Вы не знаете, когда он вернется? — спросила я.

— Извините, не знаю — Она улыбнулась. — Он гуляет в парке. Ему передать, что вы звонили?

Что, если он не хочет видеть меня? Может, он на самом деле сидит там рядом, но просит ее отвечать, что его нет? Ох, черт. Хватит воображать невесть что.

— Да. Передайте ему, что звонила Соз и что я у себя дома.

— Обязательно. Чао. — Ее образ растворился.

Чао? *Чао?* Что это нынешняя молодежь так увлекается словечками вроде этого «чао»? Чем их не устраивают старые, добрые сколийские обращения вроде «Всегда к вашим услугам, мэм»? Это «чао» — земное выражение. Никакого уважения к своей культуре. Что делает Рекс в обществе такой сестры?

Пульт загудел, привлекая мое внимание к горевшему в углу синему огоньку. Я прикоснулась к огоньку пальцем, и из динамика послышался знакомый голос:

— Привет, Соз.

Мой пульс резко участился.

— Рекс?

— Роза передала мне, что ты звонила.

— Роза?

— Моя сиделка.

Ну да, у нее и не могло быть не цветочного имени.

— Ты сейчас с ней?

— Нет. Я в парке.

В парке. В каком? Правда, на Дьеше их не так уж много. Здесь слишком высоко ценят воду, чтобы тратить ее на не идущие в пищу или в промышленность растения. Поэтому каждому пригородному району полагается только один парк. Все же районов двадцать девять, а это означает, что он может находиться в одном из двадцати девяти мест. Может, он просто не хочет, чтобы я знала, где он.

— Соз? — спросил Рекс. — Ты еще здесь?

Я покраснела:

— Да.

— Когда ты прилетела?

— Вчера. Я прилетела, чтобы... — Зачем? По легенде я прилетела повидаться с ним. — Я все думала... я хочу сказать, я понимаю, что меня долго не было...

Голос Рекса зазвучал чуть менее напряженно.

— Ну, всего каких-то пять месяцев.

— Я просто думала... ну, как у тебя дела.

— Лучше.

— Я рада. — Что он ответит, если я предложу повидаться?

— Соз...

— Да?

— Если ты не занята... я в парке номер пятнадцать. Если ты хочешь заглянуть... Если ты занята, я пойму, — торопливо добавил он.

В пятнадцатом было жарко. Чертовски жарко. Широкие проезды разделяли газоны цвета осенней листвы. Пока я ехала через парк на движущемся тротуаре, навстречу мне то и дело попадались люди в форме с зеркальными очками.

Рекс ожидал меня точно там, где обещал, сидя в тени древовидного кактуса. Я соскочила с тротуара и пошла к нему прямо через газон. Сухая трава хрустела у меня под ногами. У него был отдохнувший и здоровый вид. Единственной незнакомой мне деталью была серебристая сетка, покрывавшая все его тело ниже пояса подобием металлических брюк.

Он осматривал дорожки и газоны. Увидев меня, он поднял руку. Когда я помахала в ответ, он оперся рукой о ствол кактуса. И отдернул ее — я ощутила укол так явственно, словно

сама напоролась ладонью на иглу. Он попробовал снова, на этот раз удачно.

И встал.

Я замерла, уставившись на него. Потом снова тронулась с места, преодолев последние несколько метров, разделявшие нас.

Он кивнул мне:

— Соз.

— Ты стоишь!

Его лицо расплылось в улыбке.

— Как видишь.

— Как? — Нет, вопрос идиотский. — Я имела в виду...

Он повернулся и свободной рукой прикоснулся к основанию позвоночника. Я пригляделась и увидела присоединенный к сетке псифон.

— Он подключен к позвоночнику выше поврежденного участка, — объяснил Рекс. — Соединяется с оптическими волокнами, идущими к моему мозгу.

Я не сводила глаз со штекера.

— Врач сказал тогда, что они боятся делать что-то еще с твоей биомеханической системой.

— Риск, конечно, был. Но я решил пойти на это, поскольку сама процедура проста до невозможности. Все, что они сделали, — это подремонтировали волокна и врастили в позвоночник новое гнездо. Мне повезло. Это работает.

Он дотронулся до маленького диска, вплетенного в сеть на талии.

— Когда этот процессор получает сигнал от мозга, он передает его на сеть. — Он сделал шаг от дерева на негнущихся ногах и развел руки в стороны. — Сеть двигается и передвигает с собой и меня.

— Ты можешь ходить! — Я не могла сдержать радость.

Он ухмыльнулся, сделал еще один неуверенный шаг — и завалился набок. Я попыталась схватить его за руку, но он оттолкнул меня и упал на колено. Лицо его исказилось — чем? Злостью? Болью? Стыдом?

Медленно, осторожно он снова встал на ноги. Минуту, пока мы молчали, мне казалось, что мое присутствие стесняет его. Потом он вздохнул.

— Эта штука должна позволить мне двигаться без труда. Но я еще не научился управляться с ней.

— Она очень скоро будет слушаться тебя без проблем, — сказала я.

— Надеюсь.

Мы постояли так, глядя друг на друга.

— Ну и как ты здесь? — спросила я одновременно с его вопросом:

— Ну и как там на Форшире?

Мы засмеялись; короткий всплеск смеха, который стих очень быстро. Потом я ответила: «Там было хорошо» — одновременно с его ответом: «Неплохо».

На этот раз мой смех звучал естественнее.

— Мама прилетала проведать меня.

Он улыбнулся:

— Ручаюсь, это потрясло всех твоих знакомых.

Я снова засмеялась, вспомнив реакцию Джарита, — и немедленно попыталась заблокировать память. Поздно. Образ Джарита уже запечатлелся в моем мозгу.

— Все в порядке, Соз, — сказал Рекс негромко.

— Мы с ним распрощались. — Я говорила слишком быстро. — Он остался на Форшире.

— Тебе не в чем каяться.

— Рекс... — Что Рекс? Ну почему я такая неловкая со словами?

— Хочешь прогуляться? — предложил Рекс.

Я чуть было не спросила: «А ты можешь?», — но вовремя спохватилась.

— Конечно.

Он сделал шаг; ноги слегка заплетались. Пауза. Еще шаг. Я шла следом, присматриваясь к сетке. Вот она сжалась вокруг правой ноги, перенося ее вперед. Потом вокруг левой.

— На вид это удобнее механических протезов.

— Да, но не так прочно. Я подумывал уже о протезах.

Я попыталась представить себе его ноги, заключенные во внешний биомеханический скелет. В принципе это даст ему примерно то же, что нынешняя сетка.

— И что заставило тебя отказаться от них?

— Не знаю точно. — Он сделал еще шаг. — Мое тело и так напичкано биомеханическими системами. Идея навесить их еще и снаружи меня как-то не греет.

— Биосинтетическое чудо.

— Что?

— Кто-то назвал меня так. Зря он это сделал.

Рекс кивнул.

— Да. — Он показал на скамейку метрах в десяти от нас. — Присядем?

— Идет.

Мы добрались до скамейки всего за несколько минут. Рекс буквально рухнул на нее.

— Никогда не думал, что простая ходьба отнимает столько сил.

Я улыбнулась:

— Ну, надо же тебе куда-то девать эти силы.

Не успела я это сказать, как мне захотелось провалиться сквозь землю. Этой шуткой мы обменивались раньше сотни раз, имея в виду всех его бесконечных подружек. Она вырвалась у меня непроизвольно, прежде чем я успела подумать. Боги, ну и кретинка! Учитывая обстоятельства, это было все равно что вывесить над ним плакат, гласящий: «Эй, посмотрите, как я беспомощен!»

Не будь так уж уверена, Соз, ухмыльнулся Рекс. *У меня куда больше сил, чем тебе кажется.*

Я покосилась на него, довольная, что он доверился мне, и злая на себя, что позволила ему прочитать в моем сознании.

Ты что, подслушиваешь?

Это трудно не делать, особенно если ты кричишь на меня так.

Я покраснела. *Я не кричала.*

Еще как кричала. Во всю мощь легких!

Тьфу. Я свирепо посмотрела на него. *Ты невыносим, как всегда.*

Он рассмеялся. *Вот и моя сиделка то же самое говорит.*

— Ты имеешь в виду многоуважаемую мисс Розу?

— Мисс? Что это значит?

— Это такое старомодное земное слово. — В конце концов его Роза большая любительница земных слов. — Означает семейный статус женщины. — Я нахмурилась на него. — Или отсутствие такового.

— Если хочешь знать, просто спроси, и все тут.

— Я не... я не собираюсь совать свой нос в твою жизнь. Это не мое дело.

— Это как-то влияет на нашу дружбу?

Да, черт побери. Нет, это нечестно. Почему бы ему в самом деле не иметь любовницы? Потому. Почему он хочет ее, а не меня?

Рекс внимательно посмотрел на меня:

— Соз... она — это то, с чем я могу справиться сейчас.

Как Джарит.

— Я понимаю, — сказала я после долгого молчания, потом фыркнула. — Только она ничего не может поделать со своим ужасным именем?

— Мне нравится.

— Охотно верю.

— Ты все та же, Соз, — засмеялся он.

— Наверное, — нехотя улыбнулась я. Но сама знала: это неправда. Форшир все изменил.

Мы провели в парке остаток дня. Мы сидели, ходили, говорили. Мы не касались больше ни Джарита, ни Розы, ни Делоса. Как-нибудь мы с этим разберемся. А пока с нас вполне хватало нашей дружбы.

Домой я вернулась поздно. В гостиной было темно, но, едва открыв дверь, я уже знала, что внутри меня кто-то ждет. Моя рука дернулась к поясу тренировочного костюма за иглометом.

— Свет! — приказала я.

Абажур и бра зажглись одновременно, высветив моего гостя. Кердж стоял у двери в коридор, сложив руки на груди. Его прикрытые золотыми веками глаза смотрели на меня.

Я закрыла дверь:

— Сир?

— Зачем ты послала Шариссе разрешение на брак? — спросил Кердж.

Это сбило меня с толку. Я ожидала сложной игры и подспудной атаки. Никак не простого «зачем?».

— Никто и никогда не даст этой девочке разрешения на брак, — ответила я. — Если только разрешение не будет исходить от одного из нас.

— Одного из кого?

— Из ронов.

Он пожал плечами:

— Она могла бы обратиться ко мне. Я бы позаботился об этом.

— Учитывая ваши... бывшие взаимоотношения, она вряд ли осмелилась бы попросить.

— Но ты-то какую выгоду ищешь, помогая ей?

Выгоду? Я?

— Никакой.

— Кто такой Тиллер Смит?

— Он работал в полицейском участке на Делосе. Он первым принял наше сообщение насчет Куокса.

— И что?

И что? Чего он от меня хочет?

— Это все.

Кердж поднял брови.

— Тогда почему твой спинной центр срабатывает на книжку, которую он тебе подарил, прерывая подготовку к бою?

Он что, следит за каждым моим движением?

— Это просто сборник поэзии. Он напомнил мне о том, как бой действует мне на нервы.

С минуту он молча стоял, словно машина, переваривающая информацию.

— Это не объясняет, зачем тебе становиться его покровителем в институте.

— Если я не сделаю этого, его в институте съедят с потрохами.

— Возможно.

— Я не хочу, чтобы это произошло.

— Я вижу в этом выгоду для него. Но не для тебя.

— Я не понимаю вашего беспокойства. — Черта с два, еще как понимаю. Но это так злит меня, что у меня нет ни малейшего желания признавать это. Ну и что с того, что у меня нет выгоды в оказании помощи Тиллеру или Шариссе?

Кердж подошел к книжной полке и взял «Стихи на стекле». Книжка опять раскрылась на заложенной билетом странице. Пока он читал, я почти видела, как он заносит в память слова: «в ожиданьи — всегда, в наблюденьи — всегда, всегда в недовольстве...»

— Поэзия такого рода, — сухо заметил он, — возбуждает во мне сильное желание отослать его как можно дальше.

Шутка? Неужели Кердж шутит? Нет, это невозможно. А почему бы и нет? Где-то в глубине его души вполне может храниться чувство юмора. На всякий случай я улыбнулась:

— Меня она тоже не воодушевляет.

Он поставил книгу на полку.

— Но тем не менее ты помогла ему.

— Да.

— Он тебя развлекал?

— Если вы спрашиваете, спала ли я с ним, ответ нет.

— Ты хочешь этого?

— Нет.

Кердж нахмурился:

— Надеюсь, он не обладает над тобой никакой властью?

— Разумеется, нет.

— А Шарисса?

Я удивленно посмотрела на него:

— Я ни разу не встречалась с этой девушкой, если не считать того случая в госпитале.

— Не обязательно встречаться с людьми, чтобы они влияли на твою жизнь.

— Вы ищете того, чего здесь нет. Я помогла им просто потому, что хотела. Никаких других причин.

— Тогда ты глупа, — спокойно сказал Кердж.

— Мне так не кажется.

— Почему?

Это становилось все более странным. Я ощущала себя так, словно меня тестировали на предмет какой-то работы, не как на допросе.

— Но в этом ведь нет вреда. Наоборот, Империи выгодно иметь граждан, удовлетворенных своей жизнью. Они лучше трудятся на ее благо.

— Это не твоя забота — следить за счастьем каждого гражданина Империи.

— Бывают ситуации, когда я могу оказать помощь без ущерба для себя.

— Тиллер Смит — не подданный Империи, — возразил Кердж. — Так что его обучение не дает Империи выгоды, а возможно, наоборот. Он может передать свои знания землянам.

— Не передаст, если мы создадим ему условия, чтобы он остался здесь. Тогда мы, а не земляне, используем его талан-

ты — тем более что земляне все равно не будут знать, что с ними делать.

Кердж внимательно посмотрел на меня:

— Очень хорошо.

Я ждала, но он больше ничего не говорил. Вот и все. Никаких требований не лезть в его личную жизнь, никакой благодарности, ничего. Вместо этого он подошел к креслу и сел. Потом жестом предложил мне сесть на диван.

Я села. Кердж повернул голову ко мне, но внутренние веки продолжали прикрывать его глаза золотыми щитками. Он ждал, не начиная говорить. Я поерзала на месте. Что все-таки происходит?

Я не хочу рисковать, подумал Кердж.

Я чуть не подпрыгнула. Его мысль пришла ко мне исключительно чистой и сильной. Значит, в уме он давно приготовился к этой безмолвной беседе. Но зачем?

Так безопаснее, подумал Кердж.

У него и так лучшая охрана во всей Империи. Что такого связано с Тиллером Смитом и Шариссой Дейдр, что мы можем обсуждать это только телепатически с глазу на глаз?

Это не имеет к ним ни малейшего отношения, подумал Кердж.

Я изобразила в мозгу образ Хильды, передающей мне приказ вернуться на Дьешу.

Да, подумал Кердж.

Что случилось?

Он помолчал. *У нас гость.*

Ничего не понимаю. Я точно знала, что во дворце, кроме него, никого нет.

Совсем другой гость. Его мысли приобрели странный оттенок. Оттенок триумфа.

Кто? спросила я.

Улыбка, заигравшая на его лице, напоминала улыбку палача, получающего от своей работы мрачное удовлетворение. Потом он показал мне образ человека, бывшего нашим «гостем».

Джейбриол Куокс.

Моей первой реакцией был рефлекс, который я специально ввела в свой центр, — программа, срабатывающая при любом упоминании имени Джейбриола. Мозг мгновенно выполнил процедуру, ограничивающую мою способность реагировать, избирательно блокируя мои эмоции. Одновременно мыс-

ли бешено заметались у меня в голове: как они поймали Джейбриола, где они его прячут, что им известно? Даже с поставленными барьерами я не могла скрыть интенсивности своих реакций.

Поэтому вместо того, чтобы пытаться подавить реакции, я просто реорганизовала их, оставив на поверхности, там, где мог уловить Кердж, только самые безобидные. *Значит, наследник кантонов здесь?* спросила я. *В Штаб-квартире?*

Кердж продолжал наблюдать за мной. *Да. Он в наших руках.*

Но как?

Он находится в корабле — один, без единого истребителя или сторожевика сопровождения. Он перемещался в инверсии на скорости в несколько миллиардов световых. Кердж подался вперед. *Одна из наших сверхсветовых станций наблюдения засекла корабль и передала сообщение по Сети. Шестая эскадрилья бросила его в стазис и выдернула сюда.*

Я недоверчиво посмотрела на него. *Что делал Джейбриол Куокс один и без охраны?*

Мы не знаем. Он нам не говорит ничего. Внутренние веки на глазах Керджа блеснули. *Пока.*

Я не хотела представлять себе, что делали с Джейбриолом те, кто его допрашивал. Я бывала там, куда они хотели проникнуть; в ту ночь на Делосе, когда мы с Джейбриолом слились, он позволил мне войти в самые сокровенные участки его сознания. Я знала, что скоро обнаружат, если уже не обнаружили те, кто его допрашивает. Блоки, крепче даже, чем у Демонов. Тогда, на Делосе, он убрал для меня эту защиту. Но если они запрограммированы так, как мои, значит, под давлением извне они будут лишь держаться, и он не сможет опустить их, даже если захочет.

Я пыталась забыть, почему его барьеры так легко открылись передо мной, пыталась забыть нежность в его голосе, тепло его рук. Но стоило мне подумать об этом раз — и я снова хотела его. Я вспомнила его, и мой пульс участился. Пусть он наследник престола хайтонов, пусть он даже на целую четверть аристо — я хотела мужчину-рона. Я хотела *его*. Черт. Черт!

Кердж не сводил с меня глаз. *В чем дело?*

Осторожнее. *Я думала о последней своей встрече с хайтоном.*

С Тарком?

Я не ответила, а он не стал настаивать. Мы привыкли избегать разговоров о Тарке. Следующий свой вопрос я продумала тщательнее. *Тогда зачем такая секретность? Пленение наследника хайтонов — это триумф. Публичное признание подорвет боевой дух купцов и повысит наш.*

Я не доверяю случайностям, подумал Кердж. *Это может быть ловушка. Я не хочу рисковать, пока мы не узнаем больше.*

Логично. Но что делал Джейбриол, несясь сквозь пространство без охраны? Он что, с ума сошел? Никто, не входящий в Сколи-Сеть, никогда не смог бы найти его. Даже с Сетью мы наткнулись на него совершенно случайно. На такой скорости он мог лететь годами, в то время как для нас прошло бы всего мгновение. Черт, да он мог бы состариться и умереть, прежде чем кто-нибудь заметил бы его исчезновение.

И тут до меня дошло. Именно этого он и добивался. Джейбриол пытался покончить с собой. Только потерпел неудачу. Сколи-Сеть поймала его, как мотылька в сачок.

На других уровнях сознания я позволила вопросу выйти на поверхность: *Что вам удалось узнать от Куокса?*

Ничего. Раздражение Керджа проглядывало даже сквозь его непроницаемую маску. *Он реагирует так, словно у него в организме биомеханическая сеть, запрограммированная на сопротивление допросу. Но мы не обнаружили следов такой сети. Только имплантированный в мозг киберзамок.*

Они так близки к истине... *И что вы собираетесь делать дальше?*

Найти человека, который сможет это программирование преодолеть.

Неужели он еще не понял, что это означает? Разум Джейбриола запрограммирован так, что при давлении извне блокирует психические процессы, позволяющие ему передавать другим свои эмоции и мысли. В экстремальной ситуации — вроде допроса — эффект будет настолько силен, что он вообще потеряет способность общаться, даже говорить. Я знала это, потому что сама так запрограммирована. Моя биомеханическая сеть позволяла мне контролировать это, повышая или понижая уровень, заставляющий блокировку срабатывать. Но я сомневалась, что Джейбриол способен так же управлять этим процессом. Он просто не может отвечать на допросе, даже если бы хотел этого.

Преодолеть это — то же самое, что преодолеть любую другую оборону, для этого нужен таран, более крепкий, чем стена. В данном случае — псибернавт с более сильным сознанием. Кердж мог бы сделать это, но его слепая сила смела бы и разум Джейбриола, как таран, сносящий вместе с воротами и всю крепость. Мой брат Эльтор аккуратнее, но, боюсь, ненамного. Моя тетка может действовать более чем точно и тонко, но ей недостает силы. У моего отца, возможно, есть и сила, и точность, но отсутствуют необходимые для допроса специальные военные познания. Выходит, остаются только Кердж, Эльтор и моя тетка.

И я.

Я заставила себя сохранять спокойствие. *Зачем вы вызвали меня сюда?*

Кердж все смотрел на меня своим непроницаемым взглядом. *Я приказываю тебе заниматься делом Куокса.*

У вас есть куда более опытные специалисты по допросам.

Никто из них не может преодолеть его защиту. Ни один. Подумай, что все это означает.

У него сильный разум.

Слишком сильный.

Я сидела не шевелясь, боясь даже дышать из страха, что это выдаст меня.

Он — псион, подумал Кердж.

Это невозможно. Он же хайтон.

И тем не менее. Он псион. Сильнее самых сильных наших псионов.

Не вижу, как такое может быть.

Я тоже. Кердж нахмурился. *Но я тоже работал над ним, Соз. Даже я не могу преодолеть его барьеры.*

Вы можете взломать любой барьер.

С ним мне придется приложить такое усилие, что он превратится из человека в овощ.

Не знаю, что было страшнее: знать, что Кердж находится в двух шагах от истины, или чувствовать его мрачное удовлетворение от того, что он может превратить Джейбриола в хнычущий кусок мяса. Впервые в жизни я ощутила тяжесть ненависти Керджа и надеялась только, что никогда не почувствую ее на своей шкуре.

Я не уверена, что смогу сделать то, что вы задумали, подумала я.

Я хочу, чтобы ты взломала его защиту. Чтобы ты проникла в его разум. Чтобы ты сказала мне, что там. Кердж встал. *Встретимся завтра во дворце в шесть часов. Подай это как частный визит.*

Мне хотелось крикнуть, что я не стану делать этого. Но все, что я сделала, это встала. *Слушаюсь, сир.*

Когда Кердж ушел, я рухнула в кресло и уронила голову на руки. Потом подняла голову и огляделась. Интересно, прослушивается ли моя квартира? Мне не следовало бы выказывать проявления того смятения, что происходит у меня в голове.

Я понимала, почему Кердж боялся, что присутствие Джейбриола — ловушка: это была единственная возможность для Ура Куокса получить непосредственный доступ к Керджу. Мой брат не выказал бы такого интереса ни к одному пленнику за исключением наследника хайтонов. Одна мысль о том, что Ур Куокс послал своего родного сына на пытки в надежде на то, что тот убьет Керджа, была ужасна. Все же если и существовал кто-то, способный на такой шаг, то это был Император купцов.

Но я не сомневалась в том, что Куокс не делал этого. Джейбриол был слишком ценен для него, и не только из-за наследственности рона. Я была уверена, что по-своему Куокс любил сына. Я ничем не могла подтвердить это, только интуицией. Но, несмотря на всю непрочность моей аргументации, я не верила, что Ур Куокс способен послать своего сына на убийство. Единственный, кого хотел убить Джейбриол, был он сам.

Я встала и обогнула диван. Хотя стена за диваном казалась матовой, на деле там было еще одно окно. Когда я дотронулась до панели, оно сделалось прозрачным. В воздухе парили флайеры; их плавные очертания казались единственными кривыми линиями в этом прямоугольном мире. За границами пригородов до самого горизонта тянулась ржавая пустыня.

Куда Кердж спрятал Джейбриола? В бронированную темницу под городом? В подземный командный центр в пустыне? На отдаленной военной базе? Я не знала. В любом случае его стережет многоуровневая охрана. Что мне делать? Даже если я найду его, я не смогу отправить его обратно, в руки Уру Куоксу и Криксу Куэлену.

Я могу сделать то, о чем меня просит Кердж, но сделать это легко для Джейбриола. Я могу «обнаружить», что наследник престола хайтонов сошел с ума, или что у него разум ребенка,

или что отец отрекся от него, так что он решил покончить с собой. Если мой брат поверит, что Джейбриол не обладает никакой ценной информацией, что тот даже не понимает, почему его пытали, Кердж скорее всего позволит ему умереть. Преимущества публичной казни наследника хайтонов перевесят любое удовлетворение, которое Кердж получит, оставив его в живых.

Только я не хотела, чтобы Джейбриол погиб. Я хотела, чтобы он остался жив. И свободен. Со мной.

Я прижала руки к стеклу. Единственной возможностью для нас с Джейбриолом жить вместе будет бегство. Как смогу я пойти на это? Прав был Тагер, говоря, что я никогда не просила ответственности, связанной с моим наследством. Но я хотела титула Императрицы так сильно, что почти ощущала его вкус. Отказаться от такой власти — что ж, Рекс верно сказал, я не святая. Кто, будучи в здравом уме, откажется от шанса править Империей?

Джейбриол. Вот кто отказался.

Возможно, он как человек лучше меня. Или умнее. Или слабее. Не знаю. Почему-то Тагер понял, что я что-то большее, чем человек, которого я вижу в зеркале, чем суровый воин с сердцем, закованным в такой слой льда, что от него ничего уже не осталось. Он относился ко мне так, словно я ценнее какой-то наследницы какого-то престола. Он даже меня заставил поверить в то, что, возможно — только возможно, — он прав.

Но я продолжала слышать голос матери, говорившей про Керджа: «Он менялся. Шаг за шагом, день за днем, год за годом. Пока я не потеряла его». Сколько времени пройдет, пока она точно так же не потеряет и меня?

Нет. *Нет!* Я не хочу так кончить. Я могу приказать, чтобы Тагера отозвали сюда, на Дьешу... нет, это было бы в стиле Керджа. Я приглашу Тагера. Если он откажется покинуть Форшир, я пойду к здешнему душеспасителю. Но лучше бы Тагер согласился. Я знаю его, я доверяю ему так, как могу доверять душеспасителю.

И здесь живет Рекс. Если у нас будет много времени, много желания и сил, как знать, может, мы сможем склеить то, что порвалось в наших отношениях после Делоса. Если рядом со мной будут Рекс и Тагер, который не даст мне сойти с ума, возможно, все будет хорошо.

То, что удалось моим родителям — создать семью ронов, — это утопия. Мечта. Это невозможно повторить. Джейбриолу и мне это никогда не удастся. Я не могу бежать вместе с ним.

Пусть так. Я все равно могу освободить его. Правда, надо еще подумать, куда ему податься. Он не может попросить убежища у землян. Никто не поверит, что он такая же жертва аристо, как и мы.

Если...

Если только я не выступлю в его защиту. Если администрация Делоса не преставится от шока, это может сработать. Но прежде мне надо тайно, не засветившись, доставить Джейбриола на Делос.

Я натянула перчатки. Мне предстояла уйма работы.

14. РАЗУМ ИМПЕРИИ

Я стояла посреди мощенной бронебетонными плитами площади перед зданием, которое мы называли Пупом. На редкость невыразительное здание, двухэтажный прямоугольник без окон. Даже сейчас, глубокой ночью, площадь освещалась как днем, и на белый бронебетонный фасад падали отблески.

Внутрь здания вела единственная дверь без единой надписи. Я прижала пальцы к замку, сканер считал отпечатки, и дверь отодвинулась вбок, открыв камеру, похожую на воздушный шлюз. Только вместо воздуха шлюз хранил секреты.

Стоило мне войти, как наружная дверь мгновенно закрылась. Стены излучали достаточно света, чтобы я могла разглядеть псифон в нише у внутренней двери. Я вставила псифон в гнездо на запястье и подождала, пока компьютер просканирует мой мозг.

Внутренняя дверь отворилась.

В глубь здания вел коридор со стеклянными стенами. С каждой стороны его располагалось по четыре кабины, в которых сидели по одному человеку. Телопы. Телепатические операторы. На них были полные псифонные экзоскелеты — структуры более сложные, чем у нас в истребителях. Экзоскелеты покрывали тела телопов от бедер до шеи, подключаясь псифо-

нами в запястья, позвоночник и шею. На некоторых телопах были еще шлемы, закрывавшие глаза или головы. Телопам не нужно шевелиться. Только думать. Большинство их сидели совершенно неподвижно, хотя мужчина справа от меня медленно покачивал головой из стороны в сторону, закрыв глаза. Чуть подальше женщина откинулась назад, созерцая вращающуюся у нее над головой гроздь голограмм.

Список охраны, подумала я. *Персонал. Телопы систем безопасности. Пуп. Настоящий момент.*

У меня перед глазами возникло лицо женщины с седыми волосами и резкими чертами. Под лицом появились персональные данные: имя, возраст, степень допуска и прочая информация из досье КИКС.

Одновременный показ, подумала я.

Женский портрет уменьшился в восемь раз; рядом с ним появились еще семь портретов — телопы, контролирующие безопасность Пупа. Я шла по коридору, а мой центр сравнивал портреты с людьми, сидящими в кабинах. Я откладывала их персональные данные в память своего центра. Хотя я привыкла к «двойной экспозиции», при которой псиберпейзаж накладывает ментальные образы на реальное, воспринимаемое моими глазами изображение, голова немного кружилась от созерцания образа телопа в мозгу и его живого прообраза перед глазами.

Коридор уперся в другой шлюз. Я вошла в него так же, как в первый. На этот раз, когда я подключилась к псифону, у меня в мозгу раздался металлический голос:

Имя?

Соскони Валдория, праймери.

Цель?

Я постаралась сделать свой разум гладким как поверхность озера в безветренный день.

Перекодирование Т12.

Внутренняя дверь открылась.

Я вышла в круглый вестибюль. Белые стены, на полу синий ковер. Вдоль стен раскрытыми гороховыми стручками стоят синие кресла. В центре вестибюля уходит в потолок белая металлическая спиральная лестница.

Ковер глушил мои шаги. Даже когда я начала подниматься по лестнице, стук подошв о металл казался приглушенным.

Лестница упиралась в гладкую белую стену, из которой торчал псифон. Я взяла его и подключила к запястью.

Новый голос вошел в мое сознание, холодный и безликий:

У меня нет записи о вашем намерении работать на компьютерном блоке T12.

Проверьте наличие в списке. Я стояла расслабившись. Вестибюль внизу — белые стены, лестница; я знала, что кроется за этими гладкими поверхностями. Датчики фиксировали все — от моего дыхания и до излучений мозга. Любая сомнительная реакция вызовет тревогу.

Тревога могла прозвучать даже если я не насторожила датчики. Эта дверь открывалась только перед пользователями, занесенными в список, составляемый лично Керджем. Иногда я была в этом списке, иногда нет. Мой центр просчитал 76-процентную вероятность того, что я включена в список сейчас — в связи с подготовкой к допросу Джейбриола. Но стопроцентной уверенности у меня не было.

Поэтому я просто ждала.

Стена открылась как затвор скоростной фотокамеры, пропустив меня в короткий туннель. Я прошла в другую комнату с белыми стенами и синим ковром на полу. Стена у меня за спиной вновь закрылась, не оставив и намека на проем.

Мебели в этой комнате не было. Ничего, кроме компьютеров. Каждый стоял на отведенном ему месте на синем ковре — некоторые сами по себе, некоторые подключенные к периферийным устройствам. Акустика глушила гул их работы так же, как глушила мои шаги в вестибюле. Всего здесь было десять компьютеров.

EM16 представлял собой цилиндр из черного плексигласа в палец толщиной, стоявший почти в центре комнаты. Два метра в высоту и метр в диаметре. Внутри горели огни, некоторые мигали. С одной стороны цилиндра имелось отверстие — «дверь» шириной в полметра. Ступив в него, я оказалась в нише со скругленным потолком и круглой скамьей, идущей вдоль внутренней поверхности цилиндра. Я разулась, сняла тренировочный костюм и белье. Кондиционированный воздух холодил кожу. Я встала в центр цилиндра, и из пола выросла труба, отделившая меня от внешнего мира. Серебристые стенки были достаточно прозрачными, чтобы я видела темное пятно — свою одежду на скамейке. Обуви на полу я уже не видела.

Из пола вырос металлический каркас, охвативший ремнями мои колени, талию, грудь, шею, руки. В гнезда на моем теле вставились псифоны.

Я старалась отогнать образ себя самой, обнаженной и связанной по рукам и ногам в трубе размером со средний гроб. Мне надо прятать свой страх. Человек, имеющий уважительную причину включиться в EM16, не испугается клетки для незваных гостей. Единственная причина, по которой он может отказаться освободить меня после того, как я закончу работу, — это если я дам EM16 повод для подозрений.

Комната исчезла. Я летела над холмами и долинами пиберпространства словно призрак над виртуальным сельским ландшафтом.

Привилегированный режим, доложил EM16.

Я облегченно вздохнула. Сработало. Игра, что привела меня сюда, окупается. Существовало лишь два пути включиться в систему в привилегированном режиме. Один был открыт только членам Триады. Второй — через компьютеры Пупа.

Я обернула свое сознание защитным покрывалом и постаралась войти в Сеть бесшумно, что было равноценно неподвижности. Сегодня я воспринимала ее как сетку прозрачных нитей, вспыхивавших искрами всех цветов видимой части спектра. Псибероборудование натягивалось в ячейках Сети тонким кружевом, искрившимся каждый раз, когда пользователь включал его. Впрочем, искры были слишком слабыми, чтобы их могло разглядеть большинство пользователей, включая Кердж. Но я видела их отчетливо.

Этой ночью я не ощущала мощного потока энергии, генерируемого в Сеть Керджем. Он побывал здесь раньше; след его операций еще не изгладился. Но сейчас он должен спать — один среди всех систем безопасности и телохранителей на верхнем этаже небоскреба. Утверждение Мака, что Кердж живет во дворце, являлось прикрытием; пока он не разберется с Джейбриолом, он будет оставаться как можно ближе к центру операций.

Нет, опасность исходила не от Керджа. Моя тетка — старший член Триады — была куда опаснее. Кердж — гигантский траулер, ловивший Сколи-Сетью все, что ему нужно. Мой отец — океан, поддерживающий его, качающий его на своих волнах. Но именно моя тетка связала Сеть в то орудие

власти, каким она стала сегодня. Тонкостью своих операций она достигала того, чего Кердж добивался грубой силой. Не знай я, куда смотреть, я бы и не заметила ее присутствия.

Ее ловушки стояли повсюду. Почти ничего не избегало ее внимания. В то же мгновение, когда ЕМ16 признал меня, один из тетушкиных соглядатаев засек информацию и отложил в архив ее личной системы безопасности.

Я сконцентрировалась на ячейке, уловившей данные о моем вторжении. Она увеличилась в размере, заполнив все поле моего зрения. Информация обо мне — надпись «привилегированный режим» — хранилась в маленькой камере — ячейке памяти — под кружевной пленкой псибероборудования. Я скользнула в камеру, стараясь не задевать лениво колыхавшихся вокруг меня морскими водорослями лент псибероборудования. Потом я стерла ячейку. Возвращение прошло так гладко, что ни одна вспышка не выдала моего присутствия.

Затем я стерла все записи о моем входе в Пуп. Я вызвала всю информацию о телопах, которую списала с досье, и нашла их в Сети. Орудуя сеткой, я вложила в них ложные воспоминания. Стирать память телопов труднее, чем обычную компьютерную память, но у меня хватало опыта, чтобы проделать это так, чтобы никто, в том числе они сами, ни о чем не догадались. Подряди моя тетка ЕМ16 на поиски следов моей деятельности, она бы их обнаружила. Но у нее не было повода подозревать меня в таком лишенном логики поступке, как использование ЕМ16 для взлома системы охраны вокруг Джейбриола Куокса.

Соскони?

Я застыла. Отец? Что он здесь делает? Цвет Сети потеплел, и у меня возникло странное ощущение, будто псиберпейзаж улыбается. Ничего не шевельнулось в Сети, но чувство не проходило.

Кого я никак не ожидала встретить — так это отца. Ему полагалось сейчас находиться на Лишриоле. Они с матерью навещали там внуков — это напомнило мне, что я еще не внесла вклада в эту семейную копилку. Я и представить себе не могла, что он может войти в Сеть оттуда. Единственным способом сделать это было использование пульта связи, оборудованного матерью на верху северной башни нашего дома. Прежде эта маленькая комната, попасть в которую можно было только

по крутой спиральной лестнице, использовалась как свалка поломанного сельскохозяйственного инвентаря...

Отец терпеть не мог этот пульт. Хотя само псиберпространство завораживало его, он по возможности старался не пользоваться машинами, открывавшими доступ туда. Он делал это только в крайних случаях, а визит к внукам вряд ли относился к их числу.

И все же он где-то здесь, это точно. Я не замечала его, поскольку он заполнял псиберпространство — все его нити, пленки и искры. Если бы я не знала точно, я бы подумала, что он находится на Дьеше, подключившись прямиком к одному из центральных терминалов, которые Триада использовала для питания Сети энергией.

Я спряталась, окружив себя завесой помех. Он искал меня: Сеть дрожала от его усилий. Однако мало-помалу его уверенность в том, что он чувствовал меня, таяла, превращаясь сначала в колебания, потом в досаду на такую нелепую ошибку. В конце концов он переключил свое внимание куда-то еще.

Теперь я двигалась осторожнее. Но данных, за которыми я сюда пришла, все не было. Я не обнаруживала ни малейшего намека на информацию о пленении Джейбриола.

То, что я в конце концов нашла, было чистой случайностью. Псимвол, один из сотен, сгруппированных в ячейке Сети, посвященной нашим торговым отношениям с землянами. Каждый псимвол означал планету. И среди них совершенно невинно сидело цветное изображение острова на Земле под названием Делос.

Собственно, в этом не было ничего особенного. Мы использовали этот символ для обозначения планеты Делос, названной в честь острова на Земле. Вот только торгового соглашения с планетой Делос у нас не было. Я относилась к узкому кругу людей, знавших, что Кердж разорвал договор с Делосом из-за их политики предоставления политического убежища гражданам Империи. Это держалось в тайне: вряд ли народу понравится, что их лишают права убежища.

Я сконцентрировалась на псимволе «Делос», и он рос до тех пор, пока я не смогла разглядеть каждую деталь острова, от серо-коричневых скал до голубых волн Эгейского моря, плещущихся у золотых пляжей.

Открыть файл, подумала я.

Остров раскололся пополам и отворился, как дверные створки. Я услышала запах моря и водорослей и шум прибоя. Столбик псимволов показал мне, какие функции я могу использовать, работая с этим файлом.

Я переключила внимание на маленький свиток, перевязанный красной лентой. Список файлов. Текстовые записи. Конечно, я гораздо быстрее нашла бы все необходимое, используя интерактивную симуляцию содержимого записей. Однако чем больше я позволила бы делать моему центру, тем больше был бы шанс выдать свое присутствие. Читать текстовые записи на EM16 было все равно что драться мечом на войне, имея при этом боевой крейсер. Однако меч куда менее заметен, чем крейсер, в ситуации, когда надо прятаться.

Лента соскользнула со свитка, и тот развернулся с шорохом старой бумаги, заполнив поле зрения списком доступных файлов. Он был написан каллиграфическим почерком моей тетки, но компьютер услужливо перевел его в мой излюбленный янтарный шрифт.

Черт! EM16 с таким же успехом мог бы врубить сирену, извещающую о моем присутствии любого, кто заглянет в этот файл следующим. *Отменить перевод шрифта*, подумала я.

Текст вернулся в прежнее состояние.

Псимвол, подумала я.

Дисплей мигнул, вернув меня в Сеть. Псимвол-остров ждал в нижнем углу псиберпейзажа маленькой зеленой точкой.

Я выбиралась из Сети. Яркие полосы света скользили по бокам, меняя яркость и цвет. Менялись даже запахи: металлические, острые, сладкие, едкие...

Наконец я достигла внешнего слоя. Здесь ждали основные псимволы, отображающие специфические функции программ. Я сконцентрировалась на образе врача с хирургическим лазером...

Мое сознание сделалось черным: ни образов, ни слов, ни звуков, ни запахов...

Обозначить местоположение памяти, подумал EM16.

Псимвол «Делос», последнее изменение шрифта, подумала я.

Появилась колонка букв и цифр, белых на черном фоне.

Заменить каждую третью букву «А» на «О».

Буквы заменились, стирая все записи о том, что EM16 менял шрифт, когда я открывала файл «Делос».

Изменения завершены.

Стереть запись. Команда «Стереть» сопровождалась паролем, необходимым ЕМ16 для ее выполнения.

Перед моим мысленным взором снова появилась Сеть. Возвращая меня в нее, ЕМ16 стер все записи о том, что я правила его память. Моя тетка поставила функцию «Стереть запись» в качестве предосторожности, чтобы иметь возможность входить в память ЕМ16, не оставляя следов. Я знала об этом, поскольку тетка сама заставляла меня пользоваться этим, когда мы перепрограммировали защитные системы ЕМ16 год назад.

Я вернулась к торговым псимволам. Когда я открыла псимвол «Делос», я снова услышала шум прибоя о невидимый берег. Свиток снова развернулся. Я оставалась «невидимой», молча читая строки на свитке. Но Сеть знала о моем присутствии, услужливо перематывая свиток, когда я доходила до последней строки.

Ничего особенного. Обыкновенные записи о торговых переговорах с Делосом, депеши от Секретариата Торговли Союза Миров, предлагавших восстановить соглашение... Я закрыла файл и пробежала взглядом по остальным псимволам. Что я ищу? Не могу же я открывать все файлы подряд. Кердж редко спит больше нескольких часов, и к моменту, когда он проснется, мне надо убраться из ЕМ16.

Другой файл привлек мое внимание. «Артемида». Название из земной мифологии. Артемидой звали богиню, родившуюся на острове Делос, сестру Аполлона. Совершенно естественное название файла, относящегося к Делосу.

Но Артемида имела особое значение для Керджа, известное только мне. Он всегда увлекался земной мифологией, особенно мифами Древней Греции: «Илиадой» и «Одиссеей», подвигами Геракла... Как-то, когда он гостил у нас на Лишриоле, он увидел меня верхом в лесу, четырнадцатилетнюю девчонку с луком и стрелами. Позже он говорил мне, что навсегда запомнил эту картину: босоногую дикарку, стрелявшую из лука в древесные стволы. Тогда он и назвал меня Артемидой в честь античной богини охоты.

Открыть «Артемиду», подумала я.

Свиток исчез, сменившись голозаписью моего ареста на Делосе. Тьфу! Вот уж чего я меньше всего ожидала увидеть здесь. *Закрыть,* приказала я.

Закрыто, отозвался ЕМ16.

Я продолжала рыться в файлах. Ничего особенного.

Закрыть «Делос», подумала я наконец.

Закры...

Нет! Подожди! Что это запись о моем аресте делает среди торговой информации? Ну, в общем-то все естественно: если высокопоставленный офицер Имперских сил своим возмутительным поведением обратил на себя внимание правительства Делоса, это может отрицательно сказаться на переговорах. Но поведение офицеров — забота Керджа. А он всегда отличался методичностью в сортировке информации. Он поместил бы этот файл вместе с записями об аресте других офицеров.

Значит, моя тетка сняла с записи копию. Я могла бы понять, если бы она внесла только упоминание об аресте. Но всю запись? Зачем?

Открыть «Артемиду», подумала я.

Я пробежала всю запись. Она была точна до последней детали, вплоть до реакции Жабо на передачу информации о моем аресте со спутника. Но и только.

Что-то мешалось в моем мозгу. Что-то незначительное... Таас? Да, припоминаю. Когда Жабо вставил передачу со спутника в мой псиберпейзаж, данные перекинулись и в корабельный компьютер Тааса. Как там было? Таас пытался отключиться от передачи, но как?.. Он использовал неправильные команды. Вот оно что. Он перепробовал все команды, которые помнил, и ни одна не сработала.

Я сверилась с памятью моего центра. Список команд все еще хранился там: Стоп. Отмена. Прервать. Выход. Пока. Система. Вырезать. Вытолкать. Черт подрал. И я посоветовала ему... что? Да, вспомнила. «Стереть».

Я нахмурилась. В файле должно было быть упоминание об этом инциденте. Но его там не было. Я внимательно перечитала записи. С тем же результатом. Ни слова. Я пришла сюда за информацией, а вместо этого обнаруживаю отсутствие оной.

Данные не могли исчезнуть случайно. Их записали компьютеры всех четырех истребителей, и я сомневаюсь, чтобы одинаковые ошибки стерли информацию всех четырех компьютеров. Нет трех — корабль Рекса погиб. Все равно. И Керджа, стирающего эту запись, я тоже не могла себе представить. Не в его это характере.

Значит, тетка. Но зачем ей стирать такую тривиальную информацию? Она слишком хитра, чтобы сделать это случайно. Она вообще слишком хитра. При попытках проследить ход ее мыслей я всегда чувствовала себя тупой как пробка.

Я закрыла файл «Артемида» и покопалась в других файлах по Делосу в поисках любого упоминания о Таасе. Ничего. Я зря теряла время, а знала пока не больше, чем в начале. Таас. Артемида. Делос. Спутник. Что я ищу?

Псимвол. Используя команду «Стереть», он послал мне образ своего псимвола «Стереть» — полураздетую даму с пышным бюстом. Клочки ее одежды исчезали, когда она красила их. Она *исчезала* везде, где только появлялась. Ну конечно! Вот оно что. Нет лучшего способа спрятать информацию, чем сделать ее самоисчезающей. Такой, чтобы вызов стирал ее. Решение абсолютно в духе моей тетушки.

Теперь я знала, где она спрятала файлы о пленении Джейбриола. Их вообще не было в ЕМ16. Она только оставила здесь Керджу подсказку на случай, если он будет искать их. Чертовски хитрая подсказка; только тот, кто поймет, какие именно факты отсутствуют, сможет обнаружить ее. Но информация, которую я искала, находилась в ключе от киберзамка ее мозга.

Киберзамок можно вживить в мозг каждому. Для этого не обязательно быть псионом. Поэтому он называется «кибер-», а не «псибер». Все члены моей семьи, прошедшие операцию по вживлению биомеханической системы, имеют имплантированный киберзамок. На этом настояла Ассамблея. Вот почему я узнала радужное сияние вокруг особняка Джейбриола на Делосе.

Никто из нас не любил этого. Поле мешало деятельности мозга, а при слишком частом включении могло даже повредить его. Ключ к моему замку находился на псиберчипе, карточке с нервной сетью, выращенной из клеток моего мозга. Только псион мог активировать этот ключ. Но если я подключалась к нему через псиберпространство, он становился активной частью моего мозга. Если к нему подключится другой псион, чип поймет, что это не я, как это поняла бы я, залезь ко мне в сознание кто-то чужой.

Моя тетка изобрела псиберчипы, поскольку имплантировать ключ непосредственно в мозг владельца было бы слишком рискованно. Травма головы могла бы повредить ключ, или за-

мок, или то и другое. Отдельный ключ увеличивал вероятность того, что система выйдет из строя в нужный момент. В общем, псиберчип оказался идеальным решением проблемы. Чип распознает мозг владельца — значит он может быть запрограммирован на автоматическое стирание в том случае, если к нему попробует подключиться чужое сознание.

Что может быть лучше для того, чтобы спрятать информацию о Джейбриоле, как не псиберчип моей тетки? И если кто-нибудь захочет украсть информацию, он просто сотрет ее. А если чип сотрет себя, это поднимет тревогу в ее спинном центре.

Но если я не могу получить информацию, ее не может получить и Кердж. Тогда какой смысл оставлять ему подсказку?

Погоди-ка. Возможно, информация все-таки не на ее псиберчипе. Может, тетка занесла ее в *его* чип. Но как? Чипы Керджа защищены ничуть не хуже ее собственных.

Сколи-Сеть. Конечно. С помощью псиберсвязи Триады они с Керджем могут сливать свои сознания не менее эффективно, чем мы с Джейбриолом на Делосе. И тогда она вполне могла бы получить доступ к его чипу. Вряд ли он способен сделать то же самое, для этого требуется слишком много деликатности. Только моя тетка обладает необходимыми знаниями, ловкостью и доступом в Сколи-Сеть. Должно быть, она проделала это так, что он ничего и не заметил.

Только мне это не поможет. Я не могу войти в псиберсвязь Триады. С каждым роном, дополнительно входящим в нее, опасность замыкания увеличивается. Три разума — это предел, да и то они могут функционировать только при условии, если сильно отличаются друг от друга.

Я понимала, почему Кердж так боится Эльтора и меня. Если один из нас пойдет по его стопам, включившись в Триаду без предупреждения, мы можем убить не только его, но и всех остальных.

И что теперь?

Я вспомнила еще кое-что. А как обстоят дела с моими чипами? Кердж обладал доступом к ним. Он утверждал, что делает это ради моей безопасности, но я-то знала. Это была одна из его мер предосторожности, предотвращающая возможность того, что один из его наследников выступит против него. Поэтому мои псиберчипы включали также его мозговые клетки — так мои ключи не стирались, когда он входил в них.

Допустим, я подключусь к одному из своих чипов и сольюсь с имеющейся на нем частью его мозга. Хватит ли этого слияния, чтобы обмануть один из его чипов? Вряд ли он заметит мои действия, если только сам одновременно не попытается войти в мой чип. А у него нет повода делать это во сне.

Но не риск быть обнаруженной беспокоил меня больше всего. Что, если, закончив работу, я не смогу отключиться от его мозга? Одна мысль об этом приводила меня в ужас.

Мне надо убираться отсюда и обдумать это как следует.

Я закрыла файл «Делос» и стерла все упоминания о том, что работала в EM16. Запрограммировав датчики Пупа так, чтобы они не засекли моего выхода из здания, я вышла из Сети и оказалась в темноте, ожидая отсоединения псифонов.

Ждала.

Ждала.

У меня на лбу выступил пот. Нет, мне нельзя показывать страх. Это выдаст меня сильнее, чем все, что я делала в Сети.

Ремни псифонов отстегнулись, освобождая меня. Труба ушла в пол, оставив меня нагишом в холодном воздухе.

Я перевела дух. Потом оделась и вышла.

•

Псиберчип лежал у меня на ладони. Маленький квадрат пять на пять сантиметров. Я сидела перед пультом у себя в спальне. Достать чип из сейфа было просто. Но сделать следующий шаг я не решалась.

Эта карточка — живая. Нервные клетки на ней настроены на связь с моим мозгом. У меня было десять таких чипов: два дома у отца, три на Форшире, четыре в Штабе и последний, этот, у меня дома.

Пульт ждал. Все, что мне надо было сделать, — это вставить карту. Мой центр просчитал: девяносто четыре процента за то, что мне удастся слить свое сознание с частью мозга Кердж на карте. Поможет это мне войти в его чип или нет — другой вопрос, и я не хотела узнавать это, пока не попробую.

Если только я заставлю себя попробовать. Я смотрела на карту в руке. Минута. Три. Пять. Несколько драгоценных часов, пока Кердж спит, уже потеряны.

Десять минут.

Пятнадцать.

Я сделала глубокий вдох. Потом сунула карточку в щель на пульте и набрала свой личный пароль. Сначала я вошла в наружную оболочку Сети, электронную систему, в которую может войти каждый. Из нее я шагнула в псиберпространство.

Мое сознание расширилось за счет четырех центров, обслуживавших гражданский сектор псиберсети на Дьеше. Они работали вместе как одна машина, подменяя друг друга.

Сегодня я попала на Альт. Сеть была окрашена теперь в золотой цвет; следов моего отца или тетки не было видно, равно как и присутствия мощной энергии Керджа. Поэтому Альт звучал просто как Альт, один из четырех голосов, поющих хором без солистов из Триады.

Привет, Соз, подумал Альт.

Привет. Соедини меня с моим псиберчипом.

Чип активирован.

Я не ощутила ничего, что неудивительно: ведь это часть моего мозга. *Выдели нервные клетки Императора Сколии.*

Выделены, отозвался Сопрано.

Слей мою мозговую деятельность с ними.

Пытаюсь, подумал Сопрано.

Я ждала, наблюдая за мерцанием Сети. Это было замечательное зрелище, никогда не повторявшееся дважды. Бесконечная золотая сеть колыхалась в сияющей атмосфере, более плотной, чем газ, более легкой, чем жидкость. Звуки здесь тоже были нежнее, чем в ЕМ16. Здесь даже пахло клевером и пряностями.

Сопрано, подумала я. *Что-нибудь случилось?*

Твой мозг сопротивляется, ответил Тенор.

Ничего удивительного. Хотя я никогда не сливалась с Керджем, я не сомневалась в том, что наши ментальные процессы полярны.

Продолжай попытки, подумала я.

Я продолжала ждать. На сетке виднелось слишком много дефектов, происходящих от плохо установленных связей и небрежного использования. Что поделать, это же гражданская Сеть. У нас, военных, куда больше порядка.

Тенор слишком замешкался, теряя драгоценное время.

Доложите состояние процедуры.

Слияние завершено, доложил Бас.

Завершено? Доложите процентную разницу между моей мозговой активностью и мозговой активностью Императора Сколии.

1,6 процента, доложил Бас.

Я не ощущала ничего, что, разумеется, ничего не доказывало. От этих полутора с небольшим процентов не отмахнешься: это небольцая, но все же вероятность, что его чип сотрется, как только я попытаюсь войти, оставив неопровержимое свидетельство того, что я нарушила требования безопасности.

Надо как следует продумать стратегию допроса Куокса. Та, что намечена Керджем, таит в себе много риска. Куокс оказался слишком близок к центру Сколи-Сети. Если он сбежит, он сможет осуществить то, ради чего был рожден: получив доступ в Пуп, он перегрузит псиберсвязь Триады, убив ее членов и повредив Сколи-Сеть. И если ему при этом удастся остаться в живых, он сможет взять на себя функции убитой Триады, что даст ему власть над КИКС, над Дьешей и над Сколи-Сетью.

Бас, прекрати слияние.

Остановлено, подумал Бас.

Я вышла из Сети во внешнюю, электронную оболочку. Потом задумалась над следующим своим шагом. Если я отправлюсь сейчас к Керджу и расскажу все, что мне известно, я рискую головой за сокрытие правды о Куоксе. Но эта информация необходима Керджу. Лучшее, что я могу сделать, — это допросить Куокса, взломать его барьеры, а потом сообщить Керджу, что наследник хайтонов — рон. И подать это так, будто узнала об этом в первый раз. Так я спасу и себя, и Империю.

Только надо ломать барьеры осторожно, чтобы не повредить разум Джейбриола.

Я потерла глаза. Ночная работа вымотала меня физически и духовно. И я почти готова претворить мечту Джейбриола о самоубийстве в жизнь.

Самоубийстве... *Самоубийстве.* Как я могла забыть об этом? Что это со мной, с чего это я решила, будто Джейбриол явился сюда погубить нас?

Я встала и выбежала из комнаты, пытаясь хоть немного проветрить голову. Только что я рассуждала, как мне казалось, с идеальной ясностью. Теперь мне казалось, будто у меня в голове сидел чужак. Я же хотела освободить Джейбриола, а не выдать его Керджу. Как я собираюсь получить информацию,

необходимую для спасения Джейбриола, если процесс получения заставляет меня отказаться брать ее?

Я взяла кусок бумаги и написала: «Это не твой разум. Если ты послушаешь его, ты пожалеешь об этом. Возьми данные».

Лабиринт залов под комплексом архивов КИКС тянулся на километры. Интерьеры вкупе с освещением давно обеспечили ему прозвище «Катакомбы». Мои псиберчипы хранились здесь в сейфе, который открывался сканером, анализирующим мои отпечатки пальцев, тембр голоса, рост, вес, биохимию, костную структуру и биотоки мозга, — так называемым бета-сканером. Он открывался только мне и Керджу, также хранившему здесь один из своих чипов. Сейф стоял в большом сейфе, охраняемом бета-сканером, в помещении, охраняемом бета-сканером, в дальнем конце зала, охраняемого бета-сканером. Взломать все это было невозможно.

Если только вы не тот, кого это должно защищать.

Открыв по очереди все замки, я взяла с полки обшитую тканью шкатулку с нашими чипами, села за пульт у стены и сунула свою карту в прорезь.

На этот раз Бас дал мне 1,2-процентное несовпадение. Я вынула карточку Керджа...

...и замерла.

Я собиралась сделать то, что убьет мою семью и Империю. Я просто дура. Я позволила эмоциям взять верх над разумом.

Я покосилась на бумажку в руке. «Это не твой разум».

Неправда. Наше слияние вовсе не превращало мой разум в разум Керджа. Просто оно сообщало ему некоторые усовершенствования. Но мой разум остался моим.

«Если ты послушаешь его, ты пожалеешь об этом».

Нет. Если я о чем и пожалею, так только о своих безрассудных действиях. Пора прекратить эту измену.

«Возьми данные».

Это невозможно. Моя тетка защитила их слишком надежно.

«Это не твой разум».

Мой разум был на пределе. Я это знала. Тагер объяснил мне это.

Но мои визиты к Тагеру — проявление слабости.

Нет!

Я стиснула край пульта так сильно, что пальцы побелели. Бумажка скомкалась в руке. Мои визиты к Тагеру — не слабость. С моим рассудком все в порядке. И если я написала эти слова, им можно верить.

Я взяла карту Керджа и вставила ее в соседнюю прорезь. Его чип сопротивлялся, как сопротивляется человеческое тело пересаженному органу. Я напряглась в ожидании пустоты, которая придет, когда его чип самоуничтожится.

Вместо этого я ощутила странное удовлетворение. А потом вспомнила, где искать Джейбриола.

Я вошла в EM16 так же, как в первый раз, скрыв свои действия. Теперь я сразу направилась в подуровень систем безопасности. Я включила визуальный режим, и сетка исчезла, уступив место пустыне. Выжженная земля простиралась на тысячи километров, нарушаемая только торчащими скалами, похожими на узловатые пальцы. Кое-где из песка торчали серые колючие кусты. Только далеко на севере, где равнина переходила в неясные силуэты гор, рельеф чуть смягчался. Небо казалось высеченным из синего камня, начисто отмытого от облаков.

В этих краях не живет никто. КИКС использует их совсем для других целей. Мы изрыли пустыню подземными сооружениями. В их числе — Блок Три, комплекс, лежащий под песком всего в нескольких метрах справа от меня.

Уменьшить до размеров псимвола, подумала я.

Пустыня съежилась словно расписной театральный задник, уносимый чьей-то гигантской рукой. Картинка уменьшалась до тех пор, пока не превратилась в крошечный значок на фоне псиберпространства Сети.

Я открыла файл своего центра, куда занесла данные по охране Джейбриола. Итак, охрана: три отделения по шесть человек в каждом. Каждое отделение знает расположение только одного из двух других отделений. Я перепрограммировала EM16 так, чтобы первое и третье отделения знали местоположение друг друга, а второе знало только собственное. Потом перевела второе отделение на новое место так, чтобы оно считало, что его прежнее место занято другим. На самом деле на этом месте образовалась брешь.

Я перепрограммировала системы сигнализации и обороны Блока Три — так, чтобы они проигнорировали одно-единствен-

ное вторжение в их зону в конкретный момент времени. Я перенастроила медицинские сканеры в камере Джейбриола, чтобы в то же самое время они начали сканировать часового у входа в кафетерий Блока Три. Я перенастроила камеры внешнего обзора так, чтобы они наблюдали за кинозалом. Я поменяла график дежурств так, чтобы в нужный момент в нужных местах и у нужных компьютеров не оказалось ни одного человека. Я переналадила автоматических охранников так, чтобы те вообще не заглядывали в отдельные коридоры. Потом заложила в компьютер программу, которая через несколько минут после всех этих изменений отменит их все, вернет каждую систему в исходное состояние, сотрет любое упоминание об этом и сотрет запись о том, что только что стирала.

Похоже, наступающее утро обещало обилие вконец запутанных людей.

15. ЦЕПИ И ШЕЛК

Я посадила флайер в полной тишине и темноте. Только звезды освещали пустыню своим холодным светом. Я отбежала от флайера на несколько метров и нажала кнопку на ремешке у запястья.

Круглый кусок скалы около двух метров в диаметре плавно ушел вниз, открыв стальную дверь входа в Блок Три. Еще одно прикосновение к ремешку — и стальная дверь тоже бесшумно спряталась под землю. За ней уходила вниз вертикальная шахта метра два глубиной; с площадки внизу вела куда-то в темноту стальная лестница.

Я снова нажала кнопку. В стене шахты разошелся вертикальный шов, открыв трап, опускавшийся на верхнюю лестничную площадку. Я пулей слетела вниз.

Защитный шлюз внизу открылся по моей команде. Когда открылась внутренняя дверь, в глаза мне ударил яркий свет. Вдоль стен и потолка открывшегося передо мной коридора тянулись трубы и кабели. Я бросилась по коридору, грохоча подошвами. До сих пор мне не встретилось ни одной живой души. Я проскочила сквозь одну из самых совершенных систем без-

опасности из всех созданных КИКС, и ни одна сирена не откликнулась.

Мне понадобилось меньше минуты бега в боевом режиме, чтобы добраться до камеры Джейбриола. Я открыла дверь лазерным лучом, который воспроизвел на панели замка те отпечатки пальцев, которые он ожидал. За дверью оказалась маленькая комната. У стены стояла койка.

Джейбриол лежал, раскинувшись, на койке. Он спал.

Он был бос, одет только в серые штаны и тюремную рубаху с короткими рукавами. Синяки, шрамы и следы электрошоковой дубинки покрывали его руки; кожа на запястьях и лодыжках была стерта до крови цепями.

Будь у меня время, я подумала бы о том, как следователи Керджа оправдывают свои методы, особенно учитывая, что в наличии у нас имеются куда менее мучительные методы добывания информации, нежели цепи и истязания. Я не сомневалась, что в распоряжении следствия имелись все эти методы. Так зачем же пытки?

А впрочем, скорее всего они и не пытались оправдать это, учитывая то, кого они допрашивали.

Я подбежала к нему и встряхнула его руку.

— Джейбриол! Проснись!

Он вздрогнул и произнес на хайтоне:

— Ни за что.

Я схватила его за плечи:

— Проснись! Да проснись же!

Он резко сел и выбросил руку. Удар в живот сбросил меня на пол.

Я вскочила на ноги:

— Это я, Соскони!

Он поднялся, стискивая кулаки.

— Джейбриол, это...

— Куокс. — Он смотрел прямо на меня, но не видел. — Куокс. Джейбриол Куокс.

— Я знаю, кто ты. — Я схватила его за руку. — Пошли!

Он отшвырнул меня с такой силой, что я врезалась спиной в стену. Я заставила себя расслабиться, стараясь не думать об утекающем времени. Он занес руку над моей головой, и тут я заговорила самым светским тоном, на какой только была способна:

— Если ты так встречаешь всех своих подружек, незавидная у тебя будет личная жизнь!

Он замер:

— Что?

— Джейбриол, это же я. Соскони. С Делоса.

Он все смотрел на меня с непроницаемым видом.

Я развела руки в стороны, чтобы продемонстрировать: я безоружна.

— Соскони. Помнишь? Мы встречались на Делосе.

Он опустил руку:

— Соскони?

— Соскони Валдория. Я врывалась к тебе в спальню. Позже мы встречались в порту.

Его взгляд наконец сфокусировался.

— Это ты... Как ты сюда попала?

— Это было не так просто. Нам надо идти. Быстро.

Он повернул голову и посмотрел на открытую дверь. Потом побежал. Я поспешила за ним. Он бежал туда, куда показывала я, спотыкаясь, почти падая, но каждый раз удерживаясь на ногах.

Мы добежали до шахты выхода за две минуты. Джейбриол рванул вверх по спиральной лестнице, шлепая босыми ногами по металлическим ступеням. Он добежал до верхней площадки и схватился за скобу трапа. Но когда он попытался подтянуться, его израненные руки соскользнули. Он упал, ударился головой о нижнюю скобу и остался лежать на площадке с закрытыми глазами.

Нет! Я схватила его за руку, пытаясь поднять. Даже в боевом режиме я не смогу тащить человека его роста вверх по трапу. Зайти так далеко, оказаться так близко к свободе и потерпеть поражение из-за какого-то чертового трапа... нет! Я встряхнула его изо всех сил.

— Вставай!

Его глаза открылись. Он протянул руку и схватился за нижнюю скобу. Вторая рука перехватилась выше. Он неуверенно поднялся на ноги; я придерживала его за талию.

На преодоление трапа у нас ушла целая минута, и еще несколько секунд — на то, чтобы добежать до флайера. Если Джейбриол и почувствовал босыми ногами колючки, то виду не подал. Он рыбкой нырнул в открытую дверь флайера и растянул-

ся на полу, так что мне пришлось перелезать через него. Я захлопнула дверцу и бросилась в пилотское кресло.

Я вырулила машину, колотясь брюхом о камни. Оторвав флайер от земли, я повела его над пустыней, ориентируясь только по свету звезд. Мы летели, выключив огни и связь, как я часто летала на своем истребителе. Правда, на этот раз у меня не было ни псиберпейзажа, ни псиберсвязи, ни подключения к Сколи-Сети, только опыт. Но и этого хватило. Блок Три остался далеко позади.

И наконец, когда моя программа должна была уже сработать, я позволила себе перевести дух. Мы сделали это. Джейбриол свободен, и совсем скоро мы будем в космопорте. Я совершила невозможное, похитив наследника хайтонов из-под носа КИКС.

Я включила автопилот и повернулась к Джейбриолу. Он откинулся на спинку соседнего кресла, тяжело дыша.

— Я достала тебе правдоподобное удостоверение личности, — сказала я. — Тебе это пригодится в порту. — Единственными неудобствами для него будут цветные контактные линзы, очки и парик. Впрочем, кому придет в голову, что наследник Империи аристо может свободно разгуливать по космопорту Штаб-квартиры КИКС?

Он повернулся и посмотрел на меня.

— Что ты собираешься со мной делать?

— Отвезу тебя на Делос. Ты можешь попросить убежища у землян.

Он криво усмехнулся:

— Убежища? Они отдадут меня под суд за военные преступления.

— Какие преступления? Твои дурацкие речи после того, как Крикс Куэлен напичкал тебя наркотиками?

Он выпрямился:

— Откуда ты знаешь, что он пичкал меня наркотиками?

— Я поняла это сразу, как только увидела тебя.

— Никто этому не поверит.

— Поверят, если я выступлю с подтверждением.

— И что ты ожидаешь в обмен?

— Что ты не будешь больше пытаться покончить с собой.

Он фыркнул:

— Не играй со мной, Соскони. Какова твоя цена за это так называемое освобождение?

Я подумала.

— Я хочу, чтобы после смерти твоего отца ты вернулся из изгнания и стал Императором Эйюбы. — Конечно, это будет нелегко, но при хорошей подготовке вполне реально. — И чтобы после этого ты попытался заключить с нами мир. Я имею в виду, попытался по-настоящему. Не то очковтирательство, которое твой отец называет переговорами.

— А ты чем занимаешься, как не очковтирательством?

— Ты считаешь, это просто трюк?

Его голос был холоден.

— Должен признать, твой брат изобрел гениальную пытку — заставить пленника поверить в то, что прекрасная женщина спасает его и препровождает в безопасное место. После этого тюрьма покажется еще более ужасной.

— Ты ошибаешься, даже если бы я действовала как агент Керджа, он ни за что не применил бы такой изящный, ловкий метод. Он сторонник грубой силы.

Джейбриол пожал плечами:

— Грубая сила потерпела поражение. Так почему бы не попробовать ловкость?

— Почему ты так говоришь?

— Это ведь правда, разве нет?

— Джейбриол, если бы я пыталась разыграть тебя, почему твои барьеры опущены передо мной, в то время как ни подручные Керджа, ни он сам не смогли заставить тебя опустить их?

— О чем это ты? — нахмурился он.

— Я ведь ни слова не сказала вслух — ни про ловкость, ни про грубую силу. Я только думала об этом.

— Я слышал, как ты сказала это.

— Ты слышал это в уме.

Он фыркнул:

— Верно.

— Ты ведь знаешь, что я никогда не сказала бы этого про Керджа вслух.

Молчание.

Я сделала еще попытку.

— Твои барьеры активируются стрессом, верно? Или болью, или опасностью. Любой ситуацией, которую ты считаешь опасной.

— Это правда.

— Тогда почему они не срабатывают на меня?

Он смотрел на меня с непроницаемым видом. Потом откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В свете плафонов его лицо казалось таким бледным. Я ждала, но он молчал. В конце концов я вернулась к управлению.

Наконец он заговорил:

— Убежище нужнее тебе. Император собственноручно казнит тебя, когда узнает, что ты наделала.

Я бросила на него быстрый взгляд:

— Я замела следы.

— Невозможно замести все следы, оставленные тобой, чтобы вытащить меня оттуда.

— Мой брат уверен, что твое обнаружение нашей станцией было подстроено с целью позволить тебе проникнуть в Штаб-квартиру. Он подумает, что ваши люди тебя и спасли.

— Это маловероятно, учитывая принятые им меры безопасности.

Я улыбнулась:

— Это куда вероятнее, чем то, что сделала я.

Его губы шевельнулись едва заметно; их уголки поднялись вверх на какие-то полмиллиметра. И все-таки это была улыбка.

— Это правда.

Мой голос сделался мягче.

— Земляне найдут тебе мир, где ты сможешь жить спокойно. Какой-нибудь малонаселенный, чтобы тебя никто не узнал. Место, где ты сможешь оставаться до тех пор, пока тебе не настанет время вернуться и заявить о своих правах на трон.

— С чего это ты взяла, что я хочу стать Императором?

— Ты просто должен.

— Почему?

— Потому что эта война уничтожит нас, вот почему. И я не вижу способа прекратить ее без тебя. Ты можешь представить себе твоего отца и моего брата, заключающих мир? Уверена, что не можешь.

— Император Сколии никогда не согласится на переговоры со мной. — В голосе Джейбриола зазвучало напряжение. — И вообще теперь я не уверен, что смогу находиться с ним в одном помещении.

— Кердж не будет Императором вечно.

— Значит, ты хочешь, чтобы я отправился в изгнание и когда-нибудь вернулся к хайтонам?

— Да.

— Нет.

— Джейбриол... я ведь не ставлю никаких условий твоего освобождения. Я только прошу тебя обдумать это. — Я развела руками. — Что случится, если Сколия падет под натиском армий твоего отца, или следующего Императора, или следующего за ним? Без нас земляне не продержатся и десяти лет. Ты хочешь этого? Ты хочешь, чтобы хайтоны покорили всю Галактику?

— Нет.

— Тогда ты...

— Нет. — Он протянул руку. — Если я вернусь к ним, меня ждет вот что.

Верхняя часть предплечья была закрыта рукавом тюремной рубахи, но и на открытой части кожи виднелись синяки, порезы и ожоги.

— Ты имеешь в виду допрос?

— Нет. Посмотри внимательнее.

Я посмотрела. Большинство отметин были свежими, но на коже имелись и старые шрамы. Я дотронулась до длинного пореза, тянувшегося от ладони почти до локтя. Он явно был нанесен раньше, чем Джейбриол попал в плен к Керджу.

— Ничего не понимаю. — Я посмотрела на него. — У тебя же на Делосе этого не было?

— Не было.

— Так откуда они у тебя?

Он невесело усмехнулся:

— А ты как считаешь?

— Я не знаю.

— Уж ты-то должна была понять. Тебе это знакомо. Как там его звали? Тарк?

Я оцепенело уставилась на него:

— Ты был *Источником?*

Он горько улыбнулся:

— Ну конечно, нет. Я же наследник престола хайтонов. Никто не осмелится даже подумать о таком по отношению ко мне, не то чтобы попытаться осуществить.

— Куэлен, да? Крикс Куэлен, министр торговли?

— Он делал только то, что необходимо для подготовки к моему светлому будущему. — Джейбриол говорил, стиснув зубы.

— И твой отец не остановил его?

— Он не знал. — Джейбриол пожал плечами. — Мой отец ведь не выносит моего присутствия. Возможно, он ненавидит меня за мои недостатки. Не знаю. И не уверен, что хочу знать.

— Может, он не подходит к тебе, так как боится, что не перенесет желания причинить боль собственному сыну?

Джейбриол массировал кисти.

— Он говорил мне, чтобы я никогда не совершал ошибки, никогда никому не давал возможности узнать о моих недостатках. Но я не могу быть неприступной крепостью вечно. Это просто невозможно.

Этого не может никто. Мой брат лучше, чем кто-либо другой, научился обходиться без человеческих контактов, но даже у него есть свои потребности. А ведь Керджу не приходилось жить среди хайтонов.

— Но став Императором, ты сможешь создать себе более сносные условия, ведь правда? Например, для начала избавиться от Куэлена. Ты можешь работать с кастой порученцев. Ваша армия — она ведь в большинстве своем состоит из порученцев. Должны же найтись среди них люди, которым ты мог бы доверять.

— Не знаю. — Он запрокинул голову, глядя в потолок. — Куэлен могущественный человек, у него больше власти, чем было даже у меня — наследника. Избавиться от него будет трудно. — Он посмотрел на меня. — Не нужны нам с тобой наши наследства, Соскони. Лети со мной. Мы найдем место, где сможем никогда больше не думать о Криксе Куэлене и всех остальных.

Лети со мной. Просто так. Выбрось к черту всю свою жизнь, все, для чего ты работала.

Сидя дома сегодня ночью, я не сомневалась в том, чего хочу. Но теперь, когда я оказалась лицом к лицу с Джейбриолом, моя уверенность поколебалась. Подобное тянется к подобному. Я отвернулась, сделав вид, что занята приборами, не в силах смотреть на него. Флайер вполне обходился без моего участия, летя на автопилоте. Еще несколько минут — и мы будем в космопорте.

— Соскони?

Я не сводила глаз с приборной панели.

— Я не могу лететь в изгнание. У меня другие планы.

Он ничего не сказал. Он просто изобразил в уме картинку: мы занимаемся любовью в поле мягких, колышущихся трав.

— Прекрати! — Я резко обернулась к нему. — У нас этого никогда не будет.

— Почему бы и нет?

— Ты знаешь почему.

Он бросил на меня скептический взгляд:

— Совсем не обязательно приносить свою жизнь в жертву трону.

— Не воображай меня великомученицей. В моих намерениях нет ничего благородного. Я хочу стать Императрицей. Мне нужна власть.

— Возможно.

Я нахмурилась:

— Что ты хотел этим сказать?

— Ты считаешь, что на тебе лежит ответственность. Что ты не можешь уйти от нее.

— То, что я считаю, — мое дело.

— Люди не рассчитаны на такую ношу, Соскони. Если ты попытаешься отвечать за жизнь каждого сколийца, это давление просто убьет тебя.

Моя злость наконец прорвалась наружу.

— Поэтому ты предлагаешь мне удрать и остаток жизни трахаться среди цветов?

— Преуменьшение того, что ты хочешь, не меняет того, как сильно ты хочешь этого.

— Я хочу большего.

— Мы принимаем сигнал, — сообщил бортовой компьютер.

Я бросила взгляд на пульт. На нем горела лампочка, которая — я молила об этом — не должна была загораться до конца полета.

— В чем дело? — спросил Джейбриол.

— Я не уверена... — Я включила нейтринную рацию, настроенную на каналы КИКС. В салоне послышался голос Керджа.

— ...южнее города на флайере класса 4В или 4С. Задержать все аппараты, соответствующие этому описанию. Повторяю, задержать *все* аппараты, соответствующие этому описанию!

Нет! Только не сейчас. Однако всего несколько секунд передачи поставили все на места. Кердж знает, что Джейбриол бежал. В космосе вокруг планеты уже выстраивался кордон: все рейсы задержаны, все взлетевшие корабли срочно посажены, все пассажиры проходят тщательную проверку. Кердж продолжал отдавать распоряжения; я отклонила рычаг и отвернула флайер на запад; прочь от космопорта.

Нам почти удалось уйти. Но почти — не считается. Что выдало нас? Одна из теткиных ловушек вроде той, что засекла мой вход в EM16? Или часовой решил проверить Джейбриола лишний раз, или я не заметила какую-нибудь систему сигнализации... Что бы там ни случилось, все мои планы полетели к черту.

Кердж продолжал передачу, координируя поиски. По крайней мере они искали не меня, а эйюбианских коммандос. Мы летели уже над пригородами, один из сотен флайеров, каждый из которых соответствовал описанию, данному Керджем. Но я знала эффективность аппарата КИКС. Стоит Керджу запустить, и даже я не избегу разоблачения. Нам негде спрятаться от этой мертвой хватки.

Практически негде.

Я круто развернула флайер, направив его почти прямо на север. Через несколько минут город под нами начал редеть, уступая место сначала пригородам, а потом пустыне.

На моем голорадаре появился флайер КИКС, идущий нам наперерез. Из динамика донесся голос:

— Назовите себя!

— Посмотрите на монитор, сударь, — отозвалась я.

Он помолчал.

— Простите, праймери Валдория. Летите спокойно, мэм.

— Вы входите в кордон вокруг города? — спросила я.

— Да, мэм.

— Нашли их?

— Мы думаем, они полетели в космопорт.

— Ладно. Старайтесь. Связь кончаю.

— Постараемся. Связь кончаем.

Прежде чем мы достигли гор, нас окликали еще дважды. Даже в предгорьях нас перехватил еще один флайер. Я не ожидала, что Кердж бросит флайеры сюда, сняв их с опасных, по его мнению, направлений — особенно учитывая, что подходы

к поместью Императора и так прикрывают сложнейшие оборонительные системы. В данный момент наш флайер вели сотни радаров и прочих систем обнаружения и наведения, а также с десяток сменявших друг друга на низкой орбите спутников.

И все это ради того, чтобы охранять один пустой дворец.

Когда вокруг нас сомкнулись вершины дальних гор, динамик затрещал снова, на этот раз вежливым голосом, который я приняла бы за человеческий, не знай я его происхождения.

— Пожалуйста, назовите себя.

— Передаю идентификационный код, — откликнулась я.

— Привет, Соскони, — сказал компьютер. — Добро пожаловать домой.

Остаток полета занял у нас шесть минут. Мы миновали лучшую в Империи систему обороны, никем не остановленные. В самом деле, с чего им нас останавливать? В конце концов я — одна из тех, кого им положено защищать.

Но даже здесь нам не удастся скрываться долго. Рано или поздно Император вернется домой.

Обстановка моей спальни на Форшире казалась жалкой по сравнению с роскошью моей дворцовой опочивальни. Дверная ручка чистого золота — равно как и старомодный ключ, который надо вставлять в скважину и поворачивать. Золотая ткань на окнах. Высокие вазы — бесценные изделия древней цивилизации на планете, названия которой я не помнила. Гардероб размером с хорошую гостиную, увешанный дорогими платьями, которые я не надевала ни разу...

Иногда я подозревала, что комната предназначена не для меня, но для той, какой я должна была бы стать. Не то чтобы мне не нравилась вся эта красота. Она понравилась мне с самого первого дня, как только завершили отделку. Но я ни разу не ощущала эту комнату своей.

Джейбриол устало пересек спальню и поднялся по ступеням на мое ложе пол балдахином. Он, как был, в одежде, плюхнулся на шелковые простыни, жалобно скрипнувшие под его весом.

Я подошла и села рядом, бестолково вертя в руке дезинтегратор. От оружия сейчас нет никакого проку. Вся моя подготовка, весь мой боевой опыт — что смысла в них сейчас? Да, пустой императорский дворец — самое последнее место, где

будут искать Джейбриола Куокса. Но даже последнее место рано или поздно обыскивают.

— Прости, — посмотрела я на Джейбриола. — Все, что я сделала, — это оттянула неизбежное.

Он протянул руку и похлопал по дезинтегратору.

— По крайней мере так мне не придется умирать медленно.

— Но я не собираюсь стрелять в тебя!

— Даже если единственный вариант — это попасться в лапы твоему брату? Нам не убежать, Соскони. Он казнит нас обоих.

Я посмотрела на оружие. Потом уронила его на пол. Свобода казалась так близка! Всего десять минут, и мы успели бы стартовать с планеты...

Я улеглась на живот рядом с Джейбриолом. Голубой шелк приятно холодил щеку.

— Когда я увидел тебя в камере, — негромко сказал он, — я решил, что это еще один из моих снов.

— Снов?

— После той ночи на Делосе каждый раз, когда мне было одиноко, я мечтал, что ты придешь. И ты приходила — во сне.

Значит, не одна я сражалась с воспоминаниями той ночи. Знать это было по-своему приятно.

Я приподнялась на локте так, чтобы смотреть ему в лицо. Я и забыла, как сумасшедше красив он, даже по стандартам хайтонов. Я бы, пожалуй, не удивилась, если Ур Куокс приказал сделать ему в детстве пластическую операцию. Все, чтобы утвердить образ сына как героя купцов. Все, чтобы отвлечь внимание от неспособности Джейбриола вести себя как настоящий хайтон.

Теперь под глазами его легли черные круги, а волосы — прекрасные, блестящие, иссиня-черные волосы — спутались. Я провела пальцем по его губам — сначала по верхней, потом по нижней. Губы пересохли и потрескались. Прекрасные губы. Горячие губы. Губы рона. Я чуть опустила голову, прижав мои губы к его...

Джейбриол оттолкнул меня.

Я вспыхнула. Что это я — пытаюсь соблазнить человека, который только что на протяжении нескольких дней подвергался жестоким пыткам, причем руководил этим не кто иной, как мой собственный брат.

— Извини.

Он молча следил за мной. На противоположной стене негромко тикали, отсчитывая секунды, древние пружинные часы.

Потом скользнул рукой мне за шею и притянул мою голову к своей. Я вдыхала его аромат: острый, пьянящий, мужественный. Я зажмурилась, и мы поцеловались. Поцелуй вышел таким, как должен быть, поцелуй-приглашение. Но он лежал рядом со мной как бревно — напряженный, неподвижный.

Я подняла голову:

— Что-то не так?

Он оперся на локти, чтобы глаза его оказались вровень с моими.

— Дело не в тебе. Вообще.

— Кто-то из любовниц?

— Да... нет... У меня нет любовниц.

— Ты хочешь сказать, у тебя никого еще не было?

Его голос звучал глухо.

— Вот именно.

— Но почему? Я-то думала, любая мало-мальски привлекательная леди из хайтонов будет счастлива оказаться у тебя в постели.

— Я не хотел любовниц-хайтонов. — Джейбриол скривился. — А ты хотела бы?

Я пожала плечами. Теперь я начинала ощущать его. Его барьеры падали — медленнее, чем тогда, на Делосе, но все-таки падали. Я ощутила то же одиночество, что и в ту встречу в ночном порту. Одиночество. Он был до боли одинок. Эта рана стала теперь еще глубже — зарубцевавшаяся по краям, свежая в середине.

— Может, тебе лучше взять Источника? — предложила я.

— Нет.

— Тебе не обязательно причинять ей боль.

— Я сказал: не хочу! — Он положил ладонь мне между грудями, словно удерживая на расстоянии. — Стоит только подпустить кого-нибудь поближе к себе — и ты станешь уязвимее.

— Чем тебе может угрожать Источник?

— Он может узнать меня.

— Все и так прекрасно знают, кто ты.

— Я не об этом, Соскони. Они могут узнать во мне себя.

Я поняла наконец.

— То есть поймут, что ты такой же, как они?

— Да.

— У тебя что, вообще нет друзей?

Его лицо исказилось.

— Был Куэлен, мой, так сказать, «горячо любимый наставник».

— Ты имеешь в виду Крикса Куэлена? Вашего министра торговли?

— Он не терпел, когда я выказывал кому-то внимание. — В голосе его зазвучала ненависть. — Если он замечал это, он всегда находил повод наказать меня.

— Неужели ты не мог избавиться от него?

— Он — настоящий мастер по части хайтонских интриг, даже отцу до него далеко. — Голос Джейбриола дрогнул. — Куэлен пуст; он словно пропасть, готовая поглотить меня. Они все такие: мой отец, моя, так сказать, мать-Императрица — все они.

— Извини. — Боги, как банально это звучит...

Он смотрел на меня, концентрируясь, будто пытался впитать меня всю. Потом без предупреждения крепко прижал меня к себе и опрокинул на кровать, охватив руками, прижав губы к моим. Мои губы раздвинулись, и его язык сначала осторожно, потом решительнее прошелся по моим нёбу, деснам, языку...

И все же что-то было не так. Не с ним, со мной. Мне хотелось отпрянуть от него. Что же такое со мной творится?

Он испустил негромкий вздох, словно пробуждающийся человек. Потом оторвался от моих губ и начал нежно шептать мне на ухо:

— Соскони, милая Соскони... — Такая знакомая интонация, такой знакомый ритм...

И тут я услышала это снова — то, что так часто слышала в уме во время боя, мысли пилотов-аристо: «Умри, милый Демон, умри!»

Я села так резко, что мои ногти прочертили красные следы на его коже. Он тоже сел; удивление, смущение, досада, желание — все эти чувства разом отразились на его лице.

— Что случилось?

— Нет... — Хайтон. *Хайтон. Хайтон!*

— Соскони? — Он положил руки мне на плечи. — Что с тобой?

— Я... я... — Я вздохнула. Ну конечно, он двигался и говорил как хайтон. Он и был хайтоном. Только воспитанным. Ну да, воспитанным. — Я не... Ничего.

— Что так расстроило тебя?

— Ничего. Правда ничего. Просто я на взводе.

Джейбриол потянул меня за плечо.

— Давай-ка попробуем вот что.

— Что попробуем?

— Ляг. — Он потянул еще. — Я покажу.

Я с опаской легла на живот. Он сел на мои ягодицы, сжав коленями талию, потом начал массировать мне спину.

Когда-то такой массаж мог бы успокоить и расслабить меня, на что он и рассчитывал. Только не теперь. Тарк часто издевался надо мной в такой позе — для разнообразия.

Успокойся, думала я. Успокойся. Он же не Тарк.

Я положила голову на подушку и попыталась расслабиться. Это было приятно. Но потом он замер.

Я оглянулась через плечо:

— Что ты остановился?

— Так, смотрю.

— На мою задницу? И что в ней такого интересного?

Джейбриол расплылся в улыбке.

— Ну, тебе это, быть может, и неинтересно. — Он начал массировать мои бедра. — Ты ведь можешь созерцать ее когда захочешь.

Ах, что за улыбка! Я и забыла, как меняется его лицо, когда он улыбается. Улыбаясь, он переставал быть озлобленным наследником престола. Он становился таким, каким был бы, не сломай ему жизнь это проклятое наследство, — здоровым, прекрасным юношей, переживающим свой первый опыт в любви с женщиной. Я вздохнула и опустила голову на подушку.

Джейбриол продолжал массаж, растирая мне все тело, поглаживая его мягкими, круговыми движениями рук. Потихоньку, несмотря ни на что, напряжение отступало. Я позволила своим глазам закрыться, наслаждаясь нежностью и теплом его рук, утопая в его аромате. Еще... еще немного... почему он не массирует мне совсем другие места, стесняется?..

Потом он лег на меня; я ощущала сквозь тюремную одежду его эрекцию. Он осторожно взял меня за бедра и раздвинул мне ноги...

...как делал это Тарк.

Боевой режим, подумал мой центр.

— Джейбриол, *стой!*

Он послушно оторвал свое тело от моего, приподнявшись на руках:

— Что случилось?

Я перекатилась на спину. *Выключить боевой режим!*

Режим выключен, доложил центр.

— Соскони? — Джейбриол залился краской. — Что я такого сделал?

— Ты... я... ничего. — Будь он проклят, этот Тарк! Неужели эти шрамы не заживут до конца моей жизни?

Нет. Не зря же я общалась с душеспасителем все эти месяцы. Я не позволю Тарку возвращаться и калечить мою жизнь через десять лет после своей смерти. У нас с Джейбриолом осталось всего несколько часов, слишком драгоценных, чтобы тратить их просто так.

Я осторожно притянула лицо Джейбриола к своему и поцеловала его. Его аромат обволакивал нас еще сильнее, чем прежде. Мужественный. Неодолимый. Я знала, что роны испускают феромоны, не такие, как у прочих людей, но поскольку я впервые в жизни занималась любовью с роном, я оказалась совсем не готовой к этому. Его запах наполнял воздух как бы продолжением его самого, обостряя реакцию моего тела на его прикосновения.

Джейбриол сел и дотронулся пальцем до магнитного шва у меня на груди, застегивавшего мой спортивный костюм. По мере того как его палец скользил вниз, костюм распахивался, открывая кожу прохладному воздуху. Он освободил мою грудь и прикоснулся к моим соскам, мгновенно отвердевшим под его пальцами.

Мы не спеша раздели друг друга; Джейбриол чуть слышно охал, когда я неловко задевала его шрамы на спине. Он скинул с постели мои ботинки, и подошвы лязгнули по дезинтегратору. Мы скользнули под одеяло, и он прижался ко мне.

Я опустила руку помочь ему, зажмурилась и мурлыкала ему на ухо какие-то нежные, ничего не значащие звуки. И наконец мы слились в настоящем ронском слиянии, таком же, какое приходило к нам на Делосе, только тогда оно наступило без

труда, зато теперь было куда сильнее, сильнее, сильнее — пока я не достигла пика оргазма неожиданной силы.

Но на этом все не кончилось. Джейбриол не останавливался, слившись разумом с моим. Мое наслаждение продолжало возрастать и после того, как ему положено было бы идти на убыль — это его возбуждение передавалось мне, нарастая с каждым движением. Оно росло до тех пор, пока я не в силах оказалась выдерживать его, хотя не могла и остановиться. Мы взмывали все выше, выше, пока его оргазм не увенчал наш полет, сведя наши тела в такой судороге наслаждения, что я лишилась способности мыслить.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я снова начала осознавать, кто я и где нахожусь. Джейбриол лежал на мне, прижавшись щекой к моей щеке; дыхание его постепенно успокаивалось. Когда я пошевелилась, он поднял голову, и мгновение спустя я ощутила на губах его поцелуй.

— Это того стоило, — произнес он.

— Да. Стоило, — улыбнулась я.

— Как ты думаешь, сколько времени пройдет, пока...

Я открыла глаза:

— Пока Кердж не найдет нас?

— Да.

— Может, сегодня ночью. Может, раньше. Возможно, через несколько часов. — Я не очень представляла себе, что сделает Кердж, обнаружив мою измену, но не думала, чтобы его расправа со мной оказалась короткой.

— Соскони. — Джейбриол смотрел на меня в упор. — Я не хочу, чтобы они с тобой обращались так же, как со мной. — Он перегнулся через край кровати и подобрал дезинтегратор. Он положил его мне на грудь и прижался ко мне так, что оружие осталось между нашими телами, как кусочек льда. Потом взял мой палец и положил его на спуск.

— Нет. — Я помотала головой.

— Нам все равно не жить. Ты и сама это знаешь. — Его голос дрогнул. — И нам обоим хорошо известно, каково это — когда тебя терзают и терзают. Я не хочу такой смерти. Лучше умереть в любви, чем в пытке.

Я сжала рукоятку. Я знала, что он прав, но мой инстинкт самосохранения был слишком силен. Я не могла сделать этого.

— Я не могу стрелять из него, только ты, — прошептал он мне на ухо.

Я сдвинула рычажок предохранителя и положила палец на спуск. Одно легкое нажатие...

В дверь постучали.

Я вылетела из-под Джейбриола и из кровати так быстро, что простыни полетели во все стороны. Я двигалась рефлекторно: схватила рубаху Джейбриола и накинула ее через голову. Я не собиралась показываться перед охранниками нагишом. Потом подняла дезинтегратор, нацелив его на дверь.

И когда дверь открылась, чуть не застрелила собственного отца.

16. СЕРДЦЕ ИМПЕРИИ

Он стоял, оцепенело моргая своими фиолетовыми глазами из-под очков. Он до сих пор носил очки, потому что не настолько доверял сколийским врачам, чтобы позволить им сделать что-то с его глазами. Точно так же он продолжал носить длинные волосы, как это принято у его народа, — длинные, до плеч локоны с пробивающейся сединой. Он был крепко сложен — не слишком высок и не слишком низок; его внешность нравилась людям, чем Кердж пользовался, чтобы компенсировать собственный жесткий образ.

Сначала он смотрел на меня. Потом — на обнаженного Джейбриола, сидевшего на постели. Потом снова повернулся ко мне и заговорил на языке своего народа — моем родном языке:

— Ты собираешься убить меня, Соскони?

Мысль о том, что я и впрямь могла застрелить его, так потрясла меня, что я с трудом заставила себя ответить. Я опустила дезинтегратор, щелкнув предохранителем.

— Нет, никогда. Ты и сам знаешь.

Он подошел поближе.

— Это ведь тебя я ощущал в Сети прошлой ночью, верно?

— Да. Я скрывалась.

Казалось, он до сих пор не знает, что делать.

— Я получил сообщение от Керджа. Он сказал, чтобы я оставался во дворце — в безопасности. Он полагает, что на планету проникли коммандос купцов. — Он покосился на Джейбриола, торопливо натягивавшего штаны. — Это правда?

— Нет, — ответила я. — Это Керджу так кажется.

— Ясно, — кивнул он. Было совершенно очевидно, что он не понимает ничего.

К счастью, Джейбриол оставался на кровати. Отец и так пребывал в достаточном замешательстве, чтобы оказаться лицом к лицу с наследником престола хайтонов. Внешне отец не выказывал особого удивления. Он просто стоял и смотрел на нас. Но я чувствовала, что он пытается справиться с ситуацией словно борец, встретившийся с соперником крупнее и крепче его.

Наконец он заговорил снова, на этот раз по-иотийски. Язык этот, ныне почти мертвый, использовался только учеными да еще высшей сколийской знатью. Мой отец выучил его, так как это был родной язык матери. Скорее всего он говорил на нем специально для Джейбриола; так же как я знала хайтон, Джейбриол вполне мог знать иотийский.

— Соскони. — Он поправил очки. — Этот человек на кровати очень похож на Джейбриола Куокса.

— Это он и есть.

— Джейбриол Куокс? Наследник престола хайтонов?

— Да. Тот самый, сомневаюсь, чтобы имелись другие.

Он подошел к кровати и внимательнее посмотрел на Джейбриола, который уже был в штанах.

— Что вы делаете в голом виде в постели моей дочери? — Джейбриол открыл рот, но отец остановил его движением руки. — Нет. Ничего. Я вряд ли хочу знать ответ.

Я подошла к нему:

— Что ты собираешься делать?

— Делать? — нахмурился отец. — До или после того, как со мной случится сердечный приступ?

Я не могла сдержать улыбку.

— Надеюсь, до.

— Ничего смешного, Соскони.

Я подавила улыбку:

— Конечно.

Он кивнул на Джейбриола:

— Будь добра, объясни мне.

— Я помогла ему бежать. Поэтому Кердж и решил, что на Дьеше — коммандос.

— Кердж поймал Джейбриола Куокса? А ты его освободила?

Я кивнула:

— И после объявления тревоги единственным безопасным местом, куда мы могли спрятаться, было это.

— Императорский дворец.

— Да.

— А что, интересно, побудило тебя освободить Джейбриола Куокса?

— Коснись его сознания, — спокойно предложила я. — Тебе сразу все станет ясно.

Он даже не повернул головы. Но я почувствовала, как его внимание переключилось на Джейбриола. Хотя я не уверена, что Джейбриол успел осознать происходящее, он все же среагировал, подняв свои барьеры — скорее инстинктивно, чем намеренно.

Отец наморщил лоб. Он сел в кресло у моей постели, не глядя ни на кого из нас. Он сконцентрировался сильнее — и Джейбриол снова заблокировал его.

Тогда отец отступил и попытался снова. На этот раз так, словно хотел поймать маленького капризного жеребенка. Он дотрагивался до сознания Джейбриола то тут, то там так легко, что Джейбриол, возможно, и не ощущал этих касаний. Даже я, связанная с сознанием Джейбриола, не могла уследить за действиями отца.

Но и это не сработало. Поэтому в конце концов отец переключился на меня, пытаясь войти в сознание Джейбриола через мое. Я постаралась расслабить свой мозг, отец проскользнул в связывающую нас нить...

...и вскочил так резко, что чуть не опрокинул кресло. Джейбриол немедленно приподнялся на коленях, схватившись за стойку балдахина с явным намерением обороняться. Правда, мне кажется, он так и не понял, что в его сознание проникли.

Мой отец смотрел на него как на привидение.

— Вы — не аристо.

— Разумеется, я аристо, — ответил Джейбриол на безупречном иотийском.

— Нет, — сказал отец. — Это невозможно.

Джейбриол крепче вцепился в стойку:

— Вы хотите сказать, что не считаете меня равным себе?

Отец отрицательно покачал головой:

— Нет. Я только хотел сказать, что вы от меня не отличаетесь.

— Джейбриол. — Я села рядом с ним и положила руку ему на колено. — Он не сделает тебе ничего дурного.

Он повернулся ко мне, и его усталость тяжелым одеялом упала мне на плечи. Он не отпустил стойки, но его хватка ослабла, по крайней мере настолько, чтобы пальцы из белых от напряжения снова стали нормального цвета.

— Кердж знает, что он рон? — спросил отец.

— Пока не знает. Но как только обнаружит, сразу решит, что Джейбриол здесь для того, чтобы разрушить Сколи-Сеть.

Отец повернулся к Джейбриолу:

— Это правда?

— Нет.

Отец с минуту пристально смотрел на него. Потом кивнул. И все. Просто кивнул. Никаких дальнейших вопросов. Никакого скептицизма. Никаких угроз. Только кивок. Я глазам своим не верила.

Ты не была бы с ним здесь, если бы не вёрила ему, подумал отец.

Знаешь, подумала я, *ты очень отличаешься от Керджа.*

Вот и твоя мать говорит мне то же.

— Я думала, она застанет тебя дома, — произнесла я вслух, понимая, каким странным казалось наше молчание Джейбриолу. — Что ты навещаешь внуков и все такое.

Отец снова поправил очки.

— Пришлось слегка изменить планы.

Это на него не похоже. Чтобы он, поставленный перед выбором, оставаться дома, с матерью — что он любил больше всего на свете, — или лететь на Дьешу, к Керджу, выбрал второе? Верилось с трудом.

— Почему?

— Со мной случился припадок.

Что? Я соскочила с кровати и подбежала к нему.

— Ты что, лекарства не принимал?

— Разумеется, принимал. Я не знаю, отчего он случился. — Он помолчал. — Собственно, припадок был не один. Несколько.

Мой пульс резко участился.

— Сколько?

— Не знаю. Я чувствовал себя... странно. Когда я пришел в себя, я находился в той маленькой больнице, что построила твоя мать. Приезжая врачиха подняла большой шум. Она заявила, что у меня повторяющийся общий приступ чего-то там, и отправила меня сюда, — я не хотел. — Он нахмурился. — Она связалась с Керджем, и он послал за мной корабль.

Я взяла его за руку.

— Сейчас-то тебе лучше?

— Я в порядке. Никто из врачей ничего не обнаружил.

— А ты сам не знаешь, откуда у тебя эти припадки?

— Они начались вскоре после того, как я проснулся. Возможно, это просто ночные кошмары, больше ничего. — Он сжал мои руки. — И не смотри на меня такими глазами. Ты ничуть не лучше этих врачей.

Я не помнила, чтобы раньше его припадки случались из-за ночных кошмаров.

— Что тебе снилось?

— Кто-то пытал меня электрошоковой дубинкой. Я ничего не мог поделать, так как лежал связанный. — Он насупился. — Это все машины, Соскони. Компьютеры, роботы и прочая дребедень, которой я и названий не знаю. От них у меня и кошмары. Но ничего страшного в этом нет.

Я почти не слушала, что он говорил дальше. В ушах моих звенели слова: «электрошоковая дубинка».

— Кто тебя связывал?

— Не знаю. — Он махнул рукой, отметая вопрос. — Старым солдатам часто снятся такие сны.

Сны с электрошоковыми дубинками? Сомневаюсь, чтобы он знал, что это такое. Большую часть жизни он провел в том, что по сколийским стандартам считалось бы полнейшей нищетой. Не думаю, чтобы на всей его планете нашлась хоть одна электрошоковая дубинка.

— Ты говорил об электрошоковых дубинках с мамой? — спросила я.

— Нет. — Он мотнул головой. — Нет. Право же, это ерунда, Соскони.

— Сны об электрошоковых дубинках — это ерунда?

— Мне снилось, что меня допрашивают.

Джейбриол у меня за спиной затаил дыхание. Я каким-то образом ухитрилась говорить спокойно.

— Ты не помнишь, о чем тебя спрашивали?

Отец пожал плечами:

— Кто-то все задавал мне вопросы про армии моего отца. Про его военные планы. Никак не пойму, откуда у меня такие сны. Мой отец умер, когда мне было всего несколько месяцев. — Он потер запястья — те самые места, где у Джейбриола была содрана кожа. — Это было так живо... даже когда я проснулся, у меня осталось ощущение того, что это произошло на самом деле.

Неужели он переживал допрос Джейбриола? Как? Через Керджа? Через меня?

Я знала Керджа. Когда он поймет, что я сделала, его ненависть обратится и против меня. Он подвергнет меня таким же допросам — не столько чтобы узнать, зачем я поступила так, сколько в качестве расплаты за измену. И если уж пытка Джейбриола причинила отцу столько мучений, что станет с ним, когда то же будут проделывать со мной? Как бы отец ни утверждал, что это «ерунда», я-то знала лучше. Если уж у него случилась целая серия эпилептических припадков, когда он проходил курс лечения, значит, ситуация куда серьезнее, чем он хочет признать.

Соскони, отец кивнул в сторону Джейбриола, *тебе действительно нужен этот человек?*

Я нарисовала образ матери. *Какова будет твоя жизнь без нее?*

Твоя мать не хайтон на четверть.

Неужели что-нибудь, что ты увидел в его уме, так ужасно?

Он вздохнул.

Нет. Просто чужое.

Для меня — не чужое.

Он посмотрел на Джейбриола, который все пытался понять, что же мы делаем, переглядываясь в полной тишине, молча жестикулируя, словно разговариваем.

— Тогда вам обоим, — произнес отец вслух, — надо просить у землян политического убежища. Если бы все было так просто!

— Мы не можем покинуть Дьешу, — сказала я.

— Неужели у тебя не найдется в космопорте никого, кто мог бы пригнать сюда корабль? Ты сама смогла бы отвести его

на Делос. Никто, кроме нас троих, не будет знать, что у тебя на борту пассажир.

Ну как мне объяснить, что такое планетарный кордон, человеку, военное образование которого ограничивается кавалерийскими атаками и пешей пехотой?

— Без разрешения Керджа никто не даст нам корабль. И сам он ни за что этого разрешения не даст.

— Если со мной случится еще один припадок, — заявил отец, — вам придется вызвать врача.

— Ты что, думаешь, что у тебя будет еще? — всполошилась я.

Он чуть улыбнулся.

— Это можно устроить.

Ага. Это, возможно, и позволит вытащить отсюда кого-то. Как бы ни недолюбливал Кердж своего отчима, тот все же нужен ему, причем в добром здравии.

— Но даже если у нас и будет корабль, Кердж разрешит только планетарный перелет, в больницу на другом континенте, куда-нибудь в безопасное, по его мнению, место. Но до тех пор, пока он не отловит Джейбриола, он не выпустит с планеты никого.

— Это еще не значит, что вам не удастся улететь.

— Не вижу как.

— Ты освободила лорда Куокса?

— До того, как подняли по тревоге КИКС. Не думаю, чтобы хоть кто-то смог бы уйти теперь.

— Меня не интересует, может ли кто-то. Меня интересует, можешь ли ты?

Я уставилась на него. Сказать, что его никогда не восхищал мой выбор карьеры, было бы явным преуменьшением. Тем более я никогда не думала, чтобы он высоко оценивал мои способности.

— Не знаю, смогу ли.

— Но ты попытаешься?

— Да.

— Отлично. Значит, решено.

— Не так все просто. — Как будто в том, что он предлагал, вообще было что-то простое. — Даже если мы взлетим с Дьеши — что само по себе почти невозможно, — ладно, даже если нам это удастся, нам придется удирать вовсю от целого флота,

преследующего нас по пятам. Они предупредят все патрули по дороге отсюда до Делоса. Нам никогда туда не добраться.

Он поправил очки:

— Значит, вам нужно выбрать другое место. Какое-нибудь, не известное ни КИКС, ни купцам.

— Если это место неизвестно КИКС, как найти его нам?

— Возможно, за этим нам лучше обратиться к землянам.

Ну как ему объяснить?

— Мы никого ни о чем не можем попросить. Все переговоры Дьеши с другими системами заблокированы.

— Значит, я воспользуюсь «горячей линией».

— Ты не можешь.

— Почему? Насколько я понимаю, системы безопасности Керджа не засекут моего разговора по ней.

— Они ничего не узнают. Так же как ты не узнал бы про то, что эту линию использовал кто-то из других членов Триады. Дело не в этом. Ты просто не можешь воспользоваться ею для этого.

— Не вижу почему.

— Папа, ты не можешь использовать «горячую линию» связи с президентом землян для решения личных проблем. Это только послужит причиной кризиса в галактических отношениях.

— Если неминуемая казнь наследников престолов двух Империй не послужит причиной кризиса в галактических отношениях, я не знаю, что еще послужит.

Это меня остановило. События навалились на меня так внезапно, что у меня просто не было времени подумать о возможных последствиях. Наша казнь взорвет единство ронов. И в этом хаосе Ур Куокс обрушит на нас всю свою военную мощь, пытаясь отомстить за смерть сына. Все наши попытки убедить землян в том, что роны в сочетании с Ассамблеей — обычное правительство, а не цепляющаяся за власть династия тиранов, потеряют всякий смысл. Мы только подтвердим их худшие опасения, разрушив то хрупкое доверие, которого удалось достичь.

Мой отец ткнул пальцем в стол:

— Тебе придется помочь мне, Соскони. Я не знаю, как это делается.

Я села за стол, размышляя о дикости ситуации: он, питавший энергией всю Сеть, не знал, как в нее включаться. В общении с компьютерами он был беспомощен, впрочем, как и в письме.

Иногда его нежелание учиться злило меня, иногда просто огорчало. Иногда мне казалось, что он не хочет этого из боязни, что знание заставит его почувствовать себя в этом мире — мире моей матери — еще более беспомощным. Псиберпространство служило ему лишь площадкой для игр, местом, где от него не требовалось ни читать, ни писать, ни понимать, как работают компьютеры. Все, что от него требовалось здесь, — это думать.

Я нажала на угол стола, и его блестящая поверхность с жужжанием вспухла посередине, образовав сферу около полуметра в диаметре, которая превратилась, в свою очередь, в пульт Сети. Плоская часть столешницы засветилась, превратившись в голоэкран.

— Мне нужен пароль и коды безопасности твоего доступа к «горячей линии», — сказала я.

— Пароль — «Валдор». Коды — имена всех вас, моих детей, зашифрованные в блоке безопасности четвертого уровня ЕМ16.

Я кивнула, сделав вид, будто то, что он сейчас сделал — назвал сверхсекретные коды «горячей линии» в присутствии наследника хайтонов, — в порядке вещей, а не измена, как — и мы оба это прекрасно понимали — расценил бы это Кердж.

Существовало три компьютера «горячей связи» — по одному на каждого члена Триады, — действовавших независимо друг от друга. Пока я ждала подтверждения верности пароля, я услышала шаги. Я оглянулась; за моей спиной стоял Джейбриол. Но его не интересовало то, что делаю я. Он смотрел на моего отца.

Отец нахмурился:

— Да?

— Я не понимаю, зачем вам врачи, — сказал Джейбриол. — Вы кажетесь совершенно здоровым.

— Я страдаю эпилепсией.

— Как это возможно? В наших досье об этом ни слова.

— С чего я должен вам все рассказывать?

— Мне просто странно, что наша разведка не обнаружила этого.

Мой отец, казалось, не слышал. Он снова сконцентрировался, пытаясь коснуться разума Джейбриола. Потом тихо заговорил:

— Мои родители погибли под горной лавиной, когда я был еще ребенком. Тогда со мной случился первый приступ. Врачи

полагают, что мой разум не до конца еще оторвался от разума моей матери, так что шок от ее смерти повредил мне мозг.

Я не верила своим ушам. Что побудило его рассказать об этом? Он и с нами-то редко говорил на эту тему. Если клетки его головного мозга перевозбуждались, они посылали необычно сильный электрический импульс, заставляющий его стискивать челюсти, сводящий все тело. Потом он синел и прекращал дышать. Когда его нейроны уставали, его тело сотрясалось в судорогах, постепенно слабевших до тех пор, пока он не терял сознания. Придя в себя, он всегда чувствовал себя усталым и разбитым.

Впервые, когда я видела это — еще ребенком, — я ужасно боялась, что он умрет или что его дикие судороги означают невыносимую боль. Врачи объяснили мне потом, что он синел оттого, что кровеносные сосуды кожи сужались, чтобы большая часть крови подавалась к мозгу. Отец утверждал, что не помнит ни самих припадков, ни боли.

Чего врачи мне не говорили и что я сама узнала, только повзрослев, — так это то, что им не приходилось наблюдать более жестоких припадков. Дополнительные нервные образования в его мозгу — те самые замечательные парацентры, что сообщали ему необычайные телепатические свойства, — делали его одновременно более уязвимым к нервным перегрузкам во время приступа. Когда его парацентры развились окончательно, припадки стали настолько мучительными, что без медицинского вмешательства он мог бы умереть. Он смог достичь восемнадцатилетия только благодаря постоянному присмотру своего опекуна. Но оба они понимали, что до двадцати лет ему скорее всего не дожить.

Матери достаточно было увидеть один припадок, чтобы понять: то, что он считал «помрачением духа», на самом деле разновидность нервного приступа. Но даже сейчас, зная, что эпилепсия — при надлежащем лечении — почти не мешает ему вести нормальный образ жизни, он говорил о ней только с членами семьи или с немногими врачами, которым доверял. То, что он заговорил об этом с Джейбриолом, поразило меня. Что-то происходило между ними двумя, что-то, за чем я не могла уследить.

— Это не передается по наследству, лорд Куокс, — сказал отец.

— Это не изменило бы мои чувства к Соскони, — тихо ответил Джейбриол. — Но если нам с ней предстоит изгнание, наши дети вряд ли смогут получать такую медицинскую помощь, которой вы пользуетесь здесь. Нам надо знать, не опасно ли это для них.

С ума сойти. Мы на волосок от смерти, а Джейбриол заботится о здоровье наших еще не существующих отпрысков. Впрочем, эта мысль тоже отрезвляла. Наши дети, если нам удастся их завести, будут ронами и Куоксами одновременно. Одни боги знают, какие наследственные права может означать такое сочетание.

На пульте загорелся огонек, сопровождаемый писком зуммера. Отец оглянулся на меня.

— Линия готова?

— Нет еще. — Черт! — Это Кердж. Он ищет тебя. — Я включила связь, но только звук, оставив отключенными голокамеры. Потом взяла отца за руку и показала ему на клавишу «прием».

Он нажал на клавишу.

— Да?

В комнате послышался резкий голос Керджа:

— Элдри, ты не знаешь, где Соз?

Отец напрягся. Его полное имя было Элдринсон Эльтор Валдория. Элдри — его детским прозвищем — его звали теперь только моя мать, бывший опекун и Кердж. Отец с удовольствием слышал его от матери и равнодушно — от опекуна. И уж совсем другое дело — от Керджа.

— Да, она здесь, — спокойно ответил отец.

Джейбриол посмотрел на него так, словно его предали. Но не успел он раскрыть рот, как я схватила его за руку, приложив палец к губам. Пилоты, перехватившие наш флайер, наверняка доложили об этом. Отцу не было смысла отрицать, что я здесь.

— Дай ее мне, — попросил Кердж.

Я наклонилась к микрофону:

— Да, сир?

— Я хочу, чтобы ты оставалась с отцом, — сказал Кердж. — Пока мы не найдем Куокса.

Ага. Значит, он думает, что я здесь для того, чтобы оберегать отца. Вполне логичное заключение, вернее, было бы ло-

гичным, если бы я знала, что отец находится здесь. Даже с учетом мощной охраны вокруг дворца Кердж вряд ли хотел, чтобы один из членов Триады оставался в одиночестве. А кто будет для отца лучшим телохранителем, чем Демон-праймери, имеющая более чем просто служебную заинтересованность в его безопасности?

— Слушаюсь, сир, — ответила я.

— Хорошо. Отключаюсь. — Кердж оборвал связь так же резко, как начал ее.

Я посмотрела на отца:

— Кажется, он верит в то, что я знала о твоем присутствии здесь.

— А ты не знала? Ты же сама посылала вчера сообщение во дворец.

А я и забыла.

— Это была уловка. Я хотела дать понять Керджу, что я прилетела на Дьешу.

Он улыбнулся:

— Ну, я как раз хотел послать тебе ответ. Я собирался пригласить тебя на обед после того, как Кердж объявит о своем решении.

— Каком решении?

— Соскони, не прикидывайся, будто не знаешь.

— Не знаю чего?

— Так он с тобой еще не говорил?

— О чем?

Отец вздохнул:

— Извини. Я думал, тебе уже известно.

О чем это он, черт возьми?

— *Что* известно?

— Он официально выбрал наследника, — сказал отец. — Тебя.

Я почувствовала примерно то же, что чувствует поезд на магнитной подушке, врезаясь на скорости триста километров в час в бронебетонную стенку.

— Что?

— Тебя. Кердж выбрал тебя своей наследницей.

— Не верю.

— Я видел документы. Он подписал их утром.

Я так и села, глядя на него. Потом облокотилась на стол и опустила голову на руки. Мой мозг сразу показался мне сухой

губкой. Я не понимала, что он говорит. Мой мозг просто не впитывал его слова.

Но постепенно, очень медленно, смысл происходящего начал доходить до меня. Выбор. Кердж сделал выбор. Мне больше не надо биться за престол с Эльтором. Мне не надо каждый день бояться, что рано или поздно нам придется делать выбор самим. Все это в прошлом. Я выиграла. *Выиграла.*

И время он выбрал не без умысла. Что может подорвать боевой дух купцов сильнее, чем объявление Керджа о выборе своего наследника в той же речи, где он объявит о пленении наследника хайтонов? Перед такой речью померкнет даже драматический эффект от признания Ур Куоксом существования Джейбриола.

Вот только триумфальной речи, похоже, не будет.

— Я не... — Мой голос дрогнул. — О боги...

Отец опустился в кресло рядом со мной.

— Ты ведь знаешь, я был против твоего решения сделаться военной. Но ты должна понять, мне было трудно понять это.

Я только покачала головой. Ну что тут скажешь? И потом, мы с ним давно уже перестали спорить об этом. Точнее, устали спорить.

— Послушай меня, Соскони. — Он взял меня за руку, заставив взглянуть на него. — Я следил за тобой все эти годы. Я видел, что эта жизнь сделала с тобой. И что ты с ней сделала. Ты — не Кердж. И никогда не станешь такой.

Я сжалась:

— И ты считаешь, что я не справлюсь со своей работой?

— Нет. Этого я вовсе не хотел сказать.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не скрипнуть зубами.

— Тогда что ты хочешь сказать? Что Эльтор был бы лучше? Так как он больше похож на Керджа?

— Схожесть с Керджем вовсе не обязательно означает способность править Империей.

— Тогда я вообще не понимаю, о чем ты.

— Я пытаюсь сказать только — боюсь, не очень ловко, — что считаю: Кердж сделал правильный выбор.

Это ошеломило меня. Правда ошеломило. У отцовского народа не принято, чтобы женщины воевали наравне с мужчина-

ми, не говоря уж о том, чтобы они становились военачальниками. Хотя я знала, что отец любит меня не меньше, чем моих братьев, все же он любил меня по-другому. Ими он гордился как воинами; на меня смотрел как на курьез. Поэтому я меньше всего ожидала, что он считал меня лучшим кандидатом на престол, чем Эльтора.

Я не нашлась что ответить, поэтому просто обняла его. Он крепко прижал меня к себе, уткнувшись подбородком мне в затылок.

В конце концов я оторвалась от него.

— Что ты имел в виду, говоря, что жизнь сделала со мной?

— Она изменила тебя. Закалила тебя. Еще лет двадцать — и я с трудом буду тебя узнавать. А уж что с тобой будет через столетие?

Я подумала о той жизни, которую воображала себе только вчера: день и ночь под охраной Демонов, часто еще и со включенным киберзамком, за исключением тех случаев, когда я буду приезжать сюда, в дворец-сейф... жить, постоянно подозревая всех и каждого, даже Рекса, заслужившего большего, нежели напоминания об увечье каждый раз, как он посмотрит на жену. Нет, такая жизнь не по мне. Но она неразрывно связана с работой, которой я желала.

Вот только работы этой мне не видать. Никогда.

— Ты что, сдаешься? — нахмурился отец. — Свергнутые правители с незапамятных времен отправлялись в изгнание, что не мешало многим из них потом возвращаться с триумфом. Так что вы с лордом Куоксом далеко не первые. Вернетесь, когда ситуация переменится в вашу пользу.

— Если мы исчезнем, наши права на наследство исчезнут вместе с нами.

Отец снова вздохнул:

— Я не говорю, что вернуться будет просто. Но вы оба законные наследники своих престолов. У вас обоих есть право требовать их после смерти нынешних правителей.

Я увидела слезы в его глазах и услышала невысказанные им слова: *Возвращайтесь. Возвращайтесь, чтобы я знал: с вами все в порядке.* У меня и самой глаза были на мокром месте.

— Ты слишком благороден, папа, ты хоть знаешь это?

Он покраснел.

— Я отсталый фермер с отсталой планеты. — Он подошел к пульту. — Если мы сейчас не свяжемся с президентом землян, у этого фермера скоро будет на одну дочь меньше.

Я назвала код, и компьютер задействовал прямую линию связи. Я проверила ее и послала вызов. Он прошел прямо по Сколи-Сети, через нескольких телопов — прямо в наночип, имплантированный в тело президента. Ход в псиберпространстве, связывающий нас с Землей, был защищен; телопы даже не узнают, что передали сообщение.

Я встала из-за стола, уступая место отцу. Он сел в кресло за пультом, и мы с Джейбриолом отступили подальше, чтобы не попасть в поле зрения камер. Отец вставил псифон в запястье.

— Линия задействована, — послышался механический голос компьютера. — Приготовьтесь к приему изображения.

Я стиснула руку Джейбриола. Вот оно. Если земляне не примут нас, нам некуда будет больше бежать.

— Готов, — отозвался отец.

Над голоэкраном возникло изображение женщины. На вид ей было чуть меньше шестидесяти лет, хотя я знала, что ей уже исполнилось семьдесят.

Я видела это лицо, окруженное седыми кудрями, сотни раз, как по головидению, так и воочию. Впрочем, сегодня оно выглядело по-другому: усталым, неухоженным, словно сигнал только что разбудил ее.

Она вежливо поклонилась отцу:

— Лорд Валдория?

Он поклонился в ответ:

— Рад видеть вас, президент Коллоуэй.

Она заговорила по-сколийски, перейдя прямо к делу:

— Что-то случилось?

— Два человека срочно нуждаются в убежище. Им нужно место, где их никто не сможет найти, не известное ни имперской, ни купеческой разведкам. — Отец помолчал. — И если это возможно, неизвестное и разведке Союза Миров.

— Почему? — спросила Коллоуэй. — И кто эти люди?

— Ответить на первый вопрос проще, чем на второй. Если они не получат убежища, их казнят.

— Какое это имеет отношение к Земле?

— Если казнь состоится, она приведет к резкой эскалации боевых действий с эйюбианами.

Коллоуэй внимательно посмотрела на него:

— Лорд Валдория, вы, несомненно, понимаете: я не могу вмешиваться в военные аспекты эйюбо-сколийского конфликта. Если я поступлю так, это будет означать наличие некоторого союза моего и вашего народов, направленного против Эйюбы. Союза, на деле не существующего.

— И точно так же вы понимаете, — сказал отец, — что, если мы падем под натиском купцов, следующими будете вы.

— Вы полагаете, что казнь этих двух людей настолько угрожает Империи?

— Да.

— Я должна знать, кто эти люди.

— Я не могу сообщить вам их имена, пока мы не договоримся.

— Я не могу договариваться с вами до тех пор, пока не пойму суть проблемы.

Отец помолчал.

— Мадам президент, — сказал он наконец. — Прежде чем я сообщу вам имена, я хочу быть уверен, что этот разговор останется между нами.

Рука Джейбриола напряглась. Как и я, он должен был принимать участие в переговорах своего правительства с президентом землян, так что знал то, что было известно и мне: ее слово крепко, поэтому она дает его так редко. Что, если она сейчас откажет отцу? Стоит ей увидеть нас, и она поймет, что ее просят вмешаться в дело, способное внести раздор в высшие сферы ронов. Как она поймет, что откликнуться на просьбу отца в ее интересах?

— Вы просите о многом, — сказала она.

— У меня есть на то основания.

— А если я не дам вам обещания молчать?

Он ответил не сразу. Я ощущала его смятение. Он готов был рассказать ей все даже без обещания молчать. И если она передаст то, что узнает, Керджу... нет, мы не можем позволить, чтобы это произошло. Кердж узнает тогда, что не я одна изменила ему. Вряд ли тогда он отнесется к отцу снисходительнее, чем ко мне.

Папа, не надо! думала я. *Не делай этого!*

Он не ответил. Он обратился к президенту:

— Если вы не дадите мне своего слова, могут погибнуть люди. Роны.

— А если я дам его?

— Никто, кроме меня и вас, не узнает об этом.

— А те двое, о которых мы говорим?

— Они тоже. Но мы пошлем их туда, где их никто не обнаружит.

Она смотрела на него с плохо скрываемым интересом.

— Вы хотите сказать, что предлагаете мне пакт с одним членом Триады, причем намерены держать это в тайне от остальных двух?

— Да.

— Но не хотите мне сказать причину заключения такого пакта.

— Я прошу вас довериться моему здравому смыслу.

— Здравый смысл и политика не обязательно сочетаются, лорд Валдория.

— Тем не менее я прошу вас довериться мне.

Что бы она ни думала, на лице ее не отразилось ничего. Если отец и уловил что-то через псифон, он тоже не показал этого. Хотя я не думаю, чтобы она приподняла свои барьеры хоть на щелочку. При том, что официально земляне отрицали псибернетику, я была уверена, что президента хорошо подготовили для общения с ронами.

Пауза затягивалась. Я покосилась на Джейбриола. Капельки пота выступили у него на висках и стекали по шее. Моя рука, державшая его, тоже вспотела.

— Хорошо, — сказала Коллоуэй. — Я даю вам слово.

Я издала чуть слышный звук, выпустив воздух сквозь зубы. Отец тоже чуть опустил плечи, отходя от напряжения. А я и не замечала раньше, как он сутулится.

Он махнул нам. Мы стали перед пультом, а он отошел в сторону, чтобы не мешать. Мы стояли перед экраном; на мне была только тюремная рубаха, явно парная к штанам на Джейбриоле. Мы стояли так, полуголые, держась за руки, наблюдая за реакцией президента Коллоуэй.

Вот тут она открыла рот.

— Боже мой!

Отец подошел ко мне, снова ступив в кадр.

— Вы поможете им?

Она с шумом выдохнула, от чего седые кудри вокруг лица зашевелились.

— Я не понимаю.

— Они утверждают, что любят друг друга, — пояснил отец.

— Я все-таки не понимаю. Праймери Валдория, вы в самом деле хотите бежать с хайтоном? — Она помолчала. — Вы сможете выжить рядом с ним?

— Он не хайтон, — сказала я.

— Нет? — Она повернулась к Джейбриолу. — Тогда, ради Бога, скажите мне, какое вы имеете отношение к престолу хайтонов?

— Я еще и рон, — спокойно ответил он.

Брови Коллоуэй полезли вверх. Прошло добрых пять секунд, прежде чем она заговорила снова.

— Это потребует некоторой подготовки. — Она бросила взгляд на отца. — Мне кажется, он гораздо опаснее для вас живой, нежели мертвый. — Она сморщилась. — Для нас всех.

Отец покачал головой:

— Он не сделает то, чего хочет от своего сына Император Куокс, мадам президент.

— Вы доверяете ему как рону?

— Да. — Он помолчал. — Я как-то слышал о рыбе, обитающей на вашей планете. Инстинкт размножения заставляет ее подниматься из морей вверх по течению рек, чтобы там нереститься или погибнуть по дороге. Так и роны в своем стремлении к себе подобным. Как бы высоки и прочны ни были барьеры, мы бьемся, пока не преодолеем их. — Он посмотрел на меня, и его голос дрогнул. — Или гибнем в этой борьбе.

— Почему они не могут отправиться на Делос самостоятельно? Почему вы хотите моего вмешательства?

— Мы не можем покинуть Дьешу, — объяснила я. — На планете объявлена тревога.

Коллоуэй окинула меня долгим, тяжелым взглядом. Потом повернулась к отцу:

— Вы просите меня стать сообщником в акции, затрагивающей интересы Императора и его полномочия.

— Я прошу вас о помощи в преодолении кризиса, угрожающего стабильности трех правительств.

— Если я помогу вам, и это станет известно... — Конец фразы повис в воздухе.

— Моя дочь большой специалист по части тайных операций, — заверил ее отец. — Она ликвидирует все следы самих этих переговоров.

Коллоуэй снова посмотрела на меня. Она-то должна знать, что отец говорит правду. Ее разведка наверняка имеет на меня досье не менее толстое, чем наши досье на их высших офицеров.

Президент откинулась в кресле. Она смотрела не на нас, а в точку между мной и Джейбриолом. Тишина нарушалась только тиканьем древних часов на стене. Тик-так. Тик-так. Тик-так... Хоть бы это чертово тиканье смолкло...

— Я помогу вам, — сказала Коллоуэй.

17. ДО ЗАВТРА

Корабль приземлился на крыше дворца — скоростная машина, предназначенная для быстрой доставки в больницу. Он опускался в облаке горячих газов и рева двигателей. Ночную темноту прорезали вспышки мигалок, частота которых была настроена на охранные системы дворца. Их отблески играли на горных вершинах — и это единственное напоминало о том, что мы находимся не в космопорте, а на крыше окруженного горами дворца.

Рядом со мной Джейбриол с отцом щурились от ярких огней. Мы хоронились за выступающей стеной на другой стороне крыши. Как только корабль коснулся кровли, я выскочила из-за укрытия и бросилась к нему; встречный ветер прижимал куртку к моему телу.

Люк отворился, и на крышу упал свет из кабины. Из корабля выпрыгнула женщина в форме пилота «скорой помощи»: белом комбинезоне с треугольным знаком Триады на левом плече. Люк за ее спиной закрылся так же резко, как открывался. Я остановилась перед ней.

Она низко поклонилась мне:

— Праймери Валдория?

— Совершенно верно, — ответила я. — Отец отдыхает.

— У него были еще припадки со времени первого, о котором вы сообщали?

Я отрицательно покачала головой:

— Но он еще не совсем пришел в себя.

— У меня есть для него аэроносилки. Что ж, пока все ответы совпадают.

— Как вас зовут?

— Эрин О'Нейл.

То самое имя, что назвала нам Коллоуэй. Ярлычок на комбинезоне гласил: «Лайра Мирзон». Хорошее, добротное сколийское имя. Вполне возможно, у нас имеется подробное досье на Лайру Мирзон. Грош цена этому досье. Эту женщину звали Эрин О'Нейл, и родом она была с Земли. Если бы меня не занимали более неотложные вещи, я бы наверняка поинтересовалась, как это землянам удалось внедрить ее аж в Штаб-квартиру.

— Какие распоряжения вы получили?

— Я должна эвакуировать с планеты двух людей и доставить их в место, названное мне уже в полете президентом Коллоуэй.

— Известно ли об этом кому-то, кроме президента?

— Нет, мэм.

— Я одна из тех двоих, о которых вам сказано.

Она кивнула:

— Да, мэм.

— Президент Коллоуэй сказала, что по действующему законодательству Союза капитан корабля имеет право сочетать в полете браком ваших граждан. Это правда?

Она удивленно посмотрела на меня:

— Ну... да. Правда.

— Отлично. — Как наши, так и эйюбианские законы признавали браки, заключенные на территории Союза. Значит, если у нас с Джейбриолом будут дети, они станут нашими законными наследниками. Я не имела представления, что это может значить, но по крайней мере перестраховаться стоило.

— Мы готовы, — негромко произнесла я в рацию на запястье.

Огни на крыше погасли, погрузив нас в темноту. Ветер трепал мою куртку и хлопал комбинезоном О'Нейл. Я повернулась и махнула рукой. От стены отделились две фигуры и направились к нам, неузнаваемые в темноте.

Они подходили медленно; та, что пониже, чуть прихрамывала, как мой отец, когда ходил без трости. О'Нейл прищури-

лась, вглядываясь в темноту, но света звезд не хватало, чтобы узнать подходивших, пока они не оказались совсем близко. Джейбриол подошел ко мне, одетый в то, что удалось найти во дворце.

О'Нейл изумленно посмотрела на него. Потом, опомнившись, низко поклонилась — сначала отцу, потом Джейбриолу.

Я махнула рукой в сторону корабля:

— Залезайте.

Она отступила, пропуская моего отца. За отцом в темную кабину пролез Джейбриол, потом О'Нейл и, наконец, я. Как только люк за нами закрылся, в салоне вспыхнул свет.

Корабль «скорой помощи» во многом напоминал истребитель — он проектировался для скорости и экономии. Салон почти целиком был занят медицинским оборудованием: контейнерами с аварийными комплектами для выживания, рулонами бинтов, нервоплекса, холста, металлическими и пластиковыми бочками, разноцветными контейнерами с медикаментами и компьютерными блоками. На переборке висел лазерный карабин с резервным блоком питания. Рядом я разглядела топор, контейнер с разрывными иглами, удобными больше для раскопок, чем для обороны, и ящик стандартных ножей КИКС. К боковой стенке была приторочена кушетка со страховочной сеткой.

Джейбриол сел на кушетку и привалился к стене, закрыв глаза.

Я села рядом.

— Тебе что, плохо?

Он открыл глаза:

— Так, устал.

Отец подошел к кушетке и, насупившись, стал рядом. Джейбриол покраснел. Потом, взявшись за один из удерживавших кушетку тросов, подтянулся и встал.

Что это? Еще один безмолвный разговор отца с Джейбриолом вроде того, насчет детей? Я стояла, бестолково переводя взгляд с одного на другого.

— Вы готовы заботиться о моей дочери? — так же хмуро спросил отец Джейбриола.

— Ради Бога, папа!

Он посмотрел на меня. Потом тоже покраснел и повернулся к Джейбриолу.

— Возможно, это был не самый вежливый вопрос. — Он постоял секунду, почесывая подбородок. — Не слишком ли молоды вы для Соскони?

Ничуть не лучше. Ну почему они с мамой так любят комментировать возраст моих мужчин?

Но что бы отец ни хотел сказать своими вопросами, Джейбриол, похоже, понимал его.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы она была счастлива, сэр.

— Надеюсь, — кивнул отец.

О'Нейл стояла у пилотского кресла и, раскрыв рот, слушала этот разговор. Заметив, что я смотрю на нее, она выпрямилась и закрыла рот.

Я повернулась к отцу. Он шагнул ко мне.

— До свидания, дочь.

Наши руки встретились, и я оказалась в его объятиях — в тех же руках, что так бережно держали меня, когда я была маленькой. Я положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

— До свидания, папа.

— Удачи тебе, — прошептал он. — Я люблю тебя.

По моей щеке скатилась слеза.

— Я тебя тоже. — Я чуть отодвинулась, чтобы видеть его лицо. — Передай маме, что я... что я прошу прощения за то, что случилось на Форшире. Скажи ей, что я люблю ее и что хочу... — я всхлипнула, — что я хочу, чтобы мне было не так тяжело говорить ей это.

Он смахнул слезу:

— Я передам ей.

О'Нейл осторожно, почти неслышно кашлянула. Мы оглянулись на нее.

— Прошу прощения... но нам пора. Чем дольше мы задержимся, тем больше риск быть обнаруженными.

Я заставила себя кивнуть. Мы с отцом подошли к шлюзу и встали у внутреннего люка, глядя друг на друга. Потом он дотронулся до клавиши, открывавшей шлюз. Свет в кабине снова погас. Он выбрался из корабля на крышу и стоял там темным силуэтом.

Я подняла руку. *До свидания.*

Он поднял руку в ответ. *До свидания, Соскони.*

Я закрыла шлюз.

О'Нейл ждала меня у кресла второго пилота. В корабле «скорой помощи» не бывает отдельной пилотской кабины — просто два кресла в передней части салона.

Она жестом пригласила меня сесть в командирское кресло.

— Мне сказали, что вы сможете провести нас сквозь оцепление вокруг планеты.

— Я попытаюсь, — другое дело, смогу я это или нет.

Она кивнула и опустилась в кресло второго пилота. Хотя на лице ее не было и следа волнения, я ощущала его. Наполовину оно происходило от необычности самого задания: рисковать жизнью ради спасения людей, за которыми ей полагалось шпионить. Джейбриол снова сидел на кушетке с закрытыми глазами.

— Джейбриол, — мой голос смягчился, — ты бы пристегнулся.

Он открыл глаза. Потом лег на кушетку и осторожно — так, словно каждое движение причиняло ему боль, — вытянул ноги.

О'Нейл протянула руку и дотронулась до маленького пульта на экзоскелете, раскрытом вокруг моего кресла наподобие металлического цветка.

— Это управляет медицинским роботом. — Она нажала на кнопку, и со стороны койки послышался шелест. Я повернулась и увидела, как Джейбриола опутывает сеть датчиков и трубок. Пластиковое щупальце протянулось к его руке и внедрилось в нее. Он открыл глаза, схватил его и выдернул иглу.

О'Нейл наблюдала за его движениями на мониторе над нашими креслами.

— Это только раствор глюкозы, лорд Куокс, — поспешно сказала она. — Судя по показаниям датчиков, ваш организм сильно обезвожен и истощен.

Джейбриол покосился на нее. Потом лег и позволил щупальцу воткнуть иглу себе в руку. Сеть реагировала на его напряжение, медленно массируя его тело.

Я опустилась в командирское кресло, и оно охватило меня коконом и экзоскелетом. Псифоны не сразу стали на места; для этого пришлось отдать специальную команду. Одновременно вокруг Эрин сомкнулся ее экзоскелет.

Доступ в бортовой компьютер открыт, доложил бортовой компьютер.

Вход в Сколи-Сеть через корабельный компьютер оказался довольно занудным делом. Компьютер моего истребителя вводил меня в псиберпространство мгновенно. Здесь мне пришлось пройти всю процедуру входа, на каждом шагу отдавая специальную команду.

Я вошла в Сеть волновым пакетом, окутанным черной вуалью маскировки. Сеть прямо-таки гудела от активности оцепления; нити ее сияли словно слишком яркое дьешанское солнце. Присутствие Керджа ощущалось повсюду. Неужели пути к спасению отрезаны? Я плотнее окуталась своим темным облаком.

Визуальная псиберимитация, подумала я. *Высокая орбита.*

Сеть исчезла — и я оказалась в космосе. Передо мной висела в пространстве Дьеша — бирюзово-янтарный шар, окутанный грязной ватой. Я «висела» в вакууме, медленно поворачиваясь и осматривая космос. Псиберимитация использовала данные, собранные датчиками Сети, для создания изображения настолько реального, что иллюзия присутствия казалась практически полной. Это давало мне гораздо более полную картину, чем я получила бы без входа в псиберпространство, глядя на дисплеи. Правда, псиберимитация расходует психические и физические ресурсы пользователя так быстро, что всего несколько минут могут лишить меня сознания. Однако для того, чтобы выбраться отсюда, нам требуется максимум доступной информации, а если выбраться не удастся — что ж, в таком случае мое физическое состояние уже не будет играть особой роли.

Из-за диска Дьеши показалась светлая точка. Я сконцентрировалась на ней и стремительно полетела в ее сторону; компьютер выдавал все новые данные. Точка росла, превращаясь в крейсер КИКС — величественный гигант, способный запросто проглотить сотню кораблей вроде нашего и не подавиться. Створки оружейных отсеков кратерами покрывали его поверхность. За крейсером следовала стайка кораблей сопровождения; причальные ворота, похожие на огромную пасть с зубами выступавшего из них оборудования, то и дело открывались, впуская и выпуская катера. Вся сцена казалась неестественно бесшумной: атмосфера на такой высоте слишком разреженная, чтобы передавать звук.

Я придвигалась все ближе, пока крейсер целиком не заполнил все поле зрения. Я могла разглядеть каждую заклепку и

царапину на его корпусе. Еще ближе — и я смогла провести рукой по обшивке. Я знала, что на самом деле я ощущаю только кокон, а Сеть подает в мой мозг данные об обшивке крейсера, порождающие соответствующие тактильные ощущения. Но все же эта шершавая поверхность казалась такой реальной, что я, не особо кривя душой, могла утверждать: я действительно была там.

Я отодвинулась от крейсера и спикировала на планету. Дьеша менялась на глазах: шар в космосе, круглящийся пейзаж, плоскость. Я нырнула в облака, выскочила из них и приближалась к земле с такой скоростью, что вскоре вокруг меня выросли горные вершины. Подо мной не было ни огонька, только в долине сиял елочной игрушкой дворец.

Я «приземлилась» на крыше дворца рядом с флайером, на котором привезла сюда Джейбриола. Неподалеку ждал старта наш корабль. Я просочилась сквозь обшивку в салон и увидела себя саму с закрытыми глазами, спеленатую коконом и экзоскелетом.

Забавно смотреть на себя со стороны. Я тряхнула головой, и голова пилота тоже дернулась. Я почувствовала, как мои щеки трутся о кокон. Мои волосы зашелестели — я услышала этот звук как собственными ушами, так и в псиберпространстве.

— Готовы? — спросила я. Говорить вслух было странно; пилотируя корабль, я привыкла поддерживать пси-связь, устранявшую необходимость в устном общении.

— Готова. — Глядя на меня, О'Нейл беспокойно наморщила лоб.

— Что-то не так? — спросила я.

— Я ни разу не видела, чтобы пилот готовился к полету с закрытыми глазами.

— Я нахожусь в режиме псиберимитации.

— Но вы видите приборную доску?

— Лучше, чем просто глазами. — Я сконцентрировалась на ней, и у меня перед глазами появилась строка красных цифр. — Вы сидите в сорока восьми целых и тридцати двух сотых сантиметра от меня, повернув голову на двадцать три градуса вправо от линии, проведенной между вашим солнечным сплетением и голоэкраном на пульте перед вами. У вас из прически выбилась прядь волос и падает вам на левый глаз.

О'Нейл моргнула, потом откинула прядь с глаза. Я взялась за рукоятку управления и подала ее вперед, одновременно мысленно выскользнув за скорлупу корпуса корабля. Планетарные двигатели корабля выплюнули снопы огня, посадочная площадка содрогнулась от их грохота. Мы поднялись на несколько метров и зависли, уравновесив тягу двигателей с силой притяжения Дьеши.

Соскони...

Джейбриол? Как он оказался в одном псиберпространстве со мной? Мало того что он не подключен к бортовому компьютеру, у него в теле нет даже биомеханической системы, позволяющей это сделать.

Никак не могу... отсоединиться от тебя.

Тогда держись в стороне. Без надлежащей подготовки его мозг может просто не выдержать.

Держаться в стороне?

Думай о себе как о вспомогательной компьютерной программе. Старайся действовать где-нибудь на заднем плане.

Сквозь его усталость пробился легкий смех. *Я буду тих, как мышь.* Он нарисовал образ древнего элемента компьютерной системы: маленькой пластиковой коробочки с тремя кнопками. У коробочки вырос хвост, потом пара ушек, пара глаз и маленький ротик. Коробочка испуганно моргнула и убежала под блок компьютера.

Я улыбнулась.

Захватить флайер, скомандовала я.

Дополнительный импульс правых дюз переместил нас, и мы зависли над флайером. Маленькая машина сотрясалась от наших выхлопов, но прочный корпус выдержал жар и давление. Из днища нашего корабля с лязгом выдвинулись манипуляторы, вцепились в фюзеляж флайера — ни дать ни взять ястреб, когтящий добычу, — и притянули к корпусу.

Флайер закреплен, доложил бортовой компьютер. И вдруг: Система обороны дворца готовится открыть по нам огонь.

Что за черт? *Покажи мне.*

Окружающие нас горные вершины расцвели красными значками, обозначающими огневые точки оборонительной системы; кое-где значки сливались в массивные красные гроздья. Я сконцентрировалась на одной из них — она оказалась батареей лазерных орудий, наведенных на наш корабль.

Что происходит? Я вызвала компьютер, управляющий оборонительными системами дворца, искусственный интеллект по прозвищу Зос.

Зос, отзовись, подумала я.

Слушаю.

Дай нам улететь.

Я не могу этого сделать.

Почему?

Это нарушает заданную мне программу.

Это еще что за новости? Я сама программировала его. *Идентифицируй рисунок коры моего мозга. Потом выполняй мою команду.*

Я знаю, кто вы. Вернитесь на стартовую площадку, или я открою огонь.

Я не верила своим ушам. Как может Зос ослушаться моей команды. Я же, можно сказать, его родная мать.

Вы программировали меня на защиту вашей семьи. Побег Джейбриола Куокса представляет угрозу вашей семье. Поэтому я должен предотвратить его побег.

Послушай, если мы с Джейбриолом не уберемся отсюда, погибнет множество людей, я в том числе. Если меня казнят, это может убить моего отца. Поэтому не дури и дай нам улететь.

Нет ответа.

Черт! Что там делает этот чертов компьютер? *Зос, отзовись!*

Тишина.

Зос?

Можете лететь.

Я хочу, чтобы ты стер все записи об этом разговоре.

Выполнено.

Я переключила внимание на бортовой компьютер. *Покажи мне оцепление.*

В небе появилась сетка из золотых линий. Точки пересечения обозначают корабли.

Сетка с квадратными ячейками искривлялась, охватывая Дьешу сферической поверхностью. Рисунок абсолютно правильный — в полном соответствии с представлением Керджа об идеальной Вселенной. Каждая точка пересечения содержала по крайней мере один красный значок, а во многих их было по нескольку десятков, слившихся в пятно. Я сконцентрировалась на одном, наиболее ярком — это оказался крейсер «Мак-

сар» с кораблями сопровождения. Корабельный компьютер сыпал цифрами, разобрать которые мог только человек с моей степенью допуска.

Впрочем, мой опыт в КИКС сейчас не мог помочь. Он только нагляднее давал понять: побег невозможен. Как можем мы прорваться, если каждый из этих кораблей готов испепелить любой аппарат, поднявшийся с поверхности планеты?

Значит, надо делать то, чего они не ожидают. То, чего не ожидает никто.

Инверсируй, приказала я.

Выполнение команды невозможно.

Инверсируй. Врубай инверсионные двигатели и уноси нас отсюда.

Это невозможно.

Не рассуждай. Просто выполняй команду.

Для достижения необходимой для инверсии скорости нам нужно покинуть зону притяжения планеты и разогнаться. Если мы попытаемся покинуть зону притяжения планеты, нас уничтожат корабли оцепления.

Я не давала команды разгоняться. Я приказала просто инверсировать.

Я не имела ни малейшего представления о том, что будет, если мы попытаемся инверсировать на малой скорости. Согласно наиболее распространенной точке зрения, мы просто не сможем завершить инверсию и навеки зависнем в небытии между реальной и мнимой Вселенными. Поскольку из подобных экспериментов не возвращался до сих пор никто, никто не знал, так это или нет.

Я перехватил донесение в командный центр, сообщил бортовой компьютер. Корабль, ожидающий нас, чтобы сопроводить в госпиталь, хочет знать, почему мы не летим туда. И еще они не понимают, зачем мы захватили флайер.

У нас почти не осталось времени. *Инверсируй!*

У нас слишком мала ско...

Инверсируй, черт подрал! Ну же!

Двигатели включены.

И тут все начало искривляться.

Меня захлестнула волна тошноты. Я чувствовала себя так, словно мои внутренности пытаются свернуться лентой Мёбиуса. Звезды и горы исчезли. Нет, неправда. Горы исчезли, но

звезды остались. Остались мазками темной краски на поверхности черной жидкости. Потом я поняла, что горы тоже остались. Черным по черному. Мы не инверсировали. Мы застряли где-то между Вселенными.

Я снова вошла в корабль. Я увидела себя сидящей в командирском кресле, стиснув пальцы на подлокотниках. Псиберимитация оставалась единственной моей связью с реальностью, но и ее я поддерживала с трудом. Отпусти я ее хоть на мгновение — и мы навеки пропадем в этом мире тающей реальности.

Но мои силы иссякали слишком быстро. Я не могла удержать ее. Салон вокруг нас начал таять.

И тут зашевелился Джейбриол. Он стек с кушетки словно краска под дождем. Щупальце для внутривенного вливания с чмокающим звуком выскользнуло из его руки. Он медленно двинулся по салону; его тело казалось плоским, светящимся по контуру.

Салон искривлялся: его передняя часть отклонялась влево, задняя — направо. Мы с О'Нейл вытекали из кресел, просачиваясь сквозь решетки экзоскелетов. Передняя часть тела Джейбриола вытянулась в одну сторону, задняя — в другую. Салон изгибался все сильнее. Я поняла, что он сворачивается в подобие ленты Мёбиуса.

Джейбриол подошел наконец ко мне; передняя часть его тела просочилась сквозь черные ручьи, бывшие когда-то моими руками. Его рука слилась с рукояткой управления, и та уплыла вперед, отделившись от пульта. Я скорее почувствовала, чем услышала включение двигателей. Ускорение плеснуло нас обратно в кресла. Джейбриол просочился сквозь мой экзоскелет и растекся по полу салона кошмаром художника-сюрреалиста.

Я не могла больше удерживать псиберимитацию неподвижной. Я выскользнула из корабля, просочившись сквозь корпус словно сквозь тонкую пленку. Только часть меня покинула корабль, но и этого было достаточно, чтобы увидеть кошмар снаружи. Сетка оцепления смешалась в бесформенное месиво золотых линий и красных клякс. Корабли стреляли по нам, бестолково выплевывая в пустое пространство ракеты и лучи. У меня в ушах пульсировали хаотические звуки. Воздух сделался вязким словно масло и вонял выхлопными газами.

Мы двигались, медленно-медленно приближаясь к сетке оцепления.

Откорреккттттиирррооооввввааааттттть куу-уурсссссссс...

Слова утекали куда-то прочь от меня. Я попыталась командовать по-другому: нарисовав в уме брешь, зиявшую в сетке оцепления почти прямо над нами. Корабль изменил курс, нацелившись на брешь. По мере нашего приближения к ней брешь затягивалась и к моменту, когда мы достигли ее, сомкнулась окончательно. Мы просочились сквозь золотые нити словно масло через сито.

Я вновь проскользнула в корабль, объединившись с той частью меня, что оставалась там. Джейбриол так и лежал, растекшись на боку. Темное тело на темном полу. Все было темным. Темным и нечетким. Темным... Я потеряла сознание...

...и пришла в себя. Цифры, горевшие у меня перед глазами, говорили, что мы только что вышли из стазиса. Корабль отошел от планеты на достаточное расстояние, чтобы включить фотонные двигатели. Наша скорость — ее реальная часть — составляла шестьдесят процентов от световой...

...девяносто шесть процентов...

...девяносто девять с девяткой в прогрессии процентов. Наша масса увеличилась в семь тысяч раз. Двигатель пожирал космические излучения обоих пространств — реального и мнимого. Корабль ускорялся, забрасывая нас черт знает куда. Восемнадцать минут — или восемнадцать миллионов лет — мы просачивались сквозь пространство, несясь на грани световой скорости, пытаясь инверсировать, снова и снова не в состоянии сделать это.

Сссссубссссветтттттоввваааааяяя...

Свет в салоне померк окончательно... и вспыхнул. Я снова была сама собой. И салон вернулся в свое изначальное состояние. Мы продолжали идти с ускорением больше одного g. Но мы снова обрели материальность. Нормальную материальность. Нет, не совсем нормальную. Там, где Джейбриол падал сквозь мои руки, в обшивку кресла вплелись куски моей формы.

— Джейбриол! — Я стукнула кулаком по замку экзоскелета, и тот послушно раскрылся, давая мне возможность оглянуться.

Он лежал на полу. Его ноги раскинулись так, словно он лежал на спине, но торс извернулся так, что, начиная от та-

лии, он лежал на боку. Рука лежала на отлете — словно его разорвали на части.

Я выбралась из кресла. Голова у меня кружилась, и я на секунду опустилась на пол между спинкой кресла и переборкой. Потом я подползла к Джейбриолу. Только не дайте ему умереть, думала я. Или остаться искалеченным. Или с внутренностями, смешанными как краски на палитре, оставленные высыхать бесформенным комком...

Я подняла его руку — ту, что лежала откинутой, — и вернула в нормальное положение. Он застонал и перекатился на спину, выпрямившись. Его глаза медленно открылись. Сначала он рассеянно смотрел в переборку, потом начал растирать руку.

Я перекатилась к нему так, чтобы мы лежали рядом.

— Ты меня видишь?

Его взгляд уперся в мое лицо.

— Да.

— Ты в порядке?

— Вроде бы в порядке.

— Праймери Валдория, — окликнул компьютер. — Если мы будем продолжать ускорение, у нас скоро кончится горючее.

— Прекрати ускоряться, — кивнула я.

Гул двигателей сменил тональность. Джейбриол приподнял голову, и это движение оторвало его от пола.

С кресла второго пилота послышался стон. Я тоже оторвалась от пола и швырнула себя к Эрин. Когда я опустилась в кресло, мой экзоскелет поймал меня. О'Нейл сидела бледная, с широко открытыми глазами.

— Мы все-таки прорвались, — сказала она.

— Надеюсь, так, — согласилась я. Голокарты показывали район космоса, где мы оказались, трехмерные графики расхода горючего, нашей траектории, координаты, дату...

Я присвистнула:

— Мы прыгнули почти на три месяца в будущее.

Джейбриол подплыл к нам и уцепился за ручку моего кресла.

— Этого не может быть. Мы же летели всего несколько минут.

— Мы так и не инверсировали, — сказала я. — Я заставила корабль вернуться в реальную Вселенную. Поэтому нам не удалось компенсировать искажение времени. — Я помолчала. —

Они ищут нас не там. Вернее, не тогда. Они ищут нас три месяца назад.

— Значит, я не докладывала президенту Коллоуэй целых три месяца, — испугалась О'Нейл. — Она думает, что мы погибли.

— Будем надеяться, что так думают все, — сказал Джейбриол.

Эти три месяца просто выпали из нашей жизни. Три месяца с того момента, как отец огласил свою версию случившегося: Джейбриол добрался до дворца и похитил мой флайер, без успеха попытавшись переделать его двигатели для инверсии; мы с «Лайрой Мирзон» преследовали его на корабле «скорой помощи»; взрыв его импровизированных инверсионных двигателей задел наш корабль — и никто не знает, что случилось после этого.

— Сбросить флайер, — вслух приказала я корабельному компьютеру.

Корабль вздрогнул — это клешни манипуляторов освободили флайер, подтолкнув его вперед. Мониторы показали флайер, летящий прямо перед нами.

— Подрыв! — приказала я.

Флайер взорвался. Обломки его разлетались во все стороны; некоторые летели прямо на нас и рикошетили от прочного корпуса корабля. Когда обломки флайера обнаружат — если вообще обнаружат, — они разлетятся на слишком большое расстояние, чтобы по ним можно было определить, взорвались мы с ним вместе или нет.

Вот и все.

Я откинулась в кресле и закрыла глаза, отходя от сумасшедшего напряжения.

— Приму-ка я у вас управление, — предложила О'Нейл.

У меня хватило сил кивнуть. Пока О'Нейл переключала управление на свой пульт, мы с Джейбриолом перелетели на кушетку. Как только мы заняли относительно горизонтальное положение, страховочная сетка опутала нас и притянула к кушетке.

Мы с Джейбриолом вздремнули немного, обнявшись. Сон был беспокойный: мы то просыпались, то вновь проваливались в дрему. О'Нейл инверсировала корабль так плавно, что я едва заметила это. Мой желудок болезненно сжался, но на этот

раз переход занял ровно столько времени, сколько ему и положено: неуловимые доли секунды.

Окончательно я проснулась, когда О'Нейл подплыла к нам.

— Как дела? — спросила она.

— Все в порядке. — Мой голос все еще звучал слабо, но чувствовала я себя и на самом деле гораздо лучше. — Кто ведет корабль?

— Поставила на автопилот. Мы достигнем точки назначения через несколько часов корабельного времени.

Джейбриол пошевелился:

— Куда мы летим?

О'Нейл ухватилась за край кушетки и подтянулась к нам так, чтобы глаза ее находились примерно на одном уровне с нашими.

— На планету под названием Гамма IV.

— Что это за название, — вяло возмутилась я. — Какой звезды? Какого созвездия?

О'Нейл не ответила. Вместо этого она сказала:

— Об этой планете не знает никто, кроме нас, президента Коллоуэй и автоматического разведчика, который нашел ее четыре дня... — она осеклась, — четыре дня и три месяца назад. Президент Коллоуэй перехватила донесение автомата прежде, чем оно попало в архив, так что, кроме нее, никто не знает о том, что он обнаружил. А к настоящему времени эта запись уже должна быть уничтожена.

Вот так. Она даже нам не говорит, куда прячет нас.

— На планете есть люди? — Какой смысл во всех этих предосторожностях, если кто-нибудь может нас узнать.

— Единственный разумный вид там еще нельзя назвать людьми, — ответила О'Нейл. — Это гуманоиды, кочевники на уровне каменного века. Они проживают в нескольких тысячах километров к югу от места, где я собираюсь вас высадить. — Она склонила голову набок. — Там, где мы сядем, очень красивые дикие места. Горы. Но это все, что нам известно. У нас нет ни детальной разведки, ни анализов по этому миру. — Она обвела салон рукой. — Я захватила столько снаряжения, сколько могла, не возбудив при этом чьего-то любопытства. Еще я захватила для вас компьютер с библиотекой на солнечных батареях. Во всех остальных отношениях вы будете предоставлены сами себе.

Это было еще мягко сказано. Конечно, моя подготовка как Демона включала в себя курс выживания. Моя возможность действовать в боевом режиме тоже поможет, равно как молодость и ум Джейбриола. Но нам придется нелегко. Впрочем, как я подозревала, в выборе места земляне преследовали свою логику: что лучше сбережет хайтонского и сколийского наследников от неприятностей, чем жизнь в дикой глуши, где вся наша энергия будет уходить на борьбу за выживание?

О'Нейл деликатно кашлянула:

— Если вы желаете... я могу провести обряд прямо сейчас.

— Обряд? — не поняла я.

— Бракосочетание. — Она замялась. — Вы спрашивали...

Я перекатилась на другой бок, лицом к Джейбриолу.

— Хочешь жениться на мне?

— Идет, — улыбнулся он.

В компьютере у О'Нейл нашлось не слишком много информации о свадебных обрядах. Традиционные сколийский и хайтонский не в счет — мы не хотели этого. Мое внимание привлек один — древний земной обряд, принадлежавший индейцам майя. Я обратила на него внимание, поскольку информация о нем сопровождалась изображением женщины, напомнившей мне портреты моей бабушки. У нее были такая же золотистая кожа и большие глаза, такие же пышные черные волосы, струившиеся до пояса.

Единственные слова, полагавшиеся по ритуалу, приводились компьютером на цоциле, языке майя. Никто из нас не знал его, а пользоваться во время церемонии компьютерным переводом мы тоже не хотели, так что О'Нейл перевела их на сколийский — единственный язык, которым владели все трое, — пытаясь сохранить дух ритуала.

Нам требовались три свечи, лента, тринадцать монет и два кольца. Вместо свечей О'Нейл достала из ящичка в переборке три карандаша-фонарика. В качестве ленты решили использовать метровый отрезок шнура; дюжину с небольшим монет она выгребла из кармана. Труднее всего пришлось с кольцами. В конце концов мы использовали медные крепления койки. Нам полагалось преклонить колена перед алтарем, однако за отсутствием алтаря мы висели в воздухе над койкой.

О'Нейл включила фонарики и дала нам по одному, оставив себе третий.

— Пусть эти огни ярко освещают ваше будущее, — тихо, но торжественно произнесла она. Потом связала концы шнура и провела этой петлей у нас над головами. — Пусть эта лента свяжет ваши жизни воедино. — Она сосчитала монеты. — Пусть ваши души всегда будут счастливы. — Она передала монеты Джейбриолу. — Теперь вы должны сказать: «Я отдаю это тебе, жена».

Джейбриол сунул их мне в руку.

— Я отдаю это тебе, жена. Это все, что у меня есть, да и то, боюсь, взято взаймы. Но я отдаю их тебе от всего сердца, — добавил он тихо.

Я подняла его руку и приложила ладонью к своей щеке, от чего мы запутались ногами в сетке.

— Ты делаешь меня богатой.

О'Нейл посмотрела в свою шпаргалку:

— На самом деле вы должны ответить: «Я принимаю это, муж». Так вы впервые называете друг друга мужем и женой.

Я поцеловала руку Джейбриола.

— Я принимаю это, муж. — Я покосилась на О'Нейл. — Я ничего не должна дать ему?

Она снова посмотрела в бумажку:

— Кажется, нет. Во всяком случае, в этом варианте церемонии. Вы должны отдать деньги тому, кто сочетает вас.

Я протянула монеты ей:

— Спасибо.

Она улыбнулась.

— Возьмите их. Сохраните на память. — Она достала из кармана кольца, от чего, в невесомости, отлетела в сторону и врезалась спиной в ящик с провизией. Взяв Джейбриола за левую руку, она надела кольцо на его безымянный палец. Потом подала ему второе кольцо.

— Теперь можете надеть его своей невесте.

Джейбриол надел мне кольцо на указательный палец левой руки — на нем оно сидело лучше всего. Ощущение было непривычным: я редко ношу украшения. Ничего. Привыкну.

— Если бы я была священником, — сказала О'Нейл, — я бы прочитала молитву. Но поскольку я не...

— Мы все понимаем, — заверила я ее.

— Хорошо. Тогда последнее. — Она отцепила с пояса пластинку-бортжурнал. — Как капитан этого корабля объявляю вас мужем и женой. — Она протянула журнал мне. — Вы оба должны расписаться.

Я ухватилась за подвеску кушетки.

— Вы хотите, чтобы об этом осталось письменное упоминание?

— Разумеется. Иначе бракосочетание будет недействительно.

— Если будет запись, — согласился со мной Джейбриол, — кто-нибудь сможет найти ее.

— Я отдам ее лично президенту Коллоуэй. — О'Нейл все протягивала мне журнал. — Ведь мало смысла жениться, если это ничего не значит.

— Это значит кое-что для нас, — возразил Джейбриол. — Это главное.

— Нет. Она права. — Я улыбнулась. — Помнишь, как в старину останавливали войны? Выдавали друг за друга детей из враждующих лагерей. И потом, подумай о наших детях, если они у нас будут. Наш незаконный брак ослабит их позиции. И если с нами что-нибудь случится, это может значить для них гораздо больше, чем нам сейчас кажется.

Джейбриол недоверчиво посмотрел на О'Нейл:

— Вы обещаете, что этот документ увидит только президент Коллоуэй?

Она кивнула:

— Если, конечно, вы сами не попросите его у нее.

— Ладно.

И мы подписались. А потом мы уже были мужем и женой.

Мы с Джейбриолом стояли, глядя в вечернее небо. Мы стояли так еще долго после того, как корабль О'Нейл превратился в точку и исчез — словно мы, не двигаясь, отказывались признать то, что мы одни, отрезанные от остального человечества.

Наконец Джейбриол вздохнул и кивнул в сторону пещеры в склоне ближайшего к нам холма.

— Надо соорудить хоть какую-то защиту. — Он показал на окружавший нас густой лес. — На случай, если там кто-то живет.

— Да, — кивнула я. — Конечно.

Но, войдя в пещеру, мы только огляделись по сторонам. Слабый свет наших фонариков плясал по низким каменным сводам — пещера лишь ненамного превышала размерами салон корабля. Вдоль стен штабелями стояли ящики, контейнеры, канистры и бочки. В дальнем конце пещеры красовался нейтринный передатчик — наша единственная связь с внешним миром, если мы когда-нибудь захотим ее использовать.

Джейбриол подошел к стопке одеял и взял одно.

— Пошли прогуляемся, Соскони. Недолго.

Мне и самой хотелось выйти из темной пещеры.

— Пошли. — Я закинула за плечо лазерный карабин. Выйдя из пещеры, мы включили поле, закрывающее вход. Снаружи было еще довольно светло. Нас окружал лес из деревьев с мягкой хвоей. На западе он редел и открывался на поляну с обожженной землей — туда садился доставивший нас корабль. На севере деревья тоже понемногу редели. Туда мы и пошли.

Мы двигались не спеша: изучая местность, привыкая к ней. Вместо еще одной поляны мы оказались на краю скалистого обрыва. Вокруг повсюду, насколько хватал глаз, вырастали из долины утесы, поросшие деревьями. На зеленом ковре яркими белыми мазками выделялись выходы скальной породы. Над горами пожаром горел закат, окрашивая сгрудившиеся у горизонта облака в алый цвет. Небо прямо над нами уже потемнело, и на нем высыпали первые звезды. На востоке из-за скал выползал тонкий серп молодой луны.

— Красиво, — сказал Джейбриол.

— Да, правда красиво. Дико. Непривычно.

Убедившись, что место безопасно для нас, мы сели на краю обрыва. Одеяло мы накинули на плечи, карабин покоился у нас на коленях. Легкий ветер дул нам в лицо, а горы постепенно темнели. На небе одна за другой появлялись все новые звезды — десятки, потом сотни, потом тысячи.

— Дом, — тихо сказал Джейбриол.

Я погладила его по щеке. Мы столько потеряли: все, что знали, все, что любили. И что бы там ни случилось, я знала: Джейбриол любит своего отца, которого не увидит больше никогда, по крайней мере живым. Но в обмен на все эти утраты мы надеялись, что настанет день, когда мы, а может быть, наши дети положат конец войне, от которой мы пока сбежали. Тому не было ни гарантий, ни обещаний.

Но надежда была.

Джейбриол положил голову мне на плечо, и мы сидели, согретые одеялом. Скоро мы вернемся в пещеру, и займемся любовью, и уснем, набираясь энергии для завтрашнего дня, и для послезавтрашнего дня, и мы будем познавать этот мир и друг друга, не просто выживая, но исцеляясь для того дня, когда мы покинем его и вернемся принять наше наследство.

Но пока мы просто сидели и любовались надвигающейся ночью.

УКРОТИТЬ МОЛНИЮ

Часть I
Калифорния

Глава 1
НОЧНОЙ ГРОМ

В последний раз я видела Землю в 1987 году, когда мне было семнадцать лет. С тех прошло немало времени: многое изменилось, и я уже не та лос-анджелесская девчонка, какой была прежде. Но память о тех днях — благодаря биоусилению — до сих пор яркая, словно все случилось только вчера.

В ту ночь я ощущала пульс города. И хотя Лос-Анджелес практически никогда не ложился спать, то была тихая ночь, словно город погрузился в собственные мысли. В какую-то дремоту. Чтобы затем проснуться, вздрогнув, словно от толчка.

Джошуа встретил меня, когда я закончила смену в ресторане, и мы вместе дошли до автобусной остановки. Незадолго до этого прошел небольшой дождь, и на асфальте образовалась мокрая пленка; в ней, в радужных разводах бензина, отражался размытый свет уличных фонарей. Над головами у нас сквозь смог и огни ночного города сумели пробиться несколько звезд — видимо, они поставили себе целью победить тусклое янтарное свечение, застилавшее ночное небо. Мимо проносились запоздалые машины — этакие гепарды на колесах, мчащиеся по каким-то своим делам.

Я сразу заметила, что Джошуа пребывает в приподнятом настроении. От него исходила некая аура, некое розоватое облако, то и дело менявшее свои очертания, облако, не нуждавшееся ни в каких словах. Его звучание чем-то напоминало шум прибоя на пляже; пахло оно как морские водоросли и было

соленым на вкус. Я уже давно привыкла к тому, что слышу и вижу эмоции других людей, а подчас даже ощущаю их кожей. Но чтобы чувствовать запах и вкус — такое случается со мной гораздо реже.

В ту пору я и не подозревала о силах Кайла. Собственно говоря, не в этом дело. Я по опыту знала, что с расстоянием эффект ослабевает. И пока Джошуа рядом со мной, я буду ощущать его эмоции. По крайней мере до тех пор, пока у него не пропадет хорошее настроение. Конечно, я ничего ему не сказала. Еще подумает, что у меня с головой не все в порядке.

Мы сели на скамейку на автобусной остановке. Джошуа положил мне на плечо руку — нет, не как парень, с которым у меня любовь — этого между нами отродясь не было, — а просто как хороший друг, которого я знала целых шесть лет, с 1981 года, когда Ямайка стала пятьдесят пятым штатом, а у нас в Беверли-Хиллз сгорели гигантские буквы ГОЛЛИВУД. Джошуа на лоб спадала кудрявая челка, нависая на металлическую оправу его очков. Джошуа — моя противоположность почти во всем. Например, волосы у него светлые и вьющиеся, у меня — до пояса, прямые и черные. Его глаза, синие и ясные, всегда казались мне кусочками безоблачного неба, мои же собственные — черны.

Неожиданно радужный пузырь хорошего настроения словно наткнулся на что-то острое. Я поначалу не поняла, откуда возникло это острие. Откуда-то из темноты, похожее на кинжал.

— Тина, взгляни.

Джошуа указывал на другую сторону улицы.

Я посмотрела. С бульвара Сан-Карлос на боковую улицу сворачивал красный спортивный автомобиль.

— И что?

— Так это же Наг за рулем.

Услышать это имя сродни тому, как если бы на вас вылили ушат холодной воды.

— А что в этом странного? Он что, не имеет права садиться за руль?

— Он наблюдал за нами. — Джошуа обернулся через плечо. Напряжение на его лице заметно спало. — А вот и наш автобус.

Автобус остановился прямо напротив нас. Я поднялась со скамейки, вошла в салон и обернулась к Джошуа. Он махал

мне на прощание рукой. Но в следующее мгновение водитель закрыл дверь, и Джошуа скрылся из виду.

Всю дорогу я сидела одна, прислонившись к стеклу. В салоне находились еще несколько пассажиров, и все как один были погружены в собственные мысли. Интересно, подумала я, куда едут эти люди? Домой, к семье, или куда-то еще, в привычный и понятный им мир.

Я же, как ни старалась, никак не могла привыкнуть к Лос-Анджелесу. Он оставался для меня чужим. Сама я выросла в мексиканской деревушке Набенчаук на плато Чиапас, что на юге страны. Я скучала вдали от пышной зелени наших лесов, мне недоставало сухой зимы и дождливого лета. Мое самое раннее воспоминание — еще не рассвело, а мать, босая, стоит на коленях и мелет маис. Во многих отношениях моя мать — типичная женщина майя. И как ее только угораздило забеременеть в четырнадцать лет, когда в нашу деревушку, аж из самого Мехико, приехал один художник.

Когда мне исполнилось восемь лет, мои дядя и тетка погибли во время землетрясения — кстати, такое у нас случается часто. После них остался одиннадцатилетний сын, Мануэль. Мать после долгих лет наконец решилась отправиться на поиски моего отца. Взяв с собой меня и Мануэля, она пустилась в путь по Панамериканскому шоссе в Мехико, для меня это было все равно что на край света. Разумеется, никого мы не нашли. Но так и остались в Мехико, городе падших ангелов, что не спят ночами.

Автобус остановился на бульваре Сан-Карлос в нескольких кварталах от моего дома. Магазинчик на углу был пуст и закрыт. Я надеялась, что встречу кого-нибудь из Альконес и попрошу проводить меня домой, чтобы не идти одной. Мой двоюродный брат Мануэль умер год назад, незадолго до того, как мне исполнилось семнадцать, и с тех пор Альконес присматривали за мной. Я легко могла представить себе, как Марио препирается с Мануэлем:

— *Oye, vato*, пойдем, что ли, к нашим?

— *Chale homes*, я хочу пойти прошвырнуться. Может, снимем каких-нибудь смазливых девчонок.

В ту ночь никого из них поблизости не оказалось.

Забегаловка чуть дальше по улице была открыта. Оттуда я могла позвонить Марио. Конечно, мне придется его разбудить,

сегодня утром он встал спозаранку и весь день провел в поисках работы. Наверняка он давно уже спит и вряд ли обрадуется тому, что его вытаскивают из постели в час ночи.

До моего дома оставалось лишь пара кварталов. Район наш я знала хорошо. Да и меня здесь знал едва ли не каждый. Вот почему я приняла решение, изменившее мою жизнь до неузнаваемости. Возмóжно, я уже и тогда знала или догадывалась каким-то внутренним чутьем, что этой ночью должно произойти что-то особенное, из ряда вон выходящее. Возможно, какой-нибудь специалист-нейролог мог бы проследить процессы в моем мозгу, предшествовавшие принятию этого решения, или же физик смог бы рассчитать изменения его магнитного поля. Но как бы там ни было, я решила, что дойду до дома одна.

Я свернула в переулок. Вдоль дороги выстроились старые, видавшие лучшие времена домишки. Почти все фонари разбиты, и лишь местами тротуар освещен тусклой лампой. Асфальт весь в трещинах, кое-где из них уже проросла трава. Повсюду мусор: какие-то камни, куски штукатурки, газеты, обертки от конфет, пустые сигаретные пачки, картонные тарелки и стаканы. И все это либо разносится ветром по всей улице, либо валяется беспорядочными грудами у стен домов. Кое-где ветром в окнах раздувает занавески. В нос мне ударил неприятный запах мокрой бумаги.

Когда мать только-только привезла нас в Эл-Эй, мы поселились в районе еще более убогом, чем этот. И хотя с точки зрения материального комфорта похвастаться нам было нечем, мама сделала все для того, чтобы мы имели крышу над головой, а главное, щедро одаривала нас своей любовью и заботой. Когда она умерла, мы с Мануэлем переселились сюда, тем более что квартплата оказалась нам по карману.

Я шла по направлению к дому, ощущая какое-то странное чувство. Нечто вроде струйки. Словно по моим рукам стекал какой-то теплый ветерок, остаток мощного, вырвавшегося из ближайшего каньона порыва. Только вот каньон этот был у меня в голове, а уж никак не в городе.

Через два квартала я увидела *его*.

Он стоял в сотне метров от меня, лицом к дороге, высокий мужчина с курчавыми волосами. Он был мне незнаком. Единственный исправный фонарь на этом отрезке улицы горел как раз в том месте, где находилась я. Стóит мужчине повернуться

в мою сторону, как он тотчас заметит меня. Я отлично понимала, что мне следует уйти, но было в незнакомце нечто необычное, и я остановилась, чтобы присмотреться внимательнее.

В руках он держал коробку. Она испускала приглушенное жужжание и неяркое свечение, переливаясь то красным, то золотым, то зеленым, то голубым, то пурпурным и серебристым. Держа чудесную коробку перед собой и не сводя с нее глаз, мужчина сделал поворот вокруг своей оси. Судя по тому, как он был одет, я бы скорее заподозрила его в причастности к магазинным кражам. Он же был занят исключительно каким-то прибором. Но ведь и Мануэль, когда шел гулять со своими приятелями, одевался точно так же — майка и заправленные в ботинки джинсы. Правда, незнакомец этот был во всем черном. Мануэль же предпочитал футболки и линялые джинсы.

Вспомнив о Мануэле, я быстро опомнилась. И попятилась, надеясь скрыться из виду, прежде чем этот тип заметит меня. Но, увы, слишком поздно. Незнакомец повернулся и поднял глаза. Сначала он просто стоял на месте, глядя в мою сторону. А затем направился ко мне. Шагал он быстро и уверенно, и расстояние между нами сокращалось с каждым мгновением.

«Попалась!» — подумала я и бросилась наутек.

— *Esperate*, — крикнул он. — *Habla conmigo!*

Сама не понимаю, что заставило меня обернуться на его кошмарный испанский. Ведь я с трудом понимала, что он хочет сказать. Голос его тоже звучал как-то странно. Слово *habla* незнакомец пророкотал на басовой ноте, словно кто-то задел толстую струну. Но от него исходило какое-то тепло, заслонявшее собой все остальное. Это тепло волной обдавало мою кожу, уже не струйкой, а полноводной рекой.

Незнакомец замер, глядя на меня. Я тоже таращилась на него, готовая в любую минуту броситься наутек, если он подойдет ближе.

— *Preguntar me te decir*, — снова попробовал он вступить со мной в контакт.

Грамматика в его словах отсутствовала напрочь.

— *Que?*

— *Despierto mi*, — произнес он. — *Yo espanol mal.*

Он плохо говорит по-испански? Это еще мягко сказано!

— А по-английски?

— Говорю! — На его лице читалось облегчение. — Гораздо лучше.

По-английски мужчина говорил с сильным акцентом, но понять его было легче. И примерно в каждом предложении голос его срывался на рокот, будто кто-то задевал басовую клавишу на пианино. Иногда она звучала октавой ниже, иногда октавой выше, но всякий раз в басовом ключе.

— Что вам надо?

Он протянул руки ладонями вверх, словно показывая, что безоружен. Уверенности мне это не прибавило. Вдруг у него где-то спрятан нож или пистолет. Правда, в одной руке незнакомец до сих пор держал загадочную коробку.

— Заблудил, — произнес он. — Найдите меня помочь?

— Что-что?

Незнакомец на минуту умолк. Лицо его утратило всякое выражение, словно экран выключенного компьютера.

— Вы не могли бы мне помочь? Я заблудился, — наконец произнес он.

— А куда вам надо?

— Первоначально в Вашингтон.

Я все напряглась. Наг и его компания вечно ошивались возле винного магазина «Вашингтон». Они все носили черное, как и этот тип. И как у него, у них были напульсники. Я потихоньку попятилась.

— До «Вашингтона» вам не близко.

— Да, — произнес незнакомец. — Я специально не стал приземляться в столице.

Он что, имеет в виду Вашингтон, округ Колумбия? А у него с мозгами все в порядке? Хотя нет, разговаривал он как вполне нормальный человек. Нельзя сказать, чтобы незнакомец нес какую-то околесицу, да и язык у него не заплетался. Просто плохо говорил по-английски.

— А что у вас в Вашингтоне? — поинтересовалась я.

— Прием.

Я едва не расхохоталась.

— То есть вы собрались туда на прием в таком виде?

— Это моя повседневная форма. Парадная форма осталась на корабле.

Интересно, он сам понимает, что говорит? Нет, в нашем районе таких, как он, отродясь не бывало.

— А как вас зовут?

— Эльтор.

Эль Тор? Похоже на кличку. У Нага в банде почти у всех клички, хотя и не такие экзотические.

— Вы имеете в виду Тора? Ну, этого, у которого молот?

— Извините, но я не представляю, кого вы имеете в виду.

Кого? Вообще-то я сомневалась, что есть люди, которым знакомо это слово. Несмотря на усталость, надо мной с каждой минутой брало верх любопытство.

— А это что у вас? — показала я на коробку.

— Трансcком, — ответил он.

— И для чего он?

— Передает и получает волны. В настоящий момент я пытаюсь обнаружить радиосигналы.

Он подошел ближе, демонстрируя мне коробку. Я попятилась. Как только попала в круг светового пятна, отбрасываемого уличным фонарем, незнакомец замер на месте, изумленно глядя на меня, словно только что увидел. В некотором роде так оно и было, потому что до этого я стояла в темноте.

— О Боги! — пошептал он. — Ты прекрасна!

Я же продолжала пятиться в сторону аптеки на углу.

— Не двигайся! — приказал Эльтор и шагнул ко мне.

Но не успел он сделать и шага, как я бросилась со всех ног.

— Подожди! — крикнул он мне вслед.

Я остановилась, обернулась и посмотрела на него. Почему? Что-то в нем показалось мне знакомым, но, как ни старалась, я не могла с уверенностью сказать что. Более того, я ощущала это кожей, словно струйки тумана, поднимающиеся утром над рекой. Или что-то теплое. Что это? Душевное тепло? Я замерла на месте, готовая в любую секунду броситься прочь и одновременно снедаемая любопытством. Что же он предпримет дальше?

Эльтор отошел к уличному фонарю, чтобы я могла его разглядеть. Он был высок, почти шесть футов ростом. Глаза темные, почти черные, хотя в тусклом свете уличного фонаря разглядеть их настоящий цвет было трудно. У него была светлая кожа и, насколько я могла рассмотреть, курчавые волосы точно такого же цвета, что и бронзовый браслет у меня на руке — мама подарила мне его незадолго до смерти. Я должна была признать, что парень он симпатичный. Странный, конечно,

но симпатичный. Однако если он хорош собой, это еще не означает, что я собираюсь с ним тут долго разговаривать.

— Ты из компании Нага? — спросила я.

— Кого?

— Нага. Можно подумать, ты его не знаешь.

— Нет, не знаю.

— Ну, значит, видел. Такой высокий. Англо. Голубые глаза. Прическа «двести двадцать».

— Нет, этот человек мне неизвестен, — ответил Эльтор и пристально посмотрел на меня. — Так ты не узнаешь мою форму?

— Не знаю я никакой формы, — поморщилась я. — Я вообще не представляю, какая она. — Даже сейчас, когда я говорю на семи языках, я все равно, вопреки всем правилам, употребляю в английском двойное отрицание. Странно, однако, что язык не позволяет вам таким простым способом подчеркнуть свою мысль.

— Я ***, — произнес он.

— Что-что?

Он повторил какое-то странное слово еще раз, но я все равно не смогла понять, что оно значит.

— Не понимаю.

— Дословно это переводится как Второй Джагернаут.

— Джагернаут?

Незнакомец кивнул.

— Это что-то вроде вашего капитана дальнего плавания, — пояснил он и на минуту задумался. — А может, даже ближе по смыслу к вашему майору военно-воздушных сил.

— Так вы военный?

— Пилот. Тактическое боевое авиакрыло ИКК.

Пилот! Как интересно! Но осторожность тотчас взяла над любопытством верх. Уж что-то не слишком он был похож на летчика.

— А что такое ИКК?

— Импер... — Он запнулся. — Космическое командование.

К этому моменту я была уже на все сто процентов уверена, что парень либо ненормальный, либо накурился марихуаны, или же, на худой конец, принимает меня за круглую дуру, готовую поверить любым россказням.

— А, понятно.

— Ты считаешь, что я все это выдумал?

— Ну, знаешь ли, не каждый день по пути домой нарываешься в темноте на военных летчиков.

Эльтор улыбнулся.

— Ты права.

Его улыбка застала меня врасплох. В ней не было ни жестокости, ни притворства, ни легкомысленной веселости того, кому ни разу в жизни не приходилось плакать. Но за этой улыбкой что-то крылось, что точно — я не могла понять, но что-то сложное, запутанное.

Я слегка расслабилась.

— А как ты попал в Эл-Эй?

Он оценивающе окинул меня с головы до ног, словно решал для себя, стоит меня опасаться или нет. Вот уж смех, да и только. Ну кто по сравнению с ним я, девчонка «метр с кепкой» и в мини-юбке? Когда незнакомец наконец снова заговорил, мне показалось, что ему в голову пришла та же мысль. Тогда я еще не представляла ни истинную причину того, почему Эльтор решил довериться мне, ни тех сомнений в его душе, что этому предшествовали.

— Я не туда попал, — произнес он. — Вернее даже, это не то место и не то время. Согласно положению звезд, дата сходится с расчетной. Но все остальное не так. — Он указал на уличный фонарь. — Прежде всего я и понятия не имел, что в Лос-Анджелесе будут вот такие фонари.

Я недоуменно заморгала. Уличный фонарь был точно такой, что и остальные во всем городе, — высокий, едва ли не столетней давности столб, а на его конце нечто вроде крючка, с которого свисает фонарь наподобие колокола на старой испанской миссии. Ни один путеводитель по Калифорнии не обходился без упоминания о них.

— Это колокола ангелов, — пояснила я.

— Колокола ангелов? Вот уж ничего подобного раньше не слышал.

— Сразу видно, что ты не здешний. Эти фонари такие же знаменитые, как и мост Золотые Ворота в Сан-Франциско.

Эльтор нахмурился.

— Я изучал американскую историю. И будь эти фонари действительно так знамениты, как ты о них говоришь, я бы наверняка их узнал.

— Может, твой учитель плохо знал историю Лос-Анджелеса?

— Моим учителем был компьютерный чип. И он не содержал сведений о ваших уличных фонарях, или, как вы их называете, колоколах ангела.

Сказав это, незнакомец обвел взглядом грязную улицу, посмотрел на разбитое стекло в ближайшем от нас доме, на полуразвалившееся крыльцо.

— Ты здесь живешь?

Вопрос о том, где я живу, мне не понравился, и я не стала на него отвечать. И тогда незнакомец спросил:

— А почему ты так живешь?

— Потому что, — процедила я сквозь зубы.

Эльтор как-то передернулся, будто моя злость задела его за живое.

— Мне извини, — произнес он. — Я не хотел обижать.

Наступило молчание. Наконец я не выдержала и заговорила первой:

— А ты откуда?

— Первоначально из Партонии.

— Откуда?

— Партонии. Там Штаб-квартира сколийского правительства.

— Первый раз слышу.

— После того, что я здесь увидел, и тем более после того, чего не увидел, я ничуть не удивлен.

С этими словами Эльтор присел на соседнее крыльцо и указал на свой светящийся коробок.

— Все не так. Единственное, что мне удалось обнаружить, — это колебания на радиочастотах.

Я шагнула поближе, чтобы лучше разглядеть коробку. Эльтор водил пальцами по ее граням, и они переливались самыми разными цветами. Затем он обвел коробкой вокруг запястья и прижал к напульснику. Кстати, напульсник этот оказался вовсе не из кожи — или по крайней мере не весь. Кое-какие части были металлическими, кое-где виднелись провода — теперь я знаю, что это керамоплексовые проводники, которые питают миниатюрную компьютерную сеть.

— Первый раз в жизни вижу такие напульсники, — заметила я.

— Они снабжены новой сетевой структурой, — рассеянно произнес мой новый знакомый, не сводя глаз со своей нена-

глядной коробки. — По крайней мере я могу добраться до своего Джага.

— До твоей машины? — спросила я, полагая, что он имеет в виду «ягуар».

По его виду никак не скажешь, что это владелец роскошного автомобиля.

— Да, боевой.

— А, понятно.

Уж не актер ли передо мной, подумала я, который разучивает роль? Но скорее всего этот парень где-то по дороге потерял из головы пару-тройку шурупов. Правда, с другой стороны, ничто в его поведении не вызывало у меня особой тревоги, а интуиция еще ни разу меня не подводила.

Эльтор поднял повыше свой транском.

— Я проверил радиоволны, микроволны, видимую часть спектра, ультрафиолетовое и рентгеновское излучение, а также каналы нейтрино. Ничего.

— А зачем тебе, чтобы проверить все это, понадобилось приходить именно сюда?

— В принципе Джаг мог бы провести оптическое сканирование, — пожал плечами Эльтор.

— Я имею в виду эту улицу.

Прежде чем ответить, он несколько секунд смотрел на меня непонимающим взглядом.

— Не знаю. Просто мне показалось, что это подходящее место.

— А что ты ищешь?

Эльтор издал какой-то странный звук.

— Что-то, что могло бы мне все объяснить. У меня такое чувство, будто я попал не в тот век. Но место и время — все соответствует заданным параметрам. С той разницей, что это не та Земля, которую я знаю.

— Наверно, ты из Калтеха, — улыбнулась я. — У меня там приятель, Джош, на первом курсе. Он рассказывал мне о ролевых играх, вы якобы постоянно в них упражняетесь. Я так понимаю, что и ты сейчас играешь в такую игру?

— Калтех? Если, не ошибаюсь, это значит Калифорнийский технологический институт.

— Точно. Но Джош его никогда так не называет.

Допустим, подумала я, Эльтор из Калтеха. Но это еще не объясняет, что он делает здесь ночью и притом один. Нет, он скорее похож на одного из Наговых дружков. Однажды, еще в школе, Наг с дружками напали на Джоша за спортивным залом. Они связали ему за спиной руки и выстроились перед ним, держа в руках ружья, словно собрались его расстрелять. Им казалось, что это ужасно прикольно. Джош тогда так перепугался, что не ходил в школу целую неделю. Он вообще боялся рассказывать о случившемся и поделился только со мной. Я же рассказала об этом своим друзьям Альконес, и те взяли его под свою защиту.

— Я слышал про Калтех, — заметил Эльтор. — Правда, сам я там никогда не был. Много лет назад я окончил ДВА.

— ДВА?

— Военную академию.

Я представила себе одного из подонков, дружков Нага, в форме курсанта военной академии и едва не расхохоталась. А еще лучше — в лагере для новобранцев. Представляю, как чехвостил бы его сержант!

Но было видно, что Эльтор не шутит. К этому моменту я уже процеживала его слова сквозь фильтр собственного жизненного опыта. А опыт этот включал в себя и страстное желание поступить в колледж, и полное отсутствие денег, чтобы платить за учебу. И скажи мне кто тогда, что в один прекрасный день я получу диплом с отличием как в области естественных, так и гуманитарных наук, я бы расхохоталась этому человеку в лицо.

— Мне в принципе не важно, есть ли у вас степень по каким-то там заумным наукам, — тихо проговорила я.

— А у меня есть степень, — ответил он. — По инверсионной инженерии. Или инженерии превращений.

— Чего-чего? Извращений? — усмехнулась я.

Он покраснел, явно неуверенный, то ли это я шучу, то ли он по-английски ляпнул какую-то глупость.

— Превращений.

Мне понравилось, что ему не все равно, как я реагирую на его слова.

— Значит, у тебя сегодня вечером прием, и ты обязан на нем присутствовать.

— Да, в Белом доме, в честь моей матери.

— В Белом доме? Наверняка ваша матушка — особа знаменитая.

— Да, она математик. В честь нее даже названо уравнение. Но это было уже много лет назад. А в течение долгого времени она была ****.

— Кем-кем?

И вновь лицо Эльтора приняло странное выражение, вернее, отсутствие такового. Я уже довольно тонко реагировала на его эмоциональное состояние и почувствовала происшедшую перемену. Мой собеседник словно превратился в металл. Но затем исходившее от него тепло вернулось и окутало нас наподобие облака. С его возвращением я тоже словно оттаяла.

— Ключ, — наконец произнес Эльтор. — Это самый близкий перевод, какой я могу подобрать.

То есть его мать была Ключом? Нет, в тех играх, о которых мне рассказывал Джошуа, никаких ключей не было. Кроме того, мне ни разу не приходилось слышать, чтобы в играх принимали участие родители.

— А что она делает?

— Заседает в Ассамблее. Вернее, отвечает за связь между сетями данных и Ассамблеей.

— А, понятно.

Признаться честно, я ожидала услышать что-нибудь более экзотическое, вроде колдуньи или королевы.

Но с другой стороны, возможно, «связь» это какой-то пароль?

— Так, может, она у тебя королева-воительница? — пошутила я. — А ты принц? И если я тебя поцелую, то превращу в лягушку?

Лицо моего собеседника озарилось сонной улыбкой.

— Попробуй.

Я почувствовала, что заливаюсь краской. Я ведь действительно сказала это шутки ради, без всякой задней мысли. Если мне и хотелось пофлиртовать, то совсем чуть-чуть. Но я вовсе не собиралась вешаться ему на шею, и по моим словам это было нетрудно понять. Но с чего это я вдруг утратила бдительность? Мы с Эльтором поговорили всего несколько минут, но он сумел произвести на меня впечатление большее, чем все мои старые знакомые, вместе взятые.

Эльтор протянул вперед руку с транскомом — таким жестом вакерос, ковбои, предлагают сахар пугливой лошади, когда хотят заманить ее поближе, чтобы набросить на нее лассо.

— Хочешь посмотреть, как он работает?

Я уставилась на светящуюся коробку. Например, мы с Джошуа потому и подружились, что, хотя и выросли в совершенно разной обстановке, оба питали слабость к разного рода технике. Он был большой любитель мастерить всевозможные приборы, мне же нравилось самой разбираться, как они устроены и почему работают.

— Хочу, — сказала я, но на всякий случай не стала подходить слишком близко.

Эльтор провел пальцами по одной из граней коробки, и она засверкала серебром.

— Сейчас он воспринимает акустические колебания.

Затем он повернул коробку другой стороной, которая оказалась мембраной.

— Скажи что-нибудь!

— Привет, коробочка! — сказала я.

— Привет, коробочка, — повторила та моим же голосом.

— И как это у нее получается? — поинтересовалась я.

— Твой голос производит в атмосфере продольные колебания. Транском их воспроизводит.

Эльтор прижал коробку к своему напульснику и коснулся другой грани. Тотчас прозвучала нота.

— Частота 552 герца.

Эльтор извлек другую ноту.

— Какая частота?

— Наверно, такая же? — предположила я. — Или чуть-чуть выше.

— 564 герца. А у тебя тонкий слух. Обычно люди не улавливают такую малую разницу.

И он извлек еще одну ноту.

— А эта?

— Такая, как предыдущая.

— Нет. 558 герц.

Он пробежал пальцами по граням коробки и снова извлек звук. На этот раз звук вибрировал, словно птичья трель.

— Здорово! — воскликнула я. — Теперь мне все понятно. Ты накладываешь частоты! Мы с Джошем читали об этом в

одной книжке в библиотеке. Эта твоя коробка производит две ноты одновременно.

Эльтор улыбнулся — как мне показалось, более заинтригованный моей реакцией в целом, нежели тем, что я сказала.

— А ты знаешь, какова ее частота?

— Двенадцать герц. Сейчас постараюсь угадать высоту, — сказала я и на минуту задумалась. — Это та нота, что ты играл последней. 558 герц.

Эльтор кивнул и прикоснулся к другой грани. Ночной воздух наполнила мелодия флейты, нежная и мягкая, словно пух на крыльях совы.

— Красиво, — заметила я.

Эльтор убрал транском от запястья.

— Хочешь сама попробовать?

Ответ на вопрос был очевиден. Хотела, и еще как! Я протянула руку за коробкой. Эльтор немного подвинулся и опустил руку на колени. Так что мне, чтобы взять транском, пришлось шагнуть поближе. Я сделала шаг, споткнулась о его ногу и... едва не свалилась прямо ему в распростертые объятия. Вернее, Эльтор обхватил меня за талию, чтобы я не упала. Ощущая себя круглой идиоткой, я схватила транском и попятилась.

— Если ты подойдешь ко мне, я покажу, как он работает.

Я осталась стоять на месте. Эльтор же продолжал сидеть на крыльце, прислонясь к перилам. Он широко расставил обутые в ботинки ноги и уперся локтями в колени. Рядом валялись куски штукатурки. Мне ужасно хотелось посмотреть, как работает транском, но при этом я опасалась подойти ближе. Мысленно взвесив все «за» и «против», я все-таки решилась и присела на ступеньки, но так, чтобы между нами осталось расстояние в пару футов.

Эльтор наклонился и дотронулся до серебристой грани. Она тотчас засияла золотом.

Я отпрянула.

— Что ты делаешь?

— Переключаю в режим электромагнитных колебаний.

— И что это значит?

— Прямо сейчас он строит антенну.

Эльтор развел руками, словно старался охватить и улицу, и дома, и даже небо.

— Везде.

— Но я ничего не вижу.

— Вместо нее ему служат дома. — Эльтор опустил руку на ступеньку, слегка задев пальцами мое бедро. — При этом он использует изменения в плотности воздуха.

Я отодвинулась.

— Ничего не чувствую.

— Ты и не можешь ничего чувствовать. — Эльтор пододвинулся еще ближе. — К тому же, — проворковал он, — есть вещи, которые чувствовать гораздо приятнее.

Его настроение было сродни реке чувственности, над которой вьется туман. Ощущение это было настолько необычным, что я от испуга выронила транском. Он выскользнул у меня из рук. Я успела заметить, как мои пальцы проскользнули мимо его граней, и они замигали. Транском упал у меня между ног, точнее, возле одного каблука-шпильки, и остался лежать, переливаясь гранями, словно драгоценности на дне реки.

Неожиданно из него донесся женский голос:

— ...четвертый позвонивший выиграл два бесплатных обеда в «Кухне Моны». Так что, приятели, держите свои телефоны наготове...

— *Оуда!*

Я наклонилась, чтобы достать транском, и мои пальцы коснулись другой грани. Женский голос оборвался на полуслове, зато вместо него заговорил мужской, говоривший на незнакомом мне языке. Я отдернула палец.

— Что он сейчас делает?

Взгляд Эльтора был устремлен на мою опущенную между колен руку. Мне показалось, ему стоило немалых усилий отвести оттуда глаза и посмотреть мне в лицо.

— Что?

Я покраснела и поспешно свела вместе колени.

— Транском. Что с ним случилось?

— Он улавливает радиоволны.

Эльтор наклонился еще ниже. Теперь его грудь касалась моего плеча. Он прикоснулся к одной из граней транскома, и прибор умолк.

— Ты так и не сказала, как тебя зовут, — проговорил он мне едва ли не прямо в ухо.

Река его эмоций обтекала нас и не давала мне трезво мыслить. Я ощущала чувства Эльтора гораздо сильнее, чем чувства

других людей, сильнее, чем чувства Джошуа. Что причиняло мне едва ли не физическую боль. Будь его эмоции резки, о них наверняка можно было бы порезаться. Но резкости я в нем не ощущала, одну только чувственность.

— Тина. Меня зовут Тина. 'Акуштина Сантис Пуливок.

Сама не знаю, почему я представилась ему своим полным именем. Я всегда внутренним чутьем угадывала, когда оно может показаться человеку странным. А такое случалось не раз, и я перестала себя им называть.

— 'Акуштина, — повторил Эльтор. — Какое красивое имя. Как и ты сама.

Я вытаращила глаза. Меня удивило даже не то, что он нашел мое имя красивым, хотя, признаться честно, этого я меньше всего ожидала. Дело в том, что жесткое придыхание, с которым оно произносится, кажется многим уродливым — особенно если вы не говорите на цоцильском диалекте языка майя. Нет, меня поразило другое — то, что Эльтор произнес мое имя совершенно правильно.

Эльтор прикоснулся к пряди моих волос.

— Такие длинные, такие мягкие и такие черные.

От него исходил слегка терпкий запах.

— А почему ты здесь одна?

Я попыталась не обращать внимания на запах, но это было невозможно. Никто из нас тогда даже не подозревал, что он потому испускает феромоны, что почувствовал рядом с собой человека с общим генетический кодом.

Я отодвинулась дальше.

— Возвращаюсь с работы. Меня ждут мои братья. — Откуда ему знать, что у меня нет братьев. — Наверно, они меня уже ищут.

Эльтор приподнял голову, словно прислушиваясь к звукам, недоступным простому человеческому уху.

— Как у тебя это получается?

— Что именно?

— Загружать меня. Заглушать мои мысли. По идее, моя сеть защищена от помех.

— Что-что?

— Я не могу думать. — Эльтор обнял меня за талию. — Ты наверняка что-то делаешь.

Теперь я ощущала его буквально кожей, вернее, ощущение его эмоций смешалось с реальным прикосновением, и я уже не могла отделить одно от другого. Нет, это уж слишком. Когда Эльтор наклонился ко мне, чтобы поцеловать, сама не знаю почему, но я обхватила его за шею руками. Я уже не контролировала свои действия.

Когда дело касалось мужчин, Мануэль был строг со мной, словно родной отец. Или, точнее, словно священник. Я смутно представляла, что со мной происходит в данную минуту. Успела понять я лишь одно — Эльтор целовался не так, как другие мужчины. Сначала он быстро провел кончиком языка мне по уху, затем коснулся моих закрытых век, а затем кончика носа. Когда он наконец добрался до моих губ, то одной рукой обхватил за талию, а другой придерживал мне голову, поглаживая большим пальцем щеку, пока его язык раздвигал мне губы.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, он смахнул мне с лица волосы и спросил:

— Где твои братья?

Я посмотрела на него, все еще ощущая прикосновение его губ. Воздух был наполнен исходящим от него запахом.

— Тина? — прикоснулся он к моей щеке. — Ты слушаешь?

— *Que?*

— Твои братья. Почему они позволяют тебе ночью ходить одной?

— Они не позволяют. — Что, собственно, было чистейшей правдой, поскольку у меня не было братьев. — Обычно я не хожу одна так поздно.

— А куда ты идешь?

— Домой. Обычно меня подвозит Роза, но сегодня ее машина в гараже.

Кстати, это привело меня в чувство. Господи, как глупо, должно быть, я выгляжу, подумала я и встала с крыльца.

— Мне пора.

Эльтор встал вслед за мной.

— Так скоро?

Я не решалась спросить у него номер телефона — вдруг он это не так воспримет. Земля в тот момент находилась в состоянии неизвестности, особенно в том, что касалось ритуалов ухаживания. В некоторых кругах не было ничего зазорного в

том, если женщина первой оказывала мужчине знаки внимания. Но я-то выросла в среде, где на такое поведение посматривали неодобрительно.

— Тина? — обратился ко мне Эльтор.

— Знаешь, мне пришло в голову, а не... — Я остановилась, давая ему возможность взять инициативу в свои руки.

— Что?

Он смотрел на меня так, словно я вдруг превратилась в воду и теперь струилась между его пальцев.

— Я? Ничего, — быстро поправилась я и, выждав с минуту, добавила: — Мне пора.

— Ты уверена? — начал было он, но осекся.

— Да.

И снова загадочный взгляд. Но сказал он всего лишь:

— *Adios*, 'Акуштина.

— *Adios*.

И я зашагала домой, стараясь изо всех сил не обращать внимания на внутренний голос, который подсказывал мне, что я совершаю чудовищную ошибку.

Я прошла еще с полквартала и обернулась. Эльтор по-прежнему смотрел мне вслед. Когда он увидел, что я приостановилась и смотрю на него, то шагнул вдогонку. Но я поспешила прочь. Быстро перешла на другую сторону улицы и свернула за угол. В какой-то момент мне показалось, будто я слышу за спиной чьи-то шаги, но когда обернулась, то никого не увидела.

Я жила на перекрестке улиц Старателей и Сан-Хуан. Свернула на вторую из них и с радостью увидела осевшее крыльцо моего дома. Еще три дома — и я у себя.

Мне в глаза ударил ослепительный свет фар — кто-то припарковал машину на улице Старателей. Машина была красного цвета. На мгновение я застыла на месте, а затем со всех ног бросилась в сторону своего крыльца.

Дверь машины распахнулась, и оттуда вышел Наг. Собственно говоря, его зовут Матт Кугельман. Высокий и сухощавый, с хорошей мускулатурой; в его движениях было нечто от хищного животного — тигра или пантеры. Голова выбрита за исключением темени, где желтоватые волосы стояли торчком, словно колючий кустарник. Нагу было двадцать четыре, но выглядел он гораздо старше. В лице его проступала какая-то резкость, словно у глиняной маски, которую слишком долго

закаляли в печи. Но самое неприятное впечатление производила его манера смотреть на вас — невольно в душу закрадывалось впечатление, что, кроме него самого, в этом мире для него никого не существует.

Вот почему он был мне так ненавистен — люди значили для него гораздо меньше той наркоты, которую он им продавал. Это Наг приказал своим подручным убить Мануэля — за то, что тот украл у него из машины крэк. Но самое худшее в том, что это Наг продал Мануэлю его первую дозу — якобы для того, чтобы «помочь» парню справиться с горем, после того как умерла моя мать. И разумеется, не кто иной, как Наг, постоянно снабжал Мануэля наркотиками.

Я тотчас поняла, что домой попаду не скоро. Сначала попробовала броситься бегом в другом направлении, но совершенно забыла, что я на каблуках. В общем, не успела я сорваться в места, как споткнулась и полетела в кучу мусора.

Чья-то рука взяла меня под локоть. Я подняла лицо и увидела над собой ненавистную физиономию Нага.

— Привет, Тина, — сказал он.

— Привет, — ответила я, поднимаясь с земли.

— Решил проверить, благополучно ли ты добралась домой. — Наг притянул меня к себе и направился в сторону моего дома. — Я провожу тебя.

— Сама дойду, — возразила я, когда мы начали подниматься по ступенькам, и попыталась высвободиться из его хватки. — Спасибо. И пока.

— А куда ты так торопишься?

Он шагнул в мою сторону. Я попятилась и оказалась прижата к стене.

— Наг, — пролепетала я, ощущая за спиной стену дома. Господи, как мне хотелось в этот момент исчезнуть! — Иди домой, хорошо?

— Я видел, как ты обнималась с Джошуа на автобусной остановке. — С этими словами Наг дотронулся кончиком пальца до моей щеки. — С чего это ты трешься с этим недоделком?

— Не смей его так называть.

— Это почему же? — В голосе Нага звучало неподдельное недоумение. — Ведь он даже не пытается тебя трахнуть. Поверить не могу. Не иначе, как голубой.

Мне было прекрасно известно, что Джошуа неравнодушен к женщинам. Особенно ему нравились высокие и рыжеволосые.

— Просто я не в его вкусе. Он любит умных девиц. С мозгами.

Наг в ответ рассмеялся, а потом провел пальцем по моей шее.

— А тебе-то зачем мозги? — Наг наклонился, словно собрался меня поцеловать. — Ты и без того хорошенькая.

Я попыталась присесть, чтобы вывернуться из-под его руки, но он грубо прижал меня к стене.

— Ты знаешь на кого похожа? — спросил он. — На модель из каталога одежды, на который я подписался.

В иной ситуации я бы от души расхохоталась, узнай я, что Наг заказывает себе тряпки по каталогу.

— Что-то вроде «Сиэрса»?

— «Сиэрса»? — Наг рассмеялся. — Нет, одной голливудской фирмы. Название уже не помню. Фридман или Фредерик или что-то в этом роде. Знаешь, бабы там будут даже посмазливее, чем в «Хастлере».

— Наг, мне надо идти.

— Там они еще демонстрируют всякие эротические штучки. — Наг залез мне под юбку и нащупал пояс с резинками. — Что-то вроде этого.

Я оттолкнула его руку.

— Прекрати.

— Ты даже не представляешь, какие на них прикиды. Сплошные кружева и джи-стринги, искусственная кожа. Я даже понятия не имел, во что одеваются нормальные бабы.

Наг сдернул у меня с плеча сумочку, потянул мне руки вверх и прижал запястья к стене.

— Будь со мной поласковее... Ты даже не представляешь, на что способен папочка, если его крошка вдруг начнет брыкаться.

— Прекрати!

— Я же сказал, поласковее! — Он резко отпустил мои руки. — Мне ведь про тебя кое-что известно.

— И что именно?

В его голосе чувствовалось нетерпение.

— Как ты соврала насчет того, сколько тебе лет, чтобы получить работу. Что бумажки, крошка, у тебя липовые и ты здесь

нелегалка. И если ты начнешь брыкаться, мне достаточно сказать лишь пару слов кому надо. А что будет дальше, сама знаешь. Тебе ведь не хочется возвращаться в свою вонючую Мексику? Тебе же здесь нравится? Что скажешь, Тина? Это же лучше, чем стать уличной девкой где-нибудь в Тихуане?

— Прекрати. И хватит меня запугивать.

— Черт! — От злости Наг вогнал в стену кулак, и с нее моментально осыпалась краска. — Но почему бы тебе не сказать: «Да, Наг. Как ты скажешь, так и будет!» Ты ведь всегда поступала так, как велел тебе этот говнюк, твой двоюродный брат. Мол, ходи в церковь по воскресеньям. Кто, скажи на милость, таскается в церковь каждое воскресенье? Одни придурки. Но теперь-то его нет. Был и сплыл. И больше тебе не указ. И мамаши твоей тоже нет. И эти твои говнюки, Алконес, сидят и пикнуть не смеют?

Наг схватил меня за плечо и со всей силы встряхнул.

— Я здесь хозяин, крошка. Так что не очень-то задирай нос. А не то сама пожалеешь.

— Нет! — выдохнула, вернее, это он вытряс из меня этот возглас. — Прекрати!

И в этот момент какая-то сила отбросила его прочь от меня. Мгновение назад он тряс меня за плечо, а уже в следующее я была свободна и от неожиданности едва не упала. Кое-как мне все-таки удалось удержаться на ногах, и тогда я увидала, что Наг стоит лицом к лицу с кем-то еще. С Эльтором!

— Что это ты себе позволяешь? — требовательно вопрошал тот. — Неужели ты не чувствуешь, что она напугана?

— А ты кто такой, ублюдок?

Я не стала дослушивать продолжение их диалога. Вместо этого вбежала в дом и с грохотом захлопнула за собой дверь. Внутри я изо всех сил шлепнула ладонью по выключателю. Никакого результата. Мне ничего не оставалось, как выбежать в коридор, нащупывая на ходу ключи.

От досады я даже выругалась. Ключи мои лежали в сумке, а сумка осталась валяться снаружи, там, где ее швырнул на землю Наг.

Я вернулась к двери. Снаружи раздался грохот, словно кто-то рухнул на ступеньки. Эльтор был крупнее Нага, но тот наверняка проворнее. Эльтору еще повезет, если тот не пустит в ход пистолет.

Затем я услышала, как открылась дверца машины, и голос Нага произнес:

— Ты еще пожалеешь, что связался со мной.

Потом дверь захлопнулась, и взревел мотор.

Я продолжала стоять, не решаясь пошевелиться. Наг не из тех, кто первым покидает поле боя, если, конечно, бой этот окончательно не проигран. Но ведь поединок был один на один? Где это видано, чтобы Наг с позором уносил ноги? Почему же он предпочел ретироваться? Я слегка приоткрыла дверь — с той стороны кто-то тотчас потянул ее на себя. И столкнулась лицом к лицу с Эльтором.

— Тина, — спросил он, — с тобой все в порядке?

Я попятилась, зацепилась за какую-то кучу мусора в коридоре, стукнулась спиной о стенку и в конце концов шлепнулась на колени. Чтобы сдержать бившую меня дрожь, я едва не засунула себе в рот кулак.

Эльтор подошел и опустился передо мной на колени. Он протянул ко мне руки, но я вся напряглась, и он мгновенно их опустил. На лице его было напряженное выражение, похожее на маску боли, однако я не заметила на нем ни царапин, ни синяков.

— Все в порядке, — произнес он. — Его больше нет.

Эльтор поднялся и предложил мне руку.

— Не понимаю, как только брат может с тобой так обращаться.

Я поднялась на ноги и сделала шаг назад.

— Брат?

— А разве это был не твой брат?

— Нет.

— Нет? Тогда все понятно.

— Что понятно?

— Почему он не обратил внимания на твой страх.

— Ему нравится, когда люди его боятся. От этого он чувствует себя настоящим героем.

Эльтор пробежал рукой по волосам. Я заметила, что она у него дрожит. Но не потому, что так он среагировал на случившееся. Я ведь ощущала, что у него внутри. Никакого страха перед Нагом у него не было и в помине. Он дрожал потому, что дрожала я.

— А как ты узнал, что мне нужна помощь? — поинтересовалась я.

— Я принял твой сигнал. Даже с расстояния. Ты всегда посылаешь такие сильные сигналы?

Опять он за свое. Несет какую-то околесицу. Я попятилась к лестнице.

Эльтор обвел взглядом темный обшарпанный коридор.

— Мне кажется, ты должна найти себе безопасное место.

— *Esta bien:* Все в порядке.

Господи, как же мне взять мою сумку? Эльтор стоял между мной и дверью.

Он наблюдал за мной с таким видом, словно бился над разрешением какой-то загадки. Затем вышел наружу и вернулся, неся мою сумку. Поставил ее на пол и шагнул в сторону. Я же, не теряя ни минуты, схватила сумку и поспешила прочь. Эльтор не пошел за мной. Просто стоял и наблюдал, как я поднимаюсь по лестнице.

На втором этаже в окошко в конце коридора заглянула луна, освящая пол и стены. На полу тотчас стали видны кучи мусора, а на стенах уродливые черные пятна — следы пожара, который когда-то едва не уничтожил это убогое строение. Где-то заплакал ребенок, сначала резко и пронзительно, затем чуть тише. Наверху была слышна семейная перебранка — женщина и мужчина орали друг на друга.

Я бегом бросилась к своей двери и отомкнула сначала верхний замок, а затем нижний, затем еще один, посередине, и открыла дверь. Очутившись внутри, заперла дверь и устало прислонилась к стене. Меня всю трясло, и я ничего не могла с этим поделать. Не осталось сил даже доползти до кровати. Я в изнеможении опустилась на пол и легла, упершись головой в дверь. Меня продолжала бить дрожь. От усталости и пережитого страха я лежала трупом и не могла даже пошевелиться.

Глава 2

ГОЛУБЫЕ АЖУРНЫЕ ЧУЛКИ

Открыв глаза, я увидела перед собой залитую солнцем комнату. Выглядела она как и всегда — посередине телевизор, а у южной стены моя кровать. Над кроватью — *huipil*, белый наряд моей матери, украшенный вышивкой и перьями. Кстати, наряд этот

закрывал особо неприглядную дырку в стене. На другой стороне комнаты, у восточной стены, располагалась «кухня», отделенная невысокой перегородкой, за которой нашлось место для плиты и холодильника. Окошко над раковиной процеживало солнечные лучи сквозь тонкие голубоватые занавески.

На часах было девять утра. То есть до начала моей смены в «Голубом рыцаре» оставалось еще семь часов. Я переоделась в ночную рубашку и заползла в постель. На этот раз сон укутал меня по-настоящему, словно нежное пуховое одеяло.

В два часа дня меня разбудил лай собаки за окном. Я встала, умылась, посмотрела на себя в зеркало и призадумалась. Было над чем. Выглядела я лет на десять старше своего возраста. До этого дня мне не давала покоя мысль, почему Наг выглядит гораздо старше своих лет — наверняка тот образ жизни, который он вел, отнимал у него жизненные силы.

Наг все-таки прав. В полицию мне лучше не ходить. По крайней мере так я тогда считала. Наша семья перебралась в Штаты в 1981 году, и по закону от 1986 года на нас как на нелегальных иммигрантов распространялась амнистия. Но ни моя мать, ни Мануэль не владели английским настолько хорошо, чтобы во всем этом разобраться. Я пыталась уладить дела сама, но беда в том, что я была несовершеннолетней и нуждалась в официальном опекуне. Поэтому до поры до времени решила подождать, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

Наконец я собралась идти на работу. Я открыла дверь в коридор... и от испуга едва не запрыгнула назад в комнату.

За дверью сидел Эльтор. Он спал.

Вернее, сидел рядом с дверью, подтянув колени к груди и опустив на них голову, словно свалившийся от усталости телохранитель. Увидев его при дневном свете, я разглядела, что он никакой не блондин. Солнце золотило ему волосы, но на самом деле они были фиолетовыми.

Он также был старше, чем мне первоначально показалось, — уже далеко за тридцать. Ночью я приняла его за белого парня, но сейчас не знала, что и думать. Кожа Эльтора имела какой-то металлический оттенок, бронзовый или золотистый. Солнечные лучи на его обнаженных руках искрились золотом.

Я опустилась рядом с ним на колени.

— Эльтор.

Он открыл глаза и заморгал.

От удивления я открыла рот. Нет, мне было прекрасно известно, что у него есть глаза. В этом я имела возможность убедиться еще накануне ночью. Но когда он поднял ресницы, все, что я увидела, было исходившее от них золотистое свечение. Ни зрачков, ни радужной оболочки, ровным счетом ничего. Только это свечение.

— Ой, что это?! — вырвалось у меня.

Он огляделся по сторонам. Свечение померкло, и глаза приобрели нормальный вид. Вернее, почти нормальный, потому что были они ярко-фиолетовыми. Эльтор вытянул ноги и протер глаза. Затем бросил взгляд на окно в конце коридора.

— А уже поздно!

Я все еще таращилась на него.

— Почему кожа у тебя блестит, как металлическая? И глаза тоже?

— А, это у меня в деда, — повернулся ко мне Эльтор. — У него было... не знаю, как это лучше сказать по-английски. Отклонение при рождении.

Врожденный порок? Я поморщилась, но промолчала, чтобы его не обидеть.

— День у вас слишком короткий, — произнес он, зевая. — Придется переустановить внутренние часы.

— Сейчас весна, и дни длинные.

Я потерла пальцем его бицепс. Золотая краска и не думала оттираться.

Эльтор поймал меня за палец.

— У тебя все в порядке?

— Разумеется. Лучше не бывает, — выпалила я. — Спасибо тебе. За прошлую ночь. Даже думать не хочется, что могло произойти, не приди ты мне на помощь.

Эльтор приподнял мою руку и прижал к губам. Нет, он ее не поцеловал, а слегка укусил пальцы. Странный жест, но приятный. Хотя мне с трудом верилось, что это он спас меня ночью. Тогда я даже представить себе не могла, почему, по какой неизвестной мне причине он остался, как верный пес, сторожить мою дверь.

— Ты сторожил меня, — сказала я, — защищал незнакомую тебе девчонку?

— Почему ты называешь себя девчонкой?

Эльтор было протянул ко мне руки, но затем остановился. Убедившись, что я не имею ничего против, привлек меня к себе. Я сжимала его изо всех сил. Локоны у него за ушами приятно щекотали мне нос. Я закрыла глаза, моля судьбу, чтобы эти мгновения продлились вечно. Чтобы я могла, словно в капельке янтаря, сохранить их навсегда и носить повсюду с собой, куда бы ни пошла, и вынимать их, и любоваться ими всякий раз, когда меня охватывали тоска и грусть.

Спустя секунду я оторвала голову.

— Мне пора на работу. Если я опоздаю, меня выгонят.

— Можно я тебя провожу? — спросил Эльтор.

Я рассмеялась — так обычно смеются, когда человек, который вам нравится, оказывает вам знаки внимания.

— Хорошо.

— Я прошу меня извинить. Из-за прошлой ночи. Я должен был спросить у тебя.

— Я в принципе не против.

— Честно? — улыбнулся он, сверкнув зубами. — Я все время думал: она вот-вот что-то скажет. Но нет, ты ничего не сказала. И я решил, что у тебя нет ко мне интереса. Иногда я забываю, что у вас здесь не такие обычаи. Я не знаю, чего ожидать от человека, который испытывает ко мне какие-то чувства.

Честно говоря, и я не знала, что на это сказать. Поэтому промолчала, просто поднялась и встала рядом с ним.

Мы вышли на улицу, и в глаза нам ударило полуденное солнце. Эльтор побледнел.

— Я знаю тебя уже четырнадцать часов, — заметил он.

— И в чем проблема?

— Да нет, ни в чем.

Он пробежал рукой по волосам.

Нет, проблема явно имелась. Эльтор не знал, как себя вести, и от этого вокруг него образовалось нечто вроде бледного серебристого облака. Однако он не желал сдавать завоеванные позиции. Что ж, это вселяло надежду. Надо сказать, я особенно не поверила тем россказням, что Эльтор пытался сочинять про себя. С какой стати боевой летчик из будущего, потерявшись в пространстве и времени, станет провожать на работу официантку из дешевого ресторана?

Когда мы шли по улице, мимо проехал старый «форд». Эльтор резко обернулся и несколько шагов шел спиной вперед, наблюдая за машиной, пока та не скрылась за углом. Лишь потом он снова повернулся ко мне.

— Ничего не понимаю. Еще один автомобиль!

Меня так и подмывало спросить его, не увлекается ли он старыми автомобилями, но тут я снова заметила у него в руках золотую коробку с закругленными краями. Понятия не имею, откуда она у него взялась. На одежде у Эльтора не было никаких карманов, и я не заметила, чтобы до этого коробка болталась, подвешенная к поясу. Кстати, она на глазах меняла цвет, и грани становились все резче и резче.

— Это твой транском?

Эльтор посмотрел на волшебную коробку.

— Ах да!

Он сосредоточил на ней все свое внимание. Мы шли рядом, а коробка мигала разными цветами.

— Мой приятель Джош тоже делает разные приборы вроде этого, — заметила я. — Приемники всякие, передатчики.

— Вряд ли он может сделать транском.

— Ты все еще пытаешься уловить сигналы?

— Нет, я сейчас проверять положение моего Джага. — Эльтор сделал паузу и вопросительно посмотрел на меня. — Проверяю положение моего Джага.

— Верно, проверяю положение моего Джага, — улыбнулась я.

Его лицо вновь утратило всякое выражение.

— Да, теперь с грамматикой все верно. Проверяю положение моего Джага.

Я вздрогнула. Эльтор произнес это предложение на безупречном английском, практически без акцента.

Но затем акцент все-таки вернулся.

— Вообще-то я говорю по-английски неплохо. Просто давно не упражнялся. Чтобы заново запустить программу, требуется время.

Запустить программу?

— Ты хочешь сказать, на твоем самолете?

— Самолете?

— Но ведь ты сам сказал, что ты — летчик.

— Это не самолет, а космический корабль.

Я едва не покатилась со смеху.

— Ну, знаешь, Эльтор, если у тебя действительно есть корабль, то почему он там, на небе, а ты здесь, на земле?

— Я отослал его назад.

— Это как же?

— При помощи вот этого. — Он поднял транском.

— Как может какая-то коробка заставить взлететь космический корабль?

— Корпус корабля действует как принимающая антенна. Она получает посылаемые транскомом сигналы, после чего передает их бортовому компьютеру.

— И сейчас эта штуковина управляет полетом твоего корабля?

— Нет. Летать корабль может сам по себе. — Эльтор бросил взгляд на улицу с ее вывороченными канализационными люками. Порыв ветра поднял с тротуара старую газету и закружил в воздухе. — Мне кажется, что на орбите он в большей безопасности.

— Вот уж не думаю. Наши военные наверняка его там обнаружат.

— Нет, — покачал головой Эльтор. — Он снабжен ****.

— Чем-чем?

— По-моему, на английский это переводится как «саван». Такой невидимый защитный экран. Он поляризует молекулярную пленку корпуса, меняя ее таким образом, что поверхность корабля ничего не отражает. А еще он, на разных электромагнитных частотах, отсылает назад неверные данные, для ваших радаров. А еще приводит в действие специальную защитную программу, которая держит под контролем определенное пространство вокруг корабля и изменяет его курс во избежание столкновения с другими телами.

Эльтор умолк, глядя перед собой. От удивления он открыл рот.

Я посмотрела в ту сторону. Мы как раз подошли к перекрестку, за которым отрывался бульвар Сан-Карлос.

— В чем дело?

— Машины. — Он помахал рукой в сторону бульвара. — Я еще ни разу не видел одновременно столько машин на улице. Неудивительно, что у вас воздух пахнет бензином.

— Ты прав.

Я сморщила нос.

— Ваши деревья не имеют ****?

— Чего не имеют?

— Фильтров. Специально созданных молекул, которые пропускают сквозь себя загрязняющие воздух вещества, превращая их в безвредные химические соединения.

— Нет. Хотя идея мне нравится.

Впереди из-за угла выплыл автобус. Я бросилась бегом, и мы едва успели вскочить в салон, когда автобус уже тронулся с места. Я заплатила за нас обоих. У Эльтора не только не было денег, но, кажется, он вообще не имел понятия, что это такое.

Мы прошли в заднюю часть салона. Народ оборачивался нам вслед. Эльтор — при его росте, черном прикиде, фиолетовых волосах и металлическом блеске кожи — привлекал к себе всеобщие взгляды. Вернее, бил в глаза, как неоновая реклама. Свободных мест не нашлось, и мы были вынуждены ехать стоя, покрепче ухватившись за поручни, пока автобус подскакивал по ухабам и колдобинам. Эльтор смотрел в окно, причем таким завороженным взглядом, что от него буквально сыпались искры — такое впечатление, будто салон автобуса пронзали мириады крошечных сияющих стрел. Я еще ни разу не встречала человека, чьи впечатления были бы столь мощными и яркими.

Мы ехали молча. В любом случае разговаривать довольно трудно, пока автобус трясется и подскакивает на ухабах. Кроме того, я опасалась, что Эльтор на людях вновь заведет разговор о космическом корабле. Транскома в руках у него не было видно, и я понятия не имела, куда он его спрятал.

Мы добрались до ресторана «Голубой рыцарь» примерно без десяти четыре. Тент громко хлопал на ветру, и Роберт, швейцар, уже занял свой «боевой пост». Я провела Эльтора через заднюю дверь. Как только мы вошли внутрь, то едва не столкнулись с Брэдом Стейнхэмом, нашим управляющим. Он помогал бармену переносить коробки со всевозможными банками, жестянками и бутылками из одной кладовой в другую.

— Привет, Брэд, — поздоровалась я.

Он посмотрел на меня, начал было улыбаться, но, заметив Эльтора, нахмурился. Правда, не стал его выгонять. Вместо этого перевел взгляд на меня.

— С тобой все в порядке? Вид у тебя не очень.

— Да, все отлично, — улыбнулась я. — Эльтор, это Брэд.

Брэд поставил свою коробку и выпрямился. Эльтор кивнул, окидывая его оценивающим взглядом. Брэд сделал то же самое. Но Эльтор в буквальном смысле посмотрел на него сверху вниз, а вот Брэд на него — снизу вверх. Казалось, его так и подмывало спросить великана, сколько тот способен выжать.

Затем Брэд посмотрел на меня и указал на кладовку, откуда они с барменом таскали коробки.

— Там у нас протекает крыша. Надо все перетащить в надежное место, пока не пошел дождь.

Он снова посмотрел на Эльтора, а тот на него.

— Не хочешь подзаработать? — спросил Брэд. — Есть работенка на весь вечер. Семь долларов за час, если поможешь нам очистить кладовку. Бармен мне нужен в баре.

— Ты хочешь, чтобы я за вознаграждение выполнял физическую работу?

— Верно, парень. — Брэд покосился в мою сторону. — Тина здесь будет занята в течение восьми часов. За все это время получишь шестьдесят зеленых.

— Хорошо, — ответил Эльтор. — И что мне делать?

Брэд указал на кладовую, где бармен как раз поднимал тяжеленный ящик.

— Иди за ним. Он покажет тебе, что куда переносить.

Эльтор пошел в кладовую и заговорил с барменом. Тот кивком указал на штабеля коробок. Сам он раскраснелся от напряжения, пытаясь поднять одну из них. Эльтор же без видимых усилий взял сразу две. Он двигался скорее как хорошо отлаженное подъемное устройство, нежели как человек. И, следуя за барменом, без труда перенес коробки на новое место.

— Вот это да, — пробормотал себе под нос Брэд. — И где только берут таких амбалов? — Он повернулся ко мне. — Сегодня мы вряд ли закончим. Так что если у него на завтра нет никаких планов, можешь его приводить. У нас найдется для него работенка.

— Спасибо, — поблагодарила я и вопросительно посмотрела на Брэда. — А как насчет Марио? Ты обещал взять его на полный рабочий день.

Брэд ответил не сразу.

— Не знаю.

— Но ты ведь сам сказал, что с удовольствием взял бы его вышибалой.

— Тина, пойми, за ним такое числится, недели не хватит сосчитать, — вздохнул Брэд. — Незаконное хранение оружия. Кто, как не он, размахивал заряженным пистолетом у всех на виду? И еще один был при нём, только что спрятан. А вооруженное нападение? А драки с тяжкими телесными повреждениями? А покушение на убийство, если тебе всего предыдущего мало!

Спорить с этим было невозможно. Со стороны именно так и выглядело. Но большинство правонарушений на совести Марио так или иначе были связаны с враждой между Альконес и подручными Нага, и все из-за гибели моего двоюродного брата Мануэля. Марио тогда попался на незаконном хранении огнестрельного оружия. Полиция нажимала на это особенно сильно, потому что обвинить его в покушении на убийство было гораздо сложнее. А еще полицейские хотели, чтобы и Марио, и Наг убрались с улицы, потому что неизвестно, до чего доведет их вражда. И тот, и другой отсидели тогда срок в тюрьме «Соледад». А вот за смерть Мануэля никто так и не понес наказания. Полицейским якобы не хватило улик, чтобы посадить кого надо за решетку.

— Но с него сняли почти все обвинения, — слабо возразила я. — А за остальное он отсидел.

— Я подумаю, — тихо произнес Брэд.

Я прекрасно знала, что означает это «я подумаю». Марио здесь не светит никакая работа.

Брэд кивком указал в сторону Эльтора. Тот вместе с барменом как раз направлялся в кладовую.

— Что это он сотворил со своей кожей, что она у него блестит, как медный таз?

— Не знаю.

— А с волосами? Фиолетовые, первый раз такие вижу. — Брэд покачал головой и пошел дальше. — Чего только вы, ребята, не выдумаете!

Я посмотрела на Эльтора. Тот выносил из кладовой две большущие коробки. Слово «ребята» никак к нам не вязалось. Эльтор уж никак не ребенок, да и я, слава Богу, выгляжу старше своих лет. Надо сказать, впервые в жизни я была этому рада.

Ближе к полуночи я отыскала Эльтора в пустой кладовой, где он сидел с Брэдом и двумя официантками, Сами и Делией.

Компания устроилась на полу, попивая кофе и кушая булочки из соседней кондитерской. Брэд сиял, а Сами и Делия то и дело строили Эльтору глазки.

— Привет.

Я переминалась с ноги на ногу в дверях, не зная, входить или нет.

— Привет, — ухмыльнулся Брэд. — Ты только взгляни. — И он развел руками, словно пытался обхватить все пустое пространство кладовой. — Эльтор очистил обе кладовки!

— Замечательно! — согласилась я.

Эльтор молчал, а Сами тем временем продолжала ластиться к нему. Ее светлые волосы упали ему на руку. Но он не обращал на нее ни малейшего внимания, хотя это еще ничего не значило. Сами постарше меня и ужасно хорошенькая. Может, ему хотелось, чтобы я поскорее слиняла отсюда.

Но он поднялся с места.

— Ты освободилась? — спросил он и направился ко мне, не обращая внимания на остальных.

Даже не попрощался. Кстати, и со мной он не проронил ни слова, пока мы с ним шли к автобусной остановке. Может, разозлился на меня, что я помешала ему развлекаться с Сами и Делией? И лишь потом до меня дошло, что, разгрузив две кладовые, он, по всей видимости, устал.

Подошел автобус, и Эльтор вслед за мной поднялся в салон. И, как и в первый раз, я заплатила за нас обоих. Мы сели сзади. Он положил мне руку на плечо и привлек к себе. Мне это было ужасно приятно, и я положила голову Эльтору на плечо.

— Чуть не забыл. — Он вытащил из-за ремня две зеленые бумажки. — На, возьми.

Это были две банкноты, одна в десять, другая в пятьдесят долларов.

— А почему ты отдаешь их мне?

— А что мне с ними сделать?

— Но это ведь деньги! Или ты не знаешь, что это такое?

— Теоретически — да, — негромко произнес он. — Но с собой их не ношу.

— Но это твои деньги, я не могу их взять! — Я попыталась засунуть их ему обратно в руку. — Это ты их заработал!

— Ну, тогда пусть они пока побудут у тебя.

— Ладно, пока они тебе самому не понадобятся.

— Уговорила.

Эльтор откинул голову назад и закрыл глаза. Но вскоре голова его свесилась набок, и он едва не касался щекой моей макушки. Он все еще обнимал меня, словно маленький мальчик, который ни за что не ляжет спать без любимого мишки. Я была готова рассмеяться, но потом тоже закрыла глаза и задремала рядом с ним.

И едва не проспала нашу остановку, успев в самый последний момент позвонить водителю, чтобы тот открыл дверь. Эльтор, потирая глаза, вышел вслед за мной через заднюю дверь.

Пока мы шли ко мне, мой спутник не проронил ни слова. Сначала я подумала, что ему скучно, что он только потому провожает меня до дома, что считает это своим долгом. Мне было до того не по себе, что я не сразу уловила исходящее от него настроение. Наконец до меня дошло, что, возможно, он тоже чувствует себя неловко. Странная это, однако, была мысль. Ведь на первый взгляд в нем было столько уверенности в себе, столько самонадеянности. Ему было совершенно безразлично, что о нем подумают другие. Все, кроме меня. Но почему?

Я заметила, как он потирает поясницу.

— До сих пор поверить не могу, что ты один перетащил все эти ящики, — сказала я.

— Но мне так велел Брэд, — улыбнулся он. — Рагнар сказал бы, что работа пойдет мне только на пользу.

— Кто-кто?

— Рагнар. Адмирал Рагнар Бладмарк. Друг нашей семьи. — На лице Эльтора читалось умиротворение. — Он был моим наставником с самого детства. Можно сказать, это мой второй отец.

Мне было трудно себе представить одного отца, не говоря уже о двух.

— Тебе повезло.

— Нет, он никогда не мог бы полностью заменить мне отца. Мой отец — бард. Певец. Рагнар — военный человек, а еще врач, специалист в области биомеханики. Он отлично понял и поддержал меня, когда я решил податься в Демоны, но я вообще-то предпочитаю другое название — Джагернауты. Для моего отца это все лишь занятие, связанное с огромным риском. Он боится, что я могу погибнуть.

— Это потому, что он тебя любит, — тихо заметила я.

Лицо Эльтора немного смягчилось. Он погладил меня по волосам. Я тотчас ощутила исходящее от него душевное тепло, словно он пытался что-то сказать, но как — не знал. Я поняла одно — Эльтору хотелось, чтобы я почувствовала хотя бы толику той любви, того тепла, которое дарили ему отец и наставник. Я поймала его пальцы и поцеловала их — точно так же, как он поцеловал мои сегодня утром. Когда же я отпустила его руку, он от удивления слегка приоткрыл рот — я буквально видела, как недоумение засветилось вокруг него легким мерцающим облачком.

Хотя потом мы с ним почти не обмолвились ни словом, это было теплое, дружеское молчание, когда в словах нет особой необходимости. В конце концов он снова принялся вертеть в руках транском. И, как и прежде, эта игрушка взялась в его руках непонятно откуда.

— Куда ты кладешь его, когда он тебе не нужен? — поинтересовалась я.

— На место.

— Место?

Эльтор не ответил. Стоило ему взять в руки транском, как настроение его заметно сникло.

— Что-нибудь не так? — спросила я.

— Джаг, — ответил он. — С ним до сих пор проблемы.

Меня так и подмывало расспросить поподробней, но к этому моменту мы с ним дошли до ступенек моего дома. Я остановилась, вновь почувствовав себя неловко.

— Ну, вот. Мы и пришли. Спасибо, что проводил меня до дома.

Эльтор в упор посмотрел на меня. Я стояла и не знала, что делать дальше. С одной стороны, мне не хотелось, чтобы он уходил, а с другой стороны — чтобы он и дальше шел за мной.

Первым заговорил Эльтор.

— Я провожу тебя до квартиры, — предложил он и вновь умолк, а потом добавил: — Хочу убедиться, что с тобой все в порядке.

— Хорошо, — выдавила я из себя.

Мы вошли в дом. Я нажала на выключатель. Как и следовало ожидать, свет не загорелся, и нам пришлось преодолевать ступеньки лестницы в темноте. Мы подошли к двери моей квар-

тиры, и единственное, что освещало нам путь, — полоска лунного света из окна в конце коридора.

У двери в квартиру я остановилась.

— Ну вот. Пришли.

Эльтор обвел взглядом облупленные стены коридора.

— Ты уверена, что тебе здесь ничего не грозит?

— Не волнуйся.

— А твои братья ждут тебя внутри?

— У меня нет братьев, — призналась я после небольшой паузы.

— А почему ты прошлой ночью сказала мне, что они у тебя есть?

— Потому что не доверяла тебе.

— А теперь доверяешь?

Он коснулся моей щеки.

Инстинкт мне подсказывал «да», здравый смысл нашептывал «нет». Я знала, что должна прислушиваться к здравому смыслу. Но как мне надоело приходить одной в эту ужасную, жалкую квартирку!

— Знаешь, я подумала, а почему бы тебе не зайти?

Эльтор запустил руку мне в волосы и, словно гребнем, провел пальцами вниз по длинным прядям.

— С удовольствием.

Я так нервничала, что постоянно попадала ключами не в те отверстия. Наконец мне удалось открыть дверь. Выключатель внутри тоже не работал, и мне пришлось взять с тумбочки под телевизором фонарик. Теперь я оказалась посреди небольшого круглого пятна света, а остальная комната оставалась в полумраке.

Эльтор переступил порог и запер дверь. Дольше всего он провозился со средним замком — не сразу понял, что нужно одновременно задвинуть перекладину в отверстие в полу и упереть ее в дверь. Я посветила ему, чтобы было лучше видно. Свет я направила на стену, чтобы, когда Эльтор обернется, не слепить ему глаза.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Почему здесь нет электричества?

— Дадут через день-два, — успокоила его я и, вытащив из-под стола подставку, сделанную из старой клетки для птиц, поставила ее на тумбочку рядом с телевизором.

Фонарик я засунула между прутьями лампой верх, чтобы он светил на потолок.

— Два дня? — ужаснулся Эльтор. — Но почему так нескоро?

— Потому что владельцы дома — жлобы. Вечно тянут резину, если требуется что-то починить.

Я направилась в кухонный уголок и вытащила с полки под перегородкой стеклянную салатницу. Вернувшись к столику, я водрузила салатницу вверх дном на фонарик. Получилось что-то вроде плафона. Теперь свет фонаря пробивался сквозь розоватое стекло. Эффект получился очень даже симпатичный, хотя свет был тусклым — его едва хватало, чтобы разглядеть ближние к столику предметы.

Эльтор окинул взглядом импровизированную лампу.

— Ловко придумано.

— Фонарь слепит глаза, вот я придумала, чем бы смягчить свет.

Эльтор шагнул ко мне. Он был теперь совсем близко. Вернее, слишком близко. Я тотчас почувствовала, как изменился его голос, его движения. Он вообще был какой-то не такой, даже одежда на нем. Кстати, свой коробок он опять куда-то спрятал, только вот куда, я так и не заметила. Никаких карманов, никаких складок на его одежде не было.

— Иногда ночью нужен мягкий свет, — негромко проговорил он.

Его рука сжала прядь моих волос — и тогда я разглядела сочленение. От основания его среднего пальца и до запястья тянулся выступ, что позволяло ему складывать ладонь, словно книжку, пополам — от среднего пальца до запястья.

— Что у тебя с рукой? — спросила я.

— С рукой?

— Ну да, с кистью.

Эльтор весь напрягся. Нет, даже воздух вокруг него напрягся, словно накачанный воздухом шар. Он едва заметно отпрянул от меня, но это движение не ускользнуло от моего внимания — для меня это было все равно как если бы он отошел в другой угол.

— У меня был врожденный дефект, — бесстрастным тоном произнес он. — Мне его таким образом исправили.

Врожденный дефект? Я смутилась и мысленно отругала себя за свою бестактность.

А затем я ощутила нечто необычное. Эльтор переключал настроение, словно нажатием кнопки перезагрузил компьютер. Он заметно расслабился и сложил ладонь пополам, вернее, обернул ее вокруг моей. Склонив голову, второй рукой обнял меня за талию. И поцеловал.

Я отлично понимала, к чему все идет. Правда, события развивались слишком быстро. Вообще-то я всегда была застенчивой, даже с парнями моего возраста. Я сама не могла понять, что это со мной творится, почему я веду себя так, словно это и не я вовсе. Собственно говоря, и он тоже. Я до сих пор не уверена, то ли все дело в феромонах, которые выделяют люди редкого генетического строения, вроде нас с ним, то ли в инстинкте — кстати, это тоже продукт все тех же самых генов. Ведь лососи не рассуждают, когда приходит время нереста, а просто плывут против течения, чтобы произвести на свет потомство. Просто следуют зову природы. Я могу сказать лишь одно — в том, что произошло той ночью, не было ничего дурного. Просто мы с ним, как две краски, слились, чтобы образовать уже новый цвет.

Я обняла его за талию и тотчас почувствовала, какой он крепкий и сильный. Эльтор носом зарылся мне в волосы.

— Мне нравятся твои духи.

— Я не душилась.

— Значит, это просто твой запах. — Он поднял голову и кивнул в сторону кровати. — Может, мы присядем?

— Давай.

Я не смела посмотреть на него. Я была так молода, так неопытна. Откуда мне было знать, что происходящее между нами — это не просто взаимное притяжение, а нечто большее. В ту минуту меня больше беспокоило другое — как спросить, есть ли у него средства защиты. Эльтор был старше меня и лучше понимал, что происходит, однако его в отличие от меня тревожили галактические последствия его действий. Он стоял перед выбором, который практически не имел права делать, поскольку подобные вопросы — нравилось ему это или нет — за него решало правительство.

Эльтор привлек меня к кровати и сам сел, широко расставив обутые в тяжелые ботинки ноги. Я как-то совсем по-глупому продолжала стоять перед ним, зажатая между его колен, держа его за руки.

— Ты не хочешь сесть? — спросил он.

Язык меня не слушался, и я только кивнула. Присев на кровать рядом с ним, я все пыталась набраться смелости, чтобы задать ему мучивший меня вопрос. Эльтор легким движением опрокинул меня на спину, а сам вытянулся рядом и принялся меня гладить. Он начал с бедра, приподняв юбку. Затем его рука, уже поверх одежды, поднялась выше, к талии. Ладонь его была такой огромной, а моя талия такой тонкой, что он вполне мог обнять ее одной рукой. Потом он двинулся дальше, к моей груди. Та тоже легко поместилась в его ладони, вместе с рюшами на блузке. Эльтор действовал так, словно получил от меня согласие. На самом же деле мне хотелось сказать ему совсем другое: «Не торопись».

— Ты такая красивая, — прошептал он. — Ну кто мог предположить, что сегодня я окажусь с тобой в постели?

Спросить его? Но как? И не будет ли это выглядеть глупо? Ну и пусть, какая, собственно, разница? Уж лучше выглядеть глупо, чем подцепить что-нибудь или подзалететь.

— Тина? — Он оторвал руку от моей груди. — Что-то не так?

— У тебя есть с собой эта штука?

— Какая штука?

— Ну, сам знаешь. Презерватив.

Ну наконец-то. Сказала что хотела.

Его лицо на мгновение утратило выражение, превратившись в маску. Затем вновь вернулось в нормальное состояние.

— Не могу отыскать это слово. Что оно значит?

— Ну, это такая штука... для того, чтобы... в общем, чтобы не...

— Что, чтобы не?

— Чтобы не заразиться.

— Но я не заразный.

— Понимаешь, мы не можем рисковать. К тому же мне ни к чему беременность.

— Но ты не забеременеешь.

— Это почему же?

— Мои предки были людьми, — произнес он. — Но они покинули Землю так давно, что мы с тобой вряд ли сумеем произвести на свет потомство.

Услышав такое, я едва сдержала улыбку. Не думаю, чтобы нашелся кто-то еще, из чьих уст можно услышать нечто подобное.

— Послушай, Эльтор, если у тебя его с собой нет, то нам его надо где-то раздобыть. Я вовсе не пытаюсь тебя разыгрывать. Но без презерватива я не согласна. Даже не надейся.

— Что ж, возможно, ты и права. Может, действительно есть вероятность того, что ты забеременеешь, — согласился он.

— Вот именно. Есть такая вероятность.

— И тебе это не нравится?

— Эльтор!

— Значит, я должен это понимать как «нет». Ты не хочешь от меня ребенка.

— Нет, конечно!

Откуда мне было знать, что среди его соплеменников то, что я сейчас сказала ему, было равносильно тому, как если бы земной мужчина заявил женщине: «Я хочу тебя трахнуть, но не потому, что ты мне нравишься, а просто потому, что мне сейчас жуть как хочется бабу».

Я почувствовала, что сказала что-то не то.

— Понимаешь, моя мать вырастила меня одна, без отца, — пояснила я. — И я не хочу ребенка, пока не буду точно уверена, что его отец останется со мной.

Его лицо утратило напряженность, и все снова стало хорошо. Тогда я еще не знала, что к этому моменту он уже уяснил для себя различия между нашими цивилизациями. Правда, сказал он одно:

— У меня с собой нет «защиты». А у тебя есть?

— Тоже нет.

Эльтор мотнул головой в сторону телевизора.

— А мы не можем заказать ее через твою консоль?

— Это же телевизор. По нему ничего нельзя заказать.

— Телевизор?

— Подожди, я, кажется, кое-что придумала. Сейчас вернусь.

Я встала с постели и направилась двери.

— Тина, куда ты?

Обернувшись, я увидела, что он опять сел — расставив ноги и опершись на колени локтями.

— Ты вернешься ко мне? — спросил он.

Такого вопроса я никак не ожидала. Неужели он и впрямь решил, что я могу улизнуть, бросив его сидеть здесь одного?

Что за странная мысль — такое скорее могло прийти в голову мне, но никак не ему.

— Не волнуйся, я сейчас. Обещаю.

Я расправилась с замками и вышла в коридор.

Квартира Бониты и Гарри располагалась на этом же этаже, через три двери по коридору. Я постучала, моля Бога, чтобы дверь отрыла Бонита, а не ее муж.

Дверь слегка приоткрылась — на тонкую щелочку.

— Тина? Что тебе?

Звякнула цепочка, и дверь открылась шире. Из-за нее на меня смотрела заспанная Бонита в ночной рубашке, поверх которой была надета пушистая розовая кофта с перламутровыми пуговицами. На плече лежала тяжелая черная коса.

Мы с ней не были подругами. Просто здоровались, когда встречались на лестнице, но если учесть, что работали мы в разное время суток, то это случалось не так уж и часто. Но мне почему-то казалось, что она относится ко мне с симпатией.

— Дело в том, что я хотела попросить... в общем, мне нужен...

Бонита взяла меня за руку и затащила внутрь.

— В чем дело, Тина?

— Ни в чем. Со мной все в порядке. Я только хотела кое о чем попросить.

— Попросить?

— Ну да. Я подумала, что у Гарри найдется...

— Что у него найдется? — Бонита зевнула. — Тина, уже поздно.

— Презерватив, — выдавила я и залилась краской.

— А-а-а. — Бонита наконец проснулась. — Ты серьезно?

— Да, ведь уж лучше с ним, чем без него.

— Я не то имела в виду. — Бонита окинула меня с головы до ног. — У тебя Джейк? Ты не слишком ему позволяй.

— Это не Джейк.

Джейк на тот момент был моим первым и единственным ухажером, но мы расстались с ним за несколько месяцев до этого.

— Извини, Бонита, зря я тебя побеспокоила. — Чувствуя себя круглой идиоткой, я попятилась к двери. — Извини, иди спать. Я не...

— Погоди, — Бонита положила мне на плечо руку. — Одну минутку. Сейчас принесу.

Она исчезла в спальне, а когда вернулась, то несла небольшую коробочку. Она дала ее мне в руку и согнула мне пальцы.

— Тина, подумай хорошенько, — сказала она, — пока не поздно. Может, тебе лучше остаться здесь, у нас. Можешь переспать на диване.

Но я отрицательно покачала головой.

— Спасибо, Нита. Но я пойду к себе. — И я попятилась вон. — *Muchas gracias.*

Очутившись в коридоре, я со всех ног бросилась к своей двери. В следующий миг я услышала, как хлопнула ее дверь, и у меня отлегло от сердца.

Эльтор все так же сидел на кровати. Я ощутила переполнявшее его любопытство — оно щекотало мне ноздри, словно перец. Я села рядом с ним, и он вытащил у меня из сжатых пальцев коробочку. Открыл ее и извлек небольшой квадратик фольги. Повертел его так и сяк.

— И что с этим делают? — поинтересовался он.

— Ну, в общем, когда наступает время. Ну, сам понимаешь. Когда мы с тобой и все такое прочее. Тогда ты это и делаешь.

Эльтор рассмеялся.

— Что-то я сегодня медленно соображаю. Я ничего не понял из того, что ты мне только что сказала.

Я залилась краской.

— Хорошо, в нужный момент я все тебе покажу.

— Ладно.

И он положил квадратик назад в коробочку, а ее поставил на пол рядом с кроватью. Затем повернулся ко мне, и ощущение любопытства, та перечная щекотка, исчезло. Зато ей на смену пришла настоящая — это Эльтор провел пальцами мне по руке до самого плеча, а оттуда — вниз по шее.

Затем он нежно повалил меня на кровать и, прижимая меня к себе, начал развязывать шнуровку на моей форме. Тянул ее и дергал и так, и эдак, нащупывал пальцами петли. Но ничего не мог поделать. В конце концов он издал полный отчаяния вздох.

— Интересно, а к этому прилагается инструкция по использованию?

Я тихо рассмеялась и, запустив руку между нашими телами, расшнуровала корсет. Эльтору осталось только завершить начатое и стащить его с меня вместе с лифчиком. От холода по

моему телу побежали мурашки. Но потом мне вновь стало тепло — это Эльтор прижал меня к себе. Пока он занимался моей юбкой, я пыталась расстегнуть на нем жилет — с тем же результатом, вернее, отсутствием такового, что и он с моей шнуровкой. Я не обнаружила ни пуговиц, ни петель, ни крючков, ни вообще никаких застежек. Моя рука просто скользила по кожаной поверхности, вернее, по тому материалу, который я приняла за кожу. На самом деле это была синтетика, призванная защищать тело как от холода, так и от перегрева.

Эльтор приподнялся на локте и пробежал пальцами по груди. Жилетка моментально расстегнулась. Понятия не имею, как он это сделал, — но результат был налицо. Правда, застежек я так и не увидела. Грудь его была прекрасна — мышцы такие рельефные, такие упругие, слегка поросшие золотистыми волосками. Странно, подумала я. Соски и ареолы тоже светились каким-то металлическим блеском, даже еще более металлическим, чем все остальное тело. Я потрогала один, ожидая, что он окажется холодным на ощупь. Но нет, он оказался теплым. Просто они выглядели как металлические.

Эльтор стащил с меня всю одежду за исключением чулок и пояса с резинками. Он все время играл с ними — и не потому, что никогда не видел ничего подобного, а скорее потому, что никак не ожидал увидеть их на мне. Для меня это были всего лишь дурацкие голубые ажурные чулки — составная часть рабочей формы официантки в ресторане «Голубой рыцарь». Тогда я не знала, что для него это было белье фасона трехсотлетней давности.

Я наблюдала, как он раздевается, и на мгновение почти позабыла о том, что совсем недавно меня била дрожь. Его тело было сплошным клубком мускулов — широкое в плечах и узкое в бедрах. Когда Эльтор лег рядом со мной, я мысленно сказала себе, что в этом нет ничего постыдного. В действительности же мне было ужасно неловко, а мысли путались в голове.

— Что-то не так? — прошептал он мне на ухо.

— Нет, все нормально, — ответила я и покраснела.

Обхватив его, я провела рукой ему по спине — от шеи до талии, нащупывая его мышцы, его позвоночник, его розетку, его...

Розетку?

Да, розетку. У него на спине, чуть ниже талии, имелась самая настоящая розетка. Я пощупала ее кончиками пальцев. Отверстие было меньше чем полдюйма в диаметре.

— Это для псифонной вилки, — пояснил Эльтор и поцеловал мне ухо.

У меня в голове тотчас возникла комичная картина — заправщик на бензоколонке накачивает внутрь его тела бензин. Нет, это какой-то бред. Затем, где-то посреди моих спутанных мыслей, я почувствовала, что Эльтор пытается войти в меня.

— Погоди! — Я тотчас позабыла про розетку. — Эльтор, погоди. Ты забыл про это самое.

— Вот это? — Он поднял с пола пакетик с презервативом. — Объясни, что я должен я этим делать. В моей памяти нет никакой информации по этому вопросу.

В его памяти? Неужели я оказалась в одной постели с типом, который вообразил себя компьютером? Интересно, а как у других девушек, когда они теряют невинность? Им тоже приходится иметь дело с ненормальными? Кстати, эта мысль до сих пор не дает мне покоя. Но нечасто случается такое, что становишься женщиной в объятиях Имперского Демона. Имперского Джагернаута.

Я оттолкнула Эльтора от себя. Он явно не понял почему — в полумраке комнаты недоумение так и плясало вокруг него золотистыми светлячками. Затем он, кажется, понял, чего я от него хочу, и присел. Я тоже села, хотя от смущения старалась не смотреть на него. Затем я взяла пакетик и вскрыла.

— Надень.

— Надеть?

— Угу, вот на это. — Я дотронулась до той самой части его тела.

— А, понятно, — тихо произнес он. — Но лучше ты сама.

Каким-то образом я справилась с этой задачей. Мне даже понравилось. Было в этом нечто возбуждающее. Затем мы снова легли и заключили друг друга в объятия. Тем не менее то, что произошло между нами, оказалось далеко не таким, как я себе представляла. Более того, у Эльтора не сразу получилось войти в меня. Наконец он помог себе рукой — и, Господи, до чего же больно! Я вся напряглась, и он немного замедлил темп, его движения стали нежнее, какими-то убаюкивающими. И хотя

я все еще ужасно нервничала, мне это ужасно нравилось. Я наслаждалась движением его тела, ровным и сильным ритмом.

Искры, порождаемые его настроением, становились все ярче, переливаясь то красным, то оранжевым, то золотым светом. Эти безумные светлячки то и дело сталкивались с моими собственными мыслями, мешая думать. И хотя я всегда всеми своими чувствами ощущала эмоции других людей, обычно это происходило само собой. Эльтор же направлял свои искры в мою сторону, словно они были солдатами, беспрекословно подчинявшимися его командам, а он — их генералом.

— Тина, — хрипло прошептал он мне на ухо, — впусти меня.

Впустить его? А разве он еще не вошел?

Искры стали еще ярче.

Установлен интеллектуальный контакт.

Эти слова словно молния пронзили мое сознание.

Начата загрузка.

Я дернулась, с трудом подавив крик. Эльтор поцеловал меня, словно успокаивая, и что-то прошептал на непонятном мне языке. Я, разумеется, ничего не поняла.

Перекачка данных — высветилось в моем сознании.

Он тоже «впустил меня в себя», чтобы я прочувствовала его ощущения, как если бы те были моими собственными. Пик его наслаждения был таким сильным, что сравнить его можно было разве что с океанской волной во время шторма — она нарастала все выше и выше, пока наконец не накрыла его с головой. Эльтор весь передернулся и со всей силой вжал меня в матрац. У меня перехватило дыхание. Затем волна рассыпалась на мелкие брызги, ударяясь с одинаковой силой о нас обоих, и светлячки-искры слились, превратившись в мерцающее облако.

Затем я очнулась, обнаружив, что нахожусь у себя в комнате. Искры одна за другой гасли — волна отступала, а светлячки улетали с пляжа. Эльтор лежал рядом со мной, тяжело дыша. Мысли его были спокойны, а само побережье купалось в тихом лунном свете.

— Я не слишком тяжелый? — наконец спросил он.

— Нет, Тор.

В тот момент мои чувства были обострены до предела, словно это была не я, а инструмент, который настроили, но так ничего на нем и не сыграли.

— Тор? — сонно улыбнулся он. — Меня так еще никто не называл.

— Тор — это бог грома. У него есть волшебный молот. С его помощью он обрушивает на Землю раскаты грома.

Эльтор перекатился на бок и лег рядом так, что наши тела прекрасно вписались друг в друга.

— Обещаю, что не буду обрушивать на тебя раскаты грома.

— А что ты только что сделал? — поддразнила я его.

— И теперь должен за это превратиться в лягушку?

— Да нет, можешь оставаться принцем!

— Ты меня освежаешь! — рассмеялся он.

— Неужели? *Por que?*

Большинство передо мной заискивают.

Нетрудно было догадаться почему. Правда, многое в нем оставалось для меня уму непостижимым. Я обняла его за талию и потрогала отверстие в спине.

— Это псифонная розетка, — пояснил он. — С ее помощью я подключаюсь к Джагу.

— Подключаешься? Обычно подключают приборы, но не людей.

— Через нее происходит подсоединение к биомеханической сети, — пояснил Эльтор. — У меня еще такие же на шее, запястьях и щиколотках. С их помощью я подключаюсь к моему Джагу и через его разум — к псиберсети.

Я понятия не имела, как на это реагировать.

— Такое дано не многим.

— Именно поэтому нас, пилотов, так мало, — зевнул Эльтор. — Сама знаешь.

— Что знаю?

— Таких, как ты. — Он закрыл глаза. — Как я. Немногие ведь изучали подобные вещи.

Изучали? Я не была уверена, что правильно его поняла.

— Я нигде не учусь. Я пока что коплю деньги на университет.

Эльтор вытаращил глаза.

— То есть как это нигде не учишься?

— В данный момент нигде.

— Ты хочешь сказать, что не прошла курс нейроподготовки?

— Понятия не имею, что это такое.

Он уставился на меня, широко открыв глаза. Его сон как рукой сняло.

— Тогда кто научил тебя так хорошо контролировать твои нервные функции? Или манипулировать нейросетями других людей, как это ты проделала со мной? Вчера на улице и здесь сегодня?

— Никто меня ничему не учил.

— То есть ты сама научилась?

— Значит, сама научилась. — Я уже было подумала, что он сейчас скажет что-нибудь насчет «милой глупышки Тины». Такое мне приходилось слышать, и не раз. — Или ты не догадывался, что у меня есть мозги?

— Не говори так. У многих операторов Кайла высокий уровень интеллектуального развития, как следствие высокой концентрации нейронных структур в их мозгу.

— Операторов чего?

— Ты — одновременно приемник и передатчик Кайла.

— Ну да, как это я забыла!

— Тина, я ничего не придумываю!

Я не знала, что на это сказать. Вдруг, если я начну задавать вопросы, это окажется какой-то сверхсложной игрой, и я буду иметь глупый вид. А может, все-таки у Эльтора не все в порядке с головой. Хотя нет, говорит он как нормальный человек. Все дело в том, что он слишком настроен на окружающий мир, слишком чутко воспринимает присутствие других людей, проявляет к ним повышенный интерес. А еще он относится к себе с юмором. Правда, это мало что объясняет насчет розеток.

— А что ты имел в виду под «перекачкой данных»?

— А, так ты это прочла? По-английски?

Я кивнула, и он пояснил:

— Наверное, это моя сеть перевела для тебя.

Эльтор потер мне пальцами шею, затем перевернул мне руку ладонью вверх.

— Странно, я не нахожу на тебе никаких биомеханических усилителей.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Боги, — прошептал он, опуская мою руку, — это преступление!

— Я не совершила ничего дурного, — возразила я. — Ровным счетом ничего.

— Я имею в виду, что это просто преступление, что такой человек, как ты, с твоими удивительными способностями, живет, никем не замеченный.

— Я такая же, как все. Ничем не отличаюсь от остальных.

Тогда мне было почему-то страшно признаться, что я все-таки немного другая. Я не хотела, чтобы от меня все отшатнулись, чтобы я провела всю мою жизнь в полном одиночестве. Кому захочется иметь рядом с собой ненормальную с обостренными чувствами, не способную выносить контакт с другими людьми?

— Нет, не такая, — возразил Эльтор. — Ты одновременно и приемник, и передатчик Кайла.

— Что-что?

И он рассказал мне о том, что у операторов Кайла имеются в мозгу два микрочипа — так называемое Принимающее и Излучающее Тело Кайла, или ПТК и ИТК. Кроме того, в коре головного мозга у нас имеются паратела — специальные нейронные образования, отсутствующие у людей иного генного типа. Уникальные рецепторы, находящиеся в глубине этих образований, реагируют на нейротрансмиттер, так называемый псиамин, — его выделяют только операторы Кайла.

И если вы — оператор Кайла, то ваш ПТК улавливает электрические сигналы, поступающие из мозга других людей, и передает их дальше, в парателло. То, в свою очередь, интерпретирует их для вашего сознания. Ваш ИТК усиливает мощность и насыщенность сигналов, исходящих из вашего мозга, и посылает их дальше. Или, если быть более точным, квантовая дистрибуция вашего мозга сильнее, чем то считается нормой, реагирует на такую же дистрибуцию у других людей.

— Твое ПТК принимает сигналы, — продолжал Эльтор, — твое ИТК посылает их.

— И что это за сигналы?

— Что угодно, что находится в твоем мозгу. Большинство операторов Кайла не способны декодировать такую сложную информацию, как человеческая мысль. Разве что самую простую, если она очень сильна и поступает от кого-то рядом с вами. Чаще же всего воспринимаются и передаются эмоции.

Я задумалась.

— Знаешь, иногда я *вижу* чувства других людей. Это что-то вроде тумана. Или искр. А иногда слышу или воспринимаю как запах. Или вкус. Или же ощущаю кожей. То есть не головой, а именно кожей.

— Странно.

— Вот и я о том же. А все, что ты мне рассказал, это нормально?

Эльтор улыбнулся.

— Я хотел сказать, что для оператора Кайла достаточно странно взаимодействовать с сенсорным восприятием. Нейронные пути к твоим сенсорным центрам у тебя, должно быть, сплелись и перепутались с подводками к твоим парателам. Вот почему поступающая тебе в мозг эмоциональная информация запускает в действие сенсорную реакцию.

Вот и все. Словно тем самым он объяснил мне загадку, не дававшую мне покоя всю мою жизнь.

— И каким образом тебе все это обо мне известно?

— Сама знаешь каким, — ответил он. — Ведь ты сама это чувствовала. Ну почему ты не хочешь признаться? — Его голос смягчился. — Ты такая красивая. Как свет. Ты вся сияешь, ты такая милая, такая яркая, светлая — не знаю, какими словами мне это описать. Когда я рядом с тобой, мне легко и спокойно. Я словно чувствую себя исцеленным. Я даже не знал, что у меня есть раны, и вот теперь я исцелен.

Я сжала ему руку.

— Знаешь, с тобой все в порядке.

— Наверное, я не слишком постарался ради тебя, чтобы и тебе было так же хорошо, как и мне. — Его рука скользнула мне между ног. — Но я могу исправить положение. Скажи, что тебе нравится.

Вот этого я сказать ему не могла.

— Да нет, все и так хорошо. Честное слово.

— Но ты так напряжена. — Эльтор провел рукой мне по щеке. — Я не... — Он осекся на полуслове. — Что это?

— Что, что?

— Я дотронулся до твоего лица — и там осталась темная полоса. — Он посмотрел на свои пальцы. — Сейчас твое время?

— Какое время?

— Для месячных?

Ну почему он задает такие вопросы?

— Нет.

— Тогда откуда кровь?

— Кровь?

Было заметно, как он побледнел.

— Тина, ты уже занималась этим раньше?

— Чем занималась?

— Спала с мужчиной?

Ага, вот и самый главный вопрос.

— Нет. — Не успел он спросить меня еще что-нибудь, как я поспешила его успокоить. — Но можешь не волноваться. Через пять месяцев мне исполнится восемнадцать. Честное слово, так что из-за меня полицейских на тебя никто не натравит.

Он в упор посмотрел на меня.

— Тебе всего семнадцать?

— Да.

— Семнадцать земных лет?

— Ну да, земных. А каких же еще?

— О боги. — Он в изнеможении откинулся на спину. — Меня следует высечь!

— Давай помогу, если хочешь, — усмехнулась я. — Но и этого я тоже никогда не делала.

— Надеюсь, что нет, — произнес он, все так же удивленно глядя на меня.

— Эльтор, мне было с тобой хорошо.

— Но у нас не принято, чтобы взрослый человек ложился в постель с ребенком!

— Но я же не ребенок!

— Почему ты мне ничего не сказала? Знай я, сколько тебе лет, никогда бы этого не сделал.

— Именно поэтому я ничего не сказала.

— Ты рассуждаешь старше своих лет. — Эльтор покачал головой. — Когда я тебя впервые увидел, ты показалась мне совсем молоденькой, но тогда я решил, что это из-за невысокого роста. Мне ужасно нравилось, что иногда ты рассуждаешь совсем как девочка. Теперь же мне понятно, что, несмотря на юный возраст, у тебя гораздо чаще бывают куда более зрелые суждения.

— Благодарю, — растерянно отозвалась я.

Эльтор притянул меня к себе.

— Извини, в следующий раз я буду нежнее.

В следующий раз? У меня отлегло от души. Я прильнула к Эльтору и задремала, прислушиваясь к его дыханию. С каждым мгновением оно становилось все ровнее и глубже по мере того, как он сам погружался в сон.

Глава 3
УБИЙЦА

Я приняла душ и, встав у кухонного окна, принялась расчесывать волосы. Во все стороны полетели брызги. Они приятно остывали на коже, зато на стекле оставляли темные пятна. Солнце только что встало, и вдоль пустыря по соседству с моим домом протянулись длинные тени. Смог еще не опустился, и воздух был прозрачен и свеж. По пустырю валялись кучи мусора и какие-то доски — с ними еще любили играть дети с верхнего этажа. По дороге, со скрипом и фырканьем, проехал «мустанг», а по тротуару, лая на восходящее солнце, пробежал бездомный пес.

Я обернулась и увидела, что Эльтор спит, раскинувшись на спине и свесив одну ногу с кровати — вернее, поставив ее на пол. Лицо его закрывала подушка, из-под которой виднелся только кончик носа и рот. Я рассмеялась, и не потому, что вид у него действительно был комичный; просто было приятно проснуться с ним в одной комнате.

Я поправила плечо блузки. Это был мой любимый наряд, и я надела ее специально для Эльтора — вся в кружевах, розочках и листьях. Юбку к ней я надела розовую. Обычно Мануэль называл этот цвет «цветом попки хихикающей белой девчонки после того, как ее по ней шлепнули». Когда же я спрашивала его, откуда ему известно, какого цвета попка у хихикающих белых девчонок, и вообще с какой стати им с ним хихикать, и почему ему можно заниматься тем, за что меня, если я начну заниматься подобными вещами — да нет, если только стану думать о них, — он грозился упечь в монастырь, Мануэль говорил мне, чтобы я шла делать уроки.

Свет все еще не дали, и я на спиртовке приготовила две кружки горячего шоколада. Взяв одну себе, другую я поднесла Эльтору в постель. Чтобы разбудить, потянула с него подушку.

— Просыпайся, соня!

Он только фыркнул и потянул подушку назад на себя.

Я засмеялась и вновь сдернула с него подушку.

— Пора просыпаться! Я сегодня работаю в дневную смену.

Эльтор издал звук, свидетельствовавший о том, что просыпаться ему никак не хочется, но все-таки открыл глаза. Правда, они вновь словно были затянуты золотистой пленкой.

— Эй, что это у тебя опять с глазами?

— М-м-м?

Эльтор сел на кровати. Золотое облачко на его глазах исчезло, и они вновь приобрели свой естественный цвет.

— Я даже не заметил, что уснул.

— Да ты вырубился как бревно.

— Бревно? — Он посмотрел на кружки. — Пахнет приятно.

Я дала ему кружку.

— Почему у тебя на глазах возникает эта золотистая пленка?

— Это внутреннее веко. Собственно, в нем нет никакой необходимости, — сказал Эльтор, обхватив ладонями кружку. — Просто солнце на планете, колонизированной моими предками, светило слишком ярко. Вот они и изобрели дополнительное веко, чтобы защитить глаза от слепящего света. Когда я сплю, оно опускается. Или же когда я чувствую угрозу.

— Послушай, а ты уже заметно лучше говоришь по-английски.

— Ты так считаешь? — спросил он и кивнул. — Не знаю. Может, мне просто понадобилось время, чтобы приспособиться к архаичным формам.

— Архаичным?

Он улыбнулся.

— Язык, на котором ты говоришь, кажется мне устаревшим. Наверное, пока я спал, мои лингвистические модули каким-то образом лучше интегрировались с остальными системами.

Я заерзала на постели.

— Пожалуйста, не надо.

— Чего не надо?

— Говорить о себе как о компьютере.

— А я и есть компьютер, — сказал он и сделал глоток горячего шоколада. — Если учесть, какая разветвленная и мощная у меня биомеханическая сеть, то чисто технически меня никак не назовешь человеком. Как говорится, из плоти и крови.

Я подумала о том, что произошло между нами накануне ночью.

— Не знаю, мне ты показался самым что ни на есть человеком.

Выражение его лица смягчилось. Мне даже захотелось провести с ним все утро в постели. Чтобы как-то отогнать ненужные мысли, я спросила:

— А что такое биомеханическая сеть?

И он описал мне начинку своего тела. Во-первых, в позвоночник ему вживлены компьютерные чипы, но действовали они скорее на основе оптики, нежели электроники. Световые волокна тянулись от них к розеткам на его теле, и при случае он мог подключаться к внешним системам, например, своему кораблю. Другие волокна были подключены к электродам в клетках больших полушарий — с их помощью чипы «общались» с его мозгом. При сигнале «1» нейрон возбуждался, при сигнале «0» оставался пассивным. Эта схема действовала и в обратном направлении, таким образом, его мысли бинарным кодом передавались чипам. Биокапсулы вокруг электродов защищали нейроны от ненужного воздействия, а нейротрофические соединения держали их под постоянным контролем, предупреждая, а при необходимости устраняя малейшие повреждения.

Скелет и мускулатуру усиливала гидравлическая система сервомоторов из высокопрочного биопластика, что многократно повышало выносливость его организма и позволяло развивать скорость, в два-три раза превосходящую скорость обычного человека. Необходимой энергией его снабжал микротермоядерный реактор. Кожа из специального сплава позволяла избавляться от чрезмерного перегрева. Мощность реактора, однако, была всего в несколько киловатт — большую просто не выдержал бы его организм.

— Иногда, в боевом режиме, мой мозг практически бездействует, — признался Эльтор. — Мои действия контролируются специальными архивами рефлексов, мозгу же остается лишь роль стороннего наблюдателя, — пояснил он и, помолчав, добавил: — Должен признаться, это малоприятное ощущение.

— Да, звучит почти невероятно, — согласилась я.

Эльтор улыбнулся и затем «шевельнулся».

Единственное, что он сделал, это слегка коснулся моего плеча. Все произошло столь молниеносно, что я едва не выронила из рук поднос. Его движение было плавным, но каким-то неесте-

ственным, словно его руку за ниточку дернул невидимый кукловод. Он слегка дотронулся до моей кожи, после чего стремительно убрал руку. Все это длилось буквально мгновение.

— Эй, — улыбнулась я. — Вот это здорово. Попробуй еще раз.

Вжик! Его рука коснулась моего плеча и стремительно вернулась в исходное положение.

— А ты весь можешь двигаться так же быстро? — с улыбкой поинтересовалась я.

— Могу, но это вредно для моего естественного скелета. Вернее, того, что от него осталось. — На него словно наплыло облако, и он покачал головой. — Обычно я стараюсь без надобности не использовать боевой режим. Он предназначен для рукопашной схватки.

— Так ты у меня машина! — Я без всякого стеснения окинула взглядом его прекрасное тело. — Обожаю всякую технику!

— Я рад, — рассмеялся он в ответ.

— И все-таки я никак не могу взять в толк одну вещь. Разве нельзя вложить мозги в обыкновенную машину, такую, которой все равно, какой мощности реактор у нее внутри?

— А кто захочет стать мозгами робота? — усмехнулся Эльтор. — Ты представляешь себе, как бы я вошел, скажем, на дипломатический прием в обличье бронированной машины?

Пришлось признать, что зрелище было бы довольно несуразное.

— Кстати, а народ не начал теряться в догадках, почему ты не появился на этом своем приеме?

— А никто не знает, что я должен был оставить свою часть. Приказ пришел после того, как делегация отбыла. Я даже не в курсе, почему возникла эта задержка. — Эльтор опустил ноги на пол. — Союзный Президент устроил прием в честь визита на Землю моей матери.

— Какой президент?

— Союзный. Президент Союзных Миров Земли.

— Но ведь это не Союзные Миры Земли. Это Америка.

— Только совсем не та, какую я ожидал увидеть, — сухо заметил он и поднял с поля свой напульсник. — У вас тут есть мировое правительство?

— Есть. Организация Объединенных Наций. Только это не правительство, по крайней мере не здесь, в ФША.

— ФША? — Он закрепил напульсник, так что тот оказался присоединен к розетке на запястье. — А это что такое?

— Федеративные Штаты Америки.

— Федеративные? А разве не Соединенные?

— Первый раз слышу такое название.

Эльтор поднял с пола брюки, встал с кровати и надел их.

— А у вас здесь действует порт? Там бы я мог получить интересующую меня информацию.

— У нас тут много разных аэропортов.

— Я имею в виду космический порт.

Мне осталось только развести руками.

— Извини, космических портов у нас здесь нет.

— А разве вы еще не колонизовали Марс? А Луну?

— Нет.

Эльтор сел рядом со мной.

— И сейчас у вас двадцать четвертый век?

— Да нет! Сегодня двадцать третье апреля 1987 года.

— По расчетам моего Джага, сегодня двадцать третье апреля 2328 года.

Внезапно над головой вспыхнула лампа, а телевизор завопил сводкой новостей. Эльтор подпрыгнул как ужаленный и выхватил из ботинка нож. Лезвие сверкнуло подобно молнии, рассыпая по стенам фейерверк искр.

— *Oiga!* — Я подпрыгнула и схватила его за руку. — Успокойся. Все в порядке. Просто снова дали свет.

Не успела я прикоснуться к нему, как Эльтор резко развернулся и занес нож с такой скоростью, что глаз воспринял это движение как расплывчатый образ. Но он столь быстро сумел совладать с собой, что я даже не успела испугаться. Лишь на считанные доли секунды застыл надо мной с занесенным ножом. Затем опустил руку и обернулся к телевизору, где в тот момент дикторша зачитывала прогноз погоды — солнечно, жарко, высока вероятность смога.

— С тобой все в порядке?

— Как ты запустила этот говорящий ящик?

— Наверно, я задела его вчера, когда доставала фонарик. — Я подошла к телевизору и выключила звук, оставив одно изображение. — И случайно нажала кнопку.

Эльтор вновь засунул нож за голенище ботинка.

— Мне пора на корабль.

Я легко догадывалась, что это значит. Несмотря на то что он сказал про «следующий раз», вряд ли он и дальше захочет приходить ко мне. Принимая во внимание его внешность и общественное положение, можно было легко себе представить, что он не имел недостатка в женщинах. Тогда я понятия не имела, насколько верными были мои мысли, но только слепоглухонемой мог оставаться об этом в полном неведении.

После ночи с Эльтором я поняла, что имела в виду моя мать, когда говорила, что они с отцом были одинаковы. Помнится, мать тогда сказала мне, что душа его была сладкой, как маис, и нежной, как легкое дыхание совы. Она узнала его по этому нежному прикосновению, как только увидела. Она называла это *chul'el* и *chanul*, то есть душа и ее спутник, дух какого-нибудь животного. Эльтор использовал такие слова, как «нейрология» и «квантовые волновые функции». Независимо от слов и моя мать, и Эльтор имели в виду одно и то же.

Но мой отец так никогда и не вернулся.

В Набенчауке люди живут большими семьями — старики, молодежь, супружеские пары и их дети, — все вместе, под одной крышей, в домах, сложенных из бревен и веток и крытых соломой. Наверное, точно такие же дома строили там и тысячу лет назад. Эти дома видели всё и всё выстояли — ураганы и засуху, горе и радость. Только вот наша семья по какой-то неведомой причине с каждым новым поколением становилась все меньше и меньше. Я была, по сути, последней представительницей угасшего рода. Обычно мне удавалось побороть ощущение одиночества, но после предыдущей ночи я знала, что мне будет совсем тяжко, если Эльтор оставит меня.

— Тина, я вернусь. — Он притянул меня к себе. — Просто мне надо выяснить, что же все-таки происходит.

Прильнув головой к его груди, я обхватила Эльтора за талию, пытаясь пробиться в глубины его сознания. Внутри него боролись самые разные эмоции — тревога, желание остаться со мной, воспоминания о прожитой жизни, жизни полной удовольствий, какие мне и не снились. На самом деле Эльтор был гораздо старше, чем выглядел. Ему уже шло к пятидесяти. Но чувство одиночества преследовало его, выжгло пустоты в его душе, словно русла пересохших рек в пустыне — такие сухие, что берега запеклись коркой и растрескались. Немало женщин домогались его, но он редко отвечал на их заигрывания, разве

что из мимолетного интереса. И не потому, что ему не хотелось большего. Просто эти возлюбленные оставляли в его душе точно такую же пустоту, что и Джейк в моей. Эльтор же мечтал встретить кого-то, в ком мог бы обрести родственную душу. Кого-то вроде меня.

Он еще крепче прижал меня к себе и что-то прошептал на непонятном мне языке. Мы постояли с ним какое-то время, прижимаясь друг к другу.

Неожиданно он весь напрягся и застыл.

— Мой корабль!

— Что? — не поняла я.

— Мой корабль!

Эльтор смотрел в телевизор. На экране появилось размытое изображение чего-то похожего на самолет, хотя детали разобрать было невозможно.

Эльтор подошел к столику, опустился на колени и принялся наугад нажимать кнопки. Наконец нашел ту, что регулировала громкость. Комнату наполнил голос диктора:

— ...сегодня утром на околоземной орбите обнаружен летательный аппарат. Первоначально изображение было получено англо-австралийским телескопом, после того как наблюдатели обнаружили сбои в работе космического шаттла «Челленджер». Шаттл осуществил погрузку корабля в грузовой отсек и доставил его в Центр испытаний летательных аппаратов имени генерала Йейгера в Калифорнии. Согласно данным из неподтвержденного источника, обнаруженный на орбите корабль представляет собой сверхзвуковой самолет с возможностями орбитальных полетов, который по неизвестной причине вышел из строя.

— Какого дьявола!

Эльтор схватился за бок, вернее, за талию, и вытащил часть своего тела.

Я едва не закричала от ужаса. На какой-то миг мне почудилось, что он вырвал из себя кусок мяса. Но это оказался лишь кубик с закругленными гранями, и в следующее мгновение я узнала транском. На его правом боку, чуть выше бедра, над отверстием затягивалась мембрана.

— Господи! — вырвалось у меня.

Я была уже по горло сыта его чудесами.

Но Эльтор меня не слышал — он тыкал пальцем в транском, и тот мигал разноцветными огнями.

— У меня нет связи с Джагом!

— Ты уверен, что этот самолет, что сегодня нашли на орбите, — твой?

Эльтор посмотрел на меня.

— Они должна понимать, что никакой это не самолет. Более того, они уже наверняка догадались, что корабль имеет внеземное происхождение. — На лице его возникла гримаса. — Одному Богу известно, что они могут подумать! Мой Джаг несет на себе такой арсенал, что способен стереть Лос-Анджелес с лица Земли в считанные секунды.

— Зачем же тогда ты притащил его на орбиту и там бросил?

— Я же тебе говорил. Я приглашен на прием.

— И что, на приемы ходят вместе с боевыми кораблями?

— Но он *часть* меня. Я не могу его оставить.

— Мне почему-то казалось, что он замаскирован.

— Да, вернее, был. — Эльтор выпрямился. — Судя по всему, он поврежден еще сильнее, чем я предполагал. Иначе он легко ушел бы от столь примитивного преследования. Но почему моя диагностическая система не засекла ничего серьезного? Такое возможно лишь при условии, что кто-то нарочно... — Он задумался. — Представляю, как перепугались ваши военные. Ведь для них я шпион, представитель враждебных сил.

— Но ты ведь не предпринял никаких враждебных действий.

— Я оставил на орбите корабль-шпион, — покачал головой Эльтор. — Но они даже не догадываются, с чем имеют дело.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты представляешь, что может произойти в худшем случае? Стоит им попробовать залезть в его системы, и корабль моментально взорвется. Учитывая запас оружия и антивещества на его борту, он разнесет на мелкие куски большую часть Калифорнии.

— Неужели нельзя ничего сделать?

Я в ужасе уставилась на Эльтора. Тот шагами мерил комнату.

— Я так надеялся, что он сможет замаскировать себя. Что его примут разве что за орбитальный шаттл, а не за межпланетный корабль. Ваши военные вряд ли смогут понять, с какой передовой техникой имеют дело.

— А что, если тебе связаться с базой? Попытаться убедить их, что у тебя нет враждебных намерений.

Эльтор перестал расхаживать по комнате.

— Они только тогда подпустят меня к Джагу, если я соглашусь сотрудничать, делиться с ними всеми секретами.

— А этого ты сделать не можешь?

— Я ни с кем добровольно не стану делиться информацией, ни с военными, ни с кем-либо еще. Кроме того, они меня в любом случае не отпустят. Они не станут мне доверять. С какой стати?

Я наблюдала за Эльтором с тревогой в душе.

— И что, по-твоему, они предпримут?

— Перевезут его на хорошо охраняемую секретную базу. Но это привлечет к нему еще большее внимание. — Эльтор задумался. — Сейчас они, по всей видимости, заняты поисками корабля-носителя. И чем дольше у них уйдет времени, чтобы понять, что такового просто не существует, тем лучше для меня. — Он пробежал пальцами по волосам. — На месте начальника этой базы я бы выведал все, что только мог, об этом корабле, и чем быстрее, тем лучше. И главное, первым делом постарался бы поймать пилота.

Эльтор сел на кровать, уперся локтями в колени, опустил голову на руки и закрыл глаза. Я ощущала, как напряженно работает его мозг. Вернее, видела это в форме полупрозрачного образа, словно лужа на асфальте. Рядом с нами вода была глубже, но чем дальше от нас, тем мельче она становилась, пока не испарялась вовсе.

— Не срабатывает, — с досадой в голосе произнес Эльтор.

— А что ты пытаешься сделать?

Он поднял на меня глаза.

— Я летаю на Джаге уже долгие годы. Я могу установить с ним ограниченную связь даже без непосредственного физического контакта. Но чем больше расстояние между нами, тем труднее это сделать. А сейчас он слишком удален от меня, и я не могу установить с ним связь.

— А что с твоим английским?

— Моим английским?

— У тебя вновь появился акцент.

Я буквально глазами видела его внутреннее напряжение.

— Я никогда не отделялся. Я оставил свой мозг работать как подуровень его РИ.

— А это еще что такое? — удивилась я.

— РИ? Расширенный Интеллект. У нас с Джагом один мозг на двоих. Мы мыслим вместе. Я предоставляю «человеческий» компонент. Творчество, изобретательность, воображение.

Я видела, как по его виску градом катится пот.

— Когда я оставляю корабль, то могу временно переместить мою программу в свой собственный мозг, как бы вернуть в себя свое «я». Это и есть «отделение» от Джага.

— Но сейчас ты этого не сделал. Да, потому что не ожидал встретить меня.

Эльтор кивнул.

— Верно, значительная часть моего мозга все еще на корабле.

— Но ведь до этого момента с тобой все было в порядке. Ты отлично говорил по-английски.

— Подозреваю, что мое сознание находилось в состоянии критического равновесия.

— А это еще что?

— Ты представляешь, что такое сверхохлажденная жидкость?

Я покачала головой, и Эльтор продолжал:

— Если охладить жидкость ниже температуры замерзания, то она не превратится в твердое тело, а останется жидкостью, только сверхохлажденной. Но стоит только потревожить систему, как она мгновенно замерзнет. Если я вдруг отделюсь от Джага, моя биомеханическая система срабатывает точно так же. Малейшее вмешательство, и она тотчас обрушивается.

— И ты обрушил ее, пытаясь установить связь с Джагом?

— Да.

Я развела руками.

— Даже не знаю, что тебе посоветовать.

— Мне нужна информация. Прежде всего об этой базе.

— Знаешь, я позвоню на работу и скажу, что заболела. А мы с тобой пойдем в библиотеку. Может, что-нибудь и отыщем.

— Надеюсь, — печально вздохнул Эльтор.

Филиал лос-анджелесской публичной библиотеки на бульваре Сан-Карлос располагался в небольшом торговом центре

по соседству с химчисткой слева и боулингом справа. Мы с Эльтором пересекли площадь, ощущая, как от плиток у нас под ногами поднимается жар. Солнечный свет утратил утреннюю яркость красок, он скорее угнетал, чем бодрил.

Я еще в окно заметила библиотекаря Мартинелли, немолодого седеющего мужчину в очках. Он протирал прилавок, где посетители брали домой книги. За исключением пожилой четы за соседним столом, в библиотеке было пусто. Когда мы вошли, немолодая пара как раз принялась за чтение газет.

— Привет, Тина, — произнес Мартинелли с улыбкой.

Но стоило ему взглянуть куда-то мимо меня, улыбки его как не бывало — она потухла, как погашенный в пепельнице окурок. А пожилая чета в срочном порядке засобиралась домой. Я посмотрела в сторону, куда были направлены их взгляды, и увидела Эльтора. Он стоял в дверном проеме — настоящая гора мускулов, с головы до ног в черном, на руках черные кожаные напульсники, фиолетовые волосы взлохмачены. Вид у него был как у заправского уличного громилы, по которому плачет федеральная тюрьма.

Я подошла к нему и шепнула на ухо:

— Постарайся принять более дружелюбный вид.

— А как? Это мой обычный вид. Я всегда так выгляжу.

Ну что на это скажешь? Мы шагнули к прилавку. Мартинелли подошел к нам, одарив меня какой-то странной улыбкой.

— Подозреваю, у тебя сегодня поздняя смена в банке, Тина? — спросил он.

Я не поняла, что он имел в виду. Ведь ему прекрасно известно, что я работаю в ресторане. И вообще, с чего это вдруг у него появилась эта дурацкая улыбка? Казалось, лицо его парализовано, но он изо всех сил старался придать ему веселое выражение.

Но потом до меня дошло. Мартинелли испугался за меня. И пытался каким-то образом дать мне понять, что если я попала в беду, а сказать открыто боюсь, то могу каким-то образом сообщить ему об этом. В ответ я одарила его своей самой радостной улыбкой.

— Я сегодня не работаю. А это мой друг Эльтор. Он из... м-м-м... из Фресно.

Мартинелли кивнул Эльтору, тот кивнул ему в ответ. Затем Мартинелли снова обернулся ко мне:

— Чем могу быть полезен?

— У вас есть книги о Центре испытаний летательных аппаратов имени Йейгера? — спросила я.

Мартинелли махнул в сторону каталога.

— Сначала попробуйте поискать там. Если не найдете, что вам надо, я проверю по компьютеру.

— Спасибо.

Я подвела Эльтора к каталогу. Вытащила ящик, поставила его на стол. Эльтор взял стул и сел рядом со мной. Но тотчас обернулся на Мартинелли, который работал за компьютером.

— Почему этот человек отнесся ко мне с подозрением?

— Он принял тебя за одного из дружков Нага, — ответила я и села за стол. — Они приходят сюда и мешают ему работать.

— Нага?

— Нага Кугельмана, — ответила я и добавила: — Того, что убил моего двоюродного брата Мануэля.

— Извини, я не знал.

Эльтор пристально посмотрел на меня.

Всякий раз, когда мне казалось, что я могу спокойно думать о смерти Мануэля, выходило, что это не так. С того момента прошло много лет, и мне помнится лишь то хорошее, чему брат учил меня. Он был строг со мной, как отец: никаких крепких выражений, никаких поздних гулянок, никакого спиртного, никаких сигарет, никаких наркотиков и никаких парней, если те ему не нравились. Он был немногословен и не любил говорить «за жизнь». Но в том, как Мануэль относился ко мне, я читала такие слова, как «уважение» и «долг». Точно так же держал он себя и после того, как умерла мать, хотя это и отдалило его от меня.

— Тина? — произнес Эльтор.

— Все нормально, — отозвалась я.

— Ты постоянно повторяешь эти слова. Нормально жить в домах, в которых недостойно жить даже животным, нормально, когда убивают твоего двоюродного брата. Разве это нормально? Ты заслуживаешь лучшего.

— Я пытаюсь встать на ноги.

— А где твои родители?

— Мне и одной неплохо.

— Тина...

— Тебе повезло. У тебя есть отец, — выпалила я, пытаясь поменять тему разговора.

Эльтор пристально посмотрел на меня, но не стал задавать вопросов, а только сказал:

— Мы с отцом большую часть времени провели, споря друг с другом с пеной у рта. Рагнар понимал меня куда лучше.

— Это тот самый адмирал, который убедил тебя пойти в армию, хотя твой отец был против?

— Это был мой собственный выбор. — Эльтор пожал плечами. — Мой отец временами относится к Рагнару слишком предвзято.

— Например?

— Например, он выходит из себя, — произнес Эльтор и нахмурился. — Однажды, когда я был еще мальчишкой, ко мне пришел Рагнар. В конце концов он мой личный врач. Когда отец увидел, как Рагнар разговаривает с моей матерью, то моментально вспылил. Обычно он уравновешенный, спокойный человек. Но в обществе своего старого друга порой полностью утрачивает самоконтроль.

Теперь-то мне понятно — не только простые смертные, обитатели Земли, имеют привычку приударить за чужой женой. Но тогда я промолчала. Ведь что я знала тогда, чтобы делать выводы: они всегда могли оказаться неверными.

Поэтому сказала ему следующее:

— Можно тебя кое о чем спросить?

— О чем же?

— Солдаты должны убивать?

— Да.

— А ты убивал?

— Да.

Я поерзала на стуле.

— И скольких же ты убил?

— Не знаю.

— Не знаешь, потому что был в корабле и не видел или потому что убил так много, что сбился со счета?

— И то, и другое.

Он почувствовал, как я застыла на месте, и тихо добавил:

— Тина, пойми, люди всегда гибнут на войне. Наши враги убили моего дядю. Кстати, мои родители дали мне имя в его

честь. Это брат моего отца. И мне всегда хотелось отомстить за него.

Я подумала о своем двоюродном брате.

— Месть — плохая вещь. Они убивают, ты убиваешь, они убивают, ты убиваешь. И так без конца.

— Ну знаешь, будь желание отомстить единственной причиной, почему я пошел в армию, то уже давно вышел бы в отставку. Я же остался, потому что кто-то должен защищать свой народ. Я чувствую себя, — Эльтор на минуту умолк, подбирая слова, — обязанным.

Чем-то он напомнил мне Мануэля.

— Понятно.

— Но прошлой ночью я чувствовал себя так спокойно, — он взял мою руку, — так умиротворенно.

— Со мной? И почему же?

— Не знаю, — улыбнулся Эльтор. — Наверное, потому, что ты хотела превратить меня в лягушку.

— Знаешь, из тебя получилась бы ужасно симпатичная лягушка! — пошутила я и посмотрела на разбросанные вокруг меня карточки. — Кстати, все эти книги по авиатехнике стоят на одной полке. Ты пойди посмотри там, а я еще немного пороюсь в каталоге. — Я взяла со стола карандаш и бумагу и записала несколько шифров. — На, поищи вот эти.

— Карточки, — проворчал Эльтор. — Бумажные книги. Полки.

— А что ты предлагаешь? — улыбнулась я.

— Прийти домой, лечь на диван, дать задание сети, чтобы та доставила тебе необходимую информацию. Подсоединяешься к источнику, выбираешь рисунки и голографию.

Он продолжал что-то дальше ворчать на своем языке, однако взял у меня листок бумаги и отправился к полкам.

Я тихонько рассмеялась и вновь склонилась над ящиком.

В следующее мгновение кто-то обратился ко мне:

— Привет, Тина. У тебя новый приятель?

Я подняла глаза. Рядом со мной стоял Наг, в джинсах и куртке. С ним были Шнурок и Бочка. Эта парочка на все сто процентов оправдывала свои прозвища. Шнурок высокий и тощий, и Бочка — приземистый и коренастый.

— Он сейчас вернется, — сказала я.

— Похоже, приезжий, — прокомментировал Наг с улыбочкой.

Мне эта улыбка ужасно не понравилась.

— Он из Фресно.

— Из Фресно? — Наг расхохотался. — Ну, прикол. Дыра похуже Кливленда.

— Что тебе надо? — серьезно спросила я.

— Чтобы ты мне не грубила. — Наг шагнул еще ближе. Я попыталась задвинуть стул, но Наг поймал меня за руку. — В чем дело? — Улыбки его как не бывало. — Тебе что, трудно уделить мне пару секунд? Зачем же так задирать нос?

— Оставь ее в покое, Матт, — крикнул ему из-за прилавка Мартинелли.

Наг посмотрел на него, и губы его скривились в нехорошей усмешке. Однако руку он мою отпустил, зато свою засунул за полу куртки. Когда он ее оттуда вытащил, в ней был девятимиллиметровый «люгер».

Мы с Мартинелли буквально окаменели. Наг целился прямо в библиотекаря.

— Заткнись, старый хрен!

Я не верила собственным глазам — поднять руку на безобидного человека, и где, посреди библиотеки! Нет, мне сразу следовало догадаться, что что-то не так, иначе зачем ему являться в библиотеку в куртке, когда на улице такая жара.

Наг покосился на Шнурка.

— Сделай так, чтобы этот дед нам не мешал.

Шнурок подбежал к стойке и перелез через нее. Там он вытащил нож и мотнул головой куда-то к стене, показывая на угол, который не видно из зала. Мартинелли покорно поплелся за книжные полки, Шнурок проследовал за ним.

Наг повернулся ко мне.

— Итак? — Он снова улыбался, однако эта улыбка была ничуть не лучше той, которой он одарил меня в самом начале. — Значит, у тебя новый приятель.

— Он не любит, когда я разговариваю с другими парнями, — пролепетала я.

— Ах вот оно что. — Он шагнул еще ближе. — А что же он любит?

Я отпрянула назад.

— Перестань!

— Перестань! — передразнил меня Наг. Он спрятал пистолет за полу куртки, стащил меня со стула и облапил. — Вот, наверно, что он любит, *chiquita?*

— Прекрати!

Я вывернулась из его объятий и стукнулась о Бочку. Тот схватил меня за руки и удержал на месте.

— Крошка Тина, — процедил Наг сквозь зубы, — нам уже нельзя ее потискать? Она такая чистая, такая правильная. Или ты думаешь, мне ничего не известно?

— А что тебе известно? — с вызовом спросила я его.

— Мне ты никогда ничего подобного не позволяла. — Его раздражение было подобно бешеному вращению черных и красных полос. — Но я к тебе не приставал. Я думал: «Она не такая, как все. Постарайся ее добиться». И я старался, но ты даже не смотрела в мою сторону. Считала, что я тебя недостоин. Даже тогда я к тебе не приставал. Может, этот твой двоюродный брат наговорил тебе про меня кучу всякого дерьма. Да я с тобой цацкался, как ни с одной другой бабой в жизни не цацкался! — Мне казалось, он был готов прибить меня на месте. — Я видел тебя сегодня утром, шлюха поганая. Я видел, как ты выходила с ним. Он ведь спал у тебя, признайся? Вы с ним всю ночь трахались?

— Наг, прекрати, — взмолилась я.

— А что, не так? Можно подумать, у него есть то, чего нет у меня. Может, у меня даже лучше.

Я не сомневалась, что он уже послал своих прихлебателей схватить Эльтора. Может, они уже затащили его в какую-нибудь каморку. Ведь Наг не глуп. Хотя в библиотеке и большое окно, Бочка закрывал нас своими телесами. Так что, случись кому-то заглянуть с улицы, человек бы решил, что в библиотеке лишь Наг и Бочка. Стоят и о чем-то беседуют.

Затем Наг посмотрел на Шнурка и дернул головой. Я услышала глухой удар, словно по человеческому телу стукнули чем-то железным, за ним последовал другой — на этот раз тело явно упало на пол.

— Пойдем, пора отсюда сваливать, — приказал он.

Они потащили меня к боковой двери. Шнурок поспешил следом. Мы вышли в проулок между библиотекой и химчисткой. Стены с обеих сторон были глухие, без единого окна. Здесь никто не увидит, что мне нужна помощь. Вокруг Нага все еще

бешено вертелось облако красных искр. Пахло от него уксусом и сажей. В проулке его поджидал еще один из его дружков, противный костлявый тип по кличке Питс.

— В машину, — рявкнул Наг.

Питс тотчас припустился бегом в направлении автостоянки за библиотекой. Я улучила момент и больно вогнала каблук-шпильку в ногу Бочке. Тот взвыл. Хватка ослабла, и я вывернулась из его лап.

Спотыкаясь на своих шпильках, я бросилась со всех ног к площади перед библиотекой. Господи, главное — выбежать из этого проулка! Сан-Карлос — оживленная улица. Стоит мне оказаться на площади, как меня кто-нибудь да заметит. Не может такого быть, чтобы не заметили. Я могу даже выбежать на проезжую часть, попробую остановить машину.

Но тут впереди меня выросла фигура еще одного из Наговых прихвостней, загородив выход на улицу.

С душераздирающим воплем я замерла перед ним на месте. Позади меня раздался топот бегущих ног. Я обернулась и увидела, что за мной по пятам несутся Наг и Бочка, заходя справа, и Шнурок слева. Все как один изрядно запыхались.

— Что-то меня это притомило, — прошипел Наг.

— Нет! — закричала я. — Люди увидят!

— Заткнись, — рявкнул он и толкнул меня на Бочку.

Я попыталась кричать, но Бочка своей лапищей заткнул мне рот. Заурчал мотор, и в проулок со стороны автостоянки въехала старая машина. За рулем сидел Питс. Он подкатил поближе к нам и остановился всего в нескольких футах.

Наг злобно посмотрел на меня.

— Едем ко мне, крошка. На вечеринку. Приглашена вся компания. — Он оглянулся по сторонам, потом глянул на Шнурка. Тот перегородил мне путь к отступлению. — Иди приведи остальных..

Шнурок живо помчался выполнять поручение, а Бочка потащил меня к машине и отрыл заднюю дверь. Он затолкал меня на заднее сиденье, вернее, завалил на него, все еще зажимая мне одной своей лапищей рот, а второй, как наручниками, сжимая запястья. Затем открылась вторая дверь, и машина наполнилась запахом гаража — запах этот следовал за Нагом неотступно. Бочка наконец убрал мне от лица свою лапищу, но как

только я открыла рот, чтобы закричать, Наг сунул туда тряпочный кляп, а рот залепил клейкой лентой.

Шнурок открыл дверь и бросил внутрь кусок веревки.

— Вот все, что мы нашли.

Наг поймал веревку.

— Сойдет.

Он склонился надо мной и стащил с моей руки браслет. Я тщетно пыталась высвободиться из его хватки. Браслет этот подарила мне моя мать, в свою очередь она получила его от своей матери, а та от своей — и так из поколения в поколение откуда-то из глубины веков. Как давно, уже никто и не помнил. Второго такого мне нигде не взять.

Бочка показал на браслет.

— Думаешь, он чего-нибудь стоит?

Наг посмотрел на мои отчаянные попытки к сопротивлению.

— Она думает, что да. Может, нам его взять себе? — расхохотался он. — Кажется, мы его заслужили. Это будет наш приз. Кто сможет оттрахать ее больше других, тот его и получит.

— Нет, — закричала я, но получилось лишь невнятное мычание.

Наг бросил браслет на пол. Они с Бочкой бесцеремонно перевернули меня на живот, и Наг связал мои руки за спиной. Затем они снова перевернули меня. И в этот момент я, стиснув зубы, резко поджала колени и затем столь же резко распрямила их — угодив Бочке в пах.

— Твою мать! — завопил Бочка и отпрыгнул, да так резко, что врезался головой в дверь.

Он завалился на нее — злость вытекала из всех пор его тела потоками огненно-красной лавы.

Передо мной на бешеной скорости промелькнул чей-то ботинок. Я сразу даже не поняла, что это кто-то пустил в ход ноги, но в следующее мгновение каблук впился Бочке в грудь, и тот отлетел от машины. После чего и сам Эльтор налетел на Бочку, и они, сцепившись, пропали из виду. Я услышала, как у меня за спиной Наг выругался и открыл дверь машины.

Я тоже кое-как сумела выбраться наружу. Причем едва не упала, со связанными руками на мгновение потеряв равновесие. В последний момент мне удалось заметить, как Эльтор с Бочкой налетели на стену химчистки. К ним подбежал Шнурок с ножом в руке. Одной рукой держа своего противника за

ворот, Эльтор описал пируэт и со смертельной точностью сделал резкий выпад ногой. Его тело подчинялось не ему, а все той же биомеханической сети, словно он был роботом, которым управляют извне. Злость рвалась из него наружу колючими, острыми льдинками, видимыми только мне одной. Правда, тогда я не знала, что это запрограммированная эмоция, своего рода сложный защитный механизм, призванный заглушить его способность к сопереживанию во время боя.

От его удара нож, который до этого сжимал Шнурок, отлетел в сторону. Каблук сапога ударил противника в грудь. Шнурок отлетел спиной к машине, а вслед ему Эльтор швырнул Бочку. Оба приятеля рухнули на землю без сознания. Лишь позднее мне стало известно, что они выжили лишь благодаря тому, что биомеханическая сеть Эльтора сочла ненужным применение летальной силы. То есть, хотя сеть и не могла полностью контролировать действия своего хозяина, она могла их до известной степени сдерживать.

Но только до известной степени.

Где-то вдалеке, но вскоре все ближе и ближе, завыли сирены. В проулке прогремел выстрел, и Эльтор, шатаясь, отлетел к стене химчистки, словно его отбросила туда неведомая сила. С другой стороны машины стоял Наг. Одна рука его была вытянута вперед, а в ней зажат нацеленный в Эльтора «люгер». Пуля попала Эльтору в бок, в просвет между поясом брюк и краем жилета. Второй выстрел не попал в цель — как только Наг нажал на спусковой крючок, в лицо ему ударила вспышка света, и он зажмурился. Это Эльтор вытащил нож. У меня дома нож этот просто блестел, здесь же он, слепя глаза, отражал и преломлял свет всеми цветами радуги, словно гигантский бриллиант.

Эльтор сделал одно молниеносное движение, и нож стрелой прорезал воздух. Наг к этому моменту пришел в себя и не стоял столбом на месте, поэтому лезвие впилось ему не в сердце, а в плечо. Наг вскрикнул и выронил пистолет. Эльтор бросился, огибая машину, ему навстречу. Он схватил Нага и с силой вмял его в корпус автомобиля. Надо сказать, что Наг оказался сообразительней своих дружков. Вместо того чтобы пытаться противостоять силе и ловкости Эльтора, он схватил его за жилет и, используя свое тело как противовес, завалил

его на капот. Эльтор ловко скатился с машины и уже в следующее мгновение снова стоял на ногах.

Сирена раздавалась все ближе, завывая то на более высоких, то более низких нотах, то резкой трелью, то протяжно. Эльтор бросился на Нага, и они сошлись в рукопашной, двигаясь так быстро, что трудно было понять, кто есть кто и в чьих руках нож. Лезвие сверкало вокруг их тел, посылая во все стороны огненные стрелы.

Сирена теперь завывала совсем рядом, на площади перед библиотекой. Питс никак не мог вывести свою машину из проулка — в этом случае он задел бы соперников. Так что он прибегнул к старому, испытанному способу — выскочил из машины и бросился наутек, только пятки засверкали. Я толком не поняла, от кого это он так улепетывает — от полиции или от Эльтора.

Эльтор застыл на месте. Наг же тяжело повалился на землю. Без признаков жизни.

— Бросить нож, — раздался чей-то резкий голос.

Я подняла глаза и в конце проулка увидела полицейского. В руках у него был нацеленный в нашу сторону пистолет. Эльтор застыл над поверженным телом Нага. Он стоял, широко расставив ноги по бокам своего противника. В занесенной вверх руке сверкал нож. С играющего слепящими искрами лезвия стекала кровь, капая прямо на закрытые веки Нага.

— Бросить нож, — повторил полицейский. — Немедленно.

В какой-то момент я испугалась, что Эльтор не послушается его. Но он разжал руку, и нож со звоном упал на асфальт.

Позади меня раздались шаги. Я обернулась и увидела еще одного полицейского. Он шел ко мне с другой стороны проулка. Послышалось завывание еще одной сирены, сначала негромко, но с каждой минутой все явственнее. Затем открылась боковая дверь библиотеки, и оттуда в сопровождении женщины-полицейского вышел Мартинелли. Одежда на нем была помята, а на лбу красовался зловещий синяк.

Женщина подошла ко мне и осторожно освободила мне рот.

— С вами все в порядке?

Я кивнула. И солгала. Я впервые стала свидетельницей убийства.

— Это самооборона, — воскликнула я, как только вновь получила возможность говорить. — Мой друг встал на мою защиту.

— Показания будете давать в участке, — сказала женщина-полисмен и кивнула на Мартинелли: — Садитесь вместе с ним на заднее сиденье, — после чего направилась к остальным.

Я выхватила из машины свой браслет, и в этот момент до меня донеслись слова:

— Встать лицом к стене.

Выпрямившись, я увидела, что на Эльтора уставились трое полисменов. Он тоже смотрел на них, словно это были его враги. Он, как робот, механическим движением поворачивал голову то к одному, то к другому, то к третьему.

— Пошевеливайся, — рявкнул один из офицеров. — Живо.

Мне не понравилось, как держали себя полицейские. Вид у них был такой, будто они уверовали, что им придется стрелять.

Эльтор! подумала я. *Делай то, что тебе велено.*

Мысленно я представила его стоящим лицом к стене, а полицейские его обыскивают.

Эльтор бросил на меня один-единственный взгляд, но такой, словно я вопила ему прямо в ухо, а не пыталась мысленно дать совет. В моем мозгу промелькнула мысль, холодная и какая-то автоматическая:

Отключить боевой режим.

Не спуская глаз с полисменов, Эльтор медленно попятился к стене библиотеки.

— Повернись, — приказал один из них.

Эльтор не сводил с него глаз. Он молчал и словно ждал подвоха. Однако повернулся, прижал ладони к стене и расставил ноги.

Полицейские зря времени не теряли. Один быстро подобрал нож — правда, ему пришлось сощуриться, чтобы ослепительное сияние не так больно било в глаза. Второй заломил Эльтору за спину руки и надел ему наручники — чуть пониже напульсников. Тогда еще никто не догадывался, что он ранен. Хотя его одежда была в крови, можно было подумать, что это кровь Нага. Раны же просто не было видно из-под жилета. Когда же полицейский обыскивал его, Эльтор даже не поморщился.

Я сделала шаг вперед — мне хотелось сказать им, что он ранен. Но Эльтор посмотрел на меня в упор:

Нет, Тина, не надо.

Его «внутренний» голос напугал меня, и я растерялась, не зная, что делать. Я застыла на месте и молила Бога, чтобы тот помог мне принять правильное решение. Далекая сирена теперь звучала громко, совсем рядом, и в следующее мгновение в проулок въехала карета «скорой помощи». Из нее выскочили люди. Кто-то подбежал к бездыханному телу Нага, кто-то бросился в библиотеку.

— Иди вперед, — приказал Эльтору первый полисмен. Затем он обернулся на меня и кивнул в сторону второго полицейского: — А вы, мисс, можете пойти со Стивенсом.

Не проронив ни слова, мы тронулись с места. Где-то на бульваре Сан-Карлос слышался гул проносящихся мимо машин. Но мы словно оказались внутри мыльного пузыря и все ожидали, когда же тот лопнет. На площади перед библиотекой были припаркованы две полицейские машины. Мы подошли к первой, и Стивенс вытащил ключи.

Внезапно Эльтор юлой развернулся на месте. Я заметила, как на глаза ему золотистой пленкой опустилось внутреннее веко. Стивенс тотчас схватился за пистолет, но Эльтор в то же мгновение резко ударил его ногой, а затем прыжком бросился на другого офицера. Каблук его ботинка больно ударил Стивенса в грудь, и тот рухнул навзничь. Одновременно раздался хлопок — это выстрелил его пистолет.

В тот момент, когда Эльтор набросился на другого полицейского, он потерял равновесие и полетел на машину. Было в этом нечто невообразимое — словно Эльтор одновременно падал в двух разных направлениях: боком на полицейского и спиной на машину. Напарник Стивенса никак не мог бросить его туда. Эльтор набросился на него слишком сильно и к тому же молниеносно. Полицейский ударился головой о машину и без сознания рухнул на землю.

У Эльтора из груди вырвался всхлип.

— Тина, в машину.

Он не то упал, не то просто опустился на одно колено. Руки его все еще были скованы за спиной, но он исхитрился выхватить пистолет Стивенса. Пот ручьями стекал по его лицу. Несмотря на металлический блеск, было заметно, что он бледен. Эльтор, шатаясь, поднялся на ноги и каким-то образом подвинул руки — так, что пистолет теперь оказался у него на боку.

— Ты умеешь водить? — спросил он.

— Предлагаешь угнать полицейскую машину? Ты в своем уме?

Затем я увидела, как из плеча Эльтора хлещет кровь, и мне стало понятно, что откинуло его к машине. Это выстрелил пистолет Стивенса.

Из проулка выбежала женщина-полицейский.

— Только попробуй похитить ее, тебе же будет хуже!

Полисменша застыла за углом, целясь в нашу сторону. Еще один полицейский занял позицию за дверью библиотеки. Никто не осмеливался стрелять — был велик риск попасть в меня.

— Тина, быстрее, — приказал Эльтор. — И подбери мой нож. Я могу держать в руках лишь пистолет.

Схватив нож и ключи Стивенса, я прыгнула в машину. Эльтор тотчас последовал за мной и захлопнул дверь. Я бросила ему на колени нож, после чего включила зажигание и до упора нажала на акселератор. У меня не было никакого плана действий. Я знала только одно — нельзя, чтобы полиция пустилась за нами в погоню. И тогда меня осенило — я описала дугу и на полной скорости врезалась в бок другой машине. После этого откатилась назад и, невзирая на протестующий визг шин, пулей вылетела с площади.

Когда мы неслись по бульвару Сан-Карлос, я обернулась на Эльтора. Из него струилась кровь — из плеча, там, где в него впилась пуля, и из раны в боку.

— Нам надо срочно доставить тебя в больницу.

— Нет. Там поймут, что я... не человек. — Он сглотнул застрявший в горле комок. — Если нас поймают, иди с ними. Скажи, что это я тебя вынудил.

— Нет!

— Тина!

— Нет!

Казалось, мы несемся на какой-то бешеной карусели. Но у меня и в мыслях не было бросать его одного. Я была ему столь многим обязана. Трудно сказать, собирались ли Наг и его прихлебатели порешить меня, после того как надругаются надо мной. Но даже если и нет, вряд ли мне самой захотелось бы жить дальше.

Я быстро свернула на ближайшую заправку и остановилась за зданием магазинчика. Теперь нас от трассы отделял просторный газон.

— Нам надо срочно вылезать из машины. Ее могут в два счета засечь.

— Положи на место нож, — выдохнул Эльтор.

Нож плавно лег на место за голенище его ботинка. Я выпрямилась и увидела, что у меня по руке бежит струйка крови. Только не красной, а какой-то синеватой.

— Эльтор, что у тебя с кровью?

— Она вытекает из меня.

Он поморщился от боли.

— Я не это имею в виду, а ее цвет.

— Все нормально.

— Вот уж нет, — возразила я и вновь положила руки на руль. — Ты как хочешь, а я отвезу тебя в больницу.

— Со мной все в порядке.

Я вновь завела мотор.

— Пусть уж лучше они поймут, что ты не человек, чем ты умрешь.

— Тина, не надо!

Я уже приготовилась нажать на педаль, когда в моем мозгу зажглось предупреждение:

Приготовиться к загрузке данных.

Информационный поток обрушился на меня как из ведра. В считанные секунды я узнала все, что хотела знать. У Эльтора был врожденный дефект крови, что-то вроде серповидной анемии. Серповидные клетки возникают в результате мутации одного из двух генов, ответственных за гемоглобин — соединение, которое переносит по нашему телу кислород. В случае Эльтора мутированными оказались оба гена. В результате каждая из молекул гемоглобина в его крови содержала по два неправильных отрезка аминокислот. Это можно сравнить с тем, как если бы вы пытались вставить в мозаику два неправильных кусочка. Силой вдавите их на место, и вся картинка исказится. Если этот дефект не лечить, то такой неправильный гемоглобин сворачивается и тем самым деформирует красные кровяные тельца. Селезенка удаляет их из обращения, словно фальшивые банкноты, в результате чего развивается острая анемия.

Чтобы устранить этот порок, врачи извлекли у него из костного мозга стволовые клетки эритроцитов и снабдили их правильным генным кодом аминокислот. Кровяные клетки производятся костным мозгом, поэтому когда «исправленные» клет-

ки попадают в систему кровообращения, они начинают вырабатывать «правильный» гемоглобин. Но врачи исправили только один из мутированных генов. Второй не только оказывает пагубное воздействие на гемоглобин, но и самым непосредственным образом влияет на функционирование клеток Кайла. Стоит его «исправить», и человек теряет часть своих эмпатических способностей.

Поэтому врачи, вместо того чтобы исправлять второй ген, снабдили организм Эльтора наномониторами: белковыми цепочками с прикрепленной к ним сферической молекулой. В сфере находится пико-чип, особый молекулярный компьютер, действующий по принципу квантовых переходов. Он управляет деятельностью и воспроизводством наномедикаментов. Белковая цепочка крепится к молекуле гемоглобина, отчего та меняет свою форму, приспосабливаясь переносить кислород правильным образом.

Но у этой лечебной методики есть и побочный эффект: при соприкосновении с ультрафиолетовым излучением или азотом наномолекулы приобретают синий цвет. Внутри кровеносных сосудов лишь малая их часть бывает синей. Без постоянной бомбардировки фотонами и без соприкосновения с азотом они тотчас становятся бесцветными. Однако, попав на воздух и солнечный свет, все большее их число синеет, придавая крови синеватый оттенок.

— Хорошо, я не повезу тебя в больницу, — сказала я, когда все поняла. — Но вся машина забрызгана твоей кровью. Стоит взять анализ, как тотчас станет понятно, что ты не наш.

— И что ты предлагаешь? — спросил он.

Пот градом катился по его лицу.

Вопрос застал меня врасплох. То, что Джагернауты в большей степени похожи на людей, чем таковыми являются, изначально задумано Имперскими Космическими Силами. В этомто и была главная уловка — имея человеческий облик, они служили целям поднятия духа у гражданского населения. Во время схватки с Нагом и полицейскими Эльтор не испытывал практически никакой боли, и все потому, что его биомеханическая сеть выбрасывала ему в кровь наноанальгетик, нечто вроде морфина, который блокировал болевые сигналы. Правда, в небольших количествах. Стоит хотя бы немного увели-

чить дозу, как может развиться привыкание или, что еще хуже, наркозависимость. А здесь недалеко и до летальной сверхдозы.

Видя, как Эльтор истекает кровью, когда ничего нельзя предпринять, я неожиданно сделала для себя открытие — он так же уязвим, как и простые смертные. Да, он быстр и силен, но все-таки это человек. А значит, и его возможности небеспредельны.

Я вышла из машины и бросилась к нему. Эльтор открыл дверь со своей стороны, подтащил наружу ноги и кивком указал на пистолет Стивенса.

— Захвати вот это.

— Не могу.

Придерживаясь за машину, он кое-как поднялся на ноги.

— Я сказал, возьми.

— Ненавижу пушки. Из одной такой убили моего двоюродного брата. А сегодня едва не убили тебя. Даже в руки не возьму.

— Нам надо обороняться.

— Я найду нам защиту.

Я обхватила его рукой за талию. Эльтор привалился ко мне, и я чуть не упала. Он был почти на фут выше меня, а весил в два раза больше. Я кивнула в сторону автострады.

— Мы идем туда.

Я повела его вниз по поросшему травой склону, что отделял нас от дорожного полотна. Хотя до дороги было всего несколько сотен ярдов, мне это расстояние показалось длиной в несколько миль. Мы то и дело спотыкались, мои каблуки на каждом шагу погружались в рыхлую землю. Наконец мы достигли туннеля, что пролегал под автострадой. Внутри было темно, стены украшали граффити. Я провела Эльтора до середины — чтобы нас в случае чего не было видно ни с одной стороны дороги. Затем перепробовала почти все ключи из связки Стивенса, пытаясь расстегнуть на нем наручники, и в конце концов нашла. Как только руки Эльтора вновь стали свободными, он прижал одну к ране в плече.

Я вновь обняла его за талию.

— Я знаю, куда нам пойти.

Эльтор, чтобы сохранить равновесие, обхватил меня за плечи здоровой рукой, и мы двинулись дальше по туннелю. Тот вывел нас на пустырь, огороженный металлической сеткой. Пришлось пробираться через кучи мусора: старые шины, обертки от гамбургеров, куски погнутой проволоки, битые бутылки. Я вела

Эльтора к тому месту, где в заборе виднелась дыра высотой примерно в мой рост. Пригнувшись, он сумел выбраться на другую сторону. Правда, там ему пришлось схватиться рукой за ограждение, чтобы только удержаться на ногах. Я пролезла вслед за ним.

— Как ты?

Эльтор кивнул. Он заговорил на незнакомом мне языке, совершенно незнакомом, какого я никогда не слышала, даже от него. Мой мозг тотчас взялся играть с ним в игры — менять звуки, подставлять другие окончания, так, чтобы получилась фраза на цоциле, какую шаманы из Зинакантеко произносят на церемонии исцеления:

Ta htsoyan hutuk 'un.

Я вверяю тебе часть моей души.

Я сглотнула комок. Меня почему-то выбила из колеи странная близость звучания слов. Я обхватила Эльтора за талию, и мы, спотыкаясь, поковыляли дальше по дороге. Нетвердые шаги вели нас по разгоряченному асфальту, исходившему жаром под белесым, выцветшим небом.

Наконец мы дошли до домика с облупившимся крыльцом. Незапертая дверь болталась на петлях, словно не могла решить для себя, то ли ей окончательно оторваться, то ли все-таки выпрямиться и встать на место. Внутри дома небольшая гостиная и диван изнывали от зноя, как, впрочем, и стол, и книжная полка, и ковер, некогда яркий и пестрый, а теперь блеклый и вытертый.

— Где мы?

— Здесь живет Марио и его семья.

Мы опустились на диван. Эльтор устало откинул голову на спинку.

— Подожди, — сказала я ему.

Хотя в доме было тихо и пусто, я знала, что Марио где-то поблизости, ведь он все еще сидел без работы. Мне никто так и не попался, пока я не вошла в кухню. И застыла. Там за столом сидел мой приятель Джейк — жевал сандвич и читал газету. Настоящее его имя Хоакин Рохас, но много лет назад, еще в школе, один учитель все время спотыкался о его имя и вечно произносил его как Джейкен. Так Хоакин стал Джейком. Имя к нему, что называется, прилипло.

Он уставился на меня, не донеся сандвич до рта. Но затем улыбнулся и заговорил по-испански:

— Откуда ты взялась?

Я подумала об Эльторе, который оставался в соседней комнате.

— Да так, отсюда.

Затем его взгляд переместился на мою блузку, и улыбки его как не бывало.

— Тина, это кровь?

Позади меня раздались шаги. Джейк устремил взгляд мне за спину, и последние следы улыбки исчезли с его лица столь же молниеносно, словно дружки Нага, улепетывающие от полиции. Джейк вскочил со стула и нырнул за кухонную стойку. Когда он выпрямился, в руках у него был обрез, причем нацелен он был на дверь.

Я резко обернулась. Эльтор застыл в дверях, глядя на нацеленное на него дуло. Он все еще прижимал руку к раненому плечу.

— Тина, отойди, — приказал Джейк.

— Джейк, не смей! — Я шагнула к двери. — Это Эльтор. Он со мной.

Джейк неприветливо покосился на меня.

— С каких это пор ты водишь дружбу с Наговыми дружками?

— Он убил Нага, — тихо ответила я. — И, возможно, спас мне жизнь.

Джейк не стал опускать оружия. Его враждебное отношение к Эльтору, смешанное с сомнением и растерянностью, наполнило кухню на манер искусственного дыма.

Неожиданно в кухне подобно грому пророкотал чей-то бас. По-испански.

— Так кто спас тебе жизнь?

Я обернулась и в дверях одной из внутренних комнат увидела Марио. Он вошел в кухню, огромный, как гора. Когда-то в школе он играл в футбол и удостоился клички *Destruidor*. Разрушитель.

Марио смерил взглядом Эльтора, затем повернулся ко мне:

— Почему он здесь?

— Нам нужна твоя помощь, — взмолилась я. — Ну пожалуйста, Марио.

Он поманил меня за собой в одну из комнат. Я отрицательно покачала головой — мне было страшно оставлять Эльтора наедине с Джейком и его пушкой. Марио повернулся к Эльтору и указал на стул.

— Садись, — сказал он по-английски.

Эльтор сел, посмотрев на меня так, словно хотел сказать: «Надеюсь, ты знаешь, что делаешь».

Марио снова заговорил со мной по-испански — тоном, не допускающим возражений.

Я пошла за ним в комнату его матери. Когда мы остались наедине, он окинул меня с головы до ног, словно желая удостовериться, что со мной все в порядке. Я тотчас почувствовала себя кем-то вроде его младшей сестры.

— Что Наг и его дружки сделали с тобой?

— Ничего, — ответила я. — Эльтор им не дал ничего сделать.

— Чего сделать?

— Да так, ничего особенного.

— Только не корми меня своими «ничего». Что случилось?

— Они хотели увезти меня на машине, — выдавила я из себя. — Но Эльтор их остановил.

Лицо Марио приняло каменное выражение. Точно такое, как в тот день, когда хоронили моего двоюродного брата. Два дня спустя полиция обнаружила одного из Наговых дружков мертвым в канализации. Именно того, кто, как мы знали, убил Мануэля. Полиции тогда не удалось собрать улик, но у меня не возникло даже малейших сомнений, чьих это рук дело. Я-то видела выражение лица Марио.

— Мы обо всем позаботимся, — тихо сказал он мне.

— Только без разборок, прошу тебя.

Он не ответил, и я повторила просьбу:

— Марио, ну пожалуйста, обещай мне.

— Не могу.

— Марио, прошу тебя. Наг мертв. Кто следующий? — Мой голос дрогнул. — Ты?

— Посмотрим, — проговорил он наконец.

Я знала, что это уже почти обещание.

— Я пришла к тебе просить помощи — для меня и моего друга.

— И кто этот тип? — недовольно прищурился Марио.

— Его зовут Эльтор. — И прежде чем Марио смог задать мне следующий вопрос, я принялась гнуть свою линию: — После того как он прикончил Нага, его арестовала полиция. Завязалась драка. Я угнала полицейскую машину.

— Что? Повтори!

— Я угнала полицейскую машину.

— А я-то думал, что ты умнее.

— Нам ничего не оставалось.

— Это почему же?

— Поверь мне. У нас не было иного выхода.

— Но ведь первым делом полицейские нагрянут именно сюда. — Марио покачал головой. — Допустим, я спрячу тебя, а они тут же найдут.

— Нет, мне нужна только машина. А еще рыжий парик твоей сестры и одеяло.

— Зачем?

— Не спрашивай меня ни о чем. — Я потеребила его за рукав. — Когда к тебе придут и начнут задавать вопросы, можешь с чистой совестью отвечать, что ничего не знаешь.

— Но Эльтор — чужак, — нахмурился Марио.

— Пожалуйста, Марио, ради меня.

Он посмотрел на меня, и постепенно лицо его смягчилось.

— Ключи от моей машины на полке в прихожей, — произнес он наконец. — Если машина вдруг пропадет, если ее угонят, я ничего не знаю.

Я притянула к себе его лицо и поцеловала в щеку.

— Ты настоящий кабальеро.

Он слегка улыбнулся мне, что для Марио уже многое.

— Если мою машину угонят, где мне ее искать?

— Помнишь вечеринку в Пасадене, куда мы ездили с тобой вместе. Ищи машину на улице напротив того дома.

— В Пасадене? А что там в Пасадене?

Я направилась к двери.

— Я никогда не забуду, что ты выручил нас, — сказала я и бросилась в кухню.

Джейк по-прежнему целился в Эльтора, правда, при этом он дал ему кухонное полотенце, чтобы промокнуть кровь на плече.

— Нам с Эльтором пора, — сказала я.

Джейк не шелохнулся. Он даже не посмотрел на меня, потому что пригвоздил взглядом Эльтора. Лицо его ничего не выражало.

— Отпусти их, — раздался голос Марио из другой комнаты.

Джейк лишь сильнее сжал в руке обрез. Но затем все-таки опустил.

Я отвела Эльтора в гостиную и схватила с полки ключи от машины.

— Иди и садись в зеленую машину в конце дорожки.

Эльтор покосился в сторону кухни.

— Тебе там оставаться небезопасно.

— Ничего страшного. Просто мне надо еще кое-что захватить.

Мне не хотелось отправлять его в машину одного, истекающего кровью. Но останься он здесь, в доме, за его жизнь нельзя будет поручиться.

Эльтор нахмурился, но все-таки пошел. Я забежала в комнату Розы. Ее рыжий парик красовался на комоде, на пенопластовой болванке. Я схватила его и на бегу сорвала с кровати одеяло. И только собралась выйти из спальни, как передо мной в дверном проеме вырос Джейк. Обрез все еще был при нем, но опущен.

— Тина, погоди.

Я застыла перед ним, сжимая в руках парик и одеяло.

— Не могу.

— С тобой все в нормально? — Джейк посмотрел на мою забрызганную кровью блузку и поднял обрез. — Пусть только этот тип посмеет...

— Он ничего мне не сделал и не сделает.

Мне хотелось оттолкнуть обрез в сторону. Господи, именно поэтому я перестала встречаться с Джейком. После гибели Мануэля я не могла вынести даже мысли о том, что вновь могу потерять близкого мне человека. И вот теперь Эльтор ранен, и неизвестно, что может произойти буквально в следующую секунду.

— Если этот тип пришил Нага, я бы не советовал тебе с ним водиться. — Джейк погладил меня по щеке. — Давай мы тебе поможем.

— Нет, я все должна сделать сама. — Я прижала ладонь к его груди. — Но все равно спасибо тебе.

— Тина.

В голосе Джейка звучала нежность.

Нет, мне не следовало прикасаться к нему. Это вернуло мне прежнее чувство, ощущение некогда существовавшей между нами близости, взаимного притяжения. В этом не было ничего чувственного, ничего плотского. То же самое я испытывала рядом с Джошуа, а когда-то, еще сильнее, рядом с матерью. Эльтор сказал мне, как это называется: эмпатия.

— Джейк, прошу тебя, извини. Но мне надо идти.

Он смотрел на меня, и за внешней невозмутимостью шла борьба самых разных эмоций. Ему хотелось мне что-то сказать. Что-то очень важное. Нерешительность повисла вокруг него наподобие сероватого тумана. Но слова так и остались невысказанными — неясные очертания посреди серой пелены.

— Если мы тебе понадобимся, ты знаешь, где нас искать. Достаточно нам шепнуть. — Вот и все, что он сказал.

— Спасибо, — выдавила я.

Выйдя из дома, я нашла Эльтора уже в машине. Он лежал на заднем сиденье. Я протянула ему одеяло, а сама села вперед. Правда, чтобы достать до педалей, мне пришлось выдвинуть вперед сиденье. Эльтор натянул на себя одеяло, и я нажала на газ. Мы задним ходом отъехали от дома, и я развернула машину прямо навстречу угасающему дню.

Глава 4
ШТОРМОВАЯ ГАВАНЬ

Когда я съехала на обочину, было уже темно. Деревья шумели под порывами обжигающего ветра. Эльтор приподнялся, одеяло сползло с него на пол машины.

— Где мы?

— На горе Вильсон. — Я открыла дверь, и нас тотчас обдало жарой. — Здесь есть одно место, где ты можешь спрятаться. Я съезжу за другом. Если я привезу тебя к нему в машине Марио, нас может засечь полиция. — Я вышла из машины. — Джош показал мне тут одну пещеру. Собственно, это даже не

пещера, а куча камней, под которыми есть место, где спрятаться. Больше никто об этом не знает.

Эльтор, пошатываясь, вышел из машины.

— Ты уверена, что мне хочется встречаться с твоими друзьями?

— Джошуа тебе понравится.

Эльтор хмыкнул. Пока мы между соснами и кустами пробирались к пещере, он молчал. Но затем неожиданно спросил:

— Что в вашем мире не так, если дети носят оружие?

Лунный свет слабо пробивался сквозь ветви деревьев, от чего казалось, будто глаза его впали в глазницы.

— Не стоит корить себя из-за Нага, — тихо произнесла я. — Будь в его силах, он бы обязательно тебя убил без малейших колебаний.

— Но это еще не оправдывает того, что произошло, — возразил Эльтор и на минуту задумался. — А этот паренек в доме? Зачем ему ружье?

Я ответила не сразу.

— Марио, Джейк, Мануэль — в некотором роде они тоже сражаются на войне. Как ты. Только их враг невидим. Но он постоянно твердит, что вы ничто, вы никто, вам нет места в этом мире, что вы здесь чужие.

— Твой друг Джейк не такой, как все.

— Что ты имеешь в виду?

— Он эмпат.

— Ты это почувствовал?

Эльтор кивнул.

— Но это не снимает боль, — заметила я, — а лишь сильнее ее обостряет.

— Ее ничто не снимет.

— И все-таки люди должны прекратить убивать друг друга, — с жаром произнесла я. — Должен же быть какой-то иной, лучший способ.

Эльтор ответил не сразу.

— Будем надеяться, что мы его найдем.

Я почувствовала, о чем он промолчал. Он опасался, что способ этот так и останется не найден никем, ни в его мире, ни в этом.

Спустя какое-то время он попросил:

— Расскажи мне что-нибудь. О себе. Только чтобы без боли и озлобленности.

— Хорошо. Я расскажу тебе о самом лучшем дне в моей жизни. О моем празднике *quinceanera*.

— *Quince*... Пятнадцать?

— Верно. Когда девушке исполняется пятнадцать, то устраивают праздник — сначала специальную церемонию в церкви, а потом танцы. Меня сопровождал Джейк. Он был мой *chambelan de honor*. А Мануэль... — Я на секунду умолкла. — У меня нет отца, поэтому Мануэль в церкви прошествовал со мной и матерью по проходу, когда мы шли на мессу. Там собрались все, мои *corte de honor*, *damas* и *chambelanes*.

— Дамы и кавалеры?

— Верно, всего двадцать восемь. Альконес и мои подруги. — Я улыбнулась. — И еще Джошуа. Ну и вид у него был по сравнению с остальными — соломенные волосы и голубые глаза! Моя мать сшила мне такое красивое белое платье. А парни были в смокингах. Можешь себе представить? Альконес в смокингах, с голубыми лентами через плечо, или как там они называются. Им пришлось сложиться, чтобы взять напрокат эти вещи. Я взяла с них слово, что никаких пистолетов. — У меня дрогнул голос. — Какой чудесный это был день! Казалось, мы с Джейком будем танцевать целую вечность!

— А почему ты говоришь об этом с такой грустью?

— Потому что все это в прошлом. Все.

Эльтор привлек меня себе.

Я вспомнила свою мать, как она плакала в тот день. Я чувствовала ее радость, ощущала на языке. Вдыхала ее запах, слышала ее звон. Чтобы объяснить объединяющую нас связь, мама, бывало, рассказывала мне древние предания. Ее слова рисовали перед моим мысленным взором картину *ceiba*, оси, что существует буквально везде и во всем. Это дерево. Корни его уходят глубоко в Олонтик, или подземный мир, ствол тянется вверх, сквозь Срединный мир, где обитаем мы, смертные, а крона простирается еще выше, сквозь все уровни небес. Моя мать верила, что наш разум одновременно сосуществует с другими, точно так же, как духовная и материальная вселенная сосуществуют благодаря связывающему их дереву.

Моя мать была *h'ilol*, святой женщиной. Она молилась за тех, кто болен, но не телом, а душой, на кого ведьма наслала сглаз

или порчу. Мало кто из женщин удостаивался этого почетного имени, но никто не сомневался, что моя мать его достойна. Ее умение исцелять превратилось в легенду. Мать учила меня молитвам — стихам, обращенным к Христу и *Calvario*, священной горе. А еще она рассказывала мне про девушку из Чамулы, которая превратилась в яркую Утреннюю звезду, прокладывающую путь самому Солнцу, точно так же, как во время церемонии исцеления помощницы мели земляную тропу перед тем, как по ней пройти *h'ilol*, целительнице.

У меня до сих пор в ушах стоят ее рассказы, я слышу ее негромкий голос, убаюкивающий меня в духоте чиапасской ночи. Лишь позднее я поняла, что церемония исцеления — это не что иное, как древние ритуалы майя, смешанные с христианством, принесенным в наши джунгли испанскими миссионерами.

Слева от нас с Эльтором возвышалась скалистая гора, наполовину спрятанная ночной тьмой и деревьями. Мы принялись карабкаться по ее склону, пока наконец не нашли груду камней. Два плоских куска скальной породы стояли, привалившись друг к другу. В результате получилось нечто вроде тесной пещеры с узким лазом.

— Залезай, — сказала я.

Эльтор повернулся боком и проскользнул в узкую щель между камнями. Оказавшись внутри, он опустился на каменный пол. Он все еще прижимал к окровавленному плечу полотенце. Лунный свет серебрил его и без того отливавшую металлическим блеском кожу.

Я присела рядом с ним.

— Ну, как ты?

— Ничего.

Конечно же, он лгал.

— Я вернусь, как только все улажу.

— Тина...

— Да?

— Ты вернешься?

Господи, сколь велико должно быть его доверие ко мне. Ведь одно дело — оставить его у себя дома и совсем другое — здесь, в полном одиночестве. Ведь что ему обо мне известно? Пожалуй, одно — мои друзья, чуть что не так, хватаются за оружие. И все-таки он верил, что я приведу помощь, что я

найду место, где он может отлежаться, вновь прийти в себя. Если, конечно, не опоздаю.

— Я вернусь, — прошептала я. — Клянусь тебе.

Я вылезла из пещеры и, спотыкаясь и ковыляя на каблуках, направилась к машине.

Мне казалось, что я никогда не доеду до Пасадены. Наконец я припарковала машину там, где и обещала Марио, спрятав в багажнике парик и одеяло.

Я огляделась по сторонам. До этого мне приходилось бывать в Пасадене лишь дважды. Один раз на вечеринке и еще прошлым летом, когда я помогала Джошуа переезжать в общежитие.

Над домами высилась башня. Желтые прямоугольники окон светились на ней в ночной тьме, словно огромные глаза. Помнится, Джошуа тогда показал мне ее и назвал Миликанской библиотекой. Я сняла туфли и побежала по улице в ее сторону.

Вскоре я оказалась на газоне перед кампусом. По идее, это был Калтех, но в темноте я ничего не могла узнать. Потом вспомнила, что общежитие Джошуа расположено как раз позади библиотеки. Я бросилась через газон, мимо какого-то типа с длинными волосами — не иначе, как он решил, что я свалилась с Луны. Университетские общежития представляли собой комплекс зданий в испанском стиле, со всех сторон окруженный лужайками. Перепрыгивая через две ступеньки, я взлетела на крыльцо одного из них. Все это время в моем мозгу словно молотом била одна мысль — что будет, если я не застану Джошуа?

Второй этаж был выкрашен черной краской, с красными языками племени на черном фоне. Джошуа тогда объяснил мне, что пламя означает позор отчисления из университета и причины, по которым могут отчислить. Я со всех ног бросилась к комнате номер 52 и принялась барабанить в дверь.

Та, к счастью, открылась, и на пороге вырос Джошуа в футболке и джинсах. Взлохмаченные волосы падали на глаза.

— Тина!

По его лицу расползлась радостная улыбка.

— Мне нужна твоя помощь, — выпалила я, как только перевела дыхание.

Джош затащил меня внутрь и закрыл дверь.

— В чем дело?

— Мой друг ранен. Я подумала, может, он немного поживет у тебя.

— Хорошо, — ответил Джошуа, пристально посмотрев на меня.

От благодарности я застыла, закрыв глаза. Как все просто — «хорошо». В этом весь Джошуа. После всего, что случилось с ним, он не так-то легко доверяет людям. Он осторожен в выборе друзей, но стоит подружиться с ним, как можно рассчитывать на его поддержку и помощь.

— У тебя есть машина? — спросил он.

— Есть, но я не могу ею воспользоваться. Почему, объясню позже.

Джошуа выключил настольную лампу. На столе лежала раскрытая книга. Повсюду были раскиданы листки бумаги, испещренные уравнениями.

— Может, наденешь мои кроссовки? — спросил он, глядя на мои ноги. — Да и свитер не помешает.

Я посмотрела на себя. В руках у меня были лодочки на высоком каблуке, а весь перед блузки заляпан кровью.

— Хорошо, давай.

Его свитер болтался на мне, как на вешалке, а кроссовки скорее напоминали шлепанцы. Я сняла чулки и, скомкав, затолкала в мысы. После этого мы прошли по коридору мимо какой-то полураскуроченной электронной техники к другой комнате. На ее двери виднелись табличка «ДЕИ», сделанная из старых компьютерных чипов.

Нам открыл какой-то парень в серой майке с надписью «*Конфедерация. 44-й Всемирный Конгресс писателей-фантастов*». В руках у него был наполовину съеденный батончик «Милки Вей»

— Привет! В чем дело?

— Дэниэл, я подумал, ты не одолжишь мне свой джип? — спросил Джошуа.

Джип был без верха, и пока мы ехали, ветер нещадно трепал мои волосы. Я рассказала Джошуа все. Единственное, чего я не стала делать, так это уверять его, будто Эльтор из Фресно. А еще всю дорогу молилась, что не совершила ошибки, оставив раненого Эльтора в пещере одного. Я думала о том, как мучительно долго тянулись для него минуты, и мое сердце сжималось.

У горы Вильсон Джошуа поднажал на газ. Когда мы наконец съехали с дороги, я выскочила из машины и бросилась к лесу.

— Тина, погоди! — крикнул Джошуа и бросился вслед за мной.

Мы пробирались сквозь заросли кустарника. Невысокие корявые деревья отбрасывали тени, от чего местами ночь казалась еще темнее. Волосы нам шевелил ветер. Дорога казалась бесконечной, я даже подумала, что мы уже прошли мимо.

Наконец я заметила два вертикальных камня. Мы тотчас бросились к ним бегом и протиснулись в щель. Джошуа поводил по полу и стенам фонариком. Луч наткнулся на тело Эльтора. Он лежал на спине, молча и неподвижно.

Я опустилась перед ним на колени. Сердце было готово выскочить из груди.

— Эльтор!

Он не ответил, и у меня внутри все похолодело.

— Ты слышишь меня, Эльтор?

Ответа не последовало.

— Эльтор!!!

На этот раз губы его шевельнулись, но самих слов я не расслышала. У меня отлегло от сердца.

— *Que, hijo?*

— Вынул пулю, — прошептал он. — Ножом.

И тогда я ее увидела — окровавленный кусок металла рядом с его рукой — и не поверила собственным глазам. Как такое возможно — собственными руками вырезать пулю из себя самого? У меня не укладывалось в голове, как при этом Эльтор не потерял сознания. А если он потерял еще больше крови, то состояние его более чем серьезное. Но даже если бы мы доставили его в больницу, разве найдется на Земле кровь его типа? Такая, какую можно было бы без опаски ему перелить?

Джошуа опустился на колени рядом со мной.

— Его надо срочно в реанимацию. Что бы он там ни натворил, пусть уж лучше попадет в лапы полиции, чем умрет от потери крови.

— Нет, исключается. — Я положила руку на плечо Джошу. — Поверь мне. Пожалуйста. Никто не должен знать.

Джошуа посмотрел на меня, и я подумала, не захожу ли я слишком далеко в своих просьбах, ведь даже самая верная дружба имеет свои пределы.

— А как мы его передвинем? — вздохнул Джош. — Он такой огромный.

Я с благодарностью пожала ему руку.

— Он пойдет сам.

Эльтор открыл глаза. В лунном свете его внутреннее веко отливало металлическим блеском.

— Ты умеешь очищать раны?

Джош кивнул.

— Мы захватили все необходимое.

Я положила руку Эльтору на лоб. В моем сознании тотчас высветились слова, вернее, целые комплексы слов — это началась перекачка информации из его мозга в мой.

Связь установлена. Соединение стабильное.

Соединение. Это из области техники, а не человеческих отношений. Мы оба, Эльтор и я, были Кайлами, то есть между моим сознанием и его связь устанавливалась легко и прочно. Поток информации сыпал фонтанами искр, разбиваясь, словно безумные барашки волн, о нейтральные берега наших с ним глубинных «я». Каждая система частиц может быть описана с точки зрения ее волновой функции, в том числе и мозг. Его ИТК возбуждал тысячи молекул в моем ПТК — да что там, миллионы, миллиарды. Будь Эльтор не таким мощным Кайлом, связь, которую он установил со мной, могла бы запросто его покалечить. Например, став причиной мощных нейронных выбросов, что, в свою очередь, могло привести к тонико-клоническому приступу наподобие эпилептического припадка. Но Эльтор перенес все довольно легко.

И я присутствовала при этой борьбе. Эльтор сражался со своей автономной системой — со своим сердцем, легкими, кишечником, железами внутренней секреции и прочими органами, с гладкой мускулатурой, с кровью и лимфой. Воинством ему служили наномедикаменты, специализировавшиеся по восстановлению тканей. Эльтор регулировал движение крови по сосудам, посылал питательные вещества туда, где они были нужнее всего, менял химические концентрации, и все это так стремительно, словно бежал наперегонки со смертью, которая преследовала его по пятам, во все более истончавшейся дымке сознания. Когда мы с ним соединились, его мозг тотчас заработал на полную мощность, словно сухая губка, которую вновь

пропитали водой, а затем резко сжали, так что во все стороны полетели брызги.

Митоз. Деление клеток: профаза, метафаза, анафаза, телофаза. Расщепление клеток: 1, 2, 4, 8. Рост тканей. Образование кровеносных сосудов. Увеличение кровотока. 64, 128, 256. Белые кровяные тельца; антитела; инфекция. Выброс лимфоцитов. Образование фибрина. Сворачивание крови. Паренхимальные клетки: профаза, метафаза, анафаза, телофаза. 16384, 32768, 65536. Кровотечение, строма, кровотечение, фиброз, кровотечение. Кровотечение...

— Тина...

Голос донесся откуда-то издалека.

— Тина, что с тобой?

Я открыла глаза. Джошуа стоял передо мной на коленях, положив мне на плечи руки.

— Что стряслось? — допытывался он.

— Я была с Эльтором. — Но почему Джошуа так и не открыл свою сумку? Она все еще лежала на полу пещеры. — Нам надо срочно обработать ему раны.

— Уже обработал. Я трудился над ним почти целый час. Вы с ним оба были в трансе.

Я вытаращилась на него, затем перевела взгляд на Эльтора. Он открыл глаза и еле слышно прошептал:

— Спасибо.

Мы ехали по университетскому кампусу. Эльтор сидел, привалившись ко мне, на заднем сиденье джипа. Джошуа подрулил к парковке рядом с общежитием. Стоянка была пуста, если не считать полдесятка машин — мне они показались этакими хромированными животными, дремлющими в ночи.

Мы с Джошуа помогли Эльтору выйти из джипа и, поддерживая его, вместе медленно двинулись по газону между стоянкой и общежитиями. Пересели дворик в испанском стиле и подошли к крыльцу общежития. С нашей помощью Эльтор медленно преодолел ступеньки. Все это время я прислушивалась, опасаясь услышать чужие голоса. Не дай Бог, какой-нибудь студент-полуночник случайно наткнется на нас.

Мы добрались до второго этажа, и нас никто не засек. Когда мы были почти у цели, Эльтор, пока Джошуа колдовал с кодовым замком, тяжело прислонился к стене. Постепенно на

него накатывалось спокойствие — я видела это в образе огромного мыльного пузыря бледно-оранжевого цвета. Господи, неужели мы сумели проскользнуть незамеченными?

В конце коридора скрипнула дверь, и из-за нее показался Дэниэл. Джошуа замер на месте.

— Привет!

Дэниэл посмотрел на Эльтора.

— Джош, могу я тебя на пару слов?

Джошуа повернулся ко мне.

— Скорей прячь его ко мне в комнату, — сказал он и направился по коридору к Дэниэлу.

С замиранием сердца я подтолкнула Эльтора внутрь и закрыла дверь. Комната была на одного, доверху забитая какими-то бумагами и лабораторным оборудованием. Возле дальней стены у окна с голубыми занавесками стояла кровать. Слева виднелись полки, уставленные книгами, а справа — раковина и стенной шкаф. На письменном столе стоял компьютер, не один, конечно, а в тесном соседстве с грудой книг и бумаг. Стены были увешаны плакатами с изображением рок-звезд и видных ученых.

Я помогла Эльтору лечь в постель. Не успел он опуститься на кровать, как сон накрыл его подобно тяжелому одеялу, вырезанному из куска звездного неба. Я присела рядом. Интересно, что там делает Джошуа?

Вскоре дверь открылась, и на пороге возник Джош, но не один, а с Дэниэлом. Вид у обоих был насупленный.

— В чем дело?

Дэниэл закрыл за собой дверь и не выпустил ручки, словно опасался, как бы кто-нибудь из нас не предпринял попытки к бегству. Джош пододвинул к кровати стул и сел напротив меня. Но внимание его было приковано к Эльтору.

— Он спит? — спросил Джошуа.

— Как убитый, — ответила я.

Джошуа глубоко вздохнул.

— Дэниэл говорит, что видел в вечерней газете ваши портреты, знаешь, такие карандашные наброски. Полиция утверждает, что твой Эльтор на самом деле рецидивист по имени Рей Колман. Вчера ему удалось бежать из тюрьмы «Сан-Квентин». В газете написано, что он наркоман и страдает галлюцинациями.

— Ложь! — воскликнула я и про себя выругалась.

— Тина, он *убил* Матта Кугельмана.

— В целях самообороны.

— Тогда почему ты отказываешься отвезти его в больницу?

— Если я тебе скажу, ты мне не поверишь.

— Нет, ты уж лучше скажи, — вмешался Дэниэл, — если ты не хочешь, чтобы мы вызвали полицию.

— Ты ведь знаешь, я всегда тебе доверял, — произнес Джо́шуа, — но сегодня, честное слово, я даже не знаю, что тебе сказать.

Я провела рукой по волосам.

— Ты слышал о самолете, который обнаружили сегодня утром?

— Слышал, — ответил Джошуа.

— Так вот, это не самолет. Это его космический корабль.

— Ну-ну, — съязвил Дэниэл. — Пойми. Мы не шутим.

— А разве я шучу?

— Это он тебе сказал?

— Да.

— И ты ему поверила?

— У меня были на то причины, — ответила я. — К тому же, Джош, ты ведь сам видел его глаза.

— Да, я что-то видел. Но в пещере было темно, и я не ручаюсь, что увиденное — не обман зрения.

Мне ужасно не хотелось будить Эльтора, но выбора у меня не было. Я потрясла его за плечо, но он никак не отреагировал. Я попробовала снова.

— Эльтор!

На этот раз он едва приподнял ресницы, и из-под века блеснуло золотом. Джошуа и Дэниэл смотрели во все глаза. Затем золотистая пленка, словно откатывающаяся волна, скользнула куда-то вверх, под веко.

— Классно! — прокомментировал Дэниэл. Но затем словно стряхнул с себя чары и вновь вернулся к действительности. — Но это еще ничего не доказывает.

Джошуа посмотрел на меня.

— Признайся, это может быть обыкновенным врожденным дефектом.

И хотя внешне приятели не желали сдавать свои позиции, я знала, что оба сомневаются в правдивости полицейской свод-

ки. Иначе бы они ни за что не дали мне возможность объяснить им все как есть. И вообще не стали бы задавать таких вопросов в присутствии Эльтора.

— Подумайте сами, — сказала я. — Как может обыкновенный человек, после всего того, что с ним произошло, находиться в такой относительно неплохой форме?

— Не знаю, — признался Джошуа. — Но должно же быть какое-то разумное объяснение?

И тогда меня осенило.

— У тебя найдутся ножницы?

Джошуа подошел к столу и, порывшись, дал мне то, что я просила.

— И что ты будешь делать?

— Смотрите.

Повязка закрывала Эльтору все тело, от талии до плеча. Я пощупала ему правый бок чуть повыше бедра. К счастью, пулевое ранение было на другой стороне. Наконец я нащупала углубление, где он хранил транском. Я вырезала небольшой квадратный кусочек бинта и нажала кожу. Но ничего не произошло.

Эльтор приподнял руку, поднес ее к правому боку и слегка вжал пальцы. Мембрана тотчас отъехала в сторону, и ему на ладонь выскользнул транском. В боку же осталось небольшое отверстие, выстланное поблескивающей золотом кожей.

— Неслабо! — воскликнул Дэниэл.

— Что это? — поинтересовался Джошуа.

— Компьютер.

Эльтор на отрытой ладони протянул ему транском.

У нас на глазах округлая золотая коробка стала квадратной. Грани ее мерцали и переливались. Затем Эльтор вновь поднес ее к своему боку и подтолкнул к отверстию. Коробка округлилась и встала на место, слившись по цвету с кожей. В следующее мгновение ее затянула мембрана.

— Ни фига себе! — воскликнул Джошуа.

— Эта штуковина — что-то вроде нанокомпьютера, — предположил Дэниэл. — Нечто такое, что способно меняться на молекулярном уровне. — Дэн щелкнул пальцами. — Она реагирует на изменения окружающей среды, верно я говорю? Стоит только вынуть ее наружу, и она тотчас начнет меняться?

— Верно, — согласился Эльтор.

— И углубление у тебя в боку может быть только при условии, что внутренние органы немного передвинули, чтобы они не мешали, — добавил Джошуа. — А мембрана, по крайней мере на вид, живая.

— Верно, — повторил Эльтор.

— Но такой нанотехники еще нет и в помине! — упирался Дэниэл. — И знаний в области медицины тоже пока недостаточно для таких вещей. Никто не может вживить в организм систему вроде этой. По крайней мере я ни о чем подобном не слышал.

— Ну, теперь вы мне верите? — спросила я.

Дэниэл только присвистнул.

— Моя мать работает на Йейгеровской базе. Она говорит, что шаттл привез что-то вроде самолета-шпиона F-29. Это сверхзвуковая машина, которая почему-то вышла из строя.

— А что еще она может тебе сказать? — возразил Джошуа. — На базе заняты несколько тысяч человек. И лишь горстка видела этот самолет своими глазами.

В сердце у меня тотчас зародилась надежда.

— Дэниэл, а ты не мог бы провести нас на базу?

Но он только фыркнул.

— Допустим, я поверил твоему рассказу — кстати, я этого не сказал, допустим, я достал бы для вас пропуск — чего я не могу сделать, я бы все равно никогда не взялся за это дело.

Что ж, неудивительно. Но я-то знала, что там, на базе, спрятан никакой не F-29. Я потерла глаза, чтобы как-то привести в порядок мысли.

— Джош, можем мы закончить наш разговор завтра? Поверь, нам надо выспаться.

Он кивнул.

— У меня в стенном шкафу есть лишнее одеяло.

— Ты что, разрешаешь им остаться? — ужаснулся Дэниэл.

— А как мы его сдвинем? — ответил Джош. — У него тотчас вновь откроется кровотечение.

— А ты знаешь, что означает укрывание преступника? Укрывание и содействие ему? — упирался Дэниэл. — Стоит тебе позволить ему остаться, как ты сам совершаешь преступление. А если я промолчу, то превращусь в твоего соучастника.

Я сосредоточилась на Дэниэле. Я пыталась нащупать, что же так пугает его. Затем встала и подошла к нему.

— Полагаю, что Эльтор говорит правду. Подумай сам. Сейчас он полностью в твоих руках. Ты можешь задать ему любые вопросы, какие только тебя мучают, — о космосе, о космических полетах, всем том, о чем ты только мечтаешь. Кто знает, вдруг твои самые смелые мечты окажутся явью?

— Только без романтики, — упирался он.

— Подумай, у тебя может не быть второй такой возможности.

— Ты ненормальная, если веришь ему.

— Ты трус.

— Верно, — согласился он. — Я не хотел бы, чтобы меня вытурили из университета. И упекли за решетку.

— Но если ты никому не скажешь, кто узнает?

— Даже если я никому не скажу, это еще не значит, что полиция не выйдет на ваш след.

Я пожала плечами.

— Ты всегда можешь сказать, что мы силой вынудили тебя помочь нам. Например, что мы взяли Джоша в заложники.

Дэниэл покосился на приятеля.

— Даже если я это скажу, может, это и спасет нас от неприятностей. Но где гарантия, что больше никто, кроме нас, не узнает?

— Дэниэл, я прошу у тебя всего пару дней, — взмолилась я.

Дэниэл посмотрел на Джоша.

— Ты ей веришь?

— Верю, — ответил тот. — Всей своей жизнью.

Сначала я не поняла, что он имел в виду. Но затем в моем мозгу возникла картина — воспоминание, но только не мое. Наг и его головорезы выстроились с ружьями на изготовку. Наг, словно генерал, отдает приказы. Его дружки вскидывают ружья и целятся в меня. Ощущение было странным, потому что со мной ни разу не происходило того, о чем я «вспоминала» в эту минуту. И тем не менее я явственно ощущала веревки, которыми были стянуты мои запястья.

Джошуа глубоко вздохнул, и картинка пропала, а на ее месте возникла другая. Эту я узнала, только смотрела я на нее с дивана в комнате Марио. Там собрались все Альконес, в том числе и Мануэль. Они сидели кто вдоль стены, кто на стульях. Некоторые чистили свои пистолеты.

И тогда я все поняла. Это были воспоминания Джошуа. Я даже увидела себя, Тину. Я стояла и разговаривала с Марио.

Разговаривала легко и непринужденно — чего Джошуа никак не ожидал, — словно Марио был моим старшим братом, а не главарем бандитов. Я хотела, чтобы они защитили Джошуа. И, что уж совсем невероятно, в конце концов они согласились.

Затем картинка стала блекнуть. Как раз тогда, когда Джошуа пробежал рукой по волосам. Нет, я догадывалась, что в тот день, когда я привела Джоша к Марио, он чувствовал себя не в своей тарелке. Но мне было невдомек, что ему казалось, будто он вверяет мне целиком свою жизнь.

Дэниэл в упор смотрел на Джошуа. Тот покачал головой. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять смысл этого жеста. Не вмешивайся.

Поэтому Дэниэл повернулся ко мне:

— Даю тебе пару дней на то, чтобы убедить меня.

Слава Богу, облегченно вздохнула я.

— Пару дней. Что ж, согласна.

Глава 5

РЕЖИМЫ ДЖАГЕРНАУТА

...построение новых тканей. Увеличение кровотока. Новые кровеносные сосуды...

— Проснись!

Кто-то звал меня и тряс за плечо. Я попыталась не обращать внимания, но этот кто-то упорно пытался меня разбудить. Наконец-то я высвободилась от сознания Эльтора. Собственно, он сам отпустил меня и погрузился в сон.

Я открыла глаза. На кровати, стоя на коленях, надо мной склонился Джошуа. Это он и тряс меня за плечо.

— Джош, прекрати!

Мой голос дрожал.

— Ну, слава Богу!

Он отпустил плечо и немного откинулся назад. В окно косыми лучами струился послеполуденный свет, и поперек кровати лежало желтоватое пятно. Я присела и от неожиданности сощурилась.

— Который час?

— Почти пять. Я уже было заволновался. Никак не мог разбудить ни тебя, ни его. — Джошуа кивнул в сторону стола. — Я уже давно принес тебе ленч.

Стоило мне увидеть поднос из кафетерия, как у меня потекли слюнки. Следующая моя мысль была еще забавней — уж если такой недоросток, как я, проголодалась, то такой великан, как Эльтор, наверняка уже давно умирает с голоду.

Я подтолкнула его в плечо.

— Просыпайся, соня!

Никакой реакции. Я легонько потрясла его. Памятуя о его ранах, я не осмелилась трясти сильнее.

И снова ничего.

— Может, нам стоит его посадить? — предложил Джошуа.

— Что ж, давай попробуем.

Опустившись на колени рядом с кроватью, мы подтянули Эльтора в сидячее положение.

— Эльтор, пора просыпаться! — сказала я.

Никакого ответа.

Джошуа пристально посмотрел на спящего. Затем легонько шлепнул по лицу. Ничего. Никакой реакции. Джошуа шлепнул сильнее. Эльтор никак не отреагировал, и тогда Джошуа уда...

Рука Эльтора метнулась, словно стрела, и вцепилась ему в запястье. Внешние веки открылись, и Эльтор с силой оттолкнул Джошуа от себя. Бедняга Джош свалился с кровати.

— *Hola!* — Я схватила Эльтора за руку. — Все в порядке. Мы просто пытались разбудить тебя.

Он повернул голову в мою сторону — его глаза застилала золотая пленка — и снова безвольно осел. Он был слишком тяжел, и я не могла его удержать, так что мы с ним оба повалились на кровать.

Джошуа поднялся с пола.

— Он проснулся?

— Не пойму. — Я встала на колени и склонилась над Эльтором. — Эльтор, ты меня слышишь?

Внутреннее веко наполовину обнажило глазное яблоко, от чего Эльтор стал похож на обторчавшуюся черепаху.

— Боюсь, на большее можно не рассчитывать, — сказала я.

— Может, нам стоит попробовать его покормить?

— Давай.

Я с трудом удержалась, чтобы не запихнуть еду себе в рот.

Джошуа улыбнулся.

— Я принес еды на целый полк. Ешь, не стесняйся. Я сам его покормлю.

— Ты настоящий друг.

Я была голова его расцеловать.

Джошуа взял поднос и поставил его на кровать. Затем сел рядом с изголовьем Эльтора. Я взяла с подноса тортилью и подняла вверх, зажав между большим и указательным пальцами.

— Что это?

— Можно подумать, ты не знаешь, — ответил Джошуа и взял в руки стакан с апельсиновым соком.

— Кусок жареной картошки?

Джошуа поднес стакан к губам Эльтора.

— Ты не любишь тортильи?

— Нет, просто никто не умеет готовить их так, как умела моя мать.

Ее тортильи были большими и мягкими. Она готовила их на своей *comal*, круглой металлической плитке, которую ставила прямо на огонь — на двух горшках и камне. Я и сейчас слышу, как она снова и снова мнет и колотит маисовое тесто. Как я любила этот звук! Первые восемь лет моей жизни ранним утром я слышала его отовсюду. Изо дня в день.

И вот теперь его нет.

Я опустила тортилью и вместо нее взяла сандвич.

Эльтор никак не реагировал на предложенную ему пищу. Тогда Джошуа открыл ему рот и влил туда сок. Сначала ничего не произошло, но потом Эльтор подавился и закашлял. Оранжевые брызги разлетелись по всей комнате. Пока он пил сок, внутренние веки вновь наехали на глаза, и лицо опять превратилось в маску. После того как с соком было покончено, Джошуа взял стакан и повернулся, чтобы поставить его на поднос. Внезапно он застыл, в ужасе глядя на кровать.

Я сама едва не подавилась.

— Что случилось?

Джошуа указывал куда-то на талию Эльтора.

— Ты только посмотри.

Эльтор согнул руку в локте и оторвал кисть от постели. Вид у нее был действительно странный — рука словно застыла в воздухе. Но вряд ли это перепугало Джоша. Причиной испуга

скорее было другое — кисть Эльтора сложилась по всей длине до запястья. Теперь средний палец находился напротив безымянного, а указательный — напротив мизинца. Собственно, мизинец мизинцем было трудно назвать, потому что все пальцы были примерно одинаковой длины. Когда кисть находилась в сложенном состоянии, они выполняли роль двух пар больших пальцев. А сам большой палец при этом одиноко торчал в сторону.

Рука приблизилась к подносу, и пальцы ухватили яблоко. Эльтор поднес его ко рту и принялся есть или, вернее сказать, поглощать какими-то механическими движениями. Съев яблоко, он опустил руку, пока не уперся локтем в кровать. После чего наполовину распрямил кисть.

— Что нам с ним делать?

Джош заморгал от удивления.

— Может, он все еще голоден?

Я протянула Эльтору еще одно яблоко.

Эльтор съел четыре яблока, миску овощного салата и немного кукурузы со сливками. К гамбургеру он даже не притронулся. Если не считать работающих челюстей и руки, все это время он лежал на спине совершенно неподвижно. Поев, опустил руку и полностью распрямил кисть. Еще пара секунд — и он спал как убитый.

— Он всегда так? — поинтересовался ошарашенный Джошуа.

— Не знаю. Не думаю.

— Что, если от нашей еды ему станет плохо?

— Ни разу не слышала, чтобы это было для него проблемой.

Джошуа нахмурился.

— Знаешь, ты говоришь как-то по-другому.

— Это как по-другому?

— Не знаю даже. — Джош призадумался. — Ты стала лучше говорить по-английски.

— Но я же все время практикуюсь, — пожала плечами я.

— Да, наверное.

Больше мы об этом не говорили. Никто из нас не догадывался и даже при большом желании не мог догадаться, какие процессы происходят в моем мозгу.

Чаша с водой. Капли влаги блестят на ее гладкой внутренней поверхности, готовые в любое мгновение скатиться вниз. Сама

поверхность окутана облаками — голубыми, серыми, белыми. Они все кружатся и кружатся. Пустая чаша. Женщина верхом на кентавре — четыре ноги у него для того, чтобы скакать. Верхние конечности распростерты в воздухе. Вместо головы у него носик, откуда льется вода, такая прохладная и вкусная, она струится искрящимся ручейком, такая прозрачная, такая журчащая...

.

Я открыла глаза и увидела потолок. Образ чаши не исчез, когда я проснулась, как обычно это бывало с моими сновидениями, а прочно засел в моем сознании. Нет, мне не хотелось лить, но я по-прежнему видела, как из носика вытекает вода.

Комната была наполнена утренним светом. Я спала на полу, потому что на кровати было тесно. Джошуа накануне вечером дал мне футболку, а я постирала мою окровавленную одежду в раковине. Джошуа в комнате не было. Правда, перед этим он накрыл меня одеялом и оставил записку со своим распорядком дня. Я знала, что он ушел, чтобы не мешать нам. Обычно он занимался по ночам, а по утрам отсыпался. На кровати...

Эльтор лежал на кровати и в упор смотрел на меня. Он не проронил ни слова, но как только я его увидела, тотчас поняла, чего он хочет. Я встала и подошла к шкафу. Порылась немного и отыскала то, что мне надо, — старую чашку из яркого оранжевого пластика. Я наполнила ее водой и поднесла к нему. Эльтор выпил воду залпом. Затем он снова откинулся на кровать и тяжело вздохнул.

Я по-турецки села рядом с ним на кровати.

— Ну, как ты?

— Лучше. — Он обвел глазами комнату. — А где твои друзья?

— Учатся. Джошуа вернется только к вечеру.

Эльтор кивнул и закрыл глаза. Мы накануне сняли с него одежду, чтобы ему было удобнее спать, и накрыли голубым одеялом. Казалось, от талии и ниже его накрывал кусочек неба. Сквозь занавески в комнату струился солнечный свет, и кожа его поблескивала золотом. По руке у Эльтора тянулся шрам, еще один пересекал грудь. Тогда я понятия не имела, что при желании он мог бы легко от них избавиться. Но он не стал этого делать — не видел необходимости.

Сонный и теплый, Эльтор казался мне таким прекрасным, даже со шрамами. Вернее, особенно со шрамами. Таким привлекательным. Я склонилась над ним и поцеловала.

Веки его открылись, оба — и внешнее, и внутреннее. Но затем он оттолкнул меня.

Я покраснела. Я нарушила какой-то неизвестный мне запрет? Или в тот момент ему просто не хотелось, чтобы его целовали? Ведь он только что был, что называется, одной ногой в могиле, и вдруг тут я пристаю к нему со своими ласками.

Но затем Эльтор произнес:

— Нам ведь кое-что нужно? Правда?

— У тебя есть с собой?

— И не один.

Он сложил кисть и потянул мою футболку. Я подняла руки, и он стащил мне ее через голову. Затем я опустила руки и положила их на колени. Странно, однако, подумала я, разглядывая свои запястья — на мне ведь ничего нет, кроме старинного браслета. Я чувствовала себя ужасно неуютно раздетой. Мне было стыдно в таком виде сидеть перед ним, не имея на себе ничего, да еще среди бела дня.

— Ты похожа на рейликанскую богиню, — нежно проговорил Эльтор. Я подняла глаза, и он улыбнулся. — Есть такое древнее племя. Сейчас от него мало кто остался. Ты похожа на их богиню.

Эльтор взял мою грудь в ладонь и произнес что-то на другом непонятном языке. До этого он лишь однажды заговорил на нем, перед тем, как мы пришли домой к Марио. Тогда мне этот язык показался ужасно знакомым.

— Что это за язык? — спросила я.

— Иотический. Он очень древний. Сейчас на нем почти никто не говорит.

— Откуда ты его знаешь?

— Моя бабушка была потомком рейликан.

Эльтор привлек меня к себе на постель, нежно обнимая меня. Я прижалась к нему, а он приподнял одеяло и положил меня себе на грудь и живот. Эльтор показался мне таким сильным и теплым. Я подняла голову, чтобы поцеловать его...

И увидела его лицо.

Он лежал, устремив глаза в потолок. Внутренние веки были опущены, отчего взгляд казался неживым. Собственно говоря, лицо это никак не могло принадлежать живому человеку. У меня было такое чувство, будто я оказалась в одной постели с роботом.

Я скатилась с него, быстро села и завернулась в одеяло. Эльтор механическим движением повернул ко мне голову — словно она вращалась у него не на шее, а на подшипниках.

— Мы не завершили программу.

Голос его звучал ровно и невыразительно, и это звучание показалось мне сродни однообразию пустыни, по которой ветер носит сухие шары перекати-поля. Эльтор протянул руку, чтобы обхватить меня за талию.

— Нет! — вскрикнула я. — Не прикасайся ко мне!

Его рука вернулась на прежнее место.

— Почему?

— Где Эльтор?

— Я Эльтор.

— Нет, где настоящий Эльтор? Эльтор-человек.

— Я не человек.

Я плотнее закрутилась в одеяло.

— Ты — нет, а он человек!

— Я — это он.

— Тогда почему у тебя другой голос? Ты говоришь как машина.

— Я и есть машина.

— Ты можешь вновь выпустить того Эльтора?

— Я и есть Эльтор. Как мне это тебе объяснить? Это всего лишь режим, неполная репрезентация моего эмотивно-механического интерфейса. То, что ты называешь настоящим Эльтором, это просто другой режим. Сейчас он находится в нерабочем состоянии. Таков я, — произнес он. — И если ты не хочешь иметь дела со мной таким, то не можешь рассчитывать на большее.

Вот и все. Принимай меня целиком, каков я есть, и не надейся ни на что другое. Возможно, это кое-что говорит о моей тогдашней жизни. Мне почему-то было легче воспринимать тот факт, что Эльтор убил Нага, нежели то, что, в сущности, он машина. Нет, его способность убивать потрясла меня. Но одновременно она была мне понятна. Это же просто не укладывалось в голове.

Но ведь и я попросила принимать меня такой, какая есть, — сирота без роду и племени. Насколько я понимала, у него не было причин воспринимать меня как-то иначе. Не лицемерь,

сказала я себе, нехорошо требовать от него большего, нежели сама требуешь.

— Хорошо, — сказала я после небольшой паузы. — Если мы с тобой займемся *этим*, значит ли это, что я буду заниматься любовью и с «другим» Эльтором тоже?

— Режим не означает другой личности.

— То есть если я буду с тобой, то одновременно и с тем Эльтором, которого я знаю.

— Да.

Я положила руку ему на грудь. На ощупь он был человеком. Я склонилась над Эльтором и заглянула ему в лицо, в золотистые омуты его глаз. Ну хотя бы попробуй, сказала я себе. Если ничего не получится, всегда можно остановиться.

Я легла и поцеловала его в грудь. Эльтор провел ладонями мне по спине. Это были размеренные, механические движения. Затем он произнес:

— Возобновить.

Возобновить? У меня не было времени, чтобы спросить, что это значит. Вместо того чтобы нежно поцеловать, Эльтор жадно и больно впился мне в губы — он явно не соизмерял силу своего порыва с моими возможностями. Затем навалился на меня, и мы с ним скатились к самому краю кровати. Откуда-то из валявшейся на полу одежды Эльтор извлек презерватив, присел, обхватив меня коленями, и принялся вертеть в руках пакетик.

Я не могла оторвать от него глаз. Было в этом зрелище нечто завораживающее — словно кто-то управлял движениями Эльтора при помощи пульта дистанционного управления. В некотором роде так оно и было. Спрятанные внутри него биочипы приводили в движение встроенную в тело гидравлику. Да, Эльтор был машиной, безумно красивой, но все-таки машиной.

— Эльтор! — позвала я.

— Да? — поднял он глаза.

— Когда ты такой, ты все равно будешь чувствовать? Ну, ты понимаешь.

— Да. — Он надорвал пакетик. — Нет причин, почему мои физические ощущения должны стать слабее только потому, что мой эмотивно-механический интерфейс работает не в полном режиме.

Я едва не расхохоталась. Нет, я, конечно, уже давно задумывалась над тем, каким будет мой первый мужчина. Но мне и в голову не могло прийти, что им окажется робот. И что, надевая презерватив, он будет рассуждать о работе какого-то там эмотивно-механического интерфейса.

Он надевал его медленно, аккуратно разглаживая складки — латекс на золото. Я приподнялась на локтях, наблюдая, как Эльтор это делает. Ну кто бы мог подумать, что зрелище это будет полно эротики? Я взяла в ладонь его яички. Из любопытства, чтобы проверить, какими они окажутся на ощупь. По крайней мере такими ли металлическими, какой Эльтор весь на вид. Ничего подобного. Нормальное человеческое тело. Живое и теплое.

Эльтор опустился на меня, и я почувствовала, что мне не хватает воздуха. И даже не оттого, что он был такой огромный и тяжелый, а потому, что этот новый его режим создал в моем сознании ощущение чего-то металлического.

Эльтор приподнялся на локтях.

— Я не слишком тяжелый? — спросил он так, словно добавлял в память новые данные.

Интересно, как он догадался?

— Ты чувствуешь мои эмоции в этом режиме?

— Да. — Он наклонился и поцеловал меня. И еще, и еще, словно проверял базу данных. — Я при всем желании не могу снизить свой вес.

— Все нормально. Не бери в голову.

Он снова опустился на меня, сжав мне руки с такой силой, что я едва не ойкнула от боли. Правда, я сжалась, и он ослабил хватку. Тогда я этого еще не понимала — но поскольку сеть его была повреждена, Эльтор неправильно интерпретировал данные о том, какую силу должен придавать своим мышцам, обнимая такую худышку, как я. Но как только его система уловила мое напряжение, он тотчас произвел переоценку и перерасчет данных.

Большими пальцами он погладил мне грудь, затем его руки скользнули ниже, сначала к талии, затем к бедрам. Я ожидала, что он будет делать то, что ему хотелось, быстро и эффективно, как и полагается машине. Когда он вошел в меня, было уже не так больно, как в прошлый раз. Я не подозревала, что благодаря биочипу, контролирующему его действия, Эльтор мог менять уровень интенсивности своего желания и, следователь-

но, степень стремительности своих действий. Я понемногу расслабилась и крепче прижала его к себе. Его мышцы напрягались в такт движению тела, движению ровному и размеренному, словно заданному программой.

Установить связь, подумал он, и в моем мозгу возникло ощущение чего-то металлического.

Эльтор прикоснулся к моей щеке.

Загрузка информации?

— Я не знаю как, — сказала я. До этого все происходило само собой. — Поцелуй меня еще раз, — шепнула я ему на ухо. — Мне нравится, как ты это делаешь. Сильно и жадно, словно не можешь насытиться.

И он меня поцеловал — опять так, словно пополнял базу данных. Я чувствовала, как его новый режим интерпретировал приятные ощущения. Было в этом нечто от мертвой хватки механических тисков. Знать, что кто-то хочет тебя так страстно и жадно, — наверное, нет в мире более эффективного возбуждающего средства. По сравнению с ним даже самое сильное любовное зелье кажется лишь слегка подкрашенной водицей.

Связь установлена, мелькнуло в моем мозгу.

И в это мгновение мои сенсорные окончания вошли в режим повышенной боевой готовности. Способность моего мозга воспринимать как эмпатическую, так и сенсорную информацию заметно усиливается, если человек, от которого я ее воспринимаю, находится в непосредственной близости, и при этом чувства его обострены до предела. Эльтор накрыл меня лавиной расплавленного металла. Она захлестнула меня с головой, погасив все остальные чувства, и на какое-то мгновение я не видела и не слышала ничего вокруг. Я задыхалась. *Задыхалась.*

Погоди!

Я впилась пальцами ему в спину.

Не так сильно.

Произведена настройка, подумал он в ответ.

Ощущение ослабло до терпимого уровня. Эльтор замедлил движение, контролируя себя. Я закрыла глаза и настроила мои ощущения только на него, стараясь почувствовать близость живого человека. Но двигался он совсем не как человек. Скорее, как хорошо отлаженный автомат.

Ожидание.

Слово возникло в моем мозгу, словно команда.

Ожидание? удивилась я.

Ожидание, повторилось в моем сознании.

Ожидание чего? подумала я.

Задержка последней фазы.

Напряжение в нем росло и поднималось волной, бьющейся о стены шлюза.

Что значит задержка? подумала я.

Эльтор дышал, но какими-то короткими всхлипами.

Отмена, подумал он.

Его движения тотчас приобрели мощь и темп. На этот раз он обрушил на меня реку своих чувств всю, без остатка. Он просунул мне под талию руку и приподнял от кровати, прижимая к себе. Мы слились в едином движении. С Эльтора градом катился пот, и струйки соленой влаги просачивались между нашими телами. Когда он достиг вершины, то весь напрягся, и на какое-то мгновение мы с ним застыли, словно окаменев от самой силы наших ощущений.

Постепенно река начала откатываться назад. Объятия его ослабли, и мы, обессилев, опустились на кровать. Эльтор лежал, прижавшись щекой к моей макушке. Дыхание тоже постепенно стало ровнее и спокойнее. Эльтор соскользнул с меня и лег рядом. Тело его на ощупь было теплым. Живым, человеческим. По крайней мере если не смотреть ему в лицо. Так мне было легче поверить, что рядом со мной лежит человек, а не машина.

Возврат, произнес он.

Я открыла глаза.

— Что?

Эльтор не ответил. Он спал.

Я закрыла глаза, и мое сознание пустилось в странствования. То там, то здесь в моем мозгу возникали обрывки слов, сказанных им ранее, слов из древнего языка его предков.

Shibalank, shibalan...

Я открыла глаза. Комнату наполнял солнечный свет, но это был уже не утренний свет, свет нового дня. Откуда-то снаружи доносились голоса. Посмотрев на настенные часы, я увидела, что мы проспали несколько часов, а до прихода Джошуа остается еще пара-тройка.

Я пошевелилась, и Эльтор открыл внешние веки. Я приподнялась на локте.

— Ну, как ты? Лучше?

— Прекращаю связь, — ответил он, и слова его еще заметнее прозвучали как слова машины.

— Что-то не так? — спросила я.

— Мои функции деградируют.

— То есть ты больше не можешь восстанавливать себя?

— Нет. — Он закрыл глаза. — Доступ прекращен.

— Что?

На этот раз он открыл оба века — и внешнее, и внутреннее. Его лицо расслабилось, а в речи чувствовался сильный акцент, такой человеческий и знакомый.

— Доступ прекращен. Это означает, что, если ты задаешь вопрос, я не могу на него ответить.

У меня отлегло от сердца.

— Ты вернулся.

— Я никуда не исчезал, — улыбнулся Эльтор.

— Тебя не смущает, что мы с тобой занимались любовью, пока ты был... тем, другим.

— Он это я. Нет, меня это не смущает.

— Ты все помнишь?

— Каждую секунду, — улыбнулся он. — Могу проигрывать эту сцену в мозгу столько раз, сколько захочу.

— Шутишь.

Я залилась краской.

— А вот и нет. — И тихо добавил: — Извини, если это смущает тебя. Обычно мое соединение с людьми происходит в более скрытой форме.

— А разве ты не человек?

Вместо ответа Эльтор провел рукой вдоль моего тела.

— Я чувствую все то, что чувствует человек, — ответил он, чуть подумав: — Биомеханическая сеть не лишает меня человеческих свойств. Скорее, она их усиливает.

— Ты родился таким? Я имею в виду, с этой сетью?

Его эмоции тотчас погасли, словно кто-то щелкнул выключателем.

— Нет.

— Я что-то не то сказала?

Эльтор ответил не сразу.

— У меня с этим... связаны неприятные воспоминания, — сказал он, а потом добавил уже менее скованно: — Нет, я родился без сети, но с кое-какими изменениями на клеточном уровне. Предполагалось, что я передам эти свои качества детям. — Он пожал плечами. — Но мои врачи не уверены, что план сработает. Я первый, на ком проводился эксперимент.

Я в ужасе вытаращила на него глаза.

— Но это ужасно. Как можно на тебе проводить эксперименты!

— Кто-то должен быть первым. Я — вполне подходящий для этого материал.

— Никто не смеет называть тебя материалом!

— А тебе не приходило в голову, что я и сам не против. Что это помогает мне решить проблемы, какие я не хотел бы передавать своим детям?

Ну разумеется. Анемия. Кисти рук. И множество других, о которых я тогда не догадывалась.

— Нет, не приходило.

— Наверное, я слишком остро реагирую на подобные вопросы, — вздохнул он. — По крайней мере так утверждает Рагнар.

— Ты имеешь в виду адмирала?

— Да. Он же мой личный врач. Он прекрасный хирург, специалист по биомеханике. Он возглавлял команду врачей, снабдивших меня сетью. Когда я был маленьким, он учил меня пользоваться ею. — Эльтор улыбнулся. — Он, бывало, гулял вместе со мной, когда я учился пользоваться ногами. Мы с ним постоянно говорили друг с другом.

Скажу честно, слова Эльтора слегка озадачили меня. Я потрогала розетку у него на запястье.

— Я думала, ты при помощи этого подсоединяешься к Джагу.

— Верно.

— То есть ваши военные подсоединяют детей к боевым кораблям?

Эльтор весь напрягся.

— Разумеется, нет. Джагернауты получают свою биомеханическую сеть уже будучи взрослыми, перед тем, как их произведут в офицеры.

И все равно это плохо укладывалась в голове. Однако я чувствовала, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут. Эльтор просто замолчит. Поэтому сказала:

— А что ты имел в виду, говоря, что прекращаешь связь?

— Моя сеть — это составная часть компьютера Джага. Я... как бы это сказать? Сейчас сеть Джага разрушается. Потому что в нем копаются. Если его сеть разрушится, то разрушится и моя. Я то и дело перехожу из одного режима в другой, гораздо чаще, чем ты себе можешь представить. Просто последний переход был сильнее выражен. Но случались и другие. И я, и мой Джаг, когда мы с ним оказались разорваны, автоматически закрыли программу связи. И все-таки то, что в нем копаются, сказывается и на мне. Мешает ориентироваться. Сбивает с толку.

Было похоже, что на самом деле все обстоит гораздо хуже.

— Но тебе все-таки станет лучше?

— Не знаю. Мне нужен мой корабль.

— А что ты имел в виду, когда сказал, что мы еще не завершили программу?

— Программу режима, — ответил он. — Ты знаешь, что такое субрутинный вызов в программе?

— Что-то проходили в школе.

— Режимный вызов — вещь посложнее, но в принципе это почти одно и то же.

Я от удивления открыла рот.

— Ты хочешь сказать, что занимался любовью в субрутинном режиме?

— Да.

— Эльтор, ты представляешь, как это звучит? Просто извращение какое-то.

— Извращение? — улыбнулся он. — Ты имеешь в виду ненормальность?

— Да нет, странность.

— Тина, но ведь это все равно я! Я никогда не меняюсь, — произнес он смущенно. — Но ты не соглашалась на обмен информацией. Мне кажется, Джаг воспринимает тебя как узел в сети. Возможно, он даже усиливает твое сознание, расширяет базу твоих знаний, увеличивает объем словаря.

В голове у меня возник образ себя самой, но с лицом как у робота. Я посмотрела на свои руки. Вполне нормальные. Человеческие. Нет, они действительно человеческие. Что бы там ни было, но благодаря общению с Эльтором я в большей мере чувствовала себя человеком. Никак не меньше.

Эльтор дотронулся до моей груди, накрыл ее ладонью. Мое тело моментально отреагировало — мне тотчас вновь захотелось его. Однако когда Эльтор попытался притянуть меня к себе, я воспротивилась. У меня в глазах все еще стояла жуткая картина — он лежит на спине, полузакрыв глаза. Компьютер, занимающийся любовью.

— Я тебе.действительно неприятен? — спросил он.

— Нет, Эльтор, что ты.

Господи, как он может быть таким страстным и одновременно при этом — машиной?

Мы с ним занялись любовью еще раз, и все это время в моем сознании стоял образ его «нечеловеческих», подернутых золотистой поволокой глаз. Интересно, сколь долго он еще пробудет человеком?

Глава 6
ХИЗЕР РОУЗ

Тишину комнаты Джошуа нарушало лишь негромкое бормотание телевизора, время от времени прерываемое сиреной — пробой оповещения о чрезвычайной ситуации. Эльтор сел на край кровати, оделся, несколько раз согнул-разогнул руку — ту, где был ранен в плечо.

За дверью послышалось какое-то царапанье — кто-то возился с замком. Затем дверь открылась. Я от неожиданности вскочила со стула.

В комнату, широко улыбаясь, вошел Джошуа.

— Это всего лишь я.

Он закрыл дверь и повернулся к Эльтору. Я ничуть не удивилась, когда заметила, что улыбки на его лице как не бывало. Одно дело, когда Эльтор лежит у тебя в комнате без сознания, совсем беспомощный, и другое — когда он бодрствует и постоянно ждет какого-то подвоха.

— А где твой друг Дэниэл? — поинтересовался Эльтор.

— Сейчас придет, — отвечал Джошуа. — Ему надо кое-что проверить.

— Что конкретно проверить? — спросил Эльтор.

— Йейгеровский испытательный цен...

— Вы связались с базой? — изумился Эльтор.

Джошуа отступил назад, к двери. Лицо его сделалось бледным как мел.

Эльтор, подумала я и нарисовала в голове следующую картину: Наг и его подручные, одетые примерно так же, как и сам Эльтор, связывают Джошуа и делают вид, что готовятся его расстрелять. Затем я нарисовала в голове другую картину — Джошуа перевязывает Эльтору раны, пока тот лежит без сознания.

Эльтор посмотрел на меня. Затем сел на кровать и заговорил уже гораздо спокойнее:

— Зачем Дэниэлу связываться с базой?

На лице Джошуа вновь выступил румянец.

— Он звонил матери.

— Разве это не вызовет у нее подозрений?

— Ты хочешь сказать, — улыбнулся Джошуа, — не врубится ли она, что он и его приятели по студенческой общаге спрятали у себя пришельца?

Эльтор насупил брови. Джошуа моментально залился краской.

— Извини, я пошутил.

Но Эльтор продолжал смотреть на него в упор, и Джошуа добавил:

— Вряд ли ей придет такое в голову. Дэниэл постоянно названивает предкам, если ему что-то нужно. Они у него инженеры по информационным системам, а сам он специализируется по компам. Если Дэн пристанет к маман с расспросами по работе, она ничуть не удивится. Он их постоянно грузит. В этом вся фишка.

— Родители Дэниэла занимаются компьютерными системами? — медленно спросил Эльтор.

— Джош, не трещи с такой скоростью, — сказала я. — И, пожалуйста, поменьше сленга. Эльтор с трудом понимает, что ты хочешь сказать.

— Ах вот в чем дело, — обрадованно произнес Джошуа. — Учтем.

Из телевизора донесся какой-то гул. Он даже заглушил монотонный голос диктора, на который мы до этого в общем-то

не обращали внимания. Джошуа подошел к телику и выключил звук.

— Если они снова скажут, что это всего лишь проба, я точно что-нибудь сделаю. Разобью или сломаю. Можно подумать, мы собираемся с кем-то воевать.

— А вдруг собираемся? — сказала я. — Смотри, что творится в России. Военные сместили Горбачева, и новое правительство постоянно поднимает шум из-за самолетов-шпионов. Неудивительно, что все сидят как на бочке с порохом.

Джошуа подошел ко мне.

— Но какой смысл опять затевать холодную войну?

Но тут вмешался Эльтор:

— Быть может, им известно, что на Йейгеровской испытательной базе хранится не просто вражеский самолет. И если они не разгадают его секретов, то равновесие сил в один момент будет нарушено. Но, может, — пожал он плечами, — ваши правительства готовы к сотрудничеству и готовы вместе выдать какую-нибудь правдоподобную версию. Боюсь, у них есть все основания полагать, что следует готовиться к чему-то гораздо более страшному, чем просто планетарная война.

— Тина сказала, что в машине у тебя открылось кровотечение, — заметил Джошуа.

Эльтор кивнул.

— Теперь им уже должно быть известно, что я не человек.

Послышался стук в дверь. Джошуа встрепенулся, затем громко спросил:

— Кто там?

— Дэниэл, — донеслось из-за двери.

Джошуа впустил друга и снова запер дверь.

— Ну как, поговорил с матерью?

— Она говорит, что это самолет.

— То есть ты ничего не узнал? — спросил Эльтор.

— Послушай, я ужасно извиняюсь, — ответил Дэниэл, — но боюсь, что ничем не могу тебе помочь. Да, я мечтаю о звездах, Тина сказала правду. Но то, что происходит в этой стране, — не шутки.

— Я попал сюда случайно и не собираюсь ни с кем воевать, — возразил Эльтор. — Мне просто нужен мой корабль, чтобы я мог вернуться домой. Вместе с Тиной.

Мы услышали, как кто-то снаружи пытается открыть замок. На какое-то мгновение нас всех охватила паника, но затем дверь распахнулась, и на пороге выросла девушка.

Она была на пару лет старше Джошуа — высокая, худощавая, с зелеными глазами за стеклами очков в металлической оправе и с великолепной гривой рыжеватых волос, ниспадавших волнами на спину.

— Я, наверное, не вовремя?

— Черт, я забыл! — воскликнул Джошуа и втянул незваную гостью внутрь. — Иногда ко мне... э-э-э... заглядывают друзья. — Он кивнул в сторону девушки. — Знакомьтесь, это Хизер Роуз Макдейн. Она помогает мне с вычислениями.

При иных обстоятельствах я наверняка бы улыбнулась: вот уж не думала, что Джошуа нуждается в помощи! Он был так застенчив, что у него никогда не было девушки.

Хизер повернулась к Джошуа:

— Если хочешь, мы можем позаниматься и позже.

— Да, хорошо, — заикаясь, пробормотал тот. Вид у него был как у нашкодившего кота.

— Ты мне не поможешь отнести наверх кое-какие коробки? — спросила Хизер. — Я оставила их во дворе.

— Да, конечно. — Джошуа покосился на меня. — Сейчас вернусь.

Джошуа ушел вслед за Хизер, а вместе с ним и Дэниэл. Когда мы остались одни, я села на кровать рядом с Эльтором.

— Что ты сказал насчет того, что улетишь вместе со мной?

— Я хочу взять тебя с собой, — ответил он, — если мне удастся вернуть Джага.

— Но почему?

— Мне... нравится твое общество.

— Ты хочешь, чтобы я оставила все, что у меня здесь есть, все, что мне знакомо, и улетела с тобой во вселенную настолько отличную от этой, что даже трудно представить? И все потому, что тебе «нравится мое общество».

— Да.

— Но это в уме не укладывается. Ты ведь более чем на три десятка лет старше меня! Что будет, когда я тебе надоем? Бросишь меня на произвол судьбы на какой-нибудь планете, где я буду чувствовать себя ходячим анахронизмом?

— Я тебя не брошу.

— Легко сказать. Это ты сейчас так говоришь.

— Да, я это говорю сейчас. И готов повторить завтра или через сто лет. — Эльтор на мгновение умолк. — Тот мальчишка с ружьем, в том доме... Это из-за него ты не хочешь улетать?

Своим вопросом он застал меня врасплох.

— Ты имеешь в виду Джейка?

— Его.

— А почему ты так решил?

— Потому что он любит тебя.

— Откуда тебе это известно?

Я от удивления вытаращила глаза.

— Его сознание буквально кричало об этом!

Я попробовала разобраться с собственными мыслями.

— Одно время он ухаживал за мной. Но мне всегда в нем чего-то недоставало. — Я развела руками. — Даже не знаю, как это тебе объяснить. Чего-то не хватало, и все тут.

— Это как внутренний голод, — тихо заметил Эльтор.

— Но с тобой все по-другому.

— Это потому, Тина, что мы с тобой оба операторы Кайла. Телепаты, эмпаты, целители. Ты представляешь, насколько редкие это качества? Кто знает, может, мы больше никогда не найдем ничего подобного, никого и ничего, что было бы как у нас с тобой. — Он обнял меня за плечи. — Не отказывайся. Улетим со мной.

— Не могу.

Тогда у меня не было слов, чтобы объяснить ему почему. В некотором смысле однажды в жизни я уже поменяла вселенную, когда оставила Чиапас и переехала жить в Лос-Анджелес. Моя мать и Мануэль — они бросили меня. По крайней мере тогда мне так казалось. Они оставили меня один на один с чуждой мне вселенной, которую я не понимала, в которой была чужой и никому не нужной. И вот теперь Эльтор хотел, чтобы я в буквальном смысле оставила знакомый мне мир. Он ждал, что я буду доверять ему — человеку, которого я едва знала, у которого — по крайней мере так могло показаться на первый взгляд — не было причин забрать меня с собой.

Я почувствовала, что Эльтор подумывает о том, как увезти меня отсюда силой. Потом его настроение изменилось. Ощущение угрозы сменилось подавленностью, примирением. Тогда мне не верилось, что он может силой заставить меня улететь

вместе с ним. Ну кому нужна девчонка без роду-племени? Откуда мне было знать, чего ему стоило примириться с моим отказом? Ведь при желании компьютер мог провести требуемый анализ ситуации и вынудить меня принять его предложение. Но Эльтор не стал этого делать. Независимо от того, числился ли он в Имперском Космическом Командовании человеком или машиной, решение, принятое Эльтором тогда, было типичным *человеческим* состраданием.

Эльтор обхватил меня, словно то была не я, а какая-то дикая птица — стоит разжать руки, и она улетит. Затем наклонился и поцеловал, и я ощутила безмерное чувство потери — как раз там, где когда-то прятала свое одиночество.

Джошуа был возбужден — я это видела по окутавшей его дымке, ощущала, словно песок на зубах. Не успел он отпереть дверь, как я тотчас опустила ноги на пол и села ровно. Эльтор рядом со мной все еще спал.

— Что сказала Хизер? — поинтересовалась я.

Джошуа тяжело опустился на стул возле письменного стола.

— Она узнала вас обоих, как только открыла дверь.

— Джош, не может быть! Она хочет донести в полицию?

— Не знаю. — Он убрал со лба непослушные волосы. — Она вернется через пару минут.

— Зачем?

— Откуда мне знать? С ней никогда не угадаешь. У нее особенный стиль мышления. — Его лицо смягчилось. — Она такая умница! Она всегда впереди — всегда там, где большинству за ней просто не поспеть!

Впервые в жизни я слышала, чтобы Джош о ком-то так восторженно отзывался, и не могла сдержать улыбки.

— Похоже, она для тебя многое значит.

Джош залился краской.

— Она старшекурсница. Можно подумать, ей есть время для такого желторотого первокурсника, как я.

Эльтор отрыл глаза.

— И поэтому она знает шифр твоего замка?

От неожиданности Джошуа подпрыгнул на стуле.

— Я думал, ты спишь.

Эльтор изумленно выгнул брови, и Джошуа поспешил добавить:

— Когда я уезжаю домой, она поливает цветы у меня в комнате. Вот и все.

В дверь постучали.

— Это мы! — раздался голос Дэниэла.

Джошуа впустил их в комнату. Хизер придвинула к кровати стул спинкой вперед. Дэниэл застыл на месте, поглядывая то на нее, то на Джошуа. Наконец по его лицу расплылась улыбка. Мне показалось, что в иных обстоятельствах он непременно отпустил бы какую-нибудь шуточку насчет Джоша и его подружки. Но, посмотрев на Эльтора, Дэн помрачнел.

Хизер уселась на стул, обхватив руками спинку. Я заметила, что она сжимает листки бумаги. Не обращая внимания на ее пристальный взгляд, Эльтор сел на кровати, свесив ноги на пол. И лишь затем посмотрел на незваную гостью.

Я уже в первую нашу встречу узнала о Хизер много разных вещей. Она отличалась внешней суровостью — своего рода защитный механизм тех, кому приходится постоянно вращаться в среде, где мало тебе подобных. Но под этой броней скрывалась душа тонкая, чувствительная и ранимая. И что самое главное, Хизер излучала прямо-таки ненасытное любопытство.

Правда, в данную минуту вид у нее был раздраженный.

— Джош говорит, будто, по вашим словам, вы располагаете космическим кораблем, способным якобы перемещаться в пространстве со скоростью, превышающей скорость света.

— Я не располагаю таким кораблем, — ответил Эльтор. — Им располагает ваша военная база. — На последнем слоге он издал какой-то рокочущий звук.

Хизер удивленно выгнула брови и протянула собеседнику листки бумаги.

— Я сейчас изучаю теорию комплексных переменных. Не могли бы вы помочь мне лучше в ней разобраться?

Я посмотрела на Джошуа, как бы спрашивая «что здесь происходит?». В ответ он только развел руками.

Эльтор взял листки.

— Не знаю, почему вы решили, что я могу вам помочь.

— Просто так.

Он пробежал глазами по бумаге.

— Но это же инверсионная теория.

— Инверсионная? — Хизер подалась вперед. — Что это такое?

— Она объясняет, что происходит, если вы перемещаетесь в пространстве со скоростью, превосходящей световую. — Эльтор внимательней посмотрел на записи. — Это... я не знаю нужного английского слова. Обработка без ускорения. Нет тензоров.

— Никогда не слышала ни о какой инверсии, — заметила Хизер. — Но вы правы. Если подставить в уравнение специальной теории относительности скорость, превосходящую световую, то в принципе так и получится.

Ага, значит, это проверка.

— Я инженер, — сказал Эльтор, — а не теоретик. Я все это изучал более тридцати лет назад. К тому же не слишком блистал в этой области.

— То есть вы не можете этого решить?

Хизер почему-то ничуть не удивилась.

Эльтор вздохнул и склонился над листками. Он пару раз спросил Хизер, что означает тот или иной знак, а затем какое-то время молча читал. Потом положил первый листок на кровать и перешел ко второму.

— У вас здесь ошибка, — произнес он.

— Где? — удивилась Хизер.

Эльтор указал на уравнение.

— Отношение должно быть обратным.

Теперь воздух, словно нежные духи, наполнило ее самое что ни на есть искреннее удивление. Эльтор продолжал находить и другие ошибки, и букет ароматов становился все сильнее и богаче.

Эльтор указал на последнюю страницу.

— А здесь пропущен фактор.

— Но эта строчка правильная, — возразила Хизер.

— Вы пропустили двойку.

Хизер взяла в руки листок.

— Вы правы. Я действительно ее пропустила.

Я улыбнулась.

— Вот видишь, он знает, о чем говорит.

— Это говорит лишь о том, что он разбирается в математике, — вмешался Дэниэл.

Хизер пристально посмотрела на Эльтора.

— Итак, вы утверждаете, что ваш корабль способен сделать то, что вытекает из этих уравнений?

— В принципе да, — подтвердил Эльтор.

Хизер придвинулась ближе.

— Начиная со скоростей, приближенных к скорости света?

— Разумеется, — согласился тот, — а как иначе?

Хизер нахмурилась.

— Но это же невозможно. Скорость света нельзя преодолеть. Время останавливается. Масса и энергия вырастают до бесконечных величин. Расстояние сжимается до нуля, дырки, пустого места. Допустим, вы прорвались сквозь световой барьер, путешествие в пространстве со скоростью, превышающей световую, порождает массу проблем. Толстого тома не хватит, чтобы их все описать.

— Не надо прорываться сквозь световой барьер, — возразил Эльтор. — Его надо обогнуть.

— Верно, — не удержался и съязвил Дэниэл, — космический гиперобъезд, прямиком на тот свет.

— Куда? — удивленно заморгал Эльтор.

— Он просто хочет сказать, что не верит, — пояснил Джошуа.

— Скорость света это всего лишь полюс в сложной плоскости, — пояснил Эльтор. — Стоит ее обогнуть, и вы оставляете реальную ось.

— С математической точки зрения такое, по всей видимости, возможно, — согласилась Хизер. — Но с физической исключено.

— Почему же? — возразил Эльтор. — Очень даже возможно. Если добавить определение **** к вашей скорости.

— Какое определение? — поинтересовался Джошуа.

— Оно означает... — Эльтор задумался, подбирая слова. — Не знаю, как это по-английски. Скажем, «ортореальная».

— Воображаемая? — переспросила Хизер.

— Да-да, это добавляет воображаемую скорость к вашей реальной.

— А что здесь воображаемого? — не поняла я.

— Корень из отрицательного числа, — пояснил Джошуа.

— Да перестаньте! — не выдержал Дэниэл. — Воображаемые числа иррациональны. Нельзя прибавить к скорости воображаемый компонент.

— Скажите это миллионам космических кораблей, которые это делают, — огрызнулся Эльтор.

— И как им это удается? — поинтересовалась Хизер.

Было видно, что слова Эльтора ее не убедили.

— Вы вращаетесь сквозь сложное пространство.

— Разумеется, — буркнул Дэниэл, — вращение сквозь сложное пространство. И как это я забыл!

Хизер покачала головой.

— Возможно, то, что вы делаете скорость сложной, каким-то образом решает проблему скорости света. Но даже если вы прорветесь в сверхсветовое пространство, все равно не избежать неприятностей. Например, можно попасть в прошлое.

— Это не проблема, — возразил Эльтор. — Это то же самое, что и путешествовать вперед во времени. С той единственной разницей, что ваш корабль должен состоять из античастиц, которые перемещаются из точки вашего назначения к точке отлета.

— Да, объясненьице-то явно хромает! — не удержался от комментария Дэниэл.

Реакция Эльтора застала нас всех до единого врасплох. Он встал в полный рост, возвышаясь над Дэном на добрый фут, и сжал кулаки.

— Ты хочешь сказать, что я хромой?

Дэниэл попятился.

— Да нет, ты меня не так понял.

Эльтор застыл на месте со сжатыми кулаками. Мы все уставились на него и ждали, что произойдет дальше. Затем у меня возникло ощущение, будто Эльтор производит перезагрузку — точно так же, как в ту ночь, когда я заметила у него на руке сочленение. Он набрал полную грудь воздуха, вновь уселся на кровать и разжал кулаки.

Все молчали. Я почти слышала мысли в головах остальных присутствующих: «Этот человек — убийца». Нет, я понимала, что у Эльтора и в мыслях не было причинить боль любому из них. Но откуда им это было знать?

Затем Эльтор обратился к Дэниэлу:

— Мое извинение.

— А-а, — не сразу понял тот. — Конечно.

— Эльтор, — наконец решилась заговорить Хизер, — то, что ты сказал о путешествии в прошлое... Это было написано в ранних исследованиях по тахионам. Это так называемая реинтерпретация. По этому вопросу есть работы Биланюк, Дешпанде и Сударшана. Да, еще Файнберга.

— Тогда почему тебя удивляет все то, о чем я говорю?

— Потому что ни одна из этих теорий еще не доказана экспериментально.

Несмотря на всю ее осторожность, любопытство Хизер напоминало мне букет цветов с неописуемым разнообразием ароматов.

— Стоит попасть в прошлое, как сразу сталкиваешься с парадоксами. Например, можно помешать собственному рождению.

Эльтор покачал головой.

— Что происходит в одной временной рамке, должно произойти и во всех остальных. Если я помешаю собственному рождению, то сей факт должен наблюдаться повсюду. Так записано в трансформациях Лоренца. И это включает и *мою* рамку. Поскольку эта рамка строится относительно меня, то я всегда наблюдаю себя, когда отправляюсь в будущее, даже если я переношусь в прошлое относительно планеты, на которой родился. Поэтому если я помешаю собственному рождению, то я уже должен был это наблюдать. А этого не было.

— Знаю, — вздохнула Хизер. — В этом и парадокс.

— Нет здесь никакого парадокса, — возразил Эльтор. — Нельзя сделать одно в одной рамке и другое в другой. Просто не надо воспринимать время как нечто линейное. Оно существует все сразу, целиком, точно так же, как и пространство. Если я переношусь в прошлое в пространстве относительно одного наблюдателя и в будущее относительно другого, то тот, кто видит меня путешествующим назад, не может наблюдать ничего такого, что бы противоречило тому, что видит наблюдатель, по отношению которому я переношусь вперед. То же самое верно и о времени. Если бы я помешал собственному рождению, то это можно было бы наблюдать в каждой временной рамке. Но этого не наблюдалось. Тем более в моей. Так что я могу перенестись в прошлое, однако бессилен сделать то, чего бы уже не было с моими предками.

— Получается, все наше существование предопределено, — покачала головой Хизер. — С трудом верится.

Эльтор только пожал плечами.

— Если учесть все первоначальные условия и действие сил, то классическое уравнение движения определяет ваше положение в любой момент времени. Как это может быть иначе?

— У классической механики свои правила, — согласился Дэниэл, — впрочем, у квантовой тоже, как и у любого другого описания вселенной. И эти правила вполне логичны. Если вы движетесь со скоростью, превосходящей световую, то можете попасть куда угодно. Или в когда угодно.

Эльтор подался вперед.

— Эти правила логичны, потому что наш ежедневный опыт включает в себя перемещение в пространстве, но не во времени. Движение со сверхсветовой скоростью — это не какая-то там волшебная машина времени. Для наблюдателя, по отношению к которому вы движетесь в прошлое, ваша и его скорость должны подчиняться определенной математической закономерности. К тому же вы движетесь *быстро*. К тому времени, когда вы вернетесь к моменту своего рождения, вы окажетесь на громадном расстоянии от Земли. Как же вы попадете домой? Стоит поменять знак своей скорости, как вы прекратите движение в прошлое относительно Земли. Получается неразбериха.

— Но ты сейчас в этой вселенной еще до своего рождения, — напомнила я.

Эльтор растерянно заморгал.

— Собственно говоря, я здесь до того, как появился на свет Эльтор этой вселенной. Но он — не я.

Хизер по-прежнему источала любопытство, оно вилось вокруг Эльтора подобно лианам.

— Может, вы попали не в то пространство Римана?

— Куда-куда? — удивился Джошуа.

— Пространство Римана, — повторила Хизер. — Это математическое представление, призванное осуществлять перевод сложных величин в простые функции.

— Опять ты за свое, — не выдержал Дэниэл.

— За что свое?

— Начинаешь нести никому не понятные вещи.

Хизер задумалась.

— Пространство Римана это что-то вроде часов. Причем на циферблате вырезана прорезь, скажем, от центра к двенадцати. Стрелки ходят по кругу от полночи к полудню, после чего проваливаются на второй циферблат, тот, что спрятан под первым. Как и в случае с первым циферблатом, стрелки пройдут круг, но на этот раз от полудня к полуночи. В полночь вы

вернетесь назад, на первый циферблат. Чем сложнее функция, тем больше циферблатов спрятано один под другим.

— Пространства Римана — это чистой воды математика, — возразил Эльтор. — Они не существуют.

— А откуда ты это знаешь? — поинтересовался Дэниэл. — Ты же утверждаешь, что существуют воображаемые вселенные.

И тут вмешался Джошуа:

— Послушай, Эльтор. Может, когда ты осуществил эту свою, как ее там, инверсию, то провалился в такую прорезь и вынырнул не в том пространстве? Как сказала Хизер, провалился на второй циферблат. Время вроде то же самое, но фаза другая.

— У тебя найдется учебник истории? — спросил его Эльтор.

Джошуа вытащил с полки толстую зеленую книгу и протянул ему. Эльтор полистал страницы, остановился то на одной, то на другой. Время от времени его лицо переключалось в ничего не выражающий компьютерный режим.

— Нашел что-нибудь? — поинтересовалась Хизер.

— Я пытаюсь сопоставить то, что написано здесь, с историческими файлами в моей сети. — Эльтор пробежал глазами страницу. — Многое совпадает, вплоть до мельчайших деталей. Между нашими вселенными существует известная параллельность. Но они не идентичны. Вот, например, на этой Земле греки мигрировали на юг гораздо позже. Далее, в моих файлах нет совершенно никакого упоминания о вашем египетском Завоевании Пустыни. — Эльтор полистал дальше. — Заратустра родился здесь гораздо позже.

— Кто? — переспросил Джошуа.

— Заратустра. Основатель персидской религии, предшествовавшей исламу. — Эльтор снова углубился в чтение. — Развитие мессианских религий также имело место позднее. — Эльтор оторвал глаза от книги. — Вы ведь ведете свое летосчисление от Иисуса Христа?

Джошуа кивнул.

— Так вот, в вашей вселенной он родился на 339 лет позднее, чем в моей.

Хизер вновь обратила его внимание на свои листки.

— Эти уравнения требуют два пространства Римана. Может, твоя вселенная — это первая. А мы находимся во второй.

— Собственно говоря, эти уравнения требуют бесконечного количества пространств, — сказал Эльтор, поднимая лист-

ки. — Так что эти уравнения неполные. Они не содержат поправок Джеймса.

— Поправок Джеймса? — переспросила Хизер. — Наверное, в этой вселенной он еще не додумался до них.

— Кажется, в будущем тебя ждет слава, — сказала я Джошу с улыбкой. Эльтор вопросительно посмотрел на меня, и я пояснила: — Джеймс — это фамилия нашего Джоша.

— Нет, тот Джеймс не Джошуа. Это я помню точно.

— Ах вот как. — Джош явно расстроился.

— Ты ждешь от нас, чтобы мы поверили, что все это не игра, — заявила Хизер Эльтору. Сады ее любопытства все еще продолжали цвести пышным цветом.

Джошуа обнял ее за плечи.

— Подумай о том, сколько нового мы можем узнать.

Стоило ему прикоснуться к ней, как я поняла, сколь сильно Джош ошибался, говоря, что он ей неинтересен. Ее ароматы тотчас закружились туманом в его волосах под аккомпанемент барабанного ритма и протяжных звуков гобоя. Впервые мне бросилось в глаза, как футболка облегает ему грудь, как джинсы обтягивают бедра...

Я вздрогнула, отпрянув от мыслей в голове Хизер. Ни она, ни Джош ничего не заметили. Хизер улыбнулась ему, и лицо ее было сама нежность. Так она не смотрела ни на кого из нас. Джошуа застыл, ожидая, что она скажет в ответ, совсем не замечая при этом, какой эффект производит на нее.

— Хорошо, Джош, — вздохнула Хизер. — Давай посмотрим, что еще мы можем сделать.

Глава 7
КОЛИБРИ

— Тина? — Голос доносился откуда-то из темноты, низкий и настоятельный. — *Eres tu aqui?*

Я приподняла голову. Эльтор спал рядом со мной. Джошуа похрапывал на полу.

— *Tina! Puedes oirme?*

Я выглянула из окна. Там внизу стоял Джейк Рохас.

Я едва сумела сдержать изумленный возглас.

— Джейк, как ты узнал, где я?

— А к кому еще ты могла сбежать в Пасадену, как не к Джошу?

За моей спиной вырос Эльтор и обнял меня за талию. Затем на полу раздался какой-то шорох. Я обернулась и увидела Джошуа. Он стоял, протирая глаза. Затем обошел кровать и выглянул в окно.

— Джейк? Одну секунду. Сейчас впущу тебя.

Джошуа накинул куртку и вышел из комнаты. Спустя минуту он появился во дворе. Они с Джейком обменялись рукопожатием. Еще мгновение, и я услышала, как хлопнула входная дверь. А спустя еще секунду они выросли на пороге. Джейк обвел глазами комнату, словно не знал, что ему подумать.

Я посмотрела на него.

— У тебя все нормально?

— Мы ужасно за тебя беспокоились.

Джейк посмотрел на Эльтора, затем вновь на меня.

— Сначала пришли легавые. Начали задавать разные вопросы. Затем ФБР. Потом еще какие-то типы, которые вообще не сказали, откуда они. Знала бы ты, чего мне стоило проскочить мимо них. С нас ведь не спускают глаз.

— Тот самолет, который нашли, — это корабль Эльтора, — пояснила я.

Джейк смерил Эльтора презрительным взглядом. Он явно не поверил моим словам. Затем посмотрел на меня.

— Вчера хоронили Нага.

Я попыталась взгрустнуть по этому поводу. Но из головы не выходил мой двоюродный брат Мануэль. Как он смеялся, как играл со мной, когда я была совсем маленькой. У Эльтора же я ощутила раскаяние — чего Наг совершенно не заслуживал.

Молчание становилось неловким. Первым его нарушил Джейк.

— Мне надо поговорить с тобой наедине, — нежно обратился он ко мне.

Я не была уверена, что здесь найдется такое «наедине». Не знаю, что сказали Джошуа и Дэниэл соседям по коридору, но я подозревала, что уже весь этаж знает, что Джошуа кого-то прячет

у себя в комнате. В таком месте, как общежитие, трудно удержать что-либо в секрете. В коридоре ощущалось некое братство. И Джошуа с Дэниэлом принадлежали к нему. Так что пока мы здесь с их разрешения, другие тоже не станут возражать.

— Мы можем выйти в коридор, — сказала я.

Эльтор схватил меня за руку.

— Нет!

— Эльтор, мне надо с ним поговорить.

— Я пойду с тобой.

Джейк весь напрягся.

— Черта с два.

Эльтор зло посмотрел на него.

— Это не твое дело.

Джейк посмотрел на него таким взглядом, от которого наверняка воспламенилась бы автопокрышка.

— Она сказала тебе, что пойдет со мной, *cabron*. Живо отпусти ее.

Если Эльтор и понял, как Джейк обозвал его, то не подал виду. Наверное, все-таки понял, ведь его биомеханическая сеть способна перевести слово «ублюдок» на десятки языков.

— Эльтор, со мной ничего не случится, — успокоила я его.

Жилы у него на шее напряглись. Но он кивнул и отпустил мою руку.

Мы с Джейком вышли в коридор. Там было тихо. Я закрыла дверь. Джейк знакомым жестом поднял руки, приготовясь обнять меня. Но внезапно остановился и опустил.

— Я уже с ног сбился, все искал тебя.

У меня к горлу подступил комок — не ожидала, что его появление так взволнует меня. Судя по всему, я ошибалась, полагая, что утратила к нему всякие чувства.

— Со мной все в порядке. Поверь.

— Хочу тебя предупредить, — произнес он. — И сказать «прощай».

— Ты уезжаешь?

— Я хотел сказать тебе еще тогда, у Марио. — Было слышно, что его душит злость. — Но ты была с ним.

— И куда ты собрался?

— В Аризону. После того, как легавые выпустят меня из города. Хочу махнуть к отчиму. Он говорит, что для меня найдется работа в гараже.

Я понимала, что это лучшее для него решение. Мать Джейка жила в маленьком городке, где почти не было людей, не говоря уже о бандитах.

— И почему ты решил уехать?

— Я устал, Тина. Устал, что с каждым разом все ближе и ближе... да ты сама знаешь. — Джейк надрывно вздохнул. — Я ходил на похороны Нага.

— Зачем?

— Сам не знаю. — Джейк задумался и добавил: — Наверное, потому что это не мои похороны. — Он погладил меня по щеке. — Все, я завязал с пушками, крошка. И если это вернет мне тебя, то навсегда.

Я почувствовала, что загнана в угол — между двумя вселенными, как в прямом, так и в переносном смысле. Джейк предлагал мне все, что у него было в этом знакомом и предсказуемом мире, предлагал мне то, в чем я так остро нуждалась — стабильности, спутнике жизни, близком мне человеке. По крайней мере в огромном Лос-Анджелесе Джейк был мне ближе всех. Эльтор же предлагал хаос, выбор, какой я едва могла понять и уж тем более желать самостоятельно.

— Я не знаю, что будет, — призналась я.

— Поэтому я и пришел предупредить тебя, — покачал головой Джейк. — Эти люди, они постоянно задают вопросы. Я с ними еще не говорил. Но они не собираются отступаться. Они в два счета выяснят, что вы с Джошем приятели. И нагрянут сюда.

Мне казалось, что комната в калтеховской общаге совсем не то место, каким может заинтересоваться полиция. И по сей день мне становится не по себе, когда я думаю о том, как нас едва не погубила эта наивность, эта детская уверенность в собственной безопасности.

— Спасибо. Мы стольким тебе обязаны.

— Я пришел, чтобы помочь только тебе. А не вам.

— Я этого не забуду. — Я перевела дыхание. — Но мне придется пройти через все испытания вместе с Эльтором.

Джейк ответил не сразу. Когда он заговорил, голос его был исполнен нежности:

— Понимаю. В этом вся ты. Но когда все будет позади... когда он или ты... — Он на минуту умолк. — В общем, ты знаешь телефон моей матери в Аризоне.

— Я позвоню, Джейк. Если я, конечно, все еще...

Что все еще? Буду свободна? Жива? Я понятия не имела, как будут дальше развиваться события. Куда нас заведет судьба.

— Если сможешь. — Он наклонился и поцеловал меня. — *Adios, mi hija.*

И он ушел, вернее, сбежал вниз по лестнице в темноту ночи.

— Взломать чужую компьютерную сеть — за такое недолго и сесть, — сказала Хизер.

Мы все стояли в комнате Джошуа — Эльтор, я, Джош, Хизер и Дэниэл, — уставясь друг на друга, словно боксеры перед поединком.

— Но ведь ты можешь это сделать. — Эльтор скорее констатировал факт, нежели задал вопрос. Он мотнул головой в сторону Дэна: — Ему ведь известен пароль.

Дэниэл весь напрягся.

— Я же уже сказал, что нет.

— Ты лжешь, — произнес Эльтор.

— Ты что, копаешься у меня в мозгах? — потребовал ответа Дэниэл. — Я, кажется, уже сказал, что не знаю никакого пароля.

Ложь повисла вокруг него в воздухе оранжевой дымкой и гудела, как надоедливый шмель.

— Это не имеет значения, — заявила Хизер. — Я не собираюсь играть в кошки-мышки с сетью секретной авиабазы.

И тогда вновь заговорил Эльтор. Как-то непривычно тихо и вкрадчиво:

— Но мне нужна ваша помощь.

Я переступила с ноги на ногу. Я уже видела однажды, в библиотеке, что произошло, когда Эльтор почувствовал, что загнан в угол.

Хизер побледнела, но продолжала стоять на своем:

— Ты утверждаешь, будто ты космический странник из будущего, пилот боевого корабля. Из того, что ты рассказал Тине, следует, что ты привел сюда корабль, способный сровнять всю Калифорнию с землей. После этого ты требуешь, чтобы я взломала компьютерную сеть военной базы и фальсифицировала данные, чтобы ты мог туда пробраться. В лучшем случае ты требуешь, чтобы я посягнула на безопасность собственной страны и помогла проникнуть на территорию базы бежавшему из

тюрьмы убийце. Но если ты говоришь правду, то на карту поставлена безопасность целой планеты.

— У кого еще я могу просить помощи? — спросил Эльтор.

Хизер отбросила со лба волосы. Подошла к окну и выглянула наружу. Я посмотрела на Дэниэла. Тот поспешил отвести глаза. Даже Джошуа, и тот не осмеливался смотреть на меня.

Неожиданно голос Эльтора зазвенел надеждой.

— Вы только помогите мне попасть туда. Остальное я сделаю сам.

— И что же сделаешь? — обернулась к нему Хизер.

— Улечу отсюда и никогда не вернусь, если, конечно, смогу.

— Что ты хочешь этим сказать, — спросил Джошуа, — «если, конечно, сможешь»?

— Мой корабль могли повредить. Или же то, что привело меня сюда, не имеет обратного действия. — Эльтор поморщился. — Если это так, что мне остается одно — либо погибнуть в космосе, либо вернуться на Землю. Эту Землю.

В какой-то момент, когда Эльтор говорил, его внутренняя броня словно соскользнула с него, и я почувствовала, что ему страшно. Нет, он тотчас снова возвел барьеры, но поздно. Я уже знала, какой страх поселился в его душе. Для Эльтора эта Земля была примитивной, едва ли не варварской. Ему было страшно, что он умрет мучительной смертью вдали от дома. Собственно говоря, Эльтор уже умирал, хотя тогда я об этом не догадывалась. Чем дольше спецы на Йейгеровской базе копались во внутренностях Джага, тем более значительным повреждениям подвергался его мозг.

Даже Джошуа и Хизер уловили его внутреннее напряжение. Джошуа нахмурил лоб — складки разлетелись в обе стороны, словно пронзенные незамеченной им пулей. У Хизер был такой вид, словно она что было сил напрягала слух, пытаясь уловить едва различимый шепот. И тогда я поняла, что так влечет ее и Джошуа друг к другу. То же самое, что сдружило с ним и меня. Что сдружило меня с Джейком и в особенности с Эльтором. Эмпатия. Каждый искал партнера сродни себе.

Хизер первой нарушила молчание, обратившись к Эльтору:

— Если я соглашусь помочь тебе, то кое-что попрошу взамен. Полет на твоем корабле.

— Точно! — расплылся в улыбке Дэниэл.

— Но это же не игра, — возразил Эльтор. — Если вы погибнете, никакое чудо не вернет вас назад к жизни.

— Если ты говоришь правду, — ответила Хизер, — второй такой возможности никогда не будет.

— Но инверсионные двигатели иногда выходят из строя, — настаивал Эльтор. — И если я вернусь к себе, у меня нет ни малейшего желания возвращаться сюда. Вдруг я не попаду домой во второй раз?

— А ты нас прокати до Марса и назад, — предложил Дэн.

— Нет!

— Не прокатишь — не получишь доступа на базу, — упиралась Хизер.

Эльтор что-то пробормотал на своем языке. Мне не надо было знать, что он сказал. И без того было понятно, что он выругался себе под нос. А еще я видела, как за внешней бравадой Дэна и Хизер все еще скрываются сомнения. Я положила руку на плечо Эльтору.

— Это твой единственный шанс.

Эльтор отрешенно вздохнул и обратился к Хизер:

— Если мы сможем попасть к кораблю, обещаю прокатить вас вокруг Земли.

— Идет! — радостно откликнулась та.

Лунный свет просачивался сквозь шторы, заливая комнату серебристым сиянием. Снаружи, в тишине ночи, вовсю стрекотали сверчки. Я сидела с Эльтором на краю кровати. Не спалось. Остальные ушли готовить наш «визит» на Йейгеровскую базу, оставив нас одних. Мы не стали включать свет — предполагалось, что в комнате никого нет. Эльтор молчал, впав в задумчивость. Оглядываясь назад, я вижу — он прекрасно понимал, что легко мог погибнуть во время захвата Джага.

— Расскажи мне что-нибудь, — произнес он наконец.

— А что бы ты хотел услышать? — спросила я.

— Не знаю. — Он лег и положил голову мне на колени. — Что захочешь.

Мой голос тотчас приобрел напевность, которой я научилась у лучших наших сказительниц.

— Это древнее предание. Мне его рассказала моя мать, Мануэла Сантис Пуливок, а ей — ее брат, Лукарто Сантис Пуливок, который, в свою очередь, услышал его от одного путешественни-

ка в Санта-Томас Чичикастенанго. Это предание о Героях-Близнецах. — Ради пущего эффекта я выдержала паузу. — Еще до рождения близнецов их отец и дядя оскорбили Властителей Смерти. Эти двое подняли невероятный шум, играя в мяч во дворе как раз над Шибальбой, или подземным миром, где обитали властелины преисподней. Вот почему властелины лишили их жизни, принесли за оскорбление в жертву. Дядю они похоронили под двором для игры в мяч. Голову отца повесили на дерево — в назидание смертным, что тем следует всячески остерегаться гнева богов и не оскорблять их. Это случилось еще до того, как на свет появились сыновья покойного — Шбаланке и Хун-Ахпу.

— Где ты слышала эти имена? — Эльтор присел на кровати. — Шибаланк и Кванахпа.

— Нет, они произносятся Шбаланке и Хун-Ахпу.

— Так где ты их услышала?

— Собственно говоря, они упоминаются в Пополь-Вух, древней священной книге племени Киче Майя.

— А почему ты сегодня о них вспомнила?

— Но ты же попросил меня рассказать тебе историю.

— Но почему ты решила рассказать именно эту?

— Не знаю. Она тебе не нравится?

Эльтор внимательно посмотрел на меня.

— Просто вчера, перед тем, как нам с тобой заняться любовью, я произнес фразу на иотическом наречии. О великой красоте женщины по имени Шибаланк.

— Шбаланке — мужчина, — возразила я. — Но теперь я вспомнила. Некоторые слова действительно показались мне знакомыми. Наверное, именно поэтому мне и пришла на ум эта история.

— Рассказывай дальше.

— Дочь одного властелина преисподней увидела голову игрока в мяч висящей на дереве. И забеременела, потому что голова плюнула ей в руку.

— Ну, знаешь ли, есть куда более приятные способы обзаведения потомством, — язвительно заметил Эльтор.

— Как в твоей истории?

— Шибаланк и Кванахпа были сестрами-близнецами. От них пошли две древние рейликанские династии.

— Шбаланке и Хуӈ-Ахпу были братьями-близнецами.

Эльтор слушал меня, склонив голову, и по лицу его играли ночные тени.

— Этому преданию моего народа более шести тысяч лет. В земном измерении.

— Тогда это лишь совпадение. Цивилизация майя не такая древняя.

— Так вот ты кто! Майя?

— Нет, моя мать была майя. — Я запнулась. — Отца я никогда не знала.

Эльтор пристально посмотрел на меня.

— Наши ученые полагают, что мои предки прилетели откуда-то с Земли. Иначе почему наши ДНК почти идентичны человеческим?

— Понятия не имею.

— Расскажи мне еще какую-нибудь историю.

— Бог Шбалбан страшно разгневался, когда узнал, что его дочь беременна. — Кстати, ничего удивительного, особенно если принять во внимание жизнь моей матери. — Спасаясь от отцовского гнева, девушка была вынуждена бежать в Срединный Мир, где ее приютила у себя бабка будущих близнецов. Там она разрешилась от бремени, родив Хун-Ахпу и Шбаланке. Они выросли и сделались заядлыми игроками в мяч. Однажды они играли в мяч во дворе, где когда-то играли их отец и дядя, и потревожили богов смерти. Но им удавалось выстоять каждое испытание, какое только устраивали властелины преисподней. Они даже возвращались к жизни после того, как те их убивали. Наконец, желая узнать, как это братьям удается, властелины преисподней потребовали, чтобы те их убили, а затем вновь воскресили. Братья выполнили их приказ. Они убили властелинов преисподней, но вот вернуть к жизни так и не смогли.

— Да, глупо, однако, со стороны этих самых властелинов, — заметил Эльтор, — настаивать, чтобы их убили, а затем воскресили вновь.

— Что верно, то верно, — рассмеялась я.

— А еще ты мне что-нибудь расскажешь? Другую историю?

— Могу про колибри. Я ее ужасно любила, когда была маленькой.

Я сосредоточилась на словах, мысленно переводя их с тцотцильского наречия на английский.

Колибри — такая большая и славная.
Именно вот такая.
Люди работали в жаркой стране,
Они жарили бобовые стручки.
Огонь был виден хорошо, ибо был велик.
И появилась колибри.
Прилетела с небес и увидела огонь.
Глаза ей выжгло дымом,
И она рухнула вниз, рухнула вниз.
Она рухнула вниз, и все увидели, какая она большая.
Не верь, что колибри маленькая, она большая.
Как у голубя белы ее крылья,
Она вся бела.
Говорю тебе, люди лгут, когда утверждают, что колибри мала.
Те, кто видел, говорят, она большая.
Они поняли, какова она.
Ведь никто из нас ее не видел,
Мы не знаем, какой она была.
Да, она щебечет «тцон-тцон» по вечерам.
Но мы не знаем, как велика она была.
Те, кто видел, говорят, она размером с коршуна,
И она близка к отцу-матери.
Одноногой мы ее называем.

Я вспоминала слова, и мне тотчас взгрустнулось о матери. До сего дня я вижу ее внутренним взором. Мать декламирует строки, и ее лицо светится радостью. Она любила рассказывать древние предания и легенды, иногда для выразительности помогая себе жестами.

Эльтор в изумлении уставился на меня.

— Сколько лет этой легенде?

— Не знаю, — пожала плечами я. — Это миф из Зинакантеко.

— А что такое отец-мать?

— Наверное, — я пыталась как можно точнее перевести слово «Тотильмеиль», — что-то вроде «боги-предки».

— То есть колибри — это бог?

— Нет, скорее посланница богов.

— Эта легенда не о птице, — сказал Эльтор.

— Разве нет? О чем же она тогда?

— О космическом корабле.

— Ну ты скажешь! — рассмеялась я.

— Но ведь птица прилетела с небес? Белая и большая? И что, колибри действительно такие?

— В общем-то нет, — вынуждена была признать я. — Они маленькие и темные.

— И они производят этот звук «тцон-тцон»? Они стоят на одной ноге?

— Да нет.

Эльтор пристально посмотрел на меня.

— Цивилизация должна иметь корни. Каковы корни цивилизации майя шесть тысяч лет назад?

— Индейцы каменного века, а какие еще?

— Может ли этой песне о колибри быть шесть тысяч лет?

— Сомневаюсь.

И вновь Эльтор посмотрел на меня.

— В наших преданиях говорится, что сестры попали на Рейликон по Звездному Пути. Это такое темное ущелье между звездами.

— У майя есть похожая легенда.

— Наши ученые полагают, что в этом предании говорится о перелете, который наши предки совершили с Земли на Рейликон.

— А кто их туда увез? И почему?

В ответ Эльтор только развел руками.

— Если предположить, что шесть тысяч лет назад существовала раса космических странников, то ее представители вполне могли переселить жителей одной планеты на другую. Но с тех пор, судя по всему, эта раса вымерла.

Сказанное Эльтором плохо укладывалось у меня в голове.

— С какой стати кому-то перевозить горстку среднеамериканских индейцев на другую планету?

— Древние рейликане несли в себе чистые гены Кайла. — Эльтор говорил, и лунный свет мерцал металлическим блеском на его коже. — Возможно, раса, которая их переселила, хотела усилить имевшийся у нее генофонд. Чистые формы сейчас почти не встречаются. За исключением потомков рейликанских аристократических фамилий.

— Вроде тебя?

— Да. Вроде меня.

— И ты думаешь, что твоими предками были майя?

— Возможно.

— Эльтор, ты такой же индеец, как я белая.

Собственно говоря, это было не совсем так. Но его металлическая кожа была гораздо светлее моей.

— Индеец? — удивился он. — Ах вот ты, выходит, кто!

Что касается меня, то я никогда не говорила о себе как об индейской женщине. Не нравилось мне и слово «латина». Уж очень оно походило на другое — «Ladina». Так у нас называли потомков испанцев — покорителей майя. Может, «мексикана»? В разного рода официальных документах я обычно писала «чикана».

— Наверное, я метиска, — заметила я.

Эльтор на мгновение переключился в машинный режим, а затем произнес:

— А, смешанных кровей.

— Да, наполовину испанского происхождения, наполовину — майя.

— Ты ужасно похожа на мою бабку. Я же больше пошел в отца.

Ага, в отца. Я до сих пор мучаюсь вопросом, а похожа ли я на своего? Такая же у меня манера говорить, смеяться, мыслить, как у него? Интересно, а он, когда покидал Чиапас, просил мою мать уехать с ним? Возможно, она ответила ему отказом, точно так же, как и я Эльтору? Как и я, боясь неизвестности?

У меня пересохло в горле.

— Ладно, не будем, все это пустые мечтания.

Я сняла браслет и протянула Эльтору.

— Вот единственное, что у меня есть. Матери передавали его своим дочерям на протяжении нескольких поколений. Если не было дочерей, он переходил к сыну. Но тот снова отдавал его дочке. В конце концов он попал ко мне. В один прекрасный день я подарю его своей дочери.

Эльтор притянул меня к себе.

— Улетим со мной, Тина. Зачем тебе здесь оставаться? Тебе не вынести одиночества.

— Нет, — покачала я головой и зарылась лицом ему в грудь. — Не могу.

Он оттолкнул меня, взял за плечо. И принялся трясти браслетом у меня перед носом.

— Неужели это для тебя так важно? Подумаешь, круглая железяка!

— Это все, что осталось у меня от моей семьи.

Ну как мне было объяснить ему, что значил для меня этот браслет. Покуда я знала, что у меня где-то есть отец, я не теряла надежды в один прекрасный день его найти, чтобы вновь обрести семью, предков, чувство принадлежности. И вот теперь Эльтор просил меня отказаться от моей мечты. И чего ради? Ради неизвестности, которая таила в себе нечто, что было страшно представить.

Но Эльтор почему-то смотрел не на меня. Его взгляд был прикован к браслету.

— Что-то не так? — спросила я.

— Мне нужен свет.

Эльтор подошел к столу Джошуа и взял оттуда настольную лампу. Он поставил ее на пол и склонился над ней, закрывая своим телом. Стоило ему щелкнуть выключателем, как вокруг тотчас возникло золотистое сияние, словно источаемое самой тьмой. Я подошла и села рядом. Эльтор держал браслет под лампой, водя пальцами по едва заметным иероглифам, выгравированным на его внутренней поверхности.

— Что это за символы? — спросил он.

— Иероглифы майя. Но это подделка. Вряд ли браслет настоящий, хотя бы потому, что уж слишком хорошо он сохранился. К тому же майя не делали ничего подобного.

— Тогда почему ты его носишь? — спросил он. — И как он попал к твоей матери? Или бабке? Ведь на Земле наследство передается от отца к сыну, не так ли?

— Не обязательно. Почему браслет переходит от матери к дочери? Так уж повелось исстари.

Эльтор указал на надпись по внутреннему краю.

— А эти иероглифы? Ведь они на иотическом.

Я в изумлении уставилась на него.

— Но как на моем браслете могут быть надписи на твоем языке?

— Наверное, потому, — тихо произнес Эльтор, — что твои предки говорили на иотическом наречии, прежде чем на нем заговорили на Рейликоне.

— Да нет же, такого не может быть!

— Это не браслет.

— Не браслет? А что?

— Это крепежное кольцо выхлопной трубы рейликонского транспортного шаттла.

От удивления я разинула рот.

— Что?

— Сейчас эти шаттлы — руины на берегу Исчезнувшего озера посреди Спящей пустыни. — Лицо Эльтора поблескивало в неярком свете лампы. — Это самые древние артефакты на Рейликоне, им по шесть тысяч лет. К тому же они вряд ли построены людьми. Не те пропорции. — Эльтор повертел в руке браслет. — Я уже видел кое-что похожее. На этих шаттлах.

— Но бронзовому браслету в таком хорошем состоянии никак не может быть шесть тысяч лет.

— Он не бронзовый, — покачал головой Эльтор. — Это сплав, так называемый кордонум. Он создается при помощи нанороботов, которые атом за атомом ставят его частицы на нужное место. Оттого он гораздо прочнее и выносливее, чем бронза.

— Но шесть тысяч лет назад у майя не было никаких иероглифов.

— Не знаю. Но это точно иотическое письмо. Мои предки привезли его с собой на Рейликон как воспоминание об утраченной родине. — Голос его осекся. — До сегодняшней ночи у меня не было прошлого. Понимаешь, что это значит? До этого наша родословная обрывалась шесть тысяч лет назад. И вот теперь я узнал нашу предысторию. — Эльтор сглотнул комок. — Сейчас, когда мне уже, возможно, никогда не вернуться домой.

— Эльтор, не говори так! — воскликнула я, обнимая его.

Он отвернулся от лампы и обнял меня. Так мы и сидели, сжимая друг друга в объятиях, и слегка раскачивались в мерцающем лунном сиянии.

Глава 8
МОЛНИЯ ДЖАГЕРНАУТА

Дэниэл вел джип вдоль дороги № 14. Мимо нас пролетала пустыня Мохаве. Выжженное пространство тянулось на многие мили — то серовато-зеленое, то тускло-желтое. То здесь, то там на охристом фоне иссушенной зноем земли колыхались султанчики окотильо, тянулись вверх колючие пальцы мески-

та. Вдоль дороги ветер носил сухие шары перекати-поля. Небо у нас над головой было выцветшим, линяло-голубым, без единого облачка. Хотя часы показывали лишь восемь утра, асфальт уже начинал блестеть испариной от жары.

На голове у меня была шляпа, но ветер то и дело выхватывал из-под нее светлые пряди моего парика и трепал их. А еще мне постоянно приходилось поправлять на носу съехавшие очки. В строгом деловом костюме я чувствовала себя круглой дурой. Любой мало-мальски здравомыслящий человек тотчас определил бы, что я разыгрываю маскарад.

Хизер одолжила мне свой костюм и парик. Джошуа раздобыл для Эльтора фальшивую бороду, оставшуюся после самодеятельного спектакля выпускников химического факультета. Дэниэл порылся в своих чемоданах и извлек оттуда для него парадный синий костюм. Волосы Эльтору мы высветлили. И вот теперь он сидел в джипе, положив на колени синий пиджак и расстегнув ворот рубашки. Ветер играл его блондинистыми локонами. Эльтор сощурился и поднес руку к глазам, словно хотел их потереть, однако вовремя остановился.

— Тебе мешают линзы? — спросила я. Он не расслышал и приложил руку к уху. — Линзы? Тебе мешают линзы? — почти что крикнула я.

Хизер одолжила Эльтору свои контактные линзы. Ее зеленые глаза они превращали из зеленых в голубые, глаза Эльтора скорее казались фиолетовыми.

— Все расплывается, — пожаловался он.

Хизер обернулась с переднего сиденья на нашу троицу — Эльтора, Джошуа и меня, плотно прижатых друг к другу на заднем сиденье.

— Но ты хоть немного видишь перед собой? — спросила она.

Эльтор потер под глазом.

— Вижу.

— Только, пожалуйста, не три лицо, — напомнила я. — Чтобы не просвечивалась кожа.

Я выудила из сумки бутылочку жидкой пудры и аккуратно замаскировала участок кожи у него под глазом. Мне приходилось быть осторожной. Стоит только наложить слишком толстый слой, как пудра станет видна. И тогда народ начнет задаваться вопросом, с какой это стати солидный джентльмен в

деловом костюме пудрит лицо. Если же наложить слишком тонкий слой, то будет просвечивать металлическая кожа.

Дэниэл указал на дорожный щит:

Бульвар Розамонд
Центр испытаний летательных аппаратов
им. генерала Йейгера
Исследовательский Центр НАСА

И ниже второй указатель, уже порядком подвыцветший:

Военно-воздушная база
им. генерала Эдвардса

— А, база имени Эдвардса, узнаю. — Эльтор даже прищелкнул пальцами. — Они что, переименовали ее?

— Да, в честь Чака Йейгера, — пояснил Дэн. — После его смерти.

— В моей вселенной генерал Йейгер в восьмидесятые годы еще жил и здравствовал, — возразил Эльтор.

Дэниэл приготовился съехать с главной дороги. За нами следовали и другие машины, и немалое количество было впереди. Теперь мы катили по дороге, по обеим сторонам которой пестрели голубые и желтые цветы и оранжевые калифорнийские маки. Потом мы проехали высохшее озеро и оказались среди какой-то изрезанной сморщенными складками равнины, сплошь заросшей желтыми цветами — такое впечатление, будто кто-то пролил на нее желтой краски.

Проехав миль шесть, мы оказались у контрольно-пропускного пункта. К нему уже тянулась вереница машин. Обе полосы были перегорожены, так же как и третья, которой обычно пользовались выезжающие с базы машины. Пока мы ждали, к нам обернулся Дэниэл:

— Это Западные ворота.

— Здесь всегда так много полиции безопасности? — поинтересовался Эльтор.

— Полиции безопасности? — переспросил Дэн.

Эльтор указал в сторону будки, где измученные охранники пытались справиться с наплывом машин.

— Охранников. Их там никак не меньше шести.

— Это военкопы, — объяснил Дэниэл. — Военизированная охрана. Обычно их здесь двое. В обычные дни достаточно прилепить пропуск к ветровому стеклу, чтобы они вас пропустили.

С этими словами он немного проехал вперед — военкопы только что пропустили на территорию базы очередную машину.

— И сколько народу здесь работает? — поинтересовался Джошуа.

— Около пяти тысяч военных. Не менее шести тысяч гражданских и еще тысяч восемь контрактников.

— Да это настоящий город в пустыне, — присвистнула Хизер.

— Как по-твоему, охранники знают, почему меры безопасности были усилены? — спросила я.

— Сомневаюсь, — пожал плечами Дэниэл. — Зачем им это знать.

Мы вновь продвинулись на пару метров вперед, затем еще раз и еще и, наконец, оказались у шлагбаума. Дэниэл остановился напротив военкопа и протянул ему удостоверение. Джошуа ткнул меня локтем в ребро. Я тотчас открыла сумочку и извлекла из нее значок Массачусетского технологического института, которым меня снабдили. Я буквально окаменела у себя на заднем сиденье. Мне было страшно, что охранники догадаются, что мы самозванцы.

Нашему визиту на базу предшествовали тщательные приготовления. Хизер обнаружила в Йейгеровской системе файл о планируемом на базу визите группы спецов по самолету «пробной модели» — они должны были прибыть на базу в тот же день, но только позже. Мы же опередили их на несколько часов. Несмотря на все предпринятые меры предосторожности, мы не были застрахованы от разоблачения и провала. По крайней мере меня мучило такое предчувствие. Состояние Эльтора было невозможно понять. Позднее я узнала, что он переключился в режим боевых операций. Остальные тоже были напряжены. И снедаемы любопытством. Прошлой ночью, когда мы только планировали нашу дерзкую вылазку, Дэниэл заметил, что, если мы сумеем провернуть нашу авантюру, это будет во сто крат прикольнее, чем все их прочие студенческие проделки, вместе взятые.

Военкоп воззрился на наши удостоверения, затем поинтересовался, кто нас здесь ждет. Дэниэл назвал номер. У меня перехватило дыхание. Военкоп отошел в будку и снял теле-

фонную трубку. Я наблюдала за ним сквозь затемненное стекло, изо всех сил пытаясь сохранять спокойствие, пока он разговаривал со своим невидимым собеседником на том конце провода.

Затем охранник снова вышел к нам.

— Вас ждут на Северной базе, — сказал он и приподнял шлагбаум.

Наш джип въехал на территорию центра. Как только мы оказались на достаточном расстоянии от охраны, Джош облегченно присвистнул, а Хизер закрыла глаза. Теперь мы катили среди пологих холмов, направляясь на запад вместе с вереницей других машин. Еще несколько минут, и мы достигли главной базы. Размерами она была с небольшой, но какой-то уж слишком правильный город — слишком функциональный для университетского и слишком тихий для промышленного центра. Машины потихоньку сворачивали с главной дороги, но наш джип по-прежнему катил вперед. Вскоре база осталась позади, и мы вновь оказались посреди пустыни.

Эльтор произвел какой-то странный звук, словно из груди его вырвался сдавленный возглас. Я посмотрела в сторону, куда был устремлен его взгляд. Вдали посреди пустыни я разглядела какую-то конструкцию, нечто вроде недостроенного здания в лесах высотою в восемь этажей. В другой стороне на высоком пьедестале на солнце серебром отливали очертания самолета. Нет, скорее он напоминал толстую ракету с короткими крыльями и заостренным, как игла, носом.

Эльтор смотрел на него во все глаза.

— Это же «Х-1»!

Хизер обернулась к нему с переднего сиденья.

— Что?

— «Х-1», и притом настоящий! — Эльтор указал на самолет.

— Верно, это «Х-1», — подтвердил Дэн.

— А это что такое? — Эльтор махнул рукой в сторону недостроенного сооружения. — Пусковая установка шаттла?

— Угу, — подтвердил Дэниэл.

— «Приз в шесть миллионов долларов», — добавила я.

— Что-что? — не понял Эльтор.

— Было такое телешоу, — пояснила я. — Там в начальных кадрах показывают аварию самолета, ужасно похожего на «Х-1».

— Это были настоящие кадры, предоставленные НАСА, — уточнил Дэниэл. — Правда, пилот в действительности остался жив.

Хизер наблюдала за Эльтором.

— Как это, должно быть, неинтересно по сравнению с тем, что ты видел в жизни.

— Любой самолет интересен, — рассмеялся Эльтор. — У меня к ним слабость, сколько себя помню. Еще мальчишкой любил запускать в воздух ракеты и наблюдать, как они упадут на землю.

Хизер улыбнулась, а от Джошуа желтыми кругами во все стороны начало исходить удивление. Они впервые увидели, как Эльтор смеется. Им с трудом в это верилось.

Дэниэл свернул на дорогу, ведущую к северной базе. Впереди виднелся еще один КПП, а через дорогу от него — трейлер. Мы остановились. Военкоп проверил наши документы, сравнил их со списком запланированных на этот день визитеров. Затем указал на небольшую площадку рядом с дорогой. Там уже стояли две машины. Военкопы производили их обыск.

— Сюда. — Он кивнул в сторону трейлера. — Пока мы проверяем вашу машину, вам там выдадут временные удостоверения.

— Пожалуйста, — пожал печами Дэниэл.

Внешне он был само спокойствие. До сих пор удивляюсь, как это ему удалось. Нет, конечно, он и раньше бывал на базе вместе с матерью, и все же. Сказать же, что обстоятельства нашего визита были особенные, — значит ничего не сказать.

Дэниэл припарковал джип. Мы вышли на дорогу, приглаживая взъерошенные ветром волосы и примятую во время поездки одежду. Жара стояла нестерпимая. Ни Эльтор, ни Дэниэл не стали надевать пиджаков, но Эльтор позволил мне поправить на нем галстук. Когда я завязывала ему узел, он пробормотал что-то насчет «удавки на шее». Я улыбнулась. Думаю, с ним согласился бы не один представитель нашего времени.

Внутри трейлера человек за столом проверил наши удостоверения. Эльтор предпочитал держаться сзади. Высокий и молчаливый, в своем подчеркнуто консервативном костюме, он явно старался не выделяться. Чтобы соответствовать выбранным ролям, остальные, хотя бы внешне, прибавили себе по нескольку лет. Мы с Хизер умудрились втиснуться в деловые

костюмы и даже воспользовались косметикой. Дэниэл тоже выглядел вполне респектабельно в костюме и при галстуке. Но никакие уловки не могли хоть как-то изменить внешность Джошуа. В конце концов Хизер поменяла его возраст на двадцать два, и мы всю дорогу держали скрещенными пальцы, лишь бы только эта наша хитрость удалась и его приняли за этакого вундеркинда, защитившего диссертацию еще едва ли не в пеленках. Собственно говоря, это было не столь уж далеко от истины.

Человек за столом кончил разговаривать с Дэниэлом и обратился ко мне:

— Ваше удостоверение.

Я протянула ему удостоверение Массачусетского технологического, почти в полной уверенности, что он обнаружит подделку. Но тот лишь вбил номер в компьютер и вернул его мне. Затем настала очередь Джошуа. Человек за столом снова пробежал пальцами по клавиатуре. Неожиданно он остановился и, нахмурясь, уставился на Джоша.

Мы все как один напряглись. Я ощущала это напряжение кожей, оно все туже оборачивалось вокруг нас пластиковым саваном.

Охранник пристально рассматривал Джошуа.

— Чакрабарти? Но ведь это, если не ошибаюсь, индийская фамилия?

В ответ Джошуа посмотрел на него самым что ни на есть невинным взглядом.

— Да, сэр. Но мать у меня шведка.

Охранник вернул Джошуа удостоверение и помахал в сторону выхода.

— Марджори сфотографирует вас и выдаст новые удостоверения.

Пока нас фотографировали, я старалась держаться как можно спокойнее. И все-таки мне не давал покоя вопрос, что испытывает человек, когда его фотографируют для полицейского досье. Как ни странно, эта Марджори всего лишь выдала нам внутренние удостоверения Йейгеровской базы, и наша компания вновь была свободна. Мы вышли на улицу под палящий зной. Вокруг, сколько хватал глаз, расстилалась пустыня Мохаве.

Военкоп помахал в сторону нашего джипа.

— Можете ехать.

Дэниэл в ответ поднял руку — мол, спасибо, вас понял. Все шло как по маслу. До того момента, пока Эльтор не застыл на месте, прижав пальцы к виску.

Мы остановились рядом с ним.

— Что-то не так? — спросил его Джошуа.

Эльтор не ответил, и тогда я потянула его за рукав.

— Пойдем.

Впервые за все это время Дэниэл проявил признаки беспокойства.

— Здесь нельзя останавливаться, — прошептал он.

Эльтор опустил руку.

— ******.

— Что ты сказал? — Я уставилась на него, ничего не понимая.

— **** ****.

Хизер негромко выругалась.

— Что с ним такое?

К нам подошел военкоп.

— У вас возникли проблемы?

Хизер моментально вытащила из сумки бумажный носовой платок и громко высморкалась. Я было подумала, что у нее не все в порядке с головой. Пока мне не стало ясно, что эта уловка призвана отвлечь внимание от Эльтора.

— Что у вас стряслось? — еще раз поинтересовался военкоп.

— Ничего, просто аллергия на цветочную пыльцу. — Хизер похлюпала носом. — Приходится всякий раз мучиться.

— Не вы одна. От этой напасти у нас страдает добрая половины народу, — покачал головой охранник. — Некоторым помогают самые обыкновенные средства, каких полно в любой аптеке. Но если вам совсем худо, лучше проконсультироваться с врачом. Весной сенная лихорадка у нас здесь сродни чуме.

— Спасибо, как-нибудь потерплю.

Хизер изобразила вымученную улыбку.

Военкоп кивнул и пошел назад на свой пост. Мы тоже двинулись к машине.

— Откуда тебе известно про аллергию? — шепотом поинтересовался Дэн. — У тебя был вид настоящей страдалицы.

— А я и так ею мучаюсь, — поморщилась Хизер. — Охранник ничуть не преувеличил, назвав ее чумой.

— А ты как? — обратился Джошуа к Эльтору. — Все нормально?

— Да.

— А что случилось? — не унималась я.

— Джаг, — ответил Эльтор. Его акцент стал снова заметен. — Он совсем близко. Я попытался установить с ним связь. Он поврежден. Повреждения разные — одни старые, другие новей. — Эльтор говорил, и пот градом катился у него со лба. — Что они творят с моим мозгом? Я не могу... я теряю способность интегрировать мои функции.

— А что будет, если они не прекратят свое занятие? — поинтересовался Дэниэл.

— Не знаю. — Эльтор прибавил шаг. — Не хочу даже думать об этом.

Мы сели в джип и поехали на Северную базу. Когда мы уже почти были на месте, посреди пустыни выросли три огромных ангара. Они были словно из сказки — громадные цилиндры с круглыми куполами, каждый выкрашен в свой цвет — один голубой, другой зеленый, третий желтый. Но прежде всего бросались в глаза нарисованные на них картины — взмывающие ввысь самолеты.

— Эй, — Джошуа даже присвистнул от восторга, — вот это да!

— Ваши военные всегда украшают свои ангары рисунками? — поинтересовался Эльтор.

— А что в этом такого? — пожал плечами Дэн.

— Первый раз вижу, — пояснил Эльтор.

Мы припарковали джип у служебного помещения. На другой стороне в сетке забора виднелся контрольно-пропускной пункт. Туда мы и направились. Обжигающий ветер пустыни трепал наши волосы. Хизер расчихалась и громко высморкалась.

Дэниэл прошел через контроль первым, гордо демонстрируя свое удостоверение. Военкоп взял его у него из рук, посмотрел на Дэна, затем на фотографию, сравнил их между собой и кивнул — мол, проходи.

Следующей была моя очередь. Я протянула удостоверение. Охранник посмотрел на него, затем испытующим взглядом окинул меня.

— И давно вы работаете в Массачусетском технологическом?

Держи себя в руках, мысленно скомандовала я и с невинным видом произнесла:

— Три года.

— Что такое байт? — ни с того ни с сего спросил охранник.

Я никак не могла понять, к чему он клонит. Скорее всего он не поверил, что я этакий гений от информатики, иначе зачем ему задавать такие дурацкие вопросы.

— Байт — это часть компьютера, — ляпнула я наобум.

Он помахал мне рукой — мол, проходите, после чего проверил удостоверения остальных. Итак, мы все прошли контроль и оказались на территории Северной базы. Смотреть здесь было особо не на что — несколько зданий под палящим солнцем. Дальше тянулось высохшее озеро. От жары сухое дно запеклось коркой.

— Тебе крупно повезло, что этот чувак не разбирается в компьютерах, — буркнул мне Дэниэл.

— С чего ты это взял? — не поняла я.

— Байт это не часть компьютера. Это восемь битов. Нулей или единиц.

— Но он ей поверил, — вступился за меня Джошуа. — А это самое главное.

Пока мы шли, Эльтор то и дело оглядывался по сторонам. По территории базы расхаживали военкопы в камуфляже, и не одни, а с собаками. Мимо нас тарахтели какие-то приземистые транспортные средства, нечто среднее между танками и гигантскими тараканами-вездеходами.

— Да, тут у них и муравей не проползет, — прокомментировал Эльтор.

— Состояние боеготовности «Чарли», — пояснил Дэниэл.

— «Чарли»? Что это значит? — обернулся к нему Эльтор.

— Состояние боеготовности на случай террористического акта. Первая ступень «Альфа», значит, все тихо. «Браво» — следующая ступень, затем «Чарли», состояние повышенной боеготовности. И последняя «Дельта». Но тогда базу просто бы закрыли для посторонних. Так что, если вернешь себе свой самолет, «Дельта» здесь обеспечена однозначно, — пояснил Дэн и сделал выразительное лицо.

Хизер просматривала бумаги, выданные нам в трейлере.

— Сначала нам надо пройти брифинг. Нет, подождите, это потом. Сейчас нас ждет Доктор Роберт Л. Форвард.

— Ого! — воскликнул Джошуа. — Это тот самый, кому в 1981 году была присуждена Годдаровская премия!

— Годдаровская премия? — удивился Эльтор. — А это еще что такое?

— Награда в области ракетостроения. Форвард предложил использовать в ракетных двигателях антивещество.

— Но если они обнаружат, что Джаг использует тот же самый принцип, — заметил Эльтор, — им тотчас станет ясно, что перед ними межзвездный корабль.

— А это так важно? — поинтересовалась Хизер.

— Рано или поздно они поймут, что никакого корабля-базы не было и нет. — Эльтор поморщился. — Хотя я бы предпочел, чтобы они думали, что меня кто-то ждет или ищет.

Мы обогнули угол здания, и нашим глазам вновь предстали ангары. Вблизи они производили еще более сильное впечатление. Картины на них были нарисованы ярко и смело — летчики, покоряющие воздушное пространство, полосы перистых облаков над зелеными холмами или выжженной пустыней. Желтый и зеленый ангары были закрыты. Голубой стоял открытым, но вход был завешен куском холста, края которого были придавлены чем-то тяжелым, чтобы внутрь не нанесло песка. Сам ангар был обнесен забором, а у единственного турникета застыл вооруженный охранник. Рядом с ангаром высились строительные леса.

— Странно, — произнесла Хизер, показывая в сторону охранников с собаками внутри огражденного пространства. — У них нет оружия.

— Это из соображений безопасности, — пояснил Эльтор. — Они не уверены, что может произойти с кораблем, если в него попадут пули.

— Ты уверен, что он не взорвется? — спросила его Хизер.

— Нет, — вздохнул Эльтор.

И тогда мы увидели Его. Из ангара кто-то вышел, и порыв ветра поднял вверх холщовую занавеску. Внутри стояло прекраснейшее творение человеческих рук. Джаг походил скорее на алебастровую скульптуру. В косых солнечных лучах, пробивавшихся внутрь ангара, он казался белоснежно-белым. Его очертания были ясными и чистыми. Казалось, он вот-вот сорвется с места и взмоет в небо, один, сам по себе.

В следующее мгновение занавес опустился на место.

— Да, впечатляет.

Хизер даже присвистнула. На лицах Дэниэла и Джоша читалось то же восхищение.

— Он совсем близко, — прошептал Эльтор. — Если бы я только мог попасть к нему!

У входа в ангар дежурили двое охранников — мужчина и коренастая женщина, оба вооружены. Мы в который раз предъявили удостоверения. Первым шел Дэниэл. Женщина посмотрела на его значок и кивнула — можно проходить. Дэн прошел к воротам и остановился, поджидая нас. После этого мужчина повернулся к Хизер, а женщина проверила мое удостоверение. Я стояла, не шелохнувшись, тщась изобразить полнейшую невинность.

— Проходите, — кивнула мне женщина.

Эльтором занимался охранник-мужчина. Пока он рассматривал его фото, сравнивал изображение с оригиналом, мне казалось, что прошла вечность. Женщина к этому моменту уже пропустила Джошуа. Я подошла к турникету, где нас уже поджидали Дэниэл с Хизер, и перевела дух.

Наконец охранник пропустил и Эльтора. Дэниэл вынул карточку-ключ, которой нас снабдили в трейлере, и повернулся к турникету. Там на столбе была прикреплена коробка с кнопками, наподобие телефона автомата. Под пристальными взглядами охраны Дэн вставил в прорезь карточку и набрал код. После чего толкнул воротца. Мы стояли и ждали, обдуваемые жарким ветром пустыни.

Стояли и ждали.

Дэниэл выругался себе под нос.

— Наверное, набрал не тот код.

— Попробуй еще раз, — спокойно произнесла Хизер. — Вроде бы ошибаться можно лишь трижды, после чего сработает сирена.

Дэниэл снова сунул карточку в прорезь и набрал код. На этот раз воротца открылись.

Уф-ф, мы внутри. Лицо Эльтора оставалось бесстрастным. Но сердце в его груди колотилось столь сильно, что в моем мозгу это биение отзывалось лязганьем гонга, по которому ударяли молотом.

Мы уже было направились к ангару, когда нас окликнул один из охранников:

— Подождите!

Мы застыли на месте. Хизер, правда, нашла в себе силы обернуться и с невинным видом спросить:

— В чем дело?

К нам подошли оба — мужчина и женщина.

— Не забудьте переодеться в защитные комбинезоны, прежде чем идти к самолету, — обратился к нам охранник. — Вы найдете их в шкафчике. — Он на минуту умолк, разглядывая Эльтора. — Сами понимаете, надо поддерживать стерильность.

— Разумеется, — кинул тот.

— Что ж, — охранник еще раз обвел нас всех взглядом, — можете идти.

Обрадованные тем, что нашим испытаниям, кажется, настал конец, мы повернулись к ангару. Еще несколько мгновений, и...

— Стойте, — раздался женский голос.

Мы обернулись. Женщина-охранник недобрым взглядом смотрела на Эльтора.

— Что у вас с лицом?

— С лицом? — переспросил он.

— Да, вот здесь. — И она указала на его висок, там, где пот смочил ему кожу и волосы. — Да-да, здесь. Похоже на пудру.

— Это лосьон, — вмешалась Хизер. — У него аллергия.

Женщина пристально впилась в Эльтора глазами.

— Не вижу никакой сыпи.

— Она замазана.

Настырная особа потянулась и провела пальцем по его виску. На пальце тотчас осталась жидкая пудра. А на виске проступила полоска золотистой кожи.

И тогда она нас узнала, я почувствовала это, как если бы рядом прогрохотал взрыв. Не думаю, чтобы она видела наши изображения по телевидению. Вряд ли можно было найти что-то общее между затянутым в кожу бандитом и бородатым ученым в элегантном костюме. Скорее всего охрану ангара проинструктировали куда более подробно, снабдив деталями, которые не стали разглашать для широкой публики, например, о том, какая необычная у него кожа.

Охранница тотчас схватилась за пистолет, но Эльтор оказался куда проворнее. С молниеносной скоростью он пружинистым движением оттолкнулся от земли и метнулся вперед. Мы не успели моргнуть, как оба охранника оказались на зем-

ле, недвижимые и без сознания. Но в этот момент на территории ангара раздался чей-то крик.

Схватив Дэниэла за рукав, Эльтор ринулся к ангару, буквально волоча парня за собой. Мы бросились им вдогонку. Что еще нам оставалось делать? Эльтор, судя по всему, решил воспользоваться Дэниэлом как заложником, что в общем-то не входило в наш уговор, но иного выхода у нас не было. Если мы, конечно, не хотели бросить товарища на произвол судьбы и сдаться в руки охране. Волей-неволей пришлось следовать за Эльтором.

Мы обогнули леса, и в этот момент нам навстречу из ангара выбежали трое охранников. Оружия у них не было, но зато их сопровождали два пса, один черный, другой — рыжий и поджарый. Один из охранников что-то крикнул, и собаки бросились на нас.

Эльтор отбросил Дэниэла в сторону. Собаки прыжком кинулись на Эльтора, и все вместе они повалились на землю. Псы в озлоблении рвали на нем костюм, пытаясь подобраться к шее. Эльтор отчаянно отбивался. Они катались по земле, и было невозможно понять, где здесь Эльтор, а где псы. Наконец ему удалось сбросить их с себя. Собаки рухнули на асфальт. Черный пес так и остался лежать, закрыв глаза и тяжело дыша. Рыжий поднял было голову и даже попытался встать на лапы.

Не успел Эльтор прыжком подняться на ноги, как Дэн испуганно попятился к строительным лесам. Но ему не удалось уйти далеко. Эльтор схватил его за руку и рывком развернул лицом к охранникам. В следующее мгновение у горла Дэниэла сверкнул нож. От его полированной поверхности в разные стороны тотчас брызнули разноцветные лучи. Рыжий пес зарычал и снова встал на ноги, но кто-то из охранников цыкнул на него, и он остался на месте. Дэниэл застыл как вкопанный. По его лицу струился пот. Схватив меня другой рукой, Эльтор попятился в сторону ангара, увлекая нас с Дэниэлом за собой.

Мы бросились к строительным лесам. Джаг находился от нас всего в нескольких ярдах, но это мало чем могло нам помочь. С таким же успехом он мог находиться и на другом конце базы. Неожиданно холщовый занавес на дальнем конце ангара отлетел в сторону, и оттуда высыпали несколько людей в белых комбинезонах и с ними еще один охранник. Вместо того

чтобы направиться к турникету, он оттянул в сторону сетку и выпустил в образовавшийся проход персонал.

Охранники, преградившие нам путь, щурили глаза, не в силах выдержать ослепительного блеска лезвия.

— Мы не хотим причинять вам вреда, — наконец произнес один из них.

Волосы у него были подстрижены так коротко, что казалось, будто его голова посыпана желтой пылью.

— Отойдите от корабля, — рявкнул Эльтор, — не то я убью его!

— Повторяю, мы не хотим причинять вам вреда, — вновь произнес военкоп, как-то подозрительно вкрадчиво. Что-то мне не нравилось в его манере. Ага, он смотрит не на нас, а куда-то дальше, за спину Эльтора.

Я оглянулась и увидела, как из-за лесов к нам приближается человек с автоматической винтовкой М-16 в руках. Заметив, что я смотрю на него, он кивнул мне, видимо, полагая, что я заложница. В принципе он был недалек от истины, хотя тогда я это плохо понимала. Я отвернулась, притворившись, что жду не дождусь, когда нам придут на помощь. Но на самом деле еле слышно шепнула Эльтору:

— Позади нас вооруженный охранник. До него всего лишь пара шагов...

Эльтор резко развернулся и выбросил ногу, попав охраннику прямо в грудь с такой поразительной точностью, будто видел каким-то задним зрением, что тот собрался на него напасть. Охранник рухнул на землю, а Эльтор, все еще увлекая за собой меня и Дэна, нырнул через барьер в леса. Нам ничего не оставалось, как устремиться за ним следом. Не успели Хизер и Джошуа последовать нашему примеру, как что-то просвистело рядом с моей головой, слегка задев волосы. Мы тотчас бросились плашмя на землю рядом с поверженным охранником. Пуля попала в бетонную стойку, отчего во все стороны разлетелись куски бетона, а сама стойка покрылась паутиной трещин.

— Не стрелять! — крикнул чей-то голос. — Можете попасть в корабль!

Эльтор схватил брошенную охранником винтовку, пару секунд разглядывал ее, после чего выпустил очередь, поливая леса свинцовым огнем. Охранники бросились врассыпную, большинство предпочли найти укрытие внутри ангара. Зато они

выпустили на нас еще трех псов. И пока мы ползли на брюхе под прикрытием бетонных стоек, псы, ощерив клыки, с дьявольским рычанием прыгнули на нас. Эльтор выстрелил, и один из псов рухнул на землю, за ним второй, третий. Я прикусила губу, лишь бы только не расплакаться — мне было больно видеть, как умирают животные.

Сжимая в одной руке винтовку, Эльтор прикоснулся пальцами другой до розетки с транскомом у себя в боку — там тотчас возникло свечение. А затем раздался душераздирающий вой сирены. Вой этот постоянно менял высоту и громкость — то становясь едва слышим на высоких частотах, то снова возвращаясь на средние, воспринимаемые человеческим ухом, а затем падал так низко, что скорее ощущался нутром, после чего опять взмывал вверх. Позднее я узнала, что сигнал этот действовал согласованно с телом Эльтора, порождая волны необходимой длины. Леса вокруг нас начали подрагивать, а затем сотрясаться. Казалось, стойки и перекладины едва способны устоять на месте и рвутся куда-то, словно беговые лошади перед стартом. В конце концов одна из них не выдержала и сорвалась с места, устремившись в свободном полете вниз.

Леса ходили ходуном. Мы вскочили на ноги и бросились в ангар, а вокруг нас рушились вниз доски и куски металла. Я не понимала тогда, чего добивается Эльтор. Ведь, рушась, леса угрожали в первую очередь нам, а не нашим преследователям. Вокруг слышались крики. Кто-то пытался объяснить кому-то, что не может взять нас на мушку. Второй голос приказал ему не стрелять, потому что пули внутри ангара могут отскочить рикошетом. И тогда я поняла, что этот хаос скорее нам на руку.

Затем меня что-то стукнуло по голове, и я потеряла равновесие. В глазах у меня потемнело.

— Нет!

Эльтор подхватил меня за талию и устремился дальше. Внезапно перед нами вырос охранник. Я была в полуобморочном состоянии, отчего его движения воспринимались мною как в замедленной съемке: вот он поднимает винтовку, вот ботинок Эльтора ударяет ему в руку, раздается выстрел, над головой Эльтора свистят пули, охранник падает на землю, это Эльтор выпустил в него почти весь заряд. Теперь перед нами только холщовый занавес, закрывающий вход в ангар.

И тут мы замерли как вкопанные...

Потому что там, всего в нескольких ярдах, лицом к нам и спиной к ангару, стояли еще четыре охранника. И все как один держали на прицеле Эльтора. Он уставился на них. Я заметила, как золотистым блеском сверкнуло его внутреннее веко. Он все еще был вооружен, но стоило ему поднять винтовку и прицелиться, как охранники тотчас бы открыли ответный огонь. Нет, возможно, Эльтору бы удалось выпустить одну очередь, но не больше. К тому же охранники были слишком близко и не могли промахнуться.

— Бросай оружие, — обратился к Эльтору человек с коротко стриженными волосами.

Эльтор вновь нащупал транском у себя в боку, и тот умолк. Лицо его утратило всякое выражение, но я ощущала его внутреннее напряжение, оно сжимало его словно стальные обручи. Но ощутила я и нечто другое, правда что — этого я почти не могла понять. Страх? Наверное, и страх тоже, однако эмоция эта не была страхом. Тоска? Ведь Эльтор стоял всего в нескольких шагах от Джага, но не мог попасть к нему. Что причиняло ему едва ли не физическую боль.

— Мы не хотим причинять вам вреда, — произнес все тот же человек.

От него исходил благоговейный ужас, я ощущала его подобно прикосновению бархата к коже. Нет, при необходимости он застрелил бы Эльтора, но ему не хотелось этого делать. Охранникам не полагалось знать, кто такой Эльтор, но они уже догадались. Этот же человек хотел поговорить с ним, задать ему целую сотню вопросов. Нет, не как на допросе, а просто побеседовать с первым представителем инопланетной цивилизации, ступившим на Землю. Ему хотелось понять, как и почему Эльтор попал сюда, как устроен его корабль. Ему хотелось, чтобы Эльтор помог землянам проторить дорогу к звездам.

Вернее, такие мысли были у двух охранников. Третий же просто выполнял свой долг. Четвертый, тот, что с каменным лицом, вселял в меня смутное беспокойство. Эльтор представлялся ему угрозой для всего человечества. Окажись они с ним один на один, он бы застрелил Эльтора, даже не моргнув, ведь тем самым он защищал бы Землю. От страха его мысли сделались еще ярче: как он возражал против того, чтобы корабль

Эльтора не начинять взрывчаткой. Уж лучше пожертвовать пустыней Мохаве, чем целиком всей планетой.

За нашей спиной раздались голоса. Я оглянулась и увидела позади нас целую цепь военкопов. Одна из них, женщина, разговаривала с кем-то по рации. Совсем упав духом, я повернулась к Эльтору. Мужчина с короткими волосами продолжал его уговаривать: «Бросай оружие, отпусти заложников, пойдем с нами».

Эльтор выпустил из рук оружие. Я зажмурилась. Все кончено. Мы пойманы. Авантюра провалилась.

— О Господи, — донесся до меня чей-то голос, — ведь он живой!

Я тотчас открыла глаза. Взгляды всех до единого были прикованы к ангару. Ветром снова откинуло в сторону холщовый занавес, и почему-то он все продолжал подниматься, хотя это уже противоречило здравому смыслу и законам физики. Тем более что край его был прижат к земле грузами. И тогда мне стало ясно, что это не ветер. Это Джаг.

Эльтор не мог подойти к нему, поэтому корабль устремился к хозяину сам. Он выкатился из ангара в мгновение ока, прямо на нас. Охранники бросились в разные стороны, опасаясь, как бы их не раздавило. Теперь человек с каменным лицом был свободен в своих действиях. Он резко развернулся и выпустил в корабль всю обойму.

— Не стрелять! — крикнул кто-то.

Эльтор бросился к кораблю, увлекая за собой Дэниэла и меня. Мы были совсем близко, на бегу я даже случайно задела Джаг. Корпус его был пупырчатым на ощупь, словно мяч для гольфа. Раздался шуршащий звук — это открылся люк, и Эльтор приподнял меня с земли или, лучше сказать, забросил меня внутрь. Я влетела в отсек и приземлилась на куче компьютерных распечаток. Стены вокруг были облицованы голубой, испускающей свечение плиткой. Мне вслед Эльтор забросил внутрь Дэниэла, а когда тот откатился в сторону, запрыгнул сам. Джошуа и Хизер успели вскарабкаться за считанные секунды до того, как люк захлопнулся вновь — словно створки на объективе фотоаппарата.

Я вскочила на ноги, но уже в следующее мгновение прогремел взрыв, и мы снова повалились на пол. Эльтор задел больным плечом переборку, и я ощутила, как его молнией пронзила боль, такая нестерпимая, что он едва не потерял созна-

ние. Однако ему удалось сохранить самообладание. Эльтор двинулся на капитанский мостик, кое-как протиснувшись между переборкой и креслом. На консоли перед ним валялись разбросанные кем-то бумаги, ручки и калькуляторы. Одним движением руки он смахнул все на пол и опустился в кресло. Оно тотчас выбросило сетчатый экзоскелет, который в мгновение ока коконом покрыл его с ног до головы. Почти одновременно у рук Эльтора, как по мановению волшебной палочки, появились разнообразные кнопки и панели управления.

Затем Джаг дотронулся до его сознания.

Эльтор издал сдавленный стон. По крайней мере звук этот можно было расслышать. Но внутри прозвучал крик. Связь Эльтора с Джагом была нарушена. Я сумела уловить лишь слабый отзвук его боли, но даже отзвук этот едва не поверг меня в шок.

Корабль содрогнулся от второго взрыва, и где-то с внешней стороны прокатился глухой гул. Меня отбросило к Дэниэлу, и мы с ним оба рухнули на пол. От удара у меня из груди вырвался всхлип. Кое-как снова поднявшись на ноги, я схватилась за ручки в переборке и встала, уцепившись за нее вместе с Хизер и Джошуа.

Эльтор пытался восстановить связь с Джагом через свою сеть. Он что-то говорил на родном языке. Экран перед ним зажегся голубым, затем на нем замелькал калейдоскоп линий и точек. После чего возникло изображение того, что творилось снаружи.

Кое-кто из охранников пятился от корабля, глядя на него одновременно с ужасом и восхищением. Другие боролись с охранником, с тем, что с каменным лицом, пытаясь вырвать у него из рук оружие. Он перебросил через себя одного из нападавших, и тот упал навзничь, сбил с ног другого и сумел-таки выпустить в сторону Джага еще одну очередь. Корабль содрогнулся вновь, и я увидела, как человек с короткими волосами ведет огонь, но не по Джагу. Он стрелял в того, что с каменным лицом. Наш основной враг упал, схватившись рукой за колено.

Эльтор все еще разговаривал с Джагом, негромко, но очень быстро. Джаг завис где-то на самом краю его сознания, пробуя достучаться то там, то здесь, восстанавливая на доли секунды

связь, снова отдергивал невидимые нити, если Эльтор морщился от боли, либо оставлял их, если не причинял дискомфорта.

На голографическом экране появилась радуга, словно наложенная на картину событий. Теперь охранники казались разноцветными. Почему-то все они как один зажимали уши. Благодаря подсоединению к Джагу я поняла, что произошло. Джаг при помощи мембран в своем корпусе производил звуковые волны, болезненные для человеческого уха. А радуга — это и были те самые волны. Красная часть спектра соответствовала максимальной мощности, фиолетовая — минимальной.

Охрана попятилась прочь, уводя с собой двух раненых. Некоторые уже покинули ангар и теперь со всех ног неслись к служебному зданию, на бегу крича что-то в рацию. Откуда им было знать, что вот-вот произойдет. Взрыв? Нападение?

Достигнув забора, радуга приобрела какой-то грязноватый оттенок. Эта размытая акварель быстро распространилась по всей территории внутри забора. Краски слились и поблекли. Я уловила мысль Джага: корабль никак не мог чего-то понять, ему словно чего-то не хватало — например, дальнейших инструкций, уравнений, призванных задать алгоритм действий при неких пограничных условиях. Поврежденная сеть корабля неправильно интерпретировала помехи, создаваемые забором, воспринимая их как команду отключить звуковую защиту.

Эльтор же не мог сдвинуть его с места. Корабль застыл, наполовину выкатившись из ангара. Эльтор запрашивал о необходимом алгоритме, но что бы там ни требовалось Джагу, чтобы правильно понять команду пилота, функция эта была повреждена. В конце концов Эльтор прикоснулся к диску у себя на экзоскелете, вводя команду вручную. На экране возник алгоритм — трехмерная решетка, наложенная на изображение происходящего снаружи. По картинке, описывая контуры ангара, пронеслась ярко-красная точка.

Совершенно неожиданно стены ангара взлетели в воздух. Обломки фонтаном разлетелись во все стороны. Те охранники, что еще находились внутри, принялись карабкаться через забор, лишь бы только скорее унести ноги. Некоторые упали на землю, прикрывая руками голову, пока на них сверху падали остатки стен ангара. Кусок размером с дверь обрушился на сам Джаг. На голограмме могло показаться, что он летит прямо на Эльтора. Обломок громко стукнул по внешней обшивке

корабля. Но для нас, сидящих внутри, впечатление было такое, будто обломок этот разлетелся на куски прямо у его лица.

Все, ангара больше не было. Джаг стоял свободный под куполом неба.

Затем раздался рокот, и по корпусу корабля пробежала дрожь. Снаружи последние из охранников вскочили на ноги и помчались прочь, словно подгоняемые ураганом. Один из них споткнулся о какой-то обломок, другой на бегу поднял товарища на ноги и потащил за собой. Рокот Джага нарастал с каждой минутой.

Эльтор развернулся в кресле и посмотрел на нашу компанию.

— Некоторые из алгоритмов взлета — не знаю, как это называется по-английски. Можете считать, что они отключены.

— Ты можешь их исправить? — спросила Хизер.

— Они сами себя исправят. На это потребуется несколько секунд, — пояснил Эльтор и повернулся ко мне: — Мне нужны заложники. Но не четыре. Если ты хочешь покинуть корабль, — он на минуту замолк, — можешь сделать это прямо сейчас.

Вот, настал момент. Эльтор либо улетит, либо погибнет, но в любом случае он здесь не останется. Ответ застрял у меня в горле. Я не могла выдавить из себя то, что он так надеялся услышать. Как я могла улететь вместе с ним?

Я молчала, и лицо Эльтора превратилось в ничего не выражающую маску. Он вновь повернулся к панели управления. Послышалось шипение. Это открылся люк.

— Только живее, — приказал Эльтор. Урчание двигателей становилось все громче и громче. — Мне надо улетать.

Я подошла к люку. Я делала выбор в пользу того, что мне предлагал Джейк, когда приехал ко мне в Калтех. Я выбирала безопасность и знакомый мне мир, отвергая страх перед неизвестным. Мне казалось, что я смогу жить дальше. Ведь Джейк тоже эмпат, хотя и не такой мощный, как Эльтор. Значит, и он сродни мне.

Но мне никак не удавалось выбросить из головы слова Эльтора «это как внутренний голод». Выбрать Джейка означало выбрать существование, а не полноценную жизнь.

Я обернулась к Эльтору.

— Подожди.

Тот по-прежнему сидел, устремив взгляд на панель управления, вновь превратившись в машину — то ли нарочно, то ли потому, что иначе не мог. В общем, я не знаю почему.

— У меня нет времени ждать. — Голос его прозвучал ровно и плоско, как у робота.

— Тогда возьми с собой и меня, — попросила я.

Шлюз закрылся.

— Так ты летишь со мной? — спросил Эльтор.

— Да, только ты должен пообещать мне, — выдавила я из себя, — что не бросишь меня на произвол судьбы где-нибудь посреди чужой вселенной, где я ничего не знаю и не понимаю.

Он снова развернулся ко мне.

— Обещаю, если ты пообещаешь стать моей женой.

Я не понимала, зачем ему это нужно, ведь мы почти не знали друг друга. И тем не менее вот оно.

— Обещаю.

Нет, не совсем не так.

— Поклянись, что ты не присоединишься ни к какой другой сети, — добавил он, — ни местной, ни удаленной.

— Но я не понимаю...

— Поклянись. Или я тебя не возьму.

— Но ведь это ты просил меня...

Он посмотрел на меня через забрало экзоскелета.

— Тогда у меня преобладали эмоциональные функции. В этом режиме я более рационален и критически воспринимаю собственные действия.

Эльтор лгал. Я знала это тогда, как знаю сейчас. От меня не скрылись оранжевые огоньки, что подрагивали вокруг его тела. Но сейчас он действительно контролировал себя и не собирался отступать от задуманного.

— А ты? — спросила я его. — Ты готов пообещать мне то же самое?

— Да, — ответил он, — ты имеешь полный доступ к моим системам. Ты введена в мою сеть, память и файлы. Твое влияние распространяется на все мои процессы. Никакая антивирусная программа не в состоянии удалить тебя из моей системы без того, чтобы не была нарушена моя целостность. Если ты летишь со мной, то уже сам факт твоего присутствия будет постепенно переписывать мой внутренний код, проникать еще глубже в память, менять функции.

«Господи, во что я ввязываюсь?» — мелькнула у меня в голове мысль, но у меня не осталось времени, чтобы хорошенько над ней поразмыслить.

— Даю тебе мое слово — я тебя не предам.

— Я верю тебе. И беру с собой.

Вот и все. Как будто кто-то нажал в мозгу невидимую кнопку. Наш разговор оборвался, и Эльтор повернулся к экрану, снова переключившись в рабочий режим. Я же вернулась к остальным. Должна признаться, что после этого сугубо личного разговора, происшедшего у них на глазах, чувствовала я себя ужасно неловко.

Связь между Эльтором и Джагом крепла — корабль постепенно восстанавливал, где это было возможно, их общую сеть. Общение между ними происходило молниеносно, и я была не в силах за всем уследить — какая-то безумная пляска словесных, голосовых и других сигналов. Постепенно они сливались в единое целое. Нет, не совсем так, мы сливались в единое целое, потому что теперь и я была частью общей сети.

Позади нас раздался рокот. Я обернулась и увидела, как в переборке, словно два подъемных моста, сдвинулись с места и опустились две панели, каждая шириною в три фута и четыре в высоту. Каждая была затянута белым материалом, как, впрочем, и углубления, открывшиеся под ними.

— Залезайте в коконы, — приказал Эльтор, — все до единого!

Я шагнула к углублению и в этот момент услышала донесение Джага о том, что «...Неллис поднялся самолет». Нечаянно моя стопа коснулась панели, и материал, которым та была обтянута, выбросил змеевидный отросток, который тотчас обвился вокруг моей ноги. В следующие мгновения я была с головы до пят окутана клубком этих змей. Они втянули меня в углубление, и вскоре я уже сидела, вытянув ноги и глядя прямо перед собой. Похожий на вату материал закрывал все мое тело за исключением носа и глаз. Сама панель опустилась на пол, так что мои ноги покоились в прямоугольном углублении, наполненном мягким шелковистым материалом.

— Какого черта! — воскликнул Дэниэл, когда змеевидный отросток кокона потянул вниз и его.

Дэн плюхнулся мне поперек ног, больно упершись коленями в бедра. И хотя он отбивался что было сил, «змеиный» клубок втянул его в одно со мной углубление. Причем чем отчаяннее он сопротивлялся, тем туже свивали его живые веревки.

— Дэниэл, — выдавила я из себя, задыхаясь под его тяжестью, — мне нечем дышать. Ты не пушинка.

— Извини, — пробормотал Дэниэл.

Просунув руки мне под талию, он сумел-таки немного поменять положение. Теперь я сидела у него на коленях. Ноги у обоих были вытянуты. Дэниэлу явно было неловко как в физическом, так и моральном смысле, и я ощущала это его смущение. В соседнем коконе Джошуа и Хизер тоже было тесновато вдвоем — они сидели, обнявшись, оплетенные веревками-змеями, но, с другой стороны, столь неожиданная близость не была им в тягость.

— Дэниэл, — обратилась я к своему «соседу».

— Ты уж извини, мне ужасно неудобно, но ничего не могу поделать, — попытался оправдываться он.

— Знаю, можешь не объяснять. Я о другом, что такое Неллис? Какой-то самолет поднялся в воздух с Неллис.

— Где ты это услышала?

— Джаг сообщил Эльтору.

— Неллис — это авиабаза возле Лас-Вегаса, — пояснил Дэн. — Судя по всему, в воздух там поднялись самолеты-перехватчики, чтобы раскрыть над нами что-то вроде зонтика. Они будут кружить над Йейгеровской базой и окрестностями, готовые броситься в погоню за любым летательным средством, что пожелает выяснить, что же там вылетело из ангара.

— А заодно, чтобы не дать нам взлететь? — докончила я его мысль.

— Да, — вздохнул Дэн. — Не удивлюсь, если в воздухе постоянно находится целая эскадрилья. Скорее всего это двадцать четыре машины, работающие посменно — шесть садится, шесть взлетает им на смену.

— А может Эльтор проскочить мимо них?

— Сомневаюсь, — признался Дэн.

Из коконов был виден только краешек экрана на капитанском мостике. Однако и его оказалось достаточно, чтобы увидеть, как рядом с кораблем сначала блеснула ослепительная вспышка, а вслед за ней в воздух поднялись клубы дыма, скрыв на мгновение разбросанные по асфальту остатки лесов. Гул все нарастал. Корабль накренился, и нас еще сильнее вжало в коконы.

В следующее мгновение Джаг поднялся в воздух. Внезапно связь между ним и Эльтором ослабла, нет, лопнула. Никто не услышал ни звука, и только я внутренним ухом ощутила душераздирающий вопль Эльтора. Лишь позднее я узнала, что поврежденные участки их общей сети возбуждали те из нейронов, что несли в мозг сигнал боли. Это не значит, что Эльтору действительно было больно, просто мозг, получая эти сигналы, интерпретировал их как боль.

Джаг завис на высоте нескольких футов над землей, с трудом преодолевая притяжение. На голографическом экране были видны клубы выхлопов. Судя по всему, какая-то из систем корабля не работала. Тем не менее Джаг кое-как сумел, покачиваясь в воздухе, приподняться над забором. Затем он поднялся чуть выше, зависнув над крышей второго ангара. Кстати, тот в мгновение ока ее лишился. Затем мы пролетели немного вперед, над взлетно-посадочной полосой. И на этом все кончилось.

Корабль покачнулся и резко потерял высоту. Двигатели то глохли, то пытались включиться снова. В конце концов мы рухнули на бетон. От удара я едва не потеряла сознание — впечатление было такое, будто мне кто-то под ребра с силой вогнал кулак. Руки Эльтора забегали по консоли, голос беспрестанно отдавал все новые и новые команды. Вместо того чтобы снова попытаться резко оторваться от земли, он с работающими двигателями вырулил на взлетно-посадочную полосу. Теперь мы устремились вперед по бетону. Джаг все время набирал скорость, и вскоре я ощутила, как чья-то невидимая рука вжала меня в кокон. Неожиданно земля ушла вниз, вернее, это мы взмыли в воздух.

С капитанского мостика донесся треск радиопомех.

— ...немедленно, — прорвался сквозь них чей-то бодрый голос, — повторяю, немедленно посадите корабль.

— У меня нет враждебных намерений, — ответил Эльтор.

До меня донеслось, как кто-то от удивления ахнул, а потом раздался нестройный хор голосов. Затем снова заговорил все тот же бодрый голос:

— В таком случае немедленно посадите ваш корабль и отпустите заложников. В случае неподчинения мы имеем все основания предположить, что ваши намерения враждебны по отношению к этой стране. Или даже планете.

В моем мозгу замелькали сообщения — это Эльтор обменивался данными с Джагом. Большая их часть была на иотическом, но встречались и отдельные куски на английском. То ли Джаг специально переводил для меня, то ли автоматически приспосабливался к моему мозгу, я не знаю. Но из знакомых мне слов и образов, производимых кораблем, ситуация была более или менее ясной — «зонтик» истребителей упорно не давал нам вырваться на свободу. Мы кружили на небольшой высоте, а Джаг пытался нащупать в этом зонтике слабое место.

— Если я сяду, то окажусь вашим пленником, — возразил Эльтор.

— В наши намерения не входит причинять вам вред, — ответил голос с базы.

— Почему я должен вам доверять?

— Доверие должно иметь отправную точку. Вы настаиваете, что у вас нет враждебных намерений. Докажите.

Эльтора душила злость, я услышала, как он произнес на родном языке: *Я не обязан вам ничего доказывать.* Однако он не дал словам сорваться с языка, а вместо этого произнес:

— Отзовите ваши машины.

— Но вы нарушили наше воздушное пространство, — отвечал ответственный за переговоры, — к тому же на боевой машине. Если вы откажетесь произвести посадку, чтобы остановить вас, мы будем вынуждены применить все необходимые в такой ситуации средства.

— Если вы откроете огонь по моему кораблю, — отвечал Эльтор, — я буду рассматривать это как враждебные действия по отношению к Сколийскому Имперскому Командованию.

Затем в эфире раздался другой голос. Этот второй был возбужден, он едва себя сдерживал:

— Мы не желаем вам зла! Нам бы хотелось вступить с вами в переговоры! Кому вы подчинены? Следует ли ожидать высадки на Землю ваших представителей? Откуда вы так хорошо владеете английским?

Эльтор отвечал медленно, старательно подбирая слова, то и дело сверяясь с псиберпереводчиком:

— Моему командованию известно мое местонахождение. Если вы будете продолжать удерживать меня, они интерпретируют ваши действия как враждебный акт.

В эфире снова раздался первый голос — холодный и бездушный:

— В околопланетном пространстве нами не обнаружено базового корабля. Ваш корабль был поврежден и брошен на орбите.

— Я уже связался с базовым кораблем, — возразил Эльтор.

— Нами не зафиксировано никаких радиосигналов с борта вашего корабля.

— Это потому, что ваши радиолокационные устройства примитивны, — отвечал Эльтор.

Я понимала, что он тянет время.

— Немедленно садитесь, — настойчиво повторил первый голос, — или мы открываем огонь.

На протяжении всего диалога с землей Джаг посылал Эльтору сообщения о состоянии их дел. Большая часть вооружений и навигационных систем были недоступны псиберсети. Но благодаря помощи Эльтора сеть постепенно восстанавливалась, хотя и с трудом. Пока корабль был не в состоянии отправить куда-либо сигналы связи. И на Йейгеровской базе это понимали.

— Им стоит больше опасаться того, что произойдет, если они тебя добровольно не отпустят.

— А случись им перехватить «МиГ», как, по-твоему, они бы его отпустили? — спросил Дэниэл.

— Но ведь это не самолет Восточного Блока. Он вообще из другой звездной системы.

— И его пилот почему-то говорит по-английски. И вид у него вполне человеческий. Он бросает корабль на орбите, а сам шпионит себе на планете? Где первым делом похищает женщину и совершает убийство. Да они там от страха уже, наверное, обделались.

— Ты согласился помочь.

— Помню. Я просто пытаюсь показать тебе, как это выглядит с их стороны. Почему они готовы открыть по нам огонь.

— Дэниэл, мы ведь можем погибнуть, — тихо проговорила я.

— Знаю, — выдавил он.

— Но ты хотел прокатиться.

— Хотел. Когда еще мне подвернется такая возможность? Кроме того, они приложат все силы, чтобы заполучить его живым.

— Наверное, ты прав, — согласилась я.

На капитанском мостике Эльтор пытался продолжить переговоры.

— Вы повредили мой корабль. Возможно, я не сумею произвести посадку.

— Вы можете катапультироваться? — спросил первый голос.

— Только я. Остальные нет.

Джаг попытался что-то ему передать. В это же самое мгновение что-то больно вдавило мне в грудь, буквально приплюснув к Дэниэлу.

— Ни хрена себе! — вырвалось у кого-то — Джаг определил этот голос как голос пилота одного из истребителей. — Ты только посмотри, что вытворяет этот сукин сын!

Давление сделалось невыносимым, грозя в буквальном смысле раздавить нас. Затем стало темно, затем опять посветлело и потемнело вновь.

Перегрузка прекратилась столь же неожиданно, как и возникла. Дэниэл подался вперед, ударившись об меня лбом, и мимо поплыл красный пузырь наподобие мыльного. Кое-как обернувшись, я увидела, что глаза Дэниэла закрыты, а из носа вытекает струйка крови. Оторвавшись, капли красными сферами невесомо парили в воздухе.

Я обернулась в другую сторону. Эльтор оторвался от кресла и подплывал к нам. В его движениях было нечто жуткое, словно он двигался под водой. Галстук на нем извивался угрем. Я попыталась отдышаться, а затем перевела взгляд на голографический экран — на нем виднелась картина того, что происходило снаружи. И потеряла сознание.

Глава 9
ПСИБЕРПОЛЕТ

— Кажется, она приходит в себя, — донеслись до меня слова Хизер.

Я устремилась из тьмы навстречу ее голосу.

— Тина? — спросил Эльтор. — Ты меня слышишь?

Я открыла глаза: на меня смотрела троица — Хизер, Эльтор и Дэниэл. Они сгрудились вокруг кокона, придерживаясь за поручни в переборке. Волосы извивались вокруг их голов, словно змеи. Нос Дэниэла больше не кровил, Хизер тоже выглядела молодцом. Эльтор сбросил наконец с себя ненавистный галстук и пиджак. Под рубашкой виднелся знакомый мне жилет. Он также успел избавиться от бороды и контактных линз. Правда, рубашка на груди была пропитана кровью. Внешне могло показаться, что ему не больно, но я уловила пульсирующую боль в плече.

Почему-то из моего кокона теперь видна была только одна переборка. Голографический экран куда-то пропал. Я хотела взглянуть еще раз, чтобы убедиться, что та потрясающая картина, что открылась до этого моему взгляду, была настоящей. Земля. Бирюзовый шарик, повисший на фоне звездного неба подобно драгоценному камню в мерцающем ожерелье Млечного Пути.

Возле моего носа проплыл механический карандаш. Волосы, высвободившись из-под парика, колыхались вокруг моей головы подобно темному облаку. Я попыталась встать, но вместо этого выплыла из кокона.

— Мы на орбите? — спросила я.

Эльтор обхватил меня за талию.

— Почти.

— Ты включишь снова голоэкран? — поинтересовалась я.

— Какой-какой экран? — удивилась Хизер.

— Голографический, тот, что на капитанском мостике. На нем можно увидеть Землю.

Эльтор подхватил меня, словно я была пушинкой. Наверное, так оно и было. Он подтолкнул меня к переборке, и мы с ним вместе поплыли в кабину пилота, расталкивая на лету паривши вокруг обломки. Наконец я увидела Джошуа. Бледный как смерть, он сидел с закрытыми глазами в одном из коконов.

— Что с ним? — испугалась я.

— Ничего особенного, — ответил Эльтор.

— Но на него смотреть страшно.

— Ему дурно, — пояснил Эльтор и поплыл дальше. — Такое часто случается в состоянии невесомости. Хизер тоже вырвало. А вы с Дэниэлом вырубились. Просто в кабине была не та пропорция кислорода.

Эльтор подтолкнул меня к сиденью пилота, и оно тотчас свило вокруг меня экзоскелет, а панель управления сжалась в размерах в соответствии с моими параметрами. На лицо мне наехало забрало, по которому тотчас побежали какие-то иероглифы. Ощущение, однако, было малоприятным, словно в капкане, и я оттолкнула забрало вверх. В основание позвоночника и шею мне тотчас потыкались щупы — видимо, в поисках несуществующих разъемов. Даже не имея с Джагом прямой связи, теперь я ощущала его гораздо сильнее. Спокойный. Беспристрастный. И слегка сбитый с толку. Он наверняка не мог понять, кто это попался ему «в лапы».

У меня в голове негромко раздавались его переговоры с Эльтором: мы не могли двинуться дальше, пока не закончатся восстановительные работы навигационного оборудования и двигателей. Нам крупно повезло, что мы сумели-таки выйти на орбиту — так называемую низкую полярную. Эльтору удалось соорудить временный поглотительный экран, так что с Земли нас пока еще засечь не могли.

Джаг также занимался подслушиванием переговоров на Земле. Власти полагали, что корабль — это наверняка разведчик, посланный впереди более крупного флота. До нас долетали обрывки споров. Кто-то упорно твердил, что нас нельзя сбивать, ведь никто не мог поручиться, что произойдет, если корабль взорвется. Другой голос с пеной у рта доказывал, что сбивать надо, и как можно скорее.

Где-то на заднем плане в моем мозгу жужжал отчет Джага об имеющемся в распоряжении Земли оружии:

...пусковые установки ракет дальнего радиуса действия... баллистические ракеты «Патриот»... ракеты типа «Рaптор», «Коготь»...

Джаг продолжал монотонно зачитывать список по мере того, как опознавал все новые и новые элементы оборонительных систем — не сомневаюсь, что для него это было сродни средневековым вооружениям. Возможно также, что в этой вселенной они назывались как-то иначе. Если Эльтор задавал вопрос, Джаг на него отвечал — чаще всего это касалось способности той или иной ракеты сбить нас за пределами атмосферы.

Эльтор «стоял» между командирским креслом и панелью управления, лицом ко мне. Для пилота это было довольно странное положение, но, как оказалось, вполне нормальное. Ведь

корабль загружал всю необходимую информацию ему прямо в мозг, независимо от того, в какую сторону он стоял лицом. Процесс, конечно, шел несколько медленнее, чем при непосредственном подключении, однако и так связь работала безотказно. Псиберсеть корабля посылала электромагнитные сигналы, в основном в инфракрасном диапазоне, а разъемы на теле Эльтора исполняли роль принимающих устройств.

Недалеко от нас проплыл желтый блокнот, испещренный какими-то каракулями. Эльтор оттолкнул его, и он поплыл прочь.

— Вы не могли бы убрать отсюда весь этот мусор? — обратился он к кому-то у нас за спиной.

Я обернулась и увидела, что на мостик выплывают остальные трое.

— Нет проблем, — откликнулась Хизер.

— Можете сложить все в коконы, — сказал Эльтор. — Они переправят мусор во временное хранилище.

Мои друзья принялись за работу. Я тоже попыталась встать с командирского кресла.

— Я должна им помочь.

У кресла же на сей счет было особое мнение. Оно отказалось меня выпустить.

Эльтор убрал мне со лба волосы. Там виднелся синяк — след от удара, когда на меня свалились обломки лесов.

— Думаю, тебе лучше посидеть. Ушиб довольно сильный.

— Со мной все нормально.

— Сиди, кому говорят, — повторил он с улыбкой.

— Эльтор, у тебя найдется пакет? — донесся голос Джошуа.

Я оглянулась. Джошуа парил посередине кабины, бледный как полотно. Эльтору было достаточно одного взгляда. Он открыл дверцу в переборке и вытащил оттуда что-то вроде трубы.

К Джошуа подплыла Хизер. Она что-то шепнула ему на ухо, чтобы никто больше не слышал. Однако Джаг тотчас перехватил ее слова и передал мне в мозг.

— Что с тобой?

— Извини, — пробормотал Джошуа. — Боюсь, что меня сейчас вывернет наизнанку.

— Зачем извиняться, — сказала Хизер и покраснела. — Ты оказался выносливее меня.

Эльтор подлетел к Джошуа и вручил ему конец трубы.

— В космосе вырвать может любого, даже бывалого астронавта. Нечего стесняться.

— Спасибо, — улыбнулся бедолага Джош.

Эльтор вернулся на капитанский мостик и вновь открыл переборку. На сей раз он вынул оттуда вазу, к которой с внутренней поверхности были прикреплены небольшие полусферы. Один за другим, светясь красным, из каждой такой полусферы вырос щуп.

Эльтор расстегнул манжеты рубашки и закатал рукава, так что снова стали видны его напульсники. Странное, однако, это было зрелище — мужчина в строгом костюме и черных кожаных напульсниках, словно какой-то уличный хулиган. Но имелся в этом и некий высший смысл — как типично это было для Джагернаута: способность убивать, с одной стороны, и высокие моральные принципы — с другой. Редкостные эмпатические способности и не менее редкостные боевые качества. Вместе взятые, они порождали дуализм, который, в свою очередь, предполагал таких офицеров, что предпочитали жить, повинуясь кодексу чести, постоянно балансируя между своей способностью к хладнокровному убийству и высокими этическими принципами. Неслучайно, что процент самоубийц среди Джагернаутов непомерно высок. Такова цена за попытку соединить несоединимое.

Эльтор повернул руку запястьем вниз, прижимая напульсник к одному из щупов.

— А это что такое?

— Сетевые модули.

Эльтор приподнял руку, и полусфера приподнялась вместе с ней. На плоской ее стороне зажегся красноватый огонек.

Эльтор сказал мне, что этот огонек — лазер. Проходя по микросети приборной консоли, он создавал разного рода дифракцию. Программа была задана таким образом, что панель контролировала форму сети, следовательно, и характер дифракции.

Полусферы переводили дифракцию в бинарный код и передавали ее в мини-сеть на запястье Эльтора. Эта мини-сеть исправляла мелкие ошибки, а более крупные передавала дальше в сеть биомеханическую. Мелкие ошибки устранялись при помощи команд, которые посылались полусферам. Те, в свою очередь, переводили команды в дифракцию, непосредственно восприни-

маемую панелью управления. Панель реагировала на эти изменения тем, что вносила исправления в соответствующие системы — до тех пор, пока создаваемая ими конфигурация сетки не совпадала полностью с дифракционным образцом.

— В случае более серьезных нарушений, — пояснил Эльтор, — эти полусферы исполняют роль диагностических приборов.

— И что они поведали тебе о состоянии Джага? — спросила я.

— Ничего хорошего, — поморщился Эльтор.

— Ладно, главное, ты прорвался, — ответила я, — а все остальное мелочи.

— Еще бы! — вмешался Дэниэл. — После того, как разнес на мелкие кусочки целую эскадрилью истребителей!

— Но я еще не дома, — заметил Эльтор и вернул на место полусферы.

Джаг продолжал нашептывать у меня в мозгу:

...превзойден радиус действия ракеты St-IY, полярная орбита, радиус 500 километров... навигационная система неисправна... предупреждение — включена система слежения, направлен радар... происходит коррекция данных...

И так на протяжении всего времени Джаг только тем и занимался, что потихоньку вторгался ко мне в мозг, исследуя его и так, и этак, словно хозяин на вечеринке, на которую забрел никому не известный гость.

Затем завыла сирена, и капитанский мостик засверкал огнями, словно рождественская елка. Кнопки управления тотчас оторвались от моего тела и перекинулись к Эльтору. Поврежденный компьютер был не в силах их контролировать. Дело кончилось тем, что Эльтор был вынужден опуститься на колени и оказался зажат между моими ногами и командной консолью, ко мне спиной. Он не стал терять понапрасну времени, пытаясь высвободить меня из кресла. Капитанский мостик изменил свои формы и очертания так, что теперь центральное место в нем занимал Эльтор, а я вроде как оказалась у него на плечах. Мне было слышно, как у меня за спиной остальные члены нашего «экипажа» торопились занять места в коконах.

Джаг пытался укрепить связь с Эльтором, но мозг пилота противился этому. Так что Джагу ничего не оставалось, как бомбардировать своими распоряжениями меня:

Предупреждение — поглотительный экран не работает... предупреждение — приближается боевой самолет ХВ-70 с пусковыми установками на борту... предупреждение — приближается выпущенная самолетом ракета.

Внезапно капитанский мостик пропал. Я же оказалась в космическом пространстве, посреди какой-то огромной золотистой решетки наподобие пчелиных сотов, состоящей из ячеек размером с человека. Нет, я чувствовала под собой командирское кресло, но виртуальная реальность была совсем как настоящая, такая яркая и живая. Далеко внизу подо мной виднелась Земля, сине-бирюзовая гладь океанских просторов, Америка же едва просматривалась из-за облаков.

Внутри ячейки справа от меня проплыли какие-то значки. Стоило мне переключить на них внимание, как ячейка эта разрослась до гигантских размеров, вытеснив из поля зрения все остальные. Из нее потоком прямо мне в мозг хлынула информация: траектория ракеты, ее тип, система наводки и многое другое, и все в виде каких-то совершенно непонятных мне символов и аббревиатур. Я была просто не в силах воспринимать эти данные — с такой скоростью попадали они ко мне в сознание. И как только Эльтор успевал вовремя ее перерабатывать?

И снова, стоило мне о нем подумать, как информационный поток отступил куда-то на второй план, а вместо него в одной из ячеек возникла какая-то фиолетовая пульсация. Джаг вновь принялся забрасывать меня данными, но уже иного рода:

...рост 194 см, вес 114 кг, глаза фиолетовые, класс гуманоидов, гамма...

Ага, это, конечно же, об Эльторе. Джаг информировал меня о его «параметрах».

Затем по решетке словно прошелся луч прожектора и остановился на моей ячейке. Вскоре он замигал, и поступление данных прекратилось. Прямо передо мной пульсирующий фиолетовый пучок начал менять очертания. У него «выросли» руки, ноги и голова. Когда метаморфозы прекратились, там, повернувшись лицом к Земле, стоял Эльтор. Тело его было словно сотворено из фиолетового свечения. Настигающие нас ракеты появились на сетке в виде красных движущихся точек. Оказывается, это Джаг пытался разъяснить мне ситуацию самым доходчивым образом и поэтому все время менял картинки.

Столкновение ожидается через шесть минут, передавал Джаг.

Эльтор метнул в сторону стаи ракет белый шар, и тот полетел по золотой сетке.

Где-то на самом краю поля зрения я заметила какое-то серое расплывшееся пятно. Джаг уловил, что я переключила внимание, и передо мной возникло увеличенное изображение спутника с американской символикой на корпусе. На нем вращалась башня, из которой затем ударил ослепительный луч. Усиленный решеткой, он наверняка казался еще ярче, чем на самом деле. Джаг тотчас предоставил мне статистику:

...когерентное излучение... дальний радиус действия... столкновение через секунду.

Затем моему взору предстало компьютерное изображение лазерного луча. Он бился о нашу решетку подобно мощной струе.

Девяносто процентов энергии столкновения поглощено или отражено лазерным щитом, подумал Джаг.

И тотчас вновь принялся забрасывать меня информацией: щит представлял собой плазменную преграду, отражающую рентгеновское излучение. К сожалению, щит оставался проницаем для электромагнитных волн более низких частот. В одной точке, где плазма пересекалась с корпусом, сквозь защитный экран наружу высунулся щуп — такой, какому были не страшны средние дозы радиации.

Шар, брошенный Эльтором в сторону роя красных точек, достиг своей цели, поразив ракеты в его центре. Правда, те, что располагались по его краям, избежали столкновения. Шар исчез, а вместе с ним и три точки. Было что-то жуткое в том, как они словно растворились в полной тишине — никакого взрыва, никакой вспышки.

В космическом пространстве отсутствует вещество в газообразном состоянии, поэтому здесь невозможно формирование облака раскаленного газа, как то бывает в воздушной среде, пояснил дотошный Джаг.

И, словно ему этого объяснения показалось мало, добавил:

Восемьдесят девять процентов возникшего в результате попадания рентгеновского излучения поглощено или отражено плазменным щитом.

Что ж, возможно, в космосе бомбы и могут взрываться бесшумно, зато на земле шум поднялся такой, что у меня заложило уши. Пилот самолета-преследователя вопил в микрофон:

— Нет здесь, к чертовой матери, никакого базового корабля. Этот сукин сын щелкает нас, как орехи!

Радары зарегистрировали новые взрывы в околоземном пространстве, вслед за которыми раздались новые, на Земле, — взрывы эмоций и отборных ругательств. Кто-то предлагал прекратить обстрел, другие во всю глотку кричали, что надо проучить незваного гостя, показать ему что почем. Ясно было одно — Земля перепугалась не на шутку. Крошечный кораблик не нуждался ни в какой базе. Зато у этой «детки» имелись зубки, и притом острые.

Эльтор швырнул в сторону ракет еще один шар. Правда, у него возникли трудности с наведением цели. Как только шар пролетел сквозь решетку, стало ясно, что ему никогда не поразить цель. Эльтор попробовал еще раз. Результат оказался еще хуже. Шары пытались приблизиться к рою ракет, но либо система наводки была повреждена, либо ракеты каким-то чудом увертывались в сторону.

Золотая перекладина над головой Эльтора неожиданно стала гибкой, подобно плющу. Еще мгновение — и она обвилась вокруг его запястья. Когда Эльтор в очередной раз замахнулся, чтобы швырнуть еще один шар, плющ своей упругостью скорректировал его движение. Связь между мозгом Эльтора и системами корабля упрочилась. Зато Эльтор вскрикнул от боли. Его крик эхом прокатился по решетке. Плющ, лопнув, тотчас оборвался с его запястья и повис, болтаясь, словно кусок резины. А вскоре его изображение и вообще превратилось в размазанное фиолетовое пятно. Затем он, правда, появился вновь, только вот очертания его на сей раз были не такими резкими.

Ошибка системы наводки в 64 %, информировал меня Джаг.

Джаг!!! — В моем мозгу то и дело раздавался мысленный призыв Эльтора: *Переключись на навигацию...*

Предупреждение, бесстрастно докладывал компьютер, *навигационная система неисправна.*

Джаг, ну пожалуйста, подумала я.

От решетки отделилась нить и обвилась у меня вокруг головы.

Слушаю.

Ты не мог бы объяснить мне, что там не так с навигацией?

Решетка под ногами у Эльтора засветилась ярче, освещая перекладины, что образовывали основание куба. Только теперь

это были не перекладины, а кольца огромного золотого каната. И он разматывался.

Эльтор выпустил из рук шары и ухватился за конец навигационного «каната», словно пытаясь помешать ему разматываться дальше. Шары отплыли от него и принялись блуждать по ячейкам решетки.

Контроль за навигационной системой восстановлен, констатировал Джаг. *Сбой в работе боевого интерфейса.*

Эльтор тотчас выпустил из рук конец каната и вновь схватил шары. Стоило одному из них прикоснуться к его ладони, Джаг подумал:

Целостность боевого интерфейса восстановлена на 21 %. Сбои в работе навигационной системы.

Я подалась вперед. Мои руки, светясь каким-то голубым светом, потянулись сквозь решетку. Они становились все длиннее и длиннее, пока наконец не дотянулись до куба, в котором находился Эльтор. Я ухватилась за конец каната у его ног.

Целостность навигационной системы восстановлена, доложил Джаг.

Эльтор резко обернулся в мою сторону.

Тина, живо вон из системы! Это может повредить твой мозг!

Займись бомбами, подумала я в ответ и вернулась в свою ячейку, увлекая вслед за собой конец навигационного каната. Он тянулся до тех пор, наматываясь мне на руку, пока голубая кожа не дала трещину и на решетку не начали капать сгустки электричества.

Эльтор сделал резкое движение, посылая навстречу ракетам еще несколько шаров. Я видела, как они устремились к цели. Ракеты были теперь гораздо ближе к нам, поэтому шары долетели до них быстрее. Большая их часть пролетела мимо, однако они изменили траекторию, обойдя ракеты сзади, и пустились за ними вдогонку. Теперь шары преследовали цели буквально по пятам.

Несколько красных точек исчезли. Остались только две.

Ошибка системы наведения 84 %, доложил Джаг.

Эльтор выругался и, выхватив из решетки над собой перекладину, разломил ее пополам. Одна половина осталась у него в руках, вторая же начала удлиняться, пока не восстановила края куба. Та, которую он держал в руках, постепенно приняла

очертания массивного ружья. Оно еще не закончило свои метаморфозы, но Эльтор уже приставил его к плечу.

И выстрелил. Из ствола виртуального ружья вылетел луч, и Джаг вновь начал засыпать меня статистикой:

...фокусированный луч... пучок антипротонов... проникновение частиц в ядро... высвобождение из связанного состояния...

Тем временем луч поразил оставшиеся точки.

Их тотчас не стало. Словно не бывало. В безмолвии над пустыней. Эльтор сделал громкий глоток воздуха и опустился на колени.

Произведен пуск ракет в квадранте 16, бесстрастно доложил Джаг.

На решетке возник новый рой красных точек.

Эльтор поднялся на ноги вместе со своим исполинским ружьем. Он двигался медленно, словно это виртуальное ружье было ему невподъем. Изображение Эльтора сначала дрогнуло, но потом вновь стало резким.

Неисправна система наводки, констатировал Джаг.

Нееееет! донесся голос Эльтора.

Переключаюсь в режим поддержки, произнес корабль.

Однако почти тотчас доложил:

Невозможен доступ к соответствующим модулям.

Я попробую сам, подумал Эльтор.

Он потянулся к серым ячейкам позади золотого куба, в котором мы с ним находились. Его рука становилась все длиннее и длиннее.

Рука вытянулась и стала настолько тонкой, что казалось, еще миг — и она оторвется от тела. Веревкой она повисла сквозь решетку, словно под действием груза, и из плеча началась перекачка данных. Изображение исказилось до неузнаваемости, а затем и вообще слилось с решеткой, оплыло, словно воск на свече. Зато по виртуальному кубу разносился крик Эльтора. И по мере того как меркло изображение, крик этот тоже становился тише.

Я осталась один на один с боеголовками.

Джаааааг!!!

Мой мысленный голос мячиком отскакивал от решетки.

Тотчас ко мне навстречу метнулась нить.

Слушаю.

Эльтор погиб?

Связь с командиром Селеи прервана.

Господи, что он хочет этим сказать?

Связь с командиром Селеи прервана.

И затем:

Мои интеллектуальные функции ослаблены. Я потерял возможность работы в автономном режиме. Введи команды.

Команды?

Увези нас отсюда, подумала я.

Навигационные системы неисправны на 94 %. Аварийные системы недоступны. Не имею возможности выполнить команду.

Тогда взорви бомбы.

Система наведения выведена из строя. Поврежден интерфейс координации действий навигационной и боевой систем. Аварийные системы недоступны. Не имею возможности выполнить команду.

Мне, конечно же, меньше всего хотелось отправить нас всех в мир иной.

Ты можешь сделать нас невидимыми?

Нет. Защитный экран неисправен.

Что с ним?

Коды, задающие его параметры, повреждены.

Покажите мне это так, чтобы я поняла.

Смотри.

И я посмотрела. Небо нависло прямо сквозь решетку.

Что это?

Репрезентация кода.

И тогда я увидела сбои. Они напоминали трещины, целый лабиринт трещин, пересекавший небо во всех направлениях, от чего оно казалось гигантской мозаикой.

Почини небо, мысленно приказала я.

Уточни понятие «починить».

Приготовь штукатурку.

Уточни понятие «штукатурка».

Ну, что-то вроде извести. Затем замажь ею трещины.

Экран представляет собой сочетание энергетических полей, проекций электромагнитных волн различной длины, модуляций физических характеристик корпуса и обманных маневров. В нем нет трещин.

Я указала на потрескавшееся небо у меня над головой.

Приготовь штукатурку и залепи трещины.

Уточни новый код.

Но я не знаю как. А ты?

Повреждения в моей сети привели к переносу информации в неверные адреса памяти и стерли основные связи.

Что ты имеешь в виду?

Что полученные мною повреждения серьезны и не позволяют мне переписать собственный код.

Я задумалась и еще глубже погрузилась в сознание Джага. И хотя я лишь смутно представляла себе, что происходит, в действительности мои способности помогали кораблю восстановить его мозг. В некотором смысле я помогала ему исцелиться, точно так же, как помогла Эльтору. Тогда же мне было ясно одно — Джаг нуждается в подсказках, как ему починить «небо», что позволило бы переписать поврежденный код.

Штукатурка должна быть густой и хорошо заполнять трещины, сказала я ему, *но, с другой стороны, не слишком, чтобы не мешать действию «неба».*

Джаг призадумался.

Я могу восстановить только часть кода, наконец произнес он. *Вероятность успеха поднялась с 0.4 % до 11 %.*

Нет, одиннадцати процентов явно недостаточно. Но рой ракет приближался с каждым мгновением. Осталось разве что...

Столкновение ожидается предположительно через 93 секунды, доложил Джаг.

Думай, приказала я себе.

Джаг, ну, пожалуйста, штукатурка должна быть эластичной, она не должна крошиться, когда небо изгибается. Но с другой стороны, она должна прочно держать небо и не давать ему развалиться. А еще она должна быть гладкой, чтобы не мешать работе... этой, как ее... решетки. Она также должна... да-да, что должна? *По мере изменения неба она должна менять консистенцию.*

Вероятность успешного завершения операции достигла 43 %, отрапортовал Джаг.

Трещины на небе побелели, словно их и впрямь замазали алебастром. Ничего другого не произошло.

Столкновение ожидается предположительно через 22 секунды.

Первая из красных точек достигла решетки — той ячейки, где стоял Эльтор.

И?..

Ракета исчезла.

Что случилось? спросила я.

Волновая модуляция снизилась до 13 %.

Что это значит?

Нам не выдержать второго прямого попадания.

Прямого попадания?

Но ведь я ничего не увидела и не почувствовала.

Следующее столкновение ожидается предположительно через 11 секунд, доложил Джаг.

Я сильнее потянула канаты систем управления, подталкивая корабль к изменению курса. Я понятия не имела, в какую сторону мы уклонились. Зато мгновенно почувствовала перегрузку. Тело Эльтора отбросило мне на колени. Ракеты пролетели там, где всего считанные секунды назад находился Джаг.

Я не смогу долго выдерживать перегрузки, доложил Джаг и добавил: *С Европейского квадранта выпущены ракеты типа «воздух-воздух»*.

На решетке возник очередной рой красных точек. Он двигался к нам со стороны Западной Европы.

Джаг, мысленно обратилась я к кораблю, *возьми наждак и затри эти чертовы трещины, чтобы их не было видно.*

Аварийный код восстановлен.

На нас черным бархатом опустилась тьма. Решетка сияла на ее фоне золотом, а навстречу нам мчалась целая стая ослепительных искр — ракет.

Защитный экран восстановлен, доложил Джаг.

Я снова дернула за навигационный канат, в очередной раз меняя курс корабля. Перегрузка тотчас дала о себе знать, но я решительно стиснула зубы.

Ракеты в состоянии нас обнаружить?

Да. По выхлопным газам.

Предупреждение: навигационная система неисправна. Предупреждение: в случае продолжения ускорения перегрузки нанесут моей структуре необратимые повреждения.

Выбери курс и избавься от выхлопных газов.

Изменение курса выполнено, отрапортовал Джаг.

Сила, что только что вдавливала Эльтора мне между колен, исчезла, а навигационные канаты перестали рваться. Более того, их поврежденные участки прямо на глазах вновь становились целыми.

Сейчас нам ничего не грозит? мысленно поинтересовалась я.

Нет. Предполагаемая вероятность прямого попадания колеблется в пределах 8—27 %.

Это уже лучше, чем было.

Более точная оценка невозможна.

Я хочу посмотреть на Эльтора.

Командир Селеи отклю...

Я хочу сказать, выпусти меня из решетки.

Выпускаю.

Постепенно передо мной снова возник капитанский мостик. Ощущение было такое, будто весь мозг у меня в синяках. Эльтор тяжело навалился на панель управления. Я обернулась и увидела Дэниэла. Он сидел в одном из коконов. Джошуа и Хизер прижимались друг к другу во втором.

Я отвернулась и положила руки Эльтору на спину.

Джаг, он жив?

Он отключен.

Объясни, что это значит?

Его операционная система временно прекратила функционировать. Его мозг не реагирует на ввод информации.

Ты хочешь сказать, что у него не работает мозг?

Нет, внутримозговая деятельность не прекратилась. Но он без сознания.

Мы можем ему помочь?

Я могу перезагрузить его мозг.

Это ему не повредит?

Каждый раз, когда он перенапрягается, это наносит вред его мозгу. До завершения восстановительных работ его псиберинтерфейс должен использоваться лишь для усиления его псиберсвязи с тобой.

Но почему только со мной?

Взаимодействие между вами не является синтетически созданным, пояснил Джаг. *И может осуществляться без непосредственного участия его сети. Усиление этой связи не должно наносить дальнейший вред его системе. Но может способствовать восстановительным работам.*

Почему?

Потому что ты целительница. Ты способна осуществлять обратную связь со своим телом и до известной степени посредством твоих центров Кайла делать то же самое у других.

Совсем как моя мать.

Так чем я могу ему помочь?

Я не располагаю достаточной информацией, чтобы дать количественную оценку твоему уровню Кайла.

Моего уровня?

Да, я не в состоянии дать числовой показатель.

А... Интересно, мозг Эльтора пострадал из-за того, что произошло в решетке?

Да, подтвердил Джаг.

И сильно?

Он не в состоянии функционировать. При правильных действиях он исцелится.

Предположим, ты его перезагрузишь, причинит ли это ему новый вред?

— Нет.

— Тогда перезагружай.

И вновь вокруг меня возникла решетка. А затем полностью исчезла. Ни сетки, ни Земли, ни неба, ничего. Одна чернота.

Эльтор застонал и пошевелился. В темной бездне моего сознания побежали какие-то иероглифы — белые по иссиня-черному фону. Джаг что-то промурлыкал на иотическом. Судя по всему, Эльтор использовал его по умолчанию. Решетка появилась вновь, а с ней и Земля. Данные заструились сквозь решетку в виде калейдоскопа символов вместо картинок, которые были мне куда понятнее. Затем прямо напротив моей ячейки возникло подрагивающее изображение Эльтора, на этот раз лицом ко мне.

С тобой все в порядке? спросила я.

Он заговорил на своем языке.

Перенастройка языкового модуля, подумал Джаг.

От неожиданности я заморгала. С кем же все же я беседую, с Эльтором или с кораблем?

Это одно и то же, ответил Эльтор.

Поскольку Джаг переводил, то по-английски он говорил безупречно, вернее, безупречно в том смысле, что это был тот немного странный английский, которым владел Джаг.

Как ты восстановила защитный экран?

Догадалась, мысленно ответила я, *но большую часть работы он сделал сам.*

Знаешь, Тина, это весьма мощная «догадка».

Изображение Эльтора подрагивало фиолетовым светом.

Мне, право, жаль, что тебе пришлось взять на себя это сражение.

А как ты?

Мне не хотелось думать о том, что это такое — сражаться против живых людей, а не против машин. Ощущал ли он их стремление убить его? Чувствовал ли он, как они умирают?

Да

Изображение слегка померкло.

И как ты это выносишь?

Было время, когда мне ужасно хотелось стать пилотом Джагернаута, так что я физически ощущал это свое желание. Эльтор вздохнул. *Но вскоре я понял, что в этом нет ничего героического. Просто кто-то должен это делать.*

Я положила ему на грудь руки, и мое голубое свечение смешалось с его фиолетовым.

Я верю, что есть лучший способ защитить то, что мы любим, нежели убивать при этом других людей.

Что ж, может, однажды мы его и найдем, негромко ответил Эльтор.

После ракетной атаки все как-то притихли. На протяжении остального полета Хизер, Джошуа и Дэниэл молча парили у голоэкрана, наблюдая, как перед ними разворачивается космическая панорама. Пока Эльтор занимался восстановлением систем корабля, я взяла на себя решетку, чтобы он мог видеть ее посредством моего сознания. Земля продолжала наши поиски, но защитный экран пока что действовал безотказно.

Наконец Эльтор закончил свои труды и отложил инструменты.

— Ну, все починил? — поинтересовалась я.

Эльтор покачал головой:

— Нет, мне надо еще кое-что сделать. Правда, сначала я предпочел бы переместиться подальше от Земли, в более безопасное место. Но прежде всего необходимо вернуть заложников.

Эльтор прикоснулся к экзоскелету вокруг моего тела, и тот открылся, выталкивая меня из кресла.

— Пока мы будем садиться, ты можешь посидеть в коконе. Но как только улетим отсюда, я оборудую для тебя кресло второго пилота.

Я встала с кресла. Дэниэл, Джошуа и Хизер парили в кабине, прислушиваясь к нашему разговору.

— Ты нас отпустишь? — спросил Джош Эльтора. Тот кивнул, и лица моих друзей засветились радостью.

После того как Эльтор в одностороннем порядке был вынужден изменить «условия» договора, у них были все основания не доверять ему.

— Ваши военные наверняка станут вас допрашивать, — добавил Эльтор. — Скажите им, что я угрожал убить вас в случае сопротивления. И что я взял Тину в заложники. Это должно вам помочь.

— Боюсь, у Джошуа это вряд ли получится, — заметил Дэниэл с натянутой улыбкой. — Врун из него никудышный.

Услышав такие слова в свой адрес, Джош бросил на друга испепеляющий взгляд, но спорить не стал. Все прекрасно знали, что это так.

— Это не ложь, — тихо возразил Эльтор, — если бы понадобилось, я бы убил любого из вас.

Нет, у него и в мыслях не было ничего подобного, но они ему поверили. А это самое главное. И если они поверили его словам, то, в свою очередь, любой, кто станет их допрашивать, поверит в сказанное ими.

Когда мы подлетели к Калтеху, солнце уже садилось. Собственно говоря, мы возникли там ниоткуда. Просто вынырнули из красноватого золота заката и зависли над библиотекой. Во время приземления поднялся ужасный ветер, и студенты с криками бросились врассыпную. Обжигающие выхлопы моментально испепелили траву, и вокруг корабля взметнулось гигантское облако пыли. Повсюду валялись брошенные в панике владельцами или вырванные у них из рук мощным ветром книги и тетради.

Как только мы сели, Эльтор выпрыгнул из кресла и подошел к воздушному шлюзу. Времени у нас было в обрез. Даже если нас еще не засекли, все равно истребители могли появиться здесь с минуты на минуту. Пока мы вылезали из коконов, Эльтор открыл шлюз, и внутрь корабля ворвался порыв горячего воздуха. Снаружи, в сотне ярдов от нас, уже собралась внушительных размеров толпа.

Джошуа повернулся ко мне, и мы обнялись, как старые добрые друзья.

— Тина, — произнес он прерывающимся голосом, — прощай.

Я почувствовала, как у меня по щеке скатилась слеза.

— Мне будет тебя недоставать.

— Смотри береги себя.

Джош крепко сжал меня, затем резко отпустил и вслед за остальными шагнул к шлюзу.

— Спасибо вам всем, — негромко произнес Эльтор. — Вы спасли мне жизнь.

— Счастливого вам пути, — сказал Дэниэл и добавил: — Обоим.

Хизер и Джошуа кивнули в знак согласия. Затем все трое спрыгнули на землю и бегом бросились прочь.

Мы же снова взмыли в небо. Я наблюдала за ними на голоэкране. Они смотрели на нас, окруженные толпой любопытных. Постепенно их обращенные в нашу сторону лица слились с наступающими сумерками.

Глава 10
ИНТЕРЛЮДИЯ

Где-то чуть выше нас проплыл Сатурн — золотистый гигант в обрамлении своих знаменитых колец. Их у него было не менее сотни. Мне они показались бронзовыми дорожками гигантской граммофонной пластинки. Эльтор лег на орбиту вокруг одного из спутников Сатурна — Реи. Я подплыла к голоэкрану, чтобы лучше рассмотреть небесный гигант. При этом я машинально принялась вращать на руке свой браслет, и мне вспомнилась мать.

— Ну все, — произнес Эльтор.

В воздухе парили его руки и ноги, а сам он был спрятан за переборкой.

— Нашел наконец, что не так? — спросила я.

— Двигатели, — ответил он и полностью приплыл в кабину, где завис под углом ко мне. — Повреждены оба инверсионных двигателя и защитный экран.

— Ты можешь сам их починить?

— Попробую. — Эльтор улыбнулся, глядя, как я кручу на руке браслет. — Нет более изящного украшения, чем кусок выхлопной трубы.

— Я всегда мечтала передать его по наследству собственной дочери, — робко возразила я.

Эльтор понял все, что осталось недосказанным.

— А я, Тина, уже давно мечтаю о том, как бы мне стать отцом. Но пока не хочу давать никаких обещаний. Верно, у нас с тобой много общего. Но кто знает, вдруг этого окажется недостаточно?

— Но все-таки можно надеяться?

— Думаю, что можно. Надо будет поговорить с врачами.

С этими словами Эльтор прикоснулся к квадратику на переборке, и панель открылась. В нише оказались два скафандра.

— Ты собираешься в открытый космос? — удивилась я.

— У Джага повреждены функции самовосстановления. Придется кое-что чинить вручную.

Эльтор сбросил с себя одежду и повесил ее в нишу. При виде его наготы я покраснела, но он только улыбнулся. Затем он облачился в скафандр, который тотчас принял очертания его тела. Надо сказать, что скафандр этот мало чем походил на космический костюм двадцатого века.

Собственно говоря, это был не скафандр, а вторая кожа. Уж если проводить сравнение дальше, то громоздкий и тяжелый костюм астронавта моего столетия был как телега с лошадью рядом с гоночным автомобилем. В двадцатом веке космический костюм был многослойным, начиная с внутренней нейлоновой подкладки, за которой шел промежуточный слой, удалявший излишки тепла и газы при помощи циркулирующей по тонким трубкам воды. Затем шел слой для поддержания постоянного давления, неопреновый слой для защиты от микрометеоритов, алюминиевый изоляционный и внешний защитный. Шлем же скорее напоминал аквариум. А чего стоили перчатки с силиконовыми пальцами, чтобы можно было при необходимости работать инструментами. Они крепились к скафандру при помощи металлических колец на шарикоподшипниках, что обеспечивало подвижность кисти. На спине у космонавта находилось нечто вроде огромного рюкзака, только это был не рюкзак, а небольшой реактивный двигатель, который позволял маневрировать в открытом космосе. А еще ска-

фандр был снабжен телекамерой, канатами, солнечными батареями, компьютером, микрофоном и ботинками. Даже без заплечного рюкзака весил этот монстр сто тринадцать килограммов!

Костюм Эльтора сидел на нем как влитой. Модули питания были встроены в пояс. Капюшон плотно облегал голову. Лицо закрывал слой прозрачного пластика. Нанороботы пронизывали «кожу», придавая ей прочность и эластичность: множественные связи служили роботам руками, химические группы выполняли роль переключателей, круглые молекулы — подшипников и так далее. Плотная сетка фуллефреновых волокон выполняла роль мышц, гораздо более прочных и сильных, чем настоящие. Нанороботы поглощали энергию, выделяемую при их сокращении, и затем использовали ее для растягивания кожи. А пико-чипы роботов образовывали сеть, своего рода кожную мыслительную систему. Тонкая пленка на внешней поверхности выполняла роль солнечной батареи и, кроме того, передавала в пико-сеть информацию о давлении. К пальцам Эльтора тотчас устремлялись нанороботы. В результате у него возникало ощущение, будто он прикасается к предметам без какого-либо промежуточного защитного слоя. Та же самая пико-сеть отвечала за рециркуляцию отходов жизнедеятельности и при необходимости посылала нанороботов на восстановительные работы.

— Скоро вернусь, — произнес Эльтор через стекло.

Взяв с собой диагностическое оборудование, он шагнул к воздушному шлюзу. Внутренняя дверь раскрылась, оставив после себя лишь легкое разноцветное свечение, словно в образовавшемся отверстии повис мыльный пузырь. Затем внутренняя дверь закрылась, зато начала открываться внешняя. Почему-то мне показалось, будто синхронизация нарушена: внешняя дверь начала открываться еще до того, как полностью захлопнулась внутренняя. Правда, я не почувствовала никакого изменения давления.

Когда Эльтор уже был снаружи, я громко позвала Джага.

Слушаю.

Опять-таки я почему-то ожидала, что он заговорит вслух.

Как тебе удалось так быстро установить со мною мысленный контакт?

Распределение квантовой вероятности твоего мозга в настоящий момент максимизировано в тех же пространственных границах, что и мои процессоры. В результате имеет место значительное наложение функций.

Я попробовала мысленно среагировать на его «объяснение».

Что это значит?

Наше влияние друг на друга увеличивается по мере пространственного приближения. В настоящий момент ты находишься внутри меня.

Тогда почему Эльтору необходимо подключаться к тебе? удивилась я.

Его система дает возможность более обширного взаимодействия, чем это может быть достигнуто без наличия физической или электромагнитной связи.

Ему там, снаружи, ничего не грозит?

Ничего. Смотри.

На экране возникло голографическое изображение Эльтора — он медленно двигался вдоль корпуса корабля. Стоило ему поменять направление движения, и его костюм начинал мерцать и искриться.

Искры представляют собой отображение реактивных струй, производимых костюмом, пояснил Джаг. *Костюм подсоединен к разъемам на его теле. Эльтор направляет его посредством мысли.*

Я вспомнила, что мне сказал Джаг об использовании Эльтором биомеханической сети.

А это не опасно?

Это может усугубить повреждения в его нервной системе. Мануальный и аудиоконтроль были выведены из строя специалистами Йейгеровской базы. Нервные связи работают только потому, что на базе не подозревали об их существовании.

В золотом сиянии Сатурна Эльтор прикрепил свои инструменты к кораблю и принялся за работу. Сосредоточившись, я уловила мысленные переговоры Джага с его костюмом. Впечатление было такое, будто для корабля пилот — это какое-то особо ценное и дорогостоящее оборудование.

Верно, подумал Джаг, *он принадлежит мне.*

Кому? Джагу? Я даже не знала, как к этому отнестись. Интересно, а не видит ли корабль во мне соперника?

Слово «соперник» в этом контексте лишено смысла, отвечал корабль. *У него есть потребность в тебе. В твоих интересах*

обращаться с ним так, как у людей принято обращаться с теми, с кем у них установлена взаимная приязнь в целях продолжения рода.

Не волнуйся. Буду.

Хорошо. Мы понимаем друг друга.

Время, проведенное Эльтором в открытом космосе, показалось мне вечностью. Наконец он вернулся. Я проплыла через кабину, чтобы обнять его, и мы с ним закружились на месте. Эльтор обхватил меня за талию. Смеясь, он стащил с себя капюшон и отбросил на спину.

— А что смешного? — спросила я.

Эльтор ухватился за поручень, и мы прекратили вращаться.

— Интересно, станет ли это моей обычной реакцией всякий раз после того, как я поработаю в открытом космосе?

Я прижалась к его груди.

— Ты больше туда не выходи.

— Если я все правильно сделал, то мне больше не понадобится.

Эльтор переоделся, после чего сел в командирское кресло, чтобы проверить, все ли в порядке. Я осталась плавать поблизости.

Джаг, ты не мог бы оборудовать кресло второго пилота?

Могу.

Из пола капитанского мостика выросло второе кресло и встало рядом с креслом Эльтора. Переборка при этом слегка отъехала в сторону, уступая место. Экзоскелет уже лежал открытым, подобно раскинувшей крылья бабочке. Не успела я опуститься в кресло, как он обернулся вокруг меня, принимая очертания тела и давая мне полную свободу движений.

— Ты случайно не знаешь, какая у Хизер фамилия? — спросил Эльтор.

— Вроде бы Макдейн.

На плоской полке напротив Эльтора возник голографический экранчик размером не больше двенадцати дюймов. На нем была изображена женщина лет пятидесяти. Ее волосы уже кое-где тронула седина. По низу экрана бежала полоска иероглифов.

— Читаю, — произнес Эльтор. — Хизер Роуз Макдейн Джеймс. Лауреат Нобелевской премии в области физики за 2027 год. Разработала так называемые Джеймсовы реформулировки

теории относительности, что позднее сделало возможным создание инверсионного двигателя.

— Эй, — воскликнула я, — так ведь это Хизер!

— Ввожу полный текст статьи.

На экране появились изображения: худощавый мужчина с до боли знакомыми чертами лица и три девочки, от четырех до двенадцати лет. Джаг прокрутил информацию, касающуюся даты рождения Хизер, образования и работы. После чего пояснил: муж — Джошуа Джеймс. Дети — Кэтлин Макдейн Джеймс, Тина Пуливок Джеймс, Сара Роуз Джеймс.

Я даже ахнула от изумления и поспешила прикрыть рот рукой.

— Хорошее имя они дали дочери! — улыбнулся Эльтор.

Он сосредоточенно наклонился вперед, и мне показалось, будто он хочет поднять еще один экран. Но по его лицу пробежало лукавое выражение, словно вылетел из бутылки джинн.

— В чем дело? — не выдержала я.

— Что ты сказала? — посмотрел он на меня. — Да так, ничего. Просто нам надо отправляться в путь.

Ах вот оно что. Раз надо — значит надо.

Мы отлетели от Сатурна. Эльтор включил голоэкран, и я с любопытством наблюдала за нашим перемещением в пространстве. Правда, мы не могли видеть свой корабль, поэтому Джаг создал изображение, основанное на данных о самом себе. Надо сказать, оно получилось таким убедительным, что я не почувствовала особой разницы.

Затем я обратила внимание на одну весьма странную вещь. Очертания Джага почему-то сделались не такими обтекаемыми, как раньше.

— Какие-то мы сплюснутые.

Эльтор сосредоточился на панели управления и поэтому ответил на родном языке. Но Джаг перевел для меня:

Так удобнее для инверсии.

Мне хотелось расспросить его поподробнее, но, с другой стороны, я не хотела отвлекать его в такие важные минуты.

— Можешь спрашивать, — отозвался Эльтор. — Сейчас происходит обмен информацией.

Нет, я, конечно, чувствовала, как его мозг ведет интенсивный диалог с различными узлами в сети Джага, но тогда мне еще было неведомо, что и я сама превратилась в такой узел, и

он подключался ко мне, когда иссякали его собственные псиберресурсы. Эльтор объяснил мне, что, если бы кто-то мог наблюдать наш полет на скорости, приближенной к световой, им бы казалось, что по мере приближения к скорости света Джаг словно становился короче. После инверсии он снова вытянется, а при движении со скоростью в 1,41 световой его длина станет для внешних наблюдателей такой же, как и в состоянии покоя. При скорости, превосходящей 1,41 световой, его длина вновь возрастет.

— Во время прыжка, — объяснил Эльтор, — она, возможно, достигнет нескольких тысяч километров.

— Ого, — я даже присвистнула, — ты хочешь сказать, что я увижу Эльтора длиною в тысячи километров?

В ответ Эльтор лишь улыбнулся. За него ответил Джаг:

— По отношению ко мне ты находишься в состоянии покоя. Поэтому ты не заметишь никаких изменений. Я для того и меняю свою форму, чтобы минимизировать искажения, возникающие в других референциальных рамках.

Интересно, удивилась я, с какой стати Джаг заговорил вместо того, чтобы воспользоваться псиберсвязью. Теперь мне известно, что до полного выздоровления Эльтор не мог участвовать в наших с Джагом мысленных беседах. Но тогда мне и в голову не могло прийти, что компьютер запрограммирован — кем-то или самим собой — принимать во внимание чувства и настроения своего основного владельца.

Я показала на голоэкран.

— Такое впечатление, будто созвездия сдвинулись с места.

— Это мы увеличили скорость, — пояснил Эльтор.

— Сорок две секунды назад, — добавил Джаг, — наше ускорение на период в тридцать секунд в сто раз превысило силу тяжести. В данный момент мы перемещаемся в пространстве со скоростью, составляющей 10 % от скорости света.

— Брось шутить, — рассмеялась я.

— Почему я должен шутить? — удивился Джаг.

— Но разве перегрузки не раздавили бы нас?

— Мы перешли в режим квазисостояния.

— Во что?

Джаг пустился в пространные объяснения, что корабль и все, что в нем находится, можно представить в виде скопления элементарных частиц, описанных с точки зрения их квантовых

состояний, или волновой функции. Даже если одна-единственная частица изменит свои характеристики — положение в пространстве, момент движения, спин, и так далее, — это значит, что она изменила свое состояние. Режим квазисостояния предотвращает любые из таких изменений. Нет, Джаг не застыл на месте, и в тот самый момент, когда начал действовать этот режим, все элементарные частицы, его составляющие, продолжали вибрировать, вращаться вокруг своей оси и вообще двигаться каким-либо иным способом. Но они не могли осуществить переход. Теоретически в этом режиме система становится бесконечно жесткой на макроскопическом уровне. На практике же процесс никогда не достигает ста процентов. Мощные или быстродействующие силы способны его ослабить.

Мы потому и избежали обширных повреждений во время столкновения с ракетой, потому что Джаг перевел нас в режим квазисостояния. Ракета способна в таких случаях пройти сквозь объект в буквальном смысле, не причинив ему никакого вреда. И все потому, что она преодолевает сложное пространство. Правда, может случиться и такое, что ракета взорвется, и тогда момент ее движения переходит в электромагнитную энергию, сложное пространство или же свои собственные осколки, которые могут либо пройти сквозь объект в режиме квазисостояния, либо не пройти. Иными словами, режим этот имеет свои слабые места. Например, элементарные частицы объекта могут поглотить момент, что приведет к повреждениям.

Эльтор указал на красную звезду на голоэкране. Вокруг нее возникло золотистое свечение. Это значит, что звезда «прыгнула». Собственно говоря, все звезды поменяли свое местоположение, как бы сдвинувшись к точке точно впереди корабля. Звезда, на которую указал Эльтор, сменила цвет с красного на зеленый.

Эльтор посмотрел на меня.

— Мы только что вышли из квазирежима. Сейчас мы перемещаемся в пространстве со скоростью в 40 % световой.

— Но я ничего не почувствовала.

— В этом состоянии наши нейроны не способны к изменениям на молекулярном уровне. Поэтому, пока мы пребывали в режиме квазисостояния, ты была не в состоянии даже подумать о чем-либо.

Звезды совершили еще один прыжок, и снова по направлению к точке впереди нас. Выделенная Эльтором звезда теперь светилась иссиня-багровым светом. Она стала какой-то темной, почти невидимой. Дисплей показывал 60 % от скорости света.

— На сколько мы должны приблизиться к скорости света, чтобы произвести инверсию? — поинтересовалась я.

— Это своего рода баланс, — начал Эльтор. — Когда попадаешь в сложное пространство, это все равно что поехать в объезд бесконечно высокого дерева. Причем для этого надо съехать с дороги и углубиться в незнакомый дремучий лес. Чем меньше времени мы проведем в лесу, тем лучше. Желательно, прежде чем съехать с дороги, подъехать к дереву как можно ближе. Иными словами, нам нужно максимально приблизиться к скорости света. Но лишь приблизиться, иначе наша увеличившаяся масса начнет потреблять слишком много топлива. Это все равно как если бы мы пытались въехать вверх по стволу. Вот почему нам надо вовремя остановиться.

Звезды совершили очередной прыжок. Указанная Эльтором звезда теперь была вообще невидна — ее цвет сдвинулся за пределы оптического диапазона.

И тогда Джаг вывернулся наизнанку.

По крайней мере у меня возникло такое чувство. Нет, мы по-прежнему оставались внутри корабля, потому что вместе с нами наизнанку вывернулась и все вселенная. На голоэкране звезды прыгнули снова, но теперь уже прочь друг от друга, и вернули себе свой первоначальный цвет. Сначала я не смогла узнать ни одного созвездия. Лишь через несколько мгновений мне стало понятно, что они там же, где и были, только перевернуты.

— Эй, — воскликнула я. — Теперь мне понятно, почему вы называете это инверсией! Из-за звезд!

— Термин этот берет свое начало в так называемом конформальном картографировании, — пояснил Джаг. — Последнее было предложено в середине двадцатого столетия исследователями Миньяни и Реками для обобщенных трансформаций Лоренца в четырехмерном пространстве.

— Да, это действительно означает инверсию, — подтвердил Эльтор.

— И с какой скоростью мы летим? — спросила я.

— Всего в сто тысяч раз превышающей скорость света, — ответил Эльтор.

Всего лишь?

— Знаешь, для меня жуть как быстро.

— Стоит превысить скорость света, как верхнего порога уже не существует, — пояснил Эльтор. — Есть только нижний — она сама.

— А мы действительно можем попасть в прошлое?

На этот вопрос ответил Джаг:

— Согласно Джеймсовой теории, невозможно достичь точки назначения, предварительно не покинув исходную точку. Однако во время инверсии можно путешествовать как в прошлое, так и в будущее. Теоретически я могу оптимизировать нашу траекторию так, чтобы в пространстве, где действуют скорости ниже световой, время остановилось, при условии, конечно, что некоторое время прошло, причем с одинаковой скоростью, как в исходной точке, так и в точке назначения. Однако я не могу избежать погрешностей, которые, накапливаясь, приведут к тому, что в действительности пройдет десять часов и пятьдесят минут.

Мне показалось, что Джаг слегка раздражен тем, что не способен привести реальное положение вещей в гармонию с теорией.

— И куда мы держим путь? — спросила я.

— На эпсилон Эридана, — ответил Эльтор.

— Ты там живешь?

Эльтор отрицательно покачал головой.

— Нет, до него лишь примерно одиннадцать световых лет пути от Земли, то есть фактически всего один прыжок. Это все, что я могу позволить себе при поврежденных двигателях. Там у Союза Миров Земли опорная база. — Эльтор на минуту задумался. — Должен заранее предупредить тебя. Мы вполне можем оказаться во вселенной, чужой как для тебя, так и для меня. Или же при попытке обратной инверсии наш корабль может взорваться.

Я кивнула, понимая всю безвыходность нашего положения. Мы сбросили скорость, и созвездия снова сгрудились вокруг одной точки. Затем вселенная вновь вывернулась, но на сей раз обратно, и мы полетели на скорости ниже световой. У меня вырвался вздох облегчения — звезды не только вернули себе нормальные цвета, но и заняли на небе прежнее положение. Впереди нас висело оранжевое светило. На голоэкране оно казалось чуть более тусклым, чем на самом деле.

— Имперский Джаг! — чуть потрескивая, донесся голос. — Говорит станция «Эпсилани». Просим вас представить опознавательные знаки.

Я моментально почувствовала, как у Эльтора словно гора с плеч свалилась. Значит, он действительно не на шутку опасался, что мы никогда не попадем в его вселенную. Он даже не сразу нашелся с ответом, а просто сидел, вцепившись руками в панель перед собой.

— Имперский Джаг, отвечайте! — повторил голос. — С вами говорит гражданская станция. Повторяю, это гражданская станция. Пожалуйста, назовите цель вашего прилета.

Эльтор набрал полную грудь воздуха.

— «Эпсилани», с вами говорит командир Селеи, пилот-Джагернаут шестнадцатой эскадры ИКС. Мой корабль поврежден, и я прошу вашего разрешения произвести посадку.

— Командир Селеи, у нас имеются необходимые для этого условия. Вам требуется место для проживания?

— Да, проживания и ремонта.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — произнес голос. — Хотя это всего лишь научно-исследовательская станция. Мы никогда еще не принимали у себя Джагернаут.

— Понимаю.

— Вам нужно что-то еще?

Эльтор потрогал раненое плечо.

— Врач.

— Врач встретит вас тотчас по завершении стыковки.

— И еще одна вещь.

— Слушаем вас.

Эльтор посмотрел на меня.

— Может кто-нибудь из вас совершить церемонию бракосочетания?

В ответ послышалась тишина.

— Не могли бы вы повторить вопрос? — наконец произнес все тот же голос. — Мы не уверены, что правильно вас поняли.

— Я сказал «бракосочетание». Кто-нибудь из вас может совершить церемонию?

— Да-да, конечно же. Уверен, мы что-нибудь придумаем.

— Отлично, — ответил Эльтор, наблюдая, как на приборной доске вспыхивают и гаснут огни. — «Эпсилани», принимаю ваш сигнал. Идем на стыковку.

Часть II
Вселенная II

Глава 11
ЭПСИЛАНИ

На голографическом экране стремительно увеличивалась в размерах планета Афина — газовый гигант, опоясанный голубыми и красными полосами. У Афины было не менее семи лун, а также кольца цвета ириски-тянучки и черничного мороженого. С той стороны, с которой мы подлетали к Афине, космическая станция «Эпсилон Эридана», или для краткости — «Эпсилани», — смотрелась крошечной полоской станиоля, повисшей над огромным шаром Афины.

По мере того как мы приближались к планете, эта лента постепенно превращалась в колесо. Его малый размер поначалу разочаровал меня — я надеялась увидеть нечто более грандиозное и впечатляющее.

Над станцией парил ослепительно белый, даже скорее серебристый — совсем как зеркало — диск. Он отбрасывал солнечный свет прямо на ее поверхность, где бесчисленные зеркала поглощали лучи, ярко светясь в чернильной темноте бескрайнего космоса. Колесо вращалось с величавой медлительностью, от которой веяло безмятежностью и покоем. Состояло оно из втулки и шести спиц. Из втулки вниз уходил массивный «стебель», от которого, словно из чашелистика цветка, росли лепестки. Колесо стремительно продолжало увеличиваться в размерах, и вскоре «стебель» уже являл собой цепочку плотно прижатых друг к другу сфер, напоминавших исполинские бусины или сросшиеся маковые головки с маленьким бутоном

на конце. Со стороны космическая станция напоминала гигантское вращающееся соцветие.

— Она великолепна, — произнесла я. — А что это там у нее внизу?

— Эта решетка служит в качестве отражателя, — ответил Эльтор. — Она отбрасывает в пространство излишки тепла. Втулка колеса — это то самое место, где мы осуществим стыковку. Сферические сооружения — те, что размером поменьше, — скорее всего производственные отсеки. — Эльтор указал рукой на обод колеса. — А в так называемом цветоложе — если уж сравнивать станцию с цветком — жилой отсек, где обитает персонал станции.

Колесо продолжало неумолимо увеличиваться в размерах и вскоре заполнило собой весь экран. Возле «втулки» мелькнуло какое-то крошечное пятнышко и направилось прямо на нас. До меня дошло, что это космический корабль. Мое восприятие станции изменилось — как будто я столкнулась с оптической иллюзией, своего рода обманом зрения. Только расстояние делало станцию маленькой — на самом же деле колесо имело около мили в диаметре.

Эльтор указал на приближающийся корабль.

— Это беспилотный шаттл «Фарадей». Он переправит нас внутрь плазменного ядра.

— Какого ядра?

— Плазменного. Ядро — источник электронов мощностью около тысячи кулонов. Он поддерживает в жилом отсеке потенциал напряжения до пятнадцати миллиардов вольт. В основе конструкции — типичный образец космической станции НАСА. — Эльтор указал в направлении звезды, эпсилона Эридана. — Плазменный экран защищает станцию от космического излучения и флюктуаций звезды. Плазма отталкивает частицы и поддерживает радиацию на нормальном, безопасном для здоровья людей уровне.

Шаттл стремительно приближался к нам и скоро заслонил на экране даже саму космическую станцию. Когда наши скорости сровнялись, ближний к нам край шаттла раскрылся, как цветочный бутон.

— О Боже! — ойкнула я. — Сейчас он нас проглотит!

На голографической карте появилось изображение внутренней части «Фарадея» — металлическая полость, подобная

чреву огромного кита с гигантскими подпорками. Не знай я, что шаттл движется, то наверняка подумала бы, что мы остановились.

Джаг установил со станцией канал связи. Эльтор ответил — что-то относительно приема информации. На голоэкране показалось изображение шаттла на подлете к «Эпсилани». Скорее всего это была запись; сделанная аппаратурой космической станции. Шаттл снова закрылся, став похожим на нераспустившийся цветочный бутон.

— А вон электронная пушка, — снова пустился в объяснения Эльтор, обращая мое внимание на похожий на перо стебель, ответвлявшийся от бутона. — Она бомбардирует плазменный колодец электронами, с тем чтобы уравновесить потенциал между нами и космической станцией.

Внезапно бутон раскрылся. Установив связь с Джагом, я уловила переданное со станции послание — что-то о необходимости компенсации «ветра», вызванного отталкиванием позитивных зарядов на шаттле и станции. Джаг настроился на волну моих мыслей и принялся перекачивать информацию более «наглядно». Я мысленно «увидела» послание станции — радужное насекомое, летящее по всему внутреннему пространству решетки. Затем там зажужжал рой мух цвета бутылочного стекла — это Джаг представил информацию о перепадах плотности плазмы. Я сосредоточилась, и моему мысленному взору предстали новые картинки. Блоки информации стремительно летели в направлении решетки и обратно, то сжимаясь в клетки, то с жужжанием выстраиваясь в новые ряды.

Теперь мы находились уже практически рядом с «втулкой» гигантского космического колеса. Шаттл раскрыл лепестки и лег во «втулку» подобно фрагменту гигантской цветочной мозаики. Незнакомый голос объявил:

— Стыковка завершена, командир! Мы готовы.

— Вас понял, — откликнулся Эльтор. Отключившись от линии связи, он повернулся ко мне. — Прежде чем двигаться дальше, давай кое о чем с тобой условимся.

Выражение его лица вызвало у меня тревогу.

— О чем именно?

— Я не вполне уверен, в какой ситуации мы можем с тобой оказаться. Мой корабль получил серьезные повреждения еще на подлете к Земле, причем из-за не совсем понятных мне при-

чин. — Эльтор нервно провел рукой по волосам. — Я не знаю ни этой космической станции, ни ее обитателей. И в данный момент предпочел бы, чтобы никто не узнал, кто я такой. Короче говоря, мне не хотелось бы афишировать тот факт, что мои родители — члены Имперской Ассамблеи.

— Чего же ты хочешь от меня?

Эльтор взял меня за руку.

— Постарайся не слишком распространяться о себе. Просто делай то, что и я.

— Хорошо, — сказала я и сжала его руку.

Мы покинули корабль и перебрались из воздушного шлюза в какое-то помещение круглой формы. За исключением вмонтированной в переборку консоли и крышки люка оно было практически пустым. Стены помещения излучали тепло и свет.

— Обнаружено бактериальное загрязнение, — лаконично сообщил чей-то приятный голос. — Просим вашего разрешения на дезинфекцию.

— Не возражаем.

Я удивленно посмотрела на моего спутника:

— Дезинфекция?

— На теле у каждого человека имеются бактерии и всевозможные микроорганизмы, — пояснил Эльтор. — Дезинфекционная служба, видимо, считает, что наши с тобой бактерии могут представлять опасность для экосистемы «Эпсилани».

— Неужели они хотят, чтобы мы поскребли себя мочалкой под душем? — улыбнулась я, представив нас с ним в душевой кабине.

— К сожалению, нет, — ответил мне с улыбкой Эльтор. — Нас просто обработают очередным чудом современной медицинской нанотехники.

— Как у тебя в крови?

— Да, что-то вроде этого. С той разницей, что эти молекулы уничтожают бактерии.

— Дезинфекция закончена, — сообщил все тот же незримый голос. — Добро пожаловать на «Эпсилани».

Напротив нас открылся люк, и в помещение вплыли шесть человек. Мужчина в центре этой группы был примерно такого же роста и сложения, что и Эльтор, правда, чуть шире в талии и с седеющими висками. Его отличала какая-то представительность. Рядом с ним парил в невесомости второй, высокий и

весь какой-то угловатый, с иссиня-черными волосами. Их сопровождали четверо охранников — двое мужчин и две женщины, явно из здешней службы безопасности. Все они были высокого роста, и каждый вооружен длинной трубкой с черной рукояткой. Позднее я узнала, что оружие это стреляет усыпляющим веществом. Судя по движениям первого и, видимо, главного из встречавших, невесомость была для него не в новинку.

— Добро пожаловать, командир Селеи! — произнес он. Голос его звучал странно, вроде бы как с британским акцентом, хотя такого произношения мне еще не доводилось слышать. — Меня зовут Макс Стоунхедж, я директор космической станции «Эпсилани». А это, — он указал на своего черноволосого спутника, — Боб Кабату, профессиональный психолог, специалист в области сколийской психологии.

Эльтор приветственно кивнул им обоим, и лицо Кабату озарилось улыбкой.

— Здравствуйте, командир!

У него также чувствовался незнакомый мне акцент. Как впоследствии выяснилось, с таким акцентом говорили в одной из африканских стран, которой в 1987 году еще не существовало. Улыбка, однако, покинула его лицо, стоило ему заметить пропитанную кровью повязку на плече Эльтора и синяки на руках.

Затем Стоунхедж удостоил взглядом и меня.

— Может, вы представите нас вашей...

— Невесте, — торопливо подсказал ему Эльтор.

— Ах. Да, — улыбнулся мне директор космической станции. — Рад приветствовать вас, мисс?..

— Пуливок, — представилась я.

В следующее мгновение в разговор поспешил вступить Кабату:

— Командир Селеи, если не ошибаюсь, ваше плечо кровоточит. Смею предположить, что рана доставляет вам чертовскую боль.

— М-да, — Эльтор явно не знал, что сказать, — немного побаливает.

— Может, стоит прямо сейчас отправиться в медицинский пункт? — спросил Кабату. — Формальные приветствия мы можем и отложить на более подходящее время.

— Хорошо, — с трудом проговорил Эльтор.

В сопровождении сотрудников службы безопасности мы в невесомости проплыли весь отсек. Через люк проникли в просторное помещение сферической формы — как выяснилось, внутреннюю часть «втулки», — и нашему взору предстала презабавнейшая картина. Такое впечатление, что мы попали в гимнастический зал. Находившиеся здесь люди занимались акробатикой. Они парили в воздухе, смеясь, крича, совершая какие-то немыслимые кульбиты и пируэты. В условиях нормальной гравитации подобные экзерсисы неизбежно привели бы к самым серьезным травмам и переломам конечностей. Некоторые из гимнастов шумно приветствовали Стоунхеджа, и тот помахал им рукой. Проплыв еще в один люк, мы оказались в коридоре, кольцом окружавшем втулку. Стена на другой стороне коридора скользнула в сторону. Мы поплыли вместе с ней, обгоняя скорость вращения, пока не достигли движущейся стены с несколькими дверями.

Стоунхедж нажал на несколько разноцветных треугольничков возле дверей. Двери распахнулись, и мы вплыли в лифт. Он оказался, вопреки моим ожиданиям, очень даже уютным. Пол устилал мягкий пушистый ковер. Стены украшали декоративные панели из похожего на медь металла, а прямо под белым потолком, из которого струился неяркий рассеянный свет, проходил изысканный фриз с орнаментом из попугаев и миниатюрных деревьев-бонсай. Лифт пришел в движение, и нас слегка подбросило вверх. Однако через несколько секунд мы поплыли не вверх, а в сторону. Понемногу наш вес начал увеличиваться, и вскоре мы уже стояли на собственных ногах. Казалось, будто мы движемся куда-то вниз, хотя на самом деле перемещались совсем в другом направлении — вдоль «обода» колеса станции. Нас слегка прижимало в сторону, и поэтому приходилось прилагать усилия, чтобы держаться прямо.

Стоунхедж принялся рассказывать нам о станции — исследовательском центре, созданном для изучения системы звезды эпсилон Эридана.

Эпсилон Эридана — звезда класса «К», более оранжевая, чем земное Солнце, однако в три раза уступает ему в яркости. Масса его составляет всего три четверти солнечной, а диаметр на десять процентов меньше диаметра Солнца. Сама станция явилась плодом совместных усилий Европы, Японии, нескольких африканских стран, а также Соединенных Штатов. Соеди-

ненных, а не Федеративных. На станции проживало около трех тысяч человек. Подавляющее большинство обитателей составляли взрослые, однако стремительно увеличивалось и число детей. Тем не менее до предполагаемой цифры в десять тысяч было еще далеко.

Я привыкла к акценту Стоунхеджа и понимала его уже гораздо лучше. Хотя он и употреблял незнакомые мне слова, его английский мало чем отличался от того, на котором говорила я. А вот мой английский вряд ли был похож на тот, на котором за триста лет до меня разговаривали англичане моей Земли. Среди людей Объединенных Миров английский давно стал языком науки, продолжив тенденцию, зародившуюся еще в двадцатом столетии. Переселившись на другие звезды, человечество стандартизировало его в надежде на то, что английский станет главным средством общения многочисленных народов, обитающих на расстоянии многих световых лет друг от друга.

Рассказ директора космической станции был явно хорошо отрепетирован и опробован не на одном десятке слушателей. Не вызывало никаких сомнений и то, что он получает немалое удовольствие от очередного его воспроизведения. Любовь к космической станции — любимому детищу и предмету гордости — сквозила в каждом предложении. Он попытался было, правда, без особого успеха, вызвать на разговор и Эльтора. Тот оживился, лишь когда Стоунхедж принялся излагать технические характеристики станции. Правда, в отличие от разговоров Эльтора с Хизер, когда они с ней обсуждали проблемы теоретических основ физики, на сей раз ситуация приняла совершенно иной оборот. Тогда Эльтор казался вполне хорошо информированным, хотя, оторванный от своего обычного окружения, чувствовал себя не в своей тарелке. Что же касалось практики, то здесь он был в своей стихии. Ведь Эльтор — типичный технарь. Ему ужасно нравится браться за выполнение конкретных проблем, самостоятельно их решать.

«Эпсилани» была сооружена из титана, добываемого на одной из лун Афины. Огромные участки станции построили при посредстве металло-паровых молекулярных лучей — атомами металла обрызгивались, или, точнее сказать, напылялись огромные баллоны. Пар был «населен» молекулярными роботами. Каждый такой робот имел в своей основе углеродную молекулярную цепочку и сферический радикал с пико-чипом внут-

ри. Роботы служили также в качестве основания химической реакции, которая вплетала в титан трубы. После того как роботы заканчивали строительство, они оставались в композитных материалах, образуя пико-сеть, совпадавшую размерами с самой станцией, которая автоматически устраняла возможные неполадки. Когда в корпус станции ударялась пылинка или крошечный метеорит, сеть немедленно посылала нанороботов на устранение повреждений.

Стоунхедж поведал нам о том, что диаметр колеса станции составляет примерно два километра, а вращается она со скоростью один оборот в минуту. Человеческий организм в принципе нормально функционирует и при большей скорости вращения, однако некоторым обитателям станции силы Кориолиса причиняют неудобства вроде тошноты и дезориентации в пространстве. Эти же силы были причиной того, что в лифте нас постоянно относило в сторону. В спицах колеса размещались всевозможные кабели и теплообменные устройства, соединявшие жилую зону станции с внешними источниками энергии и отражателем.

Вскоре я почувствовала привычную, почти земную силу тяжести. Лифт остановился. Мы достигли так называемого цветоложа, жилой зоны космической станции. Двери распахнулись, и мы оказались в настоящей сказке, истинной стране чудес. Вокруг спицы исполинского колеса, которую мы только что покинули, вращалась платформа. Сама спица теперь возвышалась позади нас. Крыша цветоложа находилась высоко над нашими головами.

Я почему-то ожидала, что внутренняя поверхность жилой зоны должна быть металлической и напичкана всевозможной техникой. Однако «Эпсилани» скорее напоминала японский чайный сад в Сан-Франциско. Перед нами простирался обширный парк шириной около ста ярдов, плавно изгибаясь вверх и постепенно скрываясь из поля зрения. В самом его центре протекала настоящая река. Зрелище было совершенно непривычным, поскольку полностью опровергало земные представления о привычном порядке вещей — действительно, разве может река на моей родной планете течь, круто устремляясь вверх. В действительности вращение станции делало каждую точку реки строго перпендикулярной силе тяжести, так что на самом деле река вовсе не текла вверх. Над поверхностью воды

изгибались изящные мостики, ветви деревьев сплетались причудливым покрывалом зеленой листвы. Буйная растительность занимала большую часть парка. С обеих сторон он по дуге плавно поднимался вверх, следуя сферической форме цветоложа. По всему склону лепились домики с окнами, террасами, двориками-патио, но без крыш. В конце концов, зачем колонистам крыша? Разве что для уединения и приватности. Ведь дождей здесь не бывает.

По всей верхней поверхности цветоложа шли обширные окна, через которые в этот чудесный парк проникал отраженный зеркалами солнечный свет. По его тропинкам туда-сюда сновали колонисты. Несколько человек катались на велосипедах. Конструкция этих средств передвижения была более хрупкой, чем у привычных мне земных, но все же это были велосипеды. Вокруг кустов бегали собаки. Кстати, животных в парке оказалось много — я увидела и кошек, и зайцев, и птиц красной и синей расцветки. В ближайшем пруду, взбивая вверх брызги воды, плескались рыбы.

Стоунхедж объяснил нам, что, когда станция достигнет запланированных размеров, она станет полностью самодостаточной. Целые участки жилой зоны отведены под сельскохозяйственные комплексы. Искусственные погодно-климатические условия позволяют постоянно получать урожаи сельскохозяйственных культур. В жилой зоне также содержатся животные — как домашние, так и предназначенные для получения мяса. На спутниках Афины колонисты добывают полезные ископаемые — металлические и неметаллические руды. В состав атмосферы станции входят кислород и азот, влажность составляет сорок процентов, азота меньше, чем на моей родной Земле. В результате фотосинтеза регенерируется кислород и удаляются вредные излишки углекислого газа. Кроме того, колонисты полностью утилизируют отходы.

Я посмотрела на удивительный уголок природы, затерявшийся в далеких глубинах космоса.

— Какая красота!

Стоунхедж удостоил меня благосклонной улыбки.

— Абсолютно с вами согласен.

Кабату указал на располагавшиеся выше, примерно в полукилометре от нас, домики:

— Вон там наш медицинский центр. Там же находится мой офис.

— Мы пойдем туда? — спросил Эльтор.

Посмотрев на него, я заметила, что лицо его сделалось совсем бледным, а повязка на плече еще сильнее пропиталась синеватой кровью.

— Нет, поедем, — озабоченно произнес Кабату. Увидев, что Эльтор собрался возразить, предостерегающе вытянул руку. — Даже не думайте спорить, командир! Это приказ, если хотите!

Я еле сдержала улыбку — как быстро Кабату разобрался в том, как следует вести себя с Эльтором. Я-то знала, что Эльтору не хочется идти пешком, но он ни за что не признался бы в своей слабости в присутствии посторонних.

Кабату кивком указал на рельс, тянувшийся через все пространство жилой зоны.

— Поедем на монокличке.

— На чем?

Стоунхедж улыбнулся.

— На магнитной монорельсовой дороге. Кто-то — я уже и не помню кто — сказал: мол, название, которое мы дали этой дороге, Мэгрейл, не название, а какая-та кличка. Так мы теперь и зовем ее — монокличка.

Губы Эльтора скривились в вымученной улыбке. Он не рассмеялся шутке — ему явно было не до веселья. А еще в нем ощущалась настороженность. Мне же с каждой новой минутой нашего пребывания на «Эпсилани» все больше и больше нравились местные жители. Интуитивно я чувствовала, что они именно такие, какими кажутся, — трудолюбивые, хотя и не прочь похвастаться плодами своего труда.

И все же откуда мне было знать, какие подводные течения зарождаются вокруг нас? Но я уже вошла в воду и понемногу начала барахтаться в море совершенно новых впечатлений.

Офис доктора Кабату был залит солнечным светом и до предела загромождён медицинскими шкафчиками, всевозможными приборными досками и диагностической аппаратурой. Хозяин медицинского центра усадил Эльтора в специальное кресло и снял с его плеча густо пропитанную кровью повязку. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы лицо врача приняло озабоченное выражение. Подавшись вперед, Кабату по-

тянул на себя крепившуюся к стене «руку» механического лекаря. Аппарат негромко зажужжал, готовясь к предстоящей работе. По его «суставам» пробежала цепочка желтых огоньков, достигнув увенчанной семью «пальцами» «кисти». Кабату прикоснулся к третьему «пальцу», и на нем зажглась лампочка индикатора. Направив исходящий от нее луч на плечо моего спутника, Кабату осторожно коснулся медицинским зондом раны.

Эльтор машинально дернулся в сторону.

— Что вы делаете?

— Сидите спокойно! — велел ему Кабату, снова выбрав удивительно верную тональность. — Я сейчас прочищу вашу рану.

— Но для этого не обязательно касаться меня этой штуковиной!

— Зонд позволит подробно ознакомиться с нынешним состоянием вашего организма, и тогда можно будет гораздо быстрее вылечить вас! — произнес Кабату и указал рукой на стену.

Обернувшись, я увидела, как на экране движется голографическое изображение торса Эльтора. Красные полоски мышц. Скелет цвета слоновой кости. Сердечно-сосудистая система — красные артерии, несущие обогащенную кислородом кровь. Синеватые вены и легочные артерии, несущие кровь, бедную кислородом. Нервная система — пучки мельчайших волокон, ответвляющихся от мозга и позвоночного столба. Иммунная система. Внутренние органы — сердце, легкие, участки пищеварительной и эндокринной систем. На экране появилось также изображение сложной разветвленной сети, ее каналы и «органы» — в отличие от настоящих они высвечивались металлическими оттенками.

— Да у вас тут биомеханическая система! — присвистнул Кабату. — Боже святый, да вы просто напичканы всякими штучками!

— Возникла проблема? — поинтересовался Эльтор.

— В жизни не видел ничего подобного! — признался врач. Убрав из раны зонд, он вернул на место своего механического диагноста. — Каким образом вы получили травму плеча?

— Из пистолета.

— Какого такого пистолета?

— С пороховым зарядом. Металлической пулей, — скупо отозвался Эльтор.

Кабату от удивления широко открыл рот.

— Кто же стрелял в вас из такого оружия?

— Вас это не касается.

— Извините. Меня просто очень удивило ваше объяснение. Как же вы извлекли пулю?

— Вырезал.

— Боже праведный! Зачем? — Увидев, что Эльтор недовольно нахмурился, Кабату тут же успокаивающим жестом миротворца протянул вперед руки. — Хорошо. Это действительно не мое дело. — Кабату опустил руки. — Объясняю ситуацию. Я могу сделать перевязку на вашем естественном, органическом теле. А вот что делать с вашей биомеханической системой, ума не приложу.

— У нее есть регенерирующая функция.

Кабату понимающе кивнул:

— Да. Я уже догадался, что она пыталась самостоятельно устранить повреждение. Сделать это не удалось по причине обширности раны. Послушайте меня, командир Селеи. Вам срочно нужны новые компоненты, включая сложные биоинженерные узлы и даже органы. Я здесь ничем не смогу вам помочь. Даже будь у меня все необходимое для трансплантации — а у меня, увы, ничего нет, — сам я никогда не сталкивался с подобными биомеханическими системами и уж тем более не имею никакого практического опыта. Вам требуется специальная медицинская аппаратура и квалифицированный хирург — специалист по биомеханическим операциям.

Слова медика, похоже, не удивили Эльтора.

— Но вы ведь можете вылечить остальную часть моего организма? — спросил он.

Кабату утвердительно кивнул.

— Я введу вам кое-какие мышечные и нервные восстановители и еще анальгетики, чтобы снять боль. Постарайтесь не задействовать ваши биомеханические функции.

— Понял вас.

При помощи раствора, поступавшего по «руке» медицинского робота, Кабату почистил Эльтору раны, после чего побрызгал на них каким-то спреем. Я подумала, что это, видимо, незнакомое мне болеутоляющее средство, однако оказалось, что

это смесь наномедикаментов, способствующая ускоренному заживлению. После этого доктор Кабату наложил на израненное плечо Эльтора повязку, которая тут же срослась с его плотью, сделавшись точно такого же цвета и фактуры. Было невозможно понять, где у Эльтора новая кожа, а где старая.

— Потерпите парочку циклов, — сказал Кабату. — И все прекрасно заживет.

— Циклов? — переспросил Эльтор.

— Земных дней, — пояснил доктор. — Тридцать — сорок часов.

Всего лишь два дня? Сначала я просто не поверила своим ушам. Но затем решила, что по сравнению с обманом скорости света срок в два дня для заживления пулевых ранений — просто пустяк. И все же это казалось уму непостижимым и сбивало с толку. Пусть Джаг был за пределами моего предыдущего опыта, но в ранах и их лечении я кое-что понимала. Этот единственный визит к врачу дал мне возможность еще глубже осознать различиях между вселенной Эльтора и моей собственной, чем все, что касалось Джага.

Кабату проводил нас до комнаты, где уже поджидал Стоунхедж в обществе сотрудников службы безопасности. Искусственное освещение еще резче подчеркнуло настороженность Эльтора. Она давала о себе знать тусклым свечением, в котором то там, то здесь вспыхивали едва заметные искры. И снова я призадумалась. Мне казалось, обитатели станции имели куда больше причин опасаться Джагернаута, нежели наоборот.

По крайней мере они хотя бы говорили по-английски. Окажись мы у соплеменников Эльтора, я бы не поняла ни слова из того, что они говорят. Я попыталась проникнуть в мысли Эльтора, однако наткнулась на глухую стену. Откуда мне было знать, что он просто заблокировал свои мысли. По команде Эльтора его биомеханическая сеть высвобождала нейротрансмиттеры, которые ослабляли сигналы Излучающего Тела Кайла. Случись так, что его сеть высвободила слишком много химического вещества, или же делала это слишком долго, Эльтор пришел бы в состояние, близкое к обмороку, и в конечном итоге «отключился» или даже умер. Но на какой-то короткий срок он вполне мог затруднить другому эмпату доступ в его сознание.

Мы покинули медицинский центр, и Стоунхедж проводил нас до домов с террасами. Он остановился возле одного сим-

патичного домика — легкого, воздушного, светлого, с двориком-патио.

— Он зарезервирован для гостей — приезжих ученых или высоких официальных лиц. — Стоунхедж посмотрел на меня. — Если вы желаете, мы можем устроить для вас отдельные апартаменты.

— Спасибо, меня устраивают эти, — поблагодарила я.

— Правильно оформленные договоры имеют юридическую силу для моего народа и купцов. У вас здесь найдется человек, уполномоченный официально заверять такие договоры? — спросил Эльтор, пристально глядя на своего собеседника.

— Не вполне уверен, что правильно понял вас, — проговорил Стоунхедж.

— Я имею в виду брачный контракт, — пояснил Эльтор.

— Ах вот оно что! Теперь понял. Вы просите меня найти для вас капеллана-священника, — понимающе закивал директор станции. — У нас этим занимается женщина. Она может в законном порядке регистрировать браки, обязательные для всех обитаемых миров, без различия каких-либо политических границ. Мы может организовать это завтра. — Глядя на меня, он на несколько секунд замолк. — Если стороны не имеют возражений и достигли законного возраста.

— Мы должны заключить его прямо сейчас, — произнес Эльтор.

— Это невозможно, — вмешался в разговор Кабату. — Вам необходимо сдать анализ крови и пройти генетическое сканирование!

— Вы только что осматривали меня, и наверняка вам известно состояние моего здоровья.

— Вашего — да! А вот состояние здоровья мисс Пуливок — нет!

— Мы можем сдать анализы позже, — заявил Эльтор. — Сейчас нам необходимо подписать контракт.

— Подождите! — воскликнула я.

События развивались с непредсказуемой быстротой.

— Вам не придется делать ничего такого, что кажется вам неприятным, — успокаивающим тоном произнес Стоунхедж.

Я попыталась угадать мысли Эльтора по его мимике, выражению глаз, цвету лица. Мне было непонятно, почему он так упорно настаивает на своем и что имел в виду Стоунхедж под

словами «политические границы». Очередная попытка проникнуть в мысли моего спутника вновь не увенчалась успехом. Однако при этом чрезвычайную чувствительность приобрело мое собственное Принимающее Тело Кайла, вызвав у меня обостренное восприятие мыслей окружавших меня людей. Я словно видела происходящее глазами Стоунхеджа или Кабату. До этого момента мне и в голову не приходило, какой пигалицей я смотрюсь рядом с Эльтором. Мы с ним стояли рядом, и уже этого было достаточно, чтобы люди подумали, будто он пытается меня запугать.

— Все в порядке, — ответила я Стоунхеджу. — Я просто не привыкла к тому, что тут у вас происходит.

Директор станции внимательно посмотрел на меня. Затем поднес к губам руку с браслетом и проговорил:

— Нэнси, ответь!

— Слушаю! — откликнулся чей-то мелодичный голос, исходивший из загадочного браслета.

— Мы находимся возле дома. Можешь сейчас подойти сюда?

— Иду, — ответила невидимая женщина.

— Замечательно. Конец связи. — Стоунхедж с улыбкой посмотрел на меня. — Это капеллан Минь. Она охотно ответит на все ваши вопросы.

— Нет, — вступил в разговор Эльтор, крепко сжав мою руку. — Мы будем задавать интересующие нас вопросы вдвоем.

Я попыталась высвободить руку.

Эльтор, не жми так крепко, мне больно!

Эльтор выпустил мою руку.

Извини!

— Пусть будет так, как хочет мисс Пуливок, — заявил Стоунхедж.

За его спиной я увидела стройную женщину, она переходила перекинутый через речушку мостик. Длинные черные волосы схвачены в конский хвост, покачивающийся при ходьбе. Огромные миндалевидные глаза буквально освещают лицо. Высокий рост, стройная спортивная фигура. Возраст — на вид лет тридцать пять.

Сегодня, вспоминая те далекие дни, признаюсь, что тогда все люди, которых я встречала на родине Эльтора, казались мне одинакового возраста — тридцать — сорок лет. Теперь я понимаю почему. В 1987 году люди жили дольше, чем те, кто

жил, скажем, в 1687 году. А три столетия спустя они научились существенно продлевать молодость и отодвигать старость.

Когда женщина приблизилась к нам, директор станции представил нам ее как капеллана Минь.

— Мы подумали, что мисс Пуливок захочет побеседовать с тобой, — сказал Стоунхедж. — Подготовь все для предстоящей церемонии.

Эльтор посмотрел на меня и еле заметно кивнул. Я испытывала нерешительность, поскольку чувствовала его тревогу: ему не хотелось, чтобы нас разлучали. Но я понимала, что это моя последняя возможность пообщаться наедине с человеком, кто говорит на том же языке, что и я.

Минь приветливо улыбнулась мне и заговорила приятным мелодичным голосом:

— Если вы не против, то давайте войдем в дом.

Мысленно извинившись перед Эльтором, я ответила:

— Да, конечно, я не против.

Эльтор заметно напрягся, но возражать не стал.

Я последовала за моей новой знакомой в дом и оказалась в просторной гостиной с ширмами вместо стен. Столики, кресла, диваны — все было сделано из керамики светлых оттенков и блестящего металлического кружева. Никакого дерева или пластмассы в комнате я не заметила.

Мы присели на диван, и капеллан Минь начала:

— Мисс Пуливок...

— Тина.

— Тина, — повторила она своим приятным музыкальным голосом. — Почему вы так напуганы?

— С чего вы решили, что я напугана?

— Вы кажетесь неуверенной в себе. Вас что-то беспокоит. Вы чем-то сконфужены.

Предположения моей собеседницы явно преуменьшали серьезность ситуации, в которой я оказалась. Даже если бы Эльтор и не попросил меня держать в тайне наши приключения, я все равно ни за что не призналась бы, что перенеслась в другой мир на целых триста лет вперед. Скажи я правду, и меня обязательно сочтут за сумасшедшую.

— Я просто хотела бы задать вам пару вопросов.

— Разумеется. Я вас слушаю.

— Почему вы все так натянуто держите себя с Эльтором?

Капеллан Минь неожиданно напряглась.

— Его зовут *Эльтор?*

— Почему вас это так насторожило?

— Я понимаю, имя Эльтор сейчас чрезвычайно популярно, особенно после последней войны. А вот имя Селеи всегда было довольно редким. Так что такое сочетание, как Эльтор Селеи... — Минь мрачновато улыбнулась. — Следует признать, что подобное сочетание способно повергнуть любого в индукционную петлю.

Я удивленно моргнула, смущенная ее непонятными выражениями. Секунду спустя моя собеседница сказала:

— Послушайте, Тина, что же все-таки произошло? Вы находитесь здесь с ним по вашей собственной воле?

Мое лицо, очевидно, приняло встревоженное выражение.

— Конечно. Почему вы спрашиваете об этом?

— Потому что у вас ужасно напуганный вид. Вы явно чем-то напуганы. И еще — вы так молоды.

— Не такая уж я юная. Через несколько месяцев мне исполнится восемнадцать.

Капеллан Минь удивленно посмотрела на меня.

— Всего лишь *восемнадцать?*

До смерти надоело, что меня постоянно принимают за неразумное дитя. Мне было невдомек, что увеличение продолжительности жизни автоматически предполагало и совершенно другие определения детства, зрелости и старости. В конце концов несколько тысячелетий назад люди вступали в брак и заводили детей в возрасте, который в 1987 году считался детским. Впрочем, дело было не только в исторической эпохе. Например, в Зинакантеко девушки выходили замуж в более юном возрасте, чем в Лос-Анджелесе. Представления, бытовавшие на родине Эльтора, не слишком отличались от земных. Одной лишь физической зрелости было недостаточно, чтобы считаться взрослым человеком, — жизнь, как в техническом, так и в общественном плане, очень сильно усложнилась. Впрочем, дело не только в моем возрасте. В 1987 году я была слишком мала ростом по сравнению с американками, но в других уголках моей родной планеты, включая и Зинакантеко, я ничем бы не выделялась среди прочих взрослых людей. Однако со временем стандарты человеческого роста и пропорций существенно изменились, как на Земле, так и на родине Эльтора. В его мире чело-

век моего роста считался ребенком независимо от фактического возраста.

— В моих родных местах, в Мексике, — сказала я, — никто никогда не принял бы меня за ребенка.

Мои слова вызвали явное удивление Минь.

— Так вы с Земли?! — воскликнула она.

Я утвердительно кивнула.

— А мы подумали, что вы рейликанка, — произнесла моя собеседница.

— Нет, я принадлежу к народу майя.

— Сходство с рейликанками просто поразительное! — улыбнулась Минь. — Кто бы мог подумать, что представительница давно исчезнувшего с лица Земли народа удивительно похожа на представительниц вымирающего народа на другом краю галактики!

Я удивленно посмотрела на нее.

— Так народа майя на Земле уже больше не существует?!

— Видите ли, думаю, что да. А вам разве неизвестно об этом?

Я подалась вперед, внезапно почувствовав легкий озноб.

Минь продолжала что-то говорить, но я ее уже не слушала. Не существует. Моего народа больше не существует. Последняя ниточка, связывавшая меня с Землей, оборвалась. От волнения у меня даже перехватило дыхание. Я не могла слышать, не могла дышать...

— ...обморок! — ворвался в мои уши громкий голос доктора Кабату. — Всем отойти!

— Убирайтесь! — Передо мной возник разъяренный Эльтор. — Убирайтесь все!

Когда мои мысли прояснились, я увидела, что комната полна людей: Минь, Эльтор, Стоунхедж, Кабату, агенты службы безопасности. Эльтор сел рядом со мной, и на меня тут же стали накатывать волны озабоченности, излучаемые окружающими. Как известно, Джагернаутам неведомы такие чувства, как нежность и сострадание. Восприятие ими окружающего мира определяется их военным воспитанием и боевыми навыками. Как ни странно, одновременно они эмпаты, хотя их внешность абсолютно опровергает этот факт. Беспокойство, с которым присутствующие смотрели на нас, сменилось нескрываемым

удивлением, когда Эльтор обнял меня и шепнул мне на ухо какие-то нежные, успокаивающие слова.

— Послушайте, Макс! — обратилась Минь к Стоунхеджу. — Мне нужно поговорить с вами!

Директор станции кивнул, и они исчезли в соседней комнате. Кабату и охранники остались. Последние не сводили с Эльтора глаз и не снимали рук с оружия.

Эльтор нежно убрал непокорную прядку волос с моего лица.

— Что случилось?

— Минь рассказала мне, что народа майя больше не существует!

Эльтор шумно выдохнул.

— Извини, Тина. По-моему, она сказала правду. Я просто не хотел расстраивать тебя. Прости.

Стоунхедж и Минь вернулись, сопровождаемые полупрозрачной — для меня — аурой тревоги. Минь осталась стоять в дверях, Стоунхедж сел на диван, устроившись так, чтобы находиться на одном уровне с Эльтором, хотя и на расстоянии, чтобы не посягать на его жизненное пространство. Я моментально поняла, что Эльтор воспринимает директора станции как человека, который не несет в себе угрозы для его безопасности.

Стоунхедж осторожно начал:

— Командир Селеи, вы должны понимать, что никто из нас не имеет ни малейшего желания вмешиваться в вашу личную жизнь. Однако я призываю вас трезво взглянуть на сложившуюся ситуацию. Получивший ранения неизвестного происхождения Имперский Джагернаут на поврежденном корабле прибывает на одну из отдаленных орбитальных космических станций. Вместе с ним перепуганная до смерти безвестная юная особа. Он настаивает на немедленной регистрации брака — скорее всего вопреки ее желанию. Поймите нас правильно, нам хотелось бы знать, что же все-таки произошло, прежде чем мы приступим к выполнению официальной церемонии.

Все это время Эльтор не спускал с него глаз. Лицо его сохраняло непроницаемое, бесстрастное выражение и было похоже на отлитую из металла маску. Он напряженно думал, высчитывая возможные варианты дальнейшего развития событий. Необходимо срочно решить, в какой степени можно доверять словам директора космической станции.

Раздался сигнал зуммера, доносившийся со стороны браслета на запястье Минь. Та вопросительно посмотрела на Стоунхеджа.

— Что это? — спросил Эльтор.

— Я попросил моих сотрудников разыскать любую имеющуюся информацию о сколийце с вашей внешностью и носящем ваше имя, — пояснил Стоунхедж.

— И что же?

Было видно, что Эльтор весь напрягся.

Минь прикоснулась к какому-то квадратику на стене. Огромный, во всю стену, голоэкран ожил. На нем появилось изображение двух людей в натуральную величину. Женщина со стройной фигурой и красивыми зелеными глазами, живыми и яркими, как луч солнца, упавший на лист лесного дерева. У нее были черные длинные прямые волосы, которые при виде сверху казались роскошным каскадом, ниспадавшим ей на спину до самых бедер. Ее красота навевала сравнение одновременно со льдом и изумрудом. Превосходной лепки черты лица — совсем как у мраморной статуи, высеченной умелой рукой гениального скульптора.

При виде мужчины у меня резко перехватило дыхание. Цвет его длинных, до плеч, роскошных локонов был точно такой же, что и у волос Эльтора. Хотя кожа его лица и не имела металлического оттенка, черты были совершенно такими же, как у Эльтора. Больших пальцев на руках не было, все четыре пальца одинаковы по длине, с суставом на тыльной стороне руки.

Минь принялась озвучивать строчки сколийских иероглифов, бегущих в нижней части голоэкрана:

— Голографическое изображение сделано два года назад. Они стоят на возвышении вместе с другими сановниками во время речи, произнесенной Голосом Имперской Ассамблеи. Имя женщины — Дайхьянна Селеи. — Минь посмотрела на директора станции. — Это она, Макс. Ключ Ассамблеи.

Стоунхедж внимательно посмотрела на Эльтора:

— Кто этот мужчина?

В комнате повисло неловкое молчание. Эльтор, не произнося ни единого слова, смотрел на директора станции. Молчание нарушила Минь, прочитав ответ с экрана:

— Элдрин Джарак Валдория. Племянник Селеи. — Она прикоснулась к панели, выводя на экран меню. Еще одно ее прикос-

новение, и возник поток новых иероглифов. — Он старший сын «космической» ветви этого знатного рода. В настоящее время Элдрин Валдория является самым вероятным кандидатом на роль одного из Ключей Триады. Теоретически он должен был стать Ключом Сети сразу же после смерти отца — но Третий Замок попал в руки купцов. Посмотрите сюда — он старший брат Эльтора Валдория, героя войны.

— Выключайте! — потребовал Эльтор.

Минь снова прикоснулась к панели, и голографическое изображение исчезло. Присутствующие не сводили глаз с Эльтора. Излучаемые ими эмоции струились настоящими океаническими течениями: удивление, недоверие, восхищение. Время, казалось, остановило свой неумолимый бег и превратилось в бесконечную конфетку-тянучку. Тишину нарушало лишь приглушенное гудение работающих где-то вдалеке механизмов.

Молчание нарушил Эльтор:

— Дайхьянна Селеи и Элдрин Валдория — мои родители.

Со временем что-то случилось — его прорвало подобно неукротимому потоку воды, вырвавшемуся на волю из шлюза. Стоунхедж удивленно присвистнул.

— Почему вы не захотели сказать нам об этом?

— Вы же видели мой корабль, — ответил Эльтор. — Его повреждения не случайны.

— Наши техники того же мнения, — произнес Стоунхедж.

— С ним не было никаких проблем, пока я не отправился на нем в штаб командования Имперских Космических Сил, — отозвался Эльтор.

Кабату подался немного вперед.

— Вы хотите сказать, что это ваши же военные устроили диверсию?

— Не знаю. — Эльтор на секунду задумался. — Мне надлежало по протоколу посетить дипломатический прием на Земле.

Выражение понимания легкой тенью пробежало по лицу директора станции.

— Именно это и дает вам основание подозревать неизвестных диверсантов в сговоре с Объединенными Мирами Земли, верно?

— Верно. У меня закралось такое подозрение, — ответил Эльтор.

— Смею заверить вас, — заявил Стоунхедж, — что никто из присутствующих здесь не испытывает к вам или к членам вашей семьи ни тени враждебности!

Эльтор смерил его пристальным взглядом.

— Вы должны разрешить нам зарегистрировать наш брак!

В разговор вступила Минь.

— Чем ближе вы будете друг к другу, — вкрадчиво произнесла она, — тем быстрее Тина станет мишенью для ваших недругов. Разве она сейчас находится не в большей безопасности?

— Нет, — упрямо произнес Эльтор.

— Извините, — вмешался Стоунхедж. — Но девушка ее возраста нуждается в согласии опекуна на брак! Пока такого разрешения не будет, мы не сможем ничего сделать!

Эльтор отрицательно покачал головой.

— Тина никому здесь не известна. Ее не найти ни в одной базе данных. Если убийцы отнимут у меня жизнь, с ней все равно ничего не случится. Я дал Тине слово, что ни за что не оставлю ее одну. Вместе с именем Селеи она получит и семью, и надежную защиту от всех бед.

Кабату присвистнул:

— Это уж точно!

Только одна я заметила свечение оранжевого оттенка, вспыхнувшее вокруг Эльтора. Оттенок обмана. Дело было не в том, что он солгал, он опасался покушения убийц и намеревался сдержать данное мне слово. Но это было не единственной причиной, побуждавшей его зарегистрировать наши отношения и составить брачный договор. При этом он также защищал и свои личные интересы.

Пришло время говорить мне.

— У меня нет никаких опекунов, — сказала я. — Их давно уже нет в живых.

Уже сотни лет, как нет в живых.

Стоунхедж провел рукой по волосам.

— Если мы можем юридически подтвердить это, то я смогу поставить свою подпись вместо опекуна.

Минь пристально посмотрела на меня.

— Вы уверены в том, что сами этого хотите?

До меня тут же долетела мысль Эльтора:

Может быть, мне не надо здесь больше оставаться? Мне кажется, что она хочет убедиться в том, что ты соглашаешься

добровольно, а не потому, что мое присутствие вызывает у тебя страх.

Я была не в состоянии проанализировать слова Минь, пока находилась в телепатическом контакте с Эльтором. Я покачала головой, и в ту же секунду Джаг подумал: *Носитель сильно истощен.* К моему великому облегчению обостренная чувствительность, которую я испытывала несколько минут назад, пошла на убыль.

— Послушайте, Тина! — обратилась ко мне Минь. — С вами все в порядке?

Я кивнула:

— Да. И еще я согласна стать женой Эльтора. Именно этого я хочу.

— У вас есть время на приготовления к официальной церемонии? — спросила она. Когда я отрицательно покачала головой, Минь улыбнулась. — У меня, наверное, найдется платье, которое я могла бы вам одолжить. Если оно, конечно, вам понравится.

— Нам не нужно переодеваться для того, чтобы подписать договор, — произнес Эльтор.

— Можно подумать, вы собираетесь продать ей принадлежащую вам недвижимость в туманности Ориона! — саркастически заметил Кабату. — Вы же на ней женитесь!

Мне почему-то вспомнилось подвенечное платье моей мамы, висевшее в шкафу где-то далеко в другой галактике и другом времени.

— Эльтор, мне хотелось бы переодеться в платье! — сказала я.

Он обнял меня за плечи.

Мне не хочется расставаться с тобой.

Стоунхедж усмехнулся:

— Командир Селеи, пока дамы будут заниматься всеми необходимыми приготовлениями, я мог бы показать вам нашу станцию.

— Что? — повернулся к директору Эльтор.

Растерянность гудела вокруг него наподобие шмеля. Я почти физически ощутила фрагментацию нейроуровня, позволявшего ему общаться с собеседником, одновременно контактируя с другим псионом.

До меня долетела мысль Джага:

Эльтор, что-то неладно с твоим интерфейсом. Нужно, чтобы ты вернулся ко мне. Тебя необходимо подлечить.

— Командир Селеи! — позвал Стоунхедж. — С вами все в порядке?

— У меня возникла небольшая проблема с биомеханикой, — отозвался Эльтор. — Ничего серьезного.

Затем он мысленно обратился к Джагу:

Я ничего не смогу сделать, если ты заберешь меня для профилактического ремонта. Я не могу оставить Тину с ними одну.

Согласно проведенному мною анализу вероятность того, что эти люди связаны с убийцами, покушавшимися на твою жизнь, составляет 98,9 процента.

Мне это безразлично, подумал Эльтор. *Я не могу никому доверить ее на то время, пока ты отключишь меня.*

Стоунхедж повернулся к Эльтору:

— Мы можем вам чем-то помочь?

— Нет, — ответил Эльтор. — Я хотел сказать, что со мной все в порядке.

Вокруг меня обвилась мысль Джага, намеренно скрываемая от Эльтора:

Послушай, Тина! Ты можешь уговорить его?

А разве ты еще ничего не сделал с ним? мысленно ответила я.

У меня не было достаточно времени, чтобы привести его в норму. После его ухода сделанные мною заплатки начали приходить в негодность. Нарушения речевой функции и логического мышления пока еще минимальны, однако постепенно увеличиваются. Затем на очереди моторная координация и функции внутренних органов. В конечном итоге все это может привести к летальному исходу.

Неужели он не понимает той опасности, которой подвергает себя? спросила я.

Он просто не желает этого знать.

— Я бы все-таки посоветовал вам немного отдохнуть, — обратился к Эльтору доктор Кабату. — А также поесть. Это нужно вам обоим.

— Мы можем устроить для вас обед, — добавил Стоунхедж.

— Доктор Кабату, вы можете убрать шприц? — ледяным тоном проговорил Эльтор.

Резким движением он оказался на другом конце комнаты. Не успело у меня от неожиданности перехватить дыхание, как он выхватил у доктора из рук голубой медицинский шприц.

Кабату удивленно посмотрел на свою пустую руку, затем перевел взгляд на Эльтора.

— Я, конечно, слышал, что Джагернауты быстры как молния, но и представить не мог, как это выглядит на самом деле! Зачем вы это сделали?

Эльтор тем временем разглядывал шприц.

— Это для введения... перитала. Перитала? — Он сердито посмотрел на Кабату. — И кого вы собирались вырубить этой штуковиной?

— Никого, — ответил доктор и, секунду помолчав, продолжил: — Я заправил шприц сразу после того, как узнал, что вы подлетаете к нашей станции. В качестве меры предосторожности. Я как раз собирался его разрядить.

Объяснение врача ничуть не уменьшило подозрительность Эльтора. Я же не обнаружила в словах Кабату никакого обмана. Правда, никакой гарантии того, что он говорит чистую правду, тоже не было. Эмпаты обладают гипертрофированной способностью улавливать чужие эмоции, однако и они иногда ошибаются. И все же что-то подсказывало мне, что доктор говорит правду.

Джаг тут же послал мне свои мысли.

Вероятность того, что этот человек не солгал, оценивается мною в 98 процентов.

Отлично.

Я встала и подошла к Эльтору.

— Ты можешь спокойно вернуться к Джагу. Со мной все будет в порядке.

Эльтор взглянул на меня с высоты своего роста. Волосы его были забавно взъерошены, на лице все то же выражение беспокойства.

— Тина! — начал было он.

Я взяла его за руки.

— Прошу тебя. Пожалуйста!

Эльтор стиснул меня в объятиях. Внезапно возле моего уха раздался щелчок, и Эльтор выпустил меня. Я подалась назад и увидела, что он растерянно смотрит на обломок шприца у себя в руке. Из ладони торчал осколок.

Эльтор перевел взгляд на Кабату.

— Дайте мне противоядие! Срочно! — потребовал он.

— Оно в другом комплекте, — пояснил доктор.

— Тогда принесите новый!

— Он у меня в кабинете.

— Консоль, — невнятно пробормотал Эльтор. — Или нано... дайте только... секунды...

И начал оседать на пол. Стоунхедж вскочил и, бросившись к Эльтору, подхватил под мышки. В ту же секунду директор пошатнулся под тяжестью ноши и повалился на диван, резко ударившись ногами о его край. Эльтора ему пришлось опустить на пол.

— Черт побери, — пробормотал доктор Кабату, перешагивая через безвольно вытянутую руку Эльтора.

Присев на корточки, Кабату снял с пояса какой-то цилиндрик, который тотчас развернулся, превратившись в диагностическую ленту. Врач приложил ее к шее Эльтора. На ней тут же появились какие-то непонятные значки-символы и, сменяя друг друга, крошечные голографические изображения человеческого тела.

Я опустилась на колени рядом с доктором.

— С ним все будет в порядке?

— Проспит несколько часов. Это только пойдет ему на пользу. Я действительно собирался разрядить шприц, — ответил Кабату.

— Теперь уже ничего не поделаешь, — сказала я и поинтересовалась: — Вы можете переправить его на корабль?

— Отвезите его лучше в больницу! — произнес стоявший у нас за спиной Стоунхедж.

— Нет! — заявила я и встала лицом к директору. Ну почему я не такого же роста, что и он! В эту секунду у меня, наверное, был вид зайца, осмелившегося бросить вызов медведю. — Его обязательно нужно переправить на корабль! Джаг отремонтирует его!

— Отремонтирует? — Стоунхедж улыбнулся. — Забавно вы выражаетесь!

— Макс, она права! — произнес Кабату и тоже выпрямился. — Если в его организме разладились какие-то функции, то корабль лучше нас устранит все неполадки! Я, например, просто не знаю, с чего начинать его лечение.

— Вы говорите о нем так, будто это не человек, а машина, — отозвался Стоунхедж.

— А Джагернауты и есть машины, — сказал Кабату. — Мы о них мало что знаем. Командование Имперских Космических Сил держит в секрете любую информацию о них. Но я еще ни

разу не слышал, чтобы весь организм был в буквальном смысле начинен биомеханикой, как у этого. Самое интересное в нем — его ноги. Они *полностью* представляют собой биомеханическое устройство. Даже кости в них ненастоящие.

— Прекрасно, — произнес Стоунхедж. — Пусть техники сообщат кораблю, что его пилот скоро прибудет. — Он сделал паузу. — Может быть, корабль уже знает об этом?

— Сомневаюсь, — сказал Кабату. — Взаимодействие Тела Кайла значительно ослабевает на больших расстояниях. Корабль же находится на «втулке» станции. На такое расстояние даже человек-телепат вряд ли смог бы передать мысль. Не думаю, чтобы такое было под силу Искусственному Интеллекту корабля.

— Но Селеи не обычный оператор, — возразил Стоунхедж. — Он рон.

Я с любопытством следила за их разговором. И впервые получила подтверждение моим догадкам, насколько продвинутыми были соотечественники Эльтора в нейрологии.

— А я сомневаюсь, что псион рона способен на это, — произнес Кабату. — Но кто знает хоть что-то о ронах? Если не ошибаюсь, даже за невинную попытку сделать голографический снимок рона можно легко угодить за решетку. — Кабату перевел взгляд на Эльтора. — Думаю, нам всем пришлось бы несладко, узнай Имперские власти о том, что один из ронов валялся на полу без сознания, а мы тем временем обсуждали действие Тела Кайла.

Стоунхедж подмигнул.

— Конечно, какие могут быть сомнения! Все-таки будет лучше, если вы переправите его на корабль.

Вскоре в комнате появились четыре медика. Погрузив Эльтора на аэроносилки, они поспешно удалились, сопровождаемые доктором Кабату.

Тина, донесся до меня безмолвный мысленный зов Джага. *Ты должна сделать кое-что еще.*

Что же?

Удостоверься в том, что они никому не сообщили о прибытии Эльтора. Никто не должен знать, где он.

А как же его старшие офицеры?

Нет, думаю, не стоит. Я все высчитал — существует вероятность в 99,5 процента, что покушавшиеся на его жизнь убий-

цы связаны с Командованием Имперских Космических Сил. Согласно моим расчетам, вероятность того, что они имеют доступ наивысшего уровня к галактическим сетям, равна 99,9 процента. Если Эльтор задействует псибер- и пространственно-временную сеть, то тем самым может невольно выдать себя, и его врагам станет известно, что он еще жив. Я переправлю вас обоих на планету, принадлежащую семейству Эльтора. Там мы сможем воспользоваться надежным каналом связи, предусмотренным как раз на случай подобных кризисных ситуаций.

Эта информация не слишком обнадежила меня.

А мы можем быть уверены в том, что никто из его родственников не связан с убийцами?

Я на 99,999 процента уверен, что никто.

Откуда у тебя такая уверенность?

Они все роны, ответил Джаг, как будто эти три коротких слова объясняли все.

— Мисс Пуливок! — вывел меня из состояния мысленного разговора с Джагом голос директора станции. — Почему вы на меня так смотрите?

— Я как раз задумалась о сетях, — ответила я. — Пожалуйста, никому не говорите о том, что Эльтор у вас. Если убийцам станет известно о том, что он жив, они не успокоятся до тех пор, пока снова не доберутся до него!

Стоунхедж понимающе кивнул.

— Не беспокойтесь, не скажем!

Отлично, донеслась до меня мысль Джага. Мне даже показалось, что я уловила в его мысленной интонации чувство облегчения. *А уж я постараюсь привить твоему жениху хорошие манеры!*

В ту же секунду перед моим мысленным взором возникла картинка — Джагернаут, с взъерошенными волосами, в трещащем по швам мундире, рявкает на окружающих.

Может, это, конечно, и безнадежно, но я все-таки постараюсь!

Я рассмеялась, но тут же резко оборвала смех, увидев, что Стоунхедж как-то странно на меня смотрит. После чего капеллан Минь увела меня смотреть свадебное платье.

Минь обитала в домике с террасой. Цветы здесь свешивались со всех карнизов и балкончиков. Стены украшала ажур-

ная металлическая вязь. В спальне я увидела кровать, накрытую шикарным одеялом с изображениями попугаев и деревьев-бонсай. На фоне нежно-розового восхода птицы сияли ослепительно яркими красками — зелеными, голубыми, золотистыми, красными. Голографическая ткань делала орнамент объемным, зрительно увеличивая размеры одеяла. Стены украшали голографические картины пагод, цветников, геометрически подстриженных деревьев. На одной из картин прямо на моих глазах разразился порыв ветра и тут же вихрем пронесся по всей комнате, коснувшись и других картин, на которых были изображены совсем другие сценки.

Капеллан Минь принялась перебирать висевшую в шкафу одежду.

— У меня тут кое-что осталось от кузины моей подруги, вот, пожалуйста!

С этими словами она извлекла на свет божий платье — довольно простого фасона, длиной до колена, но очень красивое, с голографическим рисунком поверх белых кружев. Оно напомнило мне другое, из моей прежней жизни, — платье, которое мама сшила мне на пятнадцатилетие.

— Просто прелесть, — обрадовалась я.

Минь улыбнулась:

— Можешь взять его себе. Я его носить не буду.

Ее доброта растрогала меня.

— Огромное вам спасибо!

— Ты не желаешь немного отдохнуть перед регистрацией?

— Скажите, могу я вас кое о чем спросить? — ответила я вопросом на вопрос.

— Конечно. — Она жестом предложила мне присесть за стол. — Надеюсь, что и ты поможешь нам кое в чем разобраться.

— Разобраться? — спросила я, садясь рядом с ней.

— Наследник семейства ронов спасается бегством от наемных убийц и просит зарегистрировать брак с некоей никому не известной юной особой. Вполне естественно, что все это не может не вызывать у нас любопытства. Хотелось бы знать, что же происходит.

— Сама не знаю, — ответила я. Хотя Эльтор и рассказывал мне о своей семье, я мало что поняла из его слов. — Я до сих пор толком не понимаю, кто он на самом деле.

Минь рассказала мне все, что, в свою очередь, было известно ей, поведав древнюю легенду о вымирающем народе. Пять тысяч лет назад Рубиновая Династия безраздельно властвовала в империи звездоплавателей. Для полетов на звезды они захватили брошенные на берегу Исчезнувшего моря корабли — все, что осталось от загадочной расы, — некогда высадивших людей на Рейликоне. Рубиновая Империя познала свой взлет и падение еще за три тысячелетия до рождения Иисуса Христа. Она была одним из наиболее выдающихся и в то же время наиболее хрупких достижений человечества.

Именно эта империя научилась совершать межзвездные перелеты прежде, чем познала простейшие основы физики. А затем ее представители отправились на поиски своей далекой, затерянной в глубинах космоса родины. Землю они так и не нашли, зато заселили множество других планет. Необходимость заставила их научиться азам генной инженерии, с тем чтобы приспособить колонистов к природным условиям новых миров, а также попытаться разнообразить собственный генофонд. Однако империя оказалась слишком хрупкой и потому нежизнеспособной. Ей не хватало ни научных знаний, ни людей, чтобы и дальше продолжать эту космическую гонку. Империя рухнула, а ее разбросанные в космосе колонии оказались в изоляции на четыре тысячи лет.

В конце концов отчаяние заставило рейликан снова пуститься в межзвездные скитания. Среди них резко возросла смертность — генофонд был слишком мал, и раса не могла сохранять жизнеспособность. Рейликане надеялись, что приток свежих генов из заново обнаруженных колоний будет в состоянии их спасти. Но колонии либо сами погибли по причине близкородственных браков, либо генетический сдвиг слишком отдалил их от бывших соплеменников-эмпатов. Гены Кайла нередко приводили к летальным уродствам. Процветали только те колонии, чей генофонд утратил эмпатические черты.

Однако гены Кайла полностью не исчезли. Родители Эльтора были псионами Рона, в честь генетика Рона. Проект Рона ставил перед собой двоякую цель. Используя ДНК представителей Рубиновой Династии, генетик добился повышенного уровня эмпатии и произвел на свет семейство Эльтора. Используя другую ДНК, Рон искусственно создал так называе-

мых купцов-аристо, которых отличала невосприимчивость к боли.

Аристо являются причиной того, что генетические эксперименты с операторами Кайла объявлены незаконными. В некотором смысле аристо представляют собой противоположность эмпатам. Они способны воспринимать чужие эмоции, однако их «приемное устройство» ненормально: оно настроено лишь на улавливание чужой боли. Сигнал должен поступать от эмпата — того, чей мозг усиливает его до такой степени, чтобы аристо его воспринял. Мозг аристо, пытаясь понизить свою чувствительность к боли, направляет сигналы в нервные центры, воспринимающие боль как удовольствие.

— Так вы считаете, что это аристо пытались убить Эльтора? — спросила я.

— Не думаю, — ответила Минь. — Они бы предпочли схватить его живым. Может, кто-то желает помешать его браку. — Минь развела руками. — Видишь ли, фактически он просит нас заключить договор между нашим и его правительством. Обычно на подготовку такого договора уходят годы.

— А почему его женитьба на мне предполагает подписание договора?

Моя собеседница улыбнулась.

— О, эта история стара как мир! Два государства желают при помощи династического брака укрепить политический союз!

Рассказ Минь сильно меня удивил. Тогда я не знала, что народ Эльтора считает семью чем-то более важным, чем правительство. Рейликане шесть тысячелетий боролись за то, чтобы выжить и сохранить себя как расу. За это время их империя достигала величия и распадалась, а затем вознеслась снова. Способность дальнейшего продолжения рода являлась для империи самым прочным символом единения. Двести лет назад Имперская Ассамблея устроила брачный союз между мужчиной из Объединенных Миров и матерью Эльтора. Брачный договор составил собой несколько томов. Хотя брак в конечном счете распался, государственный договор оставался в силе до начала войны между сколийцами и купцами, когда Земля изменила интересам Империи.

Было ли это действительно предательством? Все зависит от того, с какой точки зрения рассматривать происходящее. Во время войны Имперским флотом командовала тетка Эльтора,

Соскони Валдория. В соответствии с условиями договора она отправила наиболее уязвимых ронов на Землю, где те могли бы чувствовать себя в безопасности. После войны Объединенные Миры отказались отпустить ронов на родину — из опасения, что это снова повлечет за собой уничтожение звездных миров. Еще более осложнило ситуацию то, что купцы согласились выпустить на свободу своего самого ценного военнопленного — отца Эльтора — в обмен на освобождение сына их покойного Императора.

— В конце концов имперская группа, занимавшаяся проведением спецопераций, освободила насильно удерживаемых на Земле ронов, — продолжила свой рассказ Минь. — Но из-за этого мы едва не ввязались в войну. Вполне допустимо, что сами рейликане вымирают, однако их империя процветает, особенно после того, как их генофонд обновился за счет притока генов иммигрантов из Объединенных Миров. Единственная причина, по которой они не уничтожили нас, состоит в том, что, несмотря на нашу малую численность, мы сильны и помогаем сохранять военно-политическое равновесие, имея в союзниках любое из государств.

Я задумалась.

— Так, значит, родители Эльтора — роны. Оба. Верно? И они, — я попыталась подобрать наиболее тактичное выражение, — в некотором отношении состоят в довольно близком родстве.

— Это называется инбридингом — скрещиванием близкородственных биологических особей, — пояснила Минь. — Впрочем, не мне их осуждать. Ведь для ронов инбридинг — едва ли не единственный способ воспроизводства себе подобных. — Минь смерила меня пристальным взглядом. — Ты знаешь свой рейтинг по эмпатической шкале Кайла?

— Понятия не имею, что это такое.

— Она характеризует способность к восприятию и излучению эмоций. Ее также называют пси-шкалой, и в ней используется система баллов. Девяносто девять процентов людей по этой шкале имеют ноль-два балла. Те, кто при тестировании способен набрать более трех баллов — то есть примерно один человек из тысячи, — являются эмпатами. Шесть баллов по пси-шкале соответствуют понятию «телепат». Телепаты встречаются среди людей редко, лишь один человек из миллиона

может оказаться телепатом. Набрать десять баллов способен лишь один человек из десяти миллиардов. Сама шкала обрывается на отметке 11—12 баллов. Рон-операторы, такие как Эльтор, называются просто ронами без всякой привязки к числу баллов, потому что их рейтинг настолько высок, что не поддается точной классификации. Кроме того, число ронов настолько мало, что они, можно считать, находятся на грани вымирания.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы переварить сказанное моей собеседницей.

— Он считает меня телепатом. Но до встречи с ним я не замечала за собой никаких телепатических способностей.

Минь согласно кивнула:

— Я тоже слышала, что обычно, когда возникает мысленная связь между двумя или более операторами, более сильный из них способен увеличивать способности других. Но даже если рассматривать ваши способности отдельно от него, ваш рейтинг все равно окажется очень высок — балла четыре или пять.

Четыре. Или даже пять. Вот уж не думала, что я чем-то отличаюсь от остальных людей. После того как Минь оставила меня, чтобы дать мне время отдохнуть, я улеглась прямо на одеяло и обратила мой мысленный зов к Джагу.

Слушаю!

Как там Эльтор?

Спит. Я все еще занимаюсь им.

Мне хотелось бы побольше узнать об операторах Кайла.

Могу предоставить тебе доступ в библиотеку.

А это не отвлечет тебя от твоей работы?

Нет. Предметный указатель — это всего лишь второстепенная автоматическая функция. Он не требует от меня особого внимания.

В моих мыслях возникли строчки меню.

Предметный указатель.

Помощь.

Выход.

Предметный указатель, подумала я.

Я закрыла глаза, и перед моим мысленным взором возникла библиотека — помещение, до самого потолка заставленное полками с множеством книг. Библиотекарь с внешностью Мартинелли усадил меня в кресло. В ответ на мои вопросы он либо приносил книги, либо усаживался рядом со мной и начинал

объяснять. Свои слова он подкреплял жестами и вдавался в мельчайшие подробности.

Существует несколько сотен генов Кайла. Это аллели, или альтернативные формы нормальных генов. Мутации. Подобно прочим мутациям они приносят больше вреда, чем пользы. К счастью, они являются полностью рецессивными, то есть никак не обнаруживают себя до тех пор, пока не наследуются от обоих родителей. Люди, несущие одну аллель Кайла и один нормальный ген, являются нормальными. У тех же из них, кто является обладателем парных аллелей, неизменно возникают проблемы. Анемия. Отсутствие конечностей или органов. Болезни легких или сердца. Аномалии в развитии нервов, мышц, кровообращения. Дефекты мозга. Эмбрионы Кайла часто погибают спустя несколько недель после зачатия. Те, кому посчастливилось выжить, редко доживают до полового созревания.

Гены Кайла сохраняются в человеческом генофонде потому, что в случае непарности помогают людям — своим носителям. Именно по этой причине сохраняется серповидная анемия. Носители одной нормальной и одной мутированной аллели, вызывающей серповидную анемию, не только практически не проявляют симптомов заболевания, но и совершенно невосприимчивы к малярии. Люди с непарными генами Кайла редко проявляют вредные мутации, зато их отличают повышенные способности к эмпатии. Это помогает им быть хорошими родителями, а их дети также мечтают о том, чтобы обзавестись семьей. Они становятся родителями чаще, чем их обычные сверстники. Генетические фонды поддерживают равновесие: гены Кайла сохраняются, однако эмпатов на свет появляется все-таки очень мало по причине ослабляющего эффекта, возникающего при спаривании генов.

Все роны несут в себе какую-либо форму каждой аллели Кайла, причем каждая из таких аллелей является парной. Так откуда же им быть здоровыми? Все зависит от многих факторов: особых последовательностей в генах, участков ДНК, именуемых *интронами*, расположением генов в хромосомах, количества представленных аллелей. Одна отдельная аллель может привести к появлению нежелательных черт, присутствие другой аллели может такую черту подавить. Гены имеют также плейотропический характер, то есть выполняют несколько фун-

кций. В исключительно редких случаях эмпат может появиться на свет здоровым или почти здоровым, подобно Эльтору. Однако существует и целый ряд проблем. Например, высокий процент самоубийств.

Даже сейчас, когда псибернетики обучают эмпатов тому, как приглушать нескончаемый поток эмоций, поступающих от других людей, эта проблема все равно сохраняет актуальность.

Джагернауты снабжены защитой — их биомеханические сети способны выделять блокиратор, своеобразный наркотик. Он подавляет псиамин, нейротрансмиттер, необходимый для расшифровки чужих эмоций. Иными словами, Джагернауты способны блокировать эмпатические сигналы. Однако из сети поступает лишь ограниченное количество блокиратора, поскольку избыток его отрицательно сказывался бы на основных функциях Джагернаутов.

Эмпаты, не обладающие биомеханикой, также умеют блокировать эмоции, хотя и менее эффективно, при помощи биологических резервов, предназначенных для подавления псиамина. Я научилась делать это еще в детстве, не понимая механизма этого процесса, просто представляла себе зеркало, в котором отражаются эмоции других людей, снова возвращающиеся к ним. Еще я представляла себе крепостные стены, окружающие мои мысли, или, в роли той же стены, — ослепительно белый свет.

У всех есть Принимающее Тело Кайла (ПТК) и Излучающее Тело Кайла (ИТК). Нормальные гены производят энзимы, ограничивающие рост этих органов. Люди со спаренными генами Кайла не способны производить эти энзимы в нужном количестве. Поэтому их ПТК и ИТК продолжают расти. Вместо нескольких активных молекулярных участков появляются тысячи или даже миллионы. Вероятность появления на свет существа подобного Эльтору — здорового Кайл-оператора с миллиардами активных участков ПТК и ИТК — с точки зрения теории вероятности практически равна нулю.

Однако природа терпелива.

Люди заселили более трех тысяч планет: купцы — полторы тысячи, соотечественники Эльтора — девятьсот, жители Земли — триста. Три триллиона людей. Умножьте это число на сотни лет, в течение которых люди уже знали, как находить Кайл-операторов, и цифры покажутся еще более ошеломляю-

щими. Из всех людей с полным комплектом генов Кайла лишь двое сумели произвести на свет здоровое потомство. Оба были псионами Рона. Один из них, гигант с золотистой кожей, стал отцом матери Эльтора и ее сестры, которая была Эльтору одновременно и теткой, и бабушкой со стороны отца. Вторым был дед Эльтора по линии отца. Бабушка Эльтора по линии матери была результатом рон-проекта. Его дед и бабка произвели на свет здоровое потомство потому, что сами происходили из разных генофондов, а также потому, что их ДНК методом естественного отбора определила пути подавления вредных черт.

Однако роны являются своего рода генетическими бомбами, которые когда-нибудь дождутся своего часа и взорвутся. Самой жуткой мутацией является СК-комплекс. Он сформировался еще у первых поколений рейликан в результате облучения, которому те подверглись при разборке оборудования поврежденных межзвездных шаттлов. Эльтор как раз и является носителем такого комплекса. Библиотекарь заверил меня, что половая принадлежность сохраняет его жизнеспособность. Кстати, он так и не понял, почему его последние слова вызвали у меня улыбку. Вернее, он сказал что-то про половые хромосомы. Мужской пол определяется наличием одной X и одной Y-хромосомы, женский — двумя X-хромосомами. У женщин только одна X-хромосома полностью активна в каждой клетке, в противном случае женщины бы получали двойную дозу генетической активности. Однако гены проявляют себя — в том числе и, к несчастью, СК-комплексом — и в пассивной, «спящей» X-хромосоме. Это происходит только в X-хромосоме и не имеет гомолога в Y-хромосоме, поэтому ни один мужчина не может быть носителем такой спаренной хромосомы. В неспаренной хромосоме СК-комплекс безвреден и подавляет другие мутации.

В спаренной он убивает эмбрион.

В силу того что СК-комплекс подавляет другие мутации, рейликане только с одним СК-геном имели более высокий порог выживаемости, чем те, у которых такого гена не было. Поэтому комплекс стал получать все более широкое распространение, несмотря на многочисленные попытки уничтожить его. Вскоре все рейликане стали носителями этого комплекса. В результате спаренный СК обнаруживал себя у каждого второго

эмбриона женского пола, и девочек, которым удавалось выжить, резко сократилось.

Когда рейликане поняли, что происходит, женщины без СК-комплекса стали предпринимать попытки клонировать себя, используя свои зиготы, или оплодотворенные яйцеклетки. Одноклеточная зигота «всемогуща»: все ее ДНК отличаются активностью, и она способна привести к появлению человеческого существа. То же самое верно и в отношении двух клеток, образующихся при делении зиготы. Разделив их, можно получить пару внешне похожих близнецов. Два деления приведут к появлению четырех особей, а четыре — восьми. Шестнадцать уже не срабатывают — зигота теряет свое «всемогущество» после трех делений.

Эмбрионы с ДНК Кайла неодинаковы: чем больше генов Кайла, тем меньше шансов искусственного деления зиготы. Большинству рейликан везет — им удается произвести на свет близнецов-клонов. Однако в семье Эльтора не везло и с «близнецами». Даже если клетки и развивались в эмбрионы, получающиеся в конечном итоге клоны утрачивали эмпатические способности и бывали подвержены различным патологиям. Несколько попыток создать ронов-близнецов закончились в семье Эльтора трагедией. Эксперименты с ее членами были объявлены незаконными. Увы, это была запоздалая попытка со стороны Имперского комитета по этике защитить семью от сомнительных действий правительства.

Однако научные поиски не остались безрезультатными. Ученые научились «пробуждать к жизни» пассивные, «спящие» ДНК в клетках, утративших способность к половому делению. Сегодня — правда, чисто теоретически — они могут создать клона из любой клетки. Ученые извлекают ядро из оплодотворенной яйцеклетки и заменяют его «разбуженным» ядром. «Разбудить» ДНК — дело достаточно сложное, почти такое же, как найти подходящую яйцеклетку. Для создания клона Кайла необходима яйцеклетка женщины со способностями эмпата, поскольку в противном случае эксперимент не увенчается успехом. При помощи женщин-эмпатов из заново открытых колоний рейликане могут клонировать себя, однако положительных результатов в деле сохранения своей расы они пока добиваются не слишком часто.

У псионов Рона разбуженное ядро является попросту слишком чувствительным к воздействию окружающей среды. Все клоны погибают. После жарких дебатов с комиссиями по этике одна группа ученых попыталась клонировать тетку Эльтора, поместив ядро разбуженной ДНК в яйцеклетку ее матери. Попытка оказалась неудачной. Ученые тщательно воссоздали яйцеклетку, воспроизведя ее ДНК элемент за элементом. Погиб и этот клон. Возможно, когда-нибудь генетики все-таки успешно осуществят поставленную перед собой задачу, однако сих пор их преследовали неудачи.

Почему же так важно научиться производить новых и новых ронов? Ассамблея использует их в псиберсети, связывающей воедино Сколийскую Империю. Любой телепат с биомеханической сетью может войти в сеть, однако только телепаты-роны обладают силой, достаточной для того, чтобы приводить ее в действие. Без них псиберсеть попросту прекратила бы свое существование.

Даже если и будет найден способ клонирования ронов, это станет лишь частичным решением проблемы. Псиберпространство подчиняется законам квантовой механики, в том числе и Принципу Исключения Паули, только применительно к кванту мысли, а не света или вещества. Подобно тому как два любые фермиона никогда не могут иметь сходные квантовые числа, так и никакие два разума в звене, управляющем псиберсетью, не могут оказаться одинаковыми. Поэтому даже десять клонов одного человека не способны решить проблему. Даже близкородственные браки не в состоянии принести пользы после одного или двух поколений. Кроме того, при этом возникают проблемы этического свойства, поскольку чем больше инбридинг, тем больше сходства может возникнуть между потомством.

Библиотека предоставила мне ряд леденящих кровь фактов, которые Имперская Ассамблея никогда еще не делала достоянием гласности. Вопреки широко бытующему представлению Рон не произвел на свет псиона-рона. Генетик быстро понял, что, пока не найдет способ уничтожать вредоносные эффекты генов Кайла, ему ни за что не создать здоровых телепатов. Именно поэтому он и экспериментировал с терпимостью к боли. Ген, ответственный за распознавание болевых ощущений, также препятствует выделению энзима, который

ограничивает рост ИТК и ПТК. Поэтому носители этого гена, как правило, имеют повышенное ПТК и более чувствительны к боли. Рон попытался, повысив толерантность к боли, отделить эти свойства сохранением повышенного развития ПТК. Во избежание каких-либо осложнений он выбрал объектами своего эксперимента лиц — носителей лишь тех генов Кайла, которые вызывали у него особый интерес. Эти люди не имели генов, необходимых для создания операторов Кайла, и поэтому не являлись эмпатами. Поскольку задействован был только один ген, были все основания рассчитывать на положительный результат. Группа Рона работала над проектом несколько долгих лет, причем на каждом этапе их работу контролировала комиссия по этике.

Поначалу проблемы не бросались в глаза. Человеческие особи, которых создавал Рон, выглядели немного странно. У них были красные глаза и блестящие черные волосы, но по сравнению с результатами генетических экспериментов в далеких колониях это не казалось чем-то необычным. Все получалось почти так, как и предполагалось. Все творения Рона отличались именно теми чертами, которых он и надеялся добиться, — повышенной толерантности к боли и увеличенное ПТК. Все омрачалось одним недостатком — ПТК клонов регистрировало лишь сигналы боли. В то же время мозг их получал приказ *усиливать терпимость к боли,* причем таким образом, что болевые сигналы перенаправлялись в центры сексуального наслаждения.

Это изменило всю межзвездную историю.

Когда Рон понял, что произошло, то осознал значение случившегося гораздо лучше, чем всезнающие и всеведающие члены комитетов, контролировавших его работу. Он честно сообщил этим всезнайкам-комитетчикам о том, что созданные им человеческие существа необходимо уничтожить. На фоне разгоревшихся бурных дебатов творения Рона — будущие аристо — убили своего создателя, похитили или уничтожили всю его научную документацию и зажили своей собственной жизнью.

Раса, равнодушная к страданиям других людей, может вызвать настоящий хаос во вселенной, населенной более мирным, способным к состраданию человечеством. Только после того как число аристо достигло нескольких тысяч, когда они стали «наступать друг другу на пятки», их экспансия постепен-

но пошла на убыль. Эти несколько тысяч вскоре создали свою собственную, брутальную империю.

Они также продолжили работу, начатую Роном, в надежде создать расу суперэмпатов. Зачем? Чем сильнее эмпат, тем сильнее и сигнал от испытывающего боль человека и соответственно тем мощнее наслаждение, которое получают аристо. Аристо клонируют эмпатов во имя достижения удовольствий, цинично называя их Источниками. Они ищут их с той же страстью, которая может сравниться разве что с потребностью в пище и сне.

В конце концов они добились заветной цели: им удалось создать двух телепатов-ронов, мужчину и женщину, которых можно было бы использовать в целях выведения ценного потомства. Юноша, с предельной ясностью осознавая свое будущее, лишил себя жизни. Достигнув взрослого возраста, женщина сбежала, убив собственных создателей — в отместку за смерть своего товарища по несчастью. Она также уничтожила все документы, которые имели отношение к работам, приведшим к ее рождению. В настоящее время она является единственным известным псионом Рона, успешно созданным в лабораторных условиях.

Эта женщина — бабушка Эльтора.

Джаг, мысленно позвала я.

Да, отозвался Джаг.

Родители Эльтора состоят в близком родстве. Ему посчастливилось родиться нормальным, без всяких патологий.

Джаг немного помолчал.

У него есть хромосомная патология. Лишняя Y-хромосома.

Ты хочешь сказать, что его хромосомный набор XYY?

Именно.

А разве у людей с лишней половой хромосомой не возникает никаких проблем? Я вспомнила о детях, которых мы с ним мечтали завести. *Что-то вроде бесплодия?*

Мужчины с дополнительной Y-хромосомой отнюдь не бесплодны. Кроме того, они не передают эту лишнюю Y-хромосому потомству.

И тем не менее?

Их рост часто превышает средний.

И только-то?

Джаг снова умолк.

Их интеллект ниже среднего уровня.

К Эльтору это не относится. Он же ученый в области ракетостроения или ракетный инженер.

Ты права. Большинство Кайл-операторов имеют интеллект выше среднего благодаря своим дополнительным нервным структурам.

Это все его отличия?

Джаг снова сделал паузу.

Значительное количество мужчин, содержащихся в тюрьмах, обычно относятся к генотипу с хромосомным набором XYY, особенно те, чей рост превышает шесть футов.

В моей памяти всплыла полузабытая сводка новостей, которую я когда-то услышала на моей далекой, родной Земле.

Потому что они более агрессивны. Более склонны к насилию?

Верно.

Эльтор совсем не такой.

Как только я произнесла эти слова, то поняла, что согрешила против истины. После того как Джаг ничего не ответил, я добавила:

Он не склонен к криминальному насилию.

Ты права, не склонен. Но тут дело не в одной только генетике. На развитие личности влияет ряд факторов: воспитание, сам тип личности, окружение.

Почему ты мне об этом говоришь?

В результате умозаключений, имеющих целью смоделировать твое будущее, прихожу к следующему выводу: ты будешь считать агрессивные наклонности неприемлемыми для себя.

Ты думаешь, что я буду протестовать?

Да.

Тогда твоя информация неверна.

Да, сведений о тебе, которыми я располагаю, недостаточно, согласился Джаг. *Я увеличил их за счет поведенческих моделей, полученных из алгоритмов, приложимых к гамма-гуманоидным особям женского пола с близким тебе фенотипом.*

Означает ли это, что ты основал свою догадку на моей внешности?

Совершенно верно.

С кем же ты меня сравнивал?

У тебя внешность рейликанки. Поэтому я экстраполировал модели поведения представительниц Рубиновой Династии. Однако модели, которыми я располагаю, становятся нестабильными. Наиболее стабильные же, напротив, совершенно не соответствуют истинному поведению рейликанских женщин. Такая женщина будет обязательно тяготеть к мужчинам с пониженной агрессивностью. Ты же, как мне кажется, стремишься к противоположному.

Я моргнула.

Никогда раньше ни о чем таком не задумывалась.

Учитывая твой небольшой рост и неагрессивный характер в сочетании с субкультурой, сформировавшей твое ближайшее окружение, твой критерий при выборе партнера вполне логичен.

Тогда тебе известно, что я никогда не брошу Эльтора.

Я введу сказанное сейчас тобой в мои поведенческие модели.

Мне показалось, что мой ответ вызвал у него глубокое удовлетворение. Интересно, как далеко может зайти Джаг в стремлении защитить своего пилота?

Глава 12
ЗВЕЗДНЫЙ СОЮЗ

Минь распахнула дверь, и моему взгляду открылась целая бездна звезд: рубинов, топазов, сапфиров и опалов. Я стояла рядом с ней у входа, ведущего на Палубу Обозрения. Непрозрачной была только стена, оставшаяся за моей спиной. Остальная часть комнаты была из армированного стекла и являла собой пузырь, выдававшийся наружу на «нижней» стороне колеса станции. В центре помещения возвышалась сделанная из хрусталя кафедра, отчетливо выделявшаяся на фоне звездного пейзажа. На ней стояла какая-то лакированная шкатулка, а также ваза с одной-единственной розой. Рядом с ними лежала открытая книга, настоящая книга из бумаги с кожаным переплетом, огромная по нашим временам редкость, настоящий антиквариат. Я попросила у Минь разрешения воспользовать-

ся ею, потому что электронная голокнига явно не соответствовала предстоящей торжественной церемонии.

Помещение постепенно заполнялось людьми — они либо оставались стоять на месте, либо расхаживали из стороны в сторону. Среди присутствующих был и доктор Кабату, одетый в спортивный костюм с наплечными шевронами НАСА и Объединенных Миров. Стоунхедж, облаченный по такому случаю в парадный мундир, стоял возле кафедры. Грудь его украшали медали, а расшитая золотом форма сверкала и переливалась, словно присыпанная звездной пылью.

Я не сразу поняла, что сияние исходит не от звезд. Окружающая обстановка ошеломила меня, а Эльтор был настолько не похож на себя, что я лишь через несколько секунд поняла, что это он стоит рядом со Стоунхеджем. Золотистая голографическая ткань его костюма ярко сияла, от чего казалось, будто свет исходит откуда-то из ее глубины. Покрой был по-спартански простым — свитер с поперечными полосами, от чего его плечи казались еще шире, и брюки с лампасами более темного золотистого оттенка. Брюки заправлены в высокие, по колено, золотистые ботинки, начищенные до зеркального блеска. На поясе искривленный меч в золотых ножнах.

Когда Минь проводила меня в глубь помещения, Эльтор посмотрел в нашу сторону и пожал плечами. Как и у меня, вид у него был сконфуженный — события развивались с молниеносной быстротой, и мы едва поспевали за ними. Минь подвела меня к Эльтору, а сама заняла место за кафедрой.

Эльтор не отрывал от меня глаз, и Стоунхеджу пришлось легким толчком вывести его из состояния легкой задумчивости. Когда Минь откашлялась, мы оторвали друг от друга взгляд и повернулись в ее сторону. У нас с Минь ушло немало времени на поиск соответствующей церемонии. В конце концов нам удалось-таки откопать описание бракосочетания по католическому обряду трехсотпятидесятилетней давности. Меня удивило, что капеллан Минь может прочитать мессу, — в ту пору я еще не знала о хартии Межрелигиозного Совета Объединенных Миров, согласно которой всем желающим в отдаленных колониях, где затруднена возможность отправлять религиозные культы, предоставляются религиозные пастыри, или межзвездные капелланы.

Мы отправили текст церемонии Джагу на одобрение Эльтору. Джаг ответил согласием, но я подозреваю, что Эльтор его даже не видел. У меня было такое чувство, будто его разум спит, ведь Джаг продолжал работать над ним.

Мы с Эльтором заняли место перед кафедрой, пытаясь вникнуть в содержание ритуала, пока Минь что-то зачитывала вслух. Я в это время думала о доме, о тех людях, с которыми хотела бы разделить радость сегодняшнего дня, — о Мануэле и мой маме.

— Тина! — вывел меня из состояния задумчивости голос Минь.

Мне тут же стало ясно, что церемония приостановилась.

— Да?

Минь повернула голову к Стоунхеджу:

— Он не примет этого условия!

— Это незаконно! — отозвался тот, причем достаточно тихо, чтобы его не услышали присутствующие.

— Тина сама выбрала этот обряд, — произнес Эльтор. — Если Джаг принял такой текст, то это — ее выбор.

Стоунхедж хмуро посмотрел на него.

— Вы не прочитали текст собственной церемонии бракосочетания?

— Я не смог этого сделать, — ответил Эльтор. — Джаг только разбудил меня.

— Послушайте, Макс! Это был ее выбор! — сказала Минь. — Она настояла на этом!

— Но это незаконно! — возразил директор станции. — Мы и так нарушаем закон, выступая в роли ее опекунов. Я не могу дать санкцию на пожизненный срок брачного союза семнадцатилетней девушке.

— А разве у вас не становятся мужем и женой на всю оставшуюся жизнь? — наивно осведомилась я.

— Во всяком случае, не в вашем возрасте! — отрезал Стоунхедж. — Вы можете заключить брачный контракт лишь на десять лет. Это и так максимальный срок. Когда подойдет время его возобновления, вы уже достигнете должного, законного возраста, позволяющего вам решать, хотите ли вы провести остаток жизни вместе с этим человеком, вашим избранником.

— Думаю, мы должны пойти им навстречу, — вмешалась Минь. — Юридические определения никак не подходят к данной ситуации.

Я едва ли не кожей ощущала излучаемое Стоунхеджем отчаяние. Однако когда Минь вопрошающе посмотрела на директора, тот лишь снисходительно махнул рукой:

— Продолжайте! Вернее, заканчивайте!

Минь подсказала нам несколько строчек:

— В горе и в радости.

— В горе и в радости, — повторил Эльтор.

— Пока смерть не разлучит нас.

— Пока смерть не разлучит нас.

После того как я повторила слова брачных обетов, Минь продолжила. Она прочитала вслух отрывок, в котором говорилось об обмене обручальными кольцами, каковых, впрочем, у нас не было. Тогда она открыла лакированную шкатулку и извлекла из нее золотое кольцо. У меня от удивления открылся рот. Минь тем временем протянула его Эльтору. Тот удивленно посмотрел на кольцо.

— Что мне нужно делать?

Минь улыбнулась:

— Повторяйте за мной: «Этим кольцом я беру тебя в жены и вверяю себя тебе».

Лицо Эльтора утратило выражение, словно перейдя в компьютерный режим.

— Я не нахожу этой фразы. — Он вернулся в нормальное состояние. — Что означают слова: «вверяю себя тебе»?

— Неплохой вопрос, — пробормотал Стоунхедж. — По крайней мере жених не стал возражать.

Когда Минь смерила его острым взглядом, Эльтор вытянул вперед руку, как будто желал оградить себя от ее недовольства.

— Вверяю себя тебе, — пояснила она Эльтору, — означает ваше обещание стать ее мужем. Наденьте кольцо на безымянный палец руки вашей невесты!

Эльтор надел кольцо мне на палец.

— Этим кольцом я вверяю себя тебе.

Я поспешно прижала руку к губам, стараясь не засмеяться. Минь вручила мне второе кольцо, сделанное из мягкого желтого металла. Как оказалось, золота очень высокой пробы. Меня привели в смятение щедрые дары, которые преподнесли нам обитатели космической станции.

— Благодарю вас, — произнесла я.

Эльтор также кивнул в знак благодарности.

Я аккуратно надела ему на палец кольцо. Он покрутил рукой, рассматривая его с разных сторон. Затем Минь отслужила мессу и прочла молитвы, адресованные новобрачным, то есть нам. Станция медленно оборачивалась вокруг своей оси, и вскоре перед нашими взглядами проплыла, подобно величавой богине древности, планета Афина. Мне показалось, что все это я вижу во сне, будто я плыву в безбрежном океане звездной пыли.

Минь приступила к последнему благословению, но Эльтору, видимо, показалось, что она закончила. Не успела капеллан договорить до конца фразу, как он уже обнял меня за талию и поцеловал. Я на какой-то миг замерла от испуга, не зная, что мне сейчас делать. И тогда я ответила на его поцелуй.

— Не обращайте на нас внимания, — произнес Стоунхедж.

Минь дружелюбно рассмеялась.

— Видимо, не стоит продолжать далее церемонию. Жених может поцеловать невесту.

Все дальнейшее я воспринимала как в тумане. Директор станции принялся знакомить нас с гостями: учеными, администраторами, колонистами, военными. Все это время звезды продолжали свой удивительный парад вокруг нашего прозрачного «пузырька», гипнотизируя меня своим величием. Сверкающая дымка, излучаемая голографической тканью мундира Эльтора, сливалась с золотистой дымкой, излучаемой моим усталым мозгом. Вскоре мне показалось, что я со всех сторон окружена золотистым туманом.

В конце концов нам на выручку пришел доктор Кабату, любезно проводив в пустое, тихое помещение со скамьей вдоль круглой стены и столиком-консолью посередине. Как только он вышел, мы вместе устало опустились на скамью.

— Наконец-то, — произнес Эльтор. — Никогда не знал, что нужно говорить в подобных случаях.

Я рассмеялась.

— Тебе и не нужно ничего говорить. Им всем просто хотелось посмотреть на тебя.

Голос Эльтора смягчился.

— Когда вы с Нэнси Минь вошли в дверь, у вас за спиной падал свет, и вокруг тебя возник ореол. — Он прикоснулся к атласной ткани моего платья. — Твое платье так удивительно сверкает! В нем ты похожа на ангела!

— Я то же подумала о тебе.

— Что я тоже похож на ангела? — рассмеялся он. — Меня по-всякому называли в моей жизни, но ангелом — ни разу.

— А я подумала, что ты похож на настоящего героя, — улыбнулась я.

— Вряд ли.

— А мне кажется, что да, похож!

— Вот поэтому-то они и заставляют нас надевать эти клоунские наряды! — Эльтор указал на свою форму. — Командование Имперских Космических Сил придумывает фасоны военной формы на основе компьютерных выкладок и рекомендаций психологов.

— Даже это? — Я прикоснулась к его боевому мечу.

— Вообще-то это мое личное оружие. Оно перешло ко мне по наследству. Это церемониальный меч Абаджа Такалика. Мой дед получил его в день своей свадьбы.

Я удивленно посмотрела на него.

— Как ты сказал? Абадж Такалик? Это же город народа майя! Он находился недалеко от границы с Гватемалой. Его развалинам уже более двух тысяч лет.

— Город? — У Эльтора от удивления приоткрылся рот. — Абадж, о котором я веду речь, — это братство, возникшее шесть тысяч лет назад для охраны Рубиновой Династии. Недавно они поклялись, не щадя своей жизни, защищать мою семью.

— Они телохранители?

Эльтор утвердительно кивнул.

— Главная их задача — присутствие на торжественных церемониях. Телохранителями моих родителей являются Джагернауты. Однако защита Рубиновой Династии — священная обязанность Абаджа. — Секунду помолчав, Эльтор сухо добавил: — Впрочем, последние пять тысяч лет властью мы не обладали.

— Джаг рассказал мне о псиберсети, о том, как важна для нее твоя семья.

— Для того чтобы управлять ею, необходимы три Ключа. Моя мать самая старшая, она является связующим звеном с Ассамблеей. Мой дядя Келрик — военный Ключ. Он также командует Имперским флотом. — Эльтор на какое-то мгновение замолчал. — Третий Ключ, мой дед, умер пятьдесят лет назад. Его место должен был занять мой отец. Но купцы похитили Третий Замок.

— А как же можно похитить Замок?

Эльтор улыбнулся.

— Видишь ли, замок — это контрольная база. Мой отец присоединялся бы там к энергетическому центру сети. Купцы не могут пользоваться им, потому что у них нет псионов Рона, но и нам его не отдают.

Тогда я еще не связывала то, что мне рассказывал Эльтор, с тем, что Минь сообщила мне чуть раньше об обмене пленными сразу после окончания последней войны, когда освободили отца Эльтора. Этот обмен состоялся до того, как имевшие к нему отношение официальные лица купцов узнали, что их военные держали в плену Ключ. Я часто задумывалась над тем, как бы они поведи себя, если бы узнали, что у них в плену и Замок, и Ключ. Отказались бы они выпустить на свободу отца Эльтора, будь им известно, что юноша, на которого они его поменяли, — их будущий Император?

— Вам нужно создать еще один Замок! — сказала я.

— Как? Мои предки обнаружили эту технологию где-то в развалинах Рейликона. Мы поняли, как совершать межзвездные перелеты, но до сих пор не разгадали принципов действия их псибертехнологий.

— Не понимаю. Почему псиберсеть так важна для вас?

Эльтор уперся локтями в колени и немного подался вперед.

— Она позволяет нам связываться друг с другом на огромных расстояниях практически мгновенно. Единственная альтернативная возможность связи — отправка межпланетных сообщений при помощи электромагнитных волн, путешествующих со скоростью света, или космического корабля, но тогда вступают в действие законы теории относительности. Имея же дело с этой самой относительностью, никогда нельзя быть до конца уверенным, когда же это самое сообщение достигнет места назначения. Хуже всего инверсия. Во время инверсии сигналы, которые ты посылаешь другим инверсирующим кораблям, могут прийти в любое время, даже еще до того, как ты отправил его, или не достигнуть другого конца вселенной. — Эльтор повернул ко мне руку, демонстрируя пси-разъем. — Псиберсеть позволяет делать это обходным путем. С той же скоростью, с какой я формулирую свою мысль, любой телепат в сети способен ее уловить. Скорость передачи информации играет жизненно важную роль в военном деле. Представь себе

огромного неповоротливого воина и его маленького юркого противника. Как ты думаешь, у кого из них больше шансов на победу? Купцы, несомненно, разгромят нас, если им посчастливится нас схватить. Но они слишком неповоротливы. Вот поэтому-то нам и удается оставаться в живых.

— Давид и Голиаф, — произнесла я и пояснила: — Это такая легенда о юноше, победившем великана.

— Я бы многое отдал, чтобы победить их, — сокрушенно вздохнул Эльтор. — Теперь, когда у них есть Замок, единственное, что им нужно, — это Ключ. Нас, ронов, одиннадцать. Одиннадцать потенциальных Ключей. Четыре женщины и семеро мужчин. — У него неожиданно сделался вид проказливого мальчишки, которого поймали за руку в тот момент, когда он запустил ее в банку с вареньем. — Я — самый младший. Самый малозначительный.

— Малолетка, так сказать? — съехидничала я. — А может быть, тебе и жениться рановато?

Эльтор рассмеялся моей шутке, и в тот же самый момент раздался стук в дверь. В помещение заглянул доктор Кабату.

— Командир Селеи, Макс просил меня узнать, не желаете ли вы, чтобы были сделаны кое-какие уточнения по тексту договора?

— Я сейчас же приду к вам, — ответил Эльтор.

После того как Кабату удалился, я спросила:

— Собираешься поработать над договором?

Эльтор отрицательно покачал головой.

— Переговоры между Союзным Конгрессом и Имперской Ассамблеей продлятся еще несколько месяцев. Мы с союзниками вот уже несколько десятилетий никак не можем найти общего языка и точек соприкосновения. Все четыре рона женского пола уже замужем, так что обе стороны с нетерпением ждут возможности устроить брак мужчины-рона и женщины из Союзных Миров, имеющей высокий рейтинг Кайла. — Эльтор виновато улыбнулся. — Поскольку у меня скромный статус — по сравнению со статусом моих дядюшек, — мои шансы так и останутся невелики. Меня никогда никто не воспринимал серьезно. Никто и не ожидал, что рон может жениться таким вот образом — без предварительных объявлений, незапланированно, необычно.

До меня понемногу стало доходить, почему он так настаивал на нашем скором, если не сказать поспешном браке. Если

Минь действительно не ошиблась, мой рейтинг по пси-шкале составляет не менее пяти баллов. Из этого следует, что для соотечественников Эльтора я, даже несмотря на мое низкое социальное положение, представляю собой довольно большую ценность. Наши будущие дети обязательно станут Кайл-операторами, если даже не телепатами. Мои гены — совсем из другого генофонда, с другого края галактики. Наши с Эльтором аллели Кайла мало похожи, что сведет к минимуму неблагоприятные наследственные черты.

Сегодня, оглядываясь в прошлое, я понимаю, почему он настаивал на том, чтобы я больше ни за кого не выходила замуж: законы Империи разрешают полигамные браки. Шансы же самого Эльтора жениться на Кайл-женщине были весьма невысоки. В некотором смысле он перепрыгнул через несколько ступенек иерархической лестницы и сделал все для того, чтобы убрать соперников.

— Мне хотелось бы прямо сейчас удостовериться, соблюдены ли кое-какие положения договора, — произнес он. — У меня не слишком много земель, совсем мало денег и очень скромный чин. Но все равно это обязательно отойдет по наследству тебе в случае моей... — Эльтор сделал паузу. — В случае если со мной что-нибудь случится. — Лицо его приняло выражение безмерной усталости. — Мне необходимо поставить в известность мою семью. А пока я оставлю тебя под защитой Абаджей на Рейликоне. Тебя там будут надежно охранять.

— Нет! — воскликнула я. — Ты не можешь оставить меня одну!

Он обнял меня за талию.

— Я не хочу подвергать тебя опасности. Я попрошу Стоунхеджа спрятать наш брачный контракт, чтобы забрать его чуть позже. — Понизив голос, Эльтор добавил: — Если меня убьют, его отправят и в Ассамблею, и в Союзный Конгресс.

— Нет, Эльтор! Не говори так! Никто тебя не убьет!

— Будем надеяться. — Выражение его лица смягчилось. — Особенно сейчас, когда у меня появилось то, о чем я раньше мог только мечтать!

Эльтор ушел, а я вернулась на Палубу Обозрения, чтобы полюбоваться звездами. Теперь здесь было тихо, и ничто не напоминало о только что состоявшейся свадебной церемонии. Осененная сиянием звезд, я стала молиться за Эльтора. Пусть с ним

все будет хорошо, пусть смерть обойдет его стороной! Я обратилась с мольбой к божествам и испанским, и индейским, с которыми познакомилась еще в детстве: Отцу, Сыну и Святому Духу, вашакам, держащим мир на своих плечах, моим предкам тотильмеилетикам, богине Луны Иш-Чель и Деве Марии. К сожалению, мне нечем было подкрепить искренность моих чувств, разве что белыми свечами, что все еще горели в помещении. Я попросила духов простить мне мой скудный ритуал, взывая к ним, чтобы они отвели молнии от души Эльтора.

Гром и молния: именно таким и представлялся мне теперь Эльтор. Поэтому я помолилась и Яхвалю Баламилю, владыке Земли, хранящему в раковине улитки порох для запуска своих грохочущих ракет. Его сущность обитает в водяных ямах и пещерах, в том числе и неподалеку от Набенчаука, моего родного дома, в Озере Молний. Другую молитву я обратила к Анхелетику, просачивающемуся из пещер наружу в виде тумана, или приходящему в мир людей в виде молнии, а также Анхелу, богу грома и дождя. Чтобы не быть невежливой, я закончила мысленным обращением к Тору, древнегерманскому богу грома и войны. Это было уже явно не к месту, но мысль показалась мне неплохой.

После этого я покинула Палубу Обозрения и немного прогулялась по парку. Расположенные снаружи зеркала повернулись вокруг своей оси, отражая солнечный свет на другие части цветоложа, и эта часть станции перешла в ночную тень. Через окна струился звездный свет, такой же яркий, как сияние драгоценных камней, и такой же резкий, как их грани.

Глава 13
ПОХИЩЕНИЕ БЕЛОГО КРУЖЕВА

Кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, я увидела золотистый туман. Постепенно представшая перед моим взглядом картина приобрела четкие очертания. Это был Эльтор.

За его спиной сияли украшавшие стены голографические картины — красные и золотые пейзажи какой-то пустыни. Когда

я ложилась спать, они светились слабо и тускло. Снова закрыв глаза, я сонным голосом спросила:

— Ты закончил дела со Стоунхеджем?

— Конечно. В нашем с тобой распоряжении целых шесть часов, прежде чем мы снова отправимся в путь, — сказал Эльтор и лег рядом со мной.

— М-м-м, хорошо, — откликнулась я и придвинулась к нему ближе.

Эльтор потянул завязку у меня на шее.

— Думаю, что справлюсь с этим без всякой инструкции по эксплуатации!

Я рассмеялась, вся еще теплая и полусонная. Сил открыть глаза у меня не было. Ощущая Эльтора рядом с собой, я продолжала дремать. Сначала его щека коснулась моего плеча, затем губы сомкнулись вокруг соска. Я попыталась проснуться, тщетно пытаясь сфокусировать взгляд. Мне казалось, будто голова моя набита ватой. Поэтому я отпустила мои мысли в беспечное плавание. Как хорошо, что ни о чем не надо думать!

Через несколько секунд Эльтор запустил мне под платье руку и принялся стягивать трусики. Все еще пребывая в полусонном состоянии, я смутно понимала, что он пытается пробудить какие-то чувства у новоиспеченной невесты, вернее сказать — молодой жены.

В конечном итоге Эльтор разразился смехом.

— Просыпайся, Тина! Это же наша брачная ночь!

Я сделала попытку открыть глаза.

— Ты снова переключил режим?

— Я?!

— К тебе вернулся акцент.

— А я-то думал, что Джаг все исправил! — Эльтор поцеловал меня. — Значит, еще не все.

— Может быть... Ой!

В ту же секунду сон как рукой сняло.

Эльтор тотчас приподнялся, опираясь на локоть.

— Что случилось?

— Ты попал мне в живот своим мечом! — Наконец глаза мои открылись по-настоящему. Я тотчас увидела, что Эльтор еще одет. — Ты даже ботинки не снял!

Эльтор усмехнулся и, сев на кровать, принялся стягивать через голову свитер. Он бросил его на пол, после чего отцепил

меч и положил на одежду. Затем лег рядом и принялся целовать меня. Я чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Но... все-таки что-то было не так. Чего-то не хватало.

И тут до меня дошло! Золотистая дымка, вызванная моей усталостью, куда-то исчезла. Испарилась. Нет, блеск парадной формы ничуть не померк, но, кроме этого, больше ничего не было. Световая феерия моего сознания погасла.

Я прервала поцелуй.

— Эльтор, ты слышишь какой-то странный стук, там, снаружи?

Он тут же поднял голову и с тревогой посмотрел на меня.

— Что?!

— Стук. Снаружи.

— Нет, я не слышу никакого...

Договорить он не успел — мы оба услышали этот самый шум. Кто-то открыл дверь нашего дома.

Эльтор мгновенно вскочил с постели и потянулся за мечом. В гостиной раздались чьи-то шаги, грубые и бесцеремонные. Я поспешно встала и принялась натягивать на себя платье. Эльтор подтолкнул меня к задней стене.

— Стой за моей спиной!

В нашу комнату вела одна-единственная дверь. Вытаскивая из ножен меч, Эльтор шагнул прямо к ней. Шаги приближались с каждой секундой...

...Чья-то рука, обвившись вокруг меня, прижала к моему телу ружье. Оно было огромным, больше обычной штурмовой винтовки, и сделано из отполированного, как зеркало, металла. Приклад давил мне в живот, а ствол уперся в подбородок. За спиной я почувствовала присутствие чего-то похожего на человека, только огромного и твердого, как металл.

— Эльтор! — шепотом позвала я.

Он мгновенно обернулся. Стоило мне увидеть выражение его лица, как я поняла, что на этот раз удача явно изменила ему.

Дверь распахнулась, открыв взгляду четырех гигантов ростом более двух метров. Что-то вроде роботов, очень похожих на людей, но более массивных и мощных как скала. В зеркале брони отражались голографические картины, висевшие на стенах комнаты. На головах незваных пришельцев были рифленые шлемы, а там, где полагалось быть носу, находился небольшой экран. На каждом из гигантов — пояс с блоком пита-

ния и ботинки, от которых отходили шестидюймовые нити. Трое из них держали в руках точно такие же винтовки, какая в данный момент была прижата к моему телу.

Они привели с собой и Стоунхеджа. Его лицо было покрыто жуткими кровоподтеками. Кровоподтеки виднелись и сквозь прорехи в порванной одежде. Правый рукав мундира оторван напрочь, к внутренней стороне локтя прижата повязка.

Теперь мне известно, что эти зеркальные гиганты были облаченными в броню наемниками, но в те драматические минуты я представления не имела о том, кто это. Единственное, что я испытывала, — это неописуемый ужас. Они очень похожи на роботов, отчего их называют боевыми андроидами или бороидами. В отличие от Джагернаутов они не отличались ни быстротой, ни ловкостью, зато были сильными и непробиваемыми. Настоящие ходячие крепости.

Эльтор стоял в самом центре комнаты, сжимая в руке церемониальный меч из мягкого золота. Разве мог он противостоять бронированным монстрам, против которых были бы бессильны и пятьдесят закаленных, боевых мечей? Эльтор посмотрел на бороидов, затем на меня, после чего снова обратил взгляд на железных чудовищ. И бросил меч на пол.

— Командир Селеи! — раздался голос бороида у противоположной стены.

Голос этот прозвучал как будто из-под земли, словно был отфильтрован, с тем чтобы невозможно было опознать его хозяина.

— Не смейте трогать ее! — произнес Эльтор.

— Нас не интересует ваша жена, — отозвался бороид. — Не делайте опрометчивых поступков, и она останется целой и невредимой!

— Что вам нужно? — спросил Эльтор.

— Повернитесь! Руки за спину!

Эльтор подчинился, бороид же открыл дверцу в броне и извлек поблескивавший разноцветными огоньками шнур. Робот даже не стал подходить к Эльтору, а просто выпустил шнур из рук. Тот упал на пол, и в следующее мгновение, подобно змее, проворно вскарабкался Эльтору по ногам, к сложенным вместе рукам, стремительно принял форму петли и крепко связал запястья. Могло показаться, будто шнур этот — живое существо. На самом же деле автоматическая петля ничуть не жи-

вее, допустим, каменной скалы. Принцип ее действия основан на использовании нанороботов с клейкими молекулами, которые либо скользят, либо приклеиваются к любой поверхности, в зависимости от ее качеств.

Теперь руки Эльтора были крепко связаны за спиной. Бороид подошел ближе и стволом гигантской винтовки подтолкнул пленника вперед. Робот позади меня убрал оружие и, встав рядом со мной, взял за руку. Двигался он бесшумно, без топота, хотя и не совсем так, как остальные.

Он повел меня вперед, вслед за остальными наемниками, охранявшими Эльтора и Стоунхеджа. Тот бороид, что говорил с Эльтором, скорее всего был у них старшим. Не останавливаясь, он на ходу прикоснулся к какой-то панели на бронированном туловище, и его башмаки перестали топать. Я поняла, что они специально громко топали, выманивая Эльтора к входной двери, а сами тем временем проникли сквозь заднюю стену — скорее всего при помощи купленных на черном рынке нанороботов, растворяющих металл.

Снаружи по-прежнему стояла ночь. Искусственное солнце сейчас освещало другую половину станции. Мы молча шли через залитый звездным светом парк. Ничто не нарушало ночной тишины. Мы прошли мимо распростертых на земле тел мужчины и женщины. Затем увидели спавшую под деревом собаку, а чуть дальше — дохлую мышь. Когда мы добрались до «спицы» космической станции, старший бороид принялся нажимать на кнопки лифта. Безрезультатно. Он попытался вызвать лифт еще раз, и снова ничего. Повернувшись к Стоунхеджу, он сказал:

— Какой код?

Стоунхедж упрямо молчал. Лицо его приняло каменное выражение.

Бороид с размаху ударил его по лицу, и директор отлетел, стукнувшись спиной о другого железного монстра.

— Какой код? Отвечай!

— Идите к черту! — ответил Стоунхедж.

Старший сделал знак своему товарищу. Бронированный монстр приблизился к директору станции, и тот весь напрягся. Однако бороид лишь пощупал «заплату» у него на руке — пальцы наемника словно были затянуты в зеркальную кожу, — после чего выпрямился.

— Попробуй еще раз!

Старший снова приказал директору:

— Отвечай! Какой код? Говори!

Стоунхедж заговорил — с видимой неохотой, как будто превозмогая себя:

— Треугольник, квадрат, четверка, круг, круг, красный, четверка, тройка, восьмерка, зеленый.

Старший набрал код, и двери, ведущие в «спицу», отворились. Мы вдевятером втиснулись в кабину лифта, двери захлопнулись, и кабина начала двигаться к «втулке» космической станции.

Впоследствии нам стало известно, что в тот момент, когда Эльтор связался с «Эпсилани», со станции ушло сообщение, посланное дремлющим вирусом, проникшим в ее сеть. Он пробудился лишь после того, как поступило сообщение Эльтора. Выполнив свою неблаговидную миссию, вирус самоликвидировался. Однако ему не удалось замести все следы своего существования — ни на «Эпсилани», ни где-либо еще. Он успел заразить все сети — и сколийские, и Союзных Миров, и даже те, которые принадлежали купцам.

Мы двигались к центру станции, и вес наш стремительно уменьшался. Вскоре мы оказались в состоянии невесомости, и в этот момент открылись двери, ведущие в кольцевой коридор. Мы вплыли в дезинфекционную камеру, а затем оказались и в самой «втулке». По пути нам попались тела потерявших сознание колонистов. Я чувствовала, что Джаг где-то рядом, вернее, я ощутила его отсутствие. Он был тих, подобно спящему животному. И мне стало понятно, отчего голова моя совсем как ватная. Бороиды заперли Джаг, и тем самым нарушили мою с ним мысленную связь, что не могло не сказаться и на моих мыслительных способностях. Мы оказались в дезинфекционной камере. На голографическом экране виднелось изображение шаттла. Он двигался со стороны большого корабля, который стоял на приколе возле космической станции, по направлению к стыковочному узлу Джага.

У входа в отсек поджидали два бороида, причем они стояли, а не парили в воздухе. Наши конвоиры тоже шагнули на палубу, удерживаясь на ее поверхности намагниченными подошвами массивных башмаков. Те, что конвоировали Эльтора, пока тот парил в пространстве, держали его за руки, напоми-

ная гигантские статуи. Мой стражник тоже прочно стоял на полу, ухватив меня за руку. Я плавала рядом с ним, придерживая подол платья.

Старший бороид внимательно рассматривал голокарту.

— Когда корабль загрузится полностью?

— Потребуется еще несколько минут, — ответил один из наемников.

Голос его прозвучал непривычно — не по-человечески равнодушно и безжизненно, однако мне показалось, будто я уловила какой-то акцент. Тогда я еще не могла узнать сколийский говор, но от меня не скрылось, что Эльтор при этом весь напрягся.

Затем старший бороид обратил внимание на меня.

— Какие у тебя связи?

— Что? — не поняла я.

— Оставьте ее в покое! — бросил ему Эльтор.

Старший повернул голову в его сторону.

— Почему мы не нашли ваш брачный договор?

— Значит, Стоунхедж потерял его, — ответил Эльтор. — Но это лишь дополнительный договор. Приложение.

— Дополнительный? Приложение? Что это значит?

Бороид-сколиец поспешил объяснить:

— Это иносказание. Он хочет сказать, что она — его наложница.

Старший перевел взгляд на меня.

— Ага, теперь мне все понятно. — С этими словами главный наемник стволом винтовки оттянул мне декольте, частично обнажив грудь. — Да-да, теперь мне понятны его соображения.

Эльтор яростно рванулся из «дружеских объятий» стражников.

— Не смейте прикасаться к ней!

Но тут в разговор вмешался еще один бороид. Даже несмотря на пропущенный через фильтр голос, в его манере чувствовалась привычка повелевать. Кстати, фильтр не уничтожил и сколийский акцент.

— Уберите его! — указал он на Стоунхеджа.

Старший послушно кивнул и сделал знак другому бороиду. Тот вытащил из бронированного костюма шприц и выпустил заряд. Директор станции весь напрягся. Его лицо приняло озабоченное выражение, как будто он лихорадочно размышлял о

том, умрет ли он, или же смерть все-таки обойдет его стороной. В следующую секунду тело его обмякло, и Стоунхедж безвольно осел на пол. К счастью, он лишь потерял сознание — я едва сдержала вздох облегчения.

Старший повернул голову к бороиду-сколийцу, пожелавшему избавиться от Стоунхеджа.

— В чем же дело?

— Селеи лжет, — ответил сколиец. — Он мог бы иметь столько женщин, сколько пожелает. Но он никогда не брал себе наложниц.

— Потребность в женщине может возникнуть у каждого, — возразил старший.

Сколиец издал какой-то странный звук, должно быть, он рассмеялся.

— И у него тоже, будьте уверены! Когда мы с ним вместе поступали в военную академию, он не прошел психологические тесты. Оказалось, он слишком много времени предавался эротическим фантазиям, что могло отвлечь его от учебы. Правда, экзаменационная комиссия отнеслась к этому довольно снисходительно.

— Тогда почему у вас возникли сомнения по поводу этой девицы?

— Она ему не пара. В любовницы он обычно выбирает женщин, равных ему по статусу. Не наложниц. Не забывайте, он происходит из культуры, в которой царил строгий матриархат.

— Так ведь это было пять тысяч лет назад, — осторожно возразил старший.

— Да, но кое-какие пережитки остались.

Главный бороид повернулся ко мне:

— Эта перепуганная девочка никак ему не ровня.

Эльтор внимательно смотрел на бороида-сколийца. Даже не владея эмпатическими способностями, я без труда могла прочитать его мысли: *Кто он такой, это человек, если ему известно то, что неизвестно самому Эльтору?*

— Сэр! — обратился к сколийцу один из бороидов. — Перевалочная капсула находится рядом с Джагом. Мы можем стартовать в любую минуту.

— Оставьте мою жену здесь! — решительно произнес Эльтор. — Забирайте меня одного. У вас есть то, за чем вы пришли сюда.

— Ты хочешь, чтобы мы отпустили ее? — поинтересовался старший.

— Зачем она вам? Кроме того, она не сможет опознать никого из вас.

— А она мне нравится! — заявил старший бороид. — Тебе же она больше не понадобится.

Эльтор сжал кулаки.

— Только посмейте что-нибудь с ней сделать, и вы пожалеете!

Старший обошел его вокруг. Его огромные башмаки при этом издавали шипение.

— В твоем положении бессмысленно угрожать нам!

— За те деньги, которые вы получите за мое похищение, вы купите себе любую женщину, какую только пожелаете, — произнес Эльтор. — Зачем вам эта?

— Наверняка у тебя были основания взять ее в жены, принц ронов!

— А вы посмотрите на нее, и тогда поймете почему!

— Я вам не верю. — Старший обратился к бороиду, державшему меня за руку: — Уведите ее!

Покинув «Эпсилани», мы вошли в инверсию. С нами никто не разговаривал и никто не отвечал на наши вопросы. Когда мы с Эльтором попытались заговорить друг с другом, нам было велено молчать. Бороиды и между собой обменялись всего парой-тройкой слов. Казалось, они хотели побыстрее закончить работу.

Кабина была забита до отказа. Девять бороидов взяли на себя обязанности корабельного экипажа. Не снимая шлемов, они заняли пилотские места. Их тела предохраняли экзоскелеты, более громоздкие, чем тот, что был на Джаге. Эльтор сидел через один ряд впереди от меня, привязанный к креслу целой сетью веревок. Связывать меня всю наемники не стали, привязав к креслу только ноги и руки.

Джаг! мысленно позвала я. *Проснись!*

Ответа не последовало.

Эльтор! Ты слышишь меня?

И вновь никакого ответа. Моя голова была снова плотно набита ватой.

Полет продолжался в молчании и страхе. Эльтор дважды пытался повернуться ко мне, но оба раза пилот приказывал

ему сидеть смирно. Спустя какое-то время ожил снабженный забралом шлем на моем кресле. Засветились огоньки, и по его внутренней поверхности поползли нескончаемые строчки иероглифов. Затем, меняя форму и цвет, начали появляться странные узоры. Картины сопровождались непривычными звуками, то резкими, то размытыми, словно эхо. Лицо мне стал обволакивать какой-то туман. Он заполнял мне ноздри, и вскоре я ощутила, что погружаюсь в сон.

Лишь раз я встрепенулась, почти пробудившись от наведенного сна, и вновь передо мной поплыли непонятные значки, запахи и звуки. У меня изо рта тянулась трубка, время от времени наполнявшаяся какой-то жидкостью. Я послушно глотала, не зная, какой она окажется на вкус — кислой или сладкой.

Я окончательно пробудилась, когда мы снова впали в состояние инверсии, и с чувством великого облегчения отметила для себя, что шлем куда-то делся. Бороиды приглушенными голосами о чем-то переговаривались с кораблем. Язык был мне незнаком. Связь между командой и судном была либо визуальной, либо словесной. Похоже, никто не связывался с кораблем так, как контактировали между собой Эльтор и Джаг.

Мы резко набрали скорость, затем на какое-то мгновение наступила невесомость, и снова ускорение. Как только перегрузки ослабли, раздался звонок, за которым последовало несколько толчков.

Бороиды зашевелились, готовясь покинуть корабль. Один из них развязал меня и помог выбраться из кресла. При этом броня его шипела совсем как насос, из которого выходит воздух. Эльтор стоял перед входом в кабину со связанными за спиной руками, по обеим сторонам от него застыли конвоиры. Он молча посмотрел на меня. Его лицо было искажено страданием. Мы спустились на унылую черную равнину — она тянулась во всех направлениях, покуда хватал глаз, теряясь в какой-то зловещей металлической дымке. Вдали виднелись какие-то приземистые здания квадратной формы, черные, как застывшая лава. На высоте сотен футов над равниной, изогнувшись под причудливыми углами, застыли многочисленные краны. С их стрел свешивались гигантские цепи, такие же неподвижные, как и все вокруг. Мы находились внутри какого-то сооружения циклопических размеров, от чего его потолок представлялся мне небом. Высоко над моей головой бесшумно

смыкались половинки гигантского купола. В медленно уменьшавшемся просвете между ними виднелась узкая полоска черного неба, но затем не стало и ее.

Пониженная гравитация придавала ходьбе по равнине плавность и легкость, присущую лишь сновидению. Здание, к которому мы приблизились, напоминало гигантский, вытянутый в длину черный пенал. Массивная глыба-плита в одной из стен откатилась в сторону, открыв взгляду мембрану, в которой появилось мерцающее отверстие. Когда мы входили внутрь, у меня возникло ощущение, будто моей кожи коснулась тончайшая пленка мыльного пузыря.

Стены помещения, в котором мы оказались, скорее всего были облицованы черным мрамором с красными прожилками. Столы, скамьи, стены, пол и потолок, короче говоря, все вокруг было высечено из огромного каменного монолита. Бороиды усадили Эльтора на сиденье, высеченное в одной из стен. Один из них задал ему вопрос на каком-то незнакомом мне языке. Старший бороид слушал стоя, широко расставив ноги и скрестив на груди руки. В его броне отражался черно-красный мрамор, от чего он сам напоминал полированный обелиск.

Отвечать Эльтор отказался. Тогда старший сделал знак охранявшему меня стражнику. Тот подтащил меня к начальнику, который, в свою очередь, подтолкнул меня к одному из конвоиров Эльтора.

— Полагаю, что вы не станете упорствовать и начнете сотрудничать с нами, — обратился к Эльтору старший бороид.

Эльтор посмотрел на меня. Его лицо было искажено страданием.

— Да, я буду сотрудничать, — ответил он.

Допрос продолжился. Эльтор отвечал на все том же непонятном мне языке. Его лицо снова приняло бесстрастное выражение. Его словам старший бороид, судя по всему, не верил. Некоторое время спустя он сделал знак бороиду-врачу, «отключившему» Стоунхеджа. «Доктор» шагнул вперед, открыл дверцу в своей броне и извлек из нее металлическую ленту. Эльтор напрягся, а оба охранника крепко схватили его за руки. Однако «доктор» не стал делать ему никаких уколов, а лишь прижал ленту к его шее. По ней мгновенно заскользили буквы, чаще английские, чем сколийские иероглифы. В воздухе повисли голографические изображения человеческого торса. Одно

из них являло собой сложную сеть с разрывами в области левого плеча.

Стоявший у нас за спиной бороид неожиданно заговорил:

— Сэр, мы получили сигнал! Они уже состыковались и сейчас осуществляют высадку.

Старший тотчас повернулся к нему:

— Отправляйтесь им навстречу! Немедленно!

— Слушаюсь!

Я посмотрела на шагавшего к выходу бороида. Что это за сигнал они получили?

Тем временем «доктор» перешел на английский:

— Его биомеханическая сеть серьезно повреждена.

Действуя с максимальной осторожностью, он отодрал от плеча Эльтора лоскут искусственной кожи, открыв взгляду уже успевшую затянуться рану. Затем снял повязку с талии Эльтора, и я увидела розетку транскома. «Доктор» нажал на окружавшую ее кожу, и прибор вывалился ему прямо в затянутую металлической перчаткой руку.

У меня за спиной заскрежетала невидимая дверь. Это вернулся отправленный навстречу прибывшим бороид. Разумеется, не один, а с незнакомыми мне мужчиной и женщиной. Женщина, вне всякого сомнения, была телохранителем. Об этом недвусмысленно свидетельствовал ее рост — не менее семи футов, накачанная стройная фигура, винтовка на плече и блестящий, как зеркало, карабин в руках. Мужчина был более шести футов ростом. Его отличали серебристые волосы и стройная фигура. Когда он подошел ближе, я поняла, что это не простой человек, а какая-то важная персона.

— Ну что, Эльтор, — произнес он. — Вот мы и встретились.

Глава 14
РАГНАРЁК

— Рагнар?

Лицо Эльтора засветилось надеждой, но она тотчас сменилась настороженностью. Я узнала это имя. Адмирал Рагнар Бладмарк. Наставник Эльтора. Его второй отец.

Рагнар внимательно посмотрел на него.

— Боюсь, у нас возникла серьезная проблема.

Лицо Эльтора снова приняло бесстрастное выражение, превратившись в непроницаемую маску.

— Какая проблема?

— По идее, тебя нет в живых.

Хотя внешне Эльтор никак не проявил своих чувств, даже мои ослабленные эмпатические способности не помешали мне заметить его реакцию. Он столкнулся с коварным предательством, которое сотрясло все основы его жизни. Однако ограничился короткой фразой:

— Но я жив.

— Вижу, — так же коротко отозвался Рагнар и повернулся к старшему наемнику. — Я получил предложение и нахожу его приемлемым. Мы передали вашему кораблю координаты для рандеву.

— Мне по-прежнему это не нравится, — произнес старший.

— Мы попытались все сделать так, как предлагали вы. — Бладмарк указал на Эльтора. — Он все еще жив, а переговоры между Сколией и Союзными Мирами продолжаются. И вот вам результат.

— Так дело заключается именно в этом? — спросил Эльтор. — В восстановлении дипломатических отношений с Союзными Мирами?

Бладмарк смерил его долгим взглядом.

— Мне действительно очень жаль, Эльтор. Я по-своему восхищаюсь тобой.

Мне показалось, что эти слова немного удивили Эльтора.

— Тогда почему? Почему ты пошел на предательство?

— Среди нас есть такие, — ответил Бладмарк, — кто находит неприемлемым тот факт, что наше существование в роли полноценного, монолитного общества — наши жизни и наши свободы — зависит от прихотей давно утратившего стабильность семейства, которое агонизирует у нас на глазах. — Бладмарк сделал паузу. — Некоторые из нас считают, что существуют некие альтернативные варианты.

Я заметила, как Эльтор напрягся.

— Какие альтернативные варианты?

Адмирал завел руки за спину и прошелся рядом с Эльтором.

— Четыреста пятьдесят лет. — Он резко повернулся кругом. — Это очень долгий срок для того, чтобы продолжать войну.

— Если мы не одолеем купцов, они завоюют нас, — ответил Эльтор.

— Может быть.

— Тогда ты должен понимать, почему нам необходим союз с Союзными Мирами.

— Мы пытались добиться заключения этого союза, — говорил Бладмарк, продолжая расхаживать перед Эльтором. — Наследство твоей дорогой матери двум нашим правительствам. Распавшийся брак и небезупречный военно-политический союз. — Адмирал устремил взгляд на стену комнаты. — Твоя красавица мать. — Затем он снова повернулся к Эльтору. — А когда мы нуждались в них? Они предали нас. Они взяли в заложники самое ценное — твою семью! — Бладмарк поднял вверх руку и показал крошечное расстояние между средним и большим пальцами. — Вот на таком расстоянии. На таком близком расстоянии мы оказались от войны с так называемыми союзниками! Едва закончив воевать с купцами.

— Если, по твоим словам, моя семья представляет ценность, какой смысл убивать меня?

— А разве я сказал, что собираюсь убивать тебя? В конце концов ценные вещи стоят огромных денег. Однако сейчас нам необходимо решить более важный вопрос. Твой загадочный брачный договор. — Бладмарк приветственно помахал мне рукой. — Заключенный с этим очаровательным ребенком, который, насколько я понимаю, родом с далекой Земли.

Эльтор снова напрягся.

— Это дополнительный договор.

Бладмарк насмешливо фыркнул.

— Эльтор Селеи, который редко удостаивает своим царственным вниманием роскошных женщин, безрассудно бросающихся ему в постель?! Ведь тебя всегда интересовали лишь равные по положению женщины! С трудом верится, чтобы ты снизошел до обычной наложницы!

Эльтор равнодушно пожал плечами:

— Это ваши проблемы! Хотите — верьте, хотите — нет!

— Почему мы нигде не можем найти этот договор?

— Не знаю! Может быть, Стоунхедж куда-нибудь его засунул!

— Что же, может, мне воспользоваться специальными средствами? — спросил Бладмарк.

— Не поможет. Мне нечего сказать тебе!

— Сэр! — вмешался в разговор «доктор». — Его биомеханическая сеть способна выделять вещества, противодействующие «сыворотке правды». Даже если этих веществ нет, сеть может заглушить сыворотку специальными нейротрансмиттерами, и тогда окажется, что он либо забыл, что знал, либо неправильно запомнил.

— Только не читайте мне лекцию по биомеханическим сетям. Я сам лично разработал тот самый прототип, который командир Селеи несет в своем теле, — ответил ему Бладмарк намеренно спокойным тоном.

Даже искаженный фильтром голос «доктора» прозвучал покорно и подобострастно.

— Да, сэр.

Бладмарк повернулся к старшему бороиду:

— Что вы выяснили о ней?

— Ничего, — ответил старший. — Она не может быть уроженкой Земли. В архивах нет описаний женщины с такой внешностью, отпечатком сетчатки глаза, голосом, отпечатками пальцев и рентгенограммой мозга.

— Тогда откуда же она?

— Думаю, что откуда-то из пограничных миров, где не сохранилось никаких архивов.

— А какой у нее рейтинг по пси-шкале Кайла? — поинтересовался Бладмарк.

— Ничего особенного, — последовал ответ. — По пути сюда мы просканировали ее. Вряд ли перед нами эмпат. По пси-шкале она едва ли наберет пару баллов.

Я вряд ли эмпат?! Мне показалось, будто по лицу Эльтора промелькнуло недоумение.

— Ты уверен? — спросил Бладмарк. — Бортовые сканеры космического корабля не рассчитаны на проведение пси-анализов.

— Возможно, бортовая аппаратура и не столь совершенна, как стационарная, однако, обладай эта особа хотя бы маломальски выдающимися способностями, мы бы наверняка это заметили.

Бладмарк одобрительно кивнул, затем снова обернулся к старшему бороиду:

— Ваше мнение?

— Сначала я подумал, что Селеи лжет, говоря о каком-то дополнительном договоре, — ответил тот. — Однако сделанные нами анализы дают основания полагать, что он говорил правду.

Адмирал повернул к другому бороиду:

— Что вы скажете?

— Я того же мнения. — Судя по всему, это тот самый сколиец, которому было известно об учебе Эльтора. — Не похоже, что она способна на что-то выдающееся.

Бладмарк приблизился ко мне.

— Вы сохраняли все это время удивительное самообладание.

— Я хочу остаться с Эльтором, — ответила я.

Голос адмирала смягчился.

— Вы уверены, что действительно этого хотите? Что не пожалеете о своем решении?

— Почему? — спросил Эльтор. Адмирал не ответил, и Эльтор вспылил: — Почему, черт побери? Отвечай мне, Рагнар!

Адмирал медленно повернулся к нему. Лицо его наливалось гневом.

— Долгие десятилетия я служил твоей семье! Кланялся вам! Показывал, что знаю свое место. И это несмотря на то что во всех отношениях — в моральном, физическом, интеллектуальном, эмоциональном — я всегда был выше вас! Нет, Эльтор, я больше никогда не буду «служить» вам!

— Так, значит, ты воспринимал все как унижение?! — удивленно посмотрел на него Эльтор. — Господи, да ведь я в детстве всегда смотрел на тебя снизу вверх, всегда восхищался тобой!

Выражение лица Бладмарка смягчилось.

— Мне действительно жаль, Эльтор, что все это произошло именно с тобой. Ты гораздо человечнее всех известных мне ронов.

— Не поверю, чтобы ты мог фальшивить, имитировать дружбу! — воскликнул Эльтор. — Мы же телепаты. Мы бы об этом знали!

— Но ведь я-то не телепат!

— Не телепат?

— Именно.

Эльтор моргнул.

— Это имеет для тебя значение?

— Для меня? — переспросил Бладмарк и издал короткий смешок. — Для меня — нет. Только для тебя. Для твоей семьи. — В его голосе послышалась горечь. — Вы считаете себя намного выше других. Хотя на самом деле все наоборот.

Эльтор недоверчиво посмотрел на него.

— Это неправда.

— Неправда?

— Конечно. Ты так не думал, иначе бы мы давно об этом узнали!

— Полагаю, что у твоего отца возникли кое-какие подозрения. Не до конца ясные, но я почувствовал, что его симпатии ко мне несколько поубавились. Тебе надо было больше слушать его, Эльтор, вместо того чтобы огрызаться на каждое сказанное им слово.

— Не верю, что ты кривил душой. Я бы уже давно догадался!

Бладмарк пожал плечами.

— Знал бы ты, на какие уловки способен гений в области биомеханики. В деле маскировки мне нет равных, — усмехнулся Бладмарк и снисходительно посмотрел на Эльтора. — Но вообще-то я горжусь тобой. Из всех систем, которые я когда-либо конструировал, ты — самый совершенный образец. Не может быть никаких сомнений, что биомеханика и биоинженерия требуют огромных расходов и усилий. На эксперименты уходят долгие годы. Всегда остается вероятность ошибок. Ход работ приходится засекречивать. За результат иногда приходится платить, даже человеческими жизнями. Однако все эти усилия в конечном итоге не напрасны. За день до того, как тебе исполнилось восемь — когда ты сделал свой первый шаг, — я понял, что моя работа увенчалась успехом. Мои слезы восторга были столь же искренними, как и слезы радости, которые твои родители попытались скрыть от посторонних глаз.

— Не надо, — тихо произнес Эльтор.

— Ответь мне, ты когда-нибудь задумывался о той цене, которую Сколийская Империя заплатила за твое восстановление? — Бладмарк придвинулся к нему ближе. — В масштабах человеческих жизней? В масштабах, допустим, планеты Дальний Берег? Ты же знаешь, я именно оттуда родом. Это суро-

вый мир. Половина населения голодает. А населяет планету три миллиарда человек. — Голос адмирала сделался жестким. — Тех денег, что на твоей планете стоит чашка сока, на Дальнем Береге хватило бы, чтобы несколько дней подряд кормить целую семью! А денег, потраченных на то, чтобы сделать из тебя полноценное человеческое существо, — на них можно было весь год кормить население целой планеты!

Эльтор смерил его долгим взглядом.

— Ты считаешь, что моя семья обязана кормить весь Дальний Берег?

— Разумеется, твоя семья не должна отвечать за поставки продовольствия голодающим планетам. Но мне приходится с глубоким сожалением констатировать, что Ассамблея сочла судьбу одного ребенка с самыми серьезными физическими дефектами более важной, чем судьбы миллионов!

В разговор вмешался старший наемник:

— Что вы имеете в виду под словами «самые серьезные дефекты»? Мы ведь обязались доставить здорового Джагернаута.

— Куда доставить? — поинтересовался Эльтор.

Бладмарк повернулся к старшему:

— Он совершенно здоров, уверяю вас.

— Если имеются проблемы, то лучше обсудить их прямо сейчас, — угрюмо произнес старший наемник.

— Эльтор находится в идеальной физической форме — в той степени, в какой человеческая наука способна создать человека, — пояснил Бладмарк.

— Человеческая наука? — переспросил старший наемник. — Что это означает, черт побери?!

— Рагнар, прекрати! — воскликнул Эльтор.

Бладмарк посмотрел на него взглядом архитектора, любующегося плодом собственного творчества. Затем снова повернулся к старшему бороиду:

— Он родился с этим лицом. Такое вот милое дитя. С его превосходным роновским мозгом. Кстати, это было единственное, чем он располагал. — Бладмарк издал звук, должный означать отвращение. — Двум любым другим людям, состоящим в таком близком родстве, как его родители, и имеющим такую склонность к генетическим дефектам, ни за что не позволили бы дать жизнь новому человеческому существу. Однако для ронов никаких запретов не существует. Для них, желающих уве-

личить число себе подобных, любая попытка морально оправданна.

— Что же в нем было такого необычного? — поинтересовался старший наемник.

— Хватит!

Эльтор встал. Его руки были все так же связаны за спиной. Стражники грубо усадили его на место.

— Он родился без ног, — ответил Бладмарк. — Левая рука и обе кисти деформированы. Нижняя часть правой руки отсутствовала. Одна почка, да и та с дефектами. Одно неполное легкое. Порок сердца. Нездоровая печень. Отсутствовали отделы скелета. Не было селезенки. Неполная пищеварительная система. Хотя желудок все-таки был. Его можно было увидеть, стоило вам посмотреть на ребенка. С правой стороны тела почти ничего не было. — Бладмарк состроил гримасу. — Это было омерзительно.

— О Боже! — Старший наемник указал на Эльтора. — А теперь он выглядит вот так?

Бладмарк кивнул.

— Мы преждевременно извлекли его из материнской утробы. У него было больше шансов выжить в искусственном окружении, где можно было поработать над ним. Мы изучили его гены с тем, чтобы понять, каким бы он мог стать, не имей он этих дефектов. А после этого буквально вылепили из него настоящего человека. На это ушло целых десять лет. Затем потребовалось еще десять, чтобы убедиться, что вся биомеханическая начинка развивается одновременно с ростом его естественного тела.

Эльтор молчал, не сводя с адмирала глаз. Вид у него был такой, будто его ударили под дых.

— Что-то мне это не нравится, — произнес старший наемник.

— Командир Селеи здоров, сэр, — вмешался в разговор «доктор». — Что верно, то верно, биомеханических органов у него больше, чем у кого-либо другого. С детьми так поступают крайне редко, исключительно в тех случаях, когда это последний шанс сохранить им жизнь. Однако сети есть у всех Джагернаутов, поэтому считается, что мы поставим биомеханику. — «Врач» подошел к Эльтору и ткнул пальцем в плечо, словно тот был ценным экспонатом. — Меня беспокоят повреждения его

сети. — Он указал на розетку транскома. — Это тоже придется заменить новой деталью, но уже без тактических возможностей. Иначе розетка выйдет из строя. — «Врач» склонился перед адмиралом в поклоне. — Все это может вызвать нехороший резонанс.

Бладмарк понимающе кивнул.

— Мы выступим с предложением возобновить переговоры, чтобы никто не подумал, будто мы хотим их перехитрить, выбить себе более выгодные условия! — произнес он, обращаясь к старшему наемнику.

— Кого перехитрить, черт побери?! — воскликнул Эльтор.

Посмотрев на него, я поняла, что он знает *кого*. Я же не имела ни малейшего представления. Однако в одном сомнений не было: Бладмарк не желал отвечать на этот вопрос. Помедлив, он все-таки повернулся к бывшему воспитаннику:

— Мы хотим продать тебя Криксу Икуару.

Поначалу Эльтор никак не отреагировал на его слова — просто смерил адмирала долгим взглядом. Затем медленно сел.

— Кто такой Крикс Икуар? — не утерпела я.

Эльтор перевел взгляд на меня.

— Эйюбианский министр торговли.

— А кто такие эйюбиане? — задала я следующий вопрос.

— Это те, кого мы называем купцами, — ответил Бладмарк.

— И вы собираетесь *отдать им* Эльтора?

— Мы его не просто отдаем, — вмешался в разговор один из конвоиров. — Это будет сделка. Мы возьмем за него цену, которая превышает годичный валовой продукт всех Союзных Миров!

В следующий миг Эльтора наконец прорвало:

— *О Боже, Рагнар,* почему?

Бладмарк сел рядом с ним и заговорил еще более спокойным тоном. Он как будто решил открыть бывшему воспитаннику всю глубину своего предательства. Моментально ненужным оказался весь тот пафос, которым он пытался маскировать свое предательство.

— Одна мнимая экстремистская группа из Союзных Миров взяла на себя ответственность за твое похищение. После того как состоится сделка, эйюбиане выступят с официальным заявлением о том, что они купили тебя, сообщив также о под-

робностях состоявшейся сделки. Союзники, конечно же, осудят их действия. Последует поток извинений и разоблачений. Однако урон уже будет нанесен.

Эльтор удивленно посмотрел на адмирала.

— Но ведь это разрушит последние надежды на заключение союзного договора между моим народом и Союзными Мирами?

— Да. Конечно.

— Рагнар, тем самым ты развяжешь новую войну!

— Ничего подобного! Я лишь собираюсь положить конец войне старой!

— Как же так? Ведь в руках купцов уже находится Третий Замок. Меня же они могут использовать в качестве Ключа! Когда у них будет и то, и другое, мы утратим всякое преимущество над ними!

— Преимущество? — Бладмарк презрительно фыркнул. — Мы прожили четыреста пятьдесят лет в атмосфере нескончаемой вражды. Всякий раз, когда она достигает критической массы и выливается в полномасштабную войну, теряются миллиарды человеческих жизней!

— Так что же, по-твоему, будет лучше, если купцы победят нас?!

— В настоящее время оговариваются благоприятные условия, — со вздохом произнес адмирал. — На твоей семье лежит огромная вина, Эльтор. Я по собственному опыту знаю, что такое вверить оборону Империи крошечной кучке людей. Будь твоя семья воплощением человеческого совершенства, она бы уничтожила тебя. Нужно ли нам продолжать эту затяжную кровопролитную войну? Будет лучше, если мы откажемся от будущих потерь. Я уже давно научился играть отступление.

— Неужели ты веришь в то, что говоришь? — воскликнул Эльтор. — Вот уже пять столетий мы обслуживаем Сеть. С каждым годом она делается все сильнее, а вовсе не ослабевает. А с помощью Союзных Миров мы сможем восстановить и Третий Замок!

— Да, Сеть растет, — согласился Бладмарк. — Однако «больше» и «сильнее» не одно и то же. Хорошо управлять Сетью даже при помощи трех Ключей — почти невозможно. Теперь же, когда остались только твоя мать и твой дядя, поддерживать ее им не по силам. Как долго все это может продолжаться? В

один прекрасный день псиберсеть просто рухнет — пусть не сегодня и не завтра, но это произойдет, и причем очень скоро!

Я заметила, что связанные за спиной руки Эльтора сжались в кулаки.

— Ты же хочешь оказаться на стороне победителей! — Бладмарк ничего не ответил, и Эльтор добавил: — Ты дурак. Купцам не нужны никакие условия. Они хотят властвовать над Империей и Союзными Мирами. Безраздельно и всегда.

— «Властвовать» — понятие относительное. Большинству подданных купцов живется вполне неплохо. — Адмирал встал. — А когда Империя станет частью Конкордата, немногие избранные обретут еще более почетный статус. Они будут обладать свободой выбора из самых благоприятных вариантов выбора.

Теперь мне понятно, на что рассчитывал Бладмарк: мать Эльтора и была тем самым максимально удачным выбором из самых благоприятных вариантов выбора. Вряд ли Эльтор тогда понимал это — ведь дело касалось в первую очередь его самого. Зато он прекрасно видел подоплеку всего остального.

— Насколько я понимаю, ты имеешь в виду свободу обладать властью над другими людьми, — холодно произнес он. Адмирал в очередной раз ничего не ответил, и Эльтор продолжил: — А тебе никогда не приходило в голову, что наши граждане не желают выбора, который ты хочешь им навязать?

— Выбор уже сделан, — заговорил наконец Бладмарк. Тон его был более сдержанным. — Если угодно, я объясню — мы планировали, что на пути к Земле твой Джаг взорвется. Ответственность за теракт мы возложили бы на тех, кто предположительно организовал твое похищение. У нас были сомнения, что это окажется столь же эффективно, что и вариант с Криксом Икуаром, который мы также прорабатывали. Кстати, уничтожать тебя было для нас, мягко говоря, и не слишком выгодно. — Бладмарк на какое-то время замолчал. — Но имелось и преимущество — в этом случае ты бы не попал живьем в лапы к купцам.

— Как я понимаю, ты пытаешься меня немного взбодрить? — саркастически осведомился Эльтор.

Бладмарк вздохнул.

— Послушай, Эльтор, я бы предпочел, чтобы на твоем месте оказался кто-то другой из твоей семьи. Просто по сравнению с другими ронами тебя охраняют хуже всех.

Эльтор отвернулся. Бладмарк какое-то время смотрел на него, затем подошел к старшему наемнику.

— Свяжитесь с людьми Икуара! Сообщите ему о проблемах, которые возникли у командира Селеи, и о том, что возобновляются переговоры по условиям сделки. Повреждения, которые получил Селеи, относительно незначительны. Соглашайтесь лишь на малосущественные уступки по условиям соглашения.

— А что, если они не пойдут ни на какие уступки? — спросил старший наемник.

— Пойдут, — уверенно ответил адмирал. — Он им нужен. Но будьте осторожны. Нельзя допустить, чтобы они затаили против нас злобу.

— Понял вас, сэр!

— И вот еще что — избавьтесь от девчонки! Ей теперь слишком многое известно.

— Нет! — воскликнул Эльтор и вскочил с места. — Клянусь вам, она не предпримет попытки к бегству!

— Свяжитесь с моим кораблем, когда обговорите все условия, — приказал адмирал старшему наемнику.

— Слушаюсь, сэр!

С этими словами Бладмарк направился к воздушному шлюзу, где его ожидали телохранители. Я не спускала с него глаз. Мне было муторно. Последние же слова адмирала совершенно сбили меня с толку.

— Рагнар! — крикнул ему в спину Эльтор — на сей раз самообладание оставило его. — О Господи, пощади ее!

Бладмарк остановился у входа в воздушный шлюз и, не оборачиваясь к бывшему воспитаннику, бросил старшему наемнику:

— Пусть девчонка останется с ним до нашего возвращения!

С этими словами он шагнул в шлюз.

Я закрыла глаза, чувствуя, как гулко стучит в груди сердце. К моему локтю прикоснулась закованная в броню рука. Я открыла глаза, и наемник легонько подтолкнул меня к выходу. Каменная глыба плавно отодвинулась вперед, открыв взгляду коридор с каменными стенами.

Нас провели по лабиринту туннелей, вырубленных в толще мрамора. Наше путешествие закончилось в совершенно пус-

той комнате, напоминавшей внутренность отполированной шкатулки, в которой не было ни единого шва. После того как бороиды вернулись в коридор, старший наемник встал у входа. В зеркальной поверхности его брони отражались черные мраморные стены с красными прожилками. Он произнес что-то на своем родном языке, и на сетке, опутывавшей запястья Эльтора, засветились огоньки. Снова превратившись в шнур, путы упали с рук Эльтора. Пробежав по полу прямо к старшему наемнику, веревка вернулась в открытую ее хозяином дверку бронекостюма.

— У вас есть несколько часов свободного времени, — произнес старший наемник. — Вы можете провести их со своей женой.

Он сделал шаг назад, и стена закрылась.

Эльтор немного постоял, потирая онемевшие запястья и разглядывая совершенно гладкую стену. Затем нежно меня обнял.

— О Господи, Тина! Прости меня. Извини, что я втянул тебя в эту историю!

Обхватив Эльтора за талию, я спрятала лицо у него на груди. Стоило ему склонить ко мне голову, как мне почудилось, будто он стучится ко мне в сознание.

Тина?

Громче! мысленно попросила я. *Я тебя почти не слышу!*

Нас здесь наверняка подслушивают.

Его мысль на секунду куда-то пропала.

...не должны узнать... только Стоунхеджу известно... договор... твой рейтинг по шкале Кайла? Я не понимаю...

Это все Джаг.

Я попыталась эту выкрикнуть мысль.

Он что-то сделал со мной.

Эльтор приподнял мою голову, и я увидела его лицо. Нет, я по-прежнему ничего не понимала. Он поцеловал меня, и мы еще крепче прижались друг к другу.

...и йо те амо, 'Акуштина.

И я тебя люблю, прошептала я.

Те амо. Я люблю тебя.

И пока смерть не разлучит нас...

Глава 15
ЦИЛИНДР

Наша темница абсолютно соответствовала своему названию: полый куб без каких-либо признаков дверей. По крайней мере мы не нашли в ней ничего похожего на выход. Поэтому мы сели обнявшись на пол, прислонившись спиной к одной из стен. В конце концов нам надоело разглядывать голую стену напротив, и я сказала:

— Мне жаль Бладмарка.

— Мне тоже, — отозвался Эльтор.

— Что он там такое говорил? Якобы он что-то переделал в тебе?

— Это правда. Он даже еще не все рассказал.

— Но в это невозможно поверить. Ты такой красивый.

Эльтор ответил не сразу.

— В детстве я никогда не забывал о том, насколько уродливо мое тело. — Он снова помолчал. — Тебе это неприятно?

Я посмотрела на него.

— Нет.

Эльтор прикоснулся к моей щеке.

— Я по-прежнему носитель этих генов. И если женщина с теми же аллелями родит от меня ребенка, он будет таким же, как я. Или еще безобразнее. У меня неповрежденным оставался хотя бы мозг.

— Тогда пусть от тебя родит ребенка женщина с другими аллелями!

— Например, ты! — произнес он дрогнувшим голосом.

Я опустила голову ему на грудь.

— Я не хочу умирать!

— О Господи, Тина, я бы все отдал, чтобы уберечь тебя от страданий!

— Но я не хочу, чтобы ты умер.

— Я тоже.

Какое-то время мы сидели молча, устремив взгляд в пространство. Подняв глаза, я заметила, что по его щекам текут слезы.

— Эльтор! — сказала я и прикоснулась к его лицу.

— Я любил его, как собственного отца! — произнес он сдавленным голосом.

— Успокойся.

Я пыталась утешить его, но все напрасно. Видимо, мои молитвы не достигли ушей тех, кому они предназначались. Нет, Эльтор не должен умереть. Скорее умру я. То, что они собираются с ним сделать, во сто крат хуже смерти.

— Ты веришь в Бога? — спросила я.

— Да, — ответил он и погладил меня по голове. — И даже не в одного. Хотя тот, которого мы почитаем Верховным Творцом всего сущего, вообще-то не бог. Это — существо женского пола.

— Тогда почему ты употребляешь выражение «ради Бога»?

— Так звучит в переводе на английский сколийское выражение. Буквально оно означает «ради любого из верховных духов, которые могут меня заметить». Духи не имеют признаков пола.

— Ты можешь помолиться своей богине?

Эльтор прижался щекой к моей голове.

— Я пытался. Но она не слышит меня. А может, ее просто не существует. Может быть, Иша Челия — всего лишь миф погибающего народа.

— Как ты сказал — Иш Чель?

— Нет. Иша Челия.

— У народа майя Иш Чель — это богиня Луны.

— На Рейликоне нет никакой Луны. За исключением той, о которой упоминалось в старинных легендах, придуманных, видимо, нашими далекими предками, когда-то обитавшими на Земле. Иша Челия — богиня плодородия. Огня. Ночи. Богиня жизни.

Жизни. Неудивительно, что она не услышала его молитвы.

Какое-то время спустя мы оба задремали, находясь не то в полусне, не то полубодрствуя. Затем я услышала чьи-то голоса. Открыв глаза, увидела, что комната заполнена сверкающей сталью боевых доспехов. У входа стоял адмирал Бладмарк.

Мы с Эльтором поднялись на ноги. Адмирал заговорил:

— Мы только что связывались с людьми Икуара.

Эльтор в ту же секунду напрягся.

— И что?

Бладмарк указал в мою сторону:

— Икуар хочет забрать и ее.

— Нет! — Эльтор крепко прижал меня к себе. — Она даже не является эмпатом. Твои люди проверяли ее.

— Мы отправили ему ваши голографические изображения, — пожал плечами Бладмарк. — Он требует себе вас двоих в качестве компенсации за то, что мы отправляем ему поврежденное оборудование.

— Рагнар, только не ее! Пощади!

Сопровождаемый бороидами Бладмарк подошел ближе.

— Но так она по крайней мере останется в живых. Ты даже сможешь видеться с нею. — Адмирал повернулся к стоящему рядом наемнику: — Свяжи его!

Им, конечно же, не следовало так беспечно заходить в помещение, когда руки у Эльтора были свободны, надеясь на то, что они сломили его волю. Эльтор ударил оказавшегося ближе всех к нему бороида. Движение его было столь молниеносным, что отразилось в бронированном одеянии наемника золотистым пятном. Он схватил сверкавшую, как зеркало, руку и заломил ему за спину, от чего наемник отлетел на двух других своих товарищей. Столкнувшись, все разом полетели на пол. В следующее мгновение от полированных каменных стен темницы отразился грохот доспехов.

Затем Эльтор бросился на Бладмарка.

Далее события разворачивались с калейдоскопической быстротой. В некотором роде это было сражение двух живых машин. В условиях пониженной гравитации противники сразу же отлетели к стене. Бладмарку удалось вывернуться и лишить Эльтора равновесия. Однако тот воспользовался этим толчком, чтобы сбить Рагнара с ног. Не выпуская друг друга из объятий, противники врезались в одного из наемников. Тот моментально среагировал, но Эльтор оказался проворнее. Крепко вцепившись за Бладмарка, он отскочил в сторону, и наемник не сумел схватить его. Эльтор и адмирал продолжали борьбу, скользя по гладкому полу.

Бороиды что-то закричали сквозь звуковые фильтры. Трое прицелились в Эльтора из каких-то цилиндров с массивными рукоятками. Однако стрелять не стали. Эльтор и Бладмарк тем временем по-прежнему не выпускали друг друга из отнюдь не дружеских объятий. Ударившись о стену, они тут же отлетали в сторону. Почему-то мне они напомнили блики лунного света

на поверхности моря — тьма и серебро — в нескончаемом мерном движении. Один раз они пролетели настолько близко от меня, что я ощутила жар их реакторов. Наконец оба потеряли равновесие, и Эльтор рухнул на Бладмарка, прижимая его к полу. Его руки потянулись к горлу адмирала, готовые удушить.

Выстрел прозвучал неожиданно, словно хлопок сжатого воздуха. Заряд поразил Эльтора в грудь, отбросив его назад, прочь от Бладмарка. Четверо наемников живо схватили Эльтора и, подтащив к стене, крепко прижали к ней его руки и ноги. Сыпля проклятиями, Эльтор пытался вырваться на свободу, однако одолеть четыре живые крепости даже ему было не под силу.

Потирая горло, Бладмарк поднялся на ноги.

— Есть еще какие-нибудь повреждения?

Доктор извлек шприц и приблизился к Эльтору. Один из наемников прижал голову пленника к стене, открыв доктору доступ к его горлу.

— Не отключайте его! — приказал Бладмарк.

— Это сделает его более покладистым, — повернулся к нему доктор.

— Люди Икуара хотят, чтобы ему лишь слегка замедлили реакции, — произнес Бладмарк. — Вряд ли Икуару понравится, если его бесценный приз нуждается в полной отключке, ведь тогда какой от него толк? Лучше воспользоваться нейролептиками-супрессантами. Это замедлит его рефлексы без какого-либо снижения эмпатических способностей. Если в его систему ввести седативные вещества, это может помешать лечению.

— Понимаю, — ответил доктор и убрал шприц. Пока второй наемник продолжал крепко держать Эльтора, он прижал к его шее уже знакомую мне ленту, и в воздухе начали вращаться голографические изображения. — В области предплечья у него разорвано еще несколько оптических волокон. Но повреждение не слишком значительное. Заживет само.

— Отлично, — произнес Бладмарк. — А на этот раз свяжите-ка его понадежнее!

Связав Эльтору руки, наемники повели нас обратно через все помещение. Эльтора охраняли четверо бороидов — по одному спереди и сзади и по одному по бокам. Те из них, что находились слева и справа, придерживали его за локти. Меня сопровождал один, весь путь хранивший молчание. Время от

времени его броня издавала характерное шипение, словно из велосипедного насоса выходил воздух. Мне стало интересно — а какой он без этих громоздких доспехов? Как выглядит? Это мужчина или женщина? Есть ли у него семья или друзья? Впрочем, гадать было бесполезно.

Выйдя из здания, мы зашагали по гладкой как стекло равнине. В условиях пониженной гравитации наши шаги напоминали ходьбу в том ее виде, в каком человек воспринимает ее во сне. Вскоре изменилось освещение, сделавшись более приглушенным, как звездный свет. Высоко над головой медленно раскрывался купол, открывая взгляду черное небо, усыпанное мириадами звезд. Своей яркостью они напоминали драгоценные камни, на Земле таких я ни разу не видела. Они походили на голографические изображения, которые показывал мне Джаг, такие они и есть в условиях, близких к абсолютному вакууму.

— Стойте! — вырвалось у меня. Сердце от страха колотилось в груди. — Нам необходимо вернуться обратно. В помещение. У нас почти не остается воздуха. Нам будет нечем дышать!

Мой конвоир схватил меня за руку и потянул за собой, побуждая двигаться быстрее и не отставать от остальных. Шагавший впереди меня Эльтор попытался оглянуться, чтобы понять, что происходит, но тут же споткнулся, получив тычки в спину от своих конвоиров. Бладмарк приостановился и зашагал рядом со мной.

— Воздуха здесь достаточно, — обронил он.

— А там?! — Я указала на отверстие в куполе.

— Видите переливы света?

Прищурившись, я разглядела уже знакомую радужную пленку, напоминавшую мыльный пузырь.

— А что это?

— Мембрана, — пояснил адмирал. — Она удерживает воздух, точнее — сохраняет герметичность помещения.

Позднее я узнала, что молекулярный шлюз представляет собой двухслойную липидную пленку, начиненную нанороботами. Каждый такой наноробот — это молекула энзима плюс микрочип. Под воздействием электрического потенциала энзимы меняют форму, придавая мембране требуемую проницаемость. Например, один из режимов делает ее непроницаемой для воздуха, газов и особенно для водяного пара. Когда мы

проходили через мембрану, наши тела на какой-то миг сделались частью интерфейса. Структура мембраны, имеющая в основе поперечные молекулярные связи, и пико-чипы запомнили ее первичную форму и, как только мы через нее прошли, быстро ее восстановили.

Неожиданно Бладмарк заговорил:

— Если это вам действительно небезразлично, готов признаться: я рад тому, что вы отправитесь вместе с Эльтором. Если Икуар позволит вам видеться, это значительно облегчит Эльтору жизнь.

Я стиснула от гнева кулаки.

— Не понимаю, как вы можете жить в ладу с самим собой!

— В жизни иногда наступают такие времена, когда во избежание большего зла приходится проявлять жестокость.

— А кто дал вам право принимать подобные решения?

В голосе адмирала прозвенел металл.

— А кто имеет право втягивать целые планеты в нескончаемые войны?

— Неужели вы не понимаете, что вы для него значили? — Я задала этот вопрос, желая посильнее уколоть адмирала. — Вы обошлись бы так с собственным сыном?

— Мой сын мертв, — заговорил адмирал неожиданно потухшим голосом, видимо, погружаясь в воспоминания. — Ему было десять лет. Примерно в этом же возрасте Эльтор начал жить нормальной жизнью. Оперативная группа агентов эйюбианских спецслужб высадилась неподалеку от города, где он жил вместе с моей старшей женой. Вражеский десант не собирался задерживаться там долго. Но их обнаружили. В парке. Где играл мой сын. Он попал под перекрестный огонь. В него угодили пули наших стрелков. Случайность. Трагическая случайность.

— И сейчас вы хотите принести Эльтора в жертву купцам в качестве мести за это злодеяние? — негромко спросила я.

— Мой сын не имеет никакого отношения к судьбе Эльтора! — отрезал Бладмарк.

Шагавшие впереди нас бороиды уже приблизились к кораблю. Мы догнали их, когда они уже ввели Эльтора внутрь.

— О результатах узнаете из сводок новостей, — сказал Бладмарку старший наемник.

— Отлично! — произнес адмирал.

— Вы не полетите вместе с нами? — спросила я.

— Конечно же, нет, — ответил он. — Когда состоится обмен, я буду на заседании Ассамблеи. Затем приму приглашение родителей Эльтора отобедать с ними. — Он на секунду замолчал. — Представляю себе, как мы вместе с ними услышим репортаж о трагическом происшествии. Я постараюсь приложить все усилия для того, чтобы утешить убитых горем родителей.

— Ну и ублюдок же вы, адмирал! — прошипела я сквозь зубы.

— Думайте обо мне все что угодно, но я делаю то, что, по моему мнению, полезно для моего народа!

Один из наемников подтолкнул меня к входу в корабль. Оглянувшись, я увидела Бладмарка. Он стоял на поле в обществе одного лишь телохранителя. Руки сцеплены за спиной, волосы поблескивают серебром на фоне черного ночного ландшафта.

Наемники снова привязали нас к креслам и надели на головы шлемы с забралом. Не знаю, что делал с Эльтором его шлем. Может, усыпил его при помощи биомеханических супрессантов. А вот в моем возник какой-то туман, и я погрузилась в крепкий здоровый сон.

Проснулась я, когда что-то ткнулось мне в губы. Открыв глаза, я увидела наемника — он пытался засунуть мне в рот какую-то трубочку. Конвоир приподнял мне забрало и повис в пространстве прямо передо мной. Оказалось, что это женщина.

— Пей! — сказала она. — Ну давай! Это всего лишь вода.

Я последовала ее совету, ощутив во рту прохладную, освежающую жидкость. Кто-то задал вопрос на незнакомом мне языке. Женщина-бороид ответила:

— Не думаю, чтобы дегидрация была критической. Иначе сработала бы сигнализация.

Утолив жажду, я открыла рот, и трубочка с легким щелчком вернулась на свое прежнее место. Моя надзирательница все еще плавала в воздухе, наблюдая за моим состоянием. А может, ей просто было больше нечем заняться? Однако скорее всего моей конвоирше надлежало внимательно следить за тем, чтобы груз, то есть я, был доставлен к месту назначения в целости и сохранности. Может, ей не хотелось доставить меня в

обезвоженном виде. Вариант, так сказать, сухой заморозки. Тина быстрорастворимая! Смех, да и только. Я попыталась рассмеяться, но из моего горла вырвалось что-то вроде рыдания.

— Что случилось? — раздался чей-то незнакомый голос.

— Да откуда я знаю, черт побери! — отозвалась моя надзирательница. — Ни на одном из мониторов ничего не видно.

— Она плачет, вот что это такое! — произнес чей-то голос. — Я иногда просто ненавижу нашу работу!

Женщина-наемник, парившая в воздухе прямо передо мной, фыркнула:

— Ты перестанешь ненавидеть ее, когда придет день получения денег! В один прекрасный день мы станем самыми богатыми людьми на этом свете! Черт возьми, мы станем даже богаче этих гребаных членов планетарного правительства!

Среди других наемников пронесся шепот согласия.

— Приступаем к повторной инверсии! Приготовиться к переходу! — раздался голос пилота.

Наемники принялись устраиваться в креслах. У меня на теле тоже сомкнулся экзоскелет, а перед глазами возникло голографическое изображение. Звезды то и дело совершали прыжки, стремясь слиться в одной точке, а их цвет сдвигался в голубую часть спектра. Под дисплеем поплыли строчки иероглифов. Я поняла, что сколийские языки имеют три измерения, причем одно из них содержит основную информацию, а два других дополняют смысл всевозможными тонкостями и лингвистическими нюансами.

Мы плавно вышли из инверсии. Звезды приобрели обычные желто-оранжевые цвета, а в углу голокарты появилась крошечная черточка. Она увеличилась в размерах, пока не превратилась во вращающуюся станцию, которая, как я впоследствии узнала, в просторечии называлась «Цилиндр». Вместо втулки из полого центра станции, расширяясь по обоим концам вместительными ангарами, высовывалась неподвижная труба. Каждый ангар окружало массивное кольцо двигателей. Цилиндр с каждой секундой увеличивался в размерах, и вскоре его изображение заполнило весь экран. Поверхность сверкала мозаикой разноцветных огней: зеленых, золотистых, серебристых, голубых и фиолетовых. Вскоре картинка уже не вмещала в себя всю станцию. Пошел крупный план, и стали различимы со-

оружения на поверхности станции — подъемные краны, башни, шпили. При еще большем увеличении моему взгляду предстал только ближайший к нам конец трубы. Сплошное мерцание огней превратилось в отдельные пятна.

Мобилизовав мысленные усилия, я поняла, что огоньки — это космические корабли. Гигантские корабли, состоящие из множества отсеков, ощетинившиеся башенками и антеннами. До меня постепенно стало доходить циклопическое величие станции — она в тысячи раз была больше «Эпсилани». Находившийся перед нами модуль стал медленно раскрываться подобно огромному цветку с заостренными лепестками. Когда мы проплыли под ними, я поняла, что этот ангар способен разместить в своем исполинском чреве сотню кораблей, подобных нашему.

По линии связи зазвучали незнакомые голоса; говорили уже на другом языке — резком и непонятном. Информация, поступившая на голографическую карту, поступала из точки за пределами Цилиндра. Нам хорошо был виден наш корабль, уже внутри ангара. Мне вспомнилась росянка — растение, способное заглатывать мелких насекомых. Откуда-то со стороны внутренней поверхности ангара протянулась гигантская механическая рука. В вытянутом состоянии ее длина превышала длину корабля, на котором мы прибыли. Рука растопырила скелетообразные пальцы, и у нашего корабля открылось входное отверстие грузового отсека. В условиях абсолютного вакуума, где не было никаких звуков, это напоминало кадры старинного немого кино. Механическая клешня гигантского робота все так же беззвучно проникла внутрь грузового отсека и извлекла из него Джага. Затем в стене ангара беззвучно отошла в сторону исполинская дверь, и в следующий миг рука вместе со своей добычей скрылась внутри. Дверь плавно встала на свое прежнее место. На гладкой поверхности ангара не осталось никаких следов.

Эльтор что-то произнес каким-то совершенно потерянным голосом, как будто только что пробудился от глубокого сна. Пилот ответил ему, видимо, что-то о том, что Джаг экспроприирован.

Наш корабль состыковался со станцией, проникнув в желоб в узкой части ангара. Как только мы оказались внутри и голокарта погасла, по корпусу нашего корабля пробежала дрожь,

словно в него вцепилось нечто гигантское и пыталось удержать. Когда вибрация прекратилась, чей-то голос произнес:

— Все в порядке!

Женщина-бороид справа от меня выбралась из своего кресла и встала. Намагниченные башмаки позволяли ей надежно держаться на ногах даже в условиях пониженной гравитации. Она отвязала меня от кресла и помогла подняться, крепко держа за руку, чтобы я не отлетела в сторону. Конечности за время полета онемели, и теперь кровообращение постепенно возвращалось, вызывая ощущение покалывания, словно в кожу впились сотни невидимых иголок. В паре метров от меня несколько бороидов держали Эльтора, в то время как еще один связывал ему за спиной руки. Эльтор не сводил с меня глаз. Лицо его было искажено гримасой боли и усталости. И хотя голова у меня была по-прежнему как ватная, я уловила, как от него исходит страх.

Мы покинули корабль и оказались в просторном помещении. Пройдя дезинфекцию, мы вплыли в огромный отсек с покачивающимися решетчатыми настилами и палубами из поперечных полос красноватого металла. Через все помещение тянулись рельсы, исчезая в дезинфекционной камере. На них стояли два вагончика, напоминавшие отлитые из бронзы пули. Носы их были направлены в сторону, противоположную кораблю. Наемники поспешно разделили нас с Эльтором, посадив в разные вагончики. Внутреннее убранство моего вагона было совершенно незатейливым — гладкие стены без каких-либо признаков сварных швов, четыре сиденья и сетевой пульт. Два наемника уселись впереди, а один устроился на заднем сиденье рядом со мной. Послышался приглушенный шум, и скоро легкое ускорение вдавило меня в кресло.

Я бы затруднилась сказать, как долго длилась наша поездка, — может, минут двадцать, а может, и час. Мне она показалась бесконечной. Мне сделалось холодно, и я вся дрожала, сожалея о том, что не захватила с собой теплой одежды. Сосредоточившись на мыслях о холоде, я смогла загнать на самые задворки сознания мысли о том, что ждет меня по прибытии на место назначения.

В конце концов вагончик остановился. Дверца распахнулась, и я увидела какую-то женщину. Она с любопытством смотрела на нас. Высокая, широкоплечая, с массивной, выдающейся

вперед челюстью, она производила впечатление здорового как бык человеческого существа. Седые волосы зачесаны назад. На ней был простой коричневый комбинезон без каких-либо воинских нашивок или прочих свидетельств, способных подсказать, кто она такая.

Незнакомка стояла в помещении с высоким потолком, похожем на гараж на три автомобиля. Все помещение было заполнено рядами консолей, установленных перпендикулярно рельсам. Когда мы вылезли из автомобиля, притяжение оказалось почти таким же сильным, как и земное. Пол был выложен плитками — черными металлическими ромбами с серебристой окантовкой. Нигде не было видно даже намека на окна — лишь голый потолок и стены насыщенного небесно-голубого цвета. Помещение напоминало обычный центр управления — облаченные в экзоскелеты операторы, светящиеся консоли, вращающиеся в воздухе голографические карты, трехмерные изображения оборудования, Цилиндра, ряды иероглифов.

Между консолями без конца сновали операторы. Некоторые из них были одеты в серые или голубые мундиры, другие — таковых большинство — в коричневые комбинезоны, как встретившая нас женщина. После того как Эльтор выбрался из второго вагончика в сопровождении трех наемников, женщина-аристо провела нас по всему центру управления. Присутствующие разглядывали нас с нескрываемым любопытством. Наибольшего внимания удостоился, конечно же, Эльтор. Позднее мне стало известно, что Крикс Икуар, министр торговли Эйюбы, не делал никакого секрета из своего триумфа. Наконец он заполучил добычу, которую уже давно жаждал, — рона, принца, который являлся одновременно и Ключом псиберсети, и главным Источником.

В дальней части центра управления нас уже ждали. Это был мужчина в мундире эйюбианского флота — серой тунике с красным галуном на обшлагах, серых бриджах с синими лампасами и черных ботинках. Эмблема на его левом плече изображала черную пуму, выпрыгивавшую из красного круга. Передние лапы вытянуты вперед, зубы злобно оскалены. Посмотрев на эмблему, Эльтор состроил гримасу и отвернулся.

По приказу офицера овальный участок стены превратился в выходное отверстие. Это был молекулярный шлюз. Оставаясь плотным и непрозрачным, он служил в качестве надежного

барьера; становясь прозрачным и тонким, как мыльный пузырь, шлюз позволял пройти сквозь него, сохраняя герметичность помещения. Мы шагнули наружу и оказались на лесной поляне. Залитая изумрудным светом, она была всего лишь несколько ярдов в ширину и окружена деревьями и кустарниками, смыкавшимися густым пологом у нас над головой. Откуда-то издалека доносилось пение невидимых птиц. В глаза сразу же бросались яркие пурпурные цветы, напоминавшие земные тигровые лилии.

Под ногами у меня расстилался пышный ковер зеленого цвета. Странно. Ковер. Откуда взяться в джунглях ковру?

Я огляделась по сторонам. Овальная дверь за моей стеной куда-то исчезла, и на ее месте возвышались деревья. Среди зарослей я разглядела несколько огромных камней, однако при ближайшем рассмотрении это оказались кресла с экзоскелетами. Мы находились посреди одного из шедевров голографического искусства, наподобие картин в комнате капеллана Минь на станции «Эпсилани», однако еще более впечатляющих. Офицер эйюбианского флота по-прежнему не сводил с Эльтора глаз. Когда тот посмотрел на него, офицер опустил глаза — либо от испуга, либо от отвращения, либо от того и другого вместе. Внешне он казался вполне нормальным. У него были седеющие волосы и голубые глаза. О возрасте свидетельствовали морщины на лбу и вокруг глаз.

На другой стороне поляны деревья вдруг непонятным образом исчезли, и моим глазам предстал еще один выход овальной формы. Там стояли трое — двое мужчин и женщина. Когда они вошли в помещение, за их спиной снова появился лес. У женщины и одного из мужчин были каштановые волосы и голубые глаза. Волосы второго мужчины были темнее — почти черные. Глаза его были неприятного оттенка ржавого железа. Впоследствии я узнала, что это бригадир, представитель высшей касты эйюбианских рабов, скорее всего незаконный сын от брака аристо — мужчины или женщины — со своим Источником.

Эльтор посмотрел черноволосому прямо в глаза, и тот ответил ему спокойным уверенным взглядом. После этого эйюбианин как будто бы мысленно встряхнулся. Посовещавшись о чем-то с офицером, он направился прямо к нам и заговорил

на родном языке. Почему-то язык этот показался мне каким-то неприятным.

— Не понимаю, — ответила я по-английски.

Посмотрев на наемника, державшего меня за руку, он опять что-то сказал. Бороид склонил ко мне голову и шепнул на ухо:

— Это лейтенант Азез. Он хочет, чтобы ты назвала свое имя.

— Тина,— ответила я, глядя на черноволосого.

— Тии-наа, — по слогам протянул тот и довольно кивнул.

Затем подошел к Эльтору и снова уставился на него, как будто Эльтор был чем-то вроде магнита, который постоянно притягивает к себе окружающие предметы.

Эльтор действительно обладал каким-то удивительным природным магнетизмом. Было ли это важно для него, он не показывал виду. А сейчас он по-прежнему стоял между двумя наемниками. Лицо его сохраняло все то же бесстрастное, непроницаемое выражение. Азез заговорил с ним на эйюбианском, и Эльтор ответил ему на том же резком и скрипучем языке.

После этого Азез скрылся в зарослях голографического леса, растворившись словно призрак. Приглядевшись, я заметила в чаще призрачного леса замаскированную консоль и стоявшего за ней черноволосого лейтенанта Азеза. Теперь он говорил на каком-то новом для меня языке, напевном и приятном на слух. Теперь я знаю, что это был хайтонский — язык аристо, высшей касты эйюбиан. Вскоре Азез вернулся к нам на поляну и жестом предложил Эльтору сесть, очевидно, предлагая ему отдохнуть. В ответ Эльтор лишь отрицательно мотнул головой. По его вискам катились капли пота.

Началось ожидание. Довольно долгое. Несколько раз тишину лесной поляны нарушал кто-нибудь из эйюбиан или наемников — нам объявляли, что мы должны оставаться на местах и ждать.

Наконец в противоположной стене вновь открылось овальное отверстие, и в нем возникли незнакомые мне мужчина и женщина. Все находившиеся в помещении люди склонились в низком поклоне — все, кроме нас с Эльтором. Я понятия не имела, следует ли и мне поклониться вошедшим. Эльтор же скорее всего не желал выказывать им почтение.

При виде этих двоих у меня почему-то поползли по коже мурашки. Пару эту отличало то поразительное совершенство, которое возникает из мало кому данной возможности выби-

рать для себя любые черты лица, любое телосложение, любую жизнь, которую пожелаешь, — то, что в представлении простых смертных отличает настоящих богов. Они были высоки даже для обитателей родной планеты Эльтора. У женщины невероятно длинные ноги, достойная зависти и восхищения, гармоничных пропорций фигура — все то, что именуется знойной красотой в лучшем смысле этого слова. Мужчину отличало атлетическое телосложение — широкие плечи, узкие бедра, — физическое совершенство, которое редко встретишь в природе. Но более всего меня поразили в этой паре черные волосы, отливавшие алмазным блеском, и красные, похожие на рубины глаза.

Женщина направилась к Эльтору, глядя на него так, как будто он был долгожданной наградой, за обладание которой она готова была убить любого, кто посмел бы посягнуть на него. Незнакомка заговорила с ним на хайтонском. Несмотря на мелодичность языка, у меня возникало недвусмысленное ощущение угрозы, крывшейся в словах женщины, как будто она обещала своему собеседнику обтянутую бархатом спальню в самой преисподней. Мужчина оставался стоять возле порога, наблюдая за происходящим с видом элегантной отрешенности. Время от времени по его лицу блуждала легкая улыбка — особенно в те моменты, когда Эльтор явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Женщина повернулась к своему спутнику и кивнула. Тот прошел вперед, спокойный и самоуверенный. В каждом его жесте читалось высокомерие. Присутствующие немедленно склонились в почтительном поклоне. Его взгляд встретился с взглядом Эльтора, и они какое-то время пристально смотрели в глаза друг другу, как будто выполняли одним им известный ритуал. Этот эффект дополняла внешность обоих мужчин — оба были примерно одного роста и телосложения. Один сверкал золотом, другой был красно-черный, подобно двум половинам некоего сверхъестественного существа. Несмотря на то что Эльтор занимал ущемленную позицию — полураздетый узник со связанными за спиной руками, — этот своеобразный поединок выиграл именно он.

Неожиданно женщина заговорила снова, закончив фразу словами «Крикс Икуар».

Вот, значит, как. Это Крикс Икуар, эйюбианский министр торговли. Тот самый, что купил нас.

Эльтор и Крикс Икуар продолжали сверлить друг друга взглядами, как будто вели безмолвную дуэль. В следующий миг мне стало ясно, что что-то не так. Эльтор начал падать, *падать...*

Пол как будто устремился мне навстречу, больно ударив меня. До меня донеслись обрывки чьих-то слов, и я поняла, что пол вовсе не движется, — это я покачнулась и падаю. Эльтор произнес что-то на эйюбианском. В его интонации мне послышалась тревога. Подняв голову, я увидела, что он отчаянно пытается вырваться из «дружеских объятий» наемников. На его лице впервые читалось выражение страха.

Икуар опустился на колени рядом со мной. Заглянув в его рубиново-красные глаза, я содрогнулась. Какое жуткое ощущение я только что пережила при падении на пол. К счастью, это ощущение быстро пошло на убыль — а вместе с ним и мои эмпатические способности. Я приняла сидячее положение и дрожащей рукой убрала упавшие на лицо пряди волос.

— Мне сказали, что вы говорите по-английски, — проговорил Икуар.

Я зажмурила глаза, испытывая облегчение от того, что слышу привычный мне язык. По моей спине отчего-то пробежали мурашки.

— Посмотри на меня! — услышала я властный голос Икуара.

Я открыла глаза, успев заметить, как по безупречному лицу пробежала гримаса неудовольствия. Икуар резко выпрямился.

— Она все еще в шоке! — произнес он на хайтонском языке.

Окружающие поспешили откликнуться на его слова. В их голоса закрался страх: как боялись они навлечь на себя гнев того, кому надлежало лишь угождать — причем всегда и любой ценой. Эльтор стоял в стороне, не сводя с меня глаз. Его все так же крепко держали за руки несколько наемников. Когда седовласая женщина помогла мне встать на ноги, к нам приблизилась другая женщина-эйюбианка, заговорившая на непонятном языке. Стоявший рядом наемник взял меня за руку и подвел к стене, через которую мы вошли в это помещение.

— Нет! — вскричала я и попыталась высвободиться из его железной хватки.

Я поняла, что меня сейчас уведут прочь и я расстанусь с Эльтором, единственным близким мне человеком в этом бесконечно далеком, чужом и жутком мире.

Эльтор тоже рвался на свободу, отталкивая своих стражей.

— Пустите меня к ней! — выкрикивал он.

В самой гуще голографических деревьев показался блестящий овал, и наемник потащил меня прямо к нему. Сопротивляясь, как могла, я продолжала звать Эльтора. Сзади до меня доносились крики и шум борьбы.

— Отпустите ее! — снова раздался его крик.

Наемник потащил меня к выходу. Ноги мои безвольно волочились по зеленому ковру. Мы проникли внутрь овала, и входное отверстие сомкнулось у меня за спиной. Я оказалась одна. Эльтор же остался с Криксом Икуаром. Оба, он и я, заложники кошмара наяву.

Глава 16
ВЛАСТЕЛИН БОЛИ

Однажды, несколько сотен лет назад, в Лос-Анджелесе, мне приснился сон. Совершенно незамысловатый. Я поступила учиться в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе и получила степень бакалавра бухгалтерского дела. Там я подружилась с людьми, которые предпочитали оружию книги. Такой вот сон. Мне хотелось совсем малого.

Получила же я гораздо больше.

Комната была освещена довольно тускло. Я лежала в постели, смутно понимая происходящее, но все-таки осознавая присутствие в помещении уже знакомой мне седовласой женщины.

Некоторое время спустя я, опираясь на локти, приподнялась в постели. Голова тотчас закружилась, и окружающий мир принял расплывчатые очертания. У меня было такое чувство, будто я нахожусь под действием наркотика. Комната была круглая. Пол устлан синим ковром. Кто-то снял с меня платье и накрыл темно-синим одеялом, теплым и нежным, как сладкий детский сон. Напротив моей кровати в кресле дремала женщина-эйюбианка.

Неподалеку находился стол, на котором стоял изящной формы кувшин — в виде цветка, чьи лепестки образовывали носик. Влага из него сбегала вниз к столу, где исчезала. Рядом с кувшином стояла чашка в форме цветка. Я попыталась было дотянуться до чашки, но не смогла. Руки почему-то сильно дрожали и почти не слушались. Я обессиленно опустилась на постель, не в состоянии что-либо сделать самостоятельно...

Возле меня тотчас оказалась женщина. Она склонилась надо мной и приложила руку сначала к моей щеке, а затем ко лбу. Хотя выражение ее лица оставалось бесстрастным, прикосновение ее руки было нежным и ласковым, как у добросердечной сиделки. Она поднесла к моим губам чашку, и я торопливо осушила ее содержимое.

Отдав пустую чашку, я спросила:

— А где Эльтор?

Женщина покачала головой, затем потянула меня за руку. Подчиняясь ей, я вылезла из постели, чувствуя головокружение и слабость в ногах. Женщина подвела меня к стене и что-то проговорила, после чего там образовался восьмиугольный портал, затянутый похожей на мыльный пузырь мембраной. Мы прошли сквозь нее. Мембрана как вторая кожа облепила наши тела, а затем снова приняла свою прежнюю форму. По ту сторону стены оказался бассейн, занимавший почти все помещение. Его стены, пол и потолок были выложены мозаичной плиткой. Изящный узор пестрел оттенками золотистого, фиолетового и зеленого. С помощью моей молчаливой сиделки я опустилась в благоуханную воду. Я все еще находилась под действием снадобий, и моих сил хватило лишь на то, чтобы устало опуститься в неглубокий бассейн.

Женщина оставила меня одну, но скоро вернулась, неся две чаши. Опустившись на колени у края бассейна, она попросила меня подняться. Я покорно приняла вертикальное положение, а она вручила мне пригоршню разноцветных полупрозрачных горошин. Я удивленно посмотрела на них, но не удержала в руке, и они упали в воду. Сделав две безуспешные попытки дать мне в руку горошины, женщина издала возглас, в котором слышалось раздражение. Сбросив с себя одежду, она залезла в бассейн и встала рядом со мной. Увиденное подействовало даже на мой притупленный наркотиком разум. Еще бы! Все вокруг было сродни сюрреалистической картине. У моей

сиделки оказалось сразу два пупка! Значит, и с чревом матери ее когда-то связывали две пуповины! Если это родовая травма, то Икуар не посчитал нужным ее исправить!

Женщина извлекла из одной чаши новую пригоршню горошин, сжала их в руке, а затем раскрыла ладонь, показывая мне, что они превратились в густую разноцветную пену. Моющее средство издавало приятный сладковатый запах, смешивавшийся с ароматом, исходящим от воды. Женщина вымыла меня с головы до ног, не забыв и волосы. Горшины, которые она извлекла из второй, более крупной чаши, оказались чем-то вроде крема-депилятора. Она удалила с моего тела всю растительность, оставив лишь волосы на голове, а также брови и ресницы. Тогда происходящее казалось мне забавной процедурой. Но, с другой стороны, женщине, жившей на Земле лет триста назад, забавным показалось бы и то, что я сама регулярно брею волосы на ногах и под мышками.

Женщина помогла мне доплыть до противоположной стороны бассейна. Когда мы с ней уже почти приблизились к бортику, совершенно неожиданно вверх забил фонтан. Женщина поставила меня на какое-то возвышение под струи фонтана. На мое тело обрушились потоки воды, смывая остатки мыльной пены, после чего она помогла мне вылезти из бассейна. Мы стояли рядом с настенной мозаикой, изображавшей раскачивающиеся ветви. Откуда-то из невидимых труб вырвался поток теплого воздуха, нежный и приятный, и обсушил мне кожу. Моя сиделка оделась и отвела меня обратно в спальню.

Тем временем кто-то уже успел постирать мою одежду. Теперь от нее исходил медово-сладкий аромат. Так, наверное, пахнет амброзия. Я попыталась выразить женщине свою благодарность, однако та ничего не поняла из моих слов и не обратила никакого внимания на мою бурную жестикуляцию. Вместо этого подошла к настенной консоли и, вероятно, кого-то вызвала. Я же снова легла в постель и незаметно задремала под аккомпанемент ее голоса.

Спустя какое-то время сиделка снова разбудила меня, и мы вышли из комнаты. Наш путь лежал через восьмиугольный коридор с полом из поперечных бронзовых полос, которые приятно холодили мои босые ступни. Через равные интервалы нам попадались восьмиугольные арки, сиявшие золотистым светом. Я пыталась разглядеть в коридоре окно, дверь или что-то, что

хотя бы отдаленно напоминало выход наружу, в мир, где есть деревья и дома, цветы и животные, — хотя бы что-то знакомое и привычное, наподобие маяка в этом безбрежном океане неизвестности. Лос-Анджелес теперь казался мне далеким и нереальным. Он остался в той, другой жизни.

Никакого окна я так и не увидела. В конце концов мы оказались в тупике. Женщина что-то произнесла, и перед нами появилось уже ставшее привычным сияние — на этот раз в проеме восьмиугольной формы. Сиделка провела меня сквозь него в какое-то небольшое помещение, а оттуда к еще одной двери. Мы оказались в огромном зале, настолько огромном, что я даже задалась вопросом, к чему такая расточительность. Хотя, по правде говоря, бассейн тоже был шикарным, ведь меня вполне могли помыть более незамысловатым образом, при помощи тех же нанороботов. Подобно мылу они удалили бы с моего тела частички грязи, собрав их липидными мицелиями.

В комнате, в которой я оказалась, абсолютно все — пол, стены, потолок — было украшено орнаментом из блестящих восьмиугольных пластинок, бронзовых, медных и янтарных. В центре стоял диван, а перед ним столик. Позади него вверх к потолку уходили колонны, задрапированные бронзового цвета занавесями. Полупрозрачная ткань трепетала под невидимыми потоками воздуха.

На диване восседал Крикс Икуар.

Он не удостоил вниманием мою спутницу, которая поклонилась ему и вышла. Когда мы остались одни, Икуар по-английски обратился ко мне:

— Садись!

Я собралась было опуститься в кресло, стоявшее возле столика, но Икуар отрицательно покачал головой. Я растерялась, не зная, как мне быть. Однако в следующее мгновение поняла, чего он хочет. Стиснув зубы, я обошла столик и села рядом с ним на диван. Полупрозрачная занавесь коснулась моего лица, а затем отлетела в сторону.

Икуар взял меня за подбородок и приподнял вверх лицо.

— Хороша! — прокомментировал он.

— Где мой муж? — потребовала я у него ответ.

Икуар взял меня за плечи и повернул сначала вправо, а затем влево.

— Твои голографические портреты не слишком хороши, в жизни ты гораздо красивее! Ты действительно похожа на рейликанку! Разве что нос у тебя поменьше! Это твоя настоящая внешность?

— Настоящая? — переспросила я.

— Ты не меняла свою внешность, чтобы выглядеть так, как выглядишь сейчас?

— Нет, — ответила я.

В ту минуту мне больше всего на свете хотелось, чтобы он прекратил прикасаться ко мне.

Однако Икуар и не думал прекращать. Вместо этого он опустил руку ниже и провел по моей груди, нащупывая сквозь ткань сосок.

— Не смейте! — воскликнула я и отбросила его руку.

Бить его было просто глупо. Как можно ударить одну из самых могущественных личностей трех межзвездных цивилизаций? В ответ Икуар лишь рассмеялся. Откинувшись на спинку дивана, он обхватил меня за талию и резко увлек за собой. Я упала на него, распластавшись на животе. Мои волосы разметались черным шелковым покрывалом по поверхности дивана, вернее, кровати, как я это только сейчас поняла. Кое-как поднявшись на коленки, я попыталась соскочить на пол. Икуар, смеясь, снова притянул меня к себе, опрокинув на этот раз на спину.

— Тебе ведь не удалось завершить свою первую брачную ночь! — прошипел он. — Может, сейчас самое время сделать это?

— Нет! — крикнула я, отчаянно отбиваясь от него.

Он занес надо мной руку.

— Не двигайся!

Я словно окаменела, глядя на его руку.

— Дариус, приготовься! — выкрикнул Икуар, обращаясь к невидимому собеседнику.

— Готов! — отозвался незримый голос.

Он напомнил мне голос Джага, только звучал более резко.

— Начать стимулирующий цикл, лабораторный отсек номер пять!

— Начат! — ответил все тот же голос.

Ничего не произошло. Ничего, за исключением того, что Икуар закрыл глаза и приоткрыл рот, словно сосредоточив-

шись на чем-то слышимом и видимом только ему. Он еле слышно выдохнул, и звук этот показался мне до боли знаком.

Да он наркоман! Какие могут быть сомнения! Вылитый торчок в кокаиновом раю. Теплый лучик надежды затеплился в моем сердце. Сейчас Икуар погрузится в свой наркотический кайф и забудет обо мне. И тогда у меня появится шанс ускользнуть от него.

Увы, надежды мои оказались напрасны.

Годы спустя я пыталась понять, почему так долго не исцелялись душевные травмы той далекой, драматической ночи. Причиной могло быть все что угодно — страх, стыд, боль. А может быть, даже то, как, достигнув пика физического блаженства, Икуар долго лежал на диване в каком-то забытьи, издавая протяжные звуки, словно занимался сексом где-то в другой реальности. Он продолжал крепко сжимать меня, словно хотел убедиться, что я здесь, в этом физическом мире, пока сам он пребывал где-то еще, занимаясь тем, о чем я не имела ни малейшего представления.

Чуть позже Икуар произнес:

— Дариус, приготовься!

— Готов!

— Прекратить стимулирующий цикл в лабораторном отсеке номер пять!

— Прекратил! — отрапортовал незримый Дариус.

Икуар вздохнул и закрыл глаза. Через считанные мгновения он уже спал. Когда я попыталась устроиться на диване поудобнее, он проснулся и снова занес надо мной руку.

— Не шевелись!

Я замерла. Он какое-то время смотрел на меня, видимо, удовлетворенный моей покорностью. Затем лег и вновь погрузился в сон.

Устремив взгляд на полупрозрачную занавесь над кроватью, я тревожно вслушивалась в дыхание Икуара и, пока он спал, старалась не шевелиться, боясь разбудить его. Я открыла для себя еще одну сторону психологического состояния, когда ты находишься в полной власти другого человека. Помимо страха, гнева и одиночества, оно означает еще и смертельную скуку.

Проснувшись, я обнаружила, что нахожусь у себя в комнате в обществе седовласой сиделки. Мне плохо запомнилось мое

пробуждение, видимо, меня снова напичкали наркотиками. Смутно помню, что билась в истерике, плакала и звала Эльтора. Сиделка обработала мои синяки, бормоча что-то успокаивающее, и я в конце концов уснула. А когда проснулась, женщина дала мне какие-то таблетки и стакан воды, после чего я снова погрузилась в сон...

Очнувшись в следующий раз, я почувствовала себя почти нормально. Последние несколько дней показались мне бредом помутненного сознания. Седовласая эйюбианка сидела в кресле и смотрела на голоэкран. Там показывали что-то вроде приключенческого фильма. Люди в нем скакали на каких-то странных животных и говорили на резком эйюбианском языке.

Я села в постели, и сиделка выключила голопроектор. Затем задала мне какой-то вопрос. Я в ответ непонимающе развела руками. Склонившись над консолью, она куда-то позвонила и поговорила с незримым собеседником. После этого женщина помогла мне одеться, и мы вышли из комнаты, снова зашагав по тому же самому восьмиугольному коридору.

На этот раз мы пришли в центр управления станцией. Помещение было гигантских размеров. Сотни людей работали за консолями, торопливо сновали туда-сюда или, затянутые в экзоскелеты, сидели за пультами управления. В зале стоял гул голосов, как человеческих, так и машинных. Повсюду высились горы аппаратуры непонятного назначения, вращались голографические изображения — самого Цилиндра, космических кораблей на подлете к нему, далеких и близких звезд. В глубине комнаты я увидела возвышение с креслами. Два из них оставались пустыми.

На третьем восседал Икуар.

Сиделка подвела меня к нему, поклонилась и вышла из зала. Икуар жестом указал мне на место рядом с собой.

— Сегодня ты выглядишь гораздо более оптимизированной!

Я села в кресло. Оптимизированной? Теперь мне понятен смысл этого слова. Во вселенной, где компьютерные сети играют первостепенную роль, люди не в состоянии представить себе, каким образом «примитивный человек» мог выжить без них. Однако тогда подобный комментарий меня ошарашил. Я даже не нашлась, что на это ответить.

Икуар улыбнулся и, откинувшись на спинку кресла, закрыл глаза. На его лице снова появилось выражение наркотического «улета».

— Эльтор просит о встрече с тобой.

От удивления я чуть не подскочила на месте.

— Что с ним? — торопливо поинтересовалась я.

— Мы забираем его на нашу базу в секторе Зет. Там уже находится Замок.

— Я смогу увидеться с ним?

Икуар не ответил. Осознав, что он намеренно не обращает на меня внимания, я стиснула зубы и, откинувшись в кресле, принялась наблюдать за тем, что происходит вокруг.

— Мне сообщили, что ваш брак заключен в дополнительном договоре, — наконец нарушил молчание Икуар.

— Совершенно верно, — ответила я.

— Прекрасно.

До этого момента я пребывала как во сне, плохо осознавая ситуацию. Однако мало-помалу до меня стало доходить истинное значение происходящего. В самое ближайшее время должна была разразиться война между Империей и Эйюбой. В распоряжении купцов имелись и Ключ, и Замок. Образно говоря, Голиаф постепенно набирал скорость. Хуже того, как только станет известно о похищении Эльтора, непрочный союз между Империей и Союзными Мирами неизбежно распадется. Это уже второе предательство в дополнение к первому, и ущерб на этот раз может оказаться невосполним.

Однако не следует кое о чем забывать. Договор существует. Спрятанный в сети «Эпсилани» наш брачный контракт станет тем самым цементом, который позволит надежно скрепить бреши в треснувшей крепости.

В ту пору я еще не понимала символической мощи нашего брака. Я принесла свежую кровь в семейство рона и тем самым в кровь всего народа, к которому принадлежал Эльтор. Это было чем-то вроде дара Земли, он как бы компенсировал Империи предыдущую «измену» землян. Еще большую пикантность этому символическому акту придавала моя молодость.

Рейликане — старая раса. Раса, уставшая бороться за свое существование. Раса вымирающая. Для них, а также и для всех сколийцев символ жизненной силы означал больше, чем любая политика. Наш брачный контракт шел дальше, чем любой договор, — он мог способствовать улучшению отношений между двумя цивилизациями. Но только при том условии, если Стоунхедж передал его в надежные руки.

— Тина, тебе известно, что такое сухая розетка? — произнес Икуар.

— Нет, — удивленно ответила я.

— Представь, что тебе удалили коренной зуб. Сухая розетка — это что-то вроде дырки в десне, в которой торчит обнаженный нерв.

— Это должно быть очень больно!

— Верно. — Икуар какое-то время помолчал. — А теперь представь себе, что при этом чувствует тело, а не только ротовая полость. Все тело покрыто сетью датчиков, которые соединены с нервной системой. Их включают, и возникает эффект сухой розетки.

Я уставилась на него, ни жива ни мертва от страха. Неужели, если я рассержу его, он способен обречь меня на мучения?

Немного помолчав, он добавил:

— Тебе известно, над каким количеством людей я властвую?

— Нет.

— Попробуй угадать.

Этот разговор начинал раздражать меня.

— Сто.

Икуар расхохотался.

— Сто! Забавно!

— Десять тысяч?

— Нет.

— Тогда не знаю.

— Около ста миллиардов!

Не представляю, как можно властвовать над ста миллиардами человеческих душ? Что же он с ними такое делает, что они ему подчиняются?

— Дариусу придется заглянуть в архивы, чтобы назвать точное количество, — произнес Икуар. — Одно могу сказать точно — я владею ста тремя планетами. Население каждой из них в среднем около миллиарда человек, так что общее число моих подданных — сто миллиардов! В большинстве своем они живут самой обычной жизнью. Пожалуй, это — самое главное. Люди редко устраивают восстания, если им хорошо живется.

— А что же произойдет, если они все-таки восстанут?

— Я избавлюсь от них!

— А почему вы мне обо всем этом рассказываете?

— Взгляни на народ твоего мужа! Сколийская Империя! — язвительно произнес Икуар. — Она даже названа в честь его семьи, Рубиновой Династии. Он этого тебе не говорил? Его полное имя Эльтор Виан Селеи Кья Сколия. Но мы гораздо сильнее их, Тина! — Голос Икуара внезапно окреп. — Когда время уравновесит чаши власти, именно мы станем владыками всего космоса! Хорошенько запомни это!

У меня не нашлось никакого ответа на его слова. Икуар еще какое-то время пристально смотрел на меня, после чего откинулся в кресле и закрыл глаза. Лицо его приняло все то же дремотное выражение. Я сидела молча, чувствуя, что мое тело натянуто как струна.

Немного позже я переключила внимание на людей за пультами управления. Время от времени они бросали на меня быстрые взгляды, но тотчас спешили отвернуться. Было несложно прочитать выражения их лиц. Я бы не удивилась, если бы все они вдруг вскочили за своими консолями и закричали во весь голос:

— *Слава Богу, что там сидишь именно ты, а не я!*

Их работа в большинстве своем состояла в обслуживании Цилиндра. Тот ускорялся, готовясь к инверсии. Но то, что Джаг выполнял в считанные секунды, на Цилиндре занимало недели. Инженеры за другими консолями моделировали конструкции космических станций — новых миров, над которыми предстояло властвовать Икуару. Большинство моделей оказывалось нестабильными. У меня на глазах одна такая модель, длинная труба с глухими концами, сначала вела себя согласно расчетам, однако вскоре ее вращение сбилось с нужного ритма. Станция заколыхалась, и в конечном итоге вся конструкция завертелась волчком.

— Ты, конечно, понимаешь, что юридически, в соответствии с любыми законами, я буду обладать тобой и Эльтором до конца ваших дней. — Я посмотрела на Икуара. Он вновь открыл глаза и продолжил: — Это я говорю на тот случай, если вам в голову придет мысль совершить попытку бегства.

— В Империи и Союзных Мирах рабство считается незаконным! — воскликнула я.

Об этом мне никто не говорил, но почему-то я была уверена, что это именно так.

Икуар улыбнулся.

— Может быть, и так. Однако условия Парижского договора требуют от вашего правительства возврата нашей собственности. У меня имеются все юридически обоснованные документы, связанные с покупкой вас обоих. В случае — скажем так — потери принца-рона отказ вернуть собственность может считаться деянием, приравненным к объявлению войны.

Я не поверила, что Империя или Союзные Миры могли подписать соглашение, требовавшее от них возвращать эйюбианам беглых рабов.

— А что это за договор?

— Ты что, действительно недоразвитая? — рассмеялся Икуар. — Да ты и впрямь безмозглая наложница! Экзотическая штучка, ослепительно красивая, скандально юная и глупая как пробка!

От злости я крепко стиснула зубы. Мне было наплевать на то, насколько он могуществен или генетически совершенен. Единственная разница между ним и Нагом заключалась в том, что Икуар жил во вселенной, в которой никто не мог положить конец его безумствам.

— Может быть, я разрешу тебе увидеться с Эльтором, — произнес Икуар. — Что ты на это скажешь?

Я едва не подскочила с кресла.

— Да!

— Отлично. Дариус, приостанови стимулирующий цикл в лабораторном отсеке номер пять!

— Приостановил! — ответил Дариус.

Икуар поднялся.

— Пойдем!

Икуар повел меня по восьмиугольному коридору, но, пройдя всего лишь несколько шагов, остановился и открыл портал. Мы прошли сквозь блестящую мембрану и оказались в беспорядочно загроможденной лаборатории. Вдоль стен и на открытых пространствах высились горы аппаратуры. Все это я заметила лишь мельком, боковым зрением, потому что сразу же увидела Эльтора.

— Нет! — Мне показалось, будто пол уходит у меня из-под ног. — Боже, нет! Пожалуйста! Только не это!

При помощи специального каркаса Эльтор был подвешен над поверхностью пола примерно на высоте пяти футов. Он был полностью обнажен, и все его тело — с головы до ног —

было опутано какой-то сетью. Взгляд его был устремлен в потолок. Дыхание было прерывистым, как у тяжелобольного, и скорее напоминало скрежет. Казалось, будто у него перерезано горло. Пот крупными каплями струился по его телу, стекая на пол.

Нашего прихода Эльтор не заметил. Когда Икуар втащил меня в помещение, его надрывное дыхание перекрыло звук наших шагов. Икуар прикоснулся к панели управления на одной из консолей. Каркас, удерживавший Эльтора, пришел в движение, и в следующее мгновение он уже был повернут ко мне лицом.

— Икуар! Не надо! Я не хочу, чтобы она видела меня таким!

Владыка эйюбиан приблизился к каркасу и улыбнулся.

— Я привел тебе подарок!

По лицу Эльтора ручьями струился пот.

— Не делай этого! — умоляюще посмотрел он на своего мучителя.

— Ты хотел увидеть ее. Ты ведь сам просил меня об этом.

— Хотел, но не так.

Окружающий мир поплыл вокруг меня. Сухие розетки! Я вспомнила, как Икуар совсем недавно находился в состоянии наркотической эйфории и прямо-таки корчился от наслаждения, которое ему поставляли согласно его воле. Мне захотелось сию же минуту пронзить его насмерть. Не раздумывая, я бросилась на него с кулаками.

— Как ты смеешь мучить его, ублюдок! Негодяй!

Икуар без труда схватил меня за руки. Улыбки его как не бывало.

— Посмотри, могучий принц! То, что было твоим, теперь мое! — Он резко развернул меня к Эльтору.

Мне показалось, что слова моего мучителя сопровождались зубовным скрежетом.

— Пять столетий твоя семья делала из нас посмешище! — продолжил он. — Хватит! Теперь пришло наше время!

— Мы не делали вам ничего плохого, — прохрипел Эльтор.

— Неужели? Нас вывели как особую породу для вас. Твоя семья, уступающая нам по развитию, призванная по праву обслуживать нас, аристо, сделала таких, как я, всеобщим посмешищем в твоей Сколийской Империи! — Икуар встряхнул меня

с такой силой, что зрение мое слегка помутилось. — Вот, смотри! Вот она, твоя новая, свежая жизнь! Символ новых начинаний, по крайней мере для одного человека! Твоя обожаемая наложница! Так что умолкни, несчастный! Сейчас ты увидишь, как я использую ее, выпью ее до последней капли, а потом выброшу за ненужностью!

В ответ Эльтор принялся изрыгать в адрес Икуара жуткие проклятия, отчаянно пытаясь вырваться из каркаса, но тот крепко держал его в подвешенном состоянии.

Выражение лица Икуара снова изменилось, сделавшись нежным, как у влюбленного. Его голос прозвучал негромко и ласково.

— Дариус, возобнови стимулирующий цикл!

«Нет!» — готово было сорваться с губ Эльтора короткое слово.

Но не сорвалось. Вместо этого все его могучее тело буквально окаменело.

А затем он закричал.

Мне показалось, будто вся вселенная превратилась в хаос, в ней стоял только этот крик, крик моего любимого Эльтора. Я бросилась к нему, желая освободить, но Икуар безжалостно отшвырнул меня в сторону. Затем схватил меня за руки, опрокинув на лабораторную скамью, прижал спиной к ее поверхности и принялся срывать с меня платье.

Мое сознание наполнили крики Эльтора, сливавшиеся в один безумный вопль:

— Нет!

У Икуара был такой вид, словно он, вколов себе самый мощный из всех наркотиков, воспарил в своей дикой эйфории в такую немыслимую высь, что казалось, будто уже никогда не вернется на грешную землю. Каждый новый крик Эльтора исторгал из его груди вопль восторга и похотливого наслаждения.

ДЖ-А-А-А-А-Г!

Ментальный крик острой сталью пронзил вату, которой был туго набит мой вялый разум.

ЗАЩИТИ!

Включаю систему аварийного пробуждения! отозвался Джаг.

Глава 17
МЕСТЬ МОЛНИИ

Мой разум широко распахнулся. Вернулись эмоции и ощущения. Я почувствовала, что падаю — не иначе, как в ту дыру, где, должно быть, находилась способность Икуара к состраданию. Меня со всех сторон ударяло и подбрасывало, как пробку в водовороте, омывавшем зловонную сточную трубу его разума.

Нейроны мозга Эльтора подобно сигнальным лампочкам высвечивали одно и то же: боль. Его Излучающее Тело Кайла усиливало и передавало это ощущение дальше. Патологически чувствительное Принимающее Тело Кайла Икуара жадно впитывало сигнал, а таламус пересылал его дальше, в оргастические центры мозга. Эльтор и Икуар оказались замкнутыми в кошмарное неразрывное кольцо, симбиоз рона и аристо, эмпата и антиэмпата, Источника и садиста.

Я поймала на себе магнетический взгляд Икуара — его лицо было искажено экстазом.

— Ты! *Ты одна из них!*

Я едва расслышала его крик. Лабораторию неожиданно наполнил шум: крики Эльтора, рев сирены, прочие звуки, которые мой мозг различил в этом хаосе. Приборные доски и стены вспыхнули, замигав яркими огнями — красными и янтарными, словно пробил час какого-то безумного карнавала. Вскоре я уже не могла различить, что происходит в действительности, а что лишь плод моего воображения.

— Дариус! — взревел Икуар. — Прекратить цикл!

Крики Эльтора неожиданно оборвались. Однако шум в лаборатории не утихал. Икуар что-то крикнул в микрофон на наручном браслете, и ему ответил чей-то невидимый голос. Затем и он оборвался, и Икуар на какое-то мгновение застыл на месте, удивленно глядя на браслет. Было вовсе не обязательно знать чужой язык, чтобы понять: где-то в Цилиндре по какой-то неведомой причине произошло нечто из ряда вон выходящее.

— Это все *ты*! — рявкнул на меня Икуар, почти перекрывая воцарившийся в лаборатории шум.

Он сдернул меня со стола и потащил к приборной доске. Оторвав от лабораторной раковины трубу, Икуар привязал меня за запястья к петле на консоли.

— Ты мне заплатишь за это! — Икуар вытянул вперед руку, указывая на каркас, в котором был заключен Эльтор. В подрагивавшем свете его лицо приняло зловещее выражение. — Испытаешь на собственной шкуре! Будешь болтаться часами!

С этими словами он поспешил на выход и вскоре скрылся в восьмиугольном проеме. Мембрана сомкнулась за ним, и мы с Эльтором оказались запертыми в лабораторном отсеке.

— Тина! — прохрипел Эльтор. — Помоги мне освободиться!

Я рванулась к нему, но путы не пускали меня.

— Не могу. Он привязал меня к консоли!

В следующее мгновение до меня долетела его мысль, исполненная физическим страданием.

Ты связана с Джагом?

Да!

Он вышел из-под контроля! Он открыл огонь внутри станции из всех видов своего оружия, предназначенного для релятивистского боя! Ты должна заставить его прекратить огонь, иначе вся станция будет разрушена! Мы погибнем вместе со всеми!

Я представила себе гнев Джага, холодную ярость, не сравнимую ни с одним из человеческих чувств.

Джаг! позвала я его. *Остановись! Ты погубишь нас всех! Ты погубишь Пилота!*

И тогда перед моим мысленным взором вновь появилась решетка. Джаг вошел в контакт с моим оптическим нервом, и решетка заполнила собой всю лабораторию, наполняя ее золотистым сиянием.

Вы с Эльтором должны прийти ко мне, сказал Джаг.

Он по-прежнему заперт в машине Икуара, мысленно ответила я ему.

Зондирую веб-систему Цилиндра.

Я была уверена, что ему не удастся взломать веб-систему станции. Нетрудно было догадаться, что в системе должна быть предусмотрена вероятность несанкционированного доступа и разработаны варианты отражения таких попыток. Однако подобно остальным я недооценила способности Джага. Охваченный яростью, он проник гораздо глубже, чем можно было пред-

положить, и взломал веб-сеть Цилиндра. Она буквально затрещала по швам.

Сетка, опутывавшая тело Эльтора, мгновенно упала на пол. Каркас разжал свою хватку, Эльтор опустил ноги и, чтобы не упасть, ухватился за стойку. Какое-то мгновение он стоял неподвижно, пристально глядя на меня. Затем доковылял до стены и, открыв шкафчик, извлек оттуда свою одежду — ботинки и золотистые форменные брюки. Все то время, пока он одевался, в лаборатории стоял надрывный вой сирен и беспорядочное мигание огней.

Одевшись, Эльтор подошел ко мне. И пока он развязывал мне руки, беспрестанно повторял шепотом мое имя. Освободив меня, он опустился на колени.

Я в изнеможении присела рядом с ним.

Нам нужно пробиваться к Джагу!

Я не смогу передвигаться собственными силами, подумал он в ответ. *Придется задействовать биомеханическую сеть.*

Нет! Это повредит тебе! Джаг мне говорил...

Тина, другой возможности просто нет! Гидравлика позволит моему телу двигаться. До тех пор, пока я буду в сознании, я буду двигаться. Эльтор коснулся моего лица. *Ты только не бойся! Я могу показаться тебе совершенно не похожим на человека.*

Я верю тебе!

Эльтор поцеловал меня. И изменился до неузнаваемости. Лицо его снова сделалось бесстрастным, похожим на маску.

Включаю боевой режим!

Мысль его показалась мне какой-то холодной, словно металлической.

Эльтор встал. Он двигался с какой-то сюрреалистической плавностью, напоминая хорошо смазанный механизм. Решетка Джага была привязана к моему зрению и перемещалась вместе со мной. Однако я совершенно не представляла себе, как нужно управлять ею.

Передай мне контроль! прозвучала в моем мозгу мысль Эльтора.

Передача контроля усугубит твою нейротравму, мысленно ответил ему Джаг.

Безопасность отвергаю! отозвался Эльтор.

Контроль передан!

Контроль над решеткой перешел к Эльтору, она почти растаяла у меня в сознании, превратившись в неясный размытый образ. Эльтор схватил меня за руку, и мы бросились к двери. Открыть ее нам не удалось. Через решетку устремился поток информации. Джаг тотчас начал превращать ее в причудливые образы, которые виделись мне призраками, стремительно перекрывавшими друг друга, — роем светлячков, жужжащих или стрекочущих, то ярко-красных, то бутылочно-зеленых. У меня на глазах их ножки превратились в острые как бритва диски и принялись вращаться под брюшками. Затем рой разметало во все стороны, и он устремился в лабораторную сеть. Еще мгновение — и жужжащий рой насекомых разнес ее в клочья, и через решетку начала поступать новая информация.

Перед нами снова предстал дверной проем. Мы вбежали в него, и решетка исчезла, а на ее месте появилось схематическое изображение Цилиндра — труба с расширяющимися выступами и спицами. Обугленный, словно головешка или кусок металла, на который плеснули кислотой. Изображение заполнило собой весь коридор и продолжало двигаться вместе с нами. Две мелкие точки обозначали наше движение, а третья, ярко-красная, показывала местонахождение Джага. Он находился в пятидесяти километрах от нас, в одном из ангаров в трюме Цилиндра.

Из этой точки, рассекая всю внутреннюю часть Цилиндра, неожиданно вырвался ослепительный луч, пропахав на поверхности станции еще одну обугленную борозду.

Аннигилятор нанес удар по оборонительной платформе ВДТ-2! сообщил Джаг.

Решетка следовала за нами все время, пока мы бежали по коридору. Каждый раз, когда мы пробегали под аркой, та приобретала красный цвет и раздавался рев сигнализации. А еще мы несколько раз пробегали через участки, заполненные облаками каких-то газов, видимых только на решетке. И тогда мы с Эльтором на несколько секунд теряли сознание, и его биомеханическая сеть давала сбой. Еще немного — и она бы окончательно вышла из строя. Нас спасало то, что Эльтор теперь значительно увеличил скорость, и мы вовремя добегали до чистого воздуха. Когда мы оба теряли сознание, он держал меня за талию, не давая упасть.

Затем мы налетели на какую-то преграду. Подобно пружине она натянулась и отбросила нас назад, на пол. Никто из нас не заметил радужного сияния, заполнявшего арку. Похоже, что молекулярные шлюзы могут делаться непроницаемыми...

Когда мы поднялись на ноги, из коридора позади мембраны выскочил робот — металлокерамический скелет с установленными на нем приборами. Мы развернулись, приготовясь броситься обратно — в направлении, откуда только что прибежали, но увидели трех бороидов. Они неслись прямо на нас. В зеркальной поверхности их бронекостюмов отражался жутковатый свет, отбрасываемый арками.

Сеть безопасности Цилиндра прорвана, донесся до меня мысленный голос Джага. *Начаты изменения мембраны.*

Бороиды натолкнулись на препятствие, и оно отбросило их обратно, так же как и нас. Наемники с грохотом полетели на пол, а Эльтор подтолкнул меня в стене, чтобы те не сразу меня заметили. Затем развернулся на сто восемьдесят градусов, лицом к преградившему нам путь препятствию. Робот успел отключить его и мчался прямо на нас. Эльтор резко вскинул ногу вверх, угодив механическому противнику в грудь. Тот выронил свой инструментальный ящик, который тут же разлетелся на мелкие осколки керамики и стекла. К этому моменту бороиды уже успели подняться на ноги... Двое из них изо всех сил давили на разделявшую нас мембрану. Третий их товарищ колдовал над какой-то стенной панелью.

В стене рядом со мной неожиданно появился восьмиугольный портал, и мы увидели в дверном проеме рыжеволосого человека. Это был один из военных Икуара, раб, волею судеб вознесшийся до офицера космофлота. Сей высокий пост он занимал лишь постольку, поскольку из кожи вон лез, стараясь угодить начальству, а то, в свою очередь, — Икуару. В руках у него я заметила лазерный карабин такого же типа, что и блестевшие, как зеркало, ружья наемников.

Офицер что-то крикнул Эльтору и нацелил в меня карабин. В следующее мгновение Эльтор выбросил ногу, вложив в удар всю свою недюжинную силу. Была в этом движении грация хищника, одним прыжком преодолевающего расстояние между собой и жертвой. Удар пришелся прямо по карабину. Тот вылетел из рук рыжеволосого и, стукнувшись о стену, отскочил прямо на меня. Я едва успела прикрыть голову руками.

К счастью, удар пришелся в плечо. Мои пальцы рефлекторным движением сомкнулись вокруг ствола.

Скелетоподобный робот выбросил вперед руку, и из большого пальца со щелчком выскочила длинная игла. Пока Эльтор разворачивался в его сторону, эйюбианский офицер набросился на меня. Времени для размышлений не было. Направив на врага карабин, я нажала на спусковой крючок, поливая эйюбианина смертоносным огнем. Помещение озарилось слепящей вспышкой. Кто-то резко выдернул карабин у меня из рук и, обхватив за талию, заставил бегом броситься дальше по коридору.

Когда взгляд мой прояснился, я поняла, что это Эльтор. Я все-таки вывернулась и оглянулась. Посреди коридора на полу валялась груда обугленной брони. В стене зияло отверстие с рваными краями. Выстрел карабина, судя по всему, прожег стены еще нескольких соседних помещений. Останков же того человека, в которого я только что выстрелила, нигде не было видно.

— О Боже! — продолжала я повторять, пока бежала по коридору. — Я его убила!

Эльтор забросил карабин себе на плечо и свободной рукой поддерживал меня за талию. Он летел со всех ног, так что мне казалось, я вот-вот упаду, не в силах поспевать за ним, и ему придется тащить меня за собой. Пробегая под арками, мы приводили их в действие, и коридор у нас за спиной начинал мигать кроваво-красными вспышками. Время от времени Эльтор поливал огнем восьмиугольный проход, безжалостно разрывая мембраны и прокладывая нам путь дальше.

Из бокового прохода впереди нас выскочила пара вооруженных карабинами бороидов. Они выстрелили справа и слева от нас, явно намереваясь остановить Эльтора, не причинив ему вреда. В отличие от них Эльтор не стал церемониться. Не сбавляя скорости, он выпустил в них заряд, словно консервные банки пронзая их бронекостюмы. Еще мгновение — и мы пробежали мимо груды останков. Когда я увидела, что сделалось с человеческой плотью внутри обломков брони, мне едва не стало дурно.

Переключаюсь на аннигилятор B! доложил Джаг.

На призрачной трехмерной схеме, следовавшей за нами по пятам, из знакомой красной точки вырвался ослепительный

луч. Следом появились статистические данные — уже знакомый мне рой насекомых, на сей раз пчел. Рой обозначал нейтрализованный антипротоновый луч. Поражая цель, он уничтожал протоны, создавая мощное излучение и потоки пионов, за которыми следовал каскад убийственных реакций.

Джаг намеренно избегал мест, где могли находиться люди, избрав целью оборонительные системы. Его решение не покидать до поры до времени стыковочный отсек было вполне разумным. Если бы люди Икуара решили нанести по нему удар, им бы пришлось стрелять по самому Цилиндру. Уничтожать станцию им вряд ли хотелось. Вместе взятые, Джаг и Эльтор являли собой совершенное боевое устройство, этакий образчик современной военной техники.

Воспользуйтесь транспортом, чтобы добраться до меня! мысленно услышала я команду Джага.

Эльтор двигался автоматически, повинуясь командам биомеханической сети. На трехмерной решетке, сопровождавшей нас на протяжении нашего бегства, голубоватым светом высветились путепроводы. Две крошечные точки — мы с Эльтором — неуклонно приближались к одному из них.

Неожиданно решетку осветила пронзительная вспышка фиолетового света. Как только она погасла, мы увидели в теле Цилиндра зияющую рану — от внешнего до внутреннего корпуса. Во всех направлениях от нее тянулись трещины.

Мы находились с одной стороны зоны взрыва, а Джаг — с другой.

Любому, кто попытался бы добраться до противоположной стороны, пришлось бы преодолеть окольным путем несколько сотен километров. Решетки принялась снабжать нас информацией, и стало ясно, что взрыв повсеместно уничтожил транспортные путепроводы. Икуар нанес ответный удар, отрезал нам путь к бегству. То, что это повлекло за собой гибель огромного количества людей и уничтожение значительной части станций, мало что значило для тирана. Куда важнее для него было вернуть себе бесценную собственность.

Вскоре мы добрались до перекрестного прохода, который вел к нужному нам транспортному пути. В самом его конце на платформе нас дожидался вагончик в форме пули. Эльтор остановился. Грудь его высоко вздымалась от долгого бега. До

стены из плексигласа, отделявшей платформу от коридора, оставалось несколько сотен ярдов.

Джаг, мы сможем добраться до тебя на этом вагоне?

Нет, ответил Джаг. *Взрыв уничтожил магнитные рельсы дальше на линии его следования.*

Эльтор чертыхнулся.

Ты должен перебраться туда, где нам будет удобнее приблизиться к тебе!

Включаю двигатели!

На решетке красная точка Джага переместилась по направлению к внутренней полой части Цилиндра. Затем мы увидели, как из другой части станции по Джагу ударила ракета. Однако тот как ни в чем не бывало продолжал движение.

Перехожу в квазисостояние, доложил Джаг.

Ты по-прежнему способен защищаться?

Ошибки накапливаются. Я ощущал себя в большей безопасности, находясь в стыковочном отсеке.

На схеме зеленым светом зажглось изображение участка в нескольких тысячах ярдов от нашего нынешнего местонахождения.

Отправляйтесь в отсек 436-Д.

В следующее мгновение неведомая сила мощным рывком отбросила меня от Эльтора. Я отлетела к стене, а Эльтор волчком крутанулся вокруг собственной оси, лишь чудом устояв на ногах. К счастью, мы оба остались целы, не получив никаких травм. Целью нападавшего были не мы, а лазерный карабин. Оружие тут же вылетело из рук Эльтора, рассыпавшись на бесчисленные осколки. Эльтора по инерции развернуло в направлении, откуда был произведен выстрел, — из небольшого прохода рядом с плексигласовой стеной.

Там стоял Крикс Икуар.

Рассуждай мы более трезво, нам бы стало понятно предостережение. Зачем эйюбианскому министру рисковать собственной жизнью, преследуя нас? Ведь в его распоряжении тысячи подвластных ему рабов — и живых, и механических, способных выполнить эту работу. Тогда мне казалось, что Эльтор и Икуар борются за первенство. Икуар желал во что бы то ни стало доказать свое превосходство над пленником, который, даже попав в рабство, отказывался повиноваться. До извест-

ной степени так оно и было, однако дело заключалось не только в этом.

Лицо Эльтора перекосилось от ярости. В следующее мгновение он бросился на Икуара — как раз в тот момент, когда эйюбианский министр поднял на него трубку-шприц с седативным препаратом. Расстояние, разделявшее противников, было немалым, однако сеть Эльтора высчитала все с абсолютной точностью. В ту секунду, когда Икуар выстрелил, Эльтор с молниеносной скоростью метнулся в сторону и, перекувырнувшись через голову, вскочил на ноги.

Откуда-то сзади раздался оглушительный хлопок, и Эльтора отшвырнуло к стене, всего в нескольких ярдах от Икуара. Из горла эйюбианина вырвался предостерегающий крик. Даже мне, не знавшей этого языка, все было предельно ясно: Икуар не желал, чтобы его бесценная собственность получила повреждения.

Я стремительно обернулась в направлении, откуда мы только что прибежали. Там, всего в десятке ярдов от меня, стоял офицер. Чуть дальше, в глубине коридора, за его спиной виднелись еще четверо бороидов в блестевшей, как зеркале, броне. Они неслись прямо на нас. Офицер по-прежнему не опускал карабина. Однако было видно, что он колеблется, не зная, как поступить, и не рискуя стрелять. Его внимание было почему-то сосредоточено на точке у меня за спиной. Обернувшись, я увидела Эльтора. Он со всей яростью обрушился на Икуара, который пытался что-то сделать с настенной панелью.

В следующее мгновение с потолка вниз опустился огромный мерцающий купол — мембрана, предназначенная специально для поимки живых существ. Она тут же облепила Эльтора, лишив его возможности двигаться. Эльтор по инерции пробежал еще немного вперед и, врезавшись в Икуара, сбил того с ног. Ему удалось кулаком пробить мембрану — его рука высунулась наружу наподобие перископа подводной лодки. Пока Икуар поднимался на ноги, Эльтор уже сорвал с себя липкую пленку. Схватив противника за руку, он развернул его лицом к приближавшимся бороидам и, взяв шею Икуара в замок, прокричал что-то по-эйюбиански. По интонации я безошибочно угадала угрозу.

Икуар повел себя крайне необычно. Оказавшись во власти человека, который страстно его ненавидел и в любую секунду

мог свернуть ему шею, эйюбианин сохранял поразительное спокойствие. Эта ледяная отрешенность испугала меня даже больше, чем вооруженный карабином офицер или приближение бороидов.

— Беги, Тина! — прошипел Эльтор. — Быстро к вагону!

Я поспешила выполнить его приказание.

В плексигласовой стене, разделявшей проход от платформы, отразилось то, что происходило за моей спиной: офицер нацелил в Эльтора карабин, не решаясь стрелять, поскольку существовала опасность попасть в Икуара. Эльтор же резко толкнул эйюбианского министра и, пока тот пытался подняться на ноги, бросился в мою сторону. Я кинулась к вагончику. Обернувшись на ходу, увидела, что Эльтор на огромной скорости догоняет меня. Подскочив к вагончику, он с силой ударил по панели на внешней поверхности корпуса. Дверь распахнулась. Мы запрыгнули внутрь, Эльтор что-то крикнул, и вагон с открытой дверью устремился вперед.

Вагончик с каждой секундой набирал скорость, унося нас прочь от места встречи с Джагом.

— Почему ты отпустил Икуара? — спросила я, задыхаясь от бега. — Из него бы получился отличный заложник!

— Даже слишком! — так же задыхаясь, ответил Эльтор. — Икуар прочитал все мои мысли. Это была ловушка! — Эльтор вытянул вперед руку, ту самую, которой только что сжимал шею своего врага. — Икуар нанес себе на кожу седативный препарат, настроенный на мою ДНК. Для него он не представляет никакой опасности, а при контакте с моим телом тотчас активизируется.

— Но ты не потерял сознания, значит, он не сработал, — сказала я.

— Пока еще нет. Я понял, что это ловушка, прежде чем успел хватануть полную дозу. Думаю, скоро он начнет действовать!

Пронзительно взревела сирена. Эльтор метнулся к консоли и принялся изучать изображения дисплеев.

— Мы приближаемся к зоне, где взрывом уничтожило магнитные рельсы. Придется дальше двигаться пешком. Вылезаем!

Я переместился ближе к вам! донеслась до меня мысль Джага. *Отправляйтесь к стыковочному отсеку 412—Q!*

Трехмерная схема над нашими головами изменила форму, и мы увидели увеличенное изображение поврежденного взрывом участка станции. В одном его месте светился ярко-зеленый квадратик.

Мы не сможем пробраться туда! уловила я мысль Эльтора. *Тебе придется подобраться к нам поближе!*

— *Не могу подвергать себя риску*, ответил Джаг. *Нового удара я не переживу. Это неплохое место. Оборона там слабая, и оно находится недалеко от вас. Эльтор, у тебя в запасе всего пять минут. После этого ты не сможешь нормально функционировать. Через шесть минут начнет действовать седативный препарат, и ты потеряешь сознание.*

До моего слуха донесся зуммер панели управления. Вагон остановился, распахнув дверцу.

Выйдя наружу, мы окунулись в хаос. По платформе беспорядочно толпились обитатели станции. Завидев очередной вагон, люди тотчас бросались к нему, и возникала давка. Из невидимых глазу динамиков доносились слова незримого диктора — видимо, какие-то указания, перемежавшиеся просьбами сохранять порядок и спокойствие. Эвакуацией руководили военные в штатском. Им приходилось то и дело повышать голос, чтобы перекричать толпу.

К нам через толпу проталкивался какой-то офицер. Он что-то крикнул Эльтору, и на какую-то долю секунды я подумала, что мы попались. Однако скоро поняла, что приняла непривычную, режущую слух интонацию незнакомого мне языка за угрозу. Офицер не узнал нас. Он жестом приказал нам вернуться в вагон. Увидев, что Эльтор отрицательно покачал головой, блюститель порядка неприязненно нахмурился, однако настаивать не стал. На платформе царила толчея, и там надо было наводить порядок.

Покинуть терминал оказалось весьма нелегким делом. Нам пришлось протискиваться сквозь плотный людской поток. Восьмиугольный коридор снаружи также оказался забит людьми. Толпа находилась на грани паники, но, к счастью, накаленные до предела эмоции не перехлестывали через край. Напротив, эвакуируемые следовали каким-то правилам, усвоенным, видимо, за счет многократных тренировок. Движение регулировали стоявшие на специальных возвышениях офицеры, содействуя радиопризывам сохранять спокойствие. Мы с трудом про-

кладывали себе путь против «течения» нескончаемого людского потока к одной из восьмиугольных арок. Трехмерная схема по-прежнему следовала за нами, указывая дорогу к отсеку станции, в котором находился Джаг. Расстояние, отделявшее нас от него, было не слишком велико, но, чтобы добраться до цели, приходилось преодолевать нескончаемый людской поток.

У вас в запасе четыре минуты, раздался «голос» Джага.

Когда мы оказались под сводами арки, громко взревела сирена. Арка приобрела до боли знакомый мне красный цвет. Эльтор выругался и, схватив меня за руку, попытался прейти на бег. Пробившись еще немного вперед, мы достигли новой арки. Вой сирены раздался снова. Вокруг нас начала угрожающе смыкаться толпа. Порядок мог в любую секунду смениться взрывом паники.

Какой-то офицер пытался пробиться к нам сквозь толпу, выкрикивая что-то по-эйюбиански. Еще одного офицера мы увидели в боковом проходе, всего в нескольких ярдах от нас. Толпа с каждым мгновением все больше выходила из-под контроля. Людская масса потащила нас за собой, увлекая обратно в направлении терминала. Если бы не Эльтор, который крепко держал меня за руку, мне была бы уготована участь быть затоптанной взбудораженной толпой. Офицеры продолжали проталкиваться к нам сквозь толпу.

Остается три минуты! напомнил Джаг.

По громкой связи все тот же невидимый диктор продолжал успокаивать людей, призывая их сохранять порядок. Неожиданно из динамиков зазвучал другой голос. Интонация тоже была другой, твердой и спокойной. Каждое слово произносилось четко и взвешенно, словно кто-то искал понимания у своих лояльных сограждан. В мешанине незнакомых звуков я услышала: Эльтор Виан Селеи Кья Сколия.

Я моментально напряглась.

Эльтор, что они говорят?

Лицо моего спутника побледнело.

Называют мои приметы.

Какая-то женщина тотчас пронзительно закричала, указывая на нас. Затем крик подхватил еще один человек, затем второй, третий, четвертый. Толпа заволновалась, пришла в движение, стала притискивать нас к стене. Опасность быть раздавленными под ногами обезумевшей толпы сменилась угро-

зой быть размазанными по стене все той же жуткой человеческой массой. Внезапно толпа слегка откатилась назад, освободив перед нами пятачок пространства. Скорее всего причиной тому было самое заурядное любопытство, желание воочию увидеть наследника-рона. Любопытство это оказалось сильнее страха, взяв верх над толпой, готовой в любую секунду взорваться массовой паникой.

Однако спокойствие продлилось лишь считанные мгновения. Поток человеческих тел снова устремился в направлении терминала, а к нам подскочила какая-то долговязая сухопарая дама. Она прикоснулась ладонью к груди Эльтора, словно желая удостовериться в том, что он действительно живой. Затем ее подхватила толпа и понесла куда-то дальше.

У вас в запасе две минуты, напомнил Джаг.

Все новые и новые люди старались приблизиться к нам. Никто из них не додумался предложить нам помощь. Единственным их желанием было прикоснуться к Эльтору, как к какому-то талисману. Эльтор старался оттолкнуть тянущиеся к нему руки, однако это плохо ему удавалось. Его движения на глазах утрачивали координацию. Дело даже не в ослаблении биомеханики — просто Эльтору было не под силу противостоять нескончаемому натиску человеческих тел. Коридор был практически до отказа забит сотнями людей, а сзади напирали все новые и новые любопытные. Все они прибывали оттуда, куда мы с Эльтором должны были пробиться, чтобы встретиться с Джагом.

У вас остается одна минута, сообщил Джаг.

Джаг, нам не удается! мысленно воззвала я к нему. *Нам не удается пробиться к тебе!*

Картина окружающего мира с головокружительной скоростью изменилась: неожиданно я оказалась где-то над коридором и, словно птица паря над толпой, обозревала происходящее сверху. Я увидела себя с Эльтором — плотная людская масса все сильнее прижимала нас к стене. Было похоже, что я потеряла сознание, а Эльтор изо всех сил пытался удержать меня и одновременно сам удержаться на ногах.

В мое сознание ворвались какие-то странные механические мысли. Какие все-таки у человеческих существ ненадежные оболочки! Пилот и его спутница! Уязвимые. Хрупкие. Лег-

ко ломающиеся конфигурации. Их так трудно чинить! Странные. Чувствительные.

Бесценные.

Джаг! Это ты? обратилась я к нему.

Я переключил твой мозг на мою сеть, последовал ответ. *В настоящее время ты находишься в ячейке наблюдения над коридором.*

Я видела, как к нам приблизилась группа бороидов. Встав вокруг плотной стеной, они отрезали нас от людского моря. Мы с Эльтором оказались в замкнутом пятачке пространства, словно в тихой бухте, надежно укрытой от океанских штормов. Эльтор устало опустился на пол, по-прежнему обнимая меня. Он положил мое тело себе на колени и склонил голову. На платформу терминала из коридора вышла фаланга офицеров. Мне они напомнили лодку, тщетно пытающуюся плыть по поверхности моря — такого вязкого и клейкого, что едва можно было сдвинуться с места. С трудом преодолевая плотную людскую массу, они направлялись в нашу сторону. Мы с Эльтором к этому времени потеряли сознание и безжизненно опустились на пол.

Каким образом мне удается видеть все это? мысленно спросила я.

В первую нашу с тобой встречу еще там, на Земле, я скопировал все клетки твоего мозга и их основные функции. Сейчас я задействовал ИТК твоего мозга, чтобы загрузить твое сознание в мой симулятор.

Зачем?

Я перезагружу тебя в сеть Эльтора. Ему нужен находящийся в здравом сознании мозг, способный управлять его телом. Если я загружу в Эльтора себя, то это только усугубит повреждения его мозга. Ты же являешься человеческим существом и уже стала его частью. Кроме того, ты обладаешь способностью симпатического резонанса почти со всеми участками его больших полушарий.

Я не поняла твоих последних слов, подумала я.

У вас с ним психологическая, личностная совместимость. Пауза. *Начинаю перенос.*

В следующее мгновение я ощутила себя в телесной оболочке Эльтора. Было крайне непривычно чувствовать себя в чужом массивном теле. Мое собственное тело лежало у меня же на руках. Глаза закрыты, черные волосы покрывалом размета-

лись по полу. Окружающий мир я видела через золотистую пленку внутренних век Эльтора. Я встал (встала), держа на руках мое (Тины) обмякшее тело, и бороиды повернули головы в нашу сторону. Увидев, как я поднимаюсь на ноги, они буквально оторопели, от чего воздух вокруг заискрился.

Тина, донесся до меня мысленный голос Джага. *Сейчас я разрежу коридор лазером.*

Нет! Не делай этого! Поднимется дикая паника! Нас просто затопчут!

Согласен, паники не избежать, отозвался Джаг. *Но вас не затопчут, нет. Мы находимся достаточно близко к внутреннему корпусу, так что можно воспользоваться и лазером. В коридоре, где вы находитесь, останется достаточно воздуха, так что никто не задохнется. Хаос, который возникнет в результате моих действий, будет способствовать вашему бегству.*

Дай Бог, чтобы ты оказался прав, Джаг!

Лазерных лучей я не увидела, зато услышала крики и пронзительный вой сирен. В коридоре началось паническое бегство. Через мгновение человеческий поток уже достиг нас. Яркая вспышка заставила меня закрыть глаза. Открыв их снова, я увидела, что трое из четырех бороидов сплавились воедино, прилипнув к полу. Их броня стекала на пол зеркальными лужицами, застывая прямо на глазах. Я с трудом проглотила застрявший в горле комок, меня мутило. Четвертый бороид пятился назад, осторожно держа на весу оплавленную по локоть руку. Охваченная паникой толпа увлекла его за собой в глубь коридора. Нам с Эльтором посчастливилось остаться в живых. Мы избежали жуткой участи быть раздавленными толпой лишь благодаря тому, что обугленные останки бороидов невольно стали преградой на пути обезумевшей человеческой массы.

Бегите! прозвучал в моей голове призыв Джага. *Бегите ко мне!*

Залп лазера проделал в стене огромную дыру с рваными краями. По-прежнему сжимая в руках мое (Тины) тело, я шагнула в нее и оказалась в небольшом проходе.

Джаг, какое оружие у тебя осталось?

Лазеры и аннигиляторы разрядились, дезинтеграторы уничтожены. Кроме того, я использовал весь запас малых ракет. У меня осталось четыре Тау-ракеты, но я не могу выпустить их, находясь внутри Цилиндра. Вам придется преодолеть оставшуюся часть пути самостоятельно.

Я побежала. Нести на руках свое собственное тело было не очень трудно, оно почти ничего не весило. Физическая мощь Эльтора придала мне заряд бодрости. Как это он мог принимать свою силу как данность?

На решетке, которую я теперь видела более отчетливо, путь к Джагу высвечивался голубым светом.

Тебя поняла! мысленно произнесла я.

Биомеханическая сеть пришла в действие, ведя меня в нужном направлении. Несколько человек, встреченные по пути, бежали в противоположную сторону. Некоторые из них прижимали к лицу какие-то маски. Мы двигались запутанным путем, то и дело ныряя в боковые проходы, и вскоре оказались в восьмиугольном помещении, в котором с разных сторон сходились семь коридоров. В восьмой стороне имелись две массивные двери с надписью 412-Q.

Джаг! мысленно воскликнула я и бросилась к дверям. *Это мы! Открой нам!*

Не могу. Цилиндр снова взял под контроль этот отсек.

Улыбка сползла с моего лица.

Что ты сказал?

Меня вычистили из сети Цилиндра.

Как же нам тогда открыть эти двери?

Взрывчаткой или лазерами.

Но у тебя же больше не осталось ни того ни другого!

Это верно.

Последняя мысль Джага прозвучала совсем глухо.

Из бокового прохода совершенно неожиданно выскочил какой-то человек и тотчас замер на месте. Пережитое им потрясение было сродни боевому тарану — незнакомец узнал Эльтора. Хлопнув ладонью по браслету, эйюбианин поднес его к лицу и что-то проговорил. Его слов я не расслышала, да и не смогла бы перевести.

Джаг! обратилась я к нашему незримому ангелу-хранителю. *Нам необходимо пробраться в этот стыковочный отсек!*

Пытаюсь преодолеть протокол доступа к сетям Цилиндра!

Из напульсника незнакомца раздался чей-то голос — резкий и неприятный, — он то ли задавал вопросы, то ли отдавал приказания.

Джаг! Нам нельзя снова попасть в руки Икуару! Ты знаешь, что он с нами сделает! Открой эти двери!

Не могу, ответил Джаг и после паузы добавил: *У меня осталось четыре Тау-ракеты.*

Ты можешь воспользоваться ими? с надеждой спросила я.

Тина, одна Тау-ракета способна уничтожить половину станции!

Какое-то мгновение я была не в состоянии осознать услышанное. Затем до меня все-таки дошел смысл сказанного Джагом — он предлагал нам самоубийство. И возмездие.

В поле моего зрения появилась эйюбианка в офицерской форме, с пистолетом, стреляющим седативными зарядами. Она кивнула мужчине и, не сводя с меня глаз, что-то проговорила в напульсник. Я стоял (стояла), широко расставив ноги, по-прежнему держа на руках свое — Тины — безвольное, обмякшее тело.

Если мы уничтожим Цилиндр, продолжал Джаг, *купцы утратят доступ к любому из Джагов или Джагернаутов. Никакого Ключа у них больше не будет. Крикс Икуар умрет.* Последовала пауза. *Мы же лишимся единственной известной нам женщины-рона, генетически не связанной с Рубиновой Династией.*

Я не хочу, чтобы мы погибли!

Интонацию мысленной речи Джага отличало удивительное спокойствие.

Пока вы оба живы, будет оставаться шанс спастись бегством. Пока ты, Тина, будешь оставаться в живых, не умрет и надежда выжить для семейства Эльтора.

Эйюбиане не сводили с нас глаз, ожидая скорого прибытия подкрепления. Они ничуть не сомневались, что с минуту на минуту их ждет слава. Еще бы! Поймать столь ценную добычу. Они смотрели на нас так, будто перед ними были не люди, а прекрасные животные, сбежавшие из зоопарка, которых все-таки поймали и вот-вот водворят обратно в клетку.

Тина! позвал меня Джаг. *Ты должна принять решение!*

Не могу! Я чувствовала, что мое тело сотрясает дрожь. Хотя на самом деле это было совсем не так — мое, то есть Эльтора тело было неподвижно, как скала. *Я не хочу умирать. Я не хочу, чтобы умер Эльтор. Но, Боже, быть Источником Икуара — это страшнее, чем смерть.*

Ты должна принять решение, Тина.

Не могу!

В следующее мгновение я взбесилась. Более точного определения я, пожалуй, не смогла бы найти. Я утратила логику и разум. В критических ситуациях человеческое тело способно проявлять невиданную силу. Например, горняку ничего не стоит удержать свод рушащейся шахты. Женщина переворачивает автомобиль, наехавший на ее ребенка. Альпинист удерживает каменную глыбу, вес которой во много раз превышает его собственный. Сделав безумное усилие, я задействовала биомеханическую сеть Эльтора сверх всех мыслимых и немыслимых пределов.

Я резко развернулась и принялась яростно колотить сапогом в дверь. Я молотила в нее без устали, потеряв счет ударам. Сила, которую я вкладывала в них, поразила меня саму. Мне казалось, что в эти мгновения я превратилась в мощную камнедробилку, бездушную, не рассуждающую, хорошо отлаженную. От силы этих сумасшедших ударов, казалось, трещали все кости моего нового тела. Мне представлялось, что прошла целая вечность, однако таймер моей сети показал, что миновала лишь какая-то доля секунды.

Я услышала звук выстрела, почувствовала, как заряд угодил мне в грудь, поняла, что седативные препараты проникают мне в кровь. Это не имело никакого значения — Эльтор уже потерял сознание. Теперь его тело функционировало исключительно на биомеханике. Я продолжала колотить в дверь, и в конце концов мои усилия увенчались успехом — двери подались внутрь. Еще один удар тяжелого ботинка, и в том месте, где смыкались обе створки, образовалось отверстие. Я даже зацепилась ногой за его рваные края. Стараясь не терять ни секунды, я сначала просунула в него свое — Тины — тело, затем втиснулась сама. В спину и ноги мне угодили новые выстрелы, позади продолжали раздаваться крики, эхом прокатываясь по моему сознанию.

Затем мы оказались в небольшом ангаре. Он располагался в большей степени в Цилиндре, а не в стыковочном отсеке, куда прибывало на стоянку большинство космических кораблей. Джаг уже позаботился о том, чтобы воздушный шлюз был открыт. Внешние двери ангара тоже были открыты — причем *настежь*. Оказывается, мы на всех парах мчались навстречу безвоздушному пространству, абсолютному вакууму.

Я громко выругалась, однако в следующую секунду заметила сияние молекулярной мембраны. Я бегом бросилась к Джагу. Сначала засунула внутрь свое — Тины — тело, затем вскарабкалась сама. Шлюз с громким чмоканьем сомкнулся за моей спиной.

Перезагрузить информацию, донесся до меня «голос» Джага.

Пол задрожал от рокота двигателей.

Перезагрузить, повторил Джаг.

Все еще находясь в теле Эльтора, я подняла голову.

Тина, выходи из сети!

Перезагружаюсь, подумала я.

После этого я снова оказалась в своем обычном теле. Джаг набирал скорость, и меня отбросило в сторону. Я пролетела вдоль всей палубы. Из переборки кабины высунулась огромная металлическая рука и подобрала безжизненное тело Эльтора. Я почувствовала прикосновение металла и на своей коже — это вторая рука подняла меня с пола. А в следующее мгновение меня уже обволакивал хорошо знакомый, липкий и приторный туман.

Готовлю к запуску Тау-ракеты! доложил Джаг.

Не надо, Джаг! Н-е-е-е-е-т! Я изо всех сил старалась не потерять сознания. *В Цилиндре обитают миллионы людей!*

Пусковые установки включены!

Не-е-е-е-т... Я попыталась кричать, но сон окутывал меня сладкой пеленой.

Прежде чем потерять сознание, я успела услышать шепот Джага:

Тау-ракеты выпущены.

Тьма и тепло.

Постепенно до моего сознания начали доходить звуки, гул летящего космического корабля.

Джаг! позвала я. *Где ты?*

Я здесь.

Где мы находимся?

В инверсионном полете.

Что с Эльтором?

Предпринимаю попытки починить его, привести в норму.

С ним все будет в порядке?

Пауза.

Он снова будет функционировать.

В самом деле?

Его сеть необходимо перепрограммировать. Нужно восстановить поврежденные файлы его памяти. Возможно, что некоторые из них он утратил навсегда. Необходимо починить его структурные компоненты. Кое-какие придется вырастить заново. Ему также понадобятся хирургические операции.

Я ощутила исходящую от корабля грусть. Другого слова я просто не нахожу.

Его душа также нуждается в лечении. В этом я ему помочь не могу.

Ты можешь заставить его забыть то, что помнить не следует?

Для этого потребуется стереть огромные информационные массивы его памяти. Вместе с воспоминаниями об Икуаре он лишится и многих других воспоминаний. Помолчав, Джаг добавил проникновенно: *Тина, будет неправильно, если мы сотрем из его памяти то, что является частью его «я». Если ему необходимо стать прежним, его нужно лечить.*

Я не хочу, чтобы ему было больно.

В ответе Джага я почувствовала нежность.

Я тоже. Мы оба не хотим этого.

Джаг, послушай...

Спи, Тина.

Перед моим лицом снова заструился туман.

Нет! Подожди! Я изо всех сил боролась со сном. *Что ты там сказал, еще на Цилиндре, будто я тоже рон?*

Эльтор понял это, как только встретил тебя.

Когда мы были на Земле, ты сказал, что тебе неизвестен мой пси-рейтинг.

Я сказал, что не могу точно определить его в цифрах. Рейтинг ронов порой очень сложно определить — он у них слишком велик.

Почему Эльтор не сказал мне этого?

Он опасался, что ты не сможешь скрывать свое истинное знание, если окажешься в ситуации вроде той, в которую ты угодила.

Он был прав.

На «Эпсилани» я подсоединил твои Кайл-центры к моему Расширенному Интеллекту, продолжал Джаг. *Когда наемники изолировали меня, они тем самым заглушили и твои Кайл-поля.*

Лучше бы ты защищал Эльтора.

Я не мог делать два дела одновременно. Это могло бы вызвать перенапряжение моих резервов.

В следующей мысли корабля прозвучала нескрываемая боль.

Я оказался перед выбором.

Но почему я?

Тебе это было нужнее. А они уже знали, кто он такой.

Джаг...

Спи, Тина.

Перед моим лицом снова закружился туман.

Джаг, подожди! Эти Тау-ракеты...

Спи!

Я погрузилась в сон.

Глава 18
АБАДЖ ТАКАЛИК

Над горизонтом нависло красное рейликонское небо с перистыми розоватыми облаками. Прямо над моей головой оно имело сероватый оттенок, а с противоположной стороны горизонта становилось практически черным.

Мы с Эльтором стояли совершенно одни. Со всех сторон нас окружала бескрайняя пустыня. Во всех направлениях, сколько хватал глаз, тянулись низкие красноватые холмы. Вдали торчали зубья дальних скал, вонзаясь в кровавое небо подобно пальцам скелета. Линия горизонта казалась к нам гораздо ближе, чем на Земле, а сила притяжения была значительно слабее. Хотя Рейликон представлялся мне похожим на Марс, на самом деле он был не таким ярко-красным, как ближний сосед Земли. Его биосфера имела более сложный характер, а насыщенная кислородом воздушная оболочка придавала дневному небу бледно-голубой оттенок.

Эльтор был по-прежнему одет в форменные брюки и ботинки; правда, вместо мундира на нем теперь был черный пуловер ручной вязки. Свою пилотскую куртку он отдал мне. Я набросила ее поверх платья — мне она доходила до бедер. Сши-

тая из того же изолирующего материала, что и вся форма, куртка имела его собственную сеть.

Мы стояли, устремив взгляд на небо. Бледневшая прямо у нас на глазах звездочка — улетавший от нас Джаг — вскоре совсем растворилась в небесной вышине.

— Как ты думаешь, он сможет вернуться самостоятельно, без пилота? — спросила я.

— Трудно сказать, — ответил Эльтор.

Мне хотелось хоть как-нибудь утешить Эльтора, больно было видеть выражение муки на его лице. Однако после того как Джаг вернул нас обоих к жизни, Эльтор оставался каким-то отстраненным и замкнутым.

— Джаг был прав, — сказала я. — Здесь мы будем в большей безопасности. И ты, и я.

— Ему нужен пилот.

Похоже, Эльтор так и не смог примириться с тем, что его друг и товарищ теперь летает один.

Внезапно до меня донесся какой-то грохот. Когда я окончательно пришла в себя, стало ясно, что дрожит земля. Мне тут же вспомнилось то давнее утро в Чиапасе, когда произошло землетрясение. Когда оно закончилось, мои дядя и тетя были мертвы, наш дом разрушен, наши овцы пропали, наш урожай погиб.

Рокот сделался еще громче. Теперь сотрясалась вся пустыня. В воздух взвивалась пыль. Казалось, гром исходит от самой земли. Я шагнула ближе к Эльтору, но стоило мне прикоснуться к его руке, как он весь напрягся. Я тотчас опустила руку. Он старательно избегал моего взгляда, не сводя глаз с линии горизонта.

На фоне малинового неба неожиданно появились странные силуэты. Их были сотни — причудливые видения, возникшие из-за линии горизонта. Со стороны заходящего солнца в нашем направлении двигались, волна за волной, орды загадочных всадников.

— Уходим, — шепнула я мужу.

— Это друзья, — отозвался Эльтор. — Абаджи.

— Ваши старинные телохранители?

Он кивнул, по-прежнему не сводя глаз с всадников. Они мчались к нам, взметая клубы пыли.

— Если это телохранители, — сказала я, — то где они были, когда Джаг высадил нас здесь?

Эльтор продолжал смотреть на летящих к нам всадников.

— Абадж Такалик контролируют наземные, орбитальные и межпланетные оборонительные системы. В освоенном людьми космическом пространстве они обладают самыми мощными оборонительными комплексами. — Пыль теперь клубилась у наших ног. Всадники были уже совсем близко. — Не имеет никакого значения, в каком месте планеты мы находимся. Они защищают нас с той самой секунды, как мы оказались в этой звездной системе. — Он указал на всадников. — Сейчас ты увидишь традиционный ритуал.

Перед нами возникли высокие фигуры конных телохранителей Рубиновой Династии. Длинные полосы ткани, свисавшие с их головных уборов, громко хлопали на ветру.

На расстоянии их скакуны напомнили мне тираннозавров, однако при близком рассмотрении стали заметны отличия. Животные эти были около девяти футов ростом в холке и передвигались скачками, отталкиваясь от земли мощными задними ногами. Покрытые чешуей передние лапы были длиннее, чем у земных первоящеров, и время от времени животные могли переходить на галоп, используя одновременно все четыре конечности. В свете умирающего дня шкура этих диковинных зверей отливала оттенками золота, небесной лазури и зеленью бутылочного стекла.

Всадники были все до единого стройными и высокими — более семи футов ростом. Их лица скрывали платки, оставляя для обозрения только глаза и защищая нос и рот от песков пустыни. За спиной у абаджей развевались черные плащи, открывая взгляду живописные — золотистые, красные, зеленые и пурпурные — одеяния. В сгущающихся малиновых сумерках абаджи приближались к нам шеренга за шеренгой, словно намереваясь растоптать нас.

Похожие на динозавров скакуны замерли одновременно — самые ближние менее чем в пятидесяти ярдах от нас. Внезапно стало совсем тихо, и было слышно, как у нас в волосах шуршит ветер, приятно овевая кожу. Тишину лишь изредка нарушало либо негромкое фырканье, либо скрип песка, когда диковинные звери переступали с ноги на ногу. Крикни кто-нибудь от самого горизонта, и мы бы наверняка услышали.

Один из всадников соскочил на землю. Он снял с лица платок, и его концы тотчас затрепетали на ветру. Увязая в песке, абадж поспешил к нам. Я узнала его: знакомые черты лица, орлиный нос, темные глаза. Ростом он был гораздо выше мужчин народа майя — пожалуй, единственное различие. Даже я с моим миниатюрным носиком меньше похожа на представительницу этого древнего народа, чем он. Пусть нас разделяли огромные расстояния и многие тысячелетия, я ощутила несомненное родство. Наверное, это был голос крови.

Абадж остановился перед Эльтором, возвышаясь над ним на целую голову, и опустился на одно колено в почтительном поклоне. Эльтор прикоснулся к его плечу и заговорил на иотическом. Этот язык я почти понимала.

Встав, всадник что-то нараспев ответил низким басовитым голосом. Его речь звучала ритмичным речитативом, в ней угадывалась некая ритуальная торжественность. Тогда мне казалось, что Абадж говорит на каком-то неведомом мне диалекте иотического языка, который было гораздо труднее понять. Эльтора я понимала лучше, но только потому, что мы уже успели привыкнуть друг к другу. Из слов незнакомца я поняла только то, что его зовут Узан. Лишь позднее мне стало известно, что *Узан* — это титул вождя абаджей. Даже будь у него собственное имя, он все равно нам его не назвал.

Узан вытащил из ножен на поясе меч — длинную сверкающую полоску стали с искривленным концом. По форме он напоминал кортик, который носил Эльтор, но этот клинок был цельным алмазно-металлическим кристаллом. Выращенный нанороботами атом за атомом, он был острым как бритва. Узан поднял клинок над головой, и тот ярко засверкал в лучах заходящего солнца.

Затем он почтительно протянул его Эльтору.

Прежде чем я успела произнести хотя бы слово протеста, клинок, подняв фонтанчик песка, вонзился в землю в одном дюйме справа от ног Эльтора.

Эльтор даже не дрогнул. Узан снова занес клинок, и в ту секунду, когда он опустил его, моей щеки коснулось дуновение ветра. Я изо всех сил старалась стоять тихо. Сердце бешено колотилось в груди. Острие клинка вонзилось в землю между мною и Эльтором, и я ощутила песчинки у себя на лице.

Затем Узан повернулся к своим воинам и воздел вверх меч. В ответ те как по команде обнажили свои клинки, в ритуальном салюте вскинув острие к загоравшимся на небе звездам. Узан опустил меч, и абаджи все как один опустили свои. Уму непостижимо, как только им удавалось проделывать все эти движения с ювелирной точностью.

Эльтор взял меня под руку, и мы зашагали вслед за Узаном. Сумерки сгущались, и становилось все труднее различать окружавший нас мир. Откуда-то из тени возник человек, он вел за собой скакуна — одного, без всадника. Диковинный зверь показался мне великаном, его передние конечности с когтями были вдвое длиннее моих рук. Такому ничего не стоит разорвать на куски взрослого человека.

Эльтор же привычным жестом погладил его по боку. В ответ на его ласку животное послушно опустилось на землю, подобно верблюду подобрав под себя передние и задние ноги. От него исходил запах песка и мускуса, а дыхание отдавало острым и горьковатым ароматом лимона. Голова чудовища оказалась так близко ко мне, что я смогла разглядеть отдельные чешуйки на его морде — голубые ромбики с зеленой каймой, в которых отражались последние отблески заката. Животное внимательно смотрело на меня огромными золотистыми глазами.

На затылке у него я увидела длинный костистый гребень. И еще один на спине. Получалось что-то вроде двойного горба с седлом посередине. Ухватившись за шейный гребень ящера, Эльтор ловко вскочил в это самое седло. Как только он устроился в нем поудобнее, животное медленно встало на ноги. Эльтор сказал что-то Узану, и главный абадж поклонился. После этого страж повернулся ко мне, опустился на одно колено и склонил голову.

Я в тревоге посмотрела на Эльтора. Он по-прежнему сидел верхом на ящере и явно не собирался приходить мне на помощь. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как повторить все то, что только что проделал мой муж. Я прикоснулась к плечу Узана. Страж тотчас встал на ноги и слегка подался вперед. Я снова бросила взгляд на Эльтора, но тот продолжал безмолвно смотреть на меня. Лицо его оставалось в тени, и мне было трудно угадать его настроение.

Затем до меня дошло — Узан всего лишь наклонился в сторону своих воинов. Когда я зашагала к ним, Узан поклонился,

как будто я ответила на его немой вопрос. Наверное, так оно и было, однако в ту пору я этого просто не понимала. Таким образом, я приняла его приглашение поехать верхом. Главный абадж повел меня к моему скакуну. Животное опустилось на землю, подобрав, как и скакун Эльтора, конечности. Было видно, как на фоне холодного ночного воздуха из его ноздрей вырывается пар.

Узан почтительно обхватил меня за талию и одним движением усадил зверю на спину. От испуга я вцепилась в шейный гребень моего скакуна. Узан уселся позади меня. Земля тут же уплыла куда-то вниз, теряясь в ночной темноте, — это животное выпрямилось во весь свой немалый рост. Я почувствовала, что начинаю соскальзывать со спины ящера. Еще мгновение — и я повалюсь на Узана, и мы оба слетим на землю. Однако вместо этого я оказалась верхом на гребне как раз посередине чешуйчатой спины.

Узан что-то отрывисто произнес, и вся его конная армия синхронно повернулась. Эльтор проехал вдоль колонны. Я попыталась разгадать его теперешнее настроение. Чем оно вызвано? И какое оно? Любопытство ли, продиктованное желанием увидеть, как я поведу себя в незнакомой ситуации? Одобрение ли моего спокойствия? Какие-нибудь глубинные чувства, связанные с нашим пленением и побегом? Я понимала, почему Эльтор и абаджи предпочли, чтобы я ехала в «седле» не одна, а с сопровождающим. Ведь что я знала об этих чудных животных? Однако меня озадачило, что Эльтор, вместо того чтобы ехать вместе со мной, усадил меня с другим человеком.

Затем мы тронулись в путь. Животные бежали или, точнее сказать, скакали легкой рысью, причем гораздо быстрее земных лошадей. Эльтор скакал, чуть подавшись вперед. По его лицу блуждала улыбка. Было видно, что он наслаждается ездой. Чтобы как-то защититься от песка и пыли, летящих из-под ног наших славных скакунов, я натянула на голову капюшон форменной куртки, которую мне дал Эльтор. Не имея в отличие от моих спутников платка, я опасалась, что глаза, ноздри, рот и уши мне все равно занесет пылью и песком. Но ничуть не бывало. Прикоснувшись к лицу, я обнаружила тонкую пленку защитной мембраны. Встроенная в куртку сеть моментально уловила, что я нуждаюсь в защите от внешних инородных частиц, и тотчас снабдила меня ею.

Вскоре вечерние сумерки окончательно уступили место ночи, и окружающий мир погрузился во тьму. Мне почему-то вспомнился Набенчаук. Ни единого огонька во тьме, ни единого звука большого города. Лишь безмолвная темнота на многие мили вокруг. Мы скакали, не имея никаких ориентиров, и мне не давал покоя вопрос, как это животным удается продолжать движение, ни разу не споткнувшись и не сбившись с пути. Впоследствии выяснилось, что они обладают чем-то вроде инфракрасного видения, и после заката, когда почва все еще хранит дневное тепло, пустыня вовсе не кажется им темной.

Я поняла, что мы добрались до города, лишь когда мы в него въехали, оказавшись среди мирно спящих в ночной тиши домов. Наши «кони» перешли на шаг, осторожно пробираясь через настоящий лес остроконечных башен. Башен разрушенных — это были самые что ни на есть развалины.

Всадники рассеялись по всему безмолвному городу, то здесь, то там занимая группами по пять человек посты — возле башен, пирамид, вдоль дороги. Мы остановились перед конусообразной башней высотой около сорока футов. Основание ее составляло в диаметре футов пятьдесят.

Узан спешился, подняв при этом облако пыли. Прижимаясь к шейному гребню ящера, я перекинула ноги на одну сторону и заскользила по спине животного. Какое-то мгновение висела, болтая ногами в воздухе, а затем, отпустив руки, полетела вниз. Когда мои подошвы коснулись земли, меня подхватил Узан, заключив прямо-таки в медвежьи объятия. Куда только подевались его прежние, исполненные благоговением прикосновения!

Я отпрянула назад и поскользнулась на невидимом камне. Стоило мне пошатнуться, как страж снова обхватил меня своими ручищами. От злости я сжала кулаки, приготовясь как следует ткнуть его локтем в бок. Но в следующее мгновение оказалось, что это вовсе не Узан. Это Эльтор пытался удержать меня от падения. Я обернулась и посмотрела ему в лицо. Мой супруг улыбнулся — впервые после нашей свадебной ночи.

Узан провел нас через прямоугольный дверной проем в какую-то башню с покатой крышей, сходящейся конусом примерно в тридцати футах у нас над головой. На противоположной стене, в верхней ее части, змеилась трещина, расширяясь вверху до размеров зияющей дыры, сквозь которую в помеще-

ние проникал серебристый звездный свет. Узан начал снова произносить ритуальные фразы, и Эльтор отвечал ему все тем же певучим речитативом. В те минуты мне казалось, что они просто-напросто поют, однако на самом деле так звучит иотический язык в безупречном произношении рейликан.

Хотя любой сколиец может легко проследить свою родословную, берущую начало среди жителей Рейликона, четыре тысячи лет мутаций и смешения крови, зачастую добровольного, превратили сколийцев в совершенно новую расу. Эльтор на три восьмых рейликанец. Его мать рейликанка наполовину, а отец — на одну четверть. После абаджей его семья единственная, кто несет в своих генах так много первоначальных расовых признаков.

Эльтор и Узан закончили свой ритуальный диалог. После чего страж, поклонившись нам, удалился, волоча за собой по земле длинный плащ. А мы остались одни. Эльтор стоял, скрестив на груди руки и пристально глядя на меня. В свете звезд его могучее тело отливало серебром.

— Ты совершенно правильно вела себя, — наконец произнес он.

Я не нашлась, что на это ответить, лишь легонько кивнула в ответ. Мне почему-то было неловко, что между нами пролегла какая-то эмоциональная преграда.

Эльтор подошел к стене и опустился на колени перед похожим на лежанку выступом. Достав из-под него два серебристых одеяла, он кивком указал на остатки перегородки, некогда разделявшей внутреннюю часть башни на два отдельных помещения.

— Если мы ляжем спать позади нее, она защитит нас от песка, который наносит сюда ветер.

Я оглянулась по сторонам. Странно, однако, что абаджи выбрали именно это место для ночлега принца и его юной жены, особенно если принять во внимание якобы высокий уровень их технологий, как утверждал Эльтор.

— Почему они не подобрали для нас другого места?

— А разве нам нужно нечто большее, чем им самим? — ответил вопросом на вопрос Эльтор.

— Ты хочешь сказать, что они живут в этих развалинах?

— В это время года — да.

— А разве они не в состоянии заново отстроить город?

Эльтор отошел в сторону и разложил одеяло позади полуразрушенной перегородки.

— А зачем? — вновь ответил он вопросом на вопрос.

— Но ведь он рушится.

— Абаджи живут здесь вот уже шесть тысяч лет. Они не станут ничего менять сейчас, на пороге своей гибели.

С этими словами Эльтор уселся на одеяло. Вид у него стал гораздо спокойнее. Он жестом пригласил меня последовать его примеру. Я подошла и уселась рядом. На сей раз он никак не среагировал на то, что моя рука случайно задела его колено.

— Я всегда мечтал совершить то, что совершил этой ночью, — произнес он.

— Ты имеешь в виду наше путешествие через пустыню?

— Это не простое путешествие. — Эльтор на какое-то мгновение умолк. — Пять тысяч лет назад абаджи были исключительно женщинами, такими же рослыми, как и мужчины, которых ты видела сегодня. А также сильными и свирепыми. Когда королева Рубиновой Династии привозила себе из далекой колонии мужа, абаджи приветствовали ее точно так же, как сегодня нас с тобой. Они охраняли ее супруга, пока сама она отправлялась убедиться в том, что ее владения за время ее отсутствия остались в целости и сохранности.

— А если бы мужу захотелось отправиться вместе с ней?

— У него не было выбора. В ту пору мужчины были совершенно бесправны. — Эльтор усмехнулся. — Мои предки были самыми настоящими варварами.

— Это уже что-то новенькое!

Эльтор рассмеялся.

— Не делай вид, что тебе все это интересно!

— Что же стало с ее мужем? — с улыбкой спросила я.

— Абаджи доставляли его в Ицу Яшлан. Он скакал туда вместе с Узаном.

— Ты хочешь сказать — совсем как я этой ночью?

— Видишь ли, предполагалось, что ты должна была скакать позади него. Но я подумал, что, не дай Бог, ты еще свалишься с руцика, вот я и попросил его посадить тебя перед собой.

— А что такое руцик?

— Это скакун.

— И тебе взбрело в голову поменяться ролями с героем древней легенды и стать королем Рубиновой Династии, который привозит домой из неведомых краев жену?

Я думала, что он сейчас улыбнется и скажет «да». Но Эльтор лишь молча устремил взгляд в темноту. Ответил он не сразу.

— Эти королевы властвовали во всех межзвездных империях. Привезти домой мужа было своего рода подтверждением их могущества и власти над жизнями и судьбами других людей. — Эльтор сделал паузу. — Лучшей ночи, чтобы вообразить себя героем старинной легенды, трудно даже представить.

И тогда я поняла. Икуар отнял у него все — больше чем свободу, больше чем право распоряжаться собственным разумом.

— Я опасалась, что ты не поехал рядом со мной, потому что тебе было стыдно, — сказала я.

— Стыдно? Чего же я должен стыдиться?

— Потому что... из-за него. — Я не могла заставить себя произнести вслух имя Икуара. — Потому что он прикасался ко мне.

Эльтор обнял меня за плечи.

— Для меня и моих соотечественников нет большего позора, чем оказаться пленником Икуара. Стыдно должно быть мне, а не тебе.

Я склонила голову ему на грудь.

— Тебе нечего стыдиться!

Эльтор вздохнул и что-то произнес мне в утешение. Немного помолчав, добавил:

— Кажется, я узнал кое-кого из наемников.

Я удивленно подняла на него глаза.

— Каким образом?

— Помнишь того, что упомянул о моем послужном списке? Я узнал его голос даже сквозь фильтр бронекостюма. Моя биосеть сейчас обрабатывает информацию. — Эльтор снова сделал паузу. — Тина, когда Джаг разбудил меня, я просканировал его систему вооружения. И не обнаружил ни одной из четырех Тау-ракет.

— Он нанес ими удар по Цилиндру.

— Ты знаешь, что такое Тау-ракеты? — Я отрицательно покачала головой, и Эльтор поспешил объяснить: — Они оснащены инверсионным приводом. Двигателем космического корабля. Поэтому движутся со скоростью, близкой к скорости

света, выделяя громадную кинетическую энергию. Четыре Тау-ракеты способны в мгновение ока превратить Цилиндр в звездную пыль.

Я невольно поежилась.

— Может быть, их уничтожили люди Икуара? — высказала я предположение.

— Одну-две — вполне возможно. Но все четыре? Это просто невероятно! — Эльтор провел рукой по волосам. — О Боже, Тина, я и не предполагал, насколько серьезно деградировал его Расширенный Интеллект! Джаг совершенно утратил способность рассуждать логически!

— Он прекрасно понимал, что делает! — возразила я.

— Это невозможно!

— Икуар мучил тебя, вот Джаг и отплатил ему той же монетой! Но дело не в одном только Икуаре! Нам *никто* не пришел на помощь! Я впервые ощущала, что Джаг в гневе! В этом было нечто нечеловеческое!

— Выходит, мой корабль отомстил за меня?!

— Да. Ведь он любит тебя!

Эльтор удивленно уставился на меня.

— Чт-о-о-о?!

— Он любит тебя.

— Корабль никого не может любить!

— А Джаг тебя любит.

— Это невероятно!

— Почему? Ты ведь больше, чем обычный человек. Вот и Джаг больше, чем просто машина.

Эльтор не сразу ответил мне.

— Надо будет хорошенько над этим подумать.

Потом мы сидели молча, вслушиваясь в звуки ночи. Откуда-то слышались мелодичные звуки, словно некий незримый музыкант пощелкивал кастаньетами. Время от времени до моего слуха доносилось шуршание гонимого ветром песка и голоса абаджей на посту близ нашей башни. Их опека представлялась мне чисто символической. На планете с высоким уровнем науки и техники, обитатели которой совершают межзвездные перелеты, какая польза от стражников с саблями? Но все равно было приятно, что нас охраняют. Кто поручится, что нам здесь ничего не грозит?

Из мирных объятий сна меня вырвало чье-то прикосновение. Я лежала на одеяле, прикрытая еще одним. Эльтор спал рядом со мной, лежа на спине. Неожиданно он дернулся всем телом, и его свитер царапнут мне руку.

Эльтор рывком сел на одеяле — глаза его застилало внутреннее веко. Рот открылся в безмолвном крике — из горла не вырвалось ни единого звука. Я тоже села, не решаясь прикасаться к нему. Кто знает, как он поведет себя, если его слишком быстро пробудить от неведомого ночного кошмара? Вместо этого я принялась успокаивающе нашептывать:

— Все хорошо. Я с тобой.

Наконец Эльтор издал невнятный, сдавленный звук. Внутренние веки поползли вверх, и он посмотрел на меня.

— Все в порядке, — повторила я и, обняв, погладила по волосам. — Все в порядке!

Он притянул меня к себе.

— О Боже, Тина, я не могу... не могу!

Я не знала, что сказать, и продолжала бормотать успокаивающую бессмыслицу. Уняв дрожь, Эльтор снова лег на спину, увлекая меня за собой. Немного помолчав, ласково произнес:

— Наверно, жизнь после смерти все-таки существует. Надеюсь, потусторонние силы будут вечно издеваться над Криксом Икуаром, как он всю свою жизнь издевался над Источниками!

Я осторожно склонила голову Эльтору на грудь.

— Все кончено! Все позади! Он никогда больше не будет тебя мучить!

Эльтор перевернулся на бок, оперся на локоть и повернулся ко мне лицом.

— Ты похожа на дождь в пустыне — такая же сладостная и долгожданная!

Я была почти абсолютно уверена в том, что Эльтор солгал насчет нашего договора, но все-таки мне было как-то не по себе.

— Ведь это не дополнительный договор, верно?

Эльтор лукаво улыбнулся.

— А что, если я отвечу на твой вопрос утвердительно?

— Ну знаешь, Эльтор!

Он нежно прикоснулся к моей щеке.

— Это ронский договор. В соответствии с ним ты становишься полноправным членом моей семьи и соответственно

наследницей Рубиновой Династии. Всех ее сокровищ, если таковые имеются, — сказал он, а затем сухо добавил: — С точки зрения статистики предполагалось, что ни один из нас никогда не сможет найти себе женщину-рона. Чтобы найти тебя, мне пришлось попасть в другую вселенную! Мне повезло! — Эльтор снова лег и обнял меня. Затем прошептал мне на ухо: — Я тебе не до конца рассказал, что происходит, когда королева Рубиновой Династии привозит себе супруга с далеких звезд.

— Что же? — так же шепотом спросила я.

— Как только она убедится в том, что с ее владениями все в порядке, то ночью отправляется верхом в город, где ждет ее муж. Вот тогда-то они и вступают в брачный союз. — Эльтор легонько укусил меня за мочку уха. — В своих фантазиях я всегда представлял, что жена будет ждать моего возвращения, лежа в постели. Она будет теплой и сонной, готовой принять меня в свои объятия, когда я вернусь в Ицу Яшлан.

Я пальцем провела по его губам.

— Она уже ждет тебя!

В ту ночь, в развалинах древнего города, на умирающей планете с тусклым солнцем, мы наконец вступили в брачный союз, которому предстояло дать новую жизнь угасающему народу.

Глава 19
ОБИТЕЛЬ КРЫЛАТОГО БОГА

Занимался рассвет, принеся в мир то самое волшебство, которое возникает в минуты, предшествующие восходу солнца, когда небо начинает светлеть, а сама пустыня все еще остается в тени. Я лежала рядом с Эльтором, прижимаясь спиной к его груди. Всю ночь его рука обнимала меня за талию. Снаружи доносились звуки зарождающегося дня: приглушенные голоса, шарканье ног, звон клинков. До нашей импровизированной опочивальни долетали благоуханные ароматы фимиама и готовящейся еды. Где-то рядом негромко жужжали насекомые.

Абаджи завесили дверной проем плащом, утяжелив его нижний край застежками из драгоценных камней. Когда порывом ветра его затягивало внутрь, застежки ударялись друг о друга, издавая мелодичное постукивание, которое я слышала минувшей ночью. Откуда-то снаружи донесся чей-то голос. Он прозвучал громче голосов стражников, но в то же время не настолько громко, чтобы потревожить наш сон. Мне было не совсем понятно, к кому обращался говоривший — к стражникам или к нам.

Повернувшись к Эльтору, я увидела, что его глаза открыты.

— Что ты сказал? — спросила я.

— Ничего. Это не я. Это кто-то снаружи.

Эльтор произнес что-то на иотическом, и чей-то голос ответил ему.

Эльтор улыбнулся.

— Они спрашивают, не хотим ли мы какао.

— Шоколаду? Ты шутишь!

— При чем здесь шоколад? — Он приподнялся на локте. — И что такое шоколад?

— Напиток, горячий густой напиток, которым я угощала тебя в Лос-Анджелесе, — пояснила я.

— Он был приятным на вкус. Но это было не какао.

— Скорее всего они сохранили это давнее слово. Шоколад делали из зерен какао. Это был любимый напиток верховных вождей майя. У майя была для него даже специальная посуда, такие особые кувшины.

— Посмотрим, как тебе понравится наш напиток!

С этими словами Эльтор натянул на нас одеяло и что-то сказал стоявшему у входа воину. Абадж вошел внутрь и, опустившись на колени, поставил на пол кувшин и две чашки. На красной глазури кувшина были видны какие-то иероглифы. Я не знала всех символов, но это было не так уж важно. Ведь не знала же я многих элементов древней письменности майя. Однако тот, что был начертан на крышке, все-таки узнала. По форме он напоминал гребень и произносился как *«ка»*. Еще один, в форме рыбы, также озвучивался слогом *«ка»*. Стоявший под ними символ означал слог *«ва»*. Ка-ка-ва. Какао.

Воин задал Эльтору какой-то вопрос. Эльтор что-то сказал в ответ, после чего абадж встал и, поклонившись, вышел.

— О чем он спросил тебя?

— Он спросил, нужны ли нам свидетели.

— Свидетели? Но для чего?

Эльтор жестом указал на нас обоих, все еще лежавших в постели.

— Вот для этого. Чтобы подтвердить, что мы с тобой вступили в брачный союз.

— Что? — Мне показалось, что я покраснела. — Не нужны нам никакие свидетели!

— А мне кажется, неплохая идея.

— Вечно ты шутишь! Они что, хотят *наблюдать* за нами?

Эльтор усмехнулся.

— Многие тысячи лет назад именно так они и поступали, когда это было необходимо в силу политических причин.

— Ну знаешь, Эльтор!

Моя реакция вызвала у него неподдельное веселье, и он расхохотался.

— Не бойся, в наши дни для освидетельствования хватит того, что они увидели нас вместе в одной постели! Мы скажем им, что все остальное у нас тоже прошло как надо. Они поверят нам на слово.

— Но все-таки скажи мне, для чего это нужно?

— Для подтверждения юридической силы договора, — ответил Эльтор и потянулся за кувшином с какао. — Прошлой ночью я попросил абаджей проверить сеть. Стоунхедж скорее всего сам переправил наш договор в Ассамблею. Думаю, всем уже несколько дней известно о нашем браке, а также об обстоятельствах нашего похищения. Мне бы очень хотелось избежать ненужных разговоров.

— Неужели все-таки так важно — спали мы вместе или нет?

— В юридическом смысле — нет. — Эльтор налил в чашку темную дымящуюся жидкость и поставил передо мной. — Но как символ — да!

Я сделала глоток какао. Вкус его был удивительно приятным и напоминал приправленный малиновым сиропом кофе с добавлением корицы.

— А разве они не страдают от одиночества?

— Кто? Абаджи?

— Да. Разве им не нужны жены?

— Некоторым — да. — Сказав это, Эльтор тоже налил себе какао. — Такие покидают Рейликон. Но большинство остается.

Они все — клоны. Исходный генетический материал, что-то вроде шаблона, был отобран у тех мужчин, которых сочли пригодными для подобной жизни. Думается, они привыкли обходиться без женщин. — Покачав головой, Эльтор продолжил: — Я же просто представить себе подобного не могу!

— А разве женщин они не клонируют?

— Женщин здесь уже не было. Именно поэтому они и научились первым делом клонировать самих себя. Им удалось сберечь немного генетического материала, и в результате усилий Рона на свет появилась моя бабка. — Эльтор на мгновение замолчал, отпивая какао из чашки. — Хотя произвести здорового клона — дело не из легких.

— Джаг мне рассказывал.

Эльтор смерил меня долгим взглядом.

— Ты позволишь генетикам-абаджам сделать анализы твоей ДНК? Здесь, под землей, находится их лаборатория по генной инженерии.

Я снова отпила из чашки.

— Не возражаю.

Невероятно, что где-то глубоко под развалинами древнего города находится современная лаборатория.

Неожиданно Эльтор громким голосом заговорил на иотическом. Стоявший снаружи стражник что-то сказал в ответ. Затем послышались шаги обутых в сапоги ног, удалявшихся прочь от нашей башни.

Когда мы допивали какао, я услышала, как кто-то идет в нашу сторону, и поспешила нырнуть под одеяло.

В помещение вошел Узан в сопровождении пяти воинов в развевающихся одеждах. Они как по команде опустились перед нами на колени, а Узан заговорил. В ответ Эльтор поцеловал меня в щеку. В этом жесте было больше от ритуала, чем от искреннего чувства. Я попыталась вообразить абаджей не мужчинами, а огромного роста женщинами, себя кем-то вроде царицы амазонок, а Эльтора — тем, кому судьбой предначертано делить со мной ложе. Надо сказать, было трудно представить даже нечто отдаленно похожее на это.

Шурша одеждами, Узан и четверо воинов вышли вон. В тот короткий миг, когда импровизированный полог приоткрылся, я успела увидеть омытое рассветом утреннее небо и крае-

шек солнечного диска над горизонтом. Занавес закрылся, и мы остались втроем — я, Эльтор и пятый воин.

— Это — генетик, — пояснил мне Эльтор. — Ему нужен образчик твоей ткани.

Я посмотрела на абаджа, и тот отвел взгляд. Отцепив от пояса какую-то пробирку, он извлек из нее две лопаточки-шпателя размером не больше моего мизинца. Одной из них он провел мне по руке, после чего аккуратно опустил пробу в пробирку.

— А теперь открой рот, — попросил меня Эльтор.

Я выполнила его просьбу, и абадж провел мне шпателем по внутренней стороне щеки. Поместив его во вторую пробирку, генетик спрятал оба соскоба в черный кошель у себя на поясе и выпрямился во весь рост. Затем, поклонившись, вышел.

— Как они все это делают? — спросила я. — Они так быстро двигаются! И всегда так синхронно! Как будто каждый из них отлично знает, что делают все остальные!

— Они же эмпаты! И к тому же клоны! — Эльтор лег рядом со мной и, просунув руку под одеяло, прикоснулся к моей груди. — Может быть, нам следует повторно убедиться в том, что заключенный нами союз юридически правомочен! — произнес он с улыбкой.

Я рассмеялась и обняла его.

— А ты прав!

Ицу Яшлан. Волшебный, сказочный город.

Когда мы покинули наше убежище и вышли наружу, под красноватые лучи утреннего солнца, мне наконец представилась возможность хорошенько рассмотреть древние развалины. Мы поднялись на ближайшую к нашей башне пирамиду. Ступеньки оказались настолько крутыми, что, стоя на нижней, можно было дотронуться до верхней, даже не нагибаясь. От некогда величественного сооружения осталась лишь платформа, возвышавшаяся над землей на уровне примерно двух этажей. Я вертела головой по сторонам, внимательно разглядывая окрестности. Ветер трепал полы моей одежды.

Примерно в полумиле от нас, прямо посреди пустыни, я заметила скалу, за которой тянулась цепочка гор, лестницей уходивших в небесную высь. У ее подножия раскинулись залитые солнечным светом развалины древнего дворца. Строение когда-

то имело гигантские размеры и, видимо, достигало высоты трехэтажного дома, а в длину было раза в три больше. В фасаде когда-то имелось девять входов, которые сейчас зияли пустыми провалами. Если провести линию как раз через центральную часть строения, то обе его половины стали бы зеркальным отражением друг друга. Остатки крыши с угловатыми сводами из плоских камней. Наиболее важные части строения — лестницы, стены, части крыши, башни с обоих концов — покрывала настенная роспись, уже порядком выцветшая.

У подошвы скалы простирался Ицу Яшлан. Широкие улицы связывали друг с другом дома, площади и то, что напоминало бани древних майя. Здания с пустыми дверными проемами в виде разинутой пасти хищных зверей, должно быть, когда-то были храмами. Я даже сумела разглядеть в городе площадки для игры в мяч — совсем такие же, как и в городах древних майя. То там, то тут виднелись развалины пирамид с крутыми ступенями. Назначение других сооружений угадать труднее — чем были когда-то все эти узкие башни со шпилями, вздымавшиеся ввысь на высоту многоэтажного дома, или мосты, повисшие над улицами вровень с верхними этажами зданий? Через весь город тянулись мощеные тротуары, вдоль которых застыли восьмиугольные колонны. Дальше от центра виднелись другие постройки, меньшего размера и хаотично разбросанные, — городская окраина.

— Невероятно! — воскликнула я, обернувшись. — Как же они допустили, что такой прекрасный город пришел в упадок?!

— Сейчас здесь почти никто не живет, — ответил мне Эльтор. — Кроме абаджей, да и они проводят тут лишь несколько месяцев в году.

— Но они могли бы хоть что-то сделать. Прислать сюда роботов или наномашины или, допустим, заселить город людьми с других планет!

— Видно, для них так лучше. После того как из жизни уйдет последний абадж, Ицу Яшлан перейдет к моей семье. Мы непременно исполним их желание оставить город в его нынешнем состоянии.

— Чтобы он постепенно превратился в пустыню? — Я не поверила собственным ушам. — Но почему, Эльтор?

Тот жестом указал в сторону величественных развалин.

— Это Рейликон. Как и сама планета, город постепенно умирает. Абаджи также добровольно согласились на вымирание.

— Но если им так хотелось умереть, зачем же они все-таки выжили?

— Вообще-то они не хотят умирать. Моя семья, вся Сколия, даже эйюбиане — все мы существует исключительно благодаря их воле к жизни. Их привезла сюда какая-то неизвестная раса. Так что у них никогда не было выбора. Сейчас, на закате жизни, они хотят лишь одного: чтобы никто из посторонних — ни люди, ни машины — не вмешивался в их жизнь и не смел навязывать им свою волю. Они умрут так, как жили все эти шесть тысяч лет. По собственной воле.

— Понимаю, — ответила я. — Это очень напоминает цивилизацию майя. Кто-нибудь из обитателей Земли — кроме меня — уже видел эти руины?

— Очень немногие. Рейликон закрыт для посторонних. Исключения делались крайне редко. А Ицу Яшлан — священное место, запретное для чужих глаз.

— Кто-нибудь когда-нибудь переправлял его фотоснимки на Землю?

— Нет. Это было бы кощунством.

— Но ведь есть какие-то архивные свидетельства о народе майя, — сказала я. — Антропологи любят заниматься исследованием нашей истории, по крайней мере в моем мире. Все эти творения рук человеческих не должны бесследно исчезнуть.

— Думаю, что шесть тысяч лет назад твоего народа еще не было.

— Возможно, твоих предков переселили сюда из другой вселенной, а их история была смещена на целые тысячелетия. — Сказав это, я задумалась, а затем продолжила: — Большинство государств майя прекратили свое существование примерно в десятом веке нашей эры. А вдруг это произошло потому, что наших предков вывезли с Земли? Как знать, может, в разных вселенных подобное происходит время от времени. Какие-то расы увозят обитателей планет в другие миры и бросают их там.

Эльтор удивленно посмотрел на меня.

— Но для чего? С какой целью? Чтобы понаблюдать за тем, сумеют ли те выжить в других мирах? С тем чтобы сконцентрировать Кайл-черты в той расе, которая уже и так в достаточной степени обладает ими?

— Может быть, и так.

Другого объяснения мне в голову не приходило.

— Тогда эта попытка им не удалась.

— Но твоя-то семья существует!

— До какой-то степени. — Выражение его лица смягчилось. — Хотя, возможно, сейчас...

Эльтор протянул мне руку, и я шагнула к нему. Мы обнялись. Ветер трепал мне волосы, закручивая их вокруг нас обоих.

Мы вернулись обратно к лестнице, на ступеньках нас терпеливо дожидались два абаджа. Все это время они старались держаться в тени и вместе с тем вблизи от нас, чтобы в любую секунду поспешить на наш зов. Заслоняя нас словно живым щитом, абаджи спускались по лестнице на несколько ступенек впереди.

Эльтор провел меня по всему городу к скале. Это была каменная стена высотой в несколько тысяч футов, с лестницей по фасаду. Если когда-то лестница и имела перила, то теперь их не осталось. Я разглядела входы в пещеры на поверхности скалы, огромные звериные головы, высеченные в толще горных пород. Ступеньки напомнили мне виденную когда-то давно игрушку — кубик с желобками, направленными в разные стороны. Если в отверстие в верхней его части положить мраморный шарик, то он устремится вниз, перескакивая с одного желобка на другой, то и дело меняя направление в лабиринте, пока не скатится вниз.

— Иди первой, — сказал Эльтор. — Я буду подстраховывать тебя сзади, на случай если ты поскользнешься.

Внутренние переживания Эльтора окрасили мир вокруг нас нежным янтарным светом — светом любви и надежды. Сложив ладонь лодочкой, я даже зачерпнула пригоршню этого мерцающего тумана, а затем, опираясь для надежности рукой о поверхность скалы, начала восхождение вверх. Нас встретили сильные порывы ветра, и чем выше мы поднимались, тем сильнее они становились. За нами следовали два абаджа. Длинноногие стражники без видимых усилий преодолевали ступеньку за ступенькой. Один раз я не выдержала и оглянулась назад, и у меня тотчас закружилась голова. После этого я старалась смотреть лишь себе под ноги и поменьше думать о том, в какую высь мы взбирались. Однако опять не удержалась и посмотрела на раскинувшийся далеко внизу город.

Ицу Яшлан простирался мили на четыре в разные стороны — залитый ярким солнечным светом, древний, как сам окружавший его мир, таящий в себе бесконечное множество загадок. Я легко представляла себе древних воинов, ставших легендой Рейликона. Мы же продолжали взбираться все выше и выше.

— На какую же высоту мы поднимемся? — Любопытство взяло надо мной верх.

— До дворца Ицам На Кетца! — раздался за моей спиной голос Эльтора.

— Ицам На Кетца? — переспросила я. — Звучит очень похоже на Ицамна и Кецаль! — Я говорила, стараясь не думать о бездне у нас под ногами. — Кецаль — это птица. Природа наградила ее роскошным оперением — длинным хвостом зеленого, красного, белого и желтого цвета. Представители знати и воины носили их в качестве украшения. Перья, как ты сам понимаешь. В некоторых городах за убийство кецаля полагалась смертная казнь. Ибо это навлекало гнев бога Кукулькана. А также тольтекского бога Кецалькоатля. Вообще-то на самом деле это одно и то же божество, пернатый змей, владыка всего сущего на Земле. Хотя иногда Кукулькан принимал облик бога ветра.

— У нас Ицам На Кетца считается богом полета, — пояснил мне Эльтор.

Ветер дул все сильнее. Под его порывами становилось все труднее сохранять равновесие. Поднявшись на вторую площадку, мы посмотрели вниз на город. Сверху Ицу Яшлан являл собой незабываемое зрелище. На верхушку красно-золотой башни опустилась какая-то черная птица и закаркала. Ветер разносил ее хриплые крики по бескрайней пустыне.

Мы зашагали выше. Я поднималась вверх лицом к скале, цепляясь за нее обеими руками. Дело было не в крутизне ступеней. Просто мы вскарабкались на такую головокружительную высоту, что мне для уверенности требовалась опора. Порывы ветра продолжали обрушиваться на каменную громаду, и мои волосы, словно крылья птицы, парили в потоках воздуха. Абаджи все так же следовали за нами, все в том же равномерном ритме. Я живо представила себе нашу процессию — четыре крохотные фигурки на фоне вертикальной каменной стены. Моя рука неожиданно уперлась в пустоту, и я *полетела вниз*...

И упала, приземлившись на одно колено. Эльтор споткнулся о мою ногу и приземлился на четвереньки. Оказалось, что нас едва не поглотила пещера. В буквально смысле — так как вход в нее представлял собой разинутую в грозном рыке звериную пасть. Отверстие сверху и снизу окаймляли огромные каменные клыки.

Поднявшись с каменного пола, мы с Эльтором уселись у входа в пещеру, свесив ноги над нижними зубами исполинского чудовища. Далеко внизу вплоть до самого горизонта тянулись бесконечные барханы. Клочья облаков медленно плыли по гладкому фарфоровому небу. Где-то вдали невидимый демон пустыни крутил вихри красного песка.

Рядом с нами появились абаджи. Чтобы пройти под каменными клыками внутрь пасти каменного чудовища, им пришлось наклонить головы. Плащи стражей трепетали под порывами ветра, то открывая взгляду яркие одежды с золотой вышивкой, то снова укутывая черным высокие стройные фигуры. Не сбиваясь с шага, оба воина почтительно поклонились нам. Зрелище поразило меня. Оставалось только надеяться, что они не заметили нашего позорного падения в пещеру.

Мы с Эльтором стояли на месте, а один из воинов тем временем подошел к стене. С вбитого в нее крюка он снял нечто вроде пучка сухих веток, перевязанных шнурком. Затем отстегнул с украшенного драгоценными камнями пояса какую-то трубку. Тьму пронзила ослепительная искра, и конец факела занялся огнем. В его желтоватых отблесках и бронзовых лучах солнца пещера стала похожа на старинную фотографию.

В глубь скалы на несколько ярдов тянулся прямоугольной формы коридор, резко изгибаясь влево. Заднюю стену покрывала причудливая вязь иероглифов, начертанных черной, красной и бурой краской. Краска на вид казалась свежей. Позднее я узнала, что храм этот был одним из немногих сооружений Ицу Яшлана, которое абаджи пытались сохранить в первозданном виде.

Стражи провели нас до самого конца туннеля. Возле поворота абаджи вручили Эльтору факел, поклонились и вернулись обратно ко входу в пещеру. Там они встали, глядя на простиравшуюся внизу пустыню — две неподвижные фигуры в черном, застывшие на фоне неба между каменными клыками неве-

домого чудовища. До нас доносились лишь жалобные стенания ветра.

Эльтор взял меня за руку, и мы двинули дальше, свернув в ответвление туннеля. Если в самом его начале пещера освещалась солнечным светом, то дальше, куда мы направили наши стопы, нас окутала непроглядная тьма. Через несколько сотен ярдов туннель свернул снова, уводя нас все глубже в толщу скалы. Теперь наш путь освещал лишь свет факела. Сделалось зябко, обжигающий жар пустыни сменился приятным холодком. На стенах снова появились иероглифы. Свет факела отбрасывал на них тени, и казалось, будто древние письмена колышутся и пляшут, как живые.

— Здесь! — воскликнул Эльтор и поднял факел выше.

Прямо у наших ног вниз уходила вырубленная в горной породе лестница. Внизу, у ее подножия, мы разглядели какое-то помещение. Из него тянуло застоявшимся воздухом подземелья.

Мы спустились вниз. Сойдя с последней ступеньки, Эльтор засунул факел между когтей каменной лапы неведомого животного. Затем из когтей соседней лапы вытащил еще один, зажег его от горящего факела и сунул в лапу на противоположной стене. Эту процедуру он проделал еще четыре раза. Когда Эльтор закончил, в камере мерцали шесть светильников.

Воспоминание о первом знакомстве с Дворцом Ицам На Кетца до сих пор живо в моей памяти. В этом удивительном месте ощущаешь незримое волшебство, здесь жива память о древних царствах. Овеянные веками легенды живут в его каменных стенах, покрытых резными фризами. Барельефы раскрашены красками столь яркими, что почти неотличимы от пронзительной голубизны рейликонского неба или красных песков пустыни. В тот день они были неподвижны, и лишь когда мы своим вторжением потревожили застоявшийся воздух и язычки пламени начали свой танец, древние скульптуры тоже пришли в движение. В свете факелов инкрустированные драгоценными камнями стены источали сказочное сияние.

Посередине камеры стояла скамья с изображениями каких-то крылатых существ. Одно чудище было с квадратной мордой и спиральными рогами. У него было шесть ног, по три с каждой стороны, и скрученный спиралью хвост. Над спиной зверь распростер могучие крылья. Другая скульптура являла собой

женщину. Верхняя часть ее тела — от талии и выше — была женской, нижняя представляла собой кошачье туловище с хвостом как у птицы. Она стояла, воздев над головой копье. Грудь гордо выдавалась вперед, крылья распростерты в полете. Хотя волосы ее были высечены из камня, казалось, будто они трепещут и развеваются на ветру. Вдоль стены тянулся ряд статуй — чудовища с распростертыми крыльями. Головы их запрокинуты назад, от чего казалось, будто они кричат, обратив свой крик к небу. Полет, навечно застывший в камне.

Справа от нас никаких статуй не было. Зато в скале было высечено мужское лицо высотой примерно в девять футов. Вместо глаз у него виднелись концентрические круги, придавая лицу мягкое, нежное выражение. Крючковатый нос выступал вперед. Вместо рта высокий прямоугольник с квадратными зубами. Подбородок выдавался вперед параллельно полу и представлял собой выступ шести футов в длину и один в ширину, который покоился на каменных колоннах. Передние зубы, выгибаясь, торчали изо рта, образуя что-то вроде каменных подлокотников. К каменной личине вели несколько ступенек, причем верхняя находилась как раз на уровне подбородка.

Эльтор вопрошающе посмотрел на меня.

— Ну, что скажешь?

— Потрясающе, — ответила я. — Вот только черты лица грубоваты.

— Так же как и пустыня.

— Да, так же как и пустыня.

Эльтор подвел меня к скамье в центре святилища. Я опустилась на нее.

— Сколько лет этому храму? — спросила я.

— Более пяти тысяч лет, — сказал Эльтор и показал на крылатые статуи. — Ицам На — наше божество, бог полета и вечности. Он выше всех недугов, что поражают нас, простых смертных. Он кормилец. Абаджи приходят сюда после битвы, в поисках исцеления. Причем не только телесных ран, но и душевных недугов — такое случается часто, когда люди убивают других друга.

Я провела рукой по барельефу.

— А что это?

— Духи-спутники бога или богини, — ответил Эльтор и указал на крылатую женщину. — Вот это — «Чак».

Я удивилась его произношению. Он произнес это слово с превосходным твердым приступом, а закончил глоттализованным «к». Хотя большинство сколийских языков не слишком богаты такими звуками, в иотическом и эйюбианском их много. В этом отношении они даже богаче цоциля, на котором говорил народ майя. Именно поэтому эйюбианский кажется на слух резким и грубым. Однако благодаря музыкальности их голосов горловые звуки рейликан не режут слух. Кстати, это одна из причин, почему иотический так сложен для изучения. Чтобы правильно говорить на нем, необходимо уметь воспроизводить музыкальные тоны, для чего, в свою очередь, надо обладать особыми голосовыми связками.

— Кто это — «Чак»? — спросила я.

— Это она, дух-спутник богини плодородия Иша Челии, — пояснил Эльтор. — В руках она держит топор-молнию. Она также приносит в пустыню дождь. И еще считается богиней войны.

— У народа майя также было божество по имени Чак, владыка дождя и бог войны, — сказала я и прикоснулась к винторогому животному. — А кто это?

— Ацу Буллом. Дух-спутник Ицама. У вас есть кто-то похожий?

— Не думаю. Правда, на языке майя слово «балам» означает «ягуар». А вообще-то у нас тоже есть духи-спутники. Животные. Самый сильный и могущественный из них — ягуар.

— Буллом тоже могущественное божество.

— Для тебя ведь все это не просто миф, верно? Ты веришь, что все эти духи на самом деле существуют?

Эльтор ответил не сразу.

— Джагернаут, с которым я составляю единое целое, сказал бы, что это мифология. В глубине души, вопреки всякой логике, какая-то часть моего существа верит, что это нечто большее, чем миф.

— Но ведь ты пожелал, чтобы наше бракосочетание было проведено по католическому обряду!

Тон Эльтора немного смягчился.

— Твоя духовность — это часть тебя. То, что мы выражаем нашу веру по-разному, в моем понимании сближает нас, а не отдаляет друг от друга. — Эльтор провел рукой по моим волосам до самых их кончиков. — Я женился на тебе в соот-

ветствии с привычным для тебя ритуалом. И теперь прошу тебя исполнить брачный ритуал так, как это принято у моих предков.

— Где? Здесь?

— Да. — Эльтор указал на стены храма. — Мои предки не умели лечить генетические заболевания. Сначала они даже не понимали, почему умирают. Вот и придумали ритуал в виде жертвоприношения Иша Челии, богине плодородия, а также Ицаму На Кетцу, богу-врачевателю. Молодожены приходят сюда с просьбой даровать им здоровое потомство.

Я взяла Эльтора за руки.

— Значит, и нам следует сделать то же самое!

Эльтор заговорил на иотическом языке. Его распевный речитатив наполнил подземелье гулким рокотом. Слова его заклинания волной накатывались на стены, а затем гулкой волной откатывались обратно до нас. Затем он умолк, а моя кожа напряглась как барабан, готовый к тому, чтобы по нему ударили. Эльтор отпустил мои руки и прикоснулся к вороту моего платья. Он провел пальцем вдоль шва сверху вниз, и платье раскрылось на две половинки.

Избавленная таким странным образом от одежды, я смутилась и отвела взгляд в сторону. В конце концов мне все-таки удалось побороть смущение. Я несмело подняла на Эльтора глаза, и он прикоснулся к моим волосам.

Затем мой муж встал и направился к нише в дальней стене. Раздался удар кремня о камень, и ниша осветилась неярким огнем бронзовой лампы. Затем он прошел через весь храм к лестнице и погасил все факелы. Теперь единственным источником света оставалась лампа.

Эльтор вернулся к скамье, я по-прежнему сидела там, свесив ноги. В руках он держал что-то, что достал из ниши в стене. Наконец я разглядела что. Это было ожерелье из рубинов и изумрудов, два браслета и какая-то маленькая бутылочка. Положив бутылочку и браслеты на скамью, он надел мне на шею ожерелье. Самый большой рубин Эльтор уложил в ложбинку между грудей и провел пальцами вокруг сосков, отчего они немедленно отвердели. Затем он опустился на колени на выступ перед скамьей, и наши лица оказались на одном уровне. Эльтор протянул ко мне руки и обнял меня. Я обняла его в ответ и обхватила ногами за талию.

Затем он потянулся и взял в руки браслет — кольцо, украшенное зелеными и голубыми камнями. Открыв застежку, Эльтор взял мое запястье и защелкнул на руке браслет — чуть ниже моего старого, который мне подарила мать. Я оттянула вверх его рукав, обнажив напульсник.

— Теперь браслеты есть у нас обоих!

Эльтор виновато посмотрел на меня.

— Видишь ли, обычно у нас женщина надевает мужчине на руку напульсник. Однако прошлой ночью я попросил абаджей принести браслеты потоньше. Специально для тебя.

Взяв второй браслет, он защелкнул его на другом моем запястье. Затем пошарил за спиной рукой, нащупал мою ногу и, согнув в колене, поставил ее на скамью. Затем наклонился и поцеловал внутреннюю сторону моего бедра.

— Эй! — воскликнула я.

Эльтор поднял голову. На его губах блуждала блаженная улыбка, глаза были полузакрыты.

— Это мое собственное дополнение к ритуалу! — пояснил он.

Я потянула с него свитер.

— Теперь ты!

Стоя перед скамьей, Эльтор не спеша разделся. Затем мы сели, и он посадил меня к себе на колени. Я сидела боком к нему, прижимаясь правым плечом к его груди. Эльтор взял в руки флакон, украшенный причудливыми золотистыми, красными и темно-синими узорами, и с пышным птичьим хвостом вместо пробки. Стоило его открыть, как вокруг разнеслось благоухание. Резкий и сладковатый, этот аромат напомнил мне о ночных цветах моей далекой Земли.

Эльтор налил маслянистое содержимое флакона себе в ладонь и принялся втирать его в мое тело, другой рукой придерживая меня за талию. Я склонила голову ему на плечо. Благовоние щекотало ноздри. Теперь в нем угадывались ароматы жасмина и меда. Затем рука Эльтора опустилась ниже, его пальцы проникли внутрь меня, скользнув подобно шелку, и у меня закружилась голова. Я увидела золотистое свечение. Нет, не только в мыслях, но и внутри самого храма. Сияние было трепетным и нежным. Казалось, будто мы не просто ласкаем и умащаем друг друга, а прогоняем прочь последние клочки черных помыслов Икуара, которыми тот пытался окутать нас обоих.

Нарушив молчание, Эльтор произнес:

— Тебе нужно принести Клятву Челии.

— А ты научишь меня ее словам?

В ответ Эльтор заговорил на иотическом. У меня в голове его голос превращался в темно-рубиновые струи, смешивающиеся с ароматами ладана и маслянистых благовоний. Я услышала жалобные звуки свирели. Они плыли откуда-то издалека, подобно песне незримого божества, пробудившегося от тысячелетнего сна. Медленно, спотыкаясь на отдельных словах, я стала повторять вслед за Эльтором мелодичные фразы торжественной клятвы. Он по-прежнему говорил на иотическом, и я изо всех сил старалась правильно выговаривать слова чужого языка.

— Подойди ко мне, муж мой! — сказал он вдруг.

— Это что, перевод? — спросила я. Эльтор утвердительно кивнул, и я повторила: — Подойди ко мне, муж мой!

— Пусть Челия дарует нам золу, которая станет огнем.

— Пусть Челия дарует нам золу, которая станет огнем.

— Да благословит она новую... — На этом месте он запнулся. Лицо его приняло растерянное выражение. — Новую доску.

— Доску?!

— Это наиболее близкий английский эквивалент иотического слова, который мне удалось подобрать. — Удалить доску? Начать с чистого файла?

— Может, с чистого листа? — предложила я.

— Верно. Это означает душу нового ребенка. — С этими словами Эльтор прикоснулся к ожерелью у меня на груди. — Иша Челия примет освободившуюся душу какого-нибудь далекого предка. Она очистит ее, благословит и вселит в тело ребенка.

— Это прекрасно!

Голос Эльтора смягчился.

— Благослови чистый лист.

— Благослови чистый лист.

— Да опустится на мир ночное небо.

— Да опустится на мир ночное небо.

— Да окутает нас ночное небо темно-рубиновым покрывалом.

— Да окутает нас ночное небо темно-рубиновым покрывалом.

— Да подарит нам ночное небо свой дух.

— Да подарит нам ночное небо свой дух.

Эльтор встал, поднял меня на руки и шагнул к стене. Я улыбнулась.

— Неужели женщины-воины Рубиновой Династии носили своих мужей на руках?

— Конечно же, нет! — рассмеялся Эльтор. — Те были не слишком-то хрупкими созданиями. Нет, мужья шли сами. — Он вопрошающе заглянул мне в лицо. — Для тебя это важно?

Это было равнозначно вопросу о том, не возражаю ли я против романтического ужина при свечах на далеком острове в обществе любимого мужа.

— А почему это должно быть для меня важно?

Эльтор принялся осторожно объяснять.

— Имперская культура предусматривает сложные ритуалы ухаживания. Конечно же, в юридическом смысле мужчина и женщина равны. — Здесь Эльтор сделал паузу. — Хотя, несмотря на уверения в обратном, наша культура сохраняет пережитки того времени, когда мужчины являлись собственностью женщин. И некоторые женщины чувствуют себя не слишком уютно с переменой ролей.

— Это прекрасно, — заметила я, прикоснувшись к его щеке.

Эльтор усадил меня на подбородок Ицама На. Я оказалась прижата спиной к стене. Руками я упиралась в передние зубы божества. От камня тянуло прохладой. Эльтор поднялся по ступенькам и сел, перебросив ногу через скамью. Теперь мы были обращены лицом друг к другу. Из ниши в нашу сторону тянулись струйки ладана, наполняя помещение запахом давно исчезнувших царств. У меня возникло ощущение, будто нас внезапно перенесли из нашего времени в ту эпоху, когда древние божества навещали священный город Ицу Яшлан.

На лице Эльтора было выражение трогательной нежности, от чего вокруг глаз его лучиками разбежались мелкие морщинки. Все так же сидя ко мне лицом, он усадил меня себе на колени. Я склонила голову ему на плечо и вытянула ноги. Он принялся раскачивать нас взад-вперед, и мне казалось, будто и он слышит ту же самую мелодию далекой свирели, что и я. Наверное, так оно и было. Мы были так близки, что казалось, будто его и мое сознание тоже слились воедино. Эльтор вытащил обе мои руки и, повернув их ладонями вверх, свел вместе оба браслета. Они сомкнулись.

— Крылья Ицама На! — произнес он, поднеся скованные браслетами кисти мне к лицу.

Затем опустил голову и взял в рот мой указательный палец. Ощущение было восхитительным. Я уткнулась лицом Эльтору в волосы, блаженно вдыхая пьянящий аромат его кожи. Спустя какое-то время я услышала, как Эльтор пробежал пальцами по браслетам. Те, щелкнув, разъединились, а я обняла мужа за шею и крепко прижалась к нему.

Мы занимались любовью медленно, нам было некуда торопиться. На этот раз Эльтор был на удивление терпелив, используя нашу ментальную связь для того, чтобы его пик совпал с моим. Музыка и ароматы, созданные моим воображением, слились воедино в реку золотистого света. Когда мы оба достигли вершины, эта удивительной красоты река разбилась радугой мельчайших водяных брызг.

Постепенно музыка сделалась тише, а туман, рассеявшись, уступил место прежнему золотистому сиянию. Я отняла голову от плеча Эльтора. Его глаза были закрыты, дыхание все еще оставалось учащенным. Я сжала зубами прядь его волос и по-кошачьи помотала головой.

— Это было восхитительно!

Эльтор открыл глаза.

— Согласен!

— Но почему именно здесь? — спросила я, прикоснувшись к каменному выступу, на котором мы с ним сидели. — Странноватое место — и для занятий любовью, и для торжественных ритуалов, и для всего прочего.

— Оно символизирует плодородие, — ответил Эльтор и зевнул. — Возможно, потому что позы, которые возлюбленным приходится принимать на этом ложе, якобы способствуют зачатию дочерей.

А я как раз собиралась спросить мужа, хотел бы он, чтобы наш будущий сын носил его имя. Однако вовремя вспомнила, что Эльтор носит фамилию матери.

— Знаешь, трудно привыкнуть к вашей жизни, так сильно она отличается от привычной мне. Громадные различия.

— Зато так гораздо интереснее, — улыбнулся Эльтор. — Все это хорошо, но если мы с тобой пробудем здесь еще немного, боюсь, я усну и свалюсь на пол.

— Только не это! — пошутила я.

Эльтор спустился по ступенькам на пол. Я ощущала его внутреннее удовлетворение — оно буквально повисло в воздухе нежной бронзовой дымкой. Увидев, что я тоже поднимаюсь с ложа, он подхватил меня на руки и отнес на скамью.

Я порой задумываюсь о том, каково было жить в эпоху владычества Рубиновой Империи, когда женщины вступали в поединки друг с другом, чтобы завладеть приглянувшимся им мужчиной. Уверена, у меня не было бы ни малейших шансов на победу — какая из меня соперница рослым амазонкам? В равной степени было трудно представить себе Эльтора в роли покорного супруга царицы абаджей. Даже будь я ею, несмотря на агрессивную натуру моего избранника, у меня все равно нашлись бы соперницы. Пронзительная физическая красота Эльтора, его бьющая ключом сексуальность наверняка скрыли бы «изъяны», которые женщины-абаджи, возможно, усмотрели бы в нем. Эльтор стал бы для них желанной добычей, призом, чем-то вроде кубка победительнице. Нет, никаких шансов у меня не было бы! Ровным счетом никаких!

— Как хорошо, что это произошло сейчас! — сказала я, когда мы стали одеваться. — А не пять тысяч лет назад!

— Согласен, — поддержал меня Эльтор. Он натягивал ботинки, наблюдая, как я пытаюсь справиться с хитроумной застежкой. Видя всю тщетность моих попыток, показал мне петельку у горла. — Это датчик! Стоит нажать на него, и молекулы шва изменят свое состояние, превратятся в крючочки.

Мне бы и голову не пришло искать этот самый датчик! В том-то и заключалась самая большая трудность привыкания к его миру. Не гигантские различия вроде высокоразвитой космической техники, межзвездных перелетов или грандиозных планетарных компьютерных сетей, а именно такие бытовые мелочи наподобие обращения с одеждой.

У входа в пещеру нас терпеливо ожидали абаджи. Эльтор дружелюбно улыбнулся им. Интересно, что они думали о человеке, который пришел сюда, чтобы выполнить ритуал, на многие столетия преданный забвению? Лица воинов оставались бесстрастны. Живя среди эмпатов, они давно научились скрывать свое настроение.

Абаджи поклонились нам, и один из них посмотрел на мои браслеты. Мне показалось, будто на миг по его лицу промелькнуло странное выражение. Я уловила вихрь эмоций, что

взметнулся в его душе, — смесь любопытства, изумления и чего-то еще, что я не смогла определить. Позднее Эльтор признался мне, что также уловил мимолетную смену настроения у абаджей — будто они удивились собственному одиночеству, ощутили недостаток чего-то, но чего, сами толком не знали.

Один из воинов о чем-то заговорил с Эльтором. От меня не скрылось, что мой муж весь напрягся — напряжение исходило от него бесцветными тепловыми волнами. Когда они закончили разговор, Эльтор повернулся ко мне.

— Узан дал разрешение космическому кораблю Имперского флота совершить посадку. Однако из-за напряженности в политических отношениях абаджи никому не позволяют высаживаться на планете. Мне кажется, КИКС считает, будто нас удерживают здесь насильно, против нашей воли.

— Насильно? Но почему?

— Ситуация необычная. Ничего подобного раньше не происходило. Я исчезаю, появляюсь снова, меня похищают и продают эйюбианам. Становится известно о нашем браке и рон-договоре, означающем, что ты также являешься псионом Рона. После этого мы уничтожаем Цилиндр и совершаем покушение на жизнь высокопоставленного эйюбианина. В настоящее время эйюбиане, должно быть, истерично требуют нашей экстрадиции и соблюдения условий Парижского договора. На что Ассамблея, конечно же, отвечает отказом. В случае же, если эйюбиане попытаются заполучить нас обратно, Ассамблея угрожает войной. Эйюбиане также угрожают начать военные действия, если нас им не вернут. Союзники пребывают в растерянности, не зная, что им делать, потому что неизвестно, проработаны ли все нюансы нашего брачного договора. Короче, полная неразбериха. Думаю, победит тот, кто первым захватит нас в плен.

— А адмирал Бладмарк? — спросила я. — Он ведь понимает, что мы расскажем о его предательстве!

— Не знаю. Абаджи не могут ни передать сообщения, ни получить их из других миров. Связь заблокирована. Скорее всего в данный момент три военных посланника добиваются доступа в эту систему: наш, эйюбианский и посланник Союзников. Этот космический корабль абаджи пропустили только потому, что он прилетел один, без всякого сопровождения. Он явно нашего производства и назвал правильные пароли. — Эльтор

посмотрел в сторону города. — Нам стоит разузнать, что там происходит.

Спускаться со скалы вниз оказалось гораздо легче, чем на нее взбираться. Наверное, потому что ветер утих, но и чисто психологически — по крайней мере для меня: теперь каждый шаг приближал нас к земле. Спустившись вниз, мы вернулись в город. Над горизонтом возникло облако красной пыли. Чтобы лучше разглядеть, что это такое, нам пришлось взобраться на одну из пирамид. Оттуда мы увидели, что к Ицу Яшлан, вздымая пыль, несется орда всадников.

— Они направляются сюда из Сент-Парваля, — пояснил Эльтор. — Это здешний город-порт.

Наконец всадники оказались совсем близко. Их было несколько сотен. Все как один одеты в черное, но под плащами виднелось что-то серебристое. На окраине города они перешли на рысь — их скакунам нелегко было пробираться среди развалин.

— Что? — произнес Эльтор.

— Я ничего не сказала, — отозвалась я.

— Я не об этом. Я просто понял, в чем дело.

С этими словами он поспешил к краю платформы и вскоре скрылся из глаз, начав спускаться по лестнице. Я услышала протестующие возгласы абаджей. Подойдя к лестнице, я увидела, что они стараются удержать Эльтора. Однако он что-то резко ответил им, и они неохотно выпустили его. Эльтор сбежал вниз по ступенькам, соскочил с трех последних на землю и бегом бросился навстречу всадникам.

Я встала между абаджами, и мы вместе принялись наблюдать, как мой муж петляет среди руин древнего города. Его попыталась остановить другая группа абаджей, но безуспешно. Мимо первых всадников он пробежал, даже не удостоив их кивком. Когда те развернули своих скакунов, глядя ему вслед, один из них, в самой гуще конного войска, неожиданно замер на месте. Я поняла, что это не абадж. Несмотря на прекрасное телосложение, он был не так высок, как остальные воины, и одет более просто — темные брюки и белый свитер. Незнакомец стал спешиваться, и на какой-то краткий миг мне показалось, что это двойник моего мужа. Но разве может обычный человек одновременно находиться в двух разных местах?

Человек в белом свитере бросился навстречу Эльтору. Мужчины обнялись с такой силой, что едва не сбили друг друга с ног. Когда они встали рядом, я разглядела, что они все-таки разные. Незнакомец был на несколько дюймов ниже Эльтора. Волосы у него длинные и лежат на плечах. Наконец мужчины разжали объятия, и абадж рядом со мной что-то произнес. Я вопросительно посмотрела на стража, и он указал рукой на лестницу. Ага, пора вниз. Я понимающе кивнула.

Мы спустились с пирамиды и зашагали по улицам Ицу Яшлана. Приблизившись наконец к Эльтору и его «двойнику», я увидела на глазах незнакомца слезы. Он плакал и смеялся одновременно. Затем вновь сжал моего мужа в объятиях и не хотел отпускать.

Один из моих телохранителей подошел к Эльтору сзади и что-то шепнул ему на ухо. Эльтор обернулся и обнял меня за талию. Лицо его озарилось улыбкой. Он еще крепче прижал меня к себе. Я невольно ойкнула, уткнувшись носом ему в грудь.

— Эй, поосторожнее! — воскликнула я.

Эльтор рассмеялся.

Незнакомец дружески улыбнулся мне. Его фиолетовые глаза и такого же цвета волосы показались мне до того знакомыми, что у меня от волнения перехватило дыхание. А вот привычного металлического блеска кожи не было. Эльтор заговорил с незнакомцем на неведомом мне языке, и голос его звучал на редкость красиво и мелодично. Незнакомец ответил, и голос его, бархатистый и мелодичный, прозвучал еще прекраснее. Я готова была заслушаться. Эльтор произнес фразу, в которой я поняла последние несколько слов: «'Акуштина Сантис Пуливок Кья Сколия».

Обратившись ко мне, он сказал:

— Тина, это мой отец. Элдрин Джарак Валдория Кья Сколия.

Мужчина взял меня за руки и, крепко сжав их, что-то проговорил. Я испугалась, что он посчитает меня недостойной своего сына. Я ведь помнила рассказ Эльтора о женщинах-абаджах. В ту пору мне было неведомо, как я похожа на мать Эльтора. Не все гены Кайла отвечают за рост, однако чистокровных рейликан они одаряют темными волосами и смуглой кожей.

— Отец просит, чтобы ты звала его просто по имени — Элдрин, — пояснил мне муж. — Это его личное имя, например, как твое — Тина, а мое — Эльтор. — И с улыбкой доба-

вил: — Отец говорит, что рад познакомиться со своей новой дочерью.

Я улыбнулась в ответ.

— Скажи ему, что для меня большая честь познакомиться с ним!

Как непривычно было произносить эти слова. Непривычно и восхитительно. Наконец я обрела отца.

Глава 20
МАШИНЫ РУБИНОВОЙ ДИНАСТИИ

Мы отправились к Сент-Парвалю в сопровождении свиты Элдрина и Эльтора. Эльтор предложил мне ехать вместе с ним, но к тому времени мне уже была известна его страсть к езде на руциках. И согласись я сесть вместе с ним, ему бы пришлось всю дорогу переживать, как бы я не упала. В конце концов я поехала вместе с его отцом. По-моему, мы оба восприняли это как возможность поближе познакомиться друг с другом. А если учесть, что мы не знали языка друг друга, а Элдрин сидел у меня за спиной, то возможностей для общения у нас было мало. К тому же Элдрин был напряжен. Он не разделял энтузиазма своего сына относительно поездки по пустыне на спинах излучающих радужное сияние динозавров.

Сидя спиной к Элдрину, я смогла уловить в его в сознании немало интересного. Особенно остро ощущалось отцовское облегчение, что Эльтору удалось спастись, а еще радость, что сын его наконец обрел семейное счастье. Но чем глубже, тем сложнее становилось его настроение: здесь была и озабоченность политическими интригами, и возмущение тем, что в похищении Эльтора оказались замешаны Союзные Миры. Сознание Элдрина ужасно походило на сознание Эльтора и одновременно было совсем другим, более утонченным.

Мне было невдомек, какая честь мне оказана. Взращенный с детских лет в качестве оператора Кайла, Элдрин умел держать в узде свои эмоции еще в большей степени, чем Эльтор. Сын его по натуре более вспыльчив и склонен к перепадам

настроения. Но в тот день Элдрин ослабил все барьеры и позволил мне впитать немало интересного как о нем самом, так и об их семье.

Уже сама внешность Элдрина говорит о его происхождении. Элдрин — уроженец небольшой, но хорошо охраняемой планеты под названием Лишриол. Во времена Рубиновой Империи она была заселена как сельскохозяйственная колония. Чтобы как-то помочь колонистам приспособиться к низкому уровню ультрафиолетового излучения, генные инженеры снизили в клетках кожи содержание меланина, от чего она стала гораздо белее. Надо сказать, что этот цвет казался им столь же необычным, как мне золотая кожа Эльтора. Обесцвеченные волосы и глаза явились неожиданным, хотя и безвредным побочным эффектом.

Процветание Рубиновой Империи зиждилось на малопонятных тогда технологиях, и неудивительно, что многие дочерние миры, оказавшись в тысячелетней изоляции, почти полностью растеряли некогда имевшиеся у них знания. Колония на Лишриоле была отброшена назад в эпоху, предшествовавшую изобретению парового двигателя. В какой-то момент она вообще оказалась на грани исчезновения, как когда-то предки колонистов на Рейликоне, у которых с каждым поколением появлялось все меньше и меньше детей. В течение нескольких тысячелетий, по мере того как число женщин сокращалось, законы, делавшие мужчин их собственностью, отпали за ненадобностью. Население удалось восстановить лишь тогда, когда генофонд избавился от генов Кайла и более или менее пришел в норму.

Но аллели Кайла не исчезли полностью. Отец Элдрина был телепатом-роном. Но это уже из ряда вон выходящий случай. Вот почему мать Элдрина, тоже рон, но с другой планеты, вышла за него замуж. Она предпочла поселиться на Лишриоле, потому что любила неиспорченную цивилизацией красоту этого мира. Детство Элдрина прошло в сельской местности. Он не питал никакого интереса к тому, что пытались вложить ему в голову учителя, — к физике, математике, политологии, литературе. Вместо этого юноша предпочитал проводить время охотясь, сражаясь на шпагах, упражняясь в стрельбе из лука. Чем повергал родителей в отчаяние, пока в конце концов, когда ему исполнилось шестнадцать, те не решили отправить сына

куда-нибудь на другую планету постигать науки в частной имперской школе. Элдрин принял в штыки чуждую ему культуру Империи. Его повергало в недоумение и одновременно злило, почему здесь все так восторгаются его красотой — а Элдрин действительно был необыкновенно красив — и великолепным голосом и не отдают должного его ловкости и воинскому искусству.

В отличие от Элдрина мать Эльтора выросла в обстановке культурного наследия Рубиновой Империи. Сейчас культура Империи более приближена к современности, хотя Элдрин, конечно, прав, когда говорит, что здесь еще ощущается наследие матриархата. Ему это сильнее бросается в глаза хотя бы потому, что мать его родом из весьма консервативной семьи, чьи корни уходят в глубь веков непосредственно к первым Рубиновым царицам. И хотя Дайхьянна — современная женщина, наследие прошлого у нее в крови. Различие в характерах родителей Эльтора многое объясняет и в нем самом. Например, почему в нем сочетаются, казалось бы, несовместимые черты — он одновременно и мачо, и отпрыск Рубиновой Династии.

Элдрин уже знал, как мы познакомились с Эльтором. Джаг, вместо того чтобы сдаться на милость Имперского Космического Командования, взял курс на Лишриол, где приземлился на ферме, принадлежащей одному из братьев Элдрина. Брат тотчас оповестил родителей, используя для этих целей закрытый информационный канал, предназначенный как раз для таких случаев. Именно Элдрин созвал военные силы на Рейликоне, поставил во главе их тех, кому больше всех доверял и в чьей верности не сомневался, включая, конечно...

Черт!

Я обернулась, сидя на руцике, и посмотрела на Элдрина.

— Нам надо остановиться!

В ответ отец Эльтора улыбнулся. Вероятно, он решил, что меня попросту укачало.

— Нет! Со мной все в порядке, — пояснила я. — Но нам действительно надо остановиться.

Я повернулась и постучала кулаком по шейному гребню животного. Но динозавр и не думал реагировать. С таким же успехом я могла сойти за муху у него на спине. Кое-кто из абаджей бросил на меня взгляд, и я уловила их недоумение:

мол, с какой это стати я так запаниковала, хотя накануне ехала верхом без всяких проблем. Но мне на мозг что-то давило, словно кто-то стучался в дверь и колебался, входить без разрешения или не входить. Я же не знала, как это разрешение дать. Ощущала я и Элдрина и тоже терялась в догадках, как его «пригласить».

Я обшарила взглядом наш караван. Эльтор ушел далеко вперед, он гнал своего руцика как безумный. Я сосредоточилась, но двери его сознания оказались наглухо закрыты. У Кайлов это считалось своего рода правилом хорошего тона и одновременно защитным механизмом. Кроме того, он ускакал далеко вперед, поэтому мы были не в состоянии поддерживать тот тесный мысленный контакт, какой обычно бывал между нами.

Один из ездоков что-то выкрикнул, и мгновение спустя я поняла почему: прямо посреди пустыни, сверкая хромированными шпилями, высился город. Нет, не руины, а именно город. Современный человеческий улей из керамики, металла, плексигласа. Он прямо-таки сиял в лучах бронзово-золотистого солнца. Это был Сент-Парваль. А в нем — космопорт.

— Нет! — крикнула я.

Элдрин уперся лбом мне в спину, и ощущение, что кто-то просится ко мне в сознание, только усилилось. Я нарисовала мысленную картину: мраморная комната, где мы в первый раз угодили в лапы к наемникам, Эльтор, сидящий в углу со связанными руками, и над ним фигура Рагнара Бладмарка. Лицо адмирала искажено гневом — он говорит Эльтору, что больше никогда не склонит голову перед его семьей.

Элдрин издал какой-то сдавленный звук, затем что-то крикнул на иотическом. Чуть погодя Эльтор и его свита остановились и повернули своих скакунов в нашу сторону. Элдрин пробежал пальцами по гребню руцика, словно пианист по клавишам рояля. Животное снова взяло с места — только в обратную сторону, прочь от Сент-Парваля.

Абаджи застыли у своих скакунов словно статуи. Над горизонтом повисло какое-то раздувшееся оранжево-красное солнце. Вокруг нас гигантскими песчаными волнами простирались барханы. Я сидела вместе с Эльтором и его отцом на развалившейся каменной скамье у источника, который вот уже несколько столетий не видел и капли воды. В нескольких ярдах от нас

среди песка возвышалась одинокая пирамида. В косых лучах заходящего солнца ее грани отливали красным.

Отец Эльтора заговорил на иотическом, делая паузы, чтобы Эльтор переводил.

— Я рассказал Рагнару все, — произнес он. — Это он послал корабли Имперских Космических Сил. Сейчас они за пределами системы, ждут разрешения войти. Рагнар приказал мне оставаться на корабле.

Элдрин дотронулся до плеча сына и что-то сказал, но что — Эльтор не стал переводить. Однако я поняла. Ему надо было убедиться, что его сыну ничего не грозит.

— Рагнар хорошо сыграл свою роль, — продолжал Элдрин. — Он сказал мне и твоей матери, что опасается предательства как со стороны Имперских Космических Сил, так и со стороны абаджей. Он настоятельно советовал нам молчать о его причастности, если мы не хотим, чтобы заговорщики узнали, что он пытается сорвать их планы. Вот почему я не сказал абаджам, что Рагнар тоже на корабле. — Элдрин покачал головой. — Эх, как мы ему верили!

— Но откуда вам было знать! — Эльтор заговорил сначала на иотическом, затем по-английски. — К тому времени, как о предательстве Рагнара стало известно, наемники уже отняли Джаг. Во время перелета сюда я был без сознания, Тина тоже и лишь изредка приходила в себя. — Эльтор покачал головой. — Стоило нам с Тиной ступить на тот корабль, Рагнар бы моментально нас изолировал и подстроил нападение со стороны купцов. Он постарался бы избавиться от нас, чтобы мы не успели никому рассказать о его роли в заговоре. — Эльтор посмотрел на отца. — Теперь и ты в курсе. Значит, он будет вынужден избавиться и от тебя.

В то же мгновение из сознания Элдрина вырвалась мощная волна эмоций, порожденная воспоминаниями пятидесятилетней давности, — слегка притупившимися от времени, но все еще яркими. В них было многое — и страх, и гнев, и чувство омерзения. Я вспомнила, что мне рассказала Минь о том, как во время последней войны отец Элдрина попал в плен к купцам.

Но на слова Элдрин оказался скуп.

— Рагнар бессилен довести задуманное до конца. Слишком многим известно о том, где мы. Допустим, команда одно-

го из кораблей и преданна ему, однако сомневаюсь, чтобы весь флот без исключения пошел за Рагнаром.

— Тогда у нас тем более есть основания опасаться его, — возразил Эльтор, — ведь Рагнар загнан в угол.

— Но он ничего не может сделать.

— Ты уверен? — резко бросил ему Эльтор и перевел мне свои слова. — Отец, ты непревзойденный бард. Но военную стратегию оставь мне.

Элдрин мгновенно напрягся, и я догадалась об истинных словах его сына: «Отец, что понимает исполнитель народных баллад в современной военной стратегии? Ровным счетом ничего».

Так я впервые стала свидетельницей трений между отцом и сыном. Постепенно я поняла, что этот недостаток сыновнего уважения был заложен и тщательно поддерживался в Эльторе не кем иным, как Рагнаром Бладмарком. Раны, конечно, постепенно затянулись, особенно после того, когда стало понятно, как ловко манипулировал Бладмарк своим воспитанником, с каким коварством вгонял клин в отношения отца и сына. С другой стороны, это еще раз свидетельствует о том, что, несмотря на многолетние интриги и пакости со стороны «лучшего друга семьи», Эльтору и его отцу удалось сохранить друг к другу теплые чувства.

— Найдется добрая сотня способов, чтобы купцы сумели схватить нас, — продолжил Эльтор.

— Этого мало, — не согласился Элдрин. — Абаджи ведь тоже в курсе.

Эльтор поморщился.

— Если купцы прорвутся сквозь систему обороны и откроют огонь по планете, то, боюсь, не останется никаких свидетелей, способных поведать правду о происшедшем.

— Но они не прорвутся, — заявил Элдрин. — И с какой стати им уничтожать Рейликон? Ведь тем самым они только запятнают себя. Превратятся в агрессоров.

— Без посторонней помощи — нет, согласен. В одиночку им нас не одолеть. Но в том-то и дело, что у них есть помощник. В лице адмирала Имперских Космических Сил. К тому же, отец, не забывай, что и Рейликон запятнал себя недружественным актом. Ведь абаджи отказались сдать нас имперскому командованию.

Я прислушивалась к их разговору, и меня мучил вопрос, что могло бы произойти, не сумей мы спастись от Икуара. Ведь стоило ему догадаться, что я тоже рон, как он постарался бы силой вырвать у Эльтора признание, где и как мы нашли друг друга. И тогда он узнал бы про мою Землю, такую одинокую и беззащитную, подобную сочному плоду, к которому так и тянется рука. До меня дошло, какая смертельная угроза нависла бы над моей Вселенной, окажись мы снова в лапах у купцов.

Элдрин и Эльтор умолкли. Оба буквально впились в меня взглядом. И тогда до меня дошло, хотя и с опозданием, что я, наверное, излучала эмоции. Элдрин что-то проговорил негромко и нежно. Эльтор перевел для меня:

— Я тоже побывал в плену у купцов, Тина. Мне понятен твой страх.

— Но ведь они вас отпустили, — заметила я.

— Они согласились на обмен пленниками. Меня обменяли на одного аристо. Этот юноша был Джейбриол Куокс Третий, нынешний император Эйюбы. Но я до сих пор не могу понять, зачем ему понадобился этот обмен.

Сказанное Элдрином сильно меня удивило. Что странного в том, что эйюбиане предпочли обмен? Ведь они от этого только выиграли. Хотя Элдрин и был роном, по рангу он стоял куда ниже Императора. С другой стороны, это произошло еще до того, как эйюбианам стало известно, что они заполучили в свои руки Замок.

Элдрин пристально смотрел на меня.

— Ни единая душа не знала, что у Джейбриола Второго есть сын. Он был надежно спрятан на Земле, учился там в школе. После смерти отца он прибыл на Делос, союзную планету, где имелись и сколийское, и эйюбианское посольства. Он просто взял и вошел в посольство Эйюбы и предложил себя для обмена. Там по генетическим архивам проверили, тот ли он, за кого себя выдает, и меня уже буквально на следующий день доставили на Делос. — Элдрин развел руками. — Зачем им понадобился обмен? Мальчишка ведь был свободным человеком. Почему бы ему просто не заявить свои права на престол?

— Да нет, здесь было что обменивать, — возразил Эльтор. — Союзники ни за что просто так не отдали бы им Куокса.

— Не забывай, Эльтор, — нахмурился отец, — я ведь лично при этом присутствовал. Союзники не имели никакого отно-

шения к обмену, то была не их идея. Юноша предложил себя сам.

— Союзники рассказывают другую историю.

— Просто ответственный офицер хочет выгородить себя, — презрительно фыркнул Элдрин. — Да кто признается, что обмен прошел прямо у него под носом без всякого его участия. Ничего удивительного в том, что союзники пытаются представить это дело как собственную заслугу.

Где-то за спиной Эльтора, в направлении Ицу Яшлана, в пустыне возникло облачко пыли.

— К нам кто-то едет, — сказала я.

Вскоре красное облако приобрело очертания всадника. Доехав до абаджей, верховой спешился. Стражники подвели его к источнику, и мы поднялись ему навстречу. Вестовой пал перед Элдрином на колени. Элдрин царственным жестом коснулся его плеча, и посланник встал и обратился к Элдрину. В его голосе слышалось глубокое почтение, которого так недоставало Эльтору по отношению к отцу.

Один из абаджей опустился передо мной на колени. Я тоже дотронулась до его плеча, подражая жесту Элдрина, и затем посмотрела на Эльтора.

— Они закончили генетические тесты, — пояснил тот. — Этот человек привез результаты.

— И что он говорит?

Сердце было готово выскочить у меня из груди.

Эльтор переводил слова абаджа. От Элдрина же, подобно подрагивающей дымке тумана, исходило полное замешательство. Эльтор взял меня за руку:

— Ты рейликанка. Чистейших кровей. Твой отец тоже, по всей видимости, был майя. Наша раса пошла от твоих прямых предков. — Эльтор на минуту умолк. — Или если не твоих, то от майя из вселенной с временным сдвигом. Это объясняет, почему нам никак не удавалось установить наше происхождение. Мы искали людей, которые жили на Земле шесть тысяч лет назад. Но, по расчетам абаджей, прошла лишь тысяча лет с тех пор, как ДНК твоего народа развилась в отдельную ветвь по сравнению с первыми колонизаторами Рейликона. — Эльтор умолк, чтобы перевести дыхание. — А еще, Тина, ты не несешь в себе комплекс СК.

— И это хорошо, как я понимаю? — спросила я.

— Это чудо. — Эльтор крепко стиснул мне руку.

Затем заговорил Элдрин, и Эльтор кивнул.

— Что сказал отец? — полюбопытствовала я.

— Что майя могут оказаться нашим спасением, если Рагнар решится пойти на уничтожение рейликан.

— Я сомневаюсь, что купцы начнут новую войну, — продолжал Элдрин. — Скорее они, согласно Парижскому договору, попробуют заполучить вас обоих. Будь это кто другой, Джейбриол Куокс Третий, возможно, махнул бы на все это рукой. Но любой из нас способен выступать в роли Ключа, а мы с Эльтором воспитаны специально для того, чтобы исполнять эту роль. Ради этого мы существуем. Вот почему игра стоит свеч, и они могут пойти на риск, лишь бы снова захватить нас.

И тут к Элдрину обратился Узан. Элдрин выслушал его, затем жестом подозвал Эльтора. Но тот лишь отрицательно покачал головой.

— В чем дело? — не выдержала я.

Меня раздражало, что я не понимаю их разговора.

Эльтор повернулся ко мне.

— Узан предлагает нам — на тот случай, если мы погибнем — скопировать наши нейронные образцы на симуляторы и затем загрузить их в сеть. То есть даже если в физическом смысле мы перестанем существовать, то в виртуальном останемся живы. А если станет возможным клонировать ронов, то нам с тобой создадут новые тела, в которые перегрузят информацию с симуляторов.

— Но это просто чудовищно! — ужаснулась я.

— Увы, дело в том, — продолжал Эльтор уже гораздо мягче, — что план этот вряд ли осуществим. Даже самые совершенные симуляторы, как всякие копии, гораздо беднее своих оригиналов — людей, с которых они скопированы.

— Джаг уже однажды меня скопировал.

— Знаю, — кивнул Эльтор. — Кстати, то была очень хорошая симуляция. Она включала даже перенос твоих функций Кайла. И все равно ей было далеко до тебя, до настоящей работы твоего мозга. Кстати, когда ее перегрузили обратно в твой мозг, она уже функционировала заметно хуже.

Я потерла пальцами сочленение на его кисти.

— Предположим, удастся разработать технологию клонирования, но как быть с тобой? Сумеют ли тебя скопировать? Пусть не целиком, но хотя бы...

— Ты права. Все равно придется меня заново перестраивать.

В разговор вмешался Элдрин. Эльтор не стал переводить, но я поняла и без перевода. Отец не хотел, чтобы его сын еще раз прошел через кошмар притирки к своему новому, усовершенствованному телу, через какой ему пришлось пройти в детстве. Эльтор посмотрел на отца, и на лице его читалась любовь, какую не мог уничтожить даже Рагнар Бладмарк. Ослабить — да, но не убить полностью.

— Рагнар перерезал нам доступ к электрооптическим сетям, — пояснил Эльтор. — Мы не в состоянии отправить наши послания даже посредством космических кораблей. А у Рагнара в порту находится боевой космический крейсер, которому ничего не стоит из Сент-Парваля сровнять с землей всю эту часть планеты. А из космоса — уничтожить Рейликон целиком. Как видим, ситуация патовая. С одной стороны, мы лишены возможности отправить сигнал кому бы то ни было, поскольку связь заблокирована Рагнаром. С другой — абаджи не дают его флоту войти в систему.

— А мы не можем воспользоваться псиберсетью? — спросила я.

Эльтор отрицательно покачал головой.

— Мне доводилось работать с его тайными агентами. У Рагнара на особо секретных операциях заняты мощные телепаты, которые блокируют любые попытки передачи информации через псиберсеть. В некотором роде это то же самое, как мы сейчас отрезаны от электронных и оптических коммуникаций.

— Тогда почему бы тебе не взять функции линии связи на себя? — предложил Элдрин. — Ведь если ты сам являешься частью сети, то не играет ровно никакой роли, отрежет тебя кто от всей системы или нет. Ты просто переместишься куда-либо еще.

— Отец, ты хотя бы сам понимаешь, о чем говоришь? — раздраженно воскликнул Эльтор.

— А по-моему, он всего лишь хочет сказать, что в псиберсеть надо загрузить тебя целиком, а не только твое сознание. И тогда ты сможешь перенестись куда угодно.

— Но это же чушь! — фыркнул Эльтор.

— Он всего лишь высказал мысль, — возразила я и покраснела.

Эльтор перевел наш с ним разговор отцу, и тот улыбнулся, как если бы я пошутила. Наверное, так могло показаться со стороны. А может, таким образом он просто хотел посеять в моей душе сомнения.

Затем Элдрин обратился к Узану. Абадж пустился в пространные рассуждения, а когда закончил, то задал вопрос. Причем я тотчас поняла, о чем он спросил:

Что нам делать?

Действовать, ответил Элдрин.

Эльтор резко тряхнул головой.

Нет!

— Эльтор, — удивилась я. — В чем дело?

Эльтор взял меня за руки и усадил на скамью возле источника.

— Отец утверждает, что моя мать однажды сумела осуществить подобного рода перемещение. То есть переместила через сеть и тело, и сознание. Узан утверждает, что это возможно, по крайней мере для псионов Рона. Все это имеет некоторое отношение к уравнению, названному в честь моей матери. — Сказав эти слова, Эльтор нахмурился. — Но они оба не понимают, что говорят. Наверняка мать воспользовалась сетью каким-то иным образом, чего отцу было не под силу понять. Вот он и вбил себе в голову, что она физически переместила себя через сеть.

— Но к чему ему что-что выдумывать? И почему с ним согласен Узан?

— Не знаю, — вздохнул Эльтор. — Как чисто математическая формула это уравнение имеет смысл. Но ведь это не чистая математика. Это еще и физический процесс.

— А на каких принципах он действует?

— Знакома с квантовой теорией? — Я отрицательно покачала головой, и Эльтор поспешил объяснить: — Все дело в волновых функциях. Я, правда, и сам во всем этом не очень силен. В школе едва-едва выдержал экзамен.

На самом деле Эльтор разбирается в подобных вещах очень даже неплохо, но почему-то всегда пытается выставить себя профаном. Видно, это наследственное. Мать его была величайшим математиком своего времени. Эльтор принялся объяснять мне двойственную природу вещества, способного выступать как в виде волн, так и частиц. Макроскопические объекты не могут вести себя как волны, потому что длина волны у

них слишком мала, и ее невозможно измерить. Тем не менее человеческие существа можно представить в виде набора волн, перемещающегося в пространстве.

— Я могу определить положение этого набора при помощи системы координат, — пояснил Эльтор. — Если мне захочется определить пространство, которое ты сейчас занимаешь, мне потребуется три величины — например, твой рост от макушки до пят, расстояние между тобой и мной и расстояние от тебя до источника. Это твои координаты. Каждая точка описывается при помощи трех. Это можно сформулировать иначе — каждая точка пространства лежит на пересечении трех взаимно перпендикулярных векторов. Эти три вектора пронизывают всю нашу трехмерную вселенную. Но давай представим себе, — добавил Эльтор, немного помолчав, — что существует многомерное пространство, в котором твое местонахождение описывается при помощи бессчетного количества векторов.

— И такое пространство существует?

— С точки зрения математики — да, — кивнул Эльтор. — Это так называемые пространства Гилберта, в честь одного земного математика. Так вот, векторы — это и есть волновые функции.

— И что же они делают? — поинтересовалась я.

Сказанное Эльтором плохо укладывалось в голове.

— Ничего. Разве что терзают студентов, изучающих инженерное дело, — воскликнул Эльтор, — которым приходится держать экзамен по квантовой механике!

Когда я закончила смеяться, Эльтор улыбнулся и чашеобразно сложил ладони, словно хотел, чтобы в них поместилась вселенная.

— Волновые функции — это своего рода кирпичики. Они зависят от физических величин, таких, как положение в пространстве, время, энергия. Иными словами, пространства Гилберта сложены из кусочков нашей вселенной. В математике это известно уже многие столетия. Твои друзья из Калтеха наверняка изучали эту теорию.

— Но это еще не все? — высказала я предположение.

— Предположим, что кирпичи не зависят от физических величин. Предположим, что они зависят от мысли.

Я растерянно заморгала.

— Но разве это не означает, что в таком случае твое положение в пространстве зависит от того, какие мысли у тебя в голове?

— Именно.

— Эльтор, но ведь это мистика.

— Вот почему я предпочел инженерию пустой теории, — рассмеялся Эльтор. — А вот моя мать просто помешана на цифрах.

— И какое же уравнение она открыла?

— Ты ведь знаешь, что собой представляет трансформ? — Я отрицательно покачала головой, и Эльтор поспешил объяснить: — Трансформ переносит математическую функцию из одного пространства в другое. Например, можно трансформировать функцию энергии в такую, что зависит от времени. Обратное трансформирование снова превратит ее в функцию энергии. Можно бессчетное количество раз переходить из координат энергии в координаты времени и назад. Дети проходят уравнения Фурье и Лапласа в школе. Уравнение Селеи они проходят позднее.

О первых двух уравнениях я слышала от Джоша.

— А что делает уравнение Селеи?

— С его помощью переносишься из обычной вселенной в псиберпространство. Моя мать додумалась до этого, еще будучи подростком. Абаджи утверждают, что способны трансформировать волновые функции нашего тела в псиберпространство и пересылать их в «псиберупаковке» на другой узел. Но обратную трансформацию мы должны провести сами. Поскольку коммуникации заблокированы, мы не сможем никого оповестить о своем прибытии. — Эльтор вздохнул и покачал головой. — Звучит неправдоподобно. Допустим, они действительно могут трансформировать наши тела в математические функции. Но что, если за время прохождения через псиберсеть в них произойдут какие-то изменения, причем не в лучшую сторону? Что, если мы не сможем трансформироваться обратно? Или же трансформируемся, но лишь частично? Что мы будем собой представлять? Какие-то полупрозрачные существа? Или у нас будут недоставать какие-то части тела? Не берусь даже угадать.

— Знаешь, Эльтор, это ничуть не безумнее того, как ты из своей вселенной попал в мою при помощи — как ее там? — ага, прорези в пространстве Римана.

— Нет, это вполне логично.

— Для тебя — да, а для меня нет, — улыбнулась я.

Один из абаджей что-то выкрикнул. Обернувшись, мы увидели, что к нам приближается еще одно красное облако, на этот раз от Сент-Парваля. Постепенно облако приняло очертания четырех воинов-абаджей. Их проводили к Узану. Тот сначала посовещался о чем-то с прибывшими, затем — с Эльтором и его отцом.

Эльтор перевел для меня:

— Рагнар сказал абаджам, что если те отказываются «сдать» нас, то тем самым совершают измену. Он дает им всего один час на принятие решения. После чего приступит к бомбардировке планеты.

— И они нас выдадут? — испугалась я.

— Нет. — Эльтор посмотрел на воинов. Одни восседали на руциках, другие, спешившись, стояли рядом со своими скакунами, кто-то чистил их или поил. — Шесть тысяч лет преданного служения не перечеркнешь одной-единственной угрозой.

— А мы не можем улететь на корабле из другого порта? — спросила я.

— Джаг совершил посадку в Сент-Парвале, потому что это единственный действующий космический порт на всей планете. Впрочем, — пожал плечами Эльтор, — возможно, для взлета нам и не нужен порт. Но Рагнар наверняка постарается уничтожить любой корабль, взлетающий с поверхности планеты. Не забывай, в его распоряжении боевой космический крейсер.

— Что, по-твоему, наиболее вероятно? — спросила я. — Допустим, мы предпримем попытку к бегству. Нас либо уничтожат, либо схватят. Или же мы попробуем воспользоваться псиберсетью, но неудачно?

— И то, и другое равносильно самоубийству, — мрачно отозвался Эльтор.

— Но надо же что-то делать. — Я сжала его руки. — Ты когда-нибудь видел, чтобы корабль абаджей одержал победу или ушел от боевого крейсера?

— Ни разу.

— Тогда почему бы нам не воспользоваться способом, который однажды сработал?

— Откуда ты знаешь, черт возьми, что он однажды сработал?

— Твой отец...

— Он понятия не имеет, о чем говорит.

Эльтор от бессилия сорвался почти на крик.

— А ты не задумывался, что твое мнение об отце отравлено тем, что Бладмарк постарался вложить тебе в голову? — спросила я и уже мягче добавила: — Сейчас ты поступаешь так, как хочет от тебя Бладмарк.

Эльтор уставился на меня. Его эмоции были так сильны, что, несмотря на возведенные в его душе барьеры, я чувствовала их все до одной — стыд, злость, чувство вины... А еще глубже прятались обида и боль. Эльтор остро переживал как предательство Рагнара, так и разобщенность с отцом. Ведь, несмотря на все их разногласия, Эльтор искренне любил отца, был привязан к нему.

Эльтор поднялся и что-то сказал к отцу. Тот кивнул, и мужчины вместе отошли к другой стороне источника. Разговаривали они тихо. Иногда Эльтор, будучи не в силах смотреть отцу в глаза, стоял потупившись. В какой-то момент у него сорвалась слеза, но он поспешил смахнуть ее. Элдрин не сводил с него взгляда, в котором читалась любовь, какую бессильны уничтожить любые невзгоды — ни годы, проведенные в борьбе с недугом ребенка, ни годы отчуждения, когда между отцом и сыном встал третий, задумавший вбить клин в их отношения.

Наконец они повернулись к нам.

— Попробуем прорваться через псиберсеть, — произнес Эльтор.

Над пустыней возвышался Тикуаль — одинокая пирамида высотой в несколько сотен футов. В лучах заходящего солнца она отливала бронзой, от чего отбрасываемая ею гигантская тень казалась еще темнее. От ее названия мне стало не по себе — оно звучало почти как «Тикаль», самый крупный из городов майя, город величественных храмов и легендарных правителей.

Теперь я ехала вместе с Эльтором. Элдрин ехал рядом с нами, а все трое, в свою очередь, — в кольце абаджей. Наша процессия неторопливо приближалась к Тикуалю. Вокруг пирамиды не было никакого города, лишь пространство двора, мощенного треугольными кирпичами цвета терракоты. Пространство это продувалось ветром, несшим с собой песок пустыни, от чего двор был словно присыпан красной пылью.

В нескольких сотнях ярдов от пирамиды в неярком предвечернем свете сияла арка, обрамленная каменными блоками высотой почти в три метра. Перекладина тоже представляла собой длинный каменный блок. Абаджи по двое проехали в арку. Когда мы приблизились к ней, оказалось, что вертикальные камни на самом деле — гигантские статуи. Каждая изображала женщину-воина. Каменные амазонки стояли, подняв руки над головой, и поддерживали перекладину. Обе были обнажены, зато на поясах висели длинные мечи. В их позах не было и следа застенчивости — открытая грудь, головы чуть закинуты назад, лица исполнены гордости.

Рядом с аркой стояла еще одна статуя высотой в человеческий рост — изображение духа-спутника. У него было сильное тело, напоминавшее горного льва, но чуть-чуть длиннее. Голова статуи была человеческой, с крючковатым носом. Из-под тяжелых полуопущенных век на пустыню сонно взирали глаза. Вместо ушей сквозь пышные волосы торчали спиралевидные рога.

Мы проехали в арку и пересекли двор, приблизившись к пирамиде. Вход в нее был выполнен в виде головы руцика. Пасть его была широко открыта, словно зверь оскалился в рыке. Правда, я никогда не слышала, чтобы эти мирные животные рычали. Тем не менее получился весьма внушительный вход высотой около десяти футов.

Издалека Тикуаль смотрелся точь-в-точь как пирамида майя. Ступенчатое основание, а по фасаду вверх ведет крутая лестница. На самом верху святилище, увенчанное резным каменным гребнем. Но вблизи разница все же заметна — начиная от входа, выполненного в виде головы руцика, и кончая причудливым орнаментом из красных, желтых и золотистых кирпичей. И все же эти различия только подчеркивали несомненное сходство.

Мы спешились. Абаджи тотчас окружили нас. Ветер начисто вымел пространство двора, и под ногами я ощущала лишь каменистую неровность. В косых лучах заходящего солнца слегка взлохмаченные волосы Эльтора отливали бронзой. Рядом с ним, сложив на груди руки и глядя на пирамиду, стоял отец.

В сопровождении Узана и десяти воинов мы прошли в зияющую пасть каменного чудовища. Поскольку руцик смотрел на восток, то, войдя внутрь, мы оказались в кромешной тьме.

Но тотчас вспыхнул огонь, за ним другой, потом третий — это воины сняли со стен факелы. Нас кольцом окружило золотистое сияние, но за его пределами все равно оставалась тьма.

Нас по туннелю повели в глубь пирамиды. По мере того как мы двигались дальше, из темноты навстречу выскакивали все новые и новые барельефы и, на миг попав в свет факелов, вновь исчезали во тьме за нашими спинами. Наконец мы достигли более просторного помещения, но в тусклом свете трудно было сказать, насколько оно велико. Более того, в следующее мгновение абаджи затушили факелы, и мы вновь попали в объятия кромешной тьмы.

И вдруг пирамида наполнилась светом.

Перед нами простиралась огромная камера-пещера, широкая и с высоким сводом. Высота ее равнялась высоте пирамиды, потому что свод у нас над головой, сужаясь, резко уходил вверх. В пещере стояло гудение, издаваемое гигантскими генераторами из керамики и драгоценных металлов. Ввысь на сотни футов уходили хрустальные колонны — внутри них сияющими спиралями и горели огни. В одном из углов гигантского зала располагалась настоящая зеркальная мозаика, которая отражала и усиливала свет хрустальных колонн. Были здесь и другие машины — например, что-то похожее на огромных размеров часы с золотым и медным механизмом, стеклянными рычагами. В другом месте я разглядела нечто похожее на внутренности древней субмарины. Кабели внутри ее были сплетены из гибкого хрусталя.

Современная наука никогда не занималась разработкой псибертехнологий. Это целиком и полностью достояние Рубиновой Династии. Тикуаль и три Замка псиберсети — вот и все, что ныне осталось от технологии Кайла. Современники Эльтора только-только приступили к разгадке всех ее тайн.

Вид у Элдрина был слегка растерянный, но Эльтор, казалось, ничуть не утратил спокойствия и самоуверенности. Абаджи подвели нас к возвышению, на котором стояли три золотых короба с прозрачными крышками. Внешне эти контейнеры ужасно напоминали гробы. Абаджи остановились напротив одного из них и повернулись к нам. В бесчисленных зеркалах отражались их завернутые в черные мантии фигуры.

Эльтор посмотрел на отца.

— Я готов.

Элдрин было запротестовал, но Эльтор стоял на своем.

— Отец, это единственно разумный выход. Вы с Тиной представляете для ронов большую ценность. Что до абаджей, то их уровень Кайла недостаточно высок, чтобы справиться с этой задачей.

Эльтор еще минут десять спорил с отцом. Он после первых нескольких фраз даже перестал переводить для меня, но и без слов было понятно, что отец возражает против того, чтобы его сын рисковал собой. В конце концов Эльтор издал вздох полного отчаяния и поднял руки — мол, сдаюсь.

Первым к контейнерам шагнул Элдрин. Эльтор вопросительно посмотрел на Узана. Предводитель абаджей едва пошевелился, и в следующее мгновение Элдрин почему-то осел, а затем рухнул лицом вниз. Эльтор подхватил его и осторожно уложил на скамью рядом с возвышением.

— Что вы с ним сделали? — спросила я.

— Ничего, — ответил Эльтор с виноватым видом.

— В таком случае что ты велел Узану сделать с ним?

— Ввести слабое снотворное. Отец вскоре проснется.

Эльтор взял меня за плечи.

— Тина, пойми, отец — Третий Ключ, всю свою жизнь он прожил, готовый к этому. Я же не представляю ценности.

— Не согласна. Позволь лучше мне.

— А ты — настоящее чудо, — нежно произнес Эльтор. — И дороже всех нас, вместе взятых. Кроме того, тебя никто не знает. С какой стати тебе поверят? К тому же у тебя нет опыта перемещения в псиберпространстве.

Я заставила себя сделать глубокий вздох. Спорить бессмысленно — Эльтор прав.

— Ладно, только будь осторожен.

Эльтор сжал мне руку, после чего шагнул на возвышение. Не успел он поставить ногу на первую ступеньку, как я принялась читать про себя древнюю молитву из Зинакантеко, стараясь при этом донести ее смысл прямо Эльтору в мозг.

Святой Вашакмен, отец мой,
Святой Вашакмен, мой господин,
В божественном согласии,
В божественном созвучии
Восстань во всей своей благости.
Стой прочно во всей своей благости

Позади спин рабов твоих,
Рядом с ними,
Сыновьями твоими,
Твоими детьми.
Храни их ради меня,
Ради меня не оставь их!

Эльтор посмотрел на меня, его глаза светились нежностью. Два воина повернули рычаг на одном из контейнеров. Раздался скрежет металла, и замки словно нехотя разомкнулись. Абаджи открыли крышку; Эльтор забрался внутрь и лег на спину. Абаджи закрепили ему грудь, бедра и конечности кожаными ремешками.

Сначала мне было непонятно зачем. Но по мере того как они были заняты своим делом, внутренний щит в сознании одного из них немного съехал в сторону, и я получила возможность украдкой заглянуть в его воспоминания о том времени, когда абаджи только экспериментировали с загадочными ящиками. Моему взгляду предстал лежащий в гробу воин — он как безумный размахивал руками, бил ногами, пытаясь сбросить крышку. Вскоре он исчез, но не весь — одна рука осталась.

Меня передернуло. Хотя Эльтор был спокоен, я чувствовала его внутреннее волнение. С одной стороны, его пугал мрачный символизм этого «положения во гроб». Происходящее также перекликалась с его воспоминаниями о том, как он оказался заложником Икуара. То, что Эльтор — несмотря ни на что — решил пройти это испытание, свидетельствовало о его безграничном мужестве.

Абаджи поставили крышку на место и закрепили замки. Сквозь прозрачное стекло Эльтор казался на удивление спокойным, даже безмятежным. И все-таки ему было страшно в замкнутом пространстве гроба — я это видела по сероватому туману, окутавшему контейнер. Пожалуйста, побыстрее, мысленно молила я. Чтобы все мигом закончилось.

Узан повернулся к бронзовой колонне и потянул рычаг. Сначала мне показалось, будто ничего не произошло, что древняя техника давно вышла из строя и не работает. Но потом заметила, как крышка утрачивает прозрачность, становясь матовой, подобно лунному камню на прибрежном песке. Внутри замигали огоньки, белые и голубоватые вспышки, затем огни

забегали по краям гроба. Эльтора я не могла разглядеть, но его страх ложился мне на кожу черным дегтем.

А затем это ощущение исчезло.

Узан толкнул рычаг. Крышка контейнера вновь стала прозрачной, но под ней никого не было. Гроб был пуст.

Мы с Элдрином вместе сели на скамью. Двое абаджей колдовали у приборной доски, держа под контролем связь с другими уголками планеты. Другие застыли на месте, словно каменные статуи, — наша постоянная стража. Абаджи взяли нас в кольцо, хотя и держались на почтительном расстоянии, словно давая понять, что не желают вторгаться в наше пространство.

Элдрин пришел в себя вскоре после исчезновения Эльтора. Он почти все время молчал, глядя на пустой гроб. Я чувствовала его гнев и страх за сына. Будь у нас возможность побеседовать, ожидание наверняка не было бы столь гнетущим. Увы, общего языка у нас не было. Более того, мы плохо представляли себе, чего ждем. Куда попал Эльтор? На один из кораблей Имперских Сил? Для нас его исчезновение было сродни его смерти.

Неожиданно в зал вошли пятеро воинов и направились к Узану. Увидев, что они о чем-то говорят с начальником стражи, Элдрин весь напрягся.

— Что случилось? — спросила я.

Элдрин заговорил на иотическом, затем остановился и пристально посмотрел на меня. Я отрицательно покачала головой. Он отвел глаза и сосредоточился. И тогда слова проникли мне прямо в мозг — увы, на непонятном языке. Узан посмотрел в нашу сторону, после чего продолжил свой разговор с воинами. Я кожей ощущала напряжение Элдрина. В моем мозгу возникла картина, словно там кто-то крутил кино. Ощущение было странным, каким-то навязчивым, и первой моей реакцией было как можно скорее ее выключить. Но я не поддалась порыву, а наоборот, сосредоточилась, и картина стала яснее.

Сначала в моем сознании возник образ Рагнара Бладмарка. Потом появилось изображение рейликанских солнечных часов. И снова Рагнар Бладмарк. После чего солнечные часы взлетели в воздух, а Рагнар Бладмарк принялся отдавать какие-то приказания людям в форме. Затем я увидела, как красную пла-

нету покидает корабль. Затем тот же корабль уже парил в космосе, обрушивая на планету огонь. Все кончалось тем, что абаджи погибают в этом адском пламени.

Я поняла. Приближался крайний срок, установленный адмиралом. Если абаджи не сдадутся на милость победителя, планета обречена. Бладмарк ее испепелит.

«Должен быть какой-то выход», — подумала я. Но есть ли для абаджей хоть какой-то путь к спасению? Что бы мы с Элдрином ни сделали, Бладмарк все равно их убьет и, заметая следы своего предательства, разрушит планету.

Я нарисовала для Элдрина ответную картину, стараясь изобразить военного офицера. Но так как я была знакома только с Джагернаутом, то взяла этот образ за основу, в надежде, что Элдрин поймет. Я мысленно изобразила, как Эльтор беседует с Джагернаутом, как заламывает Рагнару Бладмарку назад руки и надевает наручники.

В ответ Элдрин только развел руками — мол, кто его знает! При этом его окутал голубоватый туман, цвет горя. Я поняла. Элдрин опасался, что его сына уже нет в живых.

Затем Элдрин нарисовал у меня в мозгу иную картину: мы с ним вместе стоим перед Бладмарком. С нами еще какой-то человек. У него длинные иссиня-черные волосы и красные глаза. Джейбриол Куокс Третий. Ага, это Элдрин показывает мне, как Бладмарк передает нас императору купцов.

Зрелище было малоприятное, но одновременно что-то словно приглушило остроту восприятия. Почему-то Император показался мне знаком. Вот только почему? Я покачала головой и представила, как изображение лопается, словно мыльный пузырь.

В ответ Элдрин нарисовал портрет незнакомого мне аристо. Вместе с картинкой меня захлестнул поток его эмоций — были тут и страх, и гнев, и стыд, и ненависть. Элдрин знал этого человека, ненавидел его всеми фибрами души. Элдрин передернулся, и картинка исчезла. Это был единственный случай, когда он «заговорил» со мной о том, как когда-то попал в плен к купцам. Я поняла, что он хочет сказать — что скорее умрет, чем согласится отдать себя в лапы к этим чудовищам.

Ни за что! мысленно воскликнула я и мысленно нарисовала другую картину: Джагернаут застегивает на Бладмарке наручники. Затем адмирал предстает перед судом. Затем его казнят.

Элдрин покачал головой и представил, как корабль купцов поливает Рейликон огнем. Что ж, это было недалеко от истины — Бладмарк наверняка поможет купцам сломить оборонительные линии Рейликона. Это ему даже на руку — тем самым эйюбиане выполнят за него всю грязную работу.

Но было у этой логики и уязвимое место. Зачем купцам уничтожать Рейликон, пока они не заполучили нас? К чему им затевать войну непонятно во имя чего? Даже располагая помощью Бладмарка, прорваться сквозь оборону Рейликона — задача не из легких. К тому же им придется действовать стремительно. Чтобы успеть прежде, чем на выручку планете подоспеют силы имперского командования. Если мы сами не сдадимся на милость победителя, взять нас силой не так-то просто. Для нас главное — стоять и не сдаваться.

Элдрин испытующе посмотрел на меня и нарисовал следующую картину. Мать Эльтора. В его мыслях она казалась такой теплой и ранимой. На самом же деле под этой нежнейшей внешностью кроется железная воля. В имперских коридорах власти Дайхьянна Селеи чувствует себя в своей стихии. Она тотчас распознает любую интригу, любую смену настроений. Женщина редкостной красоты и ума, властная и вместе с тем такая нежная и любящая своих близких. Неудивительно, что Рагнар Бладмарк добивался ее.

Элдрин добавил к картине вторую фигуру: Бладмарк. Адмирал наклонился над Дайхьянной, за волосы оттянул ей голову назад и приставил к горлу нож. Затем эта картина померкла, а ей на смену возникла новая: мы с Элдрином сдаемся злодею. И снова изображение матери Эльтора. Рядом с ней Бладмарк — он пытается утешить вдову и мать, вмиг лишившуюся сына и мужа.

Все ясно. За ультиматумом Бладмарка кроется нечто большее, чем предполагал Эльтор. Бладмарк шантажировал Элдрина — мол, если не сдадитесь, то тем самым навлечете горе и страдания на Дайхьянну. Причем Бладмарк сделает все для того, чтобы месть была страшной. Элдрин нарисовал мне нож, но я не сомневалась, что на самом деле методы будут намного изощреннее.

Я слегка поменяла картину — ту, на которой Бладмарк угрожал матери Эльтора. Дайхьянна вся сжалась, словно пружина, царапалась и плевала адмиралу в лицо.

Элдрин сухо улыбнулся и развел руками. Никто из нас не знал, выполнит ли Бладмарк свои угрозы. Не приходилось сомневаться лишь в одном — если мы погибнем на Рейликоне, горе Дайхьянны будет воистину безмерным. Тем более что она все еще доверяет адмиралу. Элдрин мысленно нарисовал, как Рагнар утешает ее. Вот Дайхьянна залилась слезами, и Бладмарк поднимает к себе ее лицо и целует. Элдрин тотчас «порвал» картину на мелкие куски.

К нам подошел Узан и что-то произнес. Элдрин кивнул, затем повернулся ко мне и указал в сторону звездного порта, а затем на небо. При этом он мысленно нарисовал две картины. На первой из них мы с ним шли к кораблю Бладмарка сдаваться, на второй — умирали на Рейликоне. Элдрин склонил голову — я поняла вопрос. Настало время делать выбор. Сдаться или погибнуть.

В ответ я покачала головой. Мне в голову пришла идея — совершенно безумная, однако более привлекательная, чем предложенная Элдрином альтернатива. Я встала и поднялась на возвышение. Положив руки на один из гробов, вопросительно посмотрела на Элдрина. Тот тоже поднялся и встал рядом с Узаном, не спуская с меня взгляда. Я нарисовала картину — абадж пытается задержать Бладмарка, говоря ему, что мы вот-вот сдадимся сами. Мы же с Элдрином тем временем забираемся в гробы. Даже если только один из нас останется жив и перенесется к имперскому командованию, чтобы предупредить об измене, что ж, можно считать, что мы победили. Если же попытка окажется неудачной, как, по всей видимости, произошло с Эльтором, даже это все-таки лучше, чем погибнуть от рук Бладмарка.

Элдрин представил меня в гробу. Вот Узан нажимает рычаг. И снова гроб пуст. Ну как? Элдрин вопросительно наклонил голову. И сам же на него ответил — развел руками, словно говоря *«Я не знаю»*. Смысл его жеста был предельно понятен — стоит мне оказаться в псиберпространстве, как я буду не в состоянии произвести обратную трансформацию, чтобы вернуться в обычный мир.

По крайней мере это дает нам шанс на спасение, мысленно сказала я ему и, взявшись за рычаг, попыталась открыть крышку.

Задача оказалась гораздо труднее, чем можно было предположить, глядя на абаджа.

Один из воинов подошел, чтобы помочь мне. Гроб открылся, я забралась внутрь и легла. Внутри ящик был выстлан мягким материалом, но даже с открытой крышкой я словно ощутила себя погребенной. Пока абаджи пристегивали меня, мне стоило громадных усилий не начать отбиваться. Я подняла голову и увидела, что Элдрин тоже ложится в гроб. Он посмотрел на меня и кивнул. Затем лег, и я его больше не видела.

Абаджи опустили прозрачную крышку. Вот тогда-то меня и охватила паника. Я пыталась сбросить с себя ремни, дергалась и извивалась. Тем временем крышка стала матовой. И тогда мной овладело странное чувство — будто я таю. Растворяюсь.

Растворяюсь и таю.

Последнее, что я видела, прежде чем полностью утратила соприкосновение с физической вселенной, это склонившееся над крышкой лицо Эльтора.

Тина, вернись! прочитала я по губам сквозь стекло.

Глава 21
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Океан голубого света. Поблескивает и переливается.

Функция Бесселя.

Я функция Бесселя.

Сферическая функция Бесселя. Полукруглый холм. Концентрические окружности, спускающиеся с вершины.

Стоит бросить камень, как по поверхности озера пойдут круги. Пойдут во все стороны.

Запахи: сладкий, кисловатый, розы, серы, мочи, меда. Овец на склоне холма. Пороха. Спермы Эльтора у меня на бедре. Тортилий, что пекутся поутру.

Звуки: звон колокольцев, позвякивание, гул вдалеке, отдается эхом, эхом и ослабевает. Чьи-то крики. Песня: громче, нежнее, резче, слабее, тише и тише.

Прикосновения: что-то влажное у меня на коже.

У меня нет кожи.

Искры костра. Руки на груди. Шершавость коры. Ветер на лице. Трава под ногами.

Вкус: мед и горчица, соль, бобы, зерно, кукуруза, сладкая, как само солнце.

Какое-то беспокойство.

Волны на озере. Другие волны.

Круги становятся все шире и шире, набегают друг на друга.

Я — две функции Бесселя. Сумма.

Я теряю симметрию.

Все шире... и шире...

Тина?

У меня перехватывает дыхание.

Элдрин?

Появляется еще одна функция Бесселя. Лиловая и мерцающая.

Сжатая. Ей ничто не грозит. Он знает это место. Он бывал здесь уже не раз, пусть не телесно, но мысленно.

Тина!!!

Я расширяюсь.

Становлюсь все шире и шире.

Расширяюсь сквозь звезды...

Одна мысль из миллионов...

Триллионов...

Бесконечности...

Я?..

Водоворот света.

Полосы. Завихрения. Спирали. Все сливается.

И кружится, и кружится, и кружится.

Полосы света на фоне моего сознания.

Цвета снова становятся различимы.

Запахи ослабевают, остается один — запах каких-то механизмов.

Вселенная подо мной твердеет.

Вселенная аркой изгибается у меня над головой.

Металл. Пластик. Я не знаю что.

И кружится, и кружится...

Оказалось, что я сижу в кресле, в какой-то лаборатории. Над головой у меня вспыхивали и гасли огни каких-то приборов.

Кресло вращалось. Еще и еще. Я напрягла глаза, стараясь рассмотреть лабораторию. На какое-то мгновение взгляд мой выхватил из расплывчатой картины приборную доску. Ага, консоль псиберсети. Были здесь и какие-то люди. Они, согнувшись, колдовали над приборами. Стоило мне сосредоточиться, и кресло замедляло вращение. Как только сознание мое начинало блуждать — убыстряло.

И все кружилось, и кружилось.

Лаборатория медленно проплыла мимо меня — в фокусе то и дело оказывались приборные доски, консоли, какие-то переключатели. Верхняя часть стены была стеклянной. За ней я разглядела людей. Они стояли и наблюдали за мной. Но кресло продолжало вращаться, и они пропали из поля зрения.

А затем передо мной снова появилось стекло. За ним стоял Эльтор. И смотрел на меня.

Кресло сделало еще один оборот. И он снова был там.

Третий поворот — или уже пятый? Их уже двое.

После нескольких поворотов я поняла — это Эльтор и Элдрин.

Я сбилась со счета. Не знаю, сколько раз еще повернулось кресло, но Эльтор по-прежнему находился за стеклом. Иногда он стоял, иногда сидел в кресле и спал, иногда читал.

Какие-то люди приходили посмотреть на него. Я узнала Элдрина, но остальные были мне незнакомы. Разве только за исключением черноволосой женщины с зелеными глазами.

А я все продолжала вращаться.

Постепенно вращение замедлилось и в конце концов почти прекратилось. Я провела языком по засохшим губам, пытаясь заговорить. У меня во рту тотчас оказалась трубка, и мне в горло потекла прохладная освежающая струя. К рукам моим были прикреплены какие-то лоскутки, а сами руки лежали на подлокотниках кресла.

Я попыталась поднять руку. И едва смогла ею пошевелить.

Раздался чей-то голос. Говорили по-сколийски. Кресло возобновило вращение, и в следующее мгновение передо мною предстало лицо. Лицо женщины. Она взялась за подлокотники кресла и остановила вращение.

— Ты меня слышишь? — обратилась она ко мне по-английски, с сильным сколийским акцентом.

Я попыталась заговорить. Но из моего горла вырвался только хрип.

— Все в порядке, — сказала она. — Не напрягайся. Постарайся расслабиться.

— Я уже... снаружи? Я вышла из сети?

— Еще не совсем, — сказала женщина. — Мы произвели 85 процентов обратной трансформации. Ты так сильно рассеялась, что нам пришлось собирать тебя по всей псиберсети.

И вновь все пошло кругом...

Я открыла глаза и увидела рядом с собой чью-то коленку. Постепенно до меня дошло, что подо мной кровать. Я лежу на животе, укрытая мягкими, как пух, одеялами.

Кто-то громко захрапел, и колено дернулось. Я подняла глаза и увидела Элдрина. Она дремал, сидя в кресле, сложив на груди руки и широко расставив ноги. Позади него кто-то устроился на раскладушке и тоже спал.

— Элдрин? — позвала я.

Но он был погружен в сон и не ответил. Я попыталась приподняться на руках, но у меня закружилась голова, и я в изнеможении опустилась на кровать. Снова открыв глаза, я заметила, что позади Элдрина кто-то пошевелился.

Мне на лоб легла чья-то рука.

— Тина?

Это был Эльтор.

Я открыла глаза и посмотрела на него.

— Привет! — прошептала я еле слышно.

В его глазах застыло странное выражение, словно они были полны воды. Эльтор сжал мне руку.

— Привет!

— Ну почему я не вернулся минутой раньше! — вздохнул Эльтор. — Всего одной минутой!

Он сидел на диване в спальне, где я проснулась — в доме его родителей на планете Партония.

— Когда я увидел, как ты исчезаешь, то подумал, что все пропало!

Я закончила застегивать на себе принесенный им спортивный костюм — лавандового цвета облегающий комбинезон.

— Мы подумали, что ты не прорвешься.

Я села рядом с ним.

— А что произошло после того, как ты исчез?

— Знаешь, это было странное ощущение, — покачал головой Эльтор. — Я словно превратился в скопление волн — что-то вроде дифракционного рисунка, который появляется на круглом разрезе, только многомерный. Сеть предстала передо мной в виде холмов и долин, сделанных из решетки. По всей видимости, то были потенциалы, созданные мыслями пользователей псибersети.

— А мне она показалась озером, — перебила его я. — А я была разбегающимися по воде кругами.

— Не вижу ничего удивительного. Даже у меня были проблемы с ориентацией, а ведь я пользуюсь сетью с самого детства.

— А как ты из нее вышел?

В его голосе зазвучало удивление.

— Мне припомнилось, что, если к сети подсоединится телепат, я увижу это в виде небольшого отверстия. Первые два, замеченные мною, оказались в псибersети вместе, но были присоединены к консоли на расстоянии пятидесяти световых лет. В конце концов мне удалось обнаружить псифон, подсоединенный к незанятой консоли на «Ассемблере», одном из кораблей ИКС, который привел с собой Рагнар. — Эльтор поморщился. — Мне пришлось изменить волновые функции моего тела с тем, чтобы снова вернуться в пространственно-временную реальность. В общем, в конце концов я оказался сидящим в кресле. В принципе риск оправдал себя, хотя я бы не хотел пройти через это еще раз. — Выражение его лица смягчилось. — С другой стороны, попытка того стоила. Представляешь, как вытаращила глаза команда, когда я взялся невесть откуда!

— И как они отреагировали? — спросила я.

— Отвели меня к капитану, Маурисии Меттлдон, — ответил Эльтор сухо. — Мне повезло, мы с ней знакомы, потому что к тому моменту я едва ворочал языком. Когда же она поняла, что́ я ей пытаюсь втолковать, то не теряла ни секунды.

— А как же Бладмарк? — испугалась я.

— Он бежал. Часть меня желает ему смерти, — грустно добавил Эльтор. — Другая часть благодарна за то, что он все еще жив.

Я взяла Эльтора за руку.

— Разве можно загасить в сердце любовь, которая пылала там многие годы!

В моем сознании тотчас всплыло воспоминание из его детства. Рагнар Бладмарк, смеясь, бросает Эльтору мяч. Затем картинка померкла, словно кто-то взял и выключил свет. Эльтор сидел и смотрел себе на ладони, словно мяч этот все еще в них.

Мне хотелось сказать Эльтору что-то в утешение, но я не стала, зная, что он не любит разговоров на эту тему. В последующие годы он несколько раз заводил разговор о Рагнаре, но чаще предпочитает держать мысли о нем при себе. Иногда ночью я просыпаюсь и вижу, как он лежит, уставясь в потолок. Увидев, что я тоже не сплю, он притягивает к себе мою голову, зарывается лицом мне в волосы, словно хочет найти там утешение. В моих волосах и тишине.

Рагнар Бладмарк потерял практически все: дом, положение в обществе, состояние. Но он сохранил свободу, оставшись в нашей жизни чем-то вроде призрака. Для меня то, что потерял Эльтор, было гораздо серьезнее. Как вернуть себе способность доверять людям? Обуреваемый алчностью и тщеславием Рагнар поступился любовью Эльтора, тем, что воспитанник его боготворил. И лишился всего. Где бы он сейчас ни был, надеюсь, его страдания не менее велики, ведь судьба посмеялась над ним.

Но тогда я просто сказала:

— С тобой все будет хорошо? Джаг сказал, что ты нуждаешься в восстановлении.

— Над моим восстановлением работают с того самого момента, когда капитан Меттлдон привезла нас сюда. — Голос его звучал как-то непривычно тихо. — Мне сказали, что для полного восстановления понадобится какое-то время. Врачи интересовались и тобой, — добавил он, и его лицо засветилось нежностью.

— Мной? Но почему?

— Они спрашивали, не хочешь ли ты пройти обследование. — Эльтор на минуту умолк. — Не только из-за Икуара. Ведь через сколько страданий ты прошла еще до того, как мы встретились!

Неужели моя предыдущая жизнь кажется ему такой ужасной? Мне неловко было говорить об этом с чужим человеком, по крайней мере тогда мне так казалось. Может, именно поэтому я так хорошо понимала перепады настроения Эльтора. Мы так с ним похожи — наш жизненный опыт словно загнал нас обоих внутри нашего «я».

— Я читал о твоем времени на Земле, — добавил Эльтор. — Пытался понять, какова была твоя жизнь. Мне понравилась одна фраза из твоего времени. — Он тихо произнес: — *Врачу, исцелися сам!* — и сжал мне руки. — А теперь давай придумаем что-нибудь для тебя!

Я не сразу нашлась с ответом.

— Мне бы хотелось пойти учиться. Может, даже повторить все заново. Ужасно хочется получить образование. — И, помолчав, добавила: — А еще я хочу узнать, что произошло с моими предками.

— Пока ты не нагонишь программу, я найму для тебя частных преподавателей, *querida*. После чего ты сама выберешь, куда тебе пойти учиться. — С этими словами Эльтор привлек меня к себе. — А пока я хочу, чтобы ты кое с кем познакомилась. Возможно, этот человек расскажет тебе и о майя.

До меня с опозданием дошло, как он меня назвал. *Querida*. Возлюбленная. Так торжественно и так нежно. Я приподняла его руку и поцеловала ему пальцы.

Эльтор повел меня по дому. Все здесь было каким-то мягким и воздушным. Стены украшали прекрасные голографии, пол покрывал мягкий, словно облако, ковер. Арки дверных проемов и куполообразные потолки только усиливали общее впечатление простора и свободы. Наконец мы пришли в просторный внутренний двор. Здесь росли деревья, их пушистые ветви колыхались в легком ветерке. И повсюду цветы — розовые колокольчики, какие-то голубые звездочки поверх мха, плющ с зеленоватыми соцветиями, что поворачивались вслед нашим движениям. А еще здесь порхали птицы — что-то вроде попугаев с красным, золотистым и зеленым оперением. В дальнем конце двора, рядом с гротом и водопадом, в задумчивости стояла женщина.

Эльтор подвел меня к ней.

— Мама!

Женщина обернулась к нам. В жизни она оказалась даже еще более эффектной, чем на голографиях. Лицо ее являло со-

бой полное совершенство. То была классическая красота, от чего она казалась слегка нереальной. Конечно, столь правильными чертами лицо это до известной степени обязано биопластике, но большая часть красоты была даром природы. Огромные зеленые глаза до сих пор поражают меня своим блеском. И хотя в волосах кое-где уже заметна седина, а вокруг глаз залегли мелкие морщинки, на вид Дайхьянна ничуть не старше собственного сына. И все же в ее присутствии тотчас начинаешь ощущать ее возраст — Дайхьянне Селеи уже более двухсот лет.

Она заговорила со мной по-английски:

— Привет! Меня зовут Дехья.

— Привет! — кивнула я в ответ, пытаясь скрыть смущение.

Дайхьянна усадила меня рядом с собой на скамью. Эльтор деликатно отошел в другую часть двора. Я едва не запаниковала, как только поняла, что он нарочно оставил меня наедине с матерью. Вокруг Дайхьянны вращалось неяркое разноцветное облако — это мое сознание интерпретировало ее эмоции. Я знаю, что Дайхьянна умеет тонко контролировать эти цветные вихри — дар, которым обладает не всякий оператор Кайла, даже если он рон. В тот момент мне было понятно одно: что я улавливаю лишь часть ее эмоционального излучения — вежливое любопытство. Остальное она предпочла держать от меня в тайне.

Я набрала полную грудь воздуха и выпалила:

— Обещаю вам, что сделаю все для того, чтобы Эльтор был счастлив.

Дайхьянна окинула меня спокойным взглядом.

— Твой брачный контракт с моим сыном... Он весьма любопытен.

Насколько я помнила, «контракт» этот представлял собой всего пару строк: наши имена, дата, наши профессии — Эльтор значился в нем Джагернаутом, а я официанткой, — имена его родителей, имя моей матери, военная база, к которой он был приписан, мой адрес в Лос-Анджелесе. Мы предпочли обойти молчанием тот весьма значительный факт, что мой Лос-Анджелес находился в другой вселенной.

— Любопытен? — переспросила я.

— Условия контракта Эльтор выработал совместно с директором Стоунхеджем?

Я попробовала вспомнить, что мне тогда сказал Эльтор.

— Он сказал, что у него есть немного земли, которую — в случае если с ним что-то произойдет — унаследую я. И еще что-то про какой-то малозначимый титул.

Дайхьянна сидела, сложив руки на коленях. Лицо ее ничего не выражало.

— Эльтор передал тебе полные права на все, чем он обладает. Подчеркиваю, на все, — сказала она и уже более мягко добавила: — Мой сын подарил тебе несметное богатство и могущество, Акуштина Пуливок. А что ты можешь предложить взамен?

Я сглотнула подступивший к горлу комок. Судя по всему, титул, которым обладает Эльтор, не такой уж и «малозначительный», как он пытался меня уверить. Так что вопрос, заданный мне его матерью, вполне правомерен. Но как на него ответить? Хотя впоследствии я по-настоящему полюбила Дехью, она до сих пор меня немного пугает. В тот день я не знала, что сказать.

Было ясно одно — она безгранично любит своего сына. Ее любовь искрилась в воздухе, звучала переливами серебряных колокольцев. Дайхьянна посмотрела куда-то мимо меня, и выражение ее лица смягчилось. Я обернулась и увидела Эльтора. Он стоял на другом конце двора, с улыбкой глядя на зеленого попугая, который, в свою очередь, взирал на него с ветки дерева. Эльтор смеялся, а попугай верещал, словно возмущенный тем, что огромное двуногое существо сочло его забавным. И хотя могло показаться, что Эльтор не замечает красок и звуков в душе его матери, я ощущала исходившее от него внутреннее спокойствие, какого не видела в нем прежде.

Я снова перевела взгляд на Дайхьянну. Ее лицо ничего не выражало. Как мне хотелось сказать ей, что я люблю Эльтора за то, каков он есть, а не за его богатства и титулы.

— Когда мы познакомились, я ничего не знала о нем, — выдавила я из себя и улыбнулась.

Но не успела я произнести эти слова, как мне тотчас захотелось исчезнуть, провалиться на месте. То есть я произнесла их в шутку, чтобы как-то разрядить напряжение, но в душе его матери они отозвались глухим ударом теста о деревянный пол.

Правда, лицо моей собеседницы сохраняло все то же спокойствие.

— Что тебе известно о его положении в обществе?

На сей раз я подбирала слова с большей осторожностью.

— Что ваша семья происходит из Рубиновой Династии.

Дайхьянна кивнула.

— Ваши ученые перевели бы мой титул как «фараон». Правда, в наше время он скорее носит почетный характер. Государством правит Ассамблея, совет глав двадцати шести самых сильных планетарных правительств. Рубиновая Династия больше не обладает никакой властью.

Спустя годы мне стало известно, что ситуация на самом деле гораздо более сложная, чем Дехья пыталась представить это мне, когда мы с ней сидели в саду в день нашего знакомства. Многие полагают, что Рубиновая Династия продолжает править Сколией незаметно, «из-за занавеса». Другие видят в ее представителях заложников циничной Ассамблеи, которая манипулирует ими в собственных целях. Не приходится сомневаться в одном: Дайхьянна Селеи управляет псиберсетью с невиданным размахом и искусством. А ведь во вселенной Эльтора нити власти сходятся именно в этой все расширяющейся сети — сети, которая превратилась в гигантский организм, который простирается все дальше и дальше, к другим мирам, а может — кто знает? — в измерения сверх известных нам пространства и времени.

Но в тот день Дайхьянна сказала лишь одно:

— Эльтор — мой единственный сын. Мой наследник.

Я растерялась, не зная, как на это ответить. Неудивительно, что Дехья отнеслась ко мне настороженно, учитывая мое происхождение, вернее, полное отсутствие такового.

— Я познакомилась с архивами Джага, — добавила она и в следующий момент удивила меня — взяла за руку. — Сказать, что мой сын — человек со сложным, противоречивым, тяжелым характером, значит ничего не сказать. Ты же не только понимаешь его, но, судя по всему, искренне любишь, невзирая на все его недостатки, принимаешь каким он есть.

— Да, именно так, — подтвердила я.

— У Эльтора высокие моральные нормы, — сухо добавила Дехья. — Найдутся такие, кто скажет, что ни одна женщина на свете не способна им соответствовать. И если Эльтор считает, что ты достойна его, — что ж, тебе за это полагается медаль.

— Но есть какое-то «но»?

— Он повторяет историю. Мою историю. А у меня в ней было не все гладко. — Моя собеседница вздохнула. — Пойми, Тина, мой бывший муж был гораздо более искушен в вопросах политики и власти, чем ты. Уильям Сет Рокуорт, офицер Союзного Флота, отпрыск привилегированного семейства с Земли. А также оператор Кайла с высоким уровнем пси-способностей, хотя и не рон. В то время ронов еще не было. — Дехья на минуту умолкла. — Ассамблея устроила наш брак и подготовила договор, но почему-то там забыли поставить Сета в известность об одной «мелочи», а именно, что я имею право брать себе сразу нескольких мужей. Когда он об этом узнал, то был, мягко говоря, не в восторге от этого открытия.

Я подумала, что Бладмарку с ней не повезло.

— Но вы не собирались замуж за другого?

— Все не так просто. После того как роны произвели на свет мальчиков, Ассамблея решила, что мне надо иметь детей от кого-то из них. И даже если бы мы с Сетом оставались мужем и женой, Ассамблея все равного выбрала бы мужчину-рона в качестве отца моих детей.

— Какой ужас! — вырвалось у меня.

В ответ Дехья вздохнула.

— Ты еще слишком юная. Слишком наивная. Тебе еще придется научиться спокойно воспринимать образ жизни настолько сложный и противоречивый, что временами тебе будет казаться, будто в нем все не так, что бы ты ни сделала.

Я почувствовала, будто подо мной разверзлась пропасть.

— То есть вы хотите сказать, что мы с Эльтором никогда до конца не поймем друг друга?

Дайхьянна ответила не сразу.

— Зная твое происхождение, я бы сказала, что нет, никогда, — проговорила она, и лицо ее тотчас смягчилось. — Но видя вашу любовь... Что ж, возможно, моя первая реакция была чересчур пессимистична. — И Дехья рассмеялась в душе. Я увидела ее смех в образе облака искрящихся брызг. — В конце концов ты хорошо обращалась с ним, даже когда тебе казалось, что у него «не все дома».

— Я жалею, что сказала это.

Дехья пожала мне руку.

— И ты, и он, кажется, не имеете ничего против такой противоположной смены ролей. Но какие бы роли вы для себя

ни выбрали, каждого из вас — разумеется, по-своему — ваш брачный союз обязывает идти на компромиссы, уступать, приспосабливаться, угождать, если на то пошло. Соедините людей подобных вам, столь разных и не похожих друг на друга, — и они будут счастливы вместе.

Несмотря на то что Эльтор рассказал мне, я почему-то не видела в наших отношениях никакой смены ролей. Что касается компромиссов и взаимных уступок, тут Дехья, безусловно, права. Однако несмотря на его вспыльчивость и несдержанность, Эльтор неизменно бывал терпелив со мной, старался принимать во внимание, что я не такая, как он. Впрочем, я делала то же самое.

— Вам что-нибудь известно о наемниках, похитивших нас? — спросила я мою собеседницу.

— Пока мы поймали только одного. Это офицер, который в прошлом служил вместе с Эльтором. Эльтору показалась знакомой манера речи, по ней он его и узнал.

— А есть надежда поймать остальных?

Дайхьянна пристально посмотрела на меня.

— Безусловно.

Взглянув на нее, я представила себе, какую цену заплатят наемники за похищение ее сына, и у меня по спине пробежал холодок. Интересно, догадывалась ли она, какие планы вынашивал Бладмарк относительно Эльтора, какую участь он уготовил своему бывшему воспитаннику, если бы сумел осуществить задуманное?

Нежные краски ее настроения разлетелись в клочья.

— У меня имеются свои участки... слепоты.

Это все, что она сказала. Правда, на сей раз реакция ее была столь резкой, что, несмотря на защитную броню в ее душе, я сумела уловить гораздо больше, чем было сказано. Дайхьянна любила Рагнара Бладмарка, но не так, как хотелось бы ему самому, а как хорошего друга. Раны, нанесенные его предательством, глубоки и затянутся не скоро.

— Простите, — поспешила я извиниться.

Но Дехья только покачала головой — мол, давай не будем об этом.

— А что теперь? — спросила я.

— Правительства обменяются взаимными угрозами. Все попытаются запугать друг друга — и Империя, и Эйюба, и Со-

южные Миры. Начнут произносить пламенные речи. Но если мы сохраним спокойствие и не поддадимся соблазну, то войны, как мне кажется, можно будет избежать, — пояснила Дехья и, помолчав, добавила: — А вот возмещение ущерба придется потребовать, и оно будет выплачено.

— Возмещение ущерба?

Дайхьянна пристально посмотрела на меня.

— Оборонительными системами министра Икуара уничтожены две ракеты типа «Тау», выпущенные Джагом. Третья не разорвалась. Четвертая попала в цель, — негромко ответила она. — Крикс Икуар мертв. Третий из его Цилиндров разрушен. Гражданские участки не пострадали, но от военной мощи Икуара не осталось и следа. Погибло несколько сотен тысяч человек.

Господи, неужели это правда?

— Я пыталась остановить Джага. Но он не слушал.

Я отказывалась поверить услышанному.

— Да-да, мы знаем, — покачала головой Дайхьянна. — И все-таки не можем до конца понять, что же произошло. Пси-связь между Джагом и Эльтором вышла по сравнению со своим прежним состоянием на какой-то новый уровень, причем на такой, какой нам даже трудно себе представить. Теперь мозг Джага представляет собой совершенно новую модель, а биомеханическая система Эльтора превосходит такую же у любого другого Джагернаута. К тому же он рон. Судя по всему, они с Джагом достигли некоего высшего уровня симбиоза.

— Джаг любит его, — заметила я.

— Да, похоже на то.

— И вы собираетесь его уничтожить?

— У нас нет иного выхода. Мы не можем позволить, чтобы боевые суда Империи бомбили колонии.

Разумеется, она была права. Нет, Джаг не уничтожили в физическом смысле, ему просто переделали мозги. Это было за несколько лет до того, как он возобновил свою службу с Эльтором. Теперь имперское командование время от времени проверяет все Джаги, дабы убедиться, что те способны держать под контролем свои эмоции. Джаг Эльтора до сих пор проходил эти тесты без каких-либо проблем. Признаюсь, я подозреваю, что он просто дает проверяющим ответы, какие те хотели бы от него услышать, и если Эльтору вновь будет что-либо

угрожать, он без раздумий отомстит обидчику за своего пилота с тем же самым упрямством и безрассудством, что и раньше. Если это и верно, то у нас просто нет тому доказательств.

Дехья также поведала мне, что, как только Джаг поставил в известность ее народ о моих генах Рона, Ассамблея пересмотрела историю Мезоамерики, начиная с 1987 года. Вирусные войны в конце двадцатого века стерли с лица Земли около четверти всего человечества. Когда благодаря усилиям Организации Объединенных Наций наконец был восстановлен мир, Земля была истощена и обессилена, и ее население обрадовалось передышке и ужасно боялось потерять драгоценный мир. Вот почему спустя много веков после того, как их земли отняли испанские завоеватели, майя достигли соглашения с правительствами Мексики, Гватемалы, Белиза, Сальвадора и Гондураса, в результате чего им была возвращена значительная часть территории их предков.

Согласно Акту об Изоляции от 2192 года, майя образовали закрытую нацию. Они предпочли жить независимо от мирового сообщества — точно так же, как абаджи стремились к изоляции Рейликона. В некотором смысле для внешнего мира они прекратили свое существование. Вот почему капеллан Минь, и не только она одна, ошибочно полагала, что майя больше не существуют. Империя стала первой, с кем Независимое Государство Майя согласилось установить дипломатические отношения, да и то исключительно благодаря абаджам. Нам до сих пор неизвестно, из которой вселенной происходят предки абаджей и что заставило их переселиться на Рейликон.

— Но даже так, — мягко добавила Дехья, — абаджи горды тем, что теперь знают, кто были их предки. И не только они одни, мы тоже — я, Элдрин, Эльтор, все роны. Наконец мы обрели некогда потерянных братьев и сестер.

— Ваших родственников. Моих родственников. — Я попыталась осознать всю глубину ее слов. — Нет, не родственников, а наш народ.

— Для тебя, Тина, родственников. Твои потомки расселились по всем Союзным Мирам.

— Потомки?

— А разве Эльтор тебе ничего не сказал? — удивилась Дехья.

— Нет. А что он должен был мне рассказать?

— Он обнаружил это, когда проверял файлы Джага с информацией о студентах Калтеха. Мы все основательно свери-

ли. В этой вселенной Хизер Джеймс открыла инверсионный двигатель, ничего ранее не зная о нем. Кроме того, нет никакой записи о том, что какой-то второй Эльтор побывал здесь в 1987 году. — Дехья сделала паузу. — Возможно, Рагнар из этой вселенной никогда его не предавал. А может, тот Эльтор погиб, как того и хотелось Рагнару, — в голосе Дайхьянны прозвучала печаль, — а может, там вообще не было никакого Эльтора. Учитывая генетические проблемы у нас с Элдрином, есть все основания полагать, что в других вселенных ребенок просто не выжил. Как бы там ни было, здесь он не появлялся. А ты вышла замуж за человека по имени Хоакин Рохас. Он не был роном, а значит, ваше потомство не унаследовало твоих качеств. Но зато сотни их сейчас живут и здравствуют.

Мы с Джейком поженились? Что ж, звучит вполне правдоподобно. Но разве я могла выйти замуж за кого бы то ни было после того, как узнала Эльтора?

Дехья посмотрела мимо меня. Обернувшись вслед ее взгляду, я увидела в нескольких ярдах от нас Эльтора вместе с отцом. Они о чем-то разговаривали, а затем направились в нашу сторону. Подойдя к нам, Эльтор вопросительно посмотрел на мать.

— Ну как?

— Только, пожалуйста, не смотри на меня так, — сказала Дайхьянна, — я не собираюсь терроризировать твою жену.

— Только попробуй, — в тон ей ответил Эльтор.

Лицо Дайхьянны осветилось нежностью.

— Ты сделал правильный выбор.

Эльтор улыбнулся и протянул мне руку.

— *Bienvenido, 'Akushtina.* Добро пожаловать домой.

Содержание

Инверсия праймери 5
Укротить молнию 331

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д.18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д.132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д.17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Азаро Кэтрин

Инверсия праймери

Укротить молнию

Фантастические романы

Редакторы Е. Барзова, Г. Мурадян («Инверсия праймери»),
О. Скуднев («Укротить молнию»)
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор Е. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Потрясающая космическая опера Кэтрин Азаро — лауреата премии «Небьюла» за лучший роман!

Космические приключения в далеком будущем.
Сколианская Империя сражается за власть в галактике, используя все средс
интриги, подкуп, предательство...
Но самое главное ее оружие Джагернауты — непобедимые элитные отряды эм
тов, для которых нет ничего невозможного.
Как же используют Джагернауты тайну, от которой зависит судьба человечест

«Захватывающие сюжеты.
Завораживающий мир.
Образец СОВРЕМЕННОЙ увлекательной фантастики.
Кэтрин Азаро — сильный писатель!»

«Лок

ISBN 5-17-018795-5
9 785170 187959